РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

3 (25)

Июль–Август–Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2009

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков*,
академик РАН *А.П. Деревянко,* член-корр. РАН *С.П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г.А. Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А. Макаров*,
д.и.н. *Л.П. Маринович*, д.и.н. *Ю.М. Могаричев,*
академик РАН *В.И. Молодин*, д.и.н. *Э.Д. Фролов*

Редакционная коллегия

М.Г. Абрамзон (главный редактор)

В.А.Г аибов, *О.В. Гнэвек*, *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
С.В. Мокроусов (зам. главного редактора),
И.В. Октябрьская (зам. главного редактора),
И.Е. Суриков, *З.М. Уметбаев*, *С.Г. Шулежкова*,
Л.И. Киреева (ответственный секретарь),

Editorial Board:

M.G. Abramzon (Editor-in-Chief),

*V.A. Gaibov, O.V. Gnevek, V.D. Kuznetsov, S.V. Mokrousov, I.V. Oktyabrskaya,
S.G. Shulezhkova, I.E. Surikov, Z.M. Umetbayev.*

Head, Editorial Office L.I. Kireyeva

© Российская академия наук, 2009
© Магнитогорский государственный университет, 2009
© Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» (составитель), 2009

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древний Восток. Рим

© 2009

С.В. Смирнов

СЛОНОВЫЕ КОЛЕСНИЦЫ АНТИОХА IV

В статье представлена попытка объяснить присутствие двух колесниц, запряженных парой и четырьмя слонами при празднованиях в Дафнах в 166 до н.э (Polyb. XXX. 25.11). Автор полагает, что этот эпизод имеет эллинистические корни. Колесница, запряженная слонами, представлена на монетах Селевка, также как на тетрадрахмах, выпущенных в период регентства его сына Антиоха I. Эти колесницы управлялись не Афиной, но самим Селевком, который заимствовал изображение колесницы со слоном со статера Птолемея, где ею управлял Александр Великий. Большой интерес представляет факт, что на монетах Селевка колесницы запряжены двумя и четырьмя слонами. Вообще, слоновая колесница являлась символом власти Селевкидов над Востоком. Автор рассматривает появление слоновых колесниц при празднованиях Дафн как элемент царской пропаганды накануне будущей восточной кампании в 165 до н.э.

Ключевые слова: история древнего мира, эллинизм, Селевкиды, Антиох IV.

В тридцать первой книге своей «Истории» Полибий описывает праздники в Дафне, организованные Антиохом Эпифаном в честь удачных походов в Египет. В качестве одного из центральных элементов своего повествования автор избрал описание торжественного шествия войска, принимавшего участия в этих походах. Полибий скрупулезно перечисляет состав армии Антиоха IV, порядок следования воинских частей в торжественной процессии, количество воинов, их вооружение. Однако помимо привычных для армии Селевкидов фаланги, конницы «друзей» (οἱ Ἑταῖροι ἱππεῖς), агемы (τὸ ἄγημα), мы обнаруживаем здесь, как кажется на первый взгляд, весьма странные и удивительные для армии единицы — 240 пар гладиаторов, пять тысяч юношей цветущего возраста, одетых в кольчуги (ἐν θώραξιν ἀλυσιδωτοῖς) на римский манер, и две колесницы, запряженные четверкой и парой слонов. И если гладиаторов и по-римски вооруженный отряд традиционно называют «подражательством институтам победоносной республики»[1], то слоновые колесницы (ἐλεφάντων

ἅρμα) вызывают у исследователей некоторое затруднение. Чаще всего их принято характеризовать как просто увеселительный элемент этого шествия[2].

Но так ли это на самом деле? Что же такое эти *слоновые колесницы*? Почему они появились на праздниках в Дафне? Выставлялись ли *слоновые колесницы* на потеху публики или заключали в себе какой-то особый смысл?

Безусловно, *biga* и *quadriga* слонов, занятые в шествии — элемент скорее торжественный, чем военный. В целом древние авторы представляли себе *слоновую колесницу* как символ роскоши, которую позволить себе мог далеко не каждый правитель. По своему происхождению *слоновая колесница* была одним из индийских детищ. Так, Страбон свидетельствует, что такие колесницы особо чтились в Индии (XV. 1. 43), а Курций Руф называет *слоновые колесницы* непосредственным атрибутом индийских правителей (VIII. 9. 29).

Однако сюжет *слоновых колесниц* Антиох IV, по всей видимости, заимствован не у индусов, а у своих предков — первых Селевкидов. На монетах Селевка I, а также на соправительских и самых первых монетах Антиоха I мы можем обнаружить *слоновые колесницы*. Так же, как и на праздниках в Дафне этих слонов два и четыре. Рассмотрим эти монеты подробнее.

Одним из наиболее распространенных монетных типов Селевка на востоке была монета с изображением головы Зевса в лавровом венке на аверсе и Афины, управляющей колесницей, запряженной парой или четверкой слонов на реверсе. Начало выпуска этих монет датируется примерно 295/294 гг. до н.э. Таким образом для многих монетных дворов, основанных Селевком, этот монетный тип стал первым в истории их чеканки. К примеру, для Селевкии на Тигре эта монетная серия была одной из первых. Собственно сам монетный тип, условно названный «слоновая колесница», появился в Селевкии на Тигре на серебряных монетах различного веса: тетрадрахмах (SC. 130), драхмах (SC. 131) и на гемидрахмах (SC. 133). После его стали использовать в Сузах (ок. 294 г. до н.э.). Здесь объем выпуска монет данного типа был гораздо меньше, нежели в Селевкии на Тигре, и, тем не менее, составлял значительную часть от общего выпуска монет (SC. 177–179). Далее «слоновые колесницы» устремились еще восточнее, практически на окраины державы Селевка — в Бактрию (290/286 гг. до н.э.). Здесь данный монетный тип занял практически весь выпуск серебра. Монетный двор Бактры, а также двор, отождествляемый А. Хутоном с двором Ай-Ханума, чеканили «слоновые колесницы» на большинстве серебряных монет. По всей видимости, восточная ориентация чеканки данного монетного типа говорит нам о том, что данные монеты должны были циркулировать в Месапотамии, Иране, Бактрии и Согдиане. Монетная эмиссия типа «слоновых колесниц» стала важнейшим событием в экономике Селевкидского государства. По сути это первый отлаженный постоянный выпуск серебряной монеты. Первый непосредственно селевкидский монетный тип «Ника, коронующая трофеи» (SC. 173, 196) не был так распространен и, скорее всего, чеканился на монетах, впоследствии выплачиваемых войску. Выпуск серебряных монет со слоновой колесницей, по всей видимости, санкционировал соправитель Антиох, будущий царь Антиох Сотер. Примерно в 295 г. до н.э. ему было поручено отправиться в Бактрию, где власть Селевка была подорвана восстаниями жителей некоторых оазисов и вторжением кочевников. На всем своем пути от Селевкии

на Тигре через Сузы в Бактрию, Антиох чеканил монеты типа «слоновая колесница». Безусловно, большинство из этих средств шло на содержание войска, но часть их, в отличие от монет с «Никой, коронующей трофеи», видимо предназначалась для обеспечения нужд сатрапий: выплаты чиновникам, плата солдатам гарнизонов и т.д.[3] Анализируя время выхода очередной эмиссии серебра рассматриваемого типа, можно проследить путь движения Антиоха на Восток. Таким образом, выпуск Селевкии на Тигре относится примерно к началу 295 г. до н.э., Суз — 294 г. до н.э., Бактры — 290 г. до н.э., Ай-Ханум — 286 г. до н.э.

Теперь обратимся к самому сюжету *слоновых колесниц*, изображенных на реверсе монет данной серии. Он был заимствован с золотых статеров Птолемея I, но с некоторыми изменениями. Во-первых, вместо Афины у Селевка, колесницей у Птолемея руководил сам Александр, а, во-вторых, отличаются направления движения этих колесниц: у Селевка вправо, у Птолемея влево. Полностью скопировать изображение с монеты Птолемея Селевк не мог, т.к. это было не характерно для эллинистического монетного дела. Оптимальным решением было заменить Александра одним из богов-воителей[4]. Как считал крупнейший исследователь селевкидской нумизматики Э. Бабелон, это изображение, как на монетах Птолемея, так и на монетах Селевка, является воспроизведением сцены торжественного въезда Александра в Вавилон после индийского похода и символизирует, в каком-то смысле, власть над Востоком[5]. Весьма символичен в этом смысле пассаж Афинея, восходящий к Калликсену Родосскому, повествующему о торжествах в Александрии, устроенных Птолемеем Филадельфом: «После прошли процессии, посвященные Зевсу и множеству других богов, но прежде всего — Александру. Его золотую статую, по бокам которой стояли статуи Ники и Афины, везли на колеснице, запряженной живыми слонами» (V. 34).

Безусловно, изображение слонов на монетах Селевка I символизировало два идеологически и политически важных события: индийский поход Селевка I и битву при Ипсе (301 г до н.э.), где слоны сыграли во многом решающую роль. В целом, для первых Селевкидов «слон» и «слоновая колесница» — это символы могущества, использовавшийся в царской пропаганде[6]. Символически именно слоны, отправленные в качестве дара Селевку Чандрогуптой (Strabo. XV. 2. 9), сыграли ключевую роль в битве при Ипсе, собственно после которой можно считать государство Селевкидов самостоятельным. Таким образом, *слон* для первых Селевкидов в каком-то смысле символ государственности. Интересно заметить, что и древние авторы подмечали эту роль слонов в войске Селевка. Так, Плутарх воспроизводит один из рассказов о Деметрии Полиоркете, где во время пира Селевка называли «начальником слонов» (Plut. *Dem*. 25). Однако божества, изображенные на этих монетах, не являются династическими селевкидскими, но скорее присущи Александру. Весь сюжет как аверса, так и реверса данных монет Селевка связан с образом Александра. Зевс Никефор и Афина Промахос — были одними из самых почитаемых Александром божеств[7]. Безусловно, божество на слоновой колеснице во многом ассоциируется с Дионисом. Слон как символ Диониса, покорителя Индии, был воспринят и Александром, ведь в своем восточном походе он следовал повторяя путь божества (Arr. *Anab*. V. 4). Таким образом, монетный тип слоновых колесниц дает нам некую квинтэссенцию символов Александра и Селевка. Первая монетная се-

рия, выпущенная еще в 300 г. до н.э. (сразу после победы при Ипсе), имела иной монетный тип «Ника, коронующая трофеи». Однако на аверсе этих монет была изображена голова некоего героя — скорее всего идеализированный образ с чертами Селевка, Диониса и Александра, а на реверсе Ника, еще одно божество Александра[8]. Таким образом, Селевк, планируя свою монетную политику, не спешил далеко уходить от монет Александровского типа.

Необходимо заметить, что данный монетный тип является одним из первых непосредственно селевкидских. До того Селевк использовал различные монетные типы Александра. К примеру весьма распространенный тип с изображением на аверсе Александра в образе Геракла и Зевса Никефора на Реверсе (SC. 36, 41, 50, 94), а также тип с Афиной Промахос и Никой (SC. 86, 93). С 295 г. до н.э. ситуация меняется. Имя Селевка окончательно вытесняет имя Александра с монет всех типов, а также появляется новая монетная серия с типом «слоновой колесницы». Появление этой серии, со своеобразным символом «власти над Востоком», характерно только для восточных монетных дворов (Сузы, Селевкия на Тигре, Бактра, Ай-Ханум). Как и первый селевкидский монетный тип «Ника, коронующая трофеи», отчеканенный на восточных монетных дворах после индийского похода Селевка и провозглашения его царем (305/304 гг. до н.э.), тип «слоновая колесница» практически не имел непосредственно селевкидских символов[9]. На аверсе монет типа «Ника, демонстрирующая трофеи» был помещен идеалистический портрет героя с чертами Александра, Диониса и Селевка, на реверсе, как уже говорилось, Ника — одно из божеств Александра. Второй монетный тип также являет собой смесь символов и божеств. По всей видимости данная монетная политика связана с пропагандой царской власти Селевка I. Как видно, Селевк не убрал с монеты божеств-покровителей Александра, осторожничал с легендой. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ появляется в 304 г до н.э. год провозглашения Селевка царем, хотя продолжается выпуск монет Александровского типа с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ[10]. Связывание легитимности власти с образом Александра — характерное для всех диадохов явление. Первый монетный тип с «самостоятельным» селевкидским сюжетом — «Аполлон, сидящий на омфале», будет выпущен уже после смерти Селевка I в 280 г. до н.э. Антиохом I и прочно закрепится на селевкидских реверсах вплоть до 173 г. до н.э., когда Антиох IV поменяет его на характерный для монет Александра символ — «Зевса Никефора».

Естественно, что для Селевка равно, как и впоследствии для Антиоха, данный монетный реверс имел огромное значение. Заимствование старых селевкидских символов Антиохом IV мы можем наблюдать повсеместно. Так, к примеру, царем вновь был использован старый селевкидский символ «якорь», его чеканили на золоте, награбленном в Египте. В 173 году царь Антиох произвел своего рода монетную революцию, поместив на реверс своих монет Зевса Никефора, точно такого же, какой был на монетах Александра. Все эти действия, безусловно, формировали собой определенную линию царской пропаганды. Однако чтобы понять ее назначение и смысл, необходимо обратиться к историческому контексту.

В 170–168 гг. до н.э. Антиох совершил два египетских похода, которые завершились фактической победой над Египтом и дипломатическим поражением

от Рима. Однако царь безусловно чувствовал себя победителем. Он принял эпитет *Niceforos* организовал празднества в честь своей победы. В это же время Антиох заново восстанавливает старый македонский культ Зевса Никефора, Зевса-воителя, который изображался на монетах основателя династии Селевка I как победитель, чью голову украшал лавровый венок. Всеми своими поступками Антиох IV решительно желал быть похожим как на Селевка I, так и на самого Александра, всячески пытаясь связать свою власть с этими правителями, даже посредством *слоновых колесниц*. Ведь Антиох понимал, что его положение на троне было более чем шатким. В 175 г. до н.э. он стал царем при поддержке Рима и Пергама, в 170 г. до н.э. устранил сына и наследника Селевка IV Антиоха «мальчика», в такой ситуации ему было крайне необходимо утвердить свой авторитет среди жителей столицы государства Антиохии на Оронте, в рядах армии, а также при дворе. Все это отягощало еще и то обстоятельство, что в Риме, на правах заложника содержался законный наследник селевкидского престола, старший сын Селевка IV Деметрий. В такой обстановке для Антиоха было крайне важным расположить к себе не только совет полководцев и двор, но также и жителей столицы — Антиохи на Оронте. Античные авторы передают нам примеры этой демонстративной расточительной щедрости, которую демонстрирует Антиох Эпифан. К тому же царь Антиох разворачивает небывалое строительство в столице. По объему построек, оно сопоставимо лишь со стройкой города Селевком I.

Таким образом, *слоновые колесницы*, представленные Антиохом IV на праздниках в Дафне, не были просто увеселительным элементом, но частью продуманной пропаганды царской власти, проводимой Антиохом IV практически на протяжении всего его царства. Слоновые колесницы как символ власти над Востоком, восходящий еще к Александру Македонскому и Селевку Никатору, как бы подтверждали преемственность власти Антиоха IV. Очень символично еще и то, что слоновые колесницы и отдельно идущие слоны замыкали торжественное шествие, как бы показывая следующее направление политики Антиоха — Восток. Как видно не получив достаточно средств для содержания своего войска и в первую очередь φίλοι в Египте, а также потратив огромные деньги на организацию торжеств в Дафне, Антиох был вынужден обратиться на Восток. Предстоящий Восточный поход, который начался в 165 г. до н.э., имел две цели. Во-первых, экономическую, пополнение казны средствами (нужно отметить, что такая практика была традиционной для Селевкидов). Во-вторых, идеологическую — важнейший институт власти на Востоке — «Восточные походы», проводимые почти всеми Селевкидами, не велись уже около 40 лет. Сам по себе этот институт восходил еще к Александру и Селевку, что также было весьма выгодно для Антиоха. Однако эта затея «Восточного похода» не принесла долгожданного успеха. Во время похода за Евфрат царь был убит, а держава Селевкидов навсегда потеряла свое прежнее могущество. Власть же перешла малолетнему сыну Антиоха IV Антиоху V, которого впоследствии свергнет Деметрий, сын Селевка IV.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О гладиаторах Антиоха IV ср. Liv. XLI. 20. 11. Отметим, что в данной работе мы не рассматриваем мнение Н. Секунды о романизации армии Антиоха IV (*Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. Vol. 1. The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Stockport, 1994.), т.к. эта точка зрения является не вполне доказанной.
2. Даже крупнейший исследователь армии Селевкидов Б. Бар-Кохба не дал объяснения появлению слоновых колесниц. *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976. P. 84. В целом крупнейшие исследователи государства Селевкидов периода правления Антиоха IV не уделяли и не уделяют особого внимания слоновым колесницам Дафны. См. *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1963; *idem.* Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966; *Bunge J.G.* "Theos Epiphanes". Zu den ersten fünf Regierungsjahren Antiochos' IV. Epiphanes // Historia. 1974. 1. S. 57–85; *idem.* Die Feiern Antiochos IV. Epiphanes in Daphne im Herbst 166 v. Chr. // Chiron. 1976. S. 53–71; *Mittag P.* Antiochos IV. Epiphanes. Eine politische Biographie. Berlin, 2006.
3. Подробнее об экономической политике Антиоха соправителя см. *Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. Cambr., 2004. P. 293–294.
4. По мнению К. Дамена, Селевк мог заимствовать изображение Александра, будучи в Египте (316–312 гг. до н.э.), однако изображение Александра в скальпе слона (SC 183, 219) было перенято не у Птолемея (*Dahmen K.* The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins. NY., 2007. P. 15). И все же заимствование Селевком слоновых колесниц с монет Птолемея очевидно.
5. *Babelon E.* Catalogue des monnais grecques de la Biblothèque Nationale. Les rois de Syrie d'Arménie et de Commagène. P., 1890. P. XVIII.
6. ESM. P. 38; *Hadley R.A.* Royal Propaganda of Seleukos and Lysimachos // JHS. 1974. 94. P. 50–65. Так же см. *Maitz F.* Der Gott auf dem Elefantenwagen // Verlag der Akademie des Wissenschaften und Literatur in Mainz. Mainz, 1952. S. 718–763.
7. См. *Stewart A.F.* Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics. Berkley–Los Angeles, 1993. P. 259–260.
8. *Hadley R.A.* Seleucus, Dionysos or Alexander? // NC. 1974. P. 9–13.
9. Исключение здесь составляет изображение якоря — своеобразного символа новой династии.
10. *Stewart.* Op. cit. P. 313–318.

THE ELEPHANT CHARIOTS OF ANTIOCHUS IV

S.V. Smirnov

The paper is an attempt to explain the presence of two chariots with a pair and four elephants in harness at the Daphne celebrations in 166 BC (Polyb. XXX. 25.11.). We consider this episode as being deeply Hellenistic rooted. The elephant chariots are shown on coins of Seleucus I as well as on tetradrachms issued during the co-regency of his son Antiochus I. These chariots were driven by Athena, but Seleucus I himself borrowed the image of elephant chariot from staters of Ptolemy I where they were driven by Alexander the Great. The fact of great importance and interest is that the chariots on Seleucus' coins were depicted as harnessed by two and four elephants. The elephant chariot is a symbol of Seleucids power over the

East. So, we consider its appearance at the Daphne celebrations as an element of royal propaganda on the threshold of future eastern campaign started in 165 BC.

Keywords: ancient history, Hellenism, Seleucids, Antiochus IV.

© 2009

А.Н. Жаровская

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ МАРКА ЮНИЯ БРУТА НА МОНЕТАХ ЕГО ЧЕКАНКИ

Данная статья посвящена отражению политических идеалов Марка Юния Брута на монетах его чеканки. Рассматриваются монеты, выпущенные Брутом во время членства в коллегии tresviri monetales, и периода гражданской войны между республиканцами и триумвирами. Нумизматические источники ярко свидетельствуют о стремлении Брута подчеркнуть правильность своей политической линии. С этой целью он изображал на монетах образы великих предков, символику Свободы, Виктории.

Ключевые слова: Марк Юний Брут, политические идеалы, республиканцы, триумвиры, нумизматика.

Марк Юний Брут принадлежал к римской аристократической элите конца Республики. Для характеристики этого политического лидера имеется достаточно объемный и разнообразный круг нарративных источников, ценным дополнением к которым являются нумизматические данные. Брут дважды в своей биографии занимался чеканкой монет: во время того, когда входил в коллегию tresviri monetales[1], и в период гражданской войны республиканцев и триумвиров. Интервал между его чеканками составлял немногим более десяти лет.

Информационная наполненность монет Брута времен гражданской войны с триумвирами детально проанализирована в отечественной науке[2]. Более ранние образцы монет этого политика не так привлекают внимание исследователей. Однако они важны для оценки взглядов молодого и амбициозного аристократа.

Cursus honorum Брута строился в соответствие со ступенчатостью и очередностью системы римских магистратур. У античных авторов нет однозначных сведений по данному периоду биографии. Исследователи реконструируют cursus honorum, начиная с младших магистратур[3]. Для нас наибольший интерес представляет то, что Брут, вероятно, был одним из трех монитариев, а следовательно, чеканил монеты. Благодаря легенде «BRVTVS» эти монеты можно соотнести с Марком Юнием Брутом. По датировке М. Кроуфорда, которой доверяют многие известные ученые, и в их числе М. Деттенхофер[4], выпуск монет от-

Рис. 1. Денарий Марка Юния Брута. 54 г. до н.э.

Рис. 2. Денарий Марка Юния Брута. 54 г. до н.э.

Рис. 3. Денарий Марка Юния Брута. 43-42 гг. до н.э.

носится к 54 году до н.э[5]. Д. Ваги также соотносит чеканку с 54 годом до н.э[6].

Членство в коллегии монетчиков было одним из начальных звеньев в карьере политика. Эта должность представляла интерес для многих молодых аристократов, так как давала возможность политической пропаганды, предоставляя удобный случай подчеркнуть свою причастность к выдающемуся роду и лишний раз напомнить обществу о заслугах своих предков. На двух монетах чеканки Брута был изображен полулегендарный консул Луций Юний Брут. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский писали об участии Луция Юния Брута в деле свержения правящей династии (*Liv.* I. 56–60; *Dionys.* IV. 66–85; V. 1–18). На одной из монет стояло изображение Libertas и первого консула в окружении ликторов с фасками, присутствие которых свидетельствовало о том, что Луций Брут принадлежал к высшим магистратам (рис. 1). На другой монете был представлен Сервилий Ахала, предок Марка Брута по линии матери Сервилии, еще один известный защитник республиканской формы правления[7] (рис. 2). Использование образов полулегендарных предков на монетах свидетельствует о стремлении Брута заявить о себе как об амбициозном представителе славного рода римской аристократии.

Необходимо отметить, что некоторые современники Марка Брута сомневались в его кровном родстве с легендарным консулом Луцием Юнием Брутом, который, умертвив сыновей, не оставил потомков (*Plut.* Brut. 1; *Dionys.* V. 18). Нас, в данном случае, в первую очередь интересует, какое влияние оказало то, что Марк Юний считал себя потомком одного из основателей Республики. Харриет Фловер справедливо замечает, что Марк Брут являлся наглядным примером того, насколько память о выдающихся предках и связанные с этим семейные установки влияли на cursus honorum и политические пристрастия римского аристократа[8].

Изображения на монетах не только напоминали о великих предках Брута, они обозначили его политическую позицию. В середине 50-х годов наметились тенденции к увеличению власти Помпея. К. Мейер и другие ученые трактуют чеканки Брута как очевидную угрозу Помпею[9]. М. Кроуфорд также не подвергает сомнению, что монеты Брута были направлены против единоличной власти Помпея[10]. Примеры первого консула и Ахалы должны были напомнить о том, как относились к единоличной власти свободолюбивые предки. Чеканку монет в данном случае можно рассматривать как успешную политическую пропаганду. Брут, используя примеры предков, напоминал о защитниках республиканской формы правления. Это готовило общественное мнение к отрицанию амбициозных устремлений отдельных политиков. На этих монетах в символической форме содержался призыв римлян к свободе. С другой стороны – данный политик, будучи младшим магистратом, заблаговременно заботился о своем авторитете и желал заявить о серьезности своих намерений надолго закрепиться на политическом Олимпе.

Спустя более десяти лет, в разгар гражданской войны между Брутом и Кассием с одной стороны, и триумвирами – с другой, данный политик также занимался чеканкой монет (43-42 гг. до н.э.). Идейное размежевание римского общества усугублялось настойчивой политической пропагандой. Лозунги республиканцев о восстановлении свободы в государстве, обращенные к

традиционным римским ценностям, оказались весьма действенными[11]. Особо важное значение придавалось политической пропаганде среди армейских кругов. Она, как правило, становилась приоритетным направлением общественной деятельности в период гражданских войн.

Политическая пропаганда республиканцев посредством выпуска монет с определенным содержанием была направлена, как нам представляется, в первую очередь, на армейские круги. М.Г. Абрамзон условно объединил в одну группу монеты лидеров армий времен гражданских войн[12]. Критерием объединения является сходство содержания монетных легенд, отражавших актуальные проблемы политической программы.

Если обратиться к содержанию изображений на монетах, то необходимо отметить, что Брут чеканил свой портрет подобно тому, как чеканили свое изображение Цезарь и триумвиры. На чеканках присутствовали имена Брута и Кассия. Однако портрет Марка Брута встречается довольно редко (всего 3 монеты содержат портретное изображение данного политика, это меньше четверти всех его чеканок времен гражданской войны). Брут предпочитал делать упор на разнообразную символику, которая помогала четко иллюстрировать его политическую линию. Образ Луция Брута присутствует и на одной из монет 42 г. до н.э. Свой портрет Марк Юний Брут поместил на ее реверсе. И опять, появление на чеканках полулегендарного основателя Республики вызвано не только гордостью Брута своим происхождением. Образ Луция Брута являлся символом свободы. Марк Юний в сознании римлян хотел оживить память о событии, связанном с изгнанием Тарквиниев первым консулом Брутом.

Иды марта были переломным моментом в жизни Марк Брута. Была выпущена монета с целью увековечить память об этом событии и, в то же время, заявить о том, что убийство было совершено во имя республиканских идеалов (рис. 3). Д. Ваги пишет, ссылаясь на мнение ряда нумизматов, что это была она из самых запоминающихся и интересных римских монет[13]. На денариях Брута была надпись «свобода» (libertas), сопровождаемая ее символами, шапкой свободы (фригийским колпаком) между двумя кинжалами[14].

Данные символы появилась на монетах не случайно. После убийства Цезаря ситуация в сенате, а потом и во всем Риме, вышла из-под контроля республиканцев. Марку Бруту и другим ярким ораторам не представлялось возможным прояснить свою позицию перед народом и объявить об убийстве тирана, обосновав свои действия с точки зрения защиты республиканских устоев. К тому же, покинуть сенат им надлежало не как убийцам, тайно и бесславно ускользающим с места расправы над жертвой, а как борцам за идеалы предков. Заговорщики, обернув свои плащи, как щиты, на левую руку, с мечами, еще хранившими следы крови Цезаря, бежали по Риму с криками, что убили царя и тирана. Войлочная шляпа на копье символизировала свободу (*Plut.* Brut. 18; *Vell. Pat.* II. 58). Таким образом, фригийский колпак и кинжалы, сопровождаемые надписью «EID.MAR», являясь прославлением событий, связанных с заговором против тирана.

На ряде монет этого политика присутствует надпись «libertas». Если обратиться к анализу ее смысла, то необходимо упомянуть, что понятие «свобода» занимало особое место в системе римских ценностей. По справедливому заме-

чанию М.Г. Абрамзона, libertas связано с понятиями evocatio и fides[15]. Эти термины являются неотъемлемыми характеристиками римского гражданина[16]. Libertas фигурирует и на денариях Гая Кассия. А.А. Павлов обращается к анализу употребления термина libertas у Цицерона – современника Брута[17]. Для нас особенно ценным является наблюдение исследователя о том, что основная масса писем, в которых упоминается данное понятие, относится к 44-43 гг. до н.э., ко времени, когда Цицерон выступает с речами против Антония[18]. Тогда же Брут начинает широко использовать монетную легенду «libertas» и символику Свободы. Следовательно, применительно к периоду гражданской войны после смерти Цезаря, libertas выступает как конкурентное преимущество лагеря республиканцев; в полемике с Антонием и Октавианом данное понятие приобретало особую остроту и значимость.

Довольно часто на чеканках Брута встречается религиозная символика и изображения божеств. Л. Моравески рассматривает монеты того времени как свидетельства усиленной политической пропаганды республиканцев и триумвиров и подвергает анализу содержание монетных легенд. Исследователь обращается к вопросу о целях, которые преследовали политики, используя сакральные предметы на монетах. Религиозная символика, по замечанию Л. Моравески, является составным элементом политической пропаганды. Изображение предметов культа на монетах использовалось для того, чтобы подчеркнуть правильность линии определенного политического деятеля[19].

Для республиканцев религиозная символика была весьма важной частью пропаганды. Военные лидеры, и Марк Брут в том числе, совершали ауспиции перед боем. Полководец, следовательно, выступал как исполнитель воли богов, что повышало его авторитет в армейской среде. Поэтому на монетах Брута встречается, к примеру, simpulum (ковш для жертвенных возлияний)[20].

На монетах чеканки данного политика присутствуют изображения Аполлона и Артемиды. У Плутарха мы встречаем упоминание об особо уважительном отношении Брута к богу Аполлону (*Plut.* Brut. 24). По сведениям биографа, Марк Юний во время своего празднества в Афинах читал стихи в честь этого бога. Он использовал пароль «Аполлон» для защиты лагеря в битве при Филиппах. Аполлону сопутствовали определенные атрибуты, среди которых была тренога как символ прорицания. Она присутствует на изображении вместе с ковшом для жертвенных возлияний, что свидетельствует о стремлении Брута сделать акцент на том, что он выполнял волю богов.

Образ Виктории и лаврового венка отражал надежды республиканцев на победу в гражданской войне. До решающего сражения Брут и Кассий провели ряд удачных военных операции и умело пользовались дипломатией. Веллей Патеркул отмечал, описывая военную компанию республиканцев, что «трудно разобраться кому больше, чем им, сопутствовала фортуна и кого она, как бы утомившись, покинула быстрее, чем Брута и Кассия» (*Vell. Pat.* II. 69. 6)[21]. Эти политики выпустили даже несколько монет в честь захвата острова Родос и Кос[22]. Необходимо отметить, что данные военные операции предопределили неоднозначное отношение к Бруту и Кассию последующих поколений римлян. И действительно, разграбление захваченных городов республиканцами было одним из значительных пятен на безупречной репутации Брута. Павел Орозий с осуж-

дением писал о жестоких действиях Брута и Кассия на Востоке (*Oros.* VI. 18. 13). Однако, менталитет римского аристократа допускал грабительское отношение к провинциям.

На ряде монет Виктория изображалась со сломанным скипетром. Таким образом отражались надежды республиканцев на победу над единоличной властью. В одном из высказываний Кассия, переданных Плутархом, содержится мысль об открытой неприязни республиканцев к титулу вауйлеат (*Plut.* Brut. 30).

На одной из монет данного периода изображение Марка Брута присутствует вместе с Сервилием Каской (CASCA LONGVS), который первым отважился нанести ранение Цезарю[23]. Рядом был помещен трезубец – символ бога Нептуна[24].

На наш взгляд, нумизматические источники ярко иллюстрируют стремление Брута подчеркнуть правильность своей политической линии, ссылаясь на примеры его предков. Он апеллировал к заслугам представителей рода, чтобы заявить о себе как об убежденном борце с тиранией. Свой политический вес он приобрел путем создания образа гражданина, преданного республиканским ценностям. Идентичность тематики на монетах, относящихся к началу и окончанию политического пути Брута, свидетельствуют о постоянстве его позиции, о том что он сохранил верность идеалам молодости.

Чтобы укрепиться на политическом Олимпе и претендовать на высшие магистратуры, Брут еще в довольно молодом возрасте занялся формированием образа политического лидера, неотъемлемым элементом которого было прославление идеи Республики. Более того, Брут подчеркивал, что неприязнь к единоличной власти перешла к нему как бы по наследству. Мы не разделяем взгляд А. Альфлльди на данного политика как на карьериста, личность непримечательную, безыдейную, сохранившую притворную романтическую тоску по Республике времен полулегендарных предков[25]. Разумеется, образ Брута как лидера отчасти возник благодаря политическому расчету, направленному на то, что бы сделать фигуру данного общественного деятеля узнаваемой, отличавшейся от других политиков-конкурентов. Но образ не был искусственным, он соответствовал внутренним убеждениям этого политика. По мнению окружения Брута, в том числе и его оппонентов, таких как Марк Антоний, это был искренний человек, старавшийся соответствовать mores maiorum во всех сферах жизни (*Plut.* Brut. 49). Политическую пропаганду в данном случае можно рассматривать как отражение политических идеалов Брута.

Монеты Брута времен гражданской войны имеют много общего с военными чеканками этого периода. Однако они выделяются среди других чеканок. Брут помещал на монетах свое изображение реже, чем это делали Антоний и Октавиан. Формальное утверждение Второго Триумвирата (ноябрь 43 года до н.э.) сопровождалось выпуском монет с портретами его участников. Этим подчеркивалась независимость триумвиров от сената. Октавиан, желая сделать акцент на родственной связи с Цезарем, выпускал свои монеты с портретом Гая Юлия и надписью «диктатор». Изображения божеств также присутствуют на чеканках триумвиров. К примеру, известен образ Марса Мстителя, появившийся на монетах Октавиана времен парфянской войны. Изображение этого божества имеет определенное символическое значение в контексте противоборства с респуб-

ликанцами. Октавиан подчеркивал, что готов отомстить за убийство диктатора. Монеты Марка Юния особенно насыщены разнообразной символикой, призванной прославить идею Республики, во имя которой было совершено убийство ид марта 44 года до н.э. С целью этого прославления на монетах изображались портреты знаменитых предков – борцов с тиранией, Libertes, символы, вошедшие в обиход после убийства Цезаря (кинжалы и фригийский колпак). Таким образом, на чеканках ярко просматривается полемика республиканцев и триумвиров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о коллегии tresviri monetales см.: *Телин А. Е.* Коллегия tresviri monetales в системе государственного управления античного Рима // Государство. Общество. Религия. Проблемы всемирной истории. Ярославль, 2007. С. 38–47.
2. См., например: *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. В зарубежной науке монетам Брута времен членства в коллегии монетчиков также не всегда уделяется достаточно внимания. К примеру, в известном труде М. Диллона и Л. Гарланд «Древний Рим: От ранней Республики до убийства Цезаря» анализируются монеты Марка Брута времен гражданской войны с триумвирами. Более ранние его чеканки упоминаются лишь вскользь (*Dillon M., Garland L.* Ancient Rome: From the Early Republic to the Assassination of Julius Caesar. London; New York, 2005. P. 674-675).
3. См.: *Dettenhofer M.H.* Perdita Iuventus: Zwischen den Generation von Caesar und Augustus. München, 1992. S. 103–105.
4. *Ibid.* S. 103.
5. *Crawford M.H.* Roman Republican Coinage. Vol. 2. Cambridge, 1974. P. 455.
6. *Vagi D.L.* Coinage and History of the Roman Empire. Vol. 1. Chicago, 2000. P. 56.
7. *Crawford.* Op. cit. P. 455; *Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004. P. 86, 90.
8. *Flower H.J.* Ancestor Mask and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford, 1996. P. 88.
9. *Meier Ch.* Caesar. Berlin, 1982. S. 356; *Evans J.D.* The Art of Persuasion: Political Propaganda from Aeneas to Brutus. Michigan, 1992. P. 146.
10. *Crawford.* Op. cit. P. 445 .
11. *Ахиев С.Н.* Политическая пропаганда времени второй гражданской войны в Риме (49–30 гг. до н.э.): автореф. дис.... канд. ист. наук. Саратов, 2001. С. 14.
12. *Абрамзон.* Ук. соч. С. 115.
13. *Vagi.* Op. cit. P. 59.
14. *Bleicken J.* Augustus. Eine Biographie. Berlin, 1998. S. 13.
15. *Абрамзон.* Ук. соч. С. 115.
16. К примеру, известна работа Г. Фрейбургера, посвященная семантическому, этимологическому анализу латинского термина «fides» и других сходных понятий, применению в различных сферах римской социальной, религиозной и культурной жизни (*Freyburger G.* Fides: étude sémantique et réligieuse depuis les origines jusqu`a l'époque augustéenne. Paris, 1986) .
17. *Павлов А.А.* Libertas у Цицерона: замечания к статистике и семантике понятия // Вестник Сыктывкарского университета. Вып. 4. Сыктывкар, 2003. С. 31-41.
18. Там же. С. 35.
19. *Moraweski L.* Political Propaganda in the Coinage of the Late Roman Republic (44–43 BC). Wroclaw, 1983. S. 13.

20. *Crawford*. Op. cit. P. 515.
21. Использоваться перевод А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой.
22. *Crawford*. Op. cit. P. 516. На этой группе монет было изображение *aplustre* как символа свободы (изогнутая и разукрашенная часть корабельной кормы).
23. *Vagi*. Op. cit. Vol. 2. P. 198.
24. Об использовании образа Нептуна на монетах см.: *Абрамзон*. Ук. соч. С. 281-283.
25. *Alföldi A.* Caesar in 44 v. Chv. Bd.1: Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln. Bonn, 1985. S. 53.

REFLECTION OF POLITICAL IDEALS OF MARCUS JUNIUS BRUTUS IN HIS COINAGE

A.N. Zharovskaja

The article is devoted to reflection of Marcus Junius Brutus' political ideals in his coinage. There have been examined the coins which were struck by Brutus during his membership in the board of tresviri monetales and during the period of the civil war between republicans and triumvirs. Numismatic sources testify straight to Brutus' aspiration to emphasize the accuracy of his policy. With this purpose he represented on his coins images of the great ancestors and symbols of Freedom and Victory.

Keywords: Marcus Junius Brutus, Republicans, triumvirs, numismatic sources.

© 2009

Е.С. Данилов

РИМСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА: SPECULATORES

В статье содержится анализ основных направлений дятельности римских военных разведчиков — speculatores. Показано, что speculatores использовались для получения информации, очень схожей с той, что обычно собирали конные воины передовых отрядов — exploratores. Также утверждается, что speculatores, вероятно, чаще эксплораторов направлялись командованием для действий в темное время суток и поиска секретных убежищ противника. В течение II в. н.э. спекуляторы, задействованные также в качестве политических шпионов, постепенно вытеснялись службой фрументариев (frumentarii). Но само выражение "speculator", видимо, осталось для характеристики секретного осведомителя и, отчасти, вражеского лазутчика.

Ключевые слова: Рим, военная разведка, спекуляторы.

Римская армия была профессиональной организацией с обширной специализацией в среде легионеров[1]. Разделение полномочий существовало и в таком

деле, как разведка. Помимо exploratores[2], мы имеем данные о подразделении спекуляторов. Информацию к размышлению дает анализ «Ab urbe condita» Тита Ливия. Из 14 упоминаний слова «speculator» Ливием — два имеют отношение к карфагенским лазутчикам (XXII. 33. 1; XXVII. 27. 3), четыре к римским разведчикам (XXVIII. 1. 9, 2. 1; XXX. 4. 3, 4. 6), пять к римской морской разведке (XXII. 19. 5; XXVII. 5. 1; XXX. 10. 14; XXXV. 26. 9; XXXVI. 42. 8), одно к македонцу, посланному подслушивать на пир Деметрия (XL. 7. 4-7), одно характеризует деятельность царя Эвмена по информированию римлян о планах Персея (XLII. 13. 1) и еще одно связано с лекарем Стратием, следящим за Атталом в Риме (XLV. 19. 8). В чем же конкретно состояли обязанности спекуляторов?

Судя по сообщению Цезаря, римские *speculatores* действовали в ночных условиях, чтобы предупредить о смене вражеской диспозиции[3] (*Caes.* B. G. II. 11). Для этого они, вероятно, должны были обладать определенными навыками. Во-первых, иметь хорошее зрение. Во-вторых, бесшумно передвигаться, так как ночью далеко слышны звуки (*App.* Hann. 15). В-третьих, уметь ориентироваться по звездам. Впрочем, исходя из убеждений Полибия и Онасандра, основы астрономии должен был знать любой военный (*Polyb.* IX. 15; *Onasand.* XXXIX. 1-3). Валерий Максим замечает, что легатом при Луции Павле во время войны против Персея служил астролог Квинт Сульпиций Галл (VIII. 11. 1). Если же обратить внимание на сами небесные светила, то окажется, что созвездие Ориона римляне иногда сравнивали с перевязью меча; созвездие Близнецов ассоциировалось с Кастором и Поллуксом, покровителями в битве; созвездие же Стрельца говорит само за себя (*Isidor.* Etymol. III. 71. 11, 25, 30). На наш взгляд, данные моменты образного соотношения созвездий с мифологическими сюжетами могли легко восприниматься и использоваться в практических целях представителями римских военных кругов, в том числе и спекуляторами при ночной разведке (*Nonn. Panopol.* Dionys. I. 224-258).

Ливий, на примере карфагенского лазутчика, показывает, что использование личины было существенным для успеха разведки (*Liv.* XXII. 33. 1). Если мы примем это как характерную черту деятельности speculatores, тогда одно из событий Испанской войны вполне ему соответствует — шпион из второго легиона Помпея Младшего был пойман и убит отрядом Цезаря (*Ps.-Caes.* B. Hisp. 13); и вскоре после этого инцидента четыре спекулятора, три раба и воин-туземец, были пойманы и казнены (*Ps.-Caes.* B. Hisp. 20). Одна из часто используемых личин (прикрытий) — это облик дезертира или беженца[4]. С. Г. Сердюкова обратила внимание на то, что такой личиной могло быть лицо, уже знакомое врагу[5]. Цезарь сообщает, что он послал в лагерь к Ариовисту Г. Валерия Прокилла, который знал галльский язык, и М. Меттия, связанного с вождем восставших узами гостеприимства (*Caes.* B. G. I. 47). Другой пример - переговоры Сципиона Африканского с Сифаком зимой 204-203 гг. до н.э. были умышленно затянуты, чтобы дать группе опытных воинов, переодетых рабами, возможность следить за состоянием дел и особенностями лагеря нумидийцев (*Polyb.* XIV. 1; *Liv.* XXX. 4. 1-3).

Широкие возможности для применения спекуляторов создала обстановка гражданской войны между Цезарем и Помпеем[6]. Хорошо известна их деятельность в качестве курьеров при Цезаре (*Ps.-Caes.* B. Afr. 31). Марк Антоний чека-

нил специальные денарии для когорты преторианцев и когорты speculatorum. Монеты с легендой CHORTIS SPECVLATORVM отличались изображением трёх штандартов украшенных двумя венками и моделью галеры[7]. При Августе каждый легион включал по 10 спекуляторов (CIL. III. 4452), действующих в контакте с регулярной пехотой, вспомогательными отрядами и эксплораторами[8].

В период принципата speculatores приобрели еще более разнообразные функции. Их услугами пользовался Калигула при отправке своих эдиктов (*Suet.* Calig. 44. 2)[9]. Благодаря спекуляторам Вителлий узнал, что восточные армии признали его власть[10].

Элиту преторианской кавалерии в I в. н. э. составляли так называемые speculatores Augusti, служившие в качестве личных телохранителей императора (CIL. III. 5223, VI. 2755; AE. 1969/70)[11]. Видимо, разведка (speculatio) требовала столь подготовленных людей, что разведывательные подразделения римской армии использовались и как телохранители полководцев[12]. Отделение спекуляторов в 300 единиц базировалось в Castra Peregrinorum[13]. Ими командовал соответственно trecenarius и его заместитель — princeps castrorum[14]. Они состояли в личной охране принцепса, начиная с Августа (*Suet.* Aug. 74)[15]. Клавдий, Отон и Тит постоянно пользовались услугами спекуляторов в качестве сопровождения (*Suet.* Claud. 35.1; *Tac.* Hist. II. 11; *Joseph.* B.J. III. 6. 2). Вероятно, именно в окружении спекуляторов принцепс Тит производил рекогносцировку в окрестностях Иерусалима (*Joseph.* B.J. V. 2. 1).

Благодаря Тациту мы знаем имена некоторых из телохранителей и их полномочия. Одним из первых шагов Отона на пути к императорской власти стал подкуп именно спекуляторов[16]. Телохранителя Кокцея Прокула он привлек к себе, тайно подарив участок земли (Hist. I. 24). Другой преторианец, Юлий Аттик, сообщил Гальбе о мнимой смерти Отона, показывая принцепсу окровавленный меч, что указывает на некоторое своеволие и особое положение спекуляторов (Hist. I. 35). Телохранитель Стаций Мурк, также переметнувшийся на сторону Отона, по приказу последнего участвовал в убийстве Кальпурния Пизона, приемного сына Гальбы (Hist. I. 43). Интересное замечание к этой цепочке свидетельств добавляет Светоний: «когда он [Гальба] выходил из коляски, телохранитель под напором толпы чуть не ранил его копьем» (Galb. 18. 1. Пер. М.Л. Гаспарова). Данный эпизод выглядит как случайность, но это могло быть и замаскированным покушением. При Траяне функции императорского эскорта перешли от преторианских speculatores к hastiliarii из числа equites singulares Augusti (CIL. VI. 715, 3176, 3177, 3239, 31147, 31187)[17].

Со временем спекуляторы обрели мрачную репутацию убийц и палачей[18]. Рим всегда испытывал нужду в отрядах специального назначения, и использование преторианцев[19] в выполнении разного рода невоенных поручений казалось оправданным (*Sen.* Oct. 437-439). Функции спекуляторов по доставке корреспонденции и выполнению различных поручений на службе у влиятельных государственных деятелей[20] способствовали тому, что они постепенно входили в курс дворцовых интриг[21]. Властьимущие использовали спекуляторов в качестве политических шпионов[22], убийц и знатоков пыток[23]. Исключительная полезность и незаметность спекуляторов в подобных делах стала оправданием их

существования. Прямых свидетельств нет, но, видимо, именно они стояли за убийствами Агриппы Постума и Мессалины (*Tac.* Ann. I. 6; XI. 37). Император Нерон использовал спекуляторов для выслеживания и разоблачения политических противников[24], в частности, участников знаменитого заговора Пизона 65 г (*Sen.* De ira I. 18. 4)[25].

Наместники провинций использовали спекуляторов для тех же целей, что и цезари[26]. Наместнический «оффиций» возглавлял центурион с титулом «принцепс претория». Кроме того, в подчинении провинциального наместника находились легионеры старшего ранга — принципалы, освобожденные от рутинной службы и получавшие двойной по сравнению с рядовыми воинами оклад[27]. Они занимали должности корникуляриев, спекуляторов и комментариенсов (CIL. VIII. 702=12128, 2586; CIRDR. 208, 233; BRI. 12). Корникулярий, вероятно, играл роль заместителя принцепса претория, а остальные принципалы были заняты в судопроизводстве[28]. Каждый из этих воинов имел помощников — адъюторов, набираемых из рядовых солдат (CIL. III. 894, 1471, 2052; VIII. 1875; AE. 1902. 138; 1904. 10; 1933. 61). Обязанность спекуляторов заключалась в исполнении смертной казни (*Sen.* De Benef. III. 25; D. XLVIII.20.6)[29]. При повышении они становились commentariensis (CIL. III. 2015, 4452, 7794b) и cornicularius (CIL. II. 4122)[30]. Спекуляторы формировали корпус охраны наместника и составляли его постоянный эскорт[31].

Нам также известен случай, когда один из спекуляторов, видимо, христианин, отказался приносить военную присягу во время коронации 211 г. Геты и Каракаллы. За демонстративное нарушение дисциплины воин был публично казнен (*Tert.* De cor. 1. 3). Привилегированное служебное положение в данном случае не помогло[32]. Но это скорее исключение из общепринятого обычая бенефициариев выражать свою лояльность правящей династии. Так, например, в 205 г. в Апуле, судя по эпиграфическому памятнику, была построена schola speculatorum (CIL. III. 7741). В этом здании собраний спекуляторы, корникулярии и комментариенсы поставили статую П. Септимию Гете[33].

Легионные speculatores, вероятно, никогда не теряли свою функцию по собиранию сведений[34]. В 354 г. они предупредили комита Кастриция о намерении исавров захватить Селевкию (*Amm. Marc.* XIV. 2. 15). В 359 г., незадолго до нашествия персов, на восточной границе был пойман римский дезертир, галльского происхождения, добывающий для врагов сведения как speculator (*Amm. Marc.* XVIII. 6. 16). В 365 г. узурпатор Прокопий проник в Константинополь, чтобы собрать слухи об императоре Валенте, при этом он выглядел «как самый бдительный шпион» (*ritu sollertissimi cuiusdam speculatoris*) (*Amm. Marc.* XXVI. 6.4-6). В 378 г. спекуляторы, побывав в тылу у готов, сообщили об их передвижении от Родоп к Адрианополю (*Amm. Marc.* XXXI. 11.2). В период поздней Империи мы можем их видеть на южном участке лимеса, наблюдающими за берберскими племенами. Наиболее известны два укрепления — burgus speculatorum Antoninianorum и burgus Commodianus speculatorius (CIL. VIII. 2494, 2495)[35].

Можно с определенной долей уверенности предположить, что, хотя speculatores имели более тайную сферу действий, они использовались для получения материала, очень схожего с тем, что обычно собирали exploratores (*Sall.*

Iug. 106. 2, 107. 3, 108. 1; *Nep.* Alcibiades 8; *Caes.* B. G. V. 49; *Ps.-Caes.* B. Civ. III. 66-67; *Ps.-Caes.* B. Afr. 12)[36]. Но были и определенные вариации: speculatores, видимо, чаще, чем эксплораторы[37] использовались для действий в темное время суток[38] (*Ps.-Caes.* B. Hisp. 28; *Tac.* Ann. II. 12; *Flor.* II. 17. 13) и поиска секретных убежищ противника (*Ps.-Caes.* B. Hisp. 38). Вероятно, что обязанности телохранителей явились для некоторых спекуляторов временным пропуском из военной разведки в сферу политического шпионажа. В течение II в. спекуляторы из этой сферы постепенно вытеснялись службой фрументариев[39]. Но само выражение — speculator — осталось для характеристики *вражеского* лазутчика[40] и *секретного* осведомителя[41]. И в этом моменте мы усматриваем знакомое противопоставление: «разведчик» (explorator) и «шпион» (speculator). Действительно, при сопоставлении деятельности exploratores и speculatores, последние иногда выступают как вражеские разведчики. Но античные авторы описывают их в негативных тонах скорее из-за роли палачей и политических шпионов, чем из-за принадлежности к неприятельскому лагерю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Speidel M.A.* Specialisation and Promotion in the Roman Imperial Army // Administration, prosopography and appointment policies in the Roman Empire. Amsterdam, 2001. P. 50.
2. Главной задачей exploratores, численность которых составляла примерно 65 человек на легион (*Ps.-Hyg.* De munit. castr. 30), было точно узнать о расположении и продвижении сил врага. Кроме того, они должны были исследовать дорогу для прохождения и землю, для того чтобы подобрать место для расположения лагеря (*Caes.* B. G. II. 17). До имперского периода эксплораторы не были отдельным самостоятельным подразделением. Подробнее см.: *Fiebiger H.O.* Exploratores // RE. Bd. 6. Hb. 12. Stuttgart, 1909. S. 1690-1693; *Gichon M.* Military intelligence in the Roman army // H.E. Herzig and F. Frei-Stolba, (eds), Labor omnibus unis: Gerold Walser zur 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schblern, Historia Einzelschriften 60. Stuttgart, 1989. S. 156-165; *Austin N., Rankov N.B.* Exploratio. Military and political Intelligence in The Roman World. London, 1995. P. 42-53.
3. «Ita monitus M. Marcellus ne quid temere conaretur, insequenti **nocte speculandi** gratia cum paucis egredi ausus, a multitudine hostium in Bruttis circumuentus aeque magnum dolorem ac detrimentum patriae interitu suo attulit» «Поверив в это, Марцелл тем не менее принял решение и в последующую ночь с немногими воинами отважился выйти на разведку, но попал в окружение большого числа врагов при Бруттии и смертью своей принес отчизне огромное страдание и вред» (*Val. Max.* I. 6. 9. Пер. С.Ю. Трохачева).
4. «Сципион и его приближенные послали лазутчиками, под видом перебежчиков, в лагерь Цезаря двух гетулов, которых считали вполне сочувствующими их делу, пообещав им большие награды» (*Caes.* B. Afr. 35. Пер. М.М. Покровского).
5. *Сердюкова С.Г.* Frumentarii и speculatores. Некоторые аспекты охранительной системы в эпоху Империи (по данным нарративных источников) // Studia historica V. К 70-летию Юлия Берковича Циркина. М., 2005. С. 91.
6. «iam rapido speculator eques per litora cursu hospitis aduentu pauidam conpleuerat aulam». «Вот уж дозорный верхом по берегу скачет поспешно и наполняет дворец тревожною вестью о госте» (*Luc.* VIII. 472-473. Пер. Л.Е. Остроумова).
7. *Cohen H.* Description historique des monnaies frappйes sous l'Empire Romain. T. I.

Paris, 1880. P. 37; *Crawford M.H.* Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974. P. 540; *Kreitzer L.J.* Striking New Images: Roman Imperial Coinage and the New Testament World. Sheffield, 1996. P. 35; *Keppie L.J.F.* The making of the Roman Army: from Republic to Empire. London, 1998. P. 127.

8. *Giuffre V.* La letteratura «de re militari». Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli, 1974. P. 65.
9. Светоний же пишет о том, что Калигула иногда носил солдатские сапоги: «speculatoria caliga» (Calig. 52).
10. «Vix credibile memoratu est quantum superbiae socordiaeque Vitellio adoleverit, postquam speculatores e Syria Iudaeaque adactum in verba eius Orientem nuntiavere» (*Tac.* Hist. II. 73).
11. *Bellen H.* Die germanische Leibwache der römischen Kaiser des julisch-claudischen Hauses. Mainz-Wiesbaden, 1981. S. 90; *MacCormack E.P.* The regionalization of equestrians and centurions in the roman imperial army. New Brunswick, 1997. P. 21; *Winterling A.* Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des rцmischen Keiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr.-192 n. Chr). München, 1999. S. 93.
12. *Speidel M.P.* Riding for Caesar: The Roman emperors horse guards. Cambridge, 1994. P. 35. Связь между обязанностями телохранителя и разведчика наблюдается и в ранний период истории Рима. Древняя греко-италийская организация армии была основана на выделении в особый передовой отряд самых лучших бойцов, сражавшихся обыкновенно верхом (*Моммзен Т.* История Рима. Т.1. М., 2001. С. 473). Согласно Дионисию Галикарнасскому, первого царя, основателя Вечного города, Ромула, повсюду сопровождали копьеносцы и выполняли его приказания, а в походе они были передовыми бойцами и помощниками. «Многое в сражениях зависело от них, — пишет Дионисий, — так как они первыми начинали битву и последними отступали» (*Dionys.* II.13.3. Пер. И. Л. Маяк). Возможно, что созданный Ромулом передовой отряд явился прообразом головного звена римского войска. «Во всяком случае, выделялись целеры из массы римского воинства не как род войск, вероятно, и не по вооружению, а по способу комплектования и, главное, по своему назначению» (*Маяк И. Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 243). В. Н. Токмаков, как и И. Л. Маяк, отождествляет телохранителей и целеров (*Токмаков В. Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI-IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 47). Это было началом складывания основных элементов походного порядка, который состоял из разведки, авангарда, главных сил и арьергарда (*Разин Е.А.* История военного искусства. Т. I. СПб., 1999. С. 426).
13. *Baillie Reynolds P.K.* The Troops Quartered in the Castra Peregrinorum // JRS. Vol. 13. 1923. P. 178; *Kromayer J., Veith G., Köster A.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. Beck, 1963. S. 490; *Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. London, 1992. P. 78. «G(enio) c(astrorum) p(eregrinorum) / Gargilius / Rufus / specul(ator) leg(ionis) VII / Gemin(ae) quod / vover(at) frum(entarius) leg(ionis) / eiusdem / v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)» (AE. 1991. 268). См. также: CIL. VI. 36775; AE. 1991. 266, 268, 269.
14. *Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М.Н. Челинцевой. М., 2001. С. 25.
15. «nomina speculatorum, qui in praetorio meo militaverunt» (CIL. III p. 853 n. X=XVI.21).
16. *Morgan G.* 69 A. D. The Year of Four Emperors. Oxford, 2006. P. 59, 71, 111, 304.
17. *Семенов В.В.* Преторианские когорты: модель и практика // Война и военное дело в античности. Para Bellum. № 12. Специальный научный выпуск. СПб., 2001. С. 103.

18. *Miller S.N.* The army and the imperial House // CAH. Vol. XII. Cambridge, 1939. P. 43.
19. «Являясь руководителем гвардии, которая одновременно представляла собой и тайную политическую полицию, префект претория мог эффективно контролировать систему обеспечения безопасности принцепса и преследовать его противников — от сбора информации и ареста до приведения приговора в исполнение» (*Парфенов В.Н.* Сеян: взлет и падение // АМА. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 66).
20. *Bingham S.* The praetorian guard in the political and social life of julio-claudian Rome. Ottawa, 1997. P. 138.
21. *Sheldon R.M.* Intelligence Activities in Ancient Rome. London, 2005. P. 166.
22. *Данилов Е.С.* Эдикты принцепсов против доносчиков // Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права. Материалы заседаний IV Международной конференции по римскому праву, Москва–Иваново (Суздаль), 25–30 июня 2006 г. Иваново, 2006. С. 111-114.
23. *Lammert F.* Speculatores // RE. Bd. 3. Hb. 6. Stuttgart, 1929. S. 1583.
24. См.: *Kelly J. M.* Princeps Ivdex. Eine unterrsuchung zur Entwicklung und zu den Grundlagen der kaiserlichen Gerichtsbarkeit. Weimar, 1957.
25. См.: *Rudich V.* Political dissidence under Nero: The price of dissimulation. London, New York, 2005.
26. *Stauffer E.* Jesus, Geschichte und Verkьndigung // ANRW. II 25/1. 1982. S. 98.
27. *Parker H.M.D.* The Roman Legions. New York, 1928. P. 205-210; *Stoll O.* Römisches Heer und Gesellschaft. Stuttgart, 2001. S. 282.
28. *Ott J.* Die Beneficiarier: Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des Römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart, 1995. S. 72; *Колобов А.В.* Легионеры-бенефециарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из римской провинции Далмации) // Вестник Перм. Ун-та. История. 2001. Вып.1. С. 44-45.
29. Иоанн Креститель, к примеру, был казнен именно спекулятором. «sed misso speculatore praecepit adferri caput eius in disco et decollavit eum in carcere et adtulit caput eius in disco et dedit illud puellae» (*Marc.* VI. 27-28). Подробнее см.: *Hoeflich M.H.* The Speculator in the Governmental Theory of the Early Church // Vigiliae Christianae. Vol. 34. №. 2. 1980. P. 120-129.
30. «Iulius Ingenus obit in Gallia morte. Coniunx patriae gremio mandate Virula corpus. Germaniae meruit speculator et cornicularius legionis; initium vitis vitae fuit finis» (ILS. I. 2380). См.:
    Jones A.H.M. The Roman Civil Service (Clerical and Sub-Clerical Grades) // JRS. Vol. 39. Parts 1 and 2. 1949. P. 44-45, 48.
31. *Попов М.В.* Легионы Римской Дакии во II - III вв. н.э. (аспекты организации обороны, участия в провинциальном управлении и строительной деятельности). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. С. 21. «P(ublio) Sulpicio / L(uci) f(ilio) Ouf(entina) / Peregrino / Mediolaniens(ii) / *equiti speculat(ori)* / vixit annis / XXVIII / militavit / annis VIIII / L(ucius) Sulpic(i)us / C(ai) f(ilius) Ouf(entina) Messor pater et frater» (AE 1955. 24).
32. *Helgeland J.* Christians and the Roman Army A.D. 173-337 // Church History. Vol. 43. No. 2. 1974. P. 150-152; *Пантелеев А.Д.* Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 425-426.
33. «scola speculatorum legionum I et II Adiutricium piarum fidelium Severianar. refecta per eosdem, quorum nomina infra scripta sunt, dedicante Fl. Aeliano leg. Aug. pr. pr., kal. Octob. Modesto et Probo cos. curante Aur. Pertinace frumentario» (CIL. III. 3524). Первоначально схолой (от греческого учплЮ — досуг, отдых, место ученых бесед) назывались полукруглые каменные скамьи или небольшие комнаты со ска-

мейками для сидения, а позднее — небольшие помещения в принципиях римских военных лагерей, располагавшиеся, как правило, недалеко от офицерских казарм. Такие помещения выполняли роль своеобразных клубов и одновременно являлись святилищами младших офицеров. Они украшались стенной росписью, алтарями и статуями, в том числе и надписями, воздвигнутыми членами такого клуба различным божествам (*Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. К., 2005. С. 107). Подобные коллегии, официально разрешенные при Септимии Севере, давали военным возможность внеслужебного общения (*Махлаюк А.В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000. С. 90). Подробнее см.: *Ginsburg M.* Roman Military Clubs and Their Social Functions // TAPA. Vol. 71. 1940. P. 149-156.

34. *Strobel K.* Strategy and Army Structure between Septimius Severus and Constantine the Great // A companion to the Roman army. Oxford, 2007. P. 277.
35. *Isaac B.* The limits of empire: the Roman army in the East. Oxford, 1990. P. 180-181.
36. Военный энциклопедический лексикон. Т. XI. СПб., 1856. С. 268; *Fleuret L.* Les armées au combat dans les Annales de Tacite. Étude de tactique. Nantes, 1997. P. 60.
37. «Tutius autem operantur **exploratores noctibus** quam diebus» (*Veget.* III. 6).
38. Это просматривается и при обращении римских историков к неримским сюжетам. Квинт Курций Руф в жизнеописании Александра Великого описывает 7 случаев деятельности speculatores. Один раз они отправляются для проверки слухов (*Curt.* III. 8. 17-18), один для высматривания вражеского лагеря (*Curt.* IV. 12. 18), два раза обследуют местность (*Curt.* IV. 10. 11; VI. 4. 14) и трижды действуют в темноте (*Curt.* IV. 9. 15; IV. 10. 9; VIII. 11. 22).
39. *Dvornik F.* Origins of Intelligence Services. New Brunswick, 1974. P. 103.
40. «Nam quodammodo ipse sui proditor inuenitur cuius **speculator** fuerit ab aduersariis conprehensus» (*Veget.* III. 6).
41. В новелле Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» шайка разбойников, разграбив дом Милона, оставляет близ него члена своей банды, чтобы он узнал (ad speculandum), как отреагируют гражданские власти и организуют ли преследование (III. 28).

THE ROMAN MILITARY RECONNAISSANCE UNIT: SPECULATORES

E.S. Danilov

The article deals with the analysis on the basic activities of the Roman military scouts - speculatores. It is shown, that speculatores were used to get the information, very similar to the one usually collected by horsemen of the advance units — exploratores. The author also affirms, that speculatores, probably, were more often sent to commit actions during the night in search of the opponent confidential refuges. Within the 2nd century AD, speculatores were also involved with politics as political spies, though subsequently they were gradually superseded by frumentarii service. But the term a "speculator", probably, remained valid in order to define a secret informer or an enemy scout.

Keywords: Rome, military secret service, speculatories.

© 2009

И.Ю. Ващева

ОБРАЗЫ ИМПЕРАТОРОВ В «ИСТОРИИ» ФИЛОСТОРГИЯ

Статья посвящена анализу особенностей исторической концепции Филострогия. Склонность к арианству и принадлежность автора к еретическому лагерю обычно заставляют исследователей выводить его сочинение за рамки византийской церковно-исторической традиции. Однако анализ работы показывает ее концептуальную близость "классическим" образцам. Одним из важнейших аспектов исторической концепции автора, ярко показывающим специфику восприятия действительности Филосторгием, является характеристика императоров, их религиозной и политической деятельности. И хотя конкретные образы получают иное освещение, отличное от хрестоматийного, закрепившегося в церковно-исторической традиции, тем не менее, общий взгляд на роль императоров в судьбах империи и всего христианского мира позволяет рассматривать "Церковную историю" Филосторгия как часть единого феномена. В то же время, отличия в оценке Филосторгием политических деятелей от "классических" церковных историй обнаруживают собственную логику автора, которая до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения.

Ключевые слова: "Церковная история", ранневизантийская традиция, церковная историография

Фигура Филосторгия занимает особое место среди церковных историков IV–V веков. Принадлежа к той же христианско-византийской ойкумене и разделяя в целом те же мировоззренческие установки, Филосторгий тем не менее представляет совершенно иной взгляд на историю Византии раннего периода. Склонность к арианству и принадлежность автора к еретическому лагерю обычно заставляют исследователей выводить его сочинение за рамки византийской церковно-исторической традиции. Как правило, исследователи, если и упоминают его имя, то рассматривают его отдельно, выделяя из группы церковных историков IV–V веков. В целом же, несмотря на некоторый интерес к фигуре данного автора и наличие нескольких работ зарубежных исследователей[1], посвященных в той или иной степени особенностям мировоззрения арианского историка, личность и исторические представления данного автора до сих пор остаются мало изученными и совершенно не осмысленными в контексте развития ранневизантийской церковной историографии. В отечественной же историографии сочинение Филосторгия привлекло внимание исследователей, пожалуй, только один раз[2].

Такое отношение к данному автору, очевидно, объясняется его принадлежностью к еретическому лагерю и плохой сохранностью самого текста. Сочинение Филосторгия не сохранилось. Оно дошло до нас лишь в переложении патриарха Фотия, который вместе со своим рассказом об этом авторе сохранил для потомков Эпитому «Церковной истории» Филосторгия. Именно эта эпитома,

дошедшая до нас в нескольких рукописях, древнейшей из которых является Cod. Barocc. 142 XIV века, послужила основой для реконструкции полного текста Филосторгия Ж. Биде в начале XX века[3].

Вполне понятно, что возможны определенные сомнения относительно того, можно ли анализировать текст Филосторгия и реконструировать его историческую концепцию или же отношение автора к тем или иным персонажам, если сочинение Филосторгия дошло до нас только в переложении патриарха Фотия, не разделявшего арианские симпатии автора. Однако, интересно, что патриарх Фотий достаточно корректно обошелся с текстом Филосторгия. Будучи православным патриархом, Фотий не только не умалчивает об этом произведении и не громит его как еретическое, но оставил потомкам довольно объемное его описание, рассказав и о содержании работы, и о стиле автора, приводя мнение и характеристики самого Филосторгия, и в то же время четко обозначая собственное мнение в большинстве случаев. Благодаря титанической работе выдающегося немецкого исследователя Фр. Вилькельмана, посвятившего десятки лет изучению всех фрагментов «Истории» Филосторгия, сохранившихся не только у Фотия, но и в составе трудов более позднего времени, в частности, у Суды, в арианской житийной литературе, в сочинениях Иоанна Дамаскина и в «Житии Константина», осуществившего реконструкцию авторского текста и его критическое издание, современный исследователь сравнительно недавно получил возможность использовать сочинения Филосторгия как уникальный исторический источник.

На сегодняшний день, несмотря на то, что уже проделана огромная работа по реконструкции текста, имеются прекрасные критические издания «Церковной истории» Филосторгия[4], само имя автора довольно хорошо известно историкам поздней античности, тем не менее, особенности данного произведения, позиция и взгляды автора, его место в историографической традиции и истории культуры того времени все еще остаются практически не изученными.

В данной ситуации анализ этого сочинения самого по себе и в историографическом контексте того времени оказывается очень важным, поскольку, с одной стороны, данная «Церковная история» отличается от других произведений, созданных в это же время в рамках христианской и языческой традиций, а с другой стороны, оно является одной из первых «Историй», созданных в продолжение «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и, таким образом, является такой же составной частью единого феномена, как и сочинения Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Кирского и других авторов.

Как и в случае с остальными церковными историками, о его жизни известно не так уж много. Родился он около 368 года в каппадокийском городке Бориссе в провинции Каппадокия II. Как он сам сообщает в своем сочинении, происходил он из христианской семьи, причем родители его принадлежали к горячим сторонникам учения Евномия (IX, 9), и с самого раннего детства получил соответствующее воспитание. Примерно в двадцатилетнем возрасте он перебрался в Константинополь для завершения своего образования[5]. Именно в Константинополе он и провел большую часть своей жизни, здесь же встретил Евномия, что еще больше укрепило его в правильности избранной им веры, здесь же он закончил свою «Церковную историю» (X, 6) и написал «Похвальное слово Ев-

номию» (HE, 3, 21), на сегодняшний день утраченное, и сочинение против Порфирия (HE, 10, 10). Как и многие другие молодые люди того времени, он много путешествовал, совершил паломничество в Палестину, посетил Антиохию, затем Египет, побывал в Александрии, но главным местом его жизни оставался Константинополь. Интересно, что в качестве своей профессии он выбрал юридическую практику, и никоим образом не был связан с церковной иерархией, однако в истории он остался как ярый противник язычества и горячий поклонник Евномия, лидера неоарианства[6].

«Церковная история» Филосторгия увидела свет в конце 20-х гг. V века (примерно между 425 и 433 гг.[7]) в Константинополе и состояла из 12 книг. Сочинение задумывалось как продолжение «Истории» Евсевия Кесарийского и потому охватывает период с начала IV века, с правления Константиа, до 425 года. Несмотря на светское образование и род деятельности автора, книга написана с проарианских позиций.

Перед читателем проходит целая галерея различных персонажей IV–V веков. Наиболее значимыми фигурами в историческом сочинении Филосторгия, как и во всей церковно-исторической традиции поздней античности, являются, с одной стороны, патриархи и епископы, направляющие духовную жизнь империи, и императоры, возглавляющие светскую власть, с другой.

В изображении императоров Филосторгий в целом придерживается образца, выработанного Евсевием Кесарийским. Император вольно или невольно оказывается ответственным за судьбы империи, и от его мудрого или дурного правления зависит процветание и благоденствие всей христианской империи. Совершенно очевидно, что главным критерием для оценки того или иного правителя в сочинении Филосторгия, как и у других церковных историков, оказывается его религиозная политика. Как принято считать, «люди и события, которые проходят длинной чередой перед читателем его «Церковной истории», оцениваются с точки зрения непреклонного и последовательного евномианина»[8], «защитники православия не заслуживают его похвал, сторонники же арианства или колеблющиеся в вероисповедании получают, разумеется, более позитивную оценку»[9]. Более того, по утверждению З.В. Удальцовой, «свою задачу писатель выполняет со всей горячностью фанатичного еретика, даря единомышленникам пламенную любовь и восхищение, выражая презрение и ненависть всем врагам своей веры»[10]. В то же время, противопоставляя «Историю» Филосторгия сочинениям ортодоксальных историков, З.В. Удальцова отмечает стремление арианского писателя к объективности, правдивость описания императоров и большую свободу в оценке их деятельности: «Идеализированному и героизированному образу первого христианского императора, созданному Евсевиес, противостоит у Филосторгия полнокровный, жизненно правдивый в своей противоречивости портрет этого правителя империи»[11], «портреты императоров написаны правдиво, откровенно, без всяких прикрас»[12], «сочинение Филосторгия отнюдь не написано в расчете на то, чтобы угодить сильным мира сего»[13]. Таким образом, мотивация арианского историка в оценке деятельности того или иного правителя остается не вполне понятной — характеризуется ли она фанатизмом и последовательностью в отстаивании собственной веры или же стремлением к объективности?

При этом трудно сказать, что описание императоров у Филосторгия выдержано строго в черно-белой гамме без нюансов и полутонов. В «Истории» Филосторгия нет практически ни одного однозначно хорошего или безнадежно дурного правителя. Складывается впечатление, что автор, действительно стремясь к объективности, отмечает и положительные, и отрицательные стороны каждого правления. Однако общий тон «Истории» Филосторгия нельзя назвать ровным, отстраненным, характерным для спокойного научного исследования. Одних персонажей своей истории автор горячо восхваляет, других резко критикует. Интересно также, что многие персонажи получают у Филосторгия иную оценку, нежели в «классических» «Церковных историях». При этом внутренняя логика произведения, мотивация самого Филосторгия оказывается совершенно неизученной. Единственный на сегодняшний день исследователь Филосторгия З.В. Удальцова характеризует его отношение к императорам достаточно бегло, выбирая для характеристики всего несколько примеров, важных и показательных с точки зрения ортодоксально настроенных христиан. Это Константин и Феодосий как идеальные правители, и Юлиан Отступник как пример нечестивого императора. При этом несколько теряется логика самого Филосторгия. Остается непонятным, кого же он сам считает идеальным правителем, а кого порицает и за что. На наш взгляд, для характеристики авторской позиции, для понимания внутреннего смысла «Истории» Филосторгия, совершенно недостаточно рассмотреть всего три примера, пусть даже ярких, но важно понять собственную логику автора и принципы, с которых он оценивает деятельность императоров, и соответственно рассмотреть всю последовательность хороших и дурных правителей, а также выстроить некую иерархию правителей в соответствии с его собственными оценками и представлениями. Итак, рассмотрим череду правителей, представленных в сочинении арианского историка, и оценки, данные им автором.

Одной из ключевых и в то же время очень сложных фигур для Филосторгия является Константин Великий. Как и для всех церковных историков того времени, он является основателем Христианской империи и защитником христианской веры, что автоматически ставит его в положение «хорошего» императора, некоего идеала. С другой стороны, он же является инициатором и гарантом Никейского собора, осудившего Ария, что должно было поставить его в положение «гонителя истинной веры». Исследователи отмечают противоречивость образа, Константина, нарисованного Филосторгием. Так, с точки зрения З.В Удальцовой, «император соединяет в своем лице нового Нерона с благочестивым, хотя порой заблуждающимся монархом»[14]. По мнению, ставшим уже стереотипным, «образ Константина дается в динамике, показана его внутренняя эволюция»[15], причем по мере этой эволюции, Константин все дальше удаляется от истинного пути: «когда император шел к власти, ему сопутствовало счастье и покровительство провидения, дарившего ему победы. Когда же Константин пошел по пути злодеяний и вероломно избавился от многих своих родных и друзей, ставших для него помехой, он... возродил кровавые времена Нерона»[16]. Однако в данную схему совершенно не вписывается крещение Константина в конце жизненного пути, и принятие им арианства. Филосторгий, казалось бы, как арианский историк, должен был превозносить его за этот шаг

и изобразить его неким закономерным финалом его деятельности. Однако именно Филосторгий оказывается одним из немногих авторов, кто рассказывает об убийстве Константином своего сына Криспа и жены Фаусты (НЕ, II, 4)[17]. Константин изображен в этом эпизоде не столько как злодей, но, скорее, как человек не очень самостоятельный, подверженный влиянию своей жены и неспособный отличить правду от лжи. Эта же подверженность чужому влиянию и уступчивость, с точки зрения Филосторгия, объясняют и поведение императора на Никейском соборе.

Рассказ о смерти Константина также сильно отличается от языческой и официальной ортодоксальной христианской традиции. В его изображении, Константин был отравлен братьями в наказание за убийство Криспа[18]. Таким образом, Филосторгий отступает от принятой традиции изображать смерть благочестивого императора Константина как некий венец его безупречной жизни.

Так, в изображении арианского историка перед читателем возникает несколько иной образ императора Константина Великого, отличный от хрестоматийного. В целом, рассказ Филосторгия о жизни и деяниях императора Константина выглядит очень бледно по сравнению с другими персонажами его «Истории». Возможно, именно скудость этой информации о деятельности первого христианского императора в «Истории» Филосторгия заставляет исследователей, в том числе и З.В. Удальцову, обратиться к другому произведению — «Житию Константина», восходящему, как принято считать, к тому же Филосторгию.

Хорошим, благочестивым, мудрым и заслуживающим всяческого уважения правителем в изображении Филосторгия оказывается Констанций II, благосклонный к арианам. Однако в описании Филосторгия Констанций II предстает как правитель, совершивший много дел во благо христианской церкви, а не только для ариан. «Констанция Филосторгий удостаивает похвалы и свидетельствует, что он возвел в Константинополе церковь, которая действительно была и называлась великой[19]» (НЕ, III, 2). Он перенес останки апостола Андрея и евангелиста Луки из Ахайи и апостола Тимофея из Эфеса Иконийского в построенный им храм Всех Апостолов, и устроил там родовую усыпальницу (НЕ, III, 2). Кроме того, он способствовал распространению и утверждению христианской веры в других странах, в частности отправил посольство (миссионеров) во главе с Феофилом Индийцем в Великую Аравию, к эфиопам, на остров Див и в «другие пределы Индии»[20] (НЕ, III, 4-6). Интересно, что Филосторгий здесь приводит версию об обращении аксумитов, отличную от принятой в официальной церковной исторической традиции. Сократ (I, 18, 4-14), Созомен (II, 5-11), Руфин (I(X), 9) и другие христианские авторы обычно рассказывают о миссионерском посольстве во главе с Фрументием, православным, который был рукоположен в епископы Афанасием. Филосторгий же, очевидно, по идеологическим причинам, ни словом не упоминает своих противников и не говорит об их роли в распространении христианской веры, однако в качестве такого просветителя народов изображает Феофила Индийца, естественно, арианина, обладающего всеми необходимыми добродетелями и рукоположенного в свое время Евсевием Никомидийским, и подчеркивает роль и значение императорской власти в этом важном посольстве.

Именно в правление Констанция сторонники арианского учения и будущие основатели евномианства переживают период наивысшей активности (III, 14-21). И хотя император не проявляет особенного интереса к их учению, однако и не подвергает их гонениям или каким-либо притеснениям. Очевидно. в награду за такое «благоволение» к истинной, с точки зрения Филосторгия, вере, император и удостаивается всяческих побед и расположения Господа. Город Нисибис, осажденный персами в 338 году, чудом выстоял (III, 23). Сам Констанций одержал победу над тираном Магнецием в Паннонии, причем эта победа сопровождалась чудесным знамением креста, «далеко простершимся по небу и неизъяснимо ярким сиянием своих лучей затмившим дневной свет» (III, 26). «Радуга эта возвещала милость Христа Распятого и Вознесшегося, а венец — грядущую победу императору» (III, 26). Рассказ об этом знамении, думаю, украшает описание правления императора Констанция не случайно. Арианский историк намеренно проводит здесь параллель со знаменитым знамением императору Константину, но рассказывает о нем значительно красочнее и вдохновеннее. Знамение же императору Константину перед победой над Максенцием удостаивается лишь сухой констатации (HE, I, 6). Тем самым на роль императора, осененного божественной благодатью, в изображении Филосторгия выдвигается не столько Константин, сколько Констанций.

Однако после того, как император Констанций, поверив клевете доносчиков, подверг несправедливому наказанию своего сподвижника Галла (III, 28; IV, 1), отправил в ссылку Феофила Индийца (IV, 1), низложил и обрек на страдания Аэция (IV, 12; V, 2), он потерял божие расположение и помощь. «Констанций, ранее неизменно одолевавший своих врагов, после того как обагрил десницу свою кровью близких и, поверив клевете Василия, осудил Феофила, Аэция и Серру на изгнание, в предпринятой им войне с персами потерпел поражение» (V, 4). А соборы, собираемые императором для того, чтобы осудить евномиан, сопровождаются природными катаклизмами: «землетрясением, пожаром и приливом морских волн» (IV, 10-11). Все эти военные поражения и природные катастрофы, обрушивающиеся на империю, воспринимаются читателями как божественное наказание нечестивых императоров за их козни против «истинной церкви», т.е. евномиан.

Однако и в данной схеме не все так однозначно, как кажется на первый взгляд. Конфликт с Галлом оказывается поворотным моментом в правлении императора Констанция и в то же время трудно объяснимым эпизодом для Филосторгия. Филосторгий не возлагает вину за данный конфликт ни на Констанция, ни на Галла. Галла Филосторгий изображает невинной жертвой обстоятельств. В отличие и от ортодоксальных, и от светских историков того времени[21], он не мог обвинить Галла в злодеяниях и в покушении на верховную власть, поскольку он был воспитанником Аэция, столь уважаемого Филосторгием. В то же время, и Констанций, отдавший приказ убить Галла, оказывается невиновным, поскольку сам стал жертвой сплетен, коварства и козней придворных: это «клеветники возбуждали в нем зависть» к Галлу (III, 28). Более того, позднее, когда Констанций, почувствовав раскаяние, отменил смертный приговор, именно из-за козней придворных послы опоздали и Галл был казнен (IV,1). Констанций впал в заблуждение, но не по своей дурной природе, а в ре-

зультате обмана и посторонних козней. Сам же Констанций, проявлявший благосклонность к евномианам, очевидно, не мог совершить такое преступление по своей воле. Посредником в заключении договора между Констанцием и Галлом и свидетелем взаимной клятвы, доверенным лицом и поручителем того и другого был сторонник евномианского учения, также весьма уважаемый Филосторгием, — Феофил Индиец (IV, 1)[22]. Вероятно поэтому Филоторгий не может считать злодеем и клятвопреступником ни того, ни другого, и ищет внешнее объяснение данного конфликта.

Даже рассказывая о соборе в Константинополе 359 (360) года, имевшем столь тяжелые последствия для евномиан ("сторонники иносущия» были осуждены, Аэция император лично выгнал из дворца (IV, 12), в последующем арианские епископы были низложены и отправлены в ссылки (V, 1)), Филосторгий снимает всю вину за эти гонения с императора. Реальными виновниками событий оказываются епископ Василий Анкирский, оклеветавший Аэция перед императором (IV, 8; IV, 12), и Акакий, епископ Кесарии Палестинской, который «низложил и обрек на изгнание ... Аэция — из-за разногласий в вопросах веры» (V,1).

Краткое сообщение Филосторгия о смерти Констанция также оставляет место для различных суждений и вопросов. С одной стороны, Филосторгий ни словом не обмолвился о каре или заслуженном наказании, постигшем императора за все его деяния и выступления против «истинной» церкви и лишь вполне благожелательно говорит, что император «занемог и, окрещенный Евзоем, вместе с жизнью навсегда оставил попечение о царстве, и о неправедных соборах» (VI, 5). С другой стороны, обстоятельства, сопутствующие смерти императора, мало напоминают торжественную картину мирной кончины благочестивого императора. Церковь была охвачена волнениями и раздорами. Цезарь Юлиан, находившийся с войсками в Европе, поднимает мятеж против императора. На западных и восточных границах империи неспокойно. Таким образом, состояние империи далеко от спокойного благоденствия и процветания. Да и сам император принял смерть не дома в кругу друзей и родственников, а в дороге, на почтовой станции Мобсукрены в Киликии (Philostorg, HE, VI, 5; Amm. Marc., XXI, 15, 2). Таким образом, император Констанций выступает в изображении Филосторгия достаточно противоречивой фигурой, но именно она оказывается некой альтернативой Когнстантину, неким новым образцом, который арианский историк предлагает своему читателю.

Император Юлиан, унаследовавший власть после Констанция, изображен также весьма противоречиво. С одной стороны, Филосторгий рисует портрет жестокого императора-гонителя. В данном случае, рассказывая о правлении и религиозной политике Юлиана Отступника, Филосторгий, несмотря на свои догматические разногласия, во многом соглашается с другими церковными историками[23]. Он пишет: «Юлиан, захватив силою царскую власть, своими указами предоставил язычникам полную свободу с тем, чтобы не было забыто ни одно их учение, христиан же постигли тягчайшие и неизъяснимые бедствия, ибо язычники повсюду терзали их всеми возможными мучениями, неизвестными доселе пытками и изуверскими казнями» (VII, 1). Далее он описывает коварство Юлиана: «...когда стало очевидно, что все эти бесчинства не приводят к

желаемой цели ... он задумал столкнуть между собой епископов — прежде по разным причинам низложенных и тех, кто ныне занимал их престолы. Поэтому он и предоставил каждой из сторон полную свободу действий для возвращения прежнего положения и безопасности. Таким вот образом началась между ними борьба, нечестивая и позорная, нанесшая немалый урон нашей вере, что и было целью отступника» (VII, 4). Религиозная политика Юлиана Отступника, направленная на восстановление status quo образца 311 года, когда церковь была только терпимой, и лишение христиан привилегий, дарованных в свое время императором Константином Великим, рассматривается им как злодейство: «Прибегал он и к другим мерам, не менее злодейским: так, служителей клира назначал на должности светских судей, источники церковных доходов передавал прислужникам демонов и вообще прилагал все усилия к тому, чтобы как можно шире распространилось поклонение демонам, истинная же вера, как он надеялся, полностью бы угасла» (VII, 4).

Попытка Юлиана восстановить Иерусалимский храм Соломона, разрушенный в 70 г. при взятии города Титом, рассматривается христианским автором как дерзкое стремление опровергнуть пророчество Спасителя: «ниспосланные от Бога ужасающие бедствия, описать кои бессильно любое красноречие, не только остудили их рвение, но и явили всю тщету усилий как Отступника, так и иудеев, покрыв их великим позором. Одних из дерзавших взяться за работу пожирал огонь, других погребало землетрясение, прочих губили иные бедствия. Так дерзостное намерение глупца — посрамить пророчество Господа нашего — послужило лишь упрочению веры в него и вящей славе» (VII, 9).

Ближайшее окружение Юлиана Отступника также оказывается «в числе многих неистовых гонителей христиан, понесших достойное наказание» (VII, 10). Примечательно, что описание кончины занимает очень важное место в характеристике того или иного персонажа. Смерть воспринимается как определенный итог всем деяниям, совершенным при жизни. Соответственно достойные и благочестивые герои заслуживают столь же достойную смерть (мученический венец или мирная кончина среди родных и близких) и всеобщую любовь и уважение, нечестивцы же в наказание за свои злодеяния получают мучительную болезнь, покрываются гнойниками и язвами, являют «собой для всех окружающих ужасающее зрелище» (VII, 10). Вся 10 и 13 главы VII книги посвящены описанию подробностей мучительных смертей гонителей, посланных богом в наказание за нечестие и богохульство. Кажется, что данные описания должны были подготовить читателя к мысли о том, какой смерти заслуживает император-отступник.

Смерть императора, действительно, описана очень красочно, в духе церковной историографии. «Отступник, поверив языческим оракулам, повсеместно возвещавшим, будто бы дана ему непобедимая сила, предпринял поход против персов» (VII, 15). И далее ранение и сама смерть воспринимаются читателем как заслуженная кара за нечестивые деяния. Однако интересно, что в данном описании Филосторгий называет Юлиана несчастным и не громит его как нечестивца и отступника, хотя материал и ситуация давали возможность для красочных обвинений и назиданий потомкам.

Более того, за все описание правления Юлиана Филосторгий не указывает

ни на неблагоприятные знамения, ни на природные катаклизмы, ни на военные поражения, означавшие бы гнев Божий. Даже о гонениях он говорит весьма сдержанно, как будто не столько для того, чтобы описать нечестие и бесчинства императора, сколько для того, чтобы показать святость отдельных мучеников. С первых же строк характеристика Юлиана Отступника отличается от ожидаемого стандартного описания нечестивого императора-гонителя. С одной стороны, Филосторгий подчеркивает, что Юлиан поднял мятеж против императора, «лишь недавно сам намеревался лишить его жизни» (VI, 6) и «узурпировал царскую власть» (VI, 7), но с другой стороны сразу же сообщает, что он «вернул из изгнания Аэция..., и не ему одному, но всем тем, кто был изгнан за церковные догматы, он возвратил их епархии» (VI, 7), более того «в знак благоволения» императором Юлианом было даровано Аэцию поместье (IX, 4). Видимо, в этом и заключается причина столь мягкого и терпимого отношения автора к императору-язычнику. Несмотря на их конкретные догматические разногласия, и император Юлиан, и сам Филосторгий были настроены оппозиционно по отношению к уже усилившейся и претендовавшей на идеологическое и политическое господство «ортодоксальной» церкви. Именно поэтому ни полемика с язычниками, ни осуждение религиозной политики императора Юлиана не отвлекают Филосторгия от полемики с ортодоксами, со сторонниками единосущия. По мнению Филосторгия, именно православные были виновны во многих погромах и убийствах того периода. Так, рассказывая об убийстве епископа Александрийского Георгия, несмотря на то, что оно было осуществлено руками язычников, он пишет, что «руководителем сего злодеяния был Афанасий» (VII, 2).

В целом, характеристика императора Юлиана выглядит во многом противоречивой и в то же время довольно сдержанной. Автор не принимает обращения императора к язычеству, но в то же время одобряет действия императора, направленные против православных. В результате Филосторгий рисует его как коварного, неискреннего и злорадного правителя, относится к нему с недоверием, но и резких выпадов против императора не допускает. Более того, конкретными виновниками злодеяний, чьими руками и осуществляются казни, погромы и гонения, оказываются либо язычники (VII,1; VII,2; VII,3; VII,4), либо православные (VII,2), либо ближайшее окружение императора (VII,10), но не он сам. Такую умеренность в описании правления Юлиана Отступника трудно объяснить стремлением автора к объективности или же последующими исправлениями патриарха Фотия. Очевидно, что здесь проявляется собственная логика автора и собственный подход к объяснению происходящего. Решающим фактором в оценке императора Юлиана, как и многих других персонажей, для Филосторгия оказывается не столько противоположность или близость его догматических представлений его собственным представлениям, сколько чисто прагматический подход и житейская мудрость.

Следующий за Юлианом император, Иовиан правил всего десять месяцев и не успел отметить свое правление никакими подвигами. Однако общая тональность, в которой Филосторгий описывает его правление, - вполне благоприятная. Император заслуживает похвалы, поскольку он «восстановил прежний порядок в церквях, избавив их от всех притеснений, кои терпели они при Юлиа-

не», а также возвратил из ссылок «всех, кого Отступник отправил в изгнание за то, что отказались отринуть благочестие...» (VIII,5).Однако главной причиной подобного расположения автора к данному императору кажется все-таки то обстоятельство, что в период его правления евномиане не терпели никакого притеснения и переживали очередной пик своей активности. Евзой и бывшие с ним епископы написали книгу в защиту Аэция и его учения; Аэций и Евномий, обосновавшись в Константинополе, по собственному усмотрению устраивали свои дела и рукоположили новых епископов для церквей Ионии, Лидии, Палестины, Лесбоса, Каппадокии, Киликии, Келесирии, Ливии и т.д. (VIII, 2). Кандид и Арриан, которых Аэций рукоположил в епископы церквей Лидии, и очевидно, сторонники евномианской церкви, по сообщению Филосторгия, находились в родстве с императором Иовианом (VIII, 6) и пытались оказывать на него влияние.

Повествование о годах, следующих за смертью императора Иовиана, становится более лаконичным, сдержанным и мозаичным. Автор не столько рассказывает о политических перипетиях правления Валента и Валентиниана[24], сколько дает некие зарисовки из жизни замечательных людей того времени. В частности он называет некого Филосторгия, «искуснейшего из всех врачевателей» (VIII, 10), восхищается мудростью Василия Великого и Григория Богослова (VIII, 11 - 13), а также называет имена епископов, «самых прославленных из исповедников единосущия» (VIII, 17). Примечательно, что, описывая двенадцатилетнее правление Валента и рассказывая о различных событиях того времени, Филосторгий как будто старательно обходит фигуру самого императора. Он не говорит ни слова ни о характере императора, его добродетелях или пороках, ни о его религиозной политике, ни о военных предприятиях. Например, в IX книге Филосторгий оговаривается: «На третьем году своего правления Валент предпринял поход против персов, а тем временем Прокопий замыслил узурпировать власть в Константинополе» (IX, 5). И далее, ни слова ни говоря ни о самом походе, ни о сражениях, ни о результатах военной кампании, довольно подробно на нескольких страницах рассказывает об узурпаторе Прокопии и судьбах этого мятежа. Более того, рассказывая о битве при Адрианополе, ключевом событии в истории империи, имевшем столь значительные последствия, Филосторгий в нескольких строках упоминает о нем, как о рядовой стычке, отличающейся от других лишь тем, что в ней погиб император. Автор не дает никаких подробностей происшедшего, никаких красочных описаний, никаких комментариев или объяснений.

Совершенно очевидно, что эта нарочитая сдержанность в описании столь грандиозных событий не являлась следствием простого невежества или легкомысленности автора, не сумевшего оценить значения данного события для судеб всего античного мира. Тем более, что уже в то время катастрофа при Адрианополе многими современниками воспринималась как начало конца Великой Римской империи. Данное событие получило различные оценки и вызвало самые разные толкования и интерпретации у авторов, принадлежавших к различным религиозным и идеологическим направлениям.

С точки зрения ортодоксальных (православных) христиан, например, катастрофа при Адрианополе явилась Божьим наказанием за деяния нечестивого

императора Валента, отступившего от основ истинной веры[25]. Языческие авторы, наоборот, рассматривали данное событие как проявление враждебности языческих богов по отношению к христианской империи [26].Аммиан Марцеллин, стараясь анализировать непосредственные причины поражения римлян и воздерживаясь от сложных философско-религиозных рассуждений, всю вину возлагает на самого императора Валента и его должностных лиц и генералов. Непосредственной причиной, приведшей империю к катастрофе, он считает политические и военные просчеты в отношениях с готами и в самой военной кампании (Amm. Marc. 31, 5-13). Он рисует очень непривлекательный образ императора Валента, обвиняя его в жестокости, алчности, неуважении к законам и лени (Amm. Marc. 31, 14, 5-7).

Позиция же Филосторгия, автора единственной сохранившейся арианской «Церковной истории» IV века, отличается от всех выше приведенных. Он защищает императора Валента, оправдывая его отступление с поля боя тем, что он вынужден был отступить, потеряв огромное количество воинов. Всю ответственность за эту войну Филосторгий возлагает на готов, вторгшихся на территорию Римской империи и начавших необъявленную войну против римлян (IX, 17)). Такая позиция автора, очевидно, связана с религиозной политикой императора. Валент был, пожалуй, последним императором, благосклонным к арианам. Поэтому Филосторгий находился в очень сложной ситуации: ему предстояло объяснить, как император, помогающий истинной церкви, так бесславно погиб и за что была наказана вся империя. Сам исторический материал не давал возможности Филосторгию показать божественное покровительство и процветание империи в царствование благочестивого императора Валента, последнего приверженца истинной церкви на троне. Очевидно, поэтому автор обходит молчанием эти сложные для объяснения события, не давая никаких объяснений или ответов ни сторонникам официальной церкви, ни язычникам.

Описание внутриполитических событий Филосторгием также на первый взгляд выглядит весьма странным. Так, например, довольно много места в IX книге, посвященной правлению императора Валента, занимает описание мятежа Прокопия (IX, 5; IX, 6; IX, 8). С самых же первых строк Филосторгий сообщает, что «Прокопий замыслил узурпировать власть в Константнополе» (IX, 5). Однако далее вместо ожидаемого обличения тирана и узурпатора следует описание подробностей его биографии. Автор сочувственно сообщает, что тот вместе с женой, «терпя трудности и лишения», бежал в Месопотамию и «многократно переменил множество мест», пока наконец не «пришел в Константинополь и без всякого кровопролития захватил власть» (IX, 5). Такая терпимость к узурпатору и его «тираническому правлению» объясняется, очевидно, связями Прокопия с Евномием, учителем Филосторгия. Во-первых, во время своих скитаний Прокопий, (хотя и в отсутствие хозяина, как оговаривается Филосторгий), нашел убежище в Евномиевом загородном поместье (IX, 5). Во-вторых, когда Прокопий был у власти, Евномий посетил его, чтобы добиться освобождения пленных, и это миссия ему удалась (IX, 6). Очевидно, что здесь сыграло свою роль не столько красноречие Евномия, сколько хорошие отношения с узурпатором. Далее Прокопий, послав одного из своих приближенных, спасает от клеветы и смертной казни Аэция. Так, он в очередной раз выступает как бла-

годетель, помогающий евномианам, который вовремя «подоспел на помощь и отвел карающий меч» (IX, 6). Да и сами евномиане — Аэций, Евномий и Флоренций, - в его правление благополучно проживали в Константинополе. В целом, складывается впечатление, что именно эти связи Прокопия с лидерами евномианской церкви и послужили причиной столь благосклонного отношения Филосторгия к данному персонажу.

Данная ситуация интересна и еще в одном отношении. В данном конфликте один облечен императорской властью свыше и является законным правителем, другой же покушается на царскую власть и стремится к тираническому правлению. Причем, с конфессиональной точки зрения, законный император Валент отличался своим расположением и благосклонностью к арианам, и узурпатор Прокопий, очевидно, был также тесно связан с деятелями арианской церкви. Однако симпатии автора оказываются в данном случае на стороне узурпатора и тирана. Некая странность данной ситуации объясняется, по всей вероятности, не столько степенью близости того или иного персонажа к истинному учению, сколько личными связями героев с представителями евномианской партии.

Филосторгий не говорит напрямую о религиозных взглядах императора или о каких-либо его значительных мероприятиях в церковной сфере. По отдельным фразам, рассыпанным в тексте Филосторгия, можно, однако, собрать некую картину, характеризующую симпатии и антипатии императора Валента. Так, автор сообщает о довольно близком знакомстве императора с константинопольским патриархом Евдоксием. Феодорит (IV, 12) также сообщает, что Евдоксий был духовным наставником императора Валента. Религиозная принадлежность самого Евдоксия не вполне однозначна. В целом, догматические воззрения Евдоксия совпадали с учением Евномия и Аэция. Именно Евдоксий рукоположил Евномия в епископы г. Кизика. Евдоксий и Евномий выступают союзниками во время волнений в Кизике и Константинополе. Филосторгий сообщает, что Евдоксий призвал к себе Евномия, когда константинопольскую церковь охватило волнение (VI, 1-2). Однако Филосторгий говорит и о разногласиях, интригах и определенной борьбе в лагере ариан (IX, 3-4). В любом случае сам император Валент, очевидно, вполне лояльно относился к различным течениям внутри арианской партии. И если те или иные лидеры группировок оказывались в ссылке, бегах или каких-либо неприятностях, то их возникновение связано было, скорее, с противостоянием самих епископов, нежели с мероприятиями императора.

Судя по рассказу Филосторгия, правление Валента является последним позитивным периодом в истории церкви и империи. Со смертью данного императора начинается новая полоса, окрашенная преимущественно в темные тона. Такой поворот, с точки зрения арианского историка, был связан с религиозной политикой последующих императоров — Грациана и особенно Феодосия. В описании этого периода позиция Филосторгия сильно отличается от трактовок, предложенных и ортодоксальной, и языческой традицией.

Правление Грациана историк удостаивает лишь беглым вниманием, упоминая его имя всего три раза, главным образом, формально упоминая, что он унаследовал власть после смерти Валентиниана (IX, 16), «оплакивал дядю и скорбел о несчастии римлян» после битвы при Адрианополе (IX, 17) и что «не-

много времени спустя император Грациан в Верхней Галатии пал жертвой коварства тирана Максима» (X, 5). Далее, как передает патриарх Фотий, «на Грациана историк возводит много клевет, так что даже уподобляет его Нерону» и вполне справедливо объясняет такое отношение тем, что «по-видимому, Филосторгию была не по нраву его приверженность к православию» (X, 5)[27].

С приходом к власти Феодосия историческое повествование Филосторгия становится все более мрачным. Первое, о чем сообщает, историк, это гонения на евномиан, т.е. на истинную церковь, с его точки зрения. Он сообщает, что «император Феодосий, узнав, что некоторые из его постельничих придерживаются учения Евномия, изгнал их из дворца, а Евномия приказал схватить и выслать из Халкидона в Алмириду» (X, 6).

Следующим важным мероприятием Феодосия было его выступление против тирана Максима. Этот поход окончился удачно для Феодосия, и «Максим был обезглавлен по прошествии целых пяти лет своей тирании» (X, 9). Описание этого, в общем-то, ординарного события оказывается очень показательным и ярко высвечивает особенности восприятия арианского историка. Языческая традиция, настроенная резко отрицательно по отношению к новому императору, обвиняла его в распущенности, слабости и нерешительности, из-за которых он долго не объявлял войну тирану и узурпатору, а также осуждала интриги и активное участие в этом событии Юстины, матери новой жены императора Галлы[28]. Филосторгий же в данной ситуации очень сдержанно отзывается о самом императоре, не возводя на него никаких обвинений, и совершенно избегает упоминаний о какой-либо роли Юстины в этих событиях, поскольку «она придерживалась учения Ария» (X, 7)[29]. В то же время позиция Филосторгий далека и от мнения, широко представленного в ортодоксальной традиции[30]. Если большинство церковных историков подчеркивали победоносность императора Феодосия и усматривали в его военных победах божественную помощь и покровительство, то Филосторгий вообще обходит стороной тему божественного участия в этом мероприятии, а всю ответственность за победу возлагает на непосредственных военачальников «Тимасия, Рихомера, Промота и Арбогаста, которые, внезапно напав на него, стащили его с престола, сняли знаки царского достоинства и в простом виде привели к императорам» (X, 8). Таким образом, из рассказа Филосторгия складывается впечатление, что Феодосий не только не является главным действующим лицом и руководителем похода, но и вообще не участвовал в данной военной кампании.

Все дальнейшее правление Феодосия в изображении арианского историка окрашено в трагические, даже апокалиптические тона. Как только император Феодосий вернулся в Рим, «на небе явилась дивная и необычная звезда, которая должна была служить провозвестницей великих бедствий вселенной» (X, 9). Кроме этого, Филосторгий много и подробно рассказывает о том, что в это же время в разных местах империи появились необычные человеческие существа (X, 11), которые также должны были восприниматься как некие знаки приближающегося конца мира.

В XI книге Филосторгий рассказывает о новой попытке узурпации власти, которую предотвратил Феодосий, одержав победу у реки Фригидуса (XI, 3). Здесь вновь повторяется та же ситуация, что и при описании свержения тирана

Максима. Филосторгий, с одной стороны, признает Феодосия законным правителем, восстановившим законную власть. С другой стороны, император и в данной истории не выглядит героем. Филосторгий ничего не говорит о внезапной ночной атаке, предпринятой Феодосием[31], но говорит о том, что император сумел занять Альпы лишь благодаря измене, а не потому, что превосходил противника талантом, силой или военным искусством. В то же время он ничего не говорит о молитве царя и божественном ветре, - мотив, который вошел во все остальные «Церковные истории» и другие исторические сочинения того времени[32]. Таким образом, в изображении событий Филосторгием заметна скрытая полемика, как с языческой, так и с православной исторической традицией.

Смерть императора, как и во всех остальных «Церковных историях» того времени, подводит некий итог жизни и правлению государя, и дает повод историку дать некую оценку всему периоду правления. Соответственно читатель ждет такой оценки правлению Феодосия в XI книге «Истории» Филосторгия. Однако император получает здесь весьма неоднозначную и несколько неожиданную характеристику. Так, в XI книге своей «Истории» Филосторгий характеризует его как мудрого и справедливого правителя, защитника и установителя законной власти, выступившего против узурпатора Арбогаста. При этом сразу же, в том же абзаце автор сообщает, что «одержав победу над тираном, Феодосий заболел водянкой и после шестнадцатилетнего правления окончил жизнь» (XI, 2). Данное сообщение сразу же вызывает ассоциации с нечестивыми тиранами, окончившими жизнь в мучениях и болезнях в наказание за их нечестивые деяния. Далее следует перечисление заслуг и откровенное восхваление императора: «Царствуя, он достиг всех высших целей в жизни: одерживал блистательные победы, единовластно правил римлянами, видел себя отцом двух императоров и, оставив им умиротворенную державу, безмятежно встретил смерть в своей постели. Все это, как мне кажется, явилось наградой за то пламенное рвение, которое он проявил в борьбе с идолопоклонством. Говоря таким образом о благочестивейшем Феодосии, нечестивец, однако, не стыдится смеяться над ним, как над человеком будто бы невоздержанным и преданным чрезмерной роскоши, отчего, пишет он, его и поразила водяная болезнь» (XI, 2).

Такое восхваление императора и его религиозной политики со стороны арианского историка вызывает некоторое недоумение, поскольку Феодосий отказался от арианства в пользу ортодоксального вероучения Афанасия, провозглашенного единой государственной религией на созванном им в 381 г. в Константинополе Втором Вселенском соборе. Подобная положительная оценка Филосторгием деятельности Феодосия может объясняться, по всей вероятности, общностью их интересов в борьбе с язычеством. Правление Феодосия в этом отношении, действительно, было важной эпохой, радикально изменившей лицо всей Империи. Как и Грациан на Востоке, Феодосий отказался от сана великого понтифика и преследовал приверженцев язычества. В 391–392 гг. он запретил языческие культы, а в 394 г. — Олимпийские игры. Фанатичные христиане разрушили многие античные храмы, в том числе и храм Сераписа в Александрии. В целом, Феодосий положил конец язычеству в импе-

рии и за это он заслуживает похвалы историка. В то же время Филосторгий не может удержаться и от неких выпадов и уколов в адрес императора, поскольку тот поддержал не истинную, с его точки зрения, церковь, а ту, которую Филосторгий считал еретической. Таким образом, характеристика Феодосия оказывается не вполне однозначной. Мотивация автора и в этом случае требует определенных пояснений.

Начиная с этого времени, когда была потеряна надежда на торжество истинной (евномианской) веры, история Империи начинает стремительно клониться к своему упадку. Все последующее описание правления императора Аркадия представляет собой перечень бедствий, катастроф и дурных предзнаменований. «Филосторгий говорит, что в его время был такой мор людей, какого никто не знал от начала мира. Его-то, значит, и предвещала мечевидная звезда. Теперь гибли не только военные, как некогда в прежних войсках; теперь бедствия обрушились не на какую-нибудь страну земли, но гибли люди всякого рода и опустошена была целая Европа, немалая часть Азии, да и значительные пространства Ливии, в особенности подвластные римлянам. Множество людей погибло от меча варваров, от моровой язвы, голода и нашествия сонмищ диких зверей. К этому присоединились необычайные землетрясения, которые ниспровергали до основания дома и целые города, предавая их неизбежному разрушению. В одних местах разверзшиеся в земле пропасти становились для жителей внезапной могилой; в других происходили паводки от выпадения небесных вод или палящие засухи; кое-где появлялись огненные вихри и причиняли разнообразный и невыносимый страх. Во многих местностях выпадал град более чем в булыжник, потому что вес его доходил до восьми так называемых литр. Глубокие снега и страшные морозы охватывали и лишали жизни тех, кого не успели похитить другие бедствия. Все это ясно возвещало гнев Божий» (XI, 7). К этим природным катаклизмам добавились и нашествия варваров, производивших «неслыханные человекоубийства» и опустошения (XI, 8). Таким образом, в изображении арианского историка после того, как римские императоры отвернулись от истинной (арианской, и даже евномианской) веры и приняли сторону «православных», гнев Божий в виде различных бедствий, стихий и нашествий обрушились повсеместно на империю. Видимо, поэтому Филосторгий рассказывает не только о событиях в Константинополе и его округе, но доносит сообщения о событиях в весьма отдаленных областях.

Одним из знаков такого божественного гнева, очевидно, выступает и взятие Рима вестготами в 410 году. Начиная XII книгу, он довольно подробно рассказывает о событиях в Равенне и Риме в самом начале V века, связанных со Стилихоном. Причем, автор не просто отмечает факт убийства Стилихона, но дает ему личную оценку, как и самому правлению. «Как говорит Филосторгий, Стилихон настолько явно и дерзко обнаруживал свою тиранию, что даже отчеканил монету, на которой недоставало только его изображения» (XII, 2). Впрочем, и убийца Стилихона не получает одобрения автора. Он пишет, что «и он вскоре лишился жизни под палочными ударами, понеся заслуженную кару за бесчестное умерщвление Стилихона» (XII, 1). Таким образом, стремление к тирании и незаконное стремление к императорской власти осуждается Филосторгием практически во всех случаях, не зависимо от персоналий. «Божественный про-

мысел ясно показывал, что он не допускает беспорядка и не любит тиранов. А кто защищает законного государя, тому и он помогает» (XII, 6).

Но сюжет, связанный с нашествием варваров в 408–410 гг. на Рим, интересен еще и в другом отношении. Позиция Филосторгия при описании этого события выглядит несколько отстраненной. Кажется, что он не воспринимает Алариха ни как врага, ни как союзника. Взятие Рима выглядит в его устах как рядовая военная операция. В описании Филосторгия не читается ни сочувствия, ни ужаса перед захватчиками, никаких иных эмоций или переживаний. «И с этого времени это величие славы, это громкое могущество раздробилось между чужеземным огнем, вражеским мечом и варварским пленом» (XII, 3). Данное описание воспринимается как констатация того, что должно было свершиться и, наконец, свершилось.

В том же апокалиптическом ключе выдержано и сообщение о браке Атаульфа и сестры императора Гонория Галлы Плацидии. Если ортодоксальная традиция, представленная, например, в сочинениях Павла Орозия или Иордана, придает этому событию позитивную окраску и трактует этот брак как гарантию мира, дарованного Богом, и залог спасения империи[33], то в изображении Филосторгия и это событие воспринимается как знак, предвещающий близкое падение империи. «Он женился на сестре Гонория Плацидии, которую Аларих вывез из Рима в качестве пленницы, и для этого отверг прежнюю жену, так как она была взята из варварского племени савроматов. Тогда-то с глиняным поколением соединился человек, производивший свой род от железа. И такой случай был не один. Он повторился снова, когда Атаульф женился на Плацидии, потому что глиняной природой... [далее текст обрывается — И.В.]» (XII, 4). Данная трактовка сразу же подспудно вызывает ассоциации с библейским текстом[34]. И в этом контексте брак Галлы Плацидии с вождем варваров воспринимается как исполнение давнего пророчества о том, что когда железо смешается с глиной, придет последнее царство земное, которое будет разрушено не человеческой рукою, но Божьей волей. И признаки этого последнего пришествия Филосторгий видит в современной ему действительности.

С приходом к власти Феодосия II неблагоприятные знамения обнаруживаются вновь. Филосторгий подробно рассказывает о солнечном затмении, сопровождавшемся неким сиянием в виде конуса и длившееся более четырех месяцев (XII, 8). Данное природное явление, как и стоило ожидать, совпало со всевозможными бедствиями для населения империи: «С этим происшествием совпала такая засуха, что повсюду многих людей и животных постигла необычайная смертность... Начавшись среди лета, оно продолжалось до глубокой осени и было знамением великих войн и неслыханной смертности людей. В следующем же году начались землетрясения, которые едва ли можно сравнить с предшествовавшими. Вместе с землетрясениями низвергался с неба огонь и отнимал всякую надежду на спасение... Случались тогда и другие подобные, необычайные и невероятные явления, которые ясно показывали, что они происходили не в рамках естественного порядка вещей, как пустословят язычники, но были посланы людям в качестве бичей гнева Божия» (XII, 8-9). Дальнейшие рассуждения Филосторгия сводятся к доказательству того, что все эти землетрясения произошли не из-за каких-либо естественных причин, «но

лишь божественным промыслом, для исправления и обращения грешников» (XII, 10).

После этого, кажется, безо всякого интереса и без каких-либо комментариев Филосторгий рассказывает о различных пертурбациях, связанных с установлением власти различных императоров, и, наконец, завершает свое повествование установлением власти Валентиниана III в 425 году[35]. Очевидно, что и в этом случае Филосторгий представляет собственное видение событий. И хотя на последних страницах своей «Истории» он без особого интереса, очень кратко и сухо рассказывает о событиях начала V века, складывается впечатление, что ему необходимо было рассказать о падении Вечного города и о смешении римлян и варваров для полноты картины упадка и деградации империи и для подтверждения истинности древних пророчеств. Последние книги Филосторгия окрашены в эсхатологические тона. Исследователи называют их «сплошным каталогом всевозможных бед и несчастий»[36]. И хотя автор нигде не говорит прямо о Конце мира, Втором Пришествии или о приближении Судного дня, тем не менее апокалиптические настроения автора вызывают прямые ассоциации с известными пророчествами Библии о деградации человечества в конце времен и о всевозможных природных и антропогенных катастрофах, которые станут знаком приближения конца света.

В целом, практически во всех случаях при характеристике правления того или иного императора «Церковная история» Филосторгия обнаруживает собственную, весьма специфическую, логику автора.

С одной стороны, описание правлений различных императоров у Филосторгия выдержано в том же ключе, что и у остальных церковных историков. В роли главных героев его «Истории» выступают именно императоры. Строгая хронологическая последовательность правления императоров формирует структуру работы. Именно от императоров в значительной степени зависит судьба империи и всего христианского мира. От их личного благочестия и религиозных взглядов, от их религиозной политики зависят мир, благополучие и процветание всей страны. Приверженцам истинной веры во всех делах и начинаниях сопутствует божественная помощь и покровительство, в то время как в правление отступников на империю обрушивается гнев Божий в виде всевозможных бедствий и предзнаменований. Таким образом, общий взгляд на роль императоров в судьбах империи и всего христианского мира позволяет рассматривать «Церковную историю» Филосторгия как часть единого феномена.

С другой стороны, сочинение арианского историка сильно отличается от «классических» «Церковных историй» своего времени. Исследователи традиционно связывают это своеобразие исключительно с приверженностью автора арианству и фанатичным отстаиванием им истинной веры. Однако далеко не все сюжеты поддаются такому объяснению. Так, например, довольно противоречивый образ императора Константина обнаруживает не столько стремление Филосторгия к объективности, его желание не утаивать ни пороков, ни добродетелей, или же его желание критиковать императора с точки зрения оппозиции, как традиционно считается, сколько собственную логику автора. На наш взгляд, сам Филосторгий не видел в нарисованном им образе никаких противоречий, просто его логика объяснения и оценки событий и персонажей была

иная, отличная от той, к которой мы привыкли. Точно так же образ Юлиана Отступника далек от ожидаемого стандартного описания нечестивого императора-гонителя. Объяснить данное обстоятельство снова помогает специфическая позиция Филосторгия.

Более того, автор выстраивает собственную иерархию правителей. Ближе всего к идеалу, с точки зрения Филосторгия, оказываются не Константин, а Констанций II. Кроме того, в отличие от других авторов Филосторгий благосклонно относится к императорам Иовиану и Валенту, однако данный момент, подчеркивающий своеобразие авторской позиции, совершенно не рассматривается в отечественной историографии. Худшими же правителями для Филосторгия, вопреки ожиданиям, оказываются не Юлиан Отступник, а, например, император Феодосий, с правления которого Империя начинает стремительно клониться к упадку. Таким образом, в понимании Филосторгия ключевыми фигурами зачастую оказываются не те императоры, о которых говорят другие церковные историки, а вслед за ними и исследователи.

Кроме того, в характеристике Филосторгием императоров заметна определенная противоречивость и двойственность, которая может объясняться сложным положением самого автора между язычеством и ортодоксальной церковью, претендующей на идеологическое господство. Совершенно понятно, что главными критериями оценки того или иного лица для Филосторгия, как и для остальных церковных историков раннего средневековья, являются праведная жизнь и «правоверие», с тем лишь отличием, что с точки зрения Филосторгия «правой верой» является арианство, или точнее, учение Евномия. Именно с этих позиций, Филосторгий и оценивает героев своей «Истории». Однако позиция автора, как и сама историческая действительность того времени, была намного сложнее и многозначнее, чем такая черно-белая схема. Наполнение данной схемы, характеристика им конкретных событий и персонажей обнаруживает собственную логику, которая до сих пор не подвергалась анализу в отечественной, да и в зарубежной историографии. Критики историка заслуживают и сторонники язычества, и в еще большей степени сторонники православия. Решающим фактором в оценке того или иного императора для Филосторгия оказывается не столько противоположность или близость его догматических представлений собственным представлениям арианского историка, не столько идеологические мотивы, сколько чисто прагматический подход и житейская мудрость. Автор оценивает императоров не столько по степени их правоверия и благочестия или по степени близости их представлений истинной вере, сколько по степени их расположенности к евномианам.

Еще одним специфическим моментом, характеризующим авторскую позицию, является отношение Филосторгия к законным правителям и узурпаторам. Трудно согласиться и с утверждением З.В. Удальцовой, что «во время борьбы различных узурпаторов за императорский престол историк всегда остается на стороне законного наследника трона»[37]. Важным примером здесь является сюжет, связанный с узурпатором Прокопием, в котором снова проявляется собственная логика Филосторгия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Philostorgius Kircgengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiocien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen. Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. (Второе издание — Berlin, 1972; третье (использованное в данной работе) –hrsg. von F. Winkelmann. Berlin, 1981). *Di Maio, M.* Zonara, Julian and Philostorgius on the Death of the Emperor Constantine I // Greek Orthodox theological Review. Vol. 26. Part 2. 1981. P. 118–124. *Zecchini G.* Filostorgio // Methodologie della ricerca sulla Tarda Antichita. Atti del Primo Convegno dell' Associazione di Studi Tardoantichi. A cura di A. Garzya. Napoli, 1989. *Nobbs A.E.* Philostorgius' View of Past // Reading the Past in Late Antiquity/ Ed. by G. Clark. Rushcutters Bay, 1990. P. 253–264. *Nobbs A.E.* Philostorgius' Ecclrsiastical History: An «Alternative Ideology» // Tyndale Bulletin, 42, 1991. P. 271–281. *Nobbs A.E.* Philostorgius' Place in the Tradition of Eccleaiastical Historiography // Tradition and Traditions / Ed. by Dockrill D.W. and Tanner R.G. Manly, 1994. P. 198–206. *Trompf G.W.* Church History as Non-Conformism: Retribution and Eschatological Elements in Athanasius and Philostorgius // Byzantinische Zeitschrift. 24. 1997. P. 11–33. *Leppin H.* Heretical Historiography: Philostorgius // Studia Patristica. Vol. XXXIV. 1999. P. 111–125. *Argov E.I.* Giving the Heretic a Voice: Philostorgius of Borissus and Greek Ecclesiastical Historiography // Athenaeum. 89. 2001. P. 497–524. *Marasco G.* The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasios of Cyzicus // Greek and Roman Hitoriography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D. / Ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 257–288. *Prieur J.*-M. Philostorge et la Theologie neo-arienne // Studia Patristica. Vol. XLII. 2003. P. 211–217.
2. *Удальцова З. В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии // Византийский временник. 44. 1983. С. 3–17.
3. Philostorgius Kircgengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiocien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913.
4. Подробнее об истории изданий сочинения Филосторгия см.: Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С. 520. Самым полным и лучшим, пожалуй, на сегодняшний день критическим изданием Филосторгия является немецкий перевод под редакцией Фр. Винкельмана: Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiocien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. (Third Edition by F. Winkelmann). Berlin, 1981.
5. Ревностная приверженность Филосторгия христианской вере сочетается у него с прекрасным классическим образованием. Первые буквы каждой книги образуют своеобразный акростих и составляют имя автора (цйлпуфпсгйпт). Данное обстоятельство говорит о прекрасном образовании автора и несомненных литературных способностях. Фотий (Cod. 40) отмечает литературные достоинства его «Церковной истории», такие как элегантность стиля, поэтическую речь, экспрессивные фигуральные выражения, которые делают сочинение приятным для чтения. Все это выдает несомненный талант и блестящую образованность автора. Кроме того, в своем труде он демонстрирует свои познания не только в сфере теологии и философии, но также и в естественных науках. Он знал астрономию, интересовался медициной и особенно географией. Его труд изобилует географическими описаниями дальних экзотических стран, варварских народов, диковинных зверей и причудливых растений Африки, Индии и островов Индийского океана (III, 4–11). Он рассказывает о теориях происхождения землетрясений, о затмениях солнца, кометах и прочих необычных природных явлениях, демонстрируя широкий кругозор и познания. Но с точки зрения христианина он рассматривает все

эти явления как проявления всемогущества Творца, и реальная причина всего происходящего в этом мире — божий промысел.

6. Евномий - сторонник арианства, вернее его крайней партии, члены которой именовались аномии (они считали, что Отец и сын суть одно, однако Сын не подобен Отцу; сторонники этого учения отличались исключительной непримиримостью и твердо стояли на своих убеждениях, не вступая ни в какие сделки с другими течениями). Во главе этой партии стоял Аэций, учитель Евномия, с которым последний был тесно связан. Даже став епископом, Евномий открыто продолжал следовать учению аномиев и перекрещивать православных и прочих верующих. Противники Евномия в Кизике подали на него жалобу в Константинополь, императору Констанцию, обвинив епископа в приверженности к учению Аэция. Констанций потребовал вызвать Евномия на суд, тот бежал, в конце концов Евномий основал свое братство. Евномий прожил до правления императора Феодосия, и известно, что он был изгнан за то, что, несмотря на указы Феодосия против ариан, продолжал пропаганду своего учения в Константинополе. (См.: Церковные историки IV–V вв. ... С. 389–390. Прим. 35)
7. Точная дата написания «Церковной истории» Филосторгия не известна. Промежуток между 425 и 433 гг. в качестве примерного времени появления «Истории» определяется, исходя из того, что последнее событие, упоминаемое в этом сочинении — провозглашение малолетнего Валентиниана III императором Западной Римской империи — относится к 425 году, следовательно, работа была закончена автором после 425 года. С другой стороны, Филосторгий заканчивает последнюю книгу картиной бедствий, постигших империи после осуждения евномиан, однако ничего не говорит о сильнейшем пожаре в Константинополе в 433 году. Очевидно, что на момент окончания работы, автор еще не знал о нем. (Philostorgius Kircgengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiocien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. P. CXXXII. *Удальцова З.В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии // Византийский Временник. 44. 1983. С. 6). Другие исследователи относят появление «Церковной истории» Филосторгия к более позднему времени, 430–440 гг., или даже к концу этой декады (*Zecchini G.* Filostorgio // Methodologie della ricerca sulla Tarda Antichita. Atti del Primo Convegno dell' Associazione di Studi Tardoantichi. A cura di A. Garzya. Napoli, 1989. P. 598. *Marasco G.* The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasios of Cyzicus // Greek and Roman Hitoriography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D. / Ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 259).
8. *Удальцова.* Ук. соч. С. 7.
9. Там же. С. 10.
10. Там же. С. 7.
11. Там же. С. 11.
12. Там же. С. 13.
13. Там же. С. 13.
14. Там же. С. 11.
15. Там же.
16. Там же.
17. Анализируя данный эпизод, исследователи обычно ссылаются не столько на «Церковную историю» Филосторгия, сколько на «Житие Константина», приписываемое тому же автору. «Жену же Фавсту он предал смерти совершенно справедливо, потому что она, подражая древней Федре, клеветала на своего сына Приска [следует читать Криспа], будто он питал к ней страсть и намеревался совершить над ней насилие, подобно тому, как и та [клеветала] на Ипполита, сына

Тезея. В согласии с законами природы отец почувствовал отвращение к сыну, но впоследствии, узнав истину, предал смерти и жену, приговорив ее к наказанию, самому справедливому из всех» (Цит. по: *Удальцова*. Ук. соч. С. 11). Интересно, что при описании данной драмы он сравнивает своих персонажей с героями античной трагедии, Федрой и Ипполитом, а самого Костантина — с Тезеем. Вся ответственность в данной ситуации возлагается на Фаусту — дочь язычника и гонителя христиан Максимиана, в то время как Крисп, ученик Лактанция и сторонник закона в пользу христиан, в его изображении является жертвой клеветы. (Подробнее см.: *Marasco G.* Constantino e le uccisioni di Crispo e Fausta (326 d.C) // Rivista di Fioioigia e di Istruzione Classica. 121. 1993. P. 307-309)

18. Когда Константин все осознал, он принял крещение от арианского епископа Евсевия Никомидийского, и отдал ему завещание, в котором просил первого сына наказать остальных. Евсевий Никомидийский отдал это завещание Констанцию, который и убил виновных (HE. II. 16)
19. Имеется в виду церковь св. Софии, обычно называемая «великой». В 404 г., во время беспорядков, вызванных низложением Иоанна Златоуста, церковь сгорела, затем отстраивалась в течение нескольких лет и была торжественно открыта 10 декабря 415 г. В 532 году во время восстания Ника она была разрушена и восстановлена императором Юстинианом.
20. Судя по географическому контексту, а также по прямому указанию в следующем параграфе (III. 6), под Индией Филосторгий в данном случае понимает Аравийский полуостров.
21. Ортодоксальные историки возлагают всю вину на самого Галла, обвиняя его в злоумышлениях против своего благодетеля, императора Констанция и стремлении к тиранической власти (Socrat. HE. II, 34; Sozomen. HE. IV, 7, 6-7). Версия светских историков выглядит иначе. Так, Аммиан Марцеллин обвиняет Галла не только в стремлении к тиранической власти, но изображает его лживым и коварным; а смерть Галла в его изображении выглядит как заслуженная кара за ложь(Amm. Marc. 14, 7; 14, 110). Впрочем, и в образе самого императора Констанция II Аммиан Марцеллин подчеркивает высокомерие, вспыльчивость, излишнюю подозрительность и жестокость. Подробнее см.: *Федорова Е.Л.* Образ Констанция II у Аммиана Марцеллина // Человек в культуре античности, средних веков и Возрождения. Иваново, 2006. С. 253–268.
22. Филосторгий сообщает, что «в ту пору, когда Галл стал цезарем и когда Констанций с Галлом поклялись во взаимной дружбе и торжественно уверили, что в будущем не станут злоумышлять друг против друга, сам он [Феофил Индиец — И.В.] между ними посредником и утвердил обоюдное их согласие» (IV. 1).
23. Подробнее см.: *Penella R.J.* Julian the Persecutor in Fifth Century Church Historians // The Ancient World. 1993. Vol. 24. P. 33 ff.
24. Валентиниан I правил Западом в 364–375 гг., а Валент II — Востоком империи в 364–378 гг. Примечательно, что Филосторгий одинаково говорит об обоих императорах, не выделяя ни западного правителя, ни восточного.
25. Руфин (HE. XI. 13); Созомен (VI. 40); Феодорит (IV. 32-36)
26. Eunap. Vita Soph., VII, 4, 3-5; Zosim. IV, 21.
27. *Грациан* был действительно четким последователем христианства. С самых ранних лет Грациан был очень набожным христианином и живо интересовался богословскими проблемами. В 379 году он не только объявил вне закона все ереси, но и изъял из своего титула звание pontifex maximus. Он был первым императором, предпринявшим этот шаг. Более того, он изъял общественные фонды, которые до того предназначались для языческих богослужений. Другим глубоко символиче-

ским поступком было его распоряжение о том, чтобы языческий алтарь Победы был убран из здания сената в Риме, куда его в свое время вновь поместил Юлиан Отступник. Этот приказ, расцененный многочисленными сенаторами-язычниками как решительная угроза их традиционной вере, заставил их направить к императору делегацию под предводительством Квинта Аврелия Симмаха, но Грациан не пожелал даже встретиться с ней. Подробнее см.: Церковные историки IV–V вв... С. 574. Прим. 4.

28. Zosim. 4. 44. *Paschoud F.* Zosime. Histoire nouvelle. T. II. 2e Partie. Paris, 1979. P. 436–438.
29. Подробнее об этой версии см.: *Marasco G.* The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasios of Cyzicus... P. 273.
30. Augustine. De civ. Dei V, 26; Oros. VII. 35; Socrat. HE. V, 12–14; Sozomen. HE. VII, 13–14.
31. Zosim. IV. 58, 4–5.
32. Augustine. De Civ. Dei.V. 26, 1; Paulin. Vite Ambr. 31, 3; Rufin. HE. II. 33; Oros. VII. 35, 12-19; Socrat. HE. V, 25, 12-15. Sozomen. HE. VII. 24, 6–7; Theodoret. HE. V. 24, 3-17; Chron. Gall // MGH. Auct. Ant. IX. Chronica Minora. Berolini, 1892. S. 650.
33. Oros. VII. 40, 2; Iordan. Get. 160.
34. “То будет царство разделенное, и в нем останется несколько крепости железа, так как ты видел железо, смешанное с горшечною глиной. И как персты ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое. А что ты видел железо, смешанное с глиною горшечною, это значит, что они смешаются чрез семя человеческое, но не сольются одно с другим, как железо не смешивается с глиною. И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Книга пророка Даниила, 2, 36–45).
35. Автор не объясняет, почему в качестве завершающего момента своей «Истории» он выбрал именно 425 год. Исследователи склонны объяснять данное обстоятельство тем, что именно этим годом заканчивается «История» Олимпиодора, основной источник информации Филосторгия по данному периоду (Philostorgius Kirchgengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiocien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. (Third Edition by F. Winkelmann). Berlin, 1981. (Second — Berlin, 1972). S. XV, CXXXIX, 140. *Matthews J.F.* Olympiodoros of Thebes and the History of the West (A.D. 407–425) // Journal of Religious Studies. 55. 1970. P. 81; *Baldwin B.* Olympiodorus of Thebes // L’Antiquité Classique. Vol. 49. 1989. P. 229–230. *Zecchini G.* Filostorgio // Methodologie della ricerca sulla Tarda Antichita. Atti del Primo Convegno dell’ Associazione di Studi Tardoantichi. A cura di A. Garzya. Napoli, 1989. P. 591, 596–598). Однако Филосторгий не похож на простого компилятора, слепо повторяющего сообщения своего источника. Он самостоятельно организует материал, почерпнутый из разнообразных источников; сам выбор материала, по мнению автора, заслуживающего внимания, вполне логичен и подчинен определенным критериям; Филосторгий дает очень яркие и самостоятельные оценки своим персонажам и событиям, о которых идет речь. Поэтому трудно предположить столь глубокую зависимость автора от Олимпиодора в последних книгах его «Истории», тем более что во многих случаях оценки и мнение Филосторгия кардинальным образом расходится с описанием Олимпиодора (Подробнее см.: *Marasco G.* The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasios of Cyzicus... P. 279–281).
36. *Argov*. Op. cit. P. 510.

37. *Удальцова*. Ук. соч. С.13

EMPERORS' IMAGES IN PHILOSTORGIUS' HISTORY

I. Yu. Vatshcheva

This article is devoted to the analysis of the specific features of Philostorgius' historical concept. His proclivity to the Arianism and belonging to the heretics usually make scholars to examine his work out of the frame of Byzantine historical church tradition. Nevertheless the analysis of this work demonstrates its' conceptual proximity with the “classical” Church histories. One of the most important facets of the author's historical perception indicating his originality is the way of portrayal of Roman emperors, their religious and political activity. Although some persons get another representation, very different from usual for orthodox tradition, at the same time the general view of emperor's role in the destiny of the Empire and the whole Christian oikumene gives an opportunity to examine Philostorgius' Church History as a part of the same phenomenon. At the same time some differences in Philostorgius' estimate of political leaders with the "classical' church histories reveals the own logic of the author that have not been the subject of special research yet.

Keywords: Church history, early Byzantine tradition, Byzantine church historiography.

ИСТОРИЯ

Северное Причерноморье

© 2009

И.Ю. Шауб

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ОЛЬВИИ ДОГЕТСКОЙ ЭПОХИ

Автор рассматривает историю исследования культов и религиозных представлений ольвиополитов до середины I в. до н.э. Эти исследования, преимущенно посвященные культам Ахилла, Аполлона и Диониса, можно разделить на две группы. В одних работах доказывается отсутствие разницы между религиозной жизнью обитателей Ольвии и греков Средиземноморья. Другие исследователи прослеживают в ольвийской духовной жизни влияние варварского окружения. К этим исследователям относится и автор.

Ключевые слова: антиковедение, Ольвия, религия.

Уже первый исследователь истории Ольвии В.В. Латышев[1] затрагивал проблематику ольвийских культов. Однако первая специальная работа на эту тему была написана английской исследовательницей Дж. Хирст (Херст)[2]. Поскольку статья Хирст создана на основе очень небольшого имевшегося к тому времени археологического материала, она в значительной степени устарела. То же можно сказать и об очерке ольвийских культов Э. Миннза[3], поскольку, рассматривая данную тему, английский ученый опирался главным образом на исследования своей соотечественницы.

Из дореволюционных отечественных исследователей интерес к проблематике ольвийских культов проявил только И.И. Толстой[4]. Целый ряд аспектов религиозной жизни ольвиополитов осветил на основании изучения нумизматических материалов П.О. Карышковский[5]. Культам отдельных божеств, прежде всего Аполлона и Зевса, посвятила свои статьи Е.И. Леви[6]; Н.А. Лейпунская[7] проанализировала культы Аполлона и Ахилла. Различные стороны религиозной жизни сельского населения ольвийской округи кратко рассмотрели в своем коллективном труде С.Д. Крыжицкий. С.Б. Буйских, А.В. Бураков и В.М. Отрешко[8].

Несмотря на то, что Ю. Г. Виноградов никогда специально не занимался ре-

лигиозными вопросами, он часто затрагивал их как в своих историко-политических[9], так и в эпиграфических штудиях[10] (особенно в сотрудничестве с А.С. Русяевой[11]). Вопросы религии в своих статьях, посвященных ольвийским граффити[12], затрагивали и В.П. Яйленко[13], и А.В. Лебедев[14]. В.П. Яйленко посвятил специальную главу культам Березани по данным граффити в своей книге, посвященной греческой колонизации[15].

Колоссальная работа по изысканию, сбору и систематизации материала, относящегося к религиозной жизни ольвиополитов, проведена А.С. Русяевой[16]. Однако, преклоняясь перед титаническим трудом, проделанным киевским археологом, невозможно умолчать о том, что большинство работ А.С. Русяевой (за исключением тех, которые написаны в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым) перегружены банальностями и отличаются весьма низким уровнем теоретического осмысления богатейших ольвийских находок[17]. Вследствие этого, к сожалению, как предложенные А.С. Русяевой интерпретации отдельных памятников, так и ее мнения относительно целого ряда явлений религиозной жизни обитателей Северного Причерноморья античной эпохи приходится рассматривать весьма критически[18].

Большое место отведено ольвийским государственным культам в монографии М.Е. Бондаренко «Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья»[19]. Как следует из ее заглавия, автор, собрав все известные ему опубликованные материалы, попытался реконструировать государственные пантеоны греческих колоний Северного Причерноморья. Однако, поскольку М.Е. Бондаренко сознательно не углубляется в предмет своего исследования[20], оно имеет весьма формальный характер; отсюда и выводы ученого далеко не всегда звучат убедительно. В то же время, необходимо отметить, что данный труд молодого исследователя[21] является наиболее полным собранием археологических источников о государственных культах греческих полисов Северного Причерноморья, в частности - Ольвии.

Свое видение религиозной жизни ольвиополитов автор этих строк изложил в соответствующей главе своей монографии[22], а также нескольких статьях[23].

Замечательная книга И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте»[24], где были обобщены результаты его многолетних исследований, и не менее блестящая рецензия на нее М.И. Ростовцева[25] положили начало исследованию культа Ахилла, интенсивное поклонение которому являлось наиболее яркой отличительной чертой религиозной жизни ольвиополитов. Ахиллу посвящено специальных работ более, чем какому-либо другому религиозному персонажу античного Причерноморья. Главным вопросом культа Ахилла здесь является наличие в его образе варварских черт, которые одни исследователи вслед за И.И. Толстым игнорируют или отрицают[26], а другие, следуя за М.И. Ростовцевым, допускают или прослеживают[27].

Уже первый исследователь культа Ахилла в Причерноморье Г. Кёлер вполне логично предположил, что этот культ имел здесь местную подоснову[28]. Рецензируя замечательную книгу И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте», в которой, однако, вопрос о негреческих элементах в почитании Ахилла даже не был затронут, М.И. Ростовцев высказал гипотезу о существовании догреческого культа Белого острова, «так близко связанного с

Фракией, с культом верховного фракийского божества, одновременно божества небесного и хтонического, победителя зла, которого в эллинистическое и римское время чтили во Фракии и как героя, и как бога, изображая его чаще всего как героя-всадника»[29]. Предположение великого русского историка поддержал В.Д. Блаватский[30], однако без существенной дополнительной аргументации. Размышляя в том же ключе, Н. В. Пятышева предположила, что на Левке «было обиталище, может быть, мифическое, какого-то гигантского змея, которого боготворили местные племена, задолго до прихода сюда греков»[31].

По мнению М.Ф. Болтенко[32], причерноморский Ахилл был связан со скифскими религиозными представлениями.

В своих многочисленных работах за «эллинскую чистоту» причерноморского Ахилла активно борется А.С. Русяева[33]. Не желают видеть в образе причерноморского бога негреческих черт также Х. Хоммель[34], А.А. Курбатов[35], Н. Эрхардт[36], П.Д. Диатроптов[37].

Не соглашаясь с абсолютизацией некоторых выводов М. Ф. Болтенко, авторы наиболее обстоятельной работы об Ахилле на Левке С. Б. Охотников и А.С. Островерхов «не могут принять и безусловную категоричность» Русяевой. Напоминая о том, что «работами ряда отечественных и зарубежных исследователей... показано определенное сходство на уровне индоевропейского единства ряда скифских и греческих богов и культурных героев», Охотников и Островерхов указывают, что «чисто эллинские по своему происхождению и характеру культы и святилища могли ассоциироваться у варварского населения с соответствующими местными божествами и сакральными местами»[38].

Попыткой подвести итог многолетнему изучению ольвийского культа Ахилла явился сборник статей под редакцией Й. Хупе[39]. Автор обстоятельной рецензии на издание Хупе А.В. Белоусов, признавая несомненные достоинства данной книги, справедливо отмечает ее явную неполноту как в источниковедческом, так и в интерпретационном плане[40].

Несмотря на большое количество работ, посвященных Ахиллу, целый ряд аспектов его культа и особенно связанных с ним мифов остается во многом неясным. Так, еще никто, кажется, не обращал внимания на удивительное сходство сюжета посмертного перенесения Ахилла его матерью Фетидой на остров Левку (поднятый богиней из моря) (Arrian. PPE. 32) с мифом о сокрытии ею же своего сына на острове Скиросе (Apollod. III. 8). Исчезновение персонажа мифопоэтически означает его временную смерть[41]. Таким образом, уже в данном случае у Ахилла явно просматриваются черты, свойственные умирающему и воскресающему божеству.

Супругой Ахилла на Левке античные авторы чаще всего называют Елену или Ифигению; но в этом качестве упоминаются также Медея, Геката и Поликсена. Образы этих персонажей сохранили естественные черты, связывающие их с богинями, которые являются ипостасями Великой богини Эгеиды, — в первую очередь, Артемидой и Кибелой. Поэтому вполне естественно ожидать, что в образе и культе Ахилла должны были сохраниться черты, восходящие к доэллинскому супругу Великой богини — умирающему и воскресающему вегетативному божеству, — и они действительно прослеживаются. Этими чертами являются: связь с растительностью (граффити с изображением растений, сообщения

античных авторов о священных деревьях, росших вокруг храма Ахилла на Левке, посвящение Ахиллу шишки) и плодородием (оттиск перстня с изображением змеи в наиске, многочисленные изображения змей и фаллических фигур на граффити; судя по надписям, яркие черты божества плодородия наличествовали и у Ахилла Понтарха), но главное — связь со сферой смерти.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет утверждать (вопреки господствующим мнениям), что Ахилл в своих истоках был богом, скорее всего, — умирающим и воскресающим божеством, спутником Великой богини эгейско-малоазийского круга. Что касается удивительного своеобразия причерноморской мифологии и культа Ахилла, то оно явно было обусловлено не только воскрешением архаических пластов образа этого бога, но и несомненным влиянием на этот образ местной варварской среды.

Наряду с Ахиллом из тех божеств, которым поклонялись ольвиополиты, наибольший интерес исследователей привлекают к себе Аполлон и Дионис. Аполлон – верховный бог ранней Ольвии, начало изучению культа которого положил И.И. Толстой, - первоначально почитался здесь как Врач (Иэтрос). Происхождение этого культа, характерного только для понтийских колоний и отсутствующего в Средиземноморье, Ю.Г. Виноградов объясняет гипотезой, согласно которой этот культ был предписан специально для милетских колонистов Дидимским оракулом[42]. С этой гипотезой солидаризируются Н. Эрхардт[43], Ф.В. Шелов-Коведяев[44] и А.С. Русяева[45]. На вопрос о том, почему в Ольвии и других понтийских колониях возник данный культ, попытался ответить И.Ю. Шауб, предположив, что эпиклеза Врач появилась здесь у Аполлона под воздействием культа местного божества с соответствующими (шаманскими) функциями[46].

Находки орфических граффити пробудили интерес к ольвийскому культу Диониса[47]. Этот культ наряду с орфической спецификой, по мнению И.Ю. Шауба, имел здесь весьма архаические черты[48].

Орфизм, по мнению А.С. Русяевой, проник в Ольвию в V в. до н.э. из Афин[49]. Однако Е. Пенкова обоснованно предполагает, что орфизм пришел в Ольвию из Милета в VI в. до н.э.[50], причем явно на хорошо подготовленную почву. Об этом наглядно свидетельствует существование уже в первой половине V в. до н.э. официального культа Вакха, адептом которого стал скифский царь Скил (Hdt. IV, 79)[51].

Таким образом, исследование культов и религиозных представлений ольвиополитов догетской эпохи можно четко разделить на две группы в соответствии с подходом исследователей к своему материалу. В одних работах присутствует стремление доказать отсутствие существенной разницы между религиозной жизнью обитателей Ольвии и эллинов Средиземноморья. В других – ольвийская религиозная специфика прослеживается во влиянии варварского окружения на духовную жизнь греков-колонистов.

Завершая наш историографический обзор, приходится констатировать, что, несмотря на немалое количество исследований, посвященное религиозной жизни ольвиополитов, состояние ее изученности остается довольно фрагментарным. В.И. Денисова совершенно обоснованно утверждает, что существует «необходимость расширения базы источников по Ольвии и насыщения ее но-

выми документальными материалами, без чего дальнейшая разработка различных аспектов истории этого античного центра может свестись к своего рода метафизической игре»[52].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб. 1887.
2. *Хирст Дж.* Ольвийские культы // ИАК. Вып. 27. 1908. С. 75-144.
3. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
4. *Толстой И.И.* Врач и Дельфиний // ИАК. Вып. 14. 1905. С. 44-53.
5. *Карышковский П.О.* О монетах с надписью EMINAKO // СА. 1960. № 1. С. 179-195; *он же.* Ольвийские монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского археологического общества. 1967. Т. II (35). С. 260-263; *он же.* Новые данные о связях Ольвии с Малой Азией во II в. н. э // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 172-177; *он же.* Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. 1982. С. 80-98; *он же.* Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 42-51*; он же.* Монеты Ольвии. Киев, 1988.
6. *Леви Е.И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., 1964. С. 131-174; *она же.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. № 2. С. 86-95; *она же.* Новые посвятительные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии // История и культура античного мира. М.; Л., 1977. С. 96-100.
7. *Лейпунська Н.О.* Культ Аполлона в Ольвіі // Археологія. 1964. Т. 16. С. 21-26; *она же.* Про культ Ахілла в Північному Причорномор'і // Археологія. 1970. Т. 23. С. 60-73.
8. *Крыжицкий С. Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
9. См.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1989. С. 366-420; *Vinogradov Ju.G., Kryzickij S.D.* Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlischen Schwarzmeerraum. Leiden-New York-Koln. 1995.
10. Напр.: *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. Mainz, 1997.
11. См., напр., *Виноградов Ю.Г., Русяева А.С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев., 1980. С. 19-84; и соответствующую библиографию в: *Vinogradov Ju.G., Rusjaeva A.S.* Phantasmomagica Olbiopolitana // ZPE. Bd. 121. 1998. S. 153-164; *Виноградов Ю.Г., Русяева А.С.* Граффити из святилища Аполлона на Западном теменосе Ольвии // ХС. 11. 2001. С. 134-142.
12. Ряд ольвийских граффити религиозного содержания рассмотрел в своей книге Л. Дюбуа: *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996; см. также рецензию на эту книгу: *Тохтасьев С.Р.* Рец.: Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Geneve, 1996 // Hyperboreus. V. 5. Fasc. 1. 1999. С. 164-192.
13. *Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии. Часть I // ВДИ. 1980. № 2. С. 72-99; Часть II // ВДИ. 1980. № 3. С. 75-116.
14. *Lebedev A.* Pharnabazos, the Diviner of Hermes: Two Ostraka with Curse Letters from Olbia // ZPE. Bd. 112. 1996. S. 268-278; *Lebedev A.* The Devotio of Xanthippos: Magic and Mystery Cults in Olbia // ZPE. Bd. 112. 1996. S. 279-283. Обоснованную критику искусственных построений этого автора см.: *Vinogradov, Rusjaeva.* Op. cit.

15. *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н.э. М., 1982.
16. Библиографию см.: *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992; *она же.* Древнегреческие ландшафтные святилища в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. № 4. 2002. Ч. II. С. 271-276; *она же.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
17. Лучше всякой критики могут свидетельствовать цитаты, выбранные наудачу из ее обобщающего труда: *Русяева А.С.* Религия и культы... Эти цитаты приведены в: *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. СПб., 2007. С. 39-42; подобными цитатами не только из данной, но и из других работ уважаемой киевской исследовательницы данный перечень можно было бы многократно увеличить.
18. Относительно монографии А.С. Русяевой «Религия понтийских эллинов в античную эпоху» (Киев, 2005), признанного специалиста в области северопричерноморских культов, к сожалению, приходится констатировать, что эта работа, претендующая на систематизацию и обобщение всех данных о верованиях греков-колонистов в Северном Причерноморье, состоит по сути из отдельных очерков (об этом наглядно свидетельствуют названия разделов: «Аполлон — главный защитник ионийских полисов», «Деметра — великая аграрная богиня» и т. п.). Кроме того, книга А.С. Русяевой, не обладая основным достоинством многих прежних публикаций автора, — введением в научный обиход интереснейших культовых памятников Ольвии, имеет те же существенные недостатки, которые свойственны всему научному творчеству киевской исследовательницы: поверхностные интерпретации памятников, прямолинейные обобщения и проч.
19. *Бондаренко М.Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М., 2007.
20. Приведем только один характерный пример поверхностного отношения автора к своему предмету. Говоря о «полисно-сакральной эмблеме» Ольвии, - изображении орла, клюющего дельфина, М.Е. Бондаренко пишет: «Вопросы, связанные с ее происхождением, временем возникновения, политическим и идеологическим значением, остаются до сих пор дискуссионными... поэтому мы воздержимся от их рассмотрения». О дискуссионности этого вопроса см.: *Карышковский.* Об изображении орла... С. 80-98; *Алексеев В.П.* О семантике «городских гербов» Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 51-52; *Русяева.* Религия и культы... С. 65-70. Кстати, московскому исследователю осталась неизвестной наша работа (*Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды. II. Религиозно-мифологическое значение дельфина в Ольвии и в Этрурии // ИС. № 7. 2003. С. 5-12), где рассматривается семантика этой эмблемы.
21. Эта монография М.Е. Бондаренко выгодно отличается от его предшествующей работы (*Бондаренко М.Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003).
22. *Шауб.* Миф, культ...
23. *Шауб И.Ю.* Ахилл — бог Северного Причерноморья // «Новый часовой». № 13-14. 2002; *он же.* Религиозно-мифологическое значение...; *Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды. III. Геракл в Италии и Скифии // ИС. № 7. 2003. С. 12-28; *он же.* О семантике находок в некрополе Ольвии VI– IV веков до н.э. // Археологические вести. № 14. 2007. С. 106-117; *он же.* Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии // Археологические вести. № 15. 2008. С. 112-117; см. также: *он же.* Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. М.,-СПб., 2008.

24. *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг. 1918.
25. *Ростовцев М.И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 65. 1918. С. 177-197.
26. *Русяева А.С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. 1975. Вып. 2. С. 174-185; *она же.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979; *она же.* Религия и культы...; *она же.* Религия понтийских... (с библиографией) и др.; *Хоммель Х.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 53-76; *Курбатов А.А.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Буйских С.Б.* Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (Предварительные итоги) // ХС. № 11. 2001. С. 34-43; см. также: Der Achilleus-Kult im nordlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die romische Kaiserzeit. Beitrage zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von J. Hupe. Rahden, Leidorf, 2006.
27. *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии СССР. 1954. № 33. С. 7-44; *он же.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII — V вв. до н. э.) // СА. 1964. № 2. С. 13-26; II: № 4. С. 25-35. 1964; *Шауб.* Культы и религиозные представления; *он же.* Ахилл — бог...; *он же.* Миф, культ...; *Коршунков В.А.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.С. 32-34; *Дудко Д. М.* Белый остров Ахилла и индоиранская мифология // Восток. 1993. № 1. С. 15-20; *Охотников С. Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 72; *Белоусов А.В.* Рец. на: Der Achilleus-Kult im nordlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die romische Kaiserzeit. Beitrage zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von J. Hupe. Rahden, Leidorf, 2006 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Государственного Университета. Серия «Филология». Вып. 1 (11). С. 117-130. 2008.
28. *Koehler H.* Memoires sur les oles et la course consacrées a Achille dans le Pont Euxin. SPb. 1826; см. также: *Уваров А.С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 1. 1851.
29. *Ростовцев М.И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 65. 1918. С. 182.
30. *Блаватский.* Воздействие... I: С. 18—19; II: С. 28—29
31. *Пятышева Н.В.* Археологическое обследование острова Левке (о-в Змеиный) осенью 1964 г. // Труды Государственного исторического музея. 1966. Вып. 40. С. 68.
32. *Болтенко М.Ф.* Herodoteanea // Материалы по археологии Северного Причерноморья. № 4. 1962. С. 16 сл.
33. *Русяева.* Вопросы... С. 174—185 и др.
34. *Хоммель.* Ук. соч. С. 59, прим. 35.
35. *Курбатов А.А.* Ольвийские формы культа Ахилла (к истории полисной идеологии) // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982 С. 81-96; *Курбатов А.А.* Культ Ахилла...
36. *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main-Bern-New York. 1983.
37. *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 16. В то же время этот автор отмечает, что «напрочь отвергать возможность каких-либо туземных влияний на культ Ахилла все же нельзя, исходя просто из известных нам особенностей древнегреческой религии, открытой для любых влияний».
38. *Охотников, Островерхов.* Ук. соч. 1993. С. 72
39. Der Achilleus-Kult...

40. *Белоусов*. Ук. соч.
41. См.: *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 180 и др.
42. *Vinogradov Ju.G.* Griechische Epigraphik und Geschichte des nordlichen Pontosge-bietes // Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucuresti; Paris, 1979. S. 300; *Виноградов Ю.Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 21 сл.
43. *Ehrhardt.* Op. cit. S. 145.
44. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Рец. на кн.: Ju.G. Vinogradov. Olbia. XENIA. Heft I. Konstanz, 1981 // ВДИ. 1984. № 3. С. 85.
45. *Русяева А.С.* Милет — Дидимы — Борисфен— Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25 и др.
46. *Шауб И.Ю.* Греческие традиции и местные влияния в культах городов Боспора VI–V вв. до н. э. // Тез. докл. конф. «Идеологические представления древнейших обществ». М., 1980. С. 140-142; *он же.* Культы и религиозные представления...; *он же.* Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре // Клио. № 1 (4). 1998. С. 67-74. Эта догадка была высказана впервые еще в 1923 г. Р. Ганшиниецем (*Ganszyniez R.* Apollon als Heilgott // Archiv für Geschichte der Medizin. Bd. 15. 1923), однако бездоказательно.
47. *Русяева А.С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87-104; *West M.L.* The Orphics in Olbia // ZPE. Bd. 45. 1982. S. 17-29; *Жмудь Л. Я.* Орфические графитти из Ольвии // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 94-110.
48. *Шауб.* Культ Диониса...
49. *Русяева.* Религия и культы...
50. *Penkova E.* Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia // Thracia. Vol. 15. 2003. P. 606 sq.
51. О чертах дионисийского мифа в новелле Геродота о Скиле см.: *Шауб И.Ю.* Черты дионисийского мифа в легенде о скифском царе Скиле // Античный мир и археология. Вып. 12. 2006. Саратов. С. 345-350.
52. *Денисова В.И.* К некрополю Ольвии начальной поры (даты, находки, гипотезы) // Археологические вести. № 8. 2001. С. 200.

TO THE HISTORY OF THE STUDIES OF OLBIAN RELIGIOUS LIFE IN THE PREGETIC EPOCH

I.Yu. Shaub

The author reviews the history of studies concerning the cults and religious views of the citizens of Olbia to the middle of the 1st century BC. These studies, primarily dedicated to the cults of Achilles, Apollo and Dionysos, can be divided in two groups. The first group of studies argues for the lack of difference between the religious life of Olbiopolites and the Mediterranean Greeks. The studies of the second group trace the influence of barbaric milieu in the spiritual life of Olbia. The author belongs to the latter point of view.

Keywords: classic archaeology, Olbia, religion.

© 2009

Н.И. Храпунов

МОНЕТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ (НАХОДКИ 1996–2008 гг.)

В статье публикуются 29 монет, найденные в могильнике Нейзац в Крыму. Некрополь формировался сарматами и аланами во 2–4 вв. н.э. В 2008 г. было раскопано 384 погребения. Из 29 монет 15 экземпляров принадлежит Римской империи и провинциальной чеканке, Боспорскому царству — 7, Херсонесу Таврическому — 1, неопределенных — 6. Монеты происходят всего из 5 % могил. Они находились в мужских, женских и детских погребениях. Бронзовые боспорские монеты принадлежат Савромату I, Рескупориду IV, Савромату IV, Рескупориду V. Монета Херсонеса относится к 161–180 гг. Римские монеты делятся на пять групп: 5 денариев 186–222 гг., два антониана (Галлиен, Диоклетиан), 8 бронзовых монет 294–318 гг. Две первых группы выпущены в Риме, третья — в Сисции, Аквилее, Кизике, Никомедии, Фессалониках и Гераклее Понтийской.

Ключевые слова: археология, Крым, римские монеты.

Могильник Нейзац расположен в центральном Крыму, в 10 км к югу от поселка Зуя, приблизительно в 15 км к северо-востоку от Симферополя. В настоящее время регулярные раскопки ведутся под руководством И.Н.Храпунова. Ими в 1996–2008 гг. открыто 378 погребальных сооружений. Еще три склепа раскопал в 1927 г. Н.Л.Эрнст, один склеп — А.А.Щепинский в 1957 г., и два склепа — О.А.Махнева в 1969 г. Все они принадлежали сарматам и аланам и датируются II–IV вв.н.э.[1] Находки хранятся в Центральном музее Тавриды в Симферополе.[2]

Среди многочисленного и разнообразного инвентаря небольшую группу оставляют монеты. Для отчетов 1996–2005 гг. и нескольких публикаций отдельных комплексов их определял Н.А.Алексеенко (Севастополь). Сейчас появилась возможность уточнить и исправить некоторые определения, дополнив их информацией о находках 2006 и 2008 гг., а также некоторыми наблюдениями на основе статистики. Данная информация может оказаться полезной для реконструкции связей населения предгорного Крыма с другими регионами.

К настоящему времени в Нейзаце найдено 29 древних монет (все они происходят из раскопок И.Н.Храпунова), из них 15 римской чеканки, семь боспорских, одна херсонесская, а также шесть античных, коррозированных настолько, что определению они не поддаются. В слое дерна над могилами найдена также средневековая джучидская монета, которая, очевидно, не имеет отношения к могильнику и оказалась на его территории случайно.

В нижеследующем каталоге монеты сгруппированы по центрам выпуска (Римская империя, Боспорское царство, Херсонес в Таврике, неопределяемые) и внутри каждой группы расположены в приблизительном хронологическом

порядке. На рисунках приводятся снимки монет, указанные номера соответствуют номерам в каталоге. Поскольку сохранность монет в большинстве случаев далека от идеала, фотографии даны с увеличением. Снимки некоторых монет опущены, так как сохранность находок не позволяет ничего по ним разобрать: необходим личный осмотр монеты под разными углами. Не фотографировались и стертые, неопределяемые находки. В круглых скобках указан инвентарный номер Музея. В тех случаях, когда проводилась апробация, для серебряных монет указана проба.

Приведенный вес в большинстве случаев не соответствует тому, с которым монета покинула монетный двор. Он отражает физическую сохранность находки, изменение ее состава в результате химических реакций во время пребывания в могиле, а также влияние консервации (очистка, нанесение защитного слоя).

При описании легенд использованы следующие условные обозначения: угловые скобки — буква не сохранилась, восстановлена; круглые скобки () — буква сохранилась частично, восстановлена; тире — разрыв легенды; точка в легенде означает, что данное слово сокращено. Л.с. — лицевая сторона, о.с. — оборотная сторона, д. — диаметр монеты, т. — ее толщина.

Римская империя

1. Могила № 222, номер находки — 1 (КП–53819). Опубликована с неточностями в описании и определении.[3]

Определение: Коммод. Выпуск 186 г. (первый). Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал: денарий.[4]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: (M. CO)MM. ANT. — P. (FE)L. AVG. BRIT. Точечный ободок.

О.с.: Либертас (олицетворяла свободу) в рост, влево, в левой руке держит жезл, в правой, протянутой — пилей (коническую шляпу). Вокруг надпись: LIB(ERT. AVG. P. M. TR. P.) XI IMP. VII COS. V (P. P.). Точечный ободок.

Сохранность: хорошая. Края обрезаны неровно, выщерблены, обломаны в нескольких местах, есть глубокая трещина. Л.с. не отцентрована. Д.=17–18 мм, т.=2 мм. Вес: 2,63 г. Соотношение осей: 12:7.

2. Могила № 107 (провалилась вместе с частью вещей в могилу 80, номер находки — 12) (КП–50158).

Определение: Коммод. Выпуск 186 или 186–187 гг. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал: денарий.[5]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: <M.> COMM. ANT. — P. FEL. (A)<VG. BRIT.>.

О.с.: Фортуна, сидящая на кресле влево. В левой руке держит рог изобилия. Изображение руля (возможно, на сфере), которое должно находиться слева от Фортуны (она держит руль правой рукой), не сохранилось. От круговой надписи уцелели буквы COS (...) справа от изображения. В обрезе — остатки 6 букв, которые реконструируются как (FOR. RED.).

Сохранность: плохая. Изображение стерто, особенно на о.с. Края монеты обрезаны не ровно. Д.=18 мм, т.=2 мм. Вес: 2,82 г. Проба: 750. Соотношение

Рис. 1. Монеты из могильника Нейзац

осей: 12:12.

3. Могила № 18, номер находки — 1.[6]

Определение: Септимий Север. Выпуск 193 г. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал: денарий.[7]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: (I)MP. CAE. L. SE–P. SEV. PERT. A(VG.). (Точечный?) ободок.

О.с.: Орел легиона, влево, между двумя штандартами. Вокруг надпись: (LE)G. — III (IT)–(AL). В обрезе: (T)R. P. CO(S).

Сохранность: хорошая. По краям выщерблины. Д=18 мм, т.=2 мм. Вес: 2,63 г. Соотношение осей: 12:11.

4. Могила № 62, номер находки — 2 (КП–48770).

Определение: Юлия Домна. Выпуск ок. 211–217 гг., времени правления ее сына Каракаллы. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал: денарий.[8]

Л.с.: Бюст императрицы, задрапированный, вправо; волосы уложены аккуратными волнами и низко спущены сзади. По сторонам надпись: IVLIA PIA — FELIX AVG. Точечный ободок.

О.с.: Диана в рост, в фас, голова влево, в обеих руках держит факел. По сторонам надпись: DIANA LV–CIFERA. Точечный ободок.

Сохранность: очень хорошая. Края заготовки обрезаны неровно. Заготовка растрескалась по краям (от удара при чеканке?). Д.=18–20 мм, т.=2 мм. Вес: 2,71 г. Проба: 500. Соотношение осей: 12:12.

5. Могила № 62, номер находки — 1 (КП–48769).

Определение: Александр Север. Выпуск 222 г. (не ранее марта). Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал: денарий.[9]

Л.с.: Бюст безбородого императора в лавровом венке, задрапированный, (в кирасе?), вправо. Вокруг надпись: <IMP. C.> (M.) AVR. SEV. ALEXAND. AVG. Точечный ободок.

О.с.: Юпитер, в рост, влево, плащ позади и переброшен через правую руку, в правой вытянутой руке молния, опирается на скипетр в левой руке. Круговая надпись: (P. M.) TR. P. — COS. P. P. Точечный ободок.

Сохранность: удовлетворительная. Левый край л.с. поврежден, как будто сбит. Часть легенды утрачена. Рядом в крае монеты имеется выщерблина. О.с. не отцентрована, верхняя часть двух первых букв легенды срезана при изготовлении. Д.=19–20 мм, т.=2 мм. Вес: 2,78 г. Проба: 750. Соотношение осей: 12:5.

6. Могила № 35, номер находки — 2 (КП–48703).

Определение: Галлиен. Выпуск 260–268 гг. Место чеканки: Рим. Медь (бронза) или биллон (низкопробное серебро). Номинал / тип: антониниан.[10]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лучистой короне, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: GALLIENV(S) AG. Точечный ободок.

О.с.: Солдат (по мнению Д.Р.Сира — Виртус, олицетворение мужества), в рост, влево, правой рукой опирается на щит, левой держит копье. Вокруг надпись: (V)RTS <AVG>. Точечный ободок.

Сохранность: л.с. — удовлетворительная, о.с. — плохая (от изображений со-

Рис. 2. Монеты из могильника Нейзац

хранились слабо различимые контуры). Вероятно, пострадала уже после реставрации — на рисунках из отчета некоторые детали видны лучше, чем на самой монете. Отчеканена на кружке большего, чем нужно, диаметра, обрезана неровно. Д.=20–22 мм, т.=1 мм. Вес: 1,89 г. Соотношение осей: 12:11. Не исключена, что была покрыта несохранившимся слоем серебра.

7. Могила № 154, номер находки — 1 (КП–51660).

Определение: Диоклетиан. Вероятно, выпущена до монетной реформы, то есть в 284–294 гг. Бронза или биллон. Номинал / тип: антониниан.[11]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лучистой короне, в доспехах, вправо. Вокруг надпись: <...>(VA)L. DIOCLET(IANV)S P.(F. AVG.). (Точечный?) ободок.

О.с.: Фигура в рост, с копьем или жезлом в правой руке. Вокруг нечитаемые остатки надписи. Вероятно, здесь был изображен Юпитер с жезлом в левой руке, легенда — один из вариантов IOVI CONSERVATORI.

Сохранность: л.с. — удовлетворительная, о.с. — плохая. Отчеканена на неровно обрезанной заготовке, немного не отцентрована. Д.=21–22 мм, т.=2 мм. Вес: 3,02 г. Соотношение осей: 12:7. Слева от головы императора (на 8 часов) проделано отверстие для подвешивания. При этом изображения аверса и реверса во внимание не принимались (оба боком). Возможно, отверстие умышленно проделали в выступающей части края. Вероятно, в этот момент монета была деформирована, данный сектор стал выступать еще сильнее.

8. Могила № 119, номер находки — 1. Утеряна, определение сделано по рисунку в отчете.

Определение: Максимиан Геркулий. Выпуск ок. 294 гг. Место чеканки: Сисция (совр. Сиссек, Сербия). Мастерская: 2. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[12]

Л.с.: Бюст безбородого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: IMP. C. M. A. MAXIMIANVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О.с.: Гений в рост, влево, обнаженный, в хламиде, переброшенной через левое плечо, с рогом изобилия в левой и патерой в правой руке. Слева в поле знак монетного двора: (S); справа — обозначение мастерской: B. Круговая надпись: (G)ENIO (P)O(PVLI) ROMANI. Точечный ободок.

Сохранность: Л.с. — хорошая, о.с. — плохая (повреждена коррозией). Обе стороны слегка не отцентрованы. Внизу, справа в поле проделано отверстие для подвешивания. Д.=27 мм. Соотношение осей: 12:1.

9. Могила № 35, номер находки — 1 (КП–48702).

Определение: Галерий Максимиан. Выпуск ок. 301 или ок. 302–303 гг. Место чеканки: Аквилея. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[13]

Л.с.: Бюст бородатого цезаря в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: MAXIMIANVS NOB. CAES. Точечный ободок.

О.с.: Монета (олицетворяла монетное дело) в рост, влево, в правой руке держит весы, в левой — рог изобилия. Вокруг надпись: SACR. MONET. AVG(G). <ET CAESS.> (N)O(STR). Точечный ободок.

Сохранность: л.с. — хорошая, о.с. — плохая. От изображений о.с. сохрани-

Рис. 3. Монеты из могильника Нейзац

лись слабо различимые контуры. Монета пострадала уже после реставрации — на рисунке из отчета видна, на о.с., та часть легенды с буквами ...G. ET C(A)..., которая сейчас уже не различима. Д.=27–28 мм, т.=4 мм. Вес: 9,56 г. Соотношение осей: 12:6.

10. Могила № 110, номер находки — 4 (КП–50899).

Определение: Галерий Максимиан. Выпуск ок. 311 г. Место чеканки: Кизик. Номер мастерской: 4. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[14]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: GAL. MAXIMIANVS <P. F. AVG.>. Точечный ободок.

О.с.: Круговая надпись вдоль края: GENIO IMP–ERATORIS. Обнаженная фигура гения в рост, влево; на голове — модий (род шапки), через левое плечо переброшена хламида; в правой руке держит патеру, из которой совершает возлияние, в левой — рог изобилия. Слева в поле знак монетной мастерской: Д; справа — три точки по вертикали. В обрезе: (MK)V. Точечный ободок.

Сохранность: плохая. Правый край л.с. стерт, часть легенды утрачена. Легенда о.с. читается хорошо, за исключением первых двух знаков в обрезе. Л.с. немного не отцентрована. В центре монеты проделано отверстие для подвешивания. Д.=24 мм, т.=2 мм. Вес: 4,02 г. Соотношение осей: 12:1.

11. Могила № 238, южный подбой, номер находки –7 (КП–53863).

Определение: Максимин II Дая. Выпуск 310–311 гг. Место чеканки: Никомедия. Номер мастерской: 5. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[15]

Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо. Вокруг надпись: IMP C. GAL. VAL. MAXIMINVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О.с.: Гений в рост, влево, обнаженный, через левое плечо переброшена хламида, на голове модиус, в левой руке держит рог изобилия, в правой — патеру, из которой совершает возлияние. Вокруг надпись: GENIO AV–GVSTI (CMH). В обрезе: SMNE. Точечный ободок.

Сохранность: удовлетворительная. Д.=20–21 мм, т.=2 мм. Вес: 4,00 г. Соотношение осей: 12:5.

12. Могила № 305, номер находки — 14 (КП–56184).

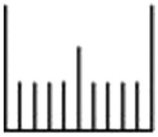
Определение: Лициний I Старший. Выпуск ок. 312–313 гг. Место чекана: Фессалоника. Мастерская: 3. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[16]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, в кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: <IMP. LIC.> LICINIVS. P. F. AVG. Точечный ободок.

Начало легенды восстановлено по количеству знаков, которое могло бы поместиться в лакуне. Возможные варианты — <IMP. C. VAL. LIC.> или <VAL. LIC.> — не изменили бы датировку, но заняли бы соответственно слишком много или слишком мало места.

О.с.: Юпитер в рост, влево, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на сфере, с венком в руке; внизу слева орел с венком в клюве. Вокруг надпись: IOVI CONSERVATORI A<VGG.> N. N. В обрезе: TSГ. Точечный ободок.

Рис. 4. Монеты из могильника Нейзац



Сохранность: Удовлетворительная. В поле справа от головы императора (на 4 часа) проделано отверстие для подвешивания. При проделывании отверстия монета треснула. Левый край л.с. и правый край о.с. стерт, часть легенды утрачена. Д.=22–23 мм, т.=1 мм. Вес: 2,85 г. Соотношение осей: 12:12.

13. Могила № 110, номер находки — 3 (КП–50898).

Определение: Константин I Великий. Выпуск 313–314 гг. Место чеканки: Гераклея. Номер мастерской: 5. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[17]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: IMP. (C. F)L. <VAL.> CONSTANTINVS <P. F. AVG.>. Точечный ободок.

Количество букв в лакунах легко подсчитать, а потому легенда восстанавливается с полной уверенностью.

О.с.: Юпитер в рост, влево, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на сфере, с венком в руке; внизу слева орел, влево, с венком в клюве. Вокруг надпись: IOVI CONS–(E) R(I) AVGG. Справа в поле знак монетной мастерской: Є. В обрезе: SM<HT>. Точечный ободок.

Нет никаких сомнений, что в обрезе находилось именно четыре знака. К сожалению, два последних не сохранились, однако их можно восстановить по сочетанию легенд л.с. и о.с.

Сохранность: л.с. — удовлетворительная, о.с. — плохая. От изображений о.с. сохранились лишь очертания. Немного не отцентрована. Внизу, справа от изображения императора (на 5 часов) в поле проделано отверстие для подвешивания. Д.=23 мм, т.=2 мм. Вес: 2,74 г. Соотношение осей: 12:5. Судя по опубликованным в Интернете фотографиям, некоторые монеты этого типа имеют следы покрытия серебром. Вероятно, серебряная плакировка исчезла либо из-за коррозии во время пребывания в могиле, либо уже в ходе реставрации.

Принадлежит к тому же типу, что и № 14, отличаясь от него лишь незначительными деталями (они биты разными штампами, имеют разное соотношение осей).

14. Подъёмный материал, найдена рядом с могилой № 128 (КП–51063).

Определение: Константин I Великий. Выпуск 313–314 гг. Место чеканки: Гераклея. Номер мастерской: 5. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[18]

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: (I)MP. C. FL. V(A)L. CONST(A)NTI(NVS) <P. F. AVG.>. Точечный ободок.

О.с.: Юпитер в рост, влево, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на сфере, с венком в руке; внизу слева орел, влево, с венком в клюве. Вокруг надпись: IOVI CONS–(ER)VAT(ORI AVGG). Справа в поле знак монетной мастерской: Є. В обрезе: (MH)T. Точечный ободок.

Сохранность: Плохая. Монета коррозирована, часть букв утрачена. Края неровные. Немного не отцентрована. Д.=23–24 мм, т.=1 мм. Вес: 3,16 г. Соотношение осей: 12:12. Возможно, была плакирована серебром (см. №13).

15. Могила № 307, номер находки — 9 (КП–56306).

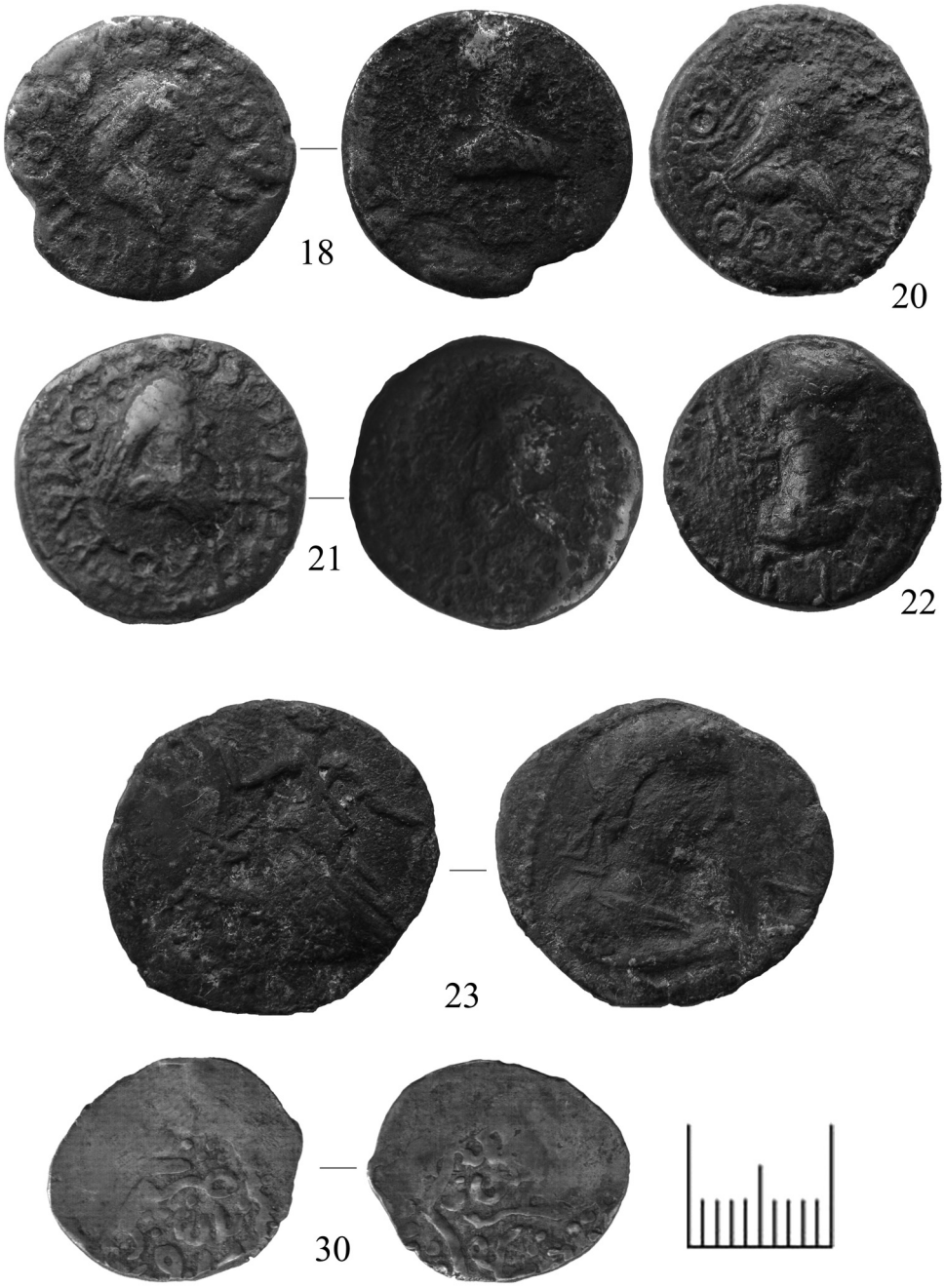


Рис. 5. Монеты из могильника Нейзац

Определение: Константин II Младший. Выпуск 317–318 гг. Место чекана: Фессалоника. Мастерская: 2. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[19]

Л.с.: Бюст императора (цезаря) в лавровом венке, в кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: CONSTANTINVS IVN. NOB. CAES. Точечный ободок.

О.с.: Солнце (Соль), в рост, влево, на голове — лучистая корона, правая рука поднята, в левой — сфера, через левое плечо переброшена хламида. По сторонам надпись: CLARITAS — REIPVBLICAE. В обрезе: TS·B. Точечный ободок.

Сохранность: Плохая. Поверхность коррозирована, по краям выщерблины. Отчеканена на заготовке овальной формы. Д.=19–22 мм, т.=2 мм. Вес: 2,39 г. Соотношение осей: 12:6.

Боспорское царство

16. Могила № 19, номер находки — 1 (Д–8400нв).

Определение: Савромат I (93/4–123/4 гг.), выпуск 93–96 гг. Медь (бронза). Номинал: сестерций.[20]

Л.с.: Бюст Савромата I влево.

О.с.: Бюст богини (Афродиты Апатуры) влево. По сторонам буквы: — (Н). Изображение заключено в лавровый венок.

Сохранность: Плохая. Поверхность коррозирована, края обломаны, с выщерблинами. На л.с. не сохранилась надпись с именем и титулом царя. Д.=28–29 мм, т.=4 мм. Вес: 7,24 г. Соотношение осей: 12:1. Справа от бюста, на 3 часа — отверстие для подвешивания.

17. Могила 55, номер находки — 21 (Д–8865нв).

Определение: Конец I–II в. Медь (бронза). Номинал: сестерций.[21]

Л.с.: Бюст царя вправо.

О.с.: Знак стоимости М(Н) в венке.

Сохранность: Очень плохая. Изображение сильно потерто. Не сохранилась легенда л.с. В поле слева от царского бюста (на 10 часов) пробито отверстие для подвешивания. Д.=24–25 мм, т.=4 мм. Вес: 7,58 г. Соотношение осей: 12:2.

18. Могила № 275, номер находки — 79в (КП–55778).

Определение: Рескупорид IV (242/3–276/7 гг.). Выпуск в интервале 244/5–251/2 гг. Медь (бронза). Номинал: статер.[22]

Л.с.: Бюст боспорского царя вправо. Вокруг надпись: (В)АСІΛЕ(ѡС) <РН>(С)КОVПОРІDОС.

О.с.: Бюст римского императора вправо. Справа — палица (?). Внизу — дата по боспорской эре: <.>(М)Ф (54... г.).

Сохранность: Плохая. Поверхность сильно коррозирована, часть изображения л.с. и о.с. утрачена. В крае — выщерблина. Д.=19–20 мм, т.=4 мм. Вес: 5,99 г. Соотношение осей: 12:11.

19. Могила № 275, номер находки — 79б (КП–55777).

Определение: III в.н.э. Возможно, Рескупорид IV(242/3–276/7 гг.), выпуск в интервале 242/3–251/2 гг. Медь (бронза). Номинал: солид.[23]

Л.с.: Бюст боспорского царя вправо. Вокруг — нечитаемые остатки надписи.

О.с.: Бюст римского императора вправо. Справа — палица (?). Внизу — дата по боспорской эре: ..(Ф?) — 5.. г.

Сохранность: Неудовлетворительная. Поверхность сильно коррозирована, легенды аверса и реверса утрачены. В краях монеты — многочисленные выщерблины. Монета отчеканена на кружке меньшего, чем нужно, диаметра. Д.=18–19 мм, т.=5 мм. Вес: 5,77 г. Соотношение осей: 12:12.

20. Могила № 4, номер находки — 109 (Д–8243нв). Опубликована.[24]

Определение: Рескупорид IV (242/3–276/7). Медь (бронза). Номинал: статер.[25]

Л.с.: Бюст царя вправо. Вокруг надпись: В(АСІΛЕѠС РНС) КОУПОРІДОС.

О.с.: Изображение не сохранилось.

Сохранность: л.с. — удовлетворительная (коррозирован верх, в частности, пропала часть легенды), о.с. — неудовлетворительное (изображение уничтожено полностью). Д.=19–20 мм, т.=3 мм. Вес: 6,07 г. Соотношение осей не определяется.

21. Могила № 275, номер находки — 79а (КП–55776).

Определение: Савромат IV (275/6 г.). Медь (бронза) с примесью серебра. Номинал: статер.[26]

Л.с.: Бюст царя вправо. Справа — трезубец. Вокруг надпись: В(АСІΛ)ЕѠС СА(VР)ОМАТОV. Точечный ободок.

О.с.: Бюст римского императора вправо. Под ним — дата по боспорской эре: ВОФ (572 г.).

Сохранность: л.с. — удовлетворительная, о.с. — плохая. Поверхность сильно коррозирована. Л.с. не отцентрована, в результате часть легенды обрезана. Д.=20 мм, т.=4 мм. Вес: 6,23 г. Соотношение осей: 12:12.

22. Могила № 139, номер находки — 7 (КП–50971). Опубликована.[27]

Определение: Рескупорид V (314–342 гг.). Выпуск 313/4 г. Медь (бронза). Номинал: статер.[28]

Л.с.: Бюст царя вправо. Правее — трезубец. Вокруг надпись: ВА(СІΛЕ)ѠС РНСКОVПОРІС>.

О.с.: Бюст римского императора вправо. Правее — двузубец. Внизу — дата по боспорской эре: ГІХ (613 г.). Точечный ободок.

Сохранность: плохая. Поверхность коррозирована. Отчеканена на кружке меньшего, чем нужно, диаметра; в результате отсутствует часть надписи л.с. с именем царя. Д.=19 мм, т.=4 мм. Вес: 6,76 г. Соотношение осей: 12:12.

Херсонес в Таврике

23. Могила № 29, номер находки — 17 (КП–48315). Опубликована.[29]

Определение: выпуск ок. 161–180 гг. Медь (бронза). Номинал: тетрассарий.[30]

Л.с.: бюст в венке вправо (В.А.Анохин считает, что это изображение божества Херсонас, И.В.Шонов — что римского императора). Справа от бюста — лира. Точечный ободок.

О.с.: фигура богини Парфенос в рост, в левой руке держит лук. Слева от

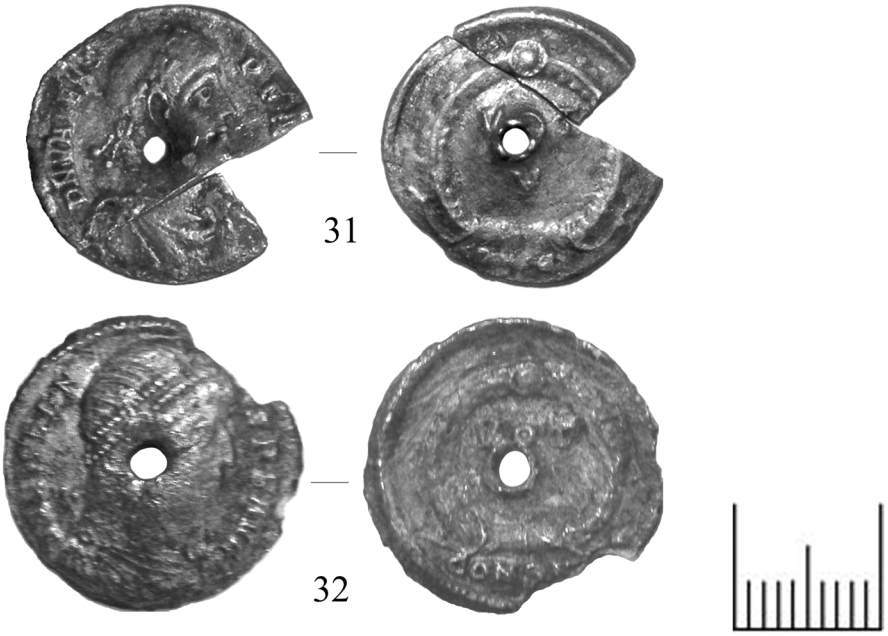


Рис. 6. Монеты из могильника Черноречeнский

нее — лань. Точечный ободок.

Сохранность: плохая. Обе стороны не отцентрованы, часть изображения на обеих сторонах и легенда о.с. не поместились на заготовку. Края обрезаны неровно. На л.с. не сохранилось обозначение место чеканки (ХЕР). Д.=21–23 мм, т.=3 мм. Вес: 5,52 г. Соотношение осей: 12:7.

Прочее

24. Из грабительских отвалов, номер находки — 5 (КП–48359).

Определение: Античная. Медь (бронза).

Л.с.: изображение не сохранилось. В центре утолщение — возможно, остаток изображения бюста.

О.с.: изображение не сохранилось.

Сохранность: Очень плохая. Поверхность коррозирована, в крае — выщерблина. Проделано отверстие для подвешивания. Д.=24–25 мм, т.=3 мм. Вес: 8,77 г.

25. Могила № 55, номер находки — 14 (Д–8871нв).

Определение: Античная. Медь (бронза).

Л.с.: бюст женщины (?) вправо.

О.с.: неясное изображение.

Сохранность: Неудовлетворительная. Поверхность сильна потерта, легенда не сохранилась. В поле справа (на 3 часа) от бюста — отверстие для подвешивания. Д.=23–25 мм, т.=3 мм. Вес: 7,78 г.

26. Могила № 76, номер находки — 4 (КП–50146).
Определение: античная. Медь (бронза).
Сохранность: неудовлетворительная. Изображения л.с. и о.с. не сохранились. Проделано отверстие для подвешивания. Д.=18–20 мм, т.=3 мм. Вес: 5,54 г.

27. Могила № 95, номер находки — 3 (КП–50178).
Определение: античная. Медь (бронза).
Л.с.: бюст бородатого мужчины (императора?) в лавровом венке (?) вправо.
О.с.: голова вправо.
Сохранность: неудовлетворительная. Изображения затерты. Надписи л.с. и о.с. не сохранились. Слева от портрета на л.с. (на 8 часов) проделано отверстие для подвешивания. Д.=26–27 мм, т.=5 мм. Вес: 14,96 г. Соотношение осей: 12:6.

28. Могила № 154, номер находки — 2 (Д–11179нв).
Определение: античная. Медь (бронза).
Сохранность: неудовлетворительная. Изображения л.с. и о.с. не сохранились. Проделано отверстие для подвешивания. Д.=23–26 мм, т.=3 мм. Вес: 6,48 г.

29. Могила № 186, номер находки — 4 (Д–11762нв).
Определение: античная. Медь (бронза).
Сохранность: неудовлетворительная. Изображения л.с. и о.с. не сохранились. Размеры: 21–22 мм. Вес: 3,39 г. (после очистки: размеры 19х16 мм, вес 0,78 г).

Кроме того, в слое дерна над могилами найдена средневековая монета:

30. Номер находки 3 (КП–48790).
Определение: Джучидская. Выпуск 1393/4 г. Место чеканки: город Крым. Серебро. Номинал: дирхем.[31]
Л.с.: Обрывки арабских букв.
О.с.: «[Чеканено] в городе Крым в [7]9[6] году» (хиджры, т.е. 1393/4 г.н.э.).
Сохранность: плохая. Штемпели л.с. и о.с. смещены, часть легенды не попало в поле. Сильно потерта. Д.=15–18 мм, т.=1 мм. Вес: 1,16 г.

Данные о роли монет в погребальном обряде сведены в таблицу 1. В могильнике Нейзац монеты встречены в мужских, женских и детских погребениях. Их находят во всех основных типах погребальных сооружений — в склепах, подбойных и грунтовых могилах. В тех случаях, когда это удалось зафиксировать, монеты в основном лежали на туловище погребенного или около него, в исключительных случаях — у ног или головы.

Таблица 1

МОНЕТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

№ могилы / погребения	Склеп	Подбойная	Грунтовая	Не ограблено	Ограблено	Найдено монет	С отверстием	Датировка монеты (гг. н. э.)	Датировка могилы по другим вещам (гг. н. э.)	Положение монет в погребении(гг. н. э.)	Пол или возраст погребенного (*)
4	X				X	1	–	242–277	301–400	–	–
18	X			X		1	–	193	191–250	–	–
19			X	X		1	1	93–96	301–400	на груди	детский
29		X		X		1	–	161–180	191–225	у ног	женский
35	X				X	2	–	260–268; 301–303	201-400	–	–
55		X		X		2	2	93–200; –	191–250	на тазе	1–жен-ский 1–жен. или дет.
62	X				X	2	–	211–217; 222	191–250	–	–
76		X		X		1	–	–	201–250	на груди	женский
95			X	X		1	1	–	191–250	на тазе	детский
107 (80)		X		X		1	–	186–187	201–250	в ногах	–
110	X				X	2	2	311; 313–314	201–400	у локтя? у пояса	жен-ский? женский
119	X				X	1	1	294	301–400	-	-
139		X		X		1	–	313/4	301–350	у бедра	детский
154	X				X	2	2	284–294; –	301–400	–	–
186			X	X		1	–	–	226–250	в ногах	–
222	X				X	1	–	186	201–250	–	–
238 южный подбой		X		X		1	1	310–311	301–400	ниже пояса	детский
275	X			X		3	–	244–252; 242–252; 275/6	301–400	выше пояса	мужской
305–II	X			X		1	1	312–313	301–400	у локтя	муж-ской
307–III		X		X		1	–	317–318	301–400	на тазе	муж-ской
Всего: 20	**10**	**7**	**3**	**13**	**7**	**27**	**11**				

* ***Примечание***:
Пол погребенного для раскопок 1996–2004 г. определен по набору инвентаря, для 2005–2008 гг. антропологические определения для отчета выполнены В.Ю.Радочиным (Симферополь).

Две монеты найдены в слое грунта над могилами, 27 — непосредственно в погребальных сооружениях. Всего монеты найдены в 20 могилах из раскопанных 384, что составляет ок. 5%. В пяти могилах найдено по две монеты, в одной — три. Таким образом, монеты не были обычным элементом погребального инвентаря.

Аналогичная картина наблюдается в синхронном и однокультурном могильнике Дружное, который находится примерно в 15 км к юго-западу. Здесь монеты найдены в 9% могил, среди которых, правда, нет грунтовых. В отличие от Нейзаца, в Дружном нет монет в мужских погребениях.[32]

В 12 монетах (40%) проделаны отверстия для подвешивания. В тех случаях, когда изображения на них можно разобрать, ясно, что владельцев не интересовал его смысл, потому что при подвешивании монеты как рисунок аверса, так и реверса оказывался повернут на 90–180 градусов. При этом монеты зачастую удовлетворительной сохранности, рисунок и надписи видно отчетливо. Отверстия проделывались только в медных монетах и никогда — в серебряных. В Дружном монет с отверстием мало: две из 13 (15%), причем отверстия проделаны также в медных, а не серебряных деньгах.[33]

Таблица 2

СОЧЕТАНИЕ МОНЕТ В ОДНОЙ МОГИЛЕ

№ могилы	Тип могилы		Монеты в одном погребении	Металл	№ монеты по каталогу	Дата монеты (гг.н.э.)	Место выпуска	Правитель
	склеп	подбой						
35	*		?(ограблен)	Биллон(?)	6	260–268	Рим	Галлиен
				Медь	9	301–303	Рим	Галерий Максимиан
55		*	?	Медь	17	93–200	Боспор	?
				Медь	25	?	?	?
62	*		?(ограблен)	Серебро	4	211–217	Рим	Юлия Домна
				Серебро	5	222	Рим	Александр Север
110	*		вероятно, да	Медь	10	311	Рим	Галерий Максимиан
				Медь	13	313–314	Рим	Константин I
154	*		? (ограблен)	Биллон (?)	7	284–294	Рим	Диоклетиан
				Медь	28	?	?	?
275	*		да	Медь	18	244–252	Боспор	Рескупорид IV
				Медь	19	242–252	Боспор	Рескупорид IV
				Медь	21	275/6	Боспор	Савромат IV

В Нейзаце несколько раз в одной могиле было по нескольку монет. Эти случаи обобщены в таблице 2. В одном случае (могила № 154) римская монета найдена вместе с античной, но так как склеп разграблен, неясно, относились ли

они к одному или разным погребениям. В трех случаях в могилах было по две римские монеты, в одном — две боспорские, в одном — три боспорские (табл. 2).

Таблица 3

ХРОНОЛОГИЯ И НОМИНАЛЫ РИМСКИХ МОНЕТ

№ по каталогу	Правитель	Дата	Серебро (денарий)	Биллон / медь (антониниан)	Медь (фоллис)
1	Коммод	186 г.	*		
2	Коммод	186–187 гг.	*		
3	Септимий Север	193 г.	*		
4	Юлия Домна	211–217 гг.	*		
5	Александр Север	222 г.	*		
6	Галлиен	260–268 гг.		*	
7	Диоклетиан	284–294 гг.		*	
8	Максимиан Геркулий	294 г.			*
9	Галерий Максимиан	301–303 гг.			*
10	Галерий Максимиан	311 г.			*
11	Максимин II Дая	310–311 гг.			*
12	Лициний I Старший	312–313 гг.			*
13	Константин I Великий	313–314 гг.			*
14	Константин I Великий	313–314 гг.			*
15	Константин II Младший	317–318 гг.			*
Всего			**5**	**2**	**8**

Таблица 3 показывает, как с течением времени менялся металл, из которого чеканили римские монеты, и их номинал. Римские монеты из Нейзаца делятся на три группы: серебряные денарии 180-х–220-х гг. (№ 1–5), бронзовые или биллоновые антонинианы 260-х–280-х гг. (№ 6–7) и медные фоллисы 290-х–310-х гг. (№ 8–15). Изменения в типах монет соответствуют общим закономерностям истории римского монетного дела. В конце II — начале III в. основная масса денег делалась из серебра. При Галлиене происходит катастрофическая порча серебряной монеты. После денежной реформы Диоклетиана медь становится основным металлом для монетной чеканки.

Таблица 4

РИМСКИЕ МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ И МАСТЕРСКИЕ

№ по каталогу	Рим	Сисция (мастерская)	Аквилея	Кизик (мастерская)	Никомедия (мастерская)	Фессалоника (мастерская)	Гераклея (мастерская)
1	*						
2	*						
3	*						
4	*						
5	*						
6	*						
7	?	?	?	?	?	?	?
8		(2)					
9			*				
10				(4)			
11					(5)		
12						(3)	
13							(5)
14							(5)
15						(2)	
Всего	**6**	**1**	**1**	**1**	**1**	**2**	**2**

В Нейзаце найдены римские деньги, выпущенные на монетных дворах в разных имперских городах. На каждом дворе существовало несколько мастерских, которые зачастую также отмечались на монетах. Эти данные сведены в табл. 4. Все римские монеты из Нейзаца конца II — третьей четверти III в. отчеканены в городе Риме. Это не удивительно, ведь выпустившие их императоры пользовались главным образом услугами римского монетного двора. Ситуация изменилась в конце III — начале IV в. Две монеты отчеканены в западной части империи (Аквилея, Сисция), и шесть — на востоке (за единственным исключением Фессалоники — в Малой Азии: Кизик, Никомедия, Гераклея). Эта ситуация похожа на ту, что наблюдается в Херсонесе[34] и Дружном.[35] Несколько отличается ситуация с могильником Чатыр-Даг (табл. 6), но не все найденные там римские монеты опубликованы с изображениями, чтобы можно было судить о месте выпуска (подробнее ниже).

Таблица 5

ХРОНОЛОГИЯ МОНЕТ

Годы н.э.												Место чекана			
80–100	101–120	121–140	141–160	161–180	181–200	201–220	221–240	241–260	261–280	281–300	301–320	Рим	Боспор	Херсонес	№ по каталогу
X													*		16
?	?	?	?	?									*		17

Годы н.э.												Место чекана			
80–100	101–120	121–140	141–160	161–180	181–200	201–220	221–240	241–260	261–280	281–300	301–320	Рим	Боспор	Херсонес	№ по каталогу
				X										*	23
					X							*			1
					X							*			2
					X							*			3
						X						*			4
							X					*			5
								X					*		18
								X					*		19
								?	?				*		20
									X			*			6
									X				*		21
										X		*			7
										X		*			8
											X	*			9
											X	*			10
											X	*			11
											X	*			12
											X	*			13
											X	*			14
											X		*		22
											X	*			15

Данные о хронологии найденных в могильнике монет объединены в табл. 5. Пауза в поступлении римских монет в Нейзац, возникшая между правлением Галлиена и Диоклетиана, отмечена и в Дружном,[36] а также в некрополях Чатыр-Даг[37] и Суворово.[38] В могильнике Озерное III эта пауза даже шире — она приходится на период между Траяном Децием (249–251 гг.) и временем Константина I, причем монеты Константина найдены в одной могиле с серебряными денариями второй четверти III в.[39] Если это не результат статистической флуктуации, возможно, в данный период прервались контакты между людьми, оставившими могильники, и источником поступления римских монет. Зато выпущенные в это время римские деньги оказались в могильнике на территории совхоза «Севастопольский», который в момент начала раскопок назывался «Совхозом № 10».[40]

Особый случай представляет собою могильник на мысу Ай-Тодор, близ римской крепости Харакс. О нем следует сказать подробнее. В 1932 и 1935 гг. экспедиция В.Д.Блаватского раскопала 33 могилы, в которых обнаружили 40 монет.[41] Определением монет занимался А.Н.Зограф. Еще четыре могилы открыл в 1977 г. К.К.Орлов, обнаружив среди прочего инвентаря одну монету. Ее определил В.А.Сидоренко.[42] Монетные находки из Ай-Тодорского некрополя рас-

пределяются следующим образом: 18 монет (44%) чеканены в Римской империи, 17 (42 %) — в Боспорском царстве, три (7%) — в таврическом Херсонесе, еще три определить не удалось. В публикациях раскопок нет ни изображений, ни подробных описаний монет. Для боспорских монет в статье В.Д.Блаватского указано имя царя из легенды аверса и дата чеканки, стоявшая на реверсе. Для римских же денег приведены имя правителя из легенды аверса, даты его правления, и, как правило, ссылка на каталог А.Коэна.[43] Последняя иногда позволяет соотнести монету с типом по каталогу «The Roman Imperial Coinage», уточнив дату и место чекана. Однако некоторые ссылки на работу А.Коэна некорректны, в других случаях классификация монет А.Коэна недостаточно разработана, так что один тип может скрывать монеты, чеканенные на разных монетных дворах и в составе разных серий. Без сомнения, необходимо изучить сами монеты, которые хранятся в Государственном музее изобразительных искусств в Москве.[44] В Ай-Тодорском некрополе пауза в поступлении римских монет фиксируется между правлением Гордиана III (238–244 гг.), к которому относятся две находки, и эпохой тетрархов (конец III — начало IV в.). Не исключено, что верхнюю границу этой паузы можно передвинуть до первых годов правления Константина I (306–337 гг.). Более ранними могут быть только две монеты Максимиана Геркулия (286–310 гг.) и еще одна, по определению А.Н.Зографа, «начала IV в.». Причем еще три монеты Максимиана Геркулия, судя по приведенным ссылкам на каталог А.Коэна, надо датировать 307–308 гг. Не исключено, что и остальные относятся к концу его правления.

Интересно, что до появления первых римских монет в Нейзаце там оказались боспорская (№ 16) и херсонесская (№ 23) монеты. К интервалу между первой и второй группами римских монет относятся две боспорские монеты (№ 18, 19). Еще одна боспорская монета (№ 19) заполняет промежуток между второй и третьей римскими группами.

В количественном отношении преобладают монеты, чеканенные в 310х гг.: их семь из 23 поддающихся определению (30%). После этого времени поступления монет в могильник прекратились. Близкая картина наблюдается в Дружном: там монет 310х гг. — четыре из 12 определенных (33%), а еще одна монета датируется 321–324 гг.[45] В Чатыр-Даге из 27 найденных монет 11 (40 %) — римские, отчеканенные в 305–311 г., причем все они за единственным исключением происходят из одной могилы. Нужно сказать, что в монографии не публиковались ни рисунки, ни фотографии монет, определял которые В.А.Анохин. Впоследствии А.В.Лысенко издал очень качественные снимки 17 римских монет рубежа III–IV вв.[46] Это позволило уточнить определения находок (табл. 6). Две ранние римские монеты из некрополя чеканки Требониана Галла (251–253 гг.) и Галлиена (253–268 гг.) в таблицу не попали, так как изображения их отсутствуют. В могильнике Севастопольский 19 из 65 монет (29%) — римской чеканки Константина I и его соправителей.[47] Эти данные можно будет уточнить в дальнейшем, ведь определявшая монеты А.М.Гилевич датировала их по общему времени правления монарха, не выявляя отдельные выпуски. Не менее 12 из 18 римских монет, обнаруженных в Ай-Тодорском некрополе, чеканены императором Константином (306–337 гг.) и его соправителями (еще две монеты Максимиана Геркулия могли быть выпущены и в конце III, и в начале IV в., т.е.

в интервале 286–310 гг., а одну монету А.Н.Зограф датировал «началом IV в.»). Это 29% от общего числа найденных монет (всего их 41) и 67% от числа римских.

Таблица 6

РИМСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ЧАТЫР-ДАГ

Могила №	№ монеты по А.В.Лысенко (1)	Правитель	Место чекана (мастерская)	Дата по А.В.Лысенко (2), гг.н.э.	Уточненная датировка, гг.н.э.	Аналогии по RIC. VI
1	3	Галерий Максимиан, цезарь	Кизик (?)	293–305	ок. 294–295	p. 579, no. 7b
1	2	Диоклетиан	Рим (6)	284–305	ок. 296–297	p. 358, no. 64a
1	16	Констанций I, цезарь	Гераклея (2)	305–306	ок. 297–298	p. 531, no. 20a; Pl. 12.20a
1	17	Констанций I, цезарь	Гераклея (4)	305–306	ок. 297–298	p. 531, no. 20a; Pl. 12.20a
	1	Диоклетиан	Фессалоника (3)	284–305	ок. 302–303	p. 513, no. 25a; Pl. 11.25a
1	15	Галерий Максимиан	Александрия (4)	285–305	ок. 304–305	p. 666, no. 38
4	13	Максимин II Дая, цезарь	-	305–308	305–310	index p. 692
1	10	Максимин II Дая, цезарь	Сердика (4)	305–308	кон.307–308	p. 500, no. 37
1	5	Галерий Максимиан	Кизик (2)	306–311	ок. 308–309	p. 587, no. 47
1	11	Максимин II Дая, цезарь	Никомедия (3)	305–308	ок.дек.308–ок.мая 310	p. 562, no. 55
1	12	Максимин II Дая, цезарь	Никомедия (?)	305–308	ок.дек.308–ок.мая 310	p. 562, no. 55
1	7	Галерий Максимиан	Никомедия (1)	306–311	ок.дек.308–ок.мая 310	p. 562, no. 54a
1	4	Галерий Максимиан	Фессалоника (3)	306–311	ок. дек. 308–311	p. 514, № 30a; p. 516, № 40a.
1	6	Галерий Максимиан	Кизик (1)	306–311	ок. 309–310	p. 587, no. 53
1	14	Лициний I Старший	Кизик (1)	308–324 (309–310?)	ок. 309–310	p. 588, no. 57
1	9	Галерий Максимиан	Кизик (?)	306–311	ок. 311	p. 589, no. 65
1	8	Галерий Максимиан	Кизик (4)	306–311	ок. 311	p. 589, no. 65

(1) *Лысенко А.В.* Римские монеты конца 3 — начала 4 в. в южной части Таврики // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь, 2007. С. 190, рис. 2.1–17; с. 192.

(2) См.: *Лысенко А.В.* Римские монеты... С. 191–192.

Итак, в Нейзаце нет монет, отчеканенных после 318 г., то есть во второй половине правления Константина I и далее, хотя могильник продолжал активно функционировать. Вероятно, оставившие его люди в это время утратили контакт с источником (источниками), откуда раньше поступали монеты. Схожая ситуация наблюдается в могильниках Дружное, Чатыр-Даг, Суворово, Озерное III.

В других некрополях юго-западного Крыма более поздние монеты есть, хотя их сравнительно немного. Самая поздняя из найденных в Ай-Тодорском некрополе монет определена А.Н.Зографом как коммеморативная в честь Константина I, битая уже после его смерти в 337 г.[48] Поскольку никакого описания этой монеты нет, определить дату и место выпуска невозможно. Монеты в память Константина I (с легендой DV. CONSTANTINVS PT. AVGG.) чеканились до 348 г.[49] В могильнике Севастопольский найдено восемь монет, изготовленных в 337–364 гг.[50] Одна монета Феодосия I (379–395 гг.) обнаружена в Инкерманском могильнике.[51]

Отдельно следует сказать о Чернореченском могильнике. Вещи из раскопок В.П.Бабенчикова находятся в коллекции Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Однако монет, описания и фотографии которых приведены в публикации результатов раскопок,[52] среди них нет. Зато есть две серебряные монеты Валента (364–378 гг.) из склепа № 53, о которых в публикации не говорится. Впервые на них обратил внимание А.И.Айбабин, но ни подробного описания, ни рисунков, ни фотографий не привел.[53] Потому будет небесполезно издать фотографии и описания этих монет. Шифр КП показывает музейный инвентарный номер, проба определена Заповедником при апробации.

31. Склеп № 5 (53). КП–322.

Определение: Валент. Выпуск между 25 февраля 364 г. и 24 августа 367 г. Место чеканки: Константинополь. Номинал: аргентий.[54]

Л.с.: Бюст императора, в венке из роз, в кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: D. N. VALENS — P. F. A<VG>. Точечный ободок.

О.с.: В лавровом венке — надпись: VOT. | V. Точечный ободок.

Сохранность: плохая. В обрезе о.с. стерто обозначение место выпуска. В центре пробито отверстие для подвешивания. Разломана на три части, один фрагмент утрачен. Размер сохранившихся: 19х12 мм, 11х6 мм. Проба 600. Вес 2,27.Соотношение осей: 12:3.

32. Склеп № 5 (53). КП–323.

Определение: Валент. Выпуск между 25 февраля 364 г. и 24 августа 367 г. Место чеканки: Константинополь. Мастерская: 3. Серебро. Номинал: аргентий.[55]

Л.с.: Бюст императора, в жемчужном венке, в кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: (D.) N. VALEN–S P. F. (AVG). Точечный ободок.

О.с.: В лавровом венке — надпись: VOT. | (V). В обрезе - CONSГ. Точечный ободок.

Сохранность: плохая. В центре пробито отверстие для подвешивания. Край монеты обломан. Изображение коррозировано. Д.: 20 мм. Вес: 2,23 г. Проба: 500. Соотношение осей: ок. 12:4.

Можно обратить внимание на близость могильников с монетами «пост-Константиновской» эпохи (Айтодорский, Севастопольский, Чернореченский) к Херсонесу. Некрополи, где таких монет нет, расположены значительно дальше от этого центра. В Херсонесе же таких монет много. В это время количество римской меди в городе возрастает, она заменяет в обращении боспорские монеты, чеканка которых к тому времени прекратилась.[56] Таким образом, не исключено, что в данное время источником поступления римских денег к варварам Таврики был Херсонес. Показательно, что изготовленные в римских провинциях вещи (например, стеклянная и краснолаковая посуда) продолжали поступать к людям, оставившим варварские могильники на полуострове, в течение всего IV в.

В отличие от Дружного, в Нейзаце довольно много боспорских монет. Если из найденных в Дружном 13 монет — 12 римские и одна боспорская (92% и 8%), то из 29 Нейзацких — 15 римских и семь боспорских (52% и 24%). Возможно, это объясняется тем, что ранний участок могильника Дружное уничтожен современным карьером. В результате там лишь шесть могил из 89 (7%) датируются второй половиной III в., а все остальные — IV в. В Нейзаце же количество ранних могил многократно больше, а шесть из семи найденных боспорских монет относятся к I–III вв., и только одна — к IV в. Второе возможное объяснение — предположить, что оставившие Дружное и Нейзац люди получали монеты из разных источников: первые через Херсонес,[57] вторые — в том числе и с Боспора.

Нужно сказать, что многие, если не все шесть монет из Нейзаца, определить которые не удалось, вероятно, изготовлены на Боспоре. Об этом могут говорить их морфологические особенности. В этом случае приведенная выше статистика должна быть существенно скорректирована. Найденная в Нейзаце монета из Херсонеса в Таврике (№ 23), более вероятно, попала к варварам из этого центра.

Вопрос об обстоятельствах, при которых монеты оказывались у живших в Крыму варваров, обсуждался в другом месте, на материалах могильника Дружное. Предположения о том, что это были трофеи, награбленные в воинах с римлянами, или жалование за службу, сталкивается с многочисленными трудноразрешимыми проблемами.[58] Источник поступления монет мог меняться с течением времени и отличаться для разных памятников. Пока ясно лишь, что большинство найденных в Дружном и Нейзаце римских денег отчеканено на различных мастерских восточной части империи. Вероятно, это говорит о том, что источник (или источники), откуда брались монеты, находился где-то в восточных провинциях, возможно — в непосредственной близости от могильников (Херсонес, Боспор).

Отмечу, что археологи, за редким исключением, не публикуют качественные фотографии или сканированные изображения монет и подробные их описания, ограничиваясь ссылкой на определение, сделанное кем-то из коллег. В результате такие данные проверить или уточнить невозможно. Думается, что для понимания особенностей использования монет крымскими варварами необходимым условием является (пере)издание обнаруженных там денег с самым подробным описанием каждой находки, определением ее типа по ставшей

доступной ныне литературе (для римских монет, это, без сомнения, десятитомник «The Roman Imperial Coinage») и по возможности качественным снимком аверса и реверса. Результаты можно будет использовать для статистических наблюдений и сравнительного анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* 10 лет систематических исследований могильника Нейзац // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007; также: *Высотская Т.Н., Махнева О.А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 73–79.
2. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить главного хранителя Музея Л.Н.Храпунову за разнообразную помощь в работе с находками в фондах.
3. См.: *Храпунов И.Н.* Склеп III в.н.э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2006. Вып. XVI / 1. С. 104, 109, рис. 3.23.
4. Аналогии: *Mattingly H., Sydenham E.A.* The Roman Imperial Coinage (далее — RIC). Vol. III. Antoninus Pius to Commodus. London, 1930. P. 381, no. 135; *Seaby H.A., Loosley R.* Roman Silver Coins (далее — RSC). II. Tiberius to Commodus. 3rd revised edition. London, 1979. P. 241, no. 340.
5. Точно определить тип монеты невозможно, так как легенда оборотной стороны почти полностью стерта. Возможны два варианта реконструкции. Первый, выпуск 186 г.: <P. M. TR. P. XI IMP. VII> COS. (V P. P.) (RIC. III. P. 380, no. 131; или: RSC. II. P. 238, nos. 150, 150a). Второй, выпуск 186–187 гг.: <P. M. TR. P. XII IMP. VIII> COS. (V P. P.) (RIC. III. P. 382, no. 149; или: RSC. II. P. 238, no. 152).
6. Но момент подготовки статьи музейный номер присвоен не был.
7. Аналогия: RIC. IV/1. Pertinax to Geta. London, 1936. P. 92. No. 7; p. 59–62 (хронология выпусков).
8. Аналогия: RIC. IV/1. P. 272, no. 373 A; pl. XIII.16.
9. Аналогия: RIC. IV/II. P. 71, no. 5.
10. Аналогии: *Webb P.H.* The Roman Imperial Coinage. Volume V. Part I. London, 1927. P. 159, no. 325; *Sear D.R.* Roman Coins and Their Values. 2nd revised edition. London, 1974. P. 253, no. 2901. Хотя этот тип относится к числу недатированных выпусков, можно ограничить хронологию временем не ранее 260 г., так как данный вариант легенды лицевой стороны появляется на монетных дворах, отличных от медиоланского, после 259 г. (*Webb.* Op. cit. p. 66). Верхняя хронологическая граница определяется по дате гибели Галлиена.
11. Плохая сохранность оборотной стороны не позволяет с точностью определить тип монеты, место и время ее чеканки. Изображение лучистой короны на голове императора, размеры и вес монеты позволяют предположить, что она отчеканена до монетной реформы Диоклетиана (ср.: *Webb P.H.* The Roman Imperial Coinage. Volume V. Part II. London, 1933. P. 204–257). Время проведения последней определяется по-разному, в пределах 293–296 гг., наиболее вероятная дата — 294 г.(*Sutherland C.H.V.* Diocletian's Reform of the Coinage: A Chronological Note // JRS. 1955. Vol. 45. Part 1–2. P. 116–118; RIC. VI. From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313). London, 1967. P. 2; *Webb.* The Roman Imperial Coinage. Volume V. Part II. P. 206).
12. Аналогия: RIC. Vol. VI. P. 464, no. 76 b; Pl. 9.76b.
13. Несмотря на то, что обрез оборотной стороны, где обозначался монетный двор,

полностью стерт, место чеканки удалось определить по характерной легенде оборотной стороны, сочетавшейся со стандартной надписью аверса. Слева над обрезом не видно следов дополнительных знаков монетного двора, что позволило сузить атрибуцию до двух типов (RIC. VI. P. 315–316, no. 34 b или 36 b).

14. Аналогия: RIC. VI. P. 589, no. 68.
15. Аналогия: RIC. VI. P. 564–565, no. 66c; Pl. 13.66c.
16. Аналогия: RIC. VI. P. 517–519, no. 60.
17. Ключевым для определения типа является количество букв в обрезе о.с. Аналогии: RIC. VI. P. 541, and note 4; no. 75; *Bruun P.M.* RIC. VII. P. 542; no. 5; p. 533–534. Монеты такого облика чеканились на разных монетных дворах ок. 313 г.
18. Ключевым для определения типа являются знаки в обрезе реверса. Здесь сохранились, справа налево: T; остатки буквы H, M, N или K; остатки третьей буквы A, Д или M. Далее идет пустое место, в котором могла быть или не быть первая буква знака монетного двора. Итого — 3 или 4 знака. Эти данные в сочетании с типами аверса и реверса и позволяют уверенно определить монету. Аналогии: RIC. VI. P. 541, and note 4; no. 75; RIC. VII. P. 542, no. 5; p. 533–534.
19. *Аналогия*: RIC. VII. P. 501–502, no. 23.
20. Аналогии: *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 103, 155, № 414; таб. 16.414; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Т. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. — 210/211 г. н.э. Москва, 1997. С. 120, 242–243; таб. LX.12.
21. Монеты с подобными изображениями, соответствующего веса и размеров чеканились на Боспоре Савроматом I (93/4–123/4 гг.), Котисом II (123/4–131/2 гг.), Реметалком (131/2–153/4 гг.), Евпатором (154/5–170/1 гг.) и в начале правления Савромата II (174/5–210/1 гг.) (см.: *Фролова*. Ук. соч. Т. I. С. 242, 251–254, 256–258, 260, 262, 269, 271, 273, 283, 286, 287, 298, 316). Несохранившаяся легенда лицевой стороны не позволяет уточнить, кем бита монета.
22. Выщерблина на о.с. уничтожила часть легенды с датой, потому точно определить время выпуска невозможно (см. варианты аналогий в: *Анохин*. Монетное дело Боспора. С. 123, 170, № 692, 693, 694, 695, 696, 697,698, 699e; таб. 34; *Фролова*. Ук. соч. Т. II. М., 1997. С. 43–45, 233–250, таб. XXXVIII–XLIV).
23. Легенда с именем царя не сохранилась. Если на о.с. действительно остатки первого знака в дате — Ф, то монета выпущена в 500х гг. по боспорской эре (203/4–302/3 гг. н.э.). Дифферент «палица» ставился на монеты Рескупорида IV в 242/3–251/2 гг. (см.: *Анохин*. Монетное дело Боспора. С. 123, 170, № 692, 693, 694, 695, 696, 697,698, 699e; таб. 34; *Фролова*. Ук. соч. Т. II. С. 43–45, 233–250, таб. XXXVIII–XLIV).
24. *Храпунов И.Н.* Склеп IV в.н.э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 385; 375, рис. 9.14.
25. По качеству изображения на л.с. — это монета Рескупорида IV (см.: *Анохин*. Монетное дело Боспора. С. 170–171, № 690–718; табл. 34 слл.; *Фролова*. Ук. соч. Т. II. С. 41 слл., 233 слл.; табл. XXIX слл.). Поскольку дата по боспорской эре ставилась на о.с., которая в данном случае не сохранилась, уточнить датировку невозможно.
26. Аналогии: *Анохин*. Монетное дело Боспора. С. 171, № 725a; таб. 36.725; *Фролова*. Ук. соч. Т. II. С. 71–73, 282–283, таб. LXIV.4–LXV.11a.
27. *Храпунов И.Н.* Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 303, 300, рис. 2.7.
28. Аналогия: *Фролова*. Ук. соч. Т. II. С. 324, таб. LXXXVII.2 (бита другим штампом).
29. *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Новые исследования могильников позднеримского

времени в Крыму // Die Spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000. С. 508, 510, рис. 14.4.

30. Аналогии: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в.н.э.). Киев, 1977. С. 82–83, 153, № 267–269, таб. XVIII.267–269; *Шонов И.В.* Монеты Херсонеса Таврического: каталог. Симферополь, 2000. С. 77, № 103.
31. Легенда л.с. с именем правителя сохранилась плохо; монета могла быть чеканена одним из трех лиц: золотоордынским ханом Тохтамышем (1380–1406 гг.), Тимур-Кутлугом (1395–1399 гг.) или крымским ханом Таш-Тимуром (см.: *Иванов Н.Н.* Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 году // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 456–465; *Сагдеева Р.З.* Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Москва, 2005. С. 45, 46, 52; *Лебедев В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII — сер. XV в.). Одесса, 2000. С. 21–22, 42, рис. 8).
32. *Храпунов Н.И.* Монеты из могильника Дружное // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 345.
33. Там же. С. 345, 347.
34. *Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. 1968. Вып. 3. С. 34, 57, прил. III.
35. *Храпунов*. Монеты из могильника Дружное. С. 349 и табл. 3.
36. Там же. С. 348.
37. *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. С. 127.
38. *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Исследование могильника у с. Суворово в 2000 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 58, 65, рис. 2.3, 4; *Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях Качи // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 202, 205; ср.: *Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И.* Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 33.
39. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 242, 243, 245, 251. Материалы раскопок, в том числе серебряные монеты, хранятся в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике. Пять бронзовых монет были украдены в 1991 г. Поскольку в публикации изображений нет, уточнить их хронологию уже не получится.
40. *Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.* Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum+. 2003–2004. № 4. Между певкинами и феннами. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. С. 265–266.
41. *Блаватский В.Д.* Харакс // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Часть I / МИА. Вып. 19. М., 1951. С. 266 слл., 290–291.
42. *Орлов К.К.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 113, 130.
43. *Cohen H.* Description historique des monnaies frappes sous l'empire romain communément appelées médailles imperials. T. 1-8. Paris; Londres, 1880–1892.
44. *Орлов*. Ай-Тодорский некрополь. С. 108.
45. См.: *Храпунов*. Монеты. С. 340–344, 348, табл. 2.
46. *Лысенко А.В.* Римские монеты конца 3 — начала 4 в. в южной части Таврики // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь, 2007. С. 190, рис. 2.1–17.
47. *Стржелецкий и др.* Население. С. 265–266; также: *Храпунов*. Монеты. С. 350–351.
48. *Блаватский*. Харакс. С. 266.
49. См.: *Kent J.P.C.* RIC.
50. См.: *Храпунов*. Монеты. С. 350–351.
51. *Веймарн Е.В.* Археологические работы в районе Инкермана // Археологічні

пам'ятки УРСР. Том XIII. Київ, 1963. С. 37, 42. Отмечу, что в фондах Бахчисарайского историко-археологического заповедника, куда передавались вещи из раскопок этого могильника, монет нет. Отсутствуют и соответствующие записи в документах. Вероятно, монеты в музей переданы не были.
52. *Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Том XIII. Київ, 1963. С. 118; ср.: с. 121; таб. VIII, 1-8, и др.
53. *Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. 1984. № 1. С. 115.
54. Аналогия: *Pearce J.W.E.* RIC. IX. London, 1951. P. 211, no. 11(d). Хотя обозначение место чекана и утрачено, сочетание деталей аверса и реверса не дает возможности для иной интерпретации.
55. Аналогия: *Pearce*. RIC. IX. P. 211, no. 11. В каталоге нет монет с полностью аналогичным сочетанием аверса и реверса, но есть очень похожие варианты.
56. *Гилевич*. Античные иногородние монеты. С. 33, 56 (табл. II).
57. *Храпунов*. Монеты. С. 347 слл.
58. *Храпунов*. Монеты. С. 351 слл.

COINS FROM THE NECROPOLIS OF NEYZATS (1996–2008)

N.I. Khrapunov

The article deals with 29 coins excavated in Neyzats necropolis in the Crimea. This necropolis belongs to the Sarmatians and Alans and dated to 2nd — 4th centuries AD. In 2008, there have been excavated 384 graves. 29 ancient coins were minted in the Roman Empire (15 pieces) and vassal states: Bosporan Kingdom (7 pieces) and Chersonesos Tauric (1 piece), as well as uncertain (6 pieces). Coins did not make common grave goods (uncovered from 5 % of graves). They were found in men's, women's, and children's burials. In most cases, coins were situated on the body of the dead or near it, rarely at the head or legs. Bronze Bosporan coins date to: AD 93–96 (Sauromates I); late first — second century AD; AD 244/5–251/2 (Rheskouporis IV); third century AD; AD 242/3–276/7 (Rheskouporis IV); AD 275/6 (Sauromates IV); AD 313/4 (Rheskouporis V). Bronze coin of Chersonesos Tauric was minted AD 161–180. Roman coins divide into three groups: five *denarii* (AD 186–222), two *antoniniani* (Gallienus and Diocletian), and 8 bronze *folles* (AD 294–318). Two groups were minted in Rome, the third in Siscia, Aquilea, Cizicus, Nicomedia, Thessalonica and Heraclea Pontica. This situation corresponds to what is generally observed in the other barbarian necropoleis in the south-western part of the Crimea. The reason why did most of these sites did not contain Roman coins minted, first, between Gallienus and Diocletian, and, second, after the middle of Constantine I's reign, is disputable. The which coins came to the south-west Crimea is unclear as well.

Keywords: archaeology, Crimea, Roman coins.

ИСТОРИЯ

Племенной мир

© 2009

А.Н. Попов

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА В ПРИМОРЬЕ

Приморье в среднем неолите было заселено общностями, которые позже приняли непосредственное участие в формировании арктических монголоидов. На смену этим общностям приходят племена, имеющие иной генезис не только материальной культуры, но и, вероятно, антропологически отличались от неолитических насельников. Бойсманская неолитическая и янковская раннего железного века культуры наиболее тесно были связаны с добычей морских биоресурсов. К сожалению, по археологическим данным невозможно проследить генетическую связь данных культур, но, возможно глубокое изучение антропологического материала позволит значительно пополнить знания в этом направлении.

Ключевые слова: археология, неолит, палеометалл, Приморье.

Юг Дальнего Востока России отличается многообразием и оригинальностью культур эпохи неолита и палеметалла, характеризующих средний и начало позднего голоцена региона. При этом могильные памятники данных эпох чрезвычайно малочисленны.

Для неолита известно только два неолитических местонахождения, где был обнаружен антропологический материал — Бойсмана-2, Чертовы Ворота[1].

В конце 70-х годов был исследован памятник в пещере Чертовы Ворота (Северо-Восточное Приморье). В заполнении котлована жилища были обнаружены остатки 5 скелетов плохой сохранности и 4 черепов: подростка 12–13 лет, мужчины 18–20 лет, мужчины 40–50 лет, женщины 50–60 лет. Исследователи не ставят под сомнение их связь с комплексом жилища руднинской культуры среднего неолита[2]. Кости были рассредоточены по глубине и площади залегания культурного слоя (около 40 кв.м.), не сохранили анатомический порядок. Сравнительный анализ погребального инвентаря и жилого комплекса невозможен. Антропологический комплекс памятника, по заключению Т.С. Балуевой и В.П. Алексеева, относится к байкальскому типу монголоидной расы[3], с чем не согласилась Т.А.Чикишева, которая отнесла данный материал к арктической

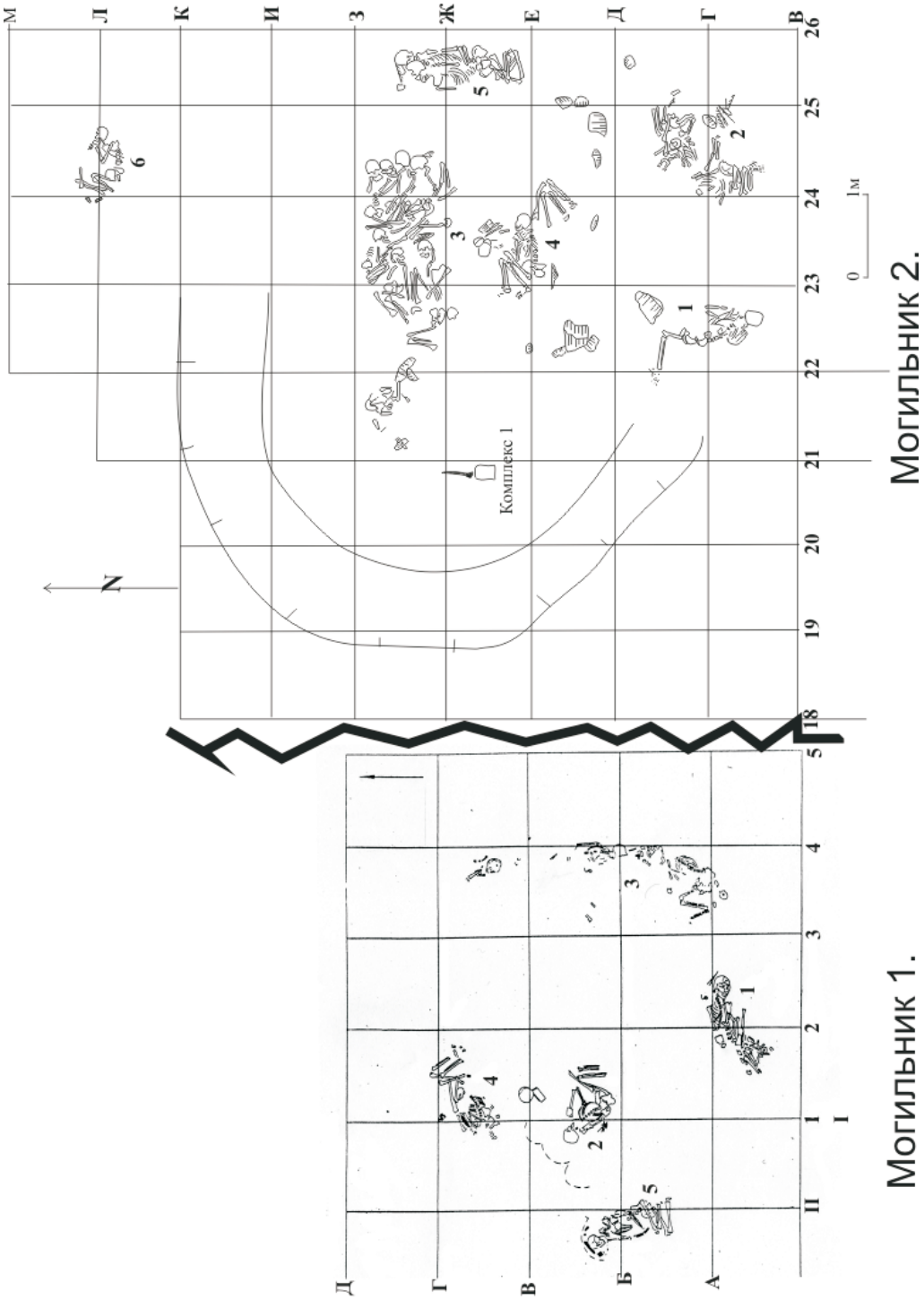


Табл. 1. Бойсмана-2. Могильники. Неолит. Бойсманская культура

ветви монголоидной расы[4]. Радиоуглеродные даты памятника — 5890±45 — 6825±45[5].

В 90-е — начале 2000-х годов на памятнике Бойсмана-2 изучено 2 древних кладбища в раковинных кучах, которые содержали артефакты бойсманской культуры среднего неолита[6].

Радиоуглеродные даты из первого могильника Бойсмана-2:

Погребение	5780±75*	TERRA-b06129705	кость человека
Погребение	5660±60*	TERRA-b06129706	кость человека
Погребение	5560±105*	TERRA-06129717	кость человека
Погребение	5700±65*	TERRA-b06129718	кость человека
Погребение	5720±60*	TERRA-b06129719	кость человека
Погребение	5390±65*	TERRA-b06129730	кость человека
Погребение	5480±75*	TERRA-b06129731	кость человека
Погребение	5760±95*	TERRA-06129732	кость человека
Погребение	5590±65*	TERRA-b06129733	кость человека

Два погребальных места располагались на расстоянии примерно 13 м друг от друга (табл.1). Каждое из них представляло собой довольно сложный комплекс, состоящий из собственно захоронений, расположенных в особом порядке, и ритуального (возможно, поминального) места. Все захоронения, судя по условиям расположения различных земляных и раковинных слоев, были совершены на специально подготовленной земляной площадке. На ее поверхности, в небольших углублениях и были погребены древние обитатели бухты Бойсмана. В каждом таком ритуальном месте погребения расположены по окружности с одним центральным погребением. В одном могильнике в центре был погребен самый пожилой представитель коллектива — женщина возрастом около 55 лет, во втором могильнике центральным было парное захоронение, в котором были погребены пожилой мужчина и молодая женщина. Все погребенные располагались на боку или лицом вниз в скорченном положении — ноги и руги согнуты и подтянуты к грудной клетке. В других могилах были обнаружены одиночные, парные и коллективные захоронения. В одном из погребений были найдены останки семи человек, которые были уложены в три ряда — первый состоял из возрастных мужчины и женщин, второй — индивидуум среднего возраста, а в третьем — четверо очень молодых персон. На территориях обеих площадок фиксируются следы поминальных костров в виде зольников различной мощности, в которых, или рядом с которыми были найдены многочисленные остатки костей животных, птиц, рыб, целые и фрагментированные керамические сосуды, костяные и каменные орудия и украшения. Кроме того, почти у всех костяков имеется сопровождающий инвентарь. Во втором могильнике поминальная площадка была покрыта тонким слоем гравия. Судя по погребальному инвентарю, внутри бойсманского социума наблюдалась четко выраженная половая дифференциация: мужской набор составляли орудия рыболовно-охотничьего комплекса - костяные наконечники гарпунов и острог, каменных наконечники стрел и копий, в то время как женский - орудия для обработки добычи - костяные иглы, “рыбные” ножи, шилья, проколки, каменные пилки и отщепы, толь-

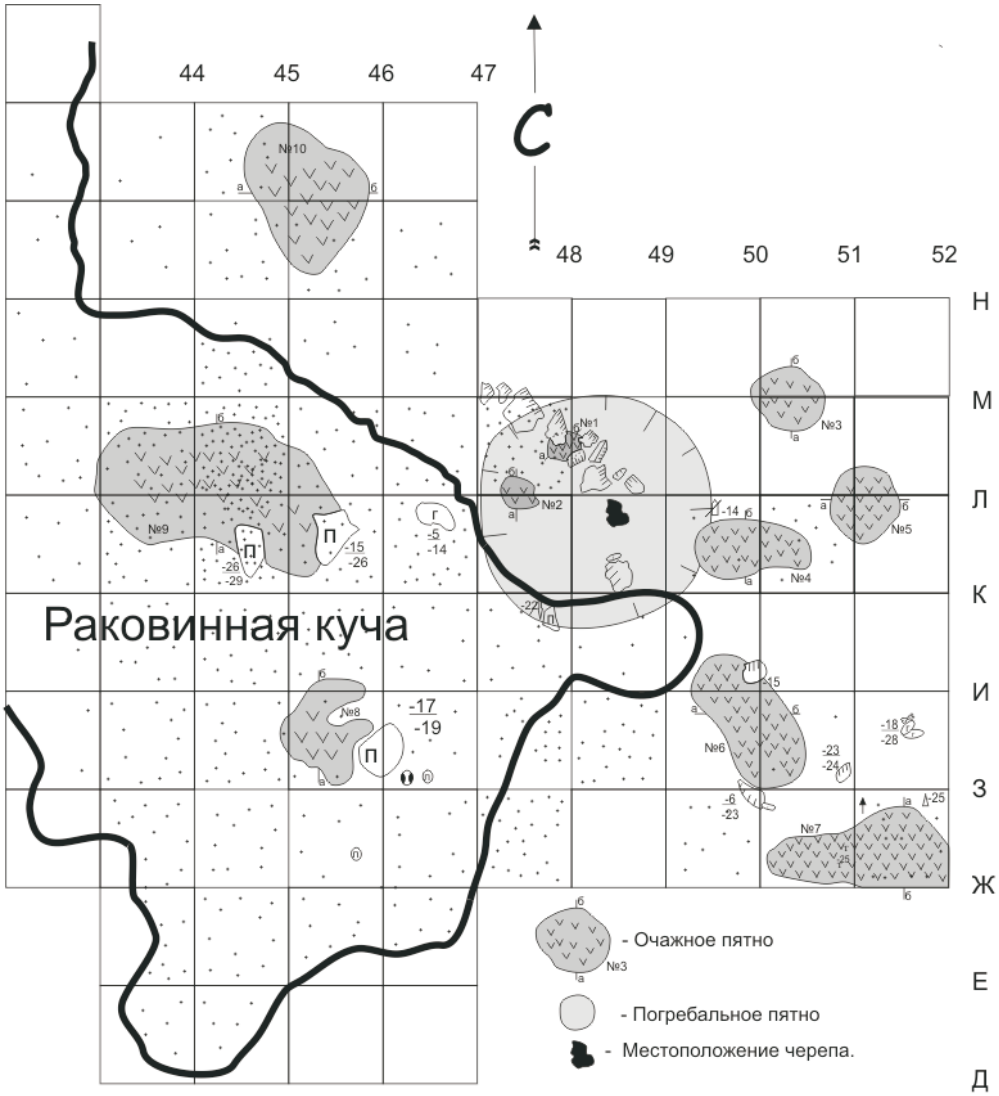


Табл. 2. Поспелово -1. Раковинная куча с погребением. Ранний железный век. Янковская культура

ко на предплечьях женских костяков были найдены ручные браслеты из раковин. Некотрые типы орудий встречаются как в женских, так и мужских наборах: костяные цельнорезные крючки для ужения рыбы, каменные топоры (правда, в мужских они крупнее), керамическая посуда или ее остатки, различные украшения.

Средний рост мужчин составлял 162,8 см, женщин — 154,3 см. Средний возраст у мужчин равнялся 33,6 годам, у женщин — 36,8 годам.

Сопоставляя демографическую и остеологическую характеристики бойсманской серии, специалисты склонны считать, что жизненный уклад неолитического населения бухты Бойсмана было относительно устойчивым и спокойным. Хотя некоторые признаки (в основном на зубах) указывают на нередкие болезни и голодание организма в период формирования зоны роста.

Еще одной интересной деталью является наличие преднамеренной деформации черепа. При этом использовались несколько видов деформирующих воздействий. Популяция Бойсмана-2 является древнейшим носителем данной традиции в Азиатском регионе.

Проведенный анализ по стабильным изотопам углерода и азота в коллагене костей человека показал, что основой палеодиеты бойсманцев была морская пища животного происхождения[7].

Женская группа в целом является морфологически более однородной, чем мужская, а наиболее яркие черты антропологического типа выражены именно на женских черепах. По своему типу антропологическая серия бойсманских могильников занимает промежуточное положение между группами монголоидов континентальной и тихоокеанской ветвей, проявляя наибольшее сходство с оленными чукчами, ульчами и нивхами и наиболее близка к древним и современным сериям арктической расы.

На многослойном памятнике Дворянка-1 обнаружено вторичное захоронение в каменном ящике под курганной насыпью[8]. Было найдено более 130 разрозненных фрагментов предположительно от 3 костяков (черепа отсутствовали). Авторы раскопок отнесли находки к эпохе палеметалла, но не идентифицировали археологический материал ни с одной известной археологической культурой. При этом ими было отмечено некоторое сходство конструктивных деталей погребения с материалами Чернятинского могильника раннего средневековья, а в верхней части культурных отложений памятника были зафиксированы фрагменты мохэской керамики. Судя по описанию, керамической коллекция погребения находит некоторые аналогии в бронзовом веке Северо-Восточного Китая (верхний слой поселения Ингэлин). Таким образом, вопрос о хронологии и культурной принадлежности данного погребения остается открытым.

К настоящему времени в Приморье известно 6 местонахождений с антропологическим материалом, которые датируются ранним железным веком. Все они относятся к Янковской археологической культуре (2,8–2 тыс. лет назад). В 70-е годы Ж.В. Андреевой раскопаны два могильника на территории поселений Малая Подушечка — 21 погребение и Чапаева — 17–18 погребений. На М. Подушечке люди захоронены под полом жилищ, под печью для обжига сосудов, в межжилищном пространстве и на краю поселения. В Чапаево 16-17 человек по-

гребены в сооружении типа «домика мертвых» (почти все на спине в вытянутом положении) и один человек — в раковинной куче (имеет вытянутое положение на боку). Ориентация на М. Подушечке преимущественно северная, в Чапаево — юго-восточная, но в обоих могильниках — ногами к воде. Есть случай, когда два рядом похороненных человека ориентированы в противоположные стороны. Есть погребения парные, групповые, вторичные, но преобладают одиночные, вытянутые на спине. Сооружения — неглубокие ямы, иногда обложенные плитками камня, или выровненные площадки, в Чапаево — помост или домик на двух рядах столбов. Инвентарь — 1–3 украшения: бусины, подвески, сосуд, отдельные орудия — тесла, пряслица, в одном из погребений — грузила, костяные изделия. В одном из погребений Чапаево — 5 наконечников стрел. В нескольких погребениях зафиксированы следы кострищ[9]. Антрополог И.И. Гохман одного из погребенных в Чапаево отнес к байкальскому антропологическому типу[10].

На памятнике Бойсмана-2, в процессе разборки нижней части заполнения жилища раннего железного века (янковская археологическая культура), были обнаружены остатки 2-ух погребений на поверхности глиняного пола, в юго-восточном углу жилища[11]. Оба погребения одиночные, костяки чрезвычайно плохой сохранности. Лучшее по сохранности имеет костяк, расположенный в подпрямоугольном углублении, на спине, ноги выпрямлены, лицевая часть черепа - вверх. Вплотную к черепу, в районе темени, были обнаружены два средне размерных сосуда. Кроме того, были найдены фрагменты третьего сосуда и прямоугольное в сечении тесло, несколько крупных камней и маломощное зольное пятно. Непосредственно возле могилы были изучены поминальные места с зольными пятнами, развалами «парадных» керамических сосудов и светильников.

В Посьетском гроте (Посьет-1), в позднем горизонте янковского слоя, были обнаружены 4 погребения[12]. Раскопаны два из них, оба мужских. Погребенные лежали на спине, у каждого в ногах стояли по два горшка, закрытых створками раковин гребешка, на груди лежали каменные бусы и по одному шлифованному топору.

На памятнике Зайсановка-7 обнаружено одиночное погребение, располагавшееся над поздненеолитической раковинной кучей[13]. Костяк располагался скорченно на правом боку. Погребальный инвентарь исследователями не идентифицирован.

Погребение на стоянке Поспелово-1 обнаружено на периферии одной из раковинных куч[14]. Скелет лежал скорченно на левом боку; ориентация тела головой на юг, ногами на север, в направлении берега моря[15]. По предварительному определению здесь была захоронена женщина возрастом 18–25 лет. Скелет сохранился почти полностью, в анатомическом порядке. Костяк располагался в небольшом углублении в материковом грунте и сверху был засыпан землей с галькой, насыпь была обложена камнями. Под обкладкой из камней был обнаружен развал керамического сосуда, среди черепков отмечено скопление рыбных костей, рядом с развалом - небольшое зольное пятно. В 60см к юго-востоку от черепа обнаружено небольшое скопление костей, среди которых — фрагмент челюсти хищника (собака?), здесь же - костяной рыболовный крючок. Над гру-

дью погребенной обнаружена створка моллюска — гребешка. В погребении были найдены 2 костяных орудия, 2 галечных грузила. Особый интерес представляет наличие зольных пятен вокруг захоронения. Их обнаружено 10, эти пятна имеют разную форму (от 20 кв.см до 1 кв.м) и мощность (от 1 до 16 см), расположены они вокруг погребения и образуют своеобразный контур из костров, что позволяет предполагать, что это погребение носило культовый характер (см. табл. 2).

Очевидно, что антропология янковцев остается недостаточно неизученной, данных по естественнонаучным анализам не имеется.

Для кроуновской культуры железного века (2,5–1,7 тыс. лет назад) известны несколько погребальных объектов, связанных с захоронениями в каменных ящиках. Антропологический материал отсутствует. Несколько ящиков на поселении Кроуновка-1 оказались совершенно пустыми[16]. Бронзовые кинжалы и фрагменты бронзовых зеркал были обнаружены в нескольких захоронениях у Известковой сопки (в 1907 и 1959 годах), но в обоих случаях объекты до археологов были разрушены строительными работами[17]. В связи с этим антропологический тип кроуновцев неизвестен, а имеющиеся сведения не позволяют говорить определенно о погребальной обрядности.

Заключение.

Исследования разновременных и разнокультурных могильных комплексов позволяют нам значительно пополнить археологические данные о древних жителях региона. Очевидно, что Приморье в среднем неолите был заселен общностями, которые позже приняли непосредственное участие в формировании арктических монголоидов, в то же время, им на смену приходят племена, имеющие иной генезис не только материальной культуры, но и, вероятно, антропологически отличались от неолитических насельников.

Характерное для железного века положение погребенного на спине в вытянутом положении коренным образом отличается от скорченных поз неолитических погребенных. Учитывая, что янковские погребения были совершены под полом жилища, очевидно, что и их сакральный смысл имеет совершенно другую направленность в отличие от неолитических. В то же время, стоит отметить, что янковские погребения в раковинных кучах характеризуют более древний культурный пласт, связанный, вероятно, с неолитическим временем.

Бойсманская неолитическая и янковская раннего железного века культуры наиболее тесно были связаны с добычей морских биоресурсов: свидетельством этого являются расположение памятников в прибрежной зоне, раковинные кучи в культурных отложениях, характерный орудийный набор. К сожалению, по археологическим данным невозможно проследить генетическую связь данных культур, но, возможно глубокое изучение антропологического материала позволит значительно пополнить наши знания в этом направлении.

На сегодняшний день полностью отсутствуют сведения о погребальных объектах позднего неолита (зайсановская культура), эпохи бронзы (синегайская, лидовская, маргаритовская культуры) и развитого железного века Приморья (памятники польцевской общности).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Неолит Дальнего Востока. Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. Москва, 1991.
2. Там же.
3. *Балуева Т.С.* Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы ворота (Приморье) // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 58. С. 184–186; *Алексеев В.П.* К палеоантропологии неолитического населения Приморья // Неолит Дальнего Востока. Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. Москва, 1991. С.215–218.
4. *Попов А.Н., Чикишева Т.А, Шпакова Е.Г.* Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). Новосибирск, 1997.
5. Неолит Дальнего Востока. 225 с.
6. *Попов, Чикишева, Шпакова.* Ук. соч. 96 с.; *Чикишева Т.А.* Результаты исследования новых палеоантропологических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998–2000 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск, 2003. С. 2009–213.; *Попов А.Н.* Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008, № 2 (34). С. 68–76.
7. *Йонеда М., Кузьмин Я.В., Морита М., Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шибата Я., Шпакова Е.Г.* Реконструкция палеодиеты по стабильным изотопам углерода и азота в коллагене костей из неолитического могильника Бойсман-2 (Приморье) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998. № 3. С. 9-13; *Yoneda M., Kuzmin Y.V., Shibata Y., Popov A.N., Chikisheva T.A., Shpakova E.G.* Preparation and Dating of Bone Samples at NIES-TERRA — A Case Study of Human Bones from the Boisman II Site, Russia. Proceedings of the International Workshop on Frotiers in Accelerator Mass Spectrometry. National Institute fore Environmental Studies (Tskuba), National Museum of Japanese History. Sakura, 1999. P.259–265.
8. *Клюев Н.А., Гарковик А.В., Слепцов И.Ю., Гладченков А.А.* Эпоха камня и палеометалла Западного Приморья: открытия и находки 2004 года // Северная Пацифика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы международной конференции. Магадан, 2005. С. 81–84.
9. *Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А.* Янковская культура. М., 1986.
10. *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
11. *Попов.* Погребальные комплексы... С. 68–76.
12. www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY/posiet.htm.
13. Zaisanovka 7 Site. Excavaition 2004 . Kumamoto university, 2005. 76 p.
14. *Раков В.А., Попов А.Н., Васильева Л.Е., Завертанова Ю.В., Микишин Ю.А.* Фауна прибрежной зоны пролива Босфор — Восточный периода раннего железного века // От Монголии до Приморья. Тихоокеанская археология. Владивосток, 2009. Вып.17. С. 162–212.
15. *Лазин Б.В.* Погребальный комплекс раннего железного века на памятнике Поспелово-1 во Владивостоке // Археология и этнография азиатской части России. Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кемерово, 2009. С. 140.
16. *Бродянский Д.Л., Крупянко А.А.* Есть ли дольмены в Приморье? // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. Тихоокеанская ар-

хеология. Владивосток, 2003. Вып. 13. С. 129–133.
17. *Окладников А.П., Шавкунов Э.В.* Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА. 1960. № 3. С. 282–288; Канн Ин-Ук, Чон Сон-Хэн, 2003; *Бродянский Д.Л., Чжун Сук-Бэ, Пак Кю-Джин.* Неизвестная коллекция древних бронз из Приморья // Столетие Великого АПЭ. Владивосток, 2008. С. 182–187.

FUNERAL COMPLEXES OF NEOLITHIC AND "PALEOMETALL" AGE IN THE PRIMORSKI TERRITORY

A.H. Popov

In the middle of the Neolithic the Primorski Territory had been inhabited by communities which participated in formation of Arctic Mongoloids later on. Subsequently the tribes came to take a place of those pre-communities having a unique genesis not only on material culture, but also, probably, anthropologically differed from the Neolithic inhabitants. The Boysmanic Neolithic culture and the Yanky culture of the Early Iron Age were most closely connected to the output of sea bioresources. Unfortunately, it is impossible to track a genetic connection of the given cultures on the archeologic data but, probably a deep studying of anthropological materials would allow to enlarge considerably the fund of knowledge within the direction under research.

Keywords: archaeology, Neolithic, Paleometall, Primorie.

© 2009

А.В. Епимахов

ОТ АРХЕОЛОГИИ ПАМЯТНИКА К АРХЕОЛОГИИ СОЦИУМА: ЭПОХА БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ*

Статья посвящена проблеме палеодемографических реконструкций по данным археологии. Автором предложена модель освоения территории населением бронзового века на примере степного Зауралья (Кизильский район Челябинской области). Сравнительно полное выявление и надежная культурно-хронологическая диагностика памятников позволили сопоставить выводы, сделанные по результатам анализа поселений и некрополей. Установлена численность одновременно живущих, плотность населения, количество сосуществовавших поселений, сделан вывод об изменении принципов освоения территории в течение эпохи бронзы. Таким образом, создан модельный участок для более углубленных реконструкций по широкому спектру экономических и социальных вопросов.

Ключевые слова: археология, Бронзовый век, Зауралье, палеодемография.

Введение

Традиционный и устойчивый интерес к палеодемографии исследователей разных эпох представляется вполне обоснованным. При условии успешного решения проблем реконструкции основных характеристик народонаселения[1] (численность, фертильность, смертность и др.) создается серьезный базис для заключений по широкому спектру экономических и социальных вопросов. Правда, в термин «палеодемография» разные авторы вкладывают разное содержание. В отечественной науке интерес к этому направлению исторической демографии возник довольно давно[2]. Не меньший, если не больший объем историографии представлен по данному поводу в западной литературе[3], включая монографии[4] и соответствующие разделы учебных пособий[5], не говоря уже о примерах анализа конкретных материалов. Западные авторы обычно ориентированы на оценку основных параметров населения: уровни фертильности и смертности, структура населения, возраст дожития, качество жизни и др., полагая, что более широкие заключения (количество одновременно живущих, плотность населения и пр.) малодостоверны. Сегодня уже пройден пик оптимизма по поводу полной достоверности выводов по всем перечисленным позициям, особенно, в случае невозможности проверки заключений разными методиками, включая сопоставление одновременных комплексов поселений и некрополей. Более того, сложилось некоторое предубеждение в отношении направления в целом. Некоторые основания для пессимизма действительно имеются.

Очевидно, что на пути палеодемографических реконструкций обнаружива-

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН, при финансовой поддержке РФФИ (проекты 08-06-00380-а и 09-06-91330-ННИО_а) и РГНФ (проект № 08-01-85118а/У).

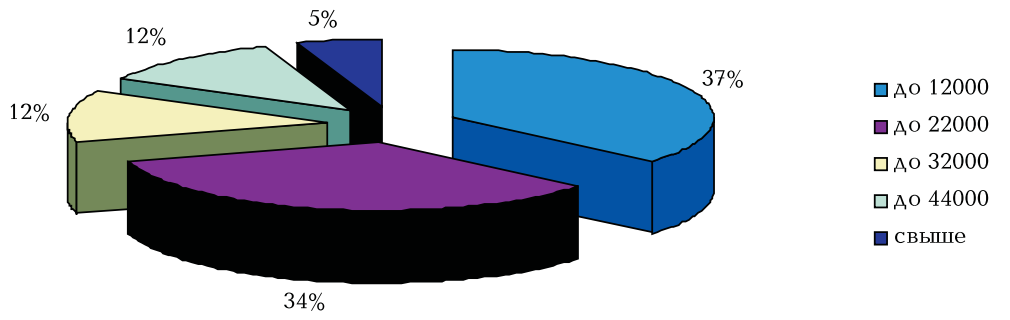


Рис. 1. Поселения поздней бронзы Кизильского района. Соотношение групп поселений по общей площади

ется значительное количество подводных камней, которые часто и формируют негативный фон в отношении не только конечных выводов, но и этого раздела науки. Бросается в глаза целый ряд допусков, которые принимают занимающиеся проблемами палеодемографии по археологическим данным. Это касается не только использования усредненных цифр, нередко заимствованных из этнографии или экономической географии, но и других допущений, на которых следует остановиться подробнее. В качестве источников информации по интересующему нас вопросу выступает сравнительно небольшой перечень групп фактов, по совокупности разных причин редко сопоставляемых между собой: площадь и состав поселенческих памятников; экологическая емкость территории; результаты анализа останков погребенных.

Для каждой из перечисленных категорий приходится вводить множество оговорок, серьезно влияющих на конечный итог. К сожалению, исследователи, проводя конкретные изыскания, не формулируют принятые ими допущения и не уделяют внимание обоснованию собственных предпочтений. Например, опора на экологическую емкость подразумевает, что для нас ясны границы зоны хозяйственного освоения, существовавшие природные условия (продуктивность) и др. Даже в случае успешного решения этих отнюдь непростых (и, конечно, не сугубо археологических) задач удается выяснить предельную цифру, которая может существенно превышать реальный показатель[6]. Использование данных некрополей опирается на априорное убеждение, что они адекватно представляют палеопопуляцию[7], иными словами, подавляющее большинство умерших хоронилось в пределах одного кладбища. Нам уже приходилось на конкретных примерах демонстрировать несостоятельность такого допущения для большей части бронзового века[8], да и для других эпох эта позиция весьма уязвима[9]. Ни этнографические материалы, ни антропологические никак не подтверждают[10] «оптимизма» в вопросе о возможности однозначных заключений. Следовательно, требуется предварительная оценка *принципов* формирования тафокомплекса в части посмертной селекции.

В построениях, базирующихся на исчислении плотности памятников на единицу площади, исследователи исходят из сравнительно полного выявления

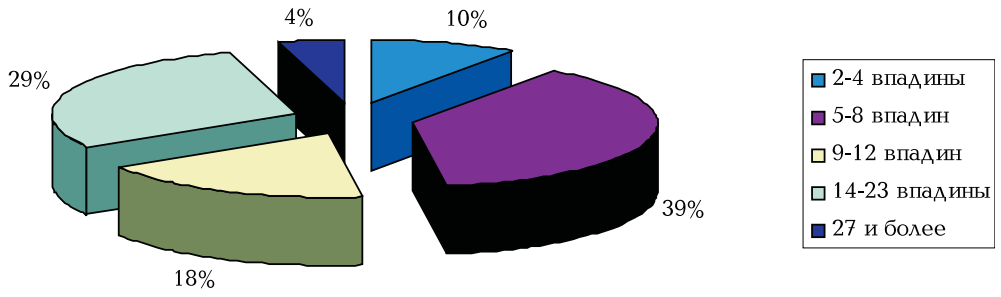


Рис. 2. Поселения поздней бронзы Кизильского района. Группировка памятников по количеству построек

всей совокупности памятников (или возможности надежной корректировки численности)[11]. Стоит ли упоминать о том, что и микрохронология даже сравнительно полно обследованных участков не базируется на больших сериях радиокарбонных дат.

В свете изложенного особое значение имеет формирование серии эталонных участков для разных периодов, ландшафтных зон и вариантов адаптации, для которых есть возможность сравнительного анализа разнотипных данных. Несмотря на то, что вариант, предлагаемый в рамках этой публикации, также не лишен некоторых из перечисленных недостатков, попытаемся проверить жизнеспособность хотя бы некоторых из возможных подходов.

Исходные данные по поселениям и их первичная интерпретация

В качестве модельной использована площадь Кизильского района (4400 кв. км) Челябинской области. Район ныне расположен в степной части Зауральского пенеплена, однако ранее располагал значительными лесными массивами. Территория имеет месторождения разнообразных полезных ископаемых (включая медные руды) и довольно развитую речную сеть (бассейн р.Урал). Причин для выбора участка несколько. Во-первых, здесь проведено сплошное выявление методами дистанционного и полевого обследования[12]. В условиях открытого ландшафта дешифрирование аэрофотосъемки уже показало высокую эффективность, хотя, конечно, с ее помощью не обнаруживаются объекты без следов стационарных сооружений.

Во-вторых, отсутствует проблема хронологической принадлежности поселенческих памятников. Все стационарные объекты (за исключением синташтинских и петровских фортифицированных центров) относятся к периоду поздней бронзы в системе восточно-европейской периодизации, точнее – ко II и III ее фазам[13]. Хронологические рамки могут быть определены в границах XVIII-IX вв. до н.э. в соответствии с калиброванной радиокарбонной шкалой[14]. В-третьих, для курганных некрополей есть возможность дополнительного сужений этого интервала. Установлено, что погребальная обрядность финальной части бронзового века (XIV–IX вв. до н.э.) представлена одиночными и парны-

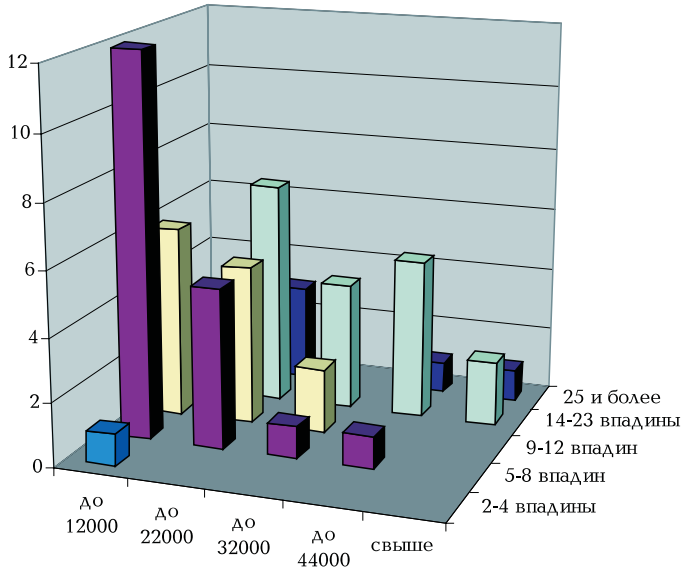


Рис. 3. Поселения поздней бронзы Кизильского района. Соотношение общей площади и количества построек.

ми курганами, расположенными в принципиальной иной топографической ситуации в сравнении с предшествующим периодом[15]. Следовательно, некрополи, локализованные на первой (редко второй) надпойменной террасе (за исключением крайне редких и немногочисленных синташтинских и петровских могильников), датируются в рамках XVII–XIV вв. до н.э. Таким образом, на четырехвековой отрезок приходится основная масса курганных захоронений. И, последнее, предшествующими работами установлено, что только погребальные памятники срубно-андроновского периода демонстрируют структуру смертности и число покойных, позволяющие думать, что основная масса умерших погребалась по обряду курганной ингумации. Для иных временных промежутков явно доминировал *селективный* принцип формирования некрополей[16].

Начало бронзового века (III тыс. до н.э.) представлено единичными находками и немногочисленными погребениями с сопредельных территорий, что не исключает обнаружение древностей данного периода в дальнейшем. Однако для целей нашего исследования эти материалы мало пригодны. Первые достоверные памятники бронзового века (1-я четверть II тыс. до н.э.) – три укрепленные поселения (12000-14000 м^2) с замкнутой системой планировки и плотной застройкой внутреннего пространства (Сарым-Саклы, Куйсак, Кизильское)[17]. Площадь полов строений составляла до 60% от общей. Таким образом, несмотря на относительно небольшие размеры, речь идет о весьма высоких демографических показателях коллективов[18]. Состав находок традиционен для поселений бронзового века, хотя часто для синташтинских и петровских памятников делается акцент на наличии следов металлургии и металлообработки[19]. Специализированные помещения достоверно не установлены. Если синхронные некрополи опознаются с некоторой долей условности, а проблема выделения синхронных неукрепленных поселений («сельскохозяйственной округи»,

по терминологии Г.Б. Здановича[20]) данного времени пока находится в стадии обоснования. Параметры поселенческих памятников позволяют предполагать высокую для эпохи бронзы концентрацию населения, с возможной оговоркой о сезонной наполняемости.

Последующие периоды (2-я четверть II – начало I тыс. до н.э.) представлены гораздо большим числом памятников, но существует проблема их культурно-хронологического членения, тем более что раскопки и разведки подтверждают длительное функционирование ряда поселений. Всего на территории района их обнаружено 102[21], курганных могильников – 174, одиночных курганов – 8[22]. Эта, скорее всего, заниженная в результате позднего антропогенного воздействия цифра свидетельствует о высокой плотности памятников, расположенных почти исключительно в непосредственной близости от речного русла. Данные по поселениям, вероятно, могут быть удвоены, о чем косвенно говорит количество некрополей[23], не говоря уже о многократности заселения одних и тех же площадок, что хорошо подтверждается для поселений с большой площадью и значительным числом (более 10-11) разнородных строений. Примеры монокультурных памятников встречаются в практике раскопок реже, чем обратные. Не стоит сбрасывать со счетов и трудности диагностирования дистанционными методами стоянок и местонахождений, которые могут составлять от 4/5 до 2/3 всех поселенческих памятников[24].

Детальный анализ позволяет уточнить иные параметры. Так, на 1000 км^2 приходится 23 поселения и 41 погребальный памятник, а средняя плотность памятников на 10 км речного русла составляет 2,5 (даже без учета предполагаемого удвоения) для поселений и 4,3 для погребальных объектов. Эти цифры заметно превышают данные по синхронным памятникам Нижнего Поволжья и Северной Молдавии[25]. Поселения распределены по изучаемой площади крайне неравномерно. В течении р.Урал их количество существенно ниже в сравнении с притоками; мало использовались верховья рек и балок (около 10% общей протяженности); имеются участки долин, где памятники отстоят друг от друга всего на несколько сотен метров. В последнем случае мы, видимо, имеем дело с разновременными объектами.

Несмотря на значительные колебания общей площади поселений (от 2800 до 120000 м^2), никакие группы по этому показателю надежно не выделяются при некотором преобладании сравнительно небольших памятников. По формальным показателям может быть произведено разбиение на пять групп (до 12000, до 22000, до 32000, до 40000, свыше 44000 м^2), первые две из которых составляют более 70% общего числа наблюдений (рис. 1). Не стоит сбрасывать со счетов и возможность объединения в рамках крупных поселений разновременных комплексов.

По числу построек, надежно диагностируемых благодаря котлованам разной глубины и размера, размах вариации также весьма велик – от 2 до 32. В среднем же на поселении было 12-13 строений, хотя наиболее часто встречаются памятники с 5-8 котлованами (39%), единичными примерами представлены наиболее крупные (от 24 до 32) и небольшие поселения (2-4). Менее выраженный пик значений приходится на интервал от 14 до 22 котлованов (29%) (рис. 2). При желании можно усмотреть в этом контуры двух моделей расселения. К со-

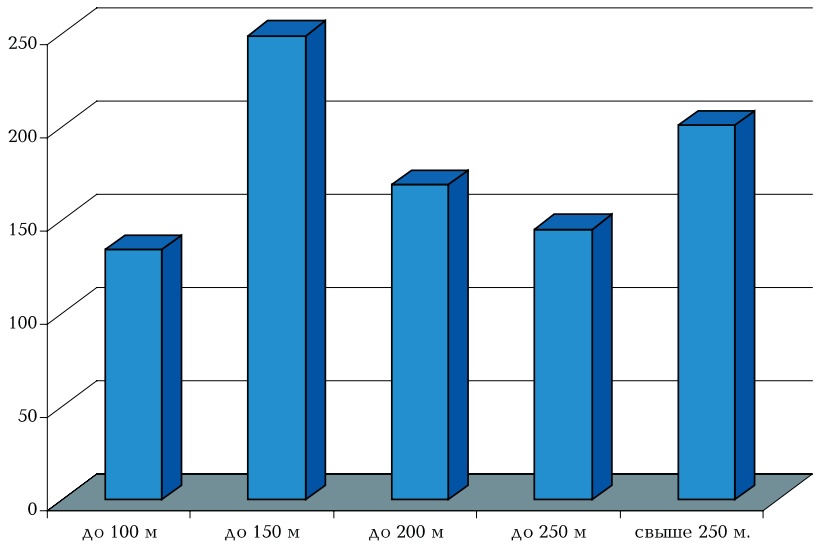


Рис. 4. Поселения поздней бронзы Кизильского района. Количество котлованов

жалению, культурно-хронологическая интерпретация в данном случае нам недоступна. Естественно, что корреляция между площадью и числом котлованов прослеживается достаточно отчетливо (рис. 3).

Хорошо заметна вариативность и в площади построек (около 900 наблюдений) – от 50-60 до 350-400 м^2. Наличие как минимум двух групп по этому показателю предполагается Л.Ю. Петровой[26]. Для поселений, исследованных раскопками, условной границей групп она считает 100 м^2. Наши наблюдения, опирающиеся в основном на дистанционный метод, этого не подтверждают, поскольку котлованы площадью менее обозначенной границы составляют явное меньшинство (13%), а впадины 100-200 м^2 – в очевидном большинстве (66%)[27]. Есть и следующий пик значений – свыше 250 м^2 (рис. 4). Следует оговориться, что стационарно изученных памятников на территории Южного Зауралья явно недостаточно для однозначных заключений, особенно в части финальной части бронзового века, для которой хорошо известны и очень крупные постройки[28].

Котлованы площадью более 150 м^2 более характерны для памятников с большим числом построек. Прослеживается корреляция между размером впадин и общей площадью поселения – первые размерные группы (до 100 м^2 и до 150 м^2) отчетливо тяготеют к поселениям до 22000 м^2 (рис. 5). А вот проследить закономерность в соотношении количества и типов котлованов не удалось. Единственное, что бросается в глаза – в рамках поселений с 5-8 впадинами хорошо представлены и самые маленькие (до 100 и до 150 м^2), и самые большие постройки (свыше 250 м^2). На большинстве крупных поселений сочетаются разнотипные (разновременные ?, разнофункциональные ?) постройки.

Полученные результаты довольно сложно перевести в количество *одновременно* функционировавших коллективов. Вообще проблема длительности

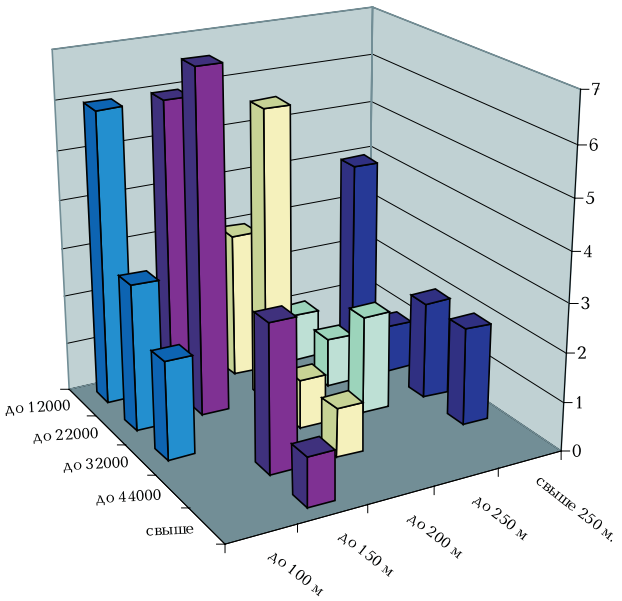


Рис. 5. Поселения поздней бронзы Кизильского района. Соотношение общей площади и размеров построек

функционирования конкретных памятников является основным препятствием при определении числа одновременно существовавших поселений. Если принять срок существования одного поселения в 50 лет (два срока «службы» каркасно-столбовой конструкции без капитального ремонта[29], их количество на рассматриваемой территории будет равняться 5,1 для района в целом (т.е. около 78 км речной долины или почти 863 км^2 на каждое). Последняя цифра, впрочем, кажется завышенной за счет заведомо невозможных для использования в хозяйственных целях участков, да и предположение об активной эксплуатации пастбищ на большом удалении от русла пока ничем не подтверждено. Тем не менее, она подразумевает радиус хозяйственного освоения более 16,5 км, что почти совпадает с заключением специалистов по экономической географии о 12-15 километровой зоне хозяйственной деятельности для оседлого населения, использующего домашний скот[30].

Информация о некрополях и верификация выводов

Анализ результатов исследования некрополей позволяет проверить саму возможность применения избранного подхода и внести некоторые коррективы в сделанные выводы. Самая очевидная из них – совершенно иной характер распределения по бассейнам рек. Если поселения долины р.Урал составляют лишь 1/10 от их общего числа, то некрополей сосредоточено почти 42%. Здесь же выявлено большинство наиболее крупных (свыше 25 курганов) могильников. Объяснительные гипотезы могут быть многообразны: особенности топографии поселений[31], более часто в сравнении с иными участками использование одних и тех же площадок[32].

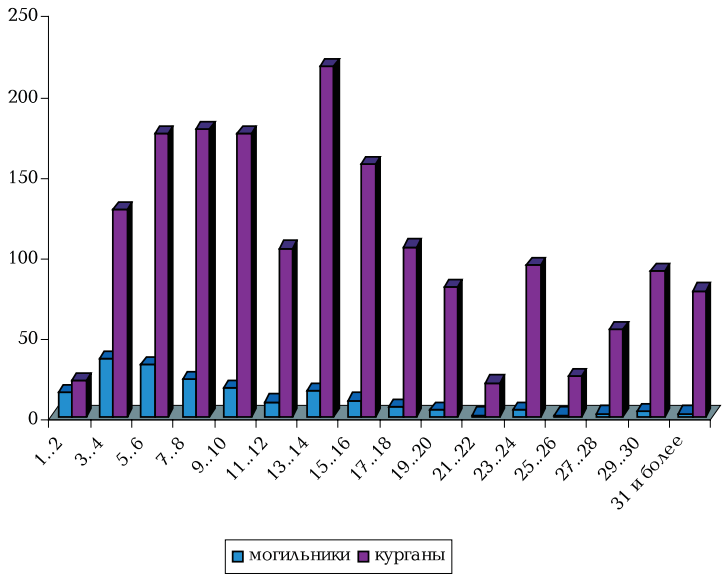


Рис. 6. Некрополи поздней бронзы Кизильского района. Численность курганов

182 погребальных памятника содержат в общей сложности более 1700 курганов разного размера – от 5 до 40 м диаметром. В абсолютном большинстве случаев речь идет о сочетании разных курганов в пределах одного памятника. Несмотря на большой размах вариации в количестве надмогильных сооружений (1-42), «тон» задают некрополи, состоящие из 4-18 насыпей (среднее арифметическое – 10) – 70% всех курганов (рис. 6).

Как указано выше, основная часть курганных могильников относится к срубно-андроновскому периоду и датируется в рамках XVII–XIV вв. до н.э. Данные И.П. Алаевой по памятникам Южного Зауралья[33] позволяют определить среднее количество могильных ям (около четырех) и погребенных (чуть менее пяти) для условного кургана. Таким образом, имеется возможность перейти к числу похороненных на протяжении эпохи бронзы на территории Кизильского района – 8500 человек, т.е. ежегодно хоронились примерно 21 умерший, из коих от 1/3 до половины составляли дети. Следовательно, среди жителей каждого среднестатистического поселения четыре человека каждый год уходили в мир иной. Приняв несколько завышенный порог естественного уровня смертности (4%), получим размер социума – 103-137 человек, а общее число одновременно живущих на анализируемом участке 525-699. Плотность населения в этом случае составляет 119-159 человека на 1000 км^2 или 11,9-15,9 км^2 на одного жителя.

Этот показатель формально является промежуточным между модельными для скотоводов и охотников, т.е. от 1-2 человек на 1 кв. км до одного человека на 30-40 кв. км[34]. Однако в свете вполне определенного и устойчивого состава остеологических коллекций поселений[35] это вряд ли можно признать аргументом в пользу большой доли присваивающих отраслей, которые продолжали со-

храняться, но их доля в системе жизнеобеспечения вряд ли выходила за 10-процентный рубеж. Размеры коллектива в целом соответствуют параметрам усредненного поселения (примерно 10 полифункциональных построек), хотя использование «норм» жилой площади в 3-4 м^2 на человека[36] способно дать заметно большую цифру.

Оценка длительности существования, как и в случае с поселениями, остается одним из главных препятствий к выяснению числа одновременно функционировавших некрополей. Если для крупных могильников некоторые данные по смежным территориям имеются, то для остальных ситуация выглядит почти безнадежной. Можно сослаться, разве что, на результаты исследования очень крупного могильника Лисаковский, для которого длительность существования установлена с помощью дендрохронологии и определена минимум в 120 лет[37]. Поэтому усредненная цифра в 40 лет (для модального значения в 10 курганов, 40 могильных ям, 50 погребенных) кажется вполне реалистичной, хотя и условной. Из этого допущение вытекает вывод об одновременном использовании 17 могильников.

Ориентируясь на эти данные, следовало бы предположить, что количество одновременно существовавших поселений не должно сильно отличаться от приведенной цифры. Однако такой вывод находится в прямом противоречии с общим количеством задокументированных поселений, к тому же хронологически охватывающих гораздо более протяженный временной отрезок. Таким образом, мы стоим перед выбором варианта объяснения: плохая сохранность (сложность диагностирования) поселений; одновременное функционирование нескольких некрополей для жителей одного поселения; многократность освоения одних и тех же площадок поселений и, следовательно, большая общая длительность их использования. Видимо, действовали все три фактора, разграничение которых на данном этапе вряд ли реально. Полученная плотность населения не превышает экологической емкости территории, хотя для ее детальной оценки пока недостаточно данных и приходится пользоваться интерполяцией[38]. Вместе с тем, имеются очевидные (в несколько раз) расхождения с данными других исследователей, включая культурно близкие и синхронные материалы[39].

Предложенные вниманию читателя результаты, конечно, не более чем первичная оценка, поскольку основаны на ряде допущений: средний «срок жизни» памятника (видимо, завышенный для монокультурных поселений); полное выявление всех объектов (скорее всего, заниженное за счет памятников без следов стационарных строений); их равномерное распределение по хронологической шкале и пр. Однако даже на таком уровне, очевидно, что в сравнении с синташтинским и петровским временем меняется система расселения – происходит переход от концентрации населения к дисперсному распределению.

Дальнейший прогресс в разработке данного направления, с нашей точки зрения, связан с умножением опытов палеодемографического анализа, сочетающего разные методики, а также с серьезными приращением числа модельных участков. Перспективы дальнейшего анализа лежат также в плоскости полноценного уяснения экологической емкости территории, что сопряжено с реконструкцией экологических условий: проверки разных моделей

наполняемости поселений; сопоставления полученных данных с материалами некрополей. Значительная часть заявленного предполагает не только продолжение детальных разведок и раскопок, но и комплексное исследование территории разными специалистами естественнонаучного профиля. Средством интеграции различных данных должно стать создание ГИС, служащего не только средством хранения разнотипной информации, но мощным инструментом анализа пространственных связей и взаимоотношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Евдокимов В.В.* Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы, 2000.
2. См. обзор *Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е.* Очерки истории экономики и палеодемографии Урало-поволжского региона в древности. Уфа, 2005. С. 175–185.
3. *Gere C.* Bones That Matter: Sex Determination in Paleodemography 1948-1995 // Studies in History and Philosophy of Science. Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. Vol. 30. No. 4. 1999. P. 455–471; *Meindl R.S., Russel K.F.* Recent Advances in Method and Theory in Paleodemography // Annual Review. Anthropology. Vol. 27. 1998. P. 375–399; *Bonneil N.* Fitting to a Distribution of Death by Age with Application to Paleodemography // Current Anthropology. Vol. 46. Supplement. December. 2005. P. 29–45.
4. *Chamberlain A.T.* Demography in Archaeology. Series: Cambridge Manuals in Archaeology. Cambridge, 2006.
5. *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology. Theory, Methods and Practice. New York, 2000. P. 452–455.
6. Этнография дает ярчайшие примеры недоиспользования возможностей окружающей среды традиционными народами (*Саллинз М.* Экономика каменного века. М., 2000.). Примеры противоположного свойства, да и то небезоговорочные, можно отыскать разве что для групп, проживающих в экстремальных условиях.
7. *Алексеев В.П.* Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–20.
8. *Епимахов А.В., Ражев Д.И.* Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 24–28; *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005; *он же.* Бронзовый век Южного Урала: экономическая стабильность vs социальная динамика // ПИФК. 2009. № 1. С. 180–202.
9. *Ражев Д.И., Ковригин А.А.* Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 171–175; *Берсенева Н.А.* Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.
10. *Кызласов И.Л.* Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. 1993. № 1. С. 98–111; *Parker Pearson M.* The Archaeology of Death and Burial. Texas, 2002.
11. Например, *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 44–61; *Сергеева О.В.* Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (типы, площади, плотности заселения региона) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 119–136.

12. *Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А.* Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. Челябинск, 2003.
13. *Черных Е. Н.* Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология. 2008. № 3 (35). С. 36–53.
14. *Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102; *Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C.* Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity. Vol. 81. No. 312. 2007. P. 353–367. Некоторыми авторами со ссылкой в числе прочих и на наши работы приводятся принципиально иные цифры (*Сергеева*. Ук. соч. С. 120), однако критика этой точки зрения тематически выходит за рамки настоящей публикации.
15. *Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 151–163; *Епимахов А.В.* Финал бронзового века в Южном Зауралье // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. Т. I. М., 2008. С. 398–400.
16. *Епимахов, Ражев*. Ук. соч.; *Епимахов*. Бронзовый век южного Урала. С. 180–202.
17. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007; *Стоколос В. С.* Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. Челябинск, 2004. С. 207–236.
18. Принятие норм жилой площади, заимствованных из этнографии (обычно фигурирует цифра 3-4 кв. м на человека), дает возможность говорить о почти двухтысячном населении. Для поселения Аркаим предложены и более высокие показатели (*Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Проблема освоения Евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 123), что в свете скотоводческой специализации и других аргументов кажется неприемлемым (*Епимахов А.В.* Демографические аспекты социологических реконструкций (по материалам синташтинско–петровских памятников) // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Часть I. Уфа, 1996. С. 58–60).
19. *Виноградов Н.Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 261–284.
20. *Зданович Г.Б.* Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42 (см. также другие работы этого автора).
21. К сожалению, далеко не для всех памятников реестра информация представлена исчерпывающим образом. В некоторых случаях имели место объективные трудности, в других авторы вынужденно использовали краткие, обобщенные описания, особенно в отношении параметров котлованов. Эти обстоятельства лимитировали возможности детализации и понизили порог достоверности выводов. Поскольку в разных случаях мы оперируем разным числом примеров, в дальнейшем изложении акцент сделан на относительные показатели.
22. *Зданович, Ботанина, Левит и др.*, Ук. соч. С. 197.
23. Впрочем, ситуация далека от однозначности, поскольку в распределение поселений и некрополей в границах участка явно различается даже при поверхностном взгляде (см. ниже).

24. *Сергеева.* Ук. соч. С. 124; *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.
25. *Сергеева.* Ук. соч. С. 127.
26. *Петрова Л.Ю.* Жилища эпохи бронзы Урало-Тобольского междуречья // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, 2007. С. 162–164.
27. Нами использована условная группировка с шагом в 50 м^2, обусловленным, главным образом, точностью измерения по снимку.
28. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск, 1992. Рис. 7, 27, 41; *Vinogradov N.B., Yepimachov A.V.* From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age/ BAR International Series 890, 2000. P. 41–45; *Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю.* Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 148–167.
29. *Корякова Л.Н., Сергеев А.С.* Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С.165–177.
30. *Матвеева Н.П.* Реконструкции социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень, 2007. С. 79–80.
31. Имеется в виду размещение заметной доли памятников в высокой пойме и, как следствие, их последующее уничтожение в ходе природных катаклизмов. Кроме того, р.Урал, протекающая по предгорьям отличается более напряженным рельефом, что ограничивает возможные вариации в выборе площадки.
32. Ярким примером такого рода является поселение Кизильское (*Стоколос.* Ук соч.), где представлен едва ли не весь спектр культур зауральского бронзового века – от синташтинского времени до переходного (?) к РЖВ.
33. *Алаева И.П.* Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья в эпоху поздней бронзы // ПИФК. Вып. XXI. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2008. Табл.5, 6.
34. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 32.
35. *Косинцев П.А.* Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М., 2004. С. 157–174.
36. *Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е.* Очерки истории экономики и палеодемографии Урало-поволжского региона в древности. Уфа, 2005. С. 200–205.
37. *Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng.* Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // Radiocarbon. 2008. Vol. 50. № 3. P. 459–469.
38. *Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л.* Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 104–108; *Железчиков Б.Ф.* Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I н.э. // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 48–60.
39. *Обыденнов, Домрачева.* Ук. соч. С. 203.

FROM ARCHAEOLOGY OF A SITE TO ARCHAEOLOGY OF SOCIETY: BRONZE AGE OF SOUTHERN ZAURALIE

A.V. Epimakhov

The article is devoted to a problem of paleo-demographic reconstruction according to archaeology. The author offers a model of development of territory by the population of a Bronze Age by the example of the steppe Zauralie (Kizilski District of the Chelyabinsk Region). Quite thorough research and a reliable cultural-chronological diagnostics of monuments have allowed to compare the conclusions made by results of the analysis of settlements and necropolises. There has been established a number of people living simultaneously in the same territory, the population density, quantity of coexisted settlements and made a conclusion about changes of principles of development of the territory during the bronze epoch. Thus, the author creates a model zone for a more profound reconstruction on a wide spectrum of economic and social questions.

Keywords: archaeology, Bronze age, Zauralie, paleodemography.

© 2009

С.Ю. Гуцалов

О ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ III В. ДО Н.Э.*

Статья посвящена предварительной публикации одного из интереснейших комплексов, раскопанных в 1977 году экспедицией Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина под руководством Г. А. Кушаева в Западном Казахстане на правобережье реки Урал - погребения 4 кургана 8 могильника Донгулюк II. На основании аналогий, погребальный комплекс из Донгулюка следует датировать в пределах III-II вв. до н.э., скорее всего, рубежом этих столетий. Одновременно следует констатировать центральноазиатские истоки как пряжек, так многих вещей, встреченных в исследуемом погребении.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Западный Казахстан.

Рубеж XX-XXI веков в отечественной археологии знаменателен тем, что в это время исследователи, в силу жизненных обстоятельств, приступили к систематизации и анализу материалов собственных раскопок и своих коллег, произведенных в советский период. В этой связи следует заметить, что поистине

* Автор искренне признателен С.Г. Боталову за полезные консультации при написании статьи.

бесценные данные по древней истории и культуре народов Евразии остались в кладовых музеев в результате полевых исследований старейшего казахстанского археолога Гаяза Абдулвалиевича Кушаева. Ввести эти материалы в научный оборот — насущная задача современных исследователей. Данная статья как раз и посвящена предварительной публикации одного из интереснейших комплексов, раскопанных в 1977 году экспедицией Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина под руководством Г.А. Кушаева в Западном Казахстане на правобережье реки Урал — погребения 4 кургана 8 могильника Донгулюк II.

Интересующий нас объект располагался у Донголюкского водохранилища, на левом берегу притока Урала р. Кушум в 1,5-2 км юго-восточнее пос. Донголек в Чапаевском районе Уральской области[1]. Курган № 8 являлся самым крупным во второй группе, состоящей из трех курганов[2]. Он был сложен из земли и имел полусферическую в профиль насыпь с едва заметным уплощением на вершине. Диаметр кургана по оси С-Ю 33 м и З-В — 36 метров. Высота — 1,6 м. По периметру насыпи прослеживался ровик с перемычками, шириной 5-6 м.

При раскопках в кургане обнаружено четыре погребения: одно из них (№ 1), отнесенное к Новому времени, — впускное, остальные, более древние, располагались в грунтовых ямах, прорытых в материке. Погребения №№ 3 и 5 были разграблены[3]. Возможно, что именно из них были выброшены следующие предметы: большое количество спекшихся трехлопастных мелких размеров железных наконечников; пара железных двусоставных кольчатых удил, обломки круглых в сечении с плоскими окончаниями псалий; обломки панцирных пластин квадратной формы, сваленных в кучу. Все эти вещи обнаружены в насыпи в 2 м на восток и в 5 м на юг от 0. К югу от этого скопления предметов найдены обломок тазовой кости и голени человека.

Судя по сопровождающему инвентарю, древнейшим являлось погребение 4, находившееся в центре кургана. Вокруг него на погребенной почве в 5-8 м к северо-востоку, юго-востоку, юго-западу и северо-западу обнаружены кости животных, представленные ребрами, позвонками и обломками трубчатых костей крупных животных, остатки кострищ (зола, угольки) и фрагменты лепных сосудов. Эти жертвенные места располагались в неглубоких (от 0,4 до 0,65 м в материк) ямках овальной формы, как бы окружая центральную могилу. Дно отдельных ямок было прожженно. Можно предполагать, что эти ямки являются ровиками, окружавшие древнейший курган, достигавшего в диаметре, скорее всего, 10-14 м.

На юго-восточной периферии кургана за пределами жертвенной ямы обнаружены остатки истлевшего дерева и камыша.

Погребение 4 (основное ?) располагалось в 3 м на север и в 5 м на восток от 0. На уровне материка яма имела форму удлиненного прямоугольника с закругленными углами, ориентированного с С-СЗ на Ю-ЮВ[4]. Длина его 2,75 м, ширина 1,45 м. Засыпной грунт — однородный гумус.

На глубине 1,3 м от уровня древней поверхности, вдоль стенок шли уступы шириной 20-25 см, вследствие чего яма сузилась до 0,9 м. На заплечиках были положены шесть конских черепов, вытянутых в один ряд, от северного до южного конца ямы. При этом черепа образовали дугу, обращенную выпуклой частью на восток. Из шести черепов четыре были обращены носовой частью к се-

веру. Пятый череп в середине цепочки был обращен носовой частью на юг, а самый крайний с юга, был обращен носом на север (рис. 1). У всех черепов отсутствовали нижние челюсти. При учете их размеров можно предположительно говорить, что два черепа принадлежали молодым особям, а остальные, более крупные — взрослым.

На глубине 2,65 м в яме были обнаружен скелет человека[5], который лежал на спине вытянуто, головой на Ю-ЮВ. Череп раздавлен и развернут. Возможно, что первоначально он лежал лицом вверх. Ноги вытянуты. Кости рук лежали вдоль туловища и немного раскинуты в стороны (рис. 1). В могильной яме при скелете обнаружен следующий сопровождающий инвентарь:

1) в южном углу ямы у восточной стенки ямы — черного цвета камень-«оберег»[6] (?)(рис. 2, 7), длиной до 4 см шириной 1,3 см и толщиной до 0,8 м;

2) справа от скелета, вдоль него, от уровня плеча правой руки до коленного сустава правой же ноги, лежал железный, обоюдоострый меч (рис. 2, 1) длиной 0,96 м. Длина рукояти 17 см, лезвия — 78 см, толщина перекрестия 1 см, ширина лезвия у перекрестия 4,5 см, и жала-конца — 2,4 см. Перекрестие прямое, едва заметное. Лезвие в сечении линзовидное;

3) между мечом и бедром правой ноги скелета человека лежал массивный железный кинжал (рис. 2, 2). Он имел серповидное навершие, круглое в сечении, утолщающееся к концам. Рукоять кинжала длиной 9,2 см, плоская с рифлеными спиралевидными выступами. Перекрестие его длиной 8,6 см, брусковидное, прямое, шириной 1 см. Лезвие длиной 29,5 см, ширина у перекрестия 6 см, в сечении ромбовидное. На одной стороне лезвия сохранились остатки спекшейся с лезвием ткани квадратного плетения от обкладки ножен. Общая длина кинжала 40,5 см;

4) между лучевыми костями правой руки и тазовой костью обнаружены три бусины (рис. 2, 4). Одна плоская, каменная, глазчатая, беловато-серого цвета, две другие нефритовые, бледно-василькового цвета, круглые. Одна с гладкой шлифованной поверхностью диаметром 1,4 см, высотой 1 см со сквозным одностороннего сверления отверстием; вторая аналогичных размеров, ее поверхность также шлифованная и рифленая на 8 долек. В середине — сквозное отверстие;

5) на тазовых костях скелета обнаружены две бронзовые массивные ажурные пряжки от поясного ремня. Они представляют собой прямоугольной формы рамки, на одной из которых имеется выступ-застежка. Длина блях 9,4 см, а ширина 4,2 см каждая. Во внутренней плоскости ажурных рамок имеются изображения фантастического животного — крылатого дракона (рис. 2, 10-11; 3,1,2). Реалистично переданы объемные тела животных с массивными крыльями и короткими лапами и их вытянутые, загнутые к туловищу, головы на мускулистых шеях. Насечками показаны детали складок у глаз и переносья, а также чешуистость шеи;

6) слева от скелета у основания его грудной клетки найден оселок, изготовленный из мелкозернистого песчаника, круглой конусно-цилиндрической формы с утолщением и отверстием для подвески на одном конце и утонченным нижним концом (рис. 2, 9). Длина предмета 11 см, диаметр в верхнем конце 1,8 см, в нижнем — 0,8 см;

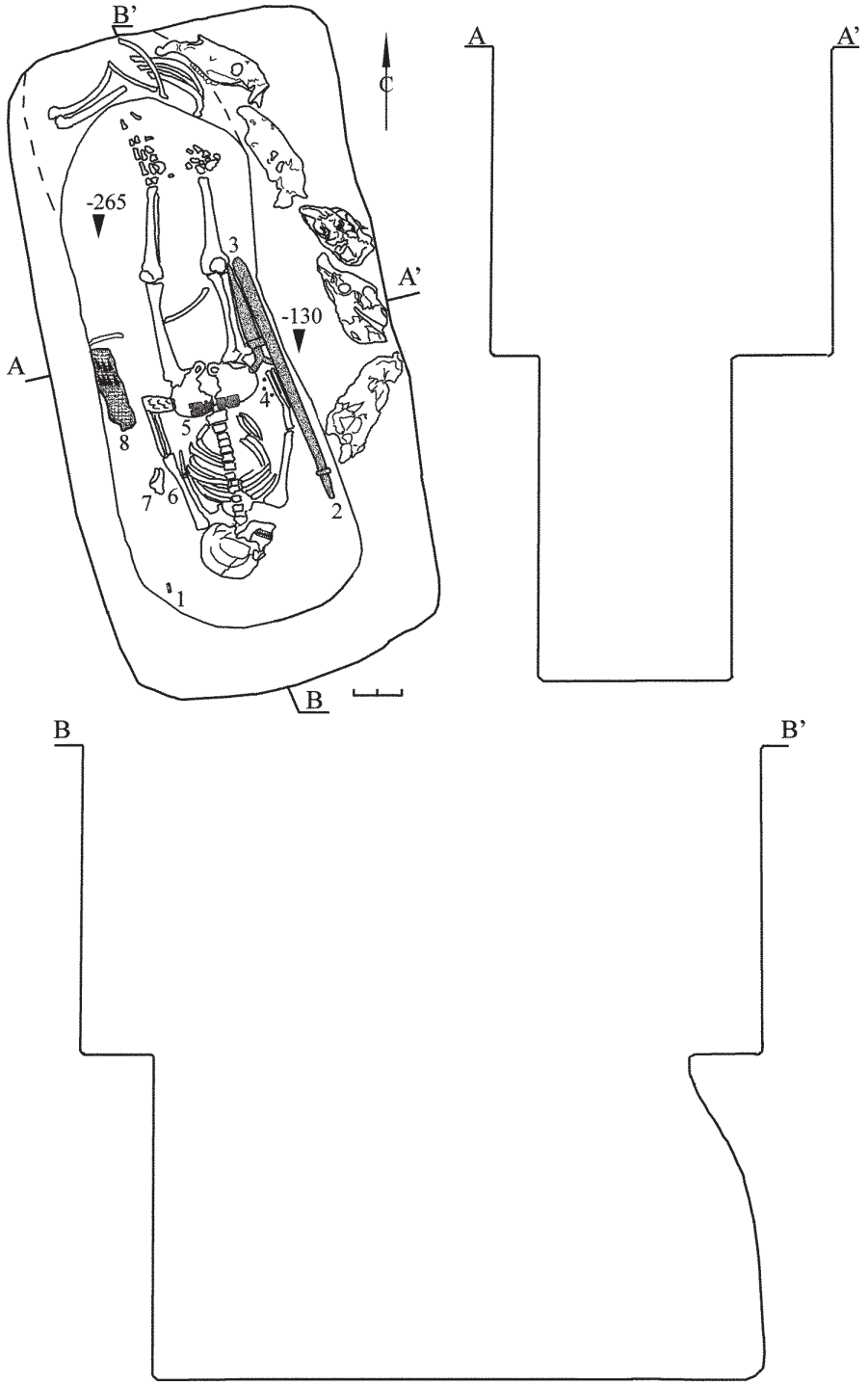


Рис. 1. Могильник Донгулюк II курган 8. План и разрез погребения 4

7) у локтевого сустава левой руки лежал спекшийся кусок железа длиной 11 см с небольшими закруглениями на концах;

8) между кистью левой руки и западной стенкой ямы обнаружены остатки колчана с семью бронзовыми трехлопастными со скрытой втулкой размерами от 2,5 до 3 см и более чем 10 железных черешковых и втульчатых наконечников стрел (рис. 2, 3). В верхнем конце колчана, т.е., у его устья обнаружен железный крючок (рис. 2, 5) от него и одна, изготовленная из сплава цветного металла (сероватого цвета) втулка-стамеска для выпрямления древка стрел (рис. 2, 6). Втулка-стамеска имеет на одном конце резец, составляющий 1/2 диаметра цилиндра (d — 1 см), и скошенного к рабочему краю (длина режущей части 2 см). За резцом идет втулка с внутренним диаметром 0,8 см и длиной 2,5 см, предназначенная для выправления и сглаживания древка будущей стрелы.

Между тазом и левой рукой лежал неопределенного назначения хорошей сохранности кусок истлевшего дерева;

В северном конце ямы в нише, углубленной в короткую стенку, лежали семь ребер лошади (?), на одном из которых сохранился маленький, длиной до 3 см обломок железного ножа с притупленной спинкой.

Достаточно многочисленный инвентарь, сопровождающий погребенного, позволяет довольно точно определить хронологическую позицию погребения. Отсутствие рисунков найденных вещей компенсирует их подробное описание. Так, скажем, кинжал принадлежит к отделу II южноуральских клинков — с серповидным навершием и брусковидным перекрестием, известных на исследуемой территории с III вв. до н.э.[7] Представляется, что формирование мечей данного типа происходит в результате их эволюции из мечей с когтевидным навершием[8], а также в связи с распространением с середины IV в. до н.э. в могилах приуральских номадов мечей с прямым брусковидным перекрестием и стержневидным навершием неизвестных ранее на Южном Урале. У многих из них навершие и рукоять рифленые (как и рассматриваемом случае), что является, скорее всего, результатом навивки проволоки на стержень. Особенно хорошо данная деталь заметна на мечах из погребений 4 и 6 6-го кургана Мечетсайского могильника[9]. Наиболее ранние экземпляры мечей и кинжалов со слабо изогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестьем, у которых рукоять обвита золотой проволокой, представлены в кургане Иссык[10], датируемого, скорее всего рубежом V-IV вв. до н.э. Поэтому можно предположить, что появление рассматриваемого типа прохоровского клинкового оружия была стимулирована центральноазиатским культурным влиянием.

Длинный меч из исследуемого погребения относится к широко распространенному в среди кочевников Южного Приуралья типу клинковому оружию VII отдела, характеризующемуся отсутствием металлического навершия[11]. Мечи данного отдела получают широкое распространение в восточноевропейских степях лишь со II в. до н.э.[12] А.С. Скрипкин считает, что в сформировавшемся виде такие мечи появляются уже в IV-III вв. до н.э.[13] А.Д. Таиров, в принципе, солидаризируясь с А.С. Скрипкиным по данному вопросу, относит появление мечей этого типа к IV в. до н.э.[14] Вполне вероятно, что в пользу столь раннего распространения мечей представленной формы свидетельствует находка из подбойного погребении 2 кургана № 23 могильника Покровка 2, относящегося

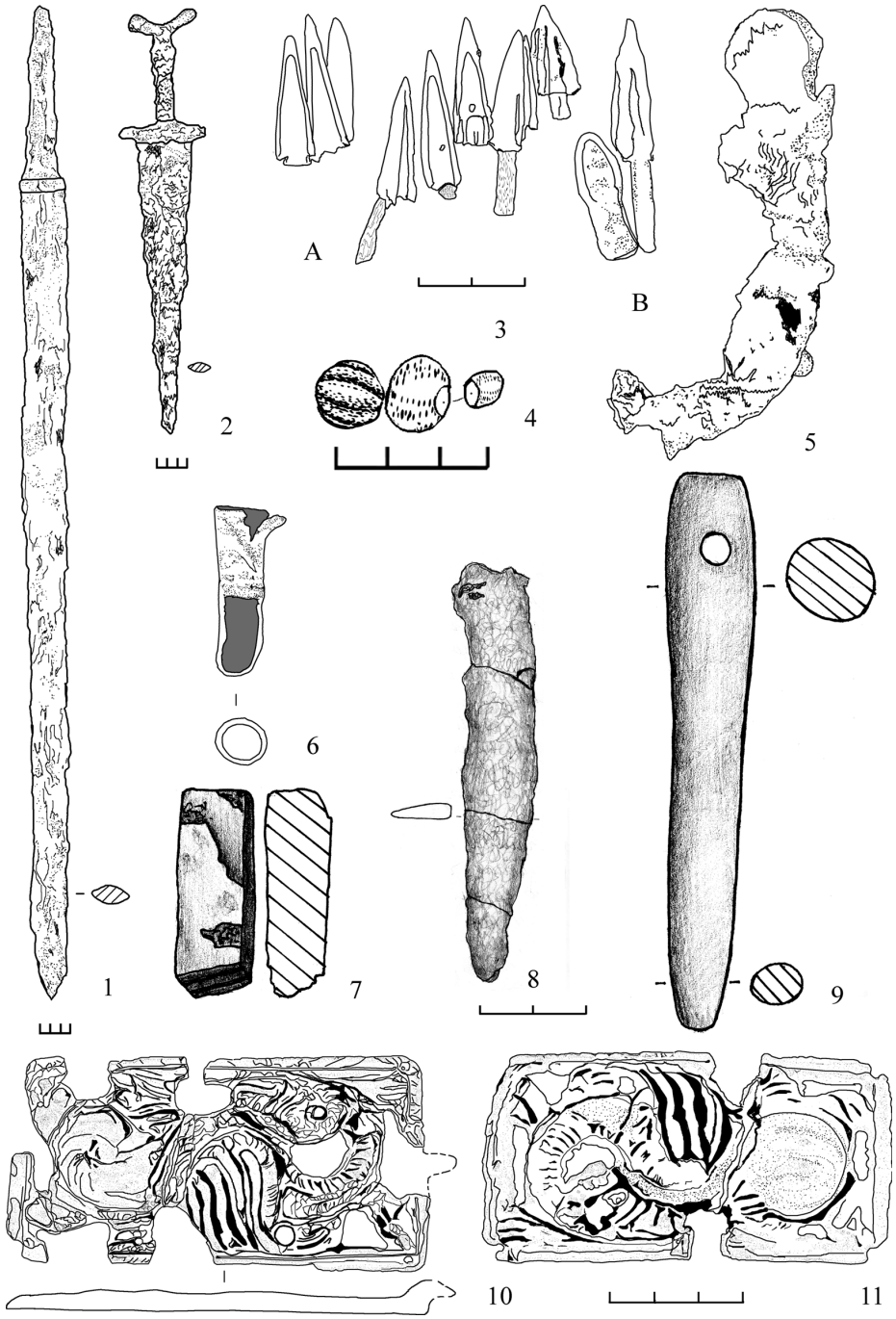


Рис. 2. Инвентарь погребения 4 кургана 8 могильника Донгулюк II: 1 — меч; 2 — кинжал; 3 — наконечники стрел; 4 — бусы; 5 — колчанный крючок; 6 — выпрямитель стрел; 7 — «оберег» (?); 8 — нож; 9 — оселок; 10-11 — ажурные пряжки. 1,2, 3В, 5, 8 — железо; 3А, 6, 10, 11 — бронза; 4 — стекло; 7, 9 — камень

к IV в. до н.э.[15] Мечи этого типа были широко распространены на территории Средней Азии и Южной Сибири в конце I тыс. до н.э.[16], но истоки их происхождения уводят в глубь Центральной Азии. Так, В.Н. Васильев справедливо видит более ранние аналоги этим мечам на территории Китая и принадлежность их к подлинно китайскому оружию[17]. Более того, двуручный меч длиной 104 см был обнаружен Г.А. Кушаевым в начале 80-х гг. XX столетия в известном по находкам серебряных фалларов погребении 2 кургана № 4 могильника Володарка II[18]. Столь длинная рукоять говорит о принадлежности меча, скорее всего, к аксессуарам пехотинца, чем всадника. Что заставляет думать об импортном характере этого экземпляра. Другой меч с территории Южного Приуралья с аналогичным перекрестьем из погребения 2 кургана № 16 могильника Покровка 2 имеет короткую рукоять[19], что позволяет предположить его изготовление на месте по импортным образцам.

Ко всему сказанному следует добавить, что мечи и кинжалы рассматриваемых типов в сочетании друг с другом в ареале прохоровской культуры получают широкое распространение во II-I вв. до н.э. Однако этой дате противоречат другие находки, сделанные в могиле.

В частности, большие круглые бусы, в том числе с рифленой поверхностью, характерны для погребений III в. до н.э. Так, например, аналогичные бусы найдены в захоронениях этого времени могильников Покровка 1 (курган 13)[20], Журавлиха[21], Ново-Калкашево (курган 2)[22] и др. Другой чертой, присущей для кочевников Восточной Европы III в. до н.э., является распространение в их захоронениях бронзовых наконечников стрел[23], причем, в ограниченном количестве — обычно до 10 экземпляров. Еще одна особенность использования бронзовых наконечников стрел в III в. до н.э. — это то, что среди них преобладают экземпляры с внутренней втулкой. Как раз эту ситуацию мы наблюдаем в рассматриваемом кургане.

Достаточно сложно определить хронологическую позицию поясных ажурных плакеток. В степях Восточной Европы начало их широкого распространения падает II в. до н.э. [24] или, может быть, на рубеж III-II в. до н.э.[25] М.А. Дэвлет, специально занимавшаяся этой категорией инвентаря выделяет в ней следующие иконографические схемы: противостоящие животные; борющиеся животные; рогатый дракон, у которого туловище закручено вокруг головы; голова животного[26]. Время распространения этих предметов на территории Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии она, в целом, определяет в рамках II вв. до н.э. — I в. н.э.[27], указывая на центральноазиатское направление происхождения этих предметов. При этом, ни одна из пряжек, представленная в каталоге, не имеет близких аналогий с рассматриваемыми экземплярами (рис. 3, 5,6). Возможно, что наиболее близка по стилю и технике изготовления пряжка из Ордоса[28] (рис. 3, 6), хотя стоит признать оригинальность и уникальность данных находок.

В результате, на основании всех вышеприведенных аналогий, погребальный комплекс из Донгулюка следует датировать в пределах III-II вв. до н.э., скорее всего, рубежом этих столетий. Одновременно следует констатировать центральноазиатские истоки как пряжек, так многих вещей, встреченных в исследуемом погребении.

В этой связи стоит заметить, что в провинции Нинся ажурные плакетки известны в погребениях сюнну у деревни Даодуньцзы, датируемых V-III вв. до н.э.[29] Подобные им обнаружены и в синхронных погребальных комплексах Ордоса[30] (рис. 3, 5-10), в том числе в могильнике Маоцингоу[31].

Погребальный обряд, несмотря на наличие южной ориентировки — ставшей стандартной в погребальном ритуале кочевников Южного Приуралья начиная с IV по I в. до н.э.[32], по принципиальным признакам, также имеет восточный вектор направленности. К числу таковых относится расположение на уступах могильной ямы вдоль стен и по дуге в северо-восточном углу шести конских черепов. Ближайшие аналоги последнему элементу обряда на территории Южной Сибири Н. В. Полосьмак справедливо видит в кургане 1 могильника Сибирка[33], датируемым V-III вв. до н.э. В данном захоронении в специально устроенной нише, за головой погребенного, ориентированного головой на СВ, на уступе, полукольцом располагались черепа лошадей, баранов и козлов[34]. А.Д. Таиров, посвятив данному элементу погребального ритуала специальную работу, указал на близость его жертвенным местам-отсекам среди памятников «коргантасского типа» Центрального Казахстана III-I вв. до н.э., связав появление этого культурного признака с миграцией кочевого населения из пределов Северного и Северо-Западного Китая в III в. до н.э. и последовавшей за этим трансформацией кочевой культуры в урало-казахстанских степях[35].

Культурные новшества в погребальном обряде в III в. до н.э. проявились также и распространении новых типов погребальных конструкций. Так, именно в это время получили распространение могилы с заплечиками-уступами[36]; катакомбные захоронения с высокой подземной камерой, прорытой в торцевой стенке, как правило, содержавшие деревянные гробы решетчатого типа[37]. Эти захоронения включали в себя значительное количество предметов инвентаря восточного происхождения.

Так, с III в. до н.э. на территории Южного Приуралья и сопредельных с запада регионов Восточной Европы получают широкое распространение неизвестные ранее различные типы мечей и кинжалов, в том числе и встреченные в донгулюкской могиле, а именно: т.н. «сарматские парадные», характерной чертой которых являются овальные утолщения на окончаниях серповидных навершій, длинные мечи с коротким ромбической формы перекрестием длинным штырем, на котором оформлялась рукоять; ажурные застежки[38]. Кроме того, среди новых элементов, привнесенных с востока, А.С. Скрипкин выделяет железные черешковые наконечники стрел, бронзовые котельчики и модели луков, отдельные типы лепной посуды, костяные навершия деревянных гребней и пр.[39]. Полностью соглашаясь с вышеназванным автором, хотелось бы подчеркнуть, что данные находки в погребениях номадов Восточной Европы III-I вв. до н.э. встречаются не разрозненно, а в тесной увязке друг с другом, зачастую сочетаясь с новациями в погребальном обряде, как это мы, в частности наблюдаем в рассматриваемом комплексе.

Кроме того, данные северо-китайские элементы культуры характерны в первую очередь для воинских погребений Южного Приуралья, да и степей Восточной Европы, в целом. Своеобразными индикаторами этой воинской элиты и были культурные компоненты, привнесенные с востока: в погребальном обряде

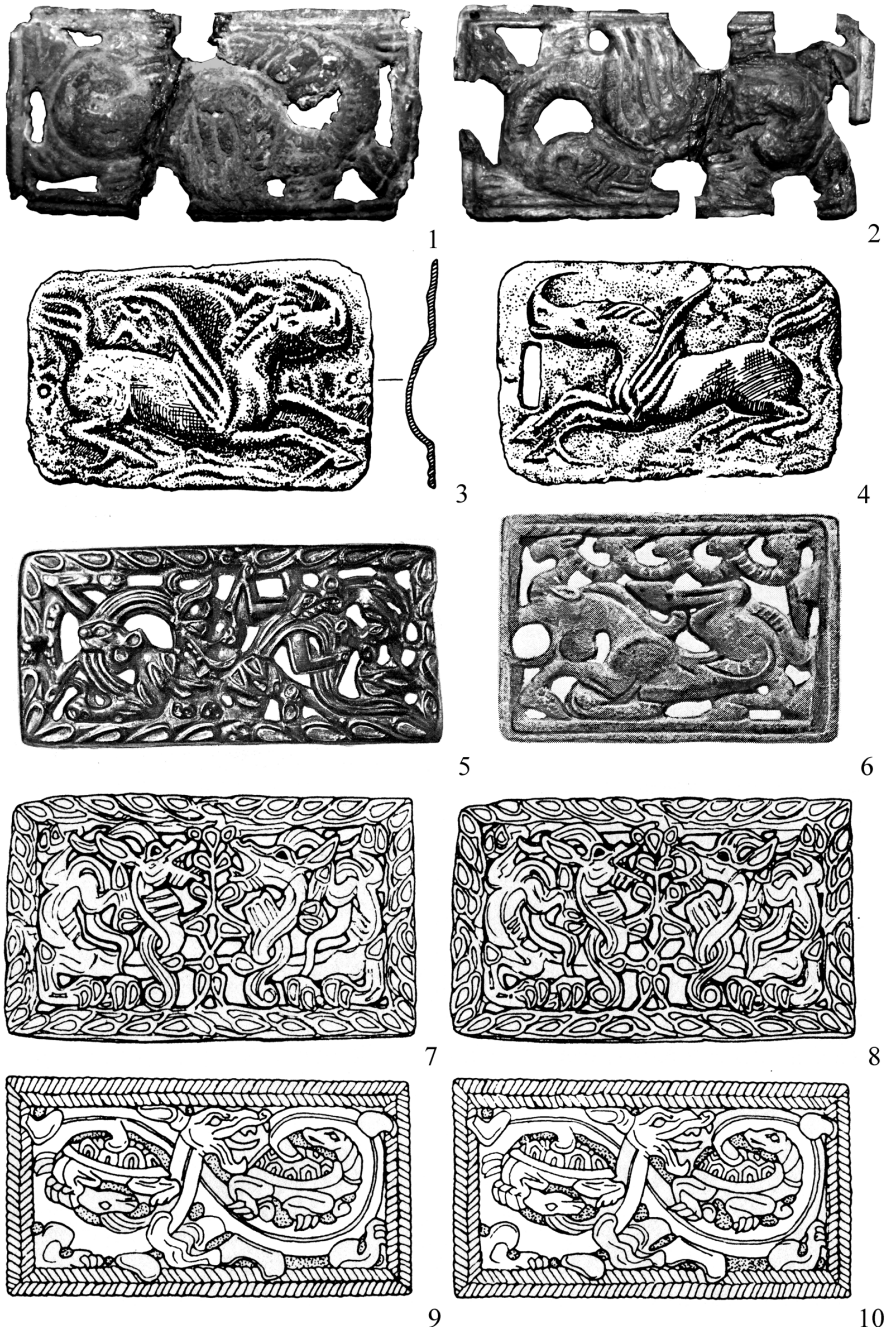


Рис. 3. Ажурные бронзовые пряжки из погребения 4 кургана 8 могильника Донгулюк II и некоторые центральноазиатские параллели им: 1,2 — Донгулюк II курган 8 погребение 4; 3,4 — Северный Китай, могильник Лаохэшань, М56; 5 — Иволгинский могильник, погребение 100; 3,4 — по: (WENWU, 1985, № 2); 6-10 — Ордос; 5-6 — по: (Дэвлет, 1980); 7-10 — по: WENWU, 1994, № 1)

просторные торцевые катакомбы; деревянные гробы; каменные конструкции внутри могилы...; в материальной культуре — «парадные мечи»; длинные мечи без навершия с нешироким перекрестьем; ажурные поясные пластины; бронзовые колокольчики и модели луков; костяные навершия гребней и пр. Следует подчеркнуть, что в восточноевропейских степях они встречаются в сочетании друг с другом (обычно — 2-3 признака в одном комплексе), подчеркивая общность своего происхождения. Особенность их распространения заключается в том, что они распространяются незаметно, органически укладываясь в общую канву эволюции культуры, как в обряде захоронения, так и в элементах вооружения, культа, украшениях и пр. В этой связи должно сказать, что уникальная находка из Донгулюка недвусмысленно указывает в сторону, где расположен один из основных источников трансформации культуры южноуральских номадов рассматриваемого времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Кушаев Г.А.* Научный отчет об итогах археологических раскопок в Уральской области в 1977 году. Уральск, 1978.
2. Данная группа состояла из 3 больших, «царского» типа, курганов — №№ 6-8. Подобная нумерация связана с тем, что автор раскопок дал общую нумерация курганов дана по ходу раскопок, т.е. в 1-й группе 1, 2,3,5, а во второй — 6, 7, 8.
3. Трудно объяснить подобную нумерация погребений Г.А. Кушаевым. Возможно, что она давалась по количеству предполагаемых могильных пятен, некоторые из которых, как потом выяснялось, захоронениями не являлись.
4. В тексте отчета ориентировка ямы указана на СЗ-ЮВ, однако на фотографиях на разных уровнях раскопа могилы, яма ориентирована именно с С-СЗ на Ю-ЮВ.
5. Вскрытие могил в данному кургане было осложнено тем, что с глубины 1,3-1,4 м в ямах начался выход грунтовых вод, ввиду чего проводилось сооружение дренажных устройств для откачки воды, а при снятии находки «запечатывались» гипсом.
6. Нумерация находок в тексте соответствует нумерации на плане погребения.
7. *Гуцалов С.Ю.* Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 14, табл. 1.
8. *Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д.* Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
9. *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975. Рис. 41, 7,9.
10. *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. Табл. 23,24.
11. *Гуцалов*. Ук. соч. С. 15; табл. 1.
12. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 20.
13. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 128.
14. *Виноградов Н.Б., Таиров А.Д.* Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 174.
15. *Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып. 1. Рис. 88, 14.
16. *Хазанов*. Ук. соч. С. 19.
17. *Васильев В.Н.* Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного

Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе, 2005. Вып. 2. С. 100.
18. *Гуцалов С.Ю.* Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград 2007. Вып. II. Рис. 1, 10.
19. *Яблонский.* и др. Ук. соч. Рис. 80,7.
20. Там же. рис. 41,8.
21. *Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н.* Исследование могильника Журавлиха I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003. Рис. 3,12; 4,12,13; 6,12.
22. *Акбулатов И.М.* Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. Рис. 9; 10.
23. *Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С.67.
24. Там же. С. 59.
25. *Смирнов.* Ук. соч. С. 91,105.
26. *Дэвлет М.А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. // САИ. Вып. Д 4-7. М., 1980. С. 10.
27. Там же. С. 16-17.
28. Там же. Рис. 3,2.
29. *У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн.* Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. Рис. 10, 6-8.
30. *Ковалев А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V-III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 76; рис. 1; 2,18,20.
31. Maoqinggou. Ein eisenzeitlichen Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Kava. Kommission für allgemeine und vergleichende Archäologie. Mainz am Rhein, 1992. Abb. 39,4,8,15.
32. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10. М., 1963.
33. *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 105.
34. Там же. С. 105, рис. 3.
35. *Таиров А.Д.* Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 188-195.
36. *Смирнов.* Ук. соч. рис. 19,5; 23, 4; *Кузнецов, Мышкин.* Ук. соч. рис. 7,1.
37. *Смирнов.* Ук. соч. рис. 26; 44; *Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4; *Кузнецов, Мышкин.* Ук. соч. Рис. 5,7; 6,5; *Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.* «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. 3. Рис. 1-3;5-10;12; *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. — Оренбург, 2003. Рис. 86; 100 и др.
38. *Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 18-30.

39. *Скрипкин*. Ук. соч. С. 18-30.

ON CENTRAL-ASIAN CULTURAL COMPONENTS OF NOMADS' BURIALS IN SOUTHERN PRE-URAL OF THE 3rd CENTURY BC

S.J. Gutsalov

The article is devoted to a preliminary publication of one of the most interesting complexes which have been dug out in 1977 by expedition of the Ural Pedagogical Institute under the G.A. Kushaev's direction in the Western Kazakhstan on the right bank of the river Ural. The finds include the burials of 4 barrows, 8 burial grounds of Dongoluk II. On the basis of analogies, the funeral complex from Dongoluk should be dated within the limits of 3rd – 2nd centuries BC, that is most likely, by the turning point of these centuries. At the same time it is necessary to ascertain the central-Asian origin for many things found in the burial under research.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, West Kazakhstan.

© 2009

А.В. Мастыкова

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ПРОТОАДЫГСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В данной работе предпринята попытка, опираясь на разработки, предложенные для других регионов Европы, установить иерархию женского костюма эпохи Великого переселения народов (гуннское время: 360/370 — 470/480 гг. и постгуннский период: 430/470 — 530/570 гг.) для протоадыгского населения Западного Предкавказья, занимавшего, судя по археологическим данным и сообщениям древних авторов, территорию от Нижней и Средней Кубани до Черноморского Побережья Северного Кавказа. При классификации женского костюма по уровню богатства, в первую очередь, учитывалось наличия или отсутствие в погребениях (в костюме и приношениях) металлических предметов убора. Рассмотрены материалы могильников Пашковский-1, Сопино, Ясеновая Поляна и др. Изучение женского убора показало, что протоадыгское население Западного Предкавказья эпохи Великого переселения народов было слабо стратифицированным по социальному признаку.

Ключевые слова: археология, Западное предкавказье, преадыгейское поселение.

В данной работе предпринята попытка, опираясь на разработки, предложенные для других регионов Европы, установить иерархию женского костюма эпохи Великого переселения народов (гуннское время: 360/370–470/480 гг. и постгуннский период: 430/470–530/570 гг.) для протоадыгского населения Западного Предкавказья, занимавшего, судя по археологическим данным и сообщениям древних авторов, территорию от Нижней и Средней Кубани до Черноморского Побережья Северного Кавказа.

На материалах погребальных памятников Западной и Центральной Европы установлено, что в предгосударственных и раннегосударственных социумах, так называемые «варварские королевства», степень богатства погребального инвентаря находится в прямой зависимости от социальной позиции, которую погребенный занимал в обществе[1]. При этом исследователи благоразумно воздерживаются от прямого сопоставления выделяемых ими, по уровню богатства, могил с социальными группами, которые известны по письменным источникам.

Возникая в специфической ситуации повышенной военной напряженности, эти «королевства» строятся по принципу военной организации. В ней главную роль играют отношения жесткого подчинения королю (предводителю) как кланов (семей), составляющих такое королевство, так и отдельных воинов, объединенных в королевскую дружину. Король — это, прежде всего, военный предводитель, остальные функции — второстепенны. Он является объединяющей фигурой, вокруг которой собирается разноплеменная дружина, представляющая реальную опору его власти. Такая форма организации часто сопутствует первому типу этногенеза раннесредневековых народов по Х. Вольфраму, так называемые «новые народы», руководимые военными вождями[2]. Этническое происхождение воинов, как впрочем, и остальных подданных, при этом имеет второстепенное значение.

Естественно, при использовании критериев, выработанных на западноевропейском материале, можно только руководствоваться общими принципами. При работе с северокавказским материалом также стало ясно, что нельзя выработать схему, общую для всего региона, поскольку населявшие его народы находились на разной стадии социальной эволюции и принадлежали к разным культурным традициям. Для каждой этнокультурной группы, представленной в регионе, необходимо создавать свою реконструкцию. Это уже было сделано для готов-тетракситов Черноморского побережья Кавказа и для алан Центрального Предкавказья[3].

При классификации северокавказского женского костюма по уровню богатства, в первую очередь, мною учитывалось наличие или отсутствие в погребениях (в костюме и приношениях) металлических предметов личного убора. Принимались во внимание следующие факторы:

— ценность металла (золото, серебро, бронза);

— частота встречаемости вещей в погребальном контексте;

— редкие импорты и «статусные» предметы — инсигнии;

— совстречаемость женских захоронений в парных погребениях с «богатыми» или «бедными» мужскими могилами;

— в отдельных случаях планиграфическая позиция могилы в некрополе.

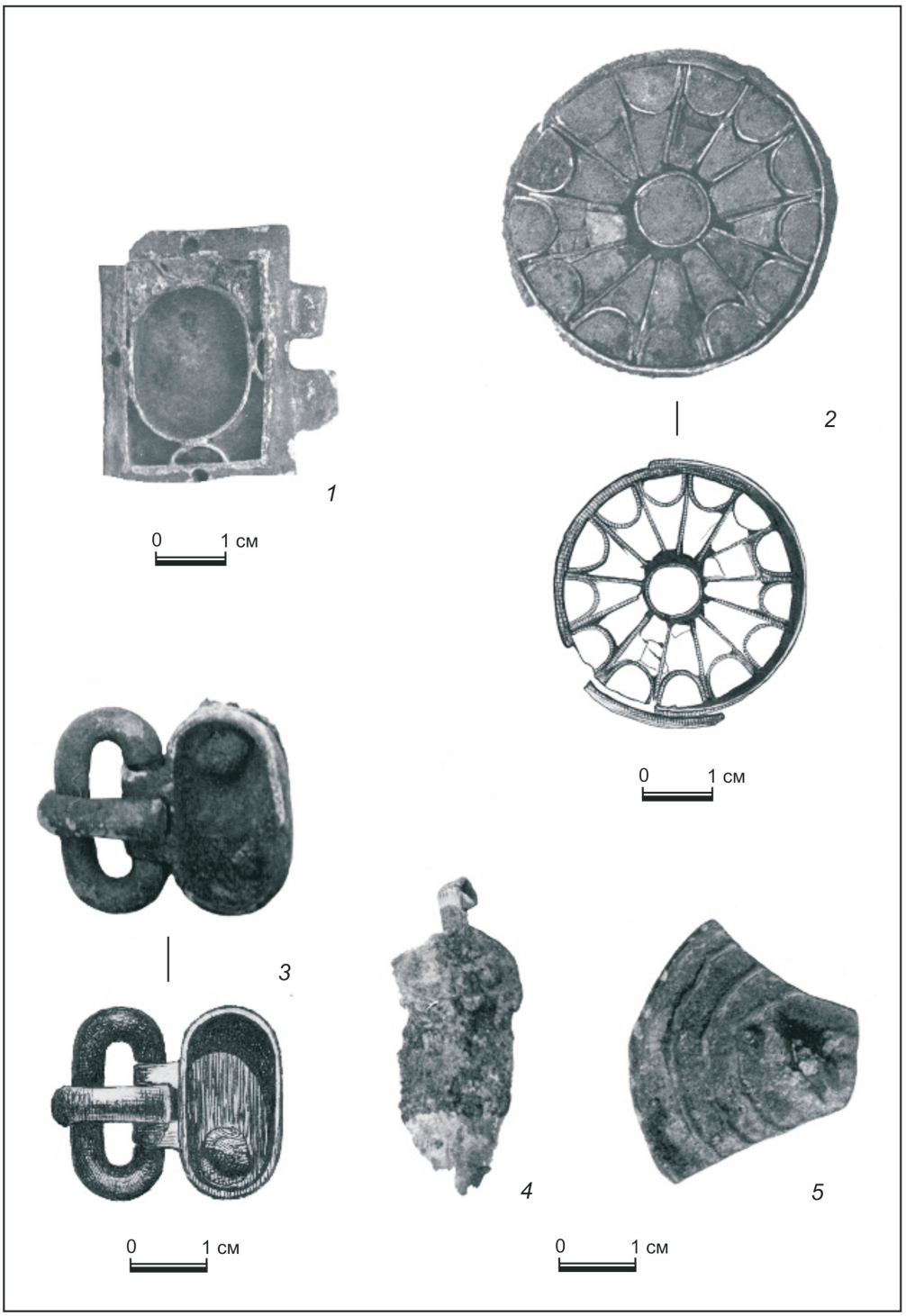


Рис. 1. Пашковский могильник-1, погребение 2.1936 г. (по: Н.В. Анфимову, 1936)

В целом для Северного Кавказа как для женских, так и для мужских, выделяются три уровня погребений[4]. Рассмотрим, как эти уровни представлены в Западном Предкавказье.

— ***1 уровень*** — (соответствует группе «С» Р. Кристляйна) женские и мужские погребения с наиболее богатым и разнообразным инвентарем, включающим изделия из золота и/или «статусные» престижные предметы, а также редкие импортные вещи. Такие погребения на территории Западного Предкавказья не выявлены.

— ***2 уровень*** — (соответствует группе «В» Р. Кристляйна) объединяет погребения с украшениями распространенных типов из недорогих цветных металлов (бронза, реже серебро), в отдельных случаях — железа. Импортные изделия в погребениях чаще всего представлены стеклянными и каменными бусами. Женским погребениям соответствуют многочисленные мужские погребения с ножами или кинжалами, часто сопровождавшиеся поясной, реже обувной гарнитурой на костяке или в приношениях, изредка с другими типами «народного» (по терминологии западноевропейских, в первую очередь, скандинавских археологов) оружия: копья, стрелы. К этому уровню относится большинство известных на сегодняшний день женских погребений Западного Предкавказья рассматриваемого периода.

По степени богатства инвентаря женские погребения протоадыгского населения распадаются на более и менее богатые. Поэтому для территории Западного Предкавказья женские погребения уровня 2 по составу инвентаря были условно разделены на две категории: ***2а*** и ***2б***.

К ***категории 2а*** — отнесены погребения с наибольшим количеством различных предметов из недорогих цветных металлов и с большим количеством каменных, янтарных, стеклянных бус. Этой категории соответствуют следующие могилы:[5]

— *погребение 57 некрополя Бжид-1* — с двумя фибулами, в том числе с большой двупластинчатой, зеркалом, браслетами, серьгами, цепочкой, с хрустальными, янтарными и стеклянными бусами; судя по характерному костюму, скорее всего, в этой могиле была погребена женщина, происходящая из среды готов-тетракситов;

— *погребение 2.1936 г. Пашковского могильника-1* — с бляхой со стеклянными вставками, имитирующей фибулу-брошь, гривной, с большим количеством янтарных, гагатовых, стеклянных бус, с колокольчиками-подвесками, листовидной подвеской, поясной гарнитурой, браслетами; в приношении лежали фрагмент зеркала, овальная пряжка и инкрустированный стеклом щиток от средиземноморской пряжки (рис. 1);

— *погребение 15.1948 г. Пашковского могильника-1* — с фибулой, гривнами, туалетным набором, цепочкой, браслетами, различными стеклянными, янтарными и хрустальными бусами; возможно, большая часть вещей входила в состав приношения;

— *погребение 1.1949 г. Пашковского могильника-1* — с фибулами, массивной гривной, зеркалом, цепочками, пряжкой; возможно, часть вещей входила в состав приношения;

— *погребение 5.1949 г. Пашковского могильника-1* — с большим количеством разнообразных стеклянных, а также янтарных, сердоликовых, хрустальных бус, браслетами, пряжками; в приношении лежали несколько предметов из серебра: фибулы, массивные гривны, калачевидные серьги, браслеты, коробочка-булла, пряжки, зеркало, многочисленные бусы из стекла, янтаря, фаянса, халцедона, хрусталя, коралла;

— возможно, *погребение 4.1949 г. Пашковского могильника-1* — с двумя фибулами, гривной, многочисленными янтарными и стеклянными бусами, пряжками;

— возможно, *разрушенное погребение могильника Хабль* — с двумя фибулами, пряжками, многочисленными бусами из янтаря и стекла.

К ***категории 2б*** — отнесены женские погребения, имеющие более бедный по составу инвентарь, с меньшим ассортиментом тех же предметов, что и в могилах уровня 2а. Это следующие захоронения:

— *погребение 3 могильника Сопино* — с фибулой, зеркалом, пряжками, браслетами, янтарными, стеклянными, хрустальными бусами (рис. 2);

— *погребение 1 могильника Городской* — с фибулой, серьгами, бусами из стекла, янтаря, сердолика и хрусталя;

— *погребение 5 могильника Ясеновая Поляна* — с фибулой, двумя хрустальными и одной янтарной бусиной, пряжками, зеркалом, браслетами (рис. 3);

— *погребение 3.1936 г. могильника Пашковский-1* — с височным кольцом, антропоморфной фигуркой-амулетом, браслетами, янтарными и стеклянными бусами;

— погребение 2.1948 г. могильника Пашковский-1 — с фибулой, гривной, пряжкой, браслетами, бусами из хрусталя, янтаря, сердолика, стекла;

— *погребение 5.1948 г. могильника Пашковский-1* — с браслетами, с бусами; в приношении — фибула, листовидная привеска, хрустальные, янтарные, стеклянные бусы;

— *погребение 7.1948 г. могильника Пашковский-1* — с зеркалом, цепочкой, браслетом;

— *погребение 12.1948 г. могильника Павшковский-1* — с фрагментом фибулы, браслетами, колокольчиком-подвеской, янтарными и стеклянными бусами;

— *погребение 13.1948 г. могильника Пашковский-1* — с пряжкой, браслетами, бусами из хрусталя, янтаря, стекла;

— *погребение 14.1948 г. могильника Пашковский-1* — с фибулой, коробочкой-буллой с цепочкой, браслетами, пряжкой, зеркалом, двумя стеклянными бусинами;

— *погребение 10.1949 г. могильника Пашковский-1* — с гривной, браслетом;

— *погребение 11.1949 г. могильника Пашковский-1* — с фибулой, с цепочкой, браслетами, пряжками, двумя янтарными бусинами;

— *разрушенное погребение у хутора Ленина* — с серьгами, с многочисленными стеклянными бусами.

Наконец, рассмотрим последний, третий уровень, который соответствует группе «А» Р. Кристляйна.

— ***Уровень 3*** — включает в себя хронологически трудно выделяемые погребе-

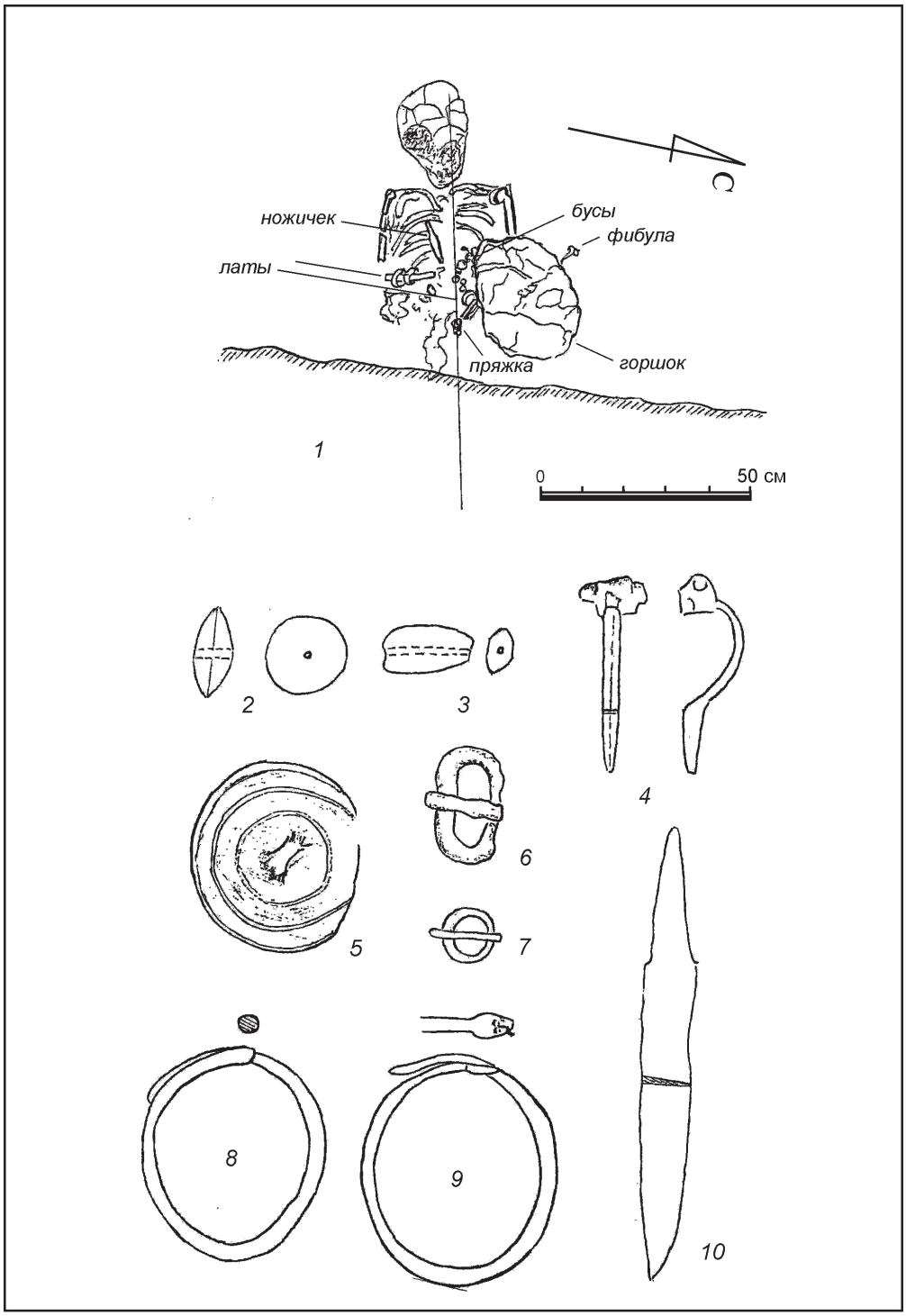


Рис. 2. Сопино, погребение 3 (по: Н.В. Анфимову, 1958)

ния без металлических элементов костюма, как на костяке, так и в приношениях. Им в целом соответствуют столь же трудно определимые мужские погребения без ножей и элементов поясной гарнитуры.

К этому уровню может быть пока отнесено лишь *погребение 3.1948г. Пашковского могильника-1.* Это детское захоронение, в погребальном инвентаре которого было только шестнадцать разнообразных бус из стекла и янтаря.

Итак, изучение женских погребений протоадыгского населения эпохи Великого переселения народов, обнаруженных на территории Западного Предкавказья, то есть в бассейне Нижней и Средней Кубани и на Черноморском побережье Северного Кавказа (в первую очередь — это некрополи Пашковский-1 и Сопино[6]) показало, что по степени богатства инвентаря они надежно не расчленяются.

Практически все изученные женские погребения содержат тот или иной набор предметов из бронзы или серебра, чаще всего включающий: фибулы, браслеты, пряжки, гривны, серьги, туалетные наборы, коробочки-буллы (Пашковский-1, погр. 2.1936, 3.1936, 2.1948, 5.1948, 7.1948, 12.1948, 13.1948, 14.1948, 15.1948, 1.1949, 4.1949, 5.1949, 10.1949, 11.1949; Сопино, погр. 3; Городской, погр. 1). Обычно в «варварской» Европе такого рода погребения с массивными украшениями из недорогих цветных металлов принято относить к «среднему классу»[7], то есть ко ***2-му уровню***.

Некоторые погребения могильника Пашковский-1 содержали несколько предметов из серебра: двупластинчатые фибулы германской традиции (погр. 5.1949 г.), дуговидные фибулы (погр. 1.1949 г., 5.1949 г.), массивные гривны (погр. 1.1949 г., 5.1949 г.), калачевидные серьги (погр. 5.1949 г.), пряжки (погр. 5.1949 г.), браслеты (погр. 5.1949 г.). Вероятно, эти могилы с таким убором соответствуют верхней прослойке ***2-го уровня*** («старшие» женщины семей и кланов?).

По степени богатства к ним же примыкает погребение 57 некрополя Бжид[8]. Эта могила, судя по характерному костюму с двупластинчатыми фибулами восточногерманской традиции, как уже говорилось выше, вероятно, принадлежит женщине, происходящей из среды готов-тетракситов Черноморского побережья Кавказа.

Женским погребениям ***2-го уровня*** соответствуют мужские погребения с копьями и поясной гарнитурой, например, захоронение 11.1948 г. могильника Пашковский-1; Цемесская Долина, погребение 59; а также с ножами/кинжалами и поясной гарнитурой: погребения 1, 2, 6, 7 некрополя Сопино; захоронение 8 могильника Цемесская Долина. Возможно, лишь захоронение 143 некрополя Бжид, содержавшее в своем инвентаре меч без декора, серебряную гривну, браслет и портупейную гарнитуру, можно отнести к нижним стратам ***1-го уровня***.

К ***уровню 3***, то есть захоронениям без металлических элементов в уборе, пока принадлежит, как уже было сказано, лишь детское погребение 3.1948 г. Пашковского могильника-1. В Западном и Центральном Предкавказье такой погребальный набор засвидетельствован только в детских могилах, при том, что в этих регионах известны детские погребения и с другим набором вещей. Возможно, к ***уровню 3*** стоит отнести и погребения Пашковского-1 и Сопинского

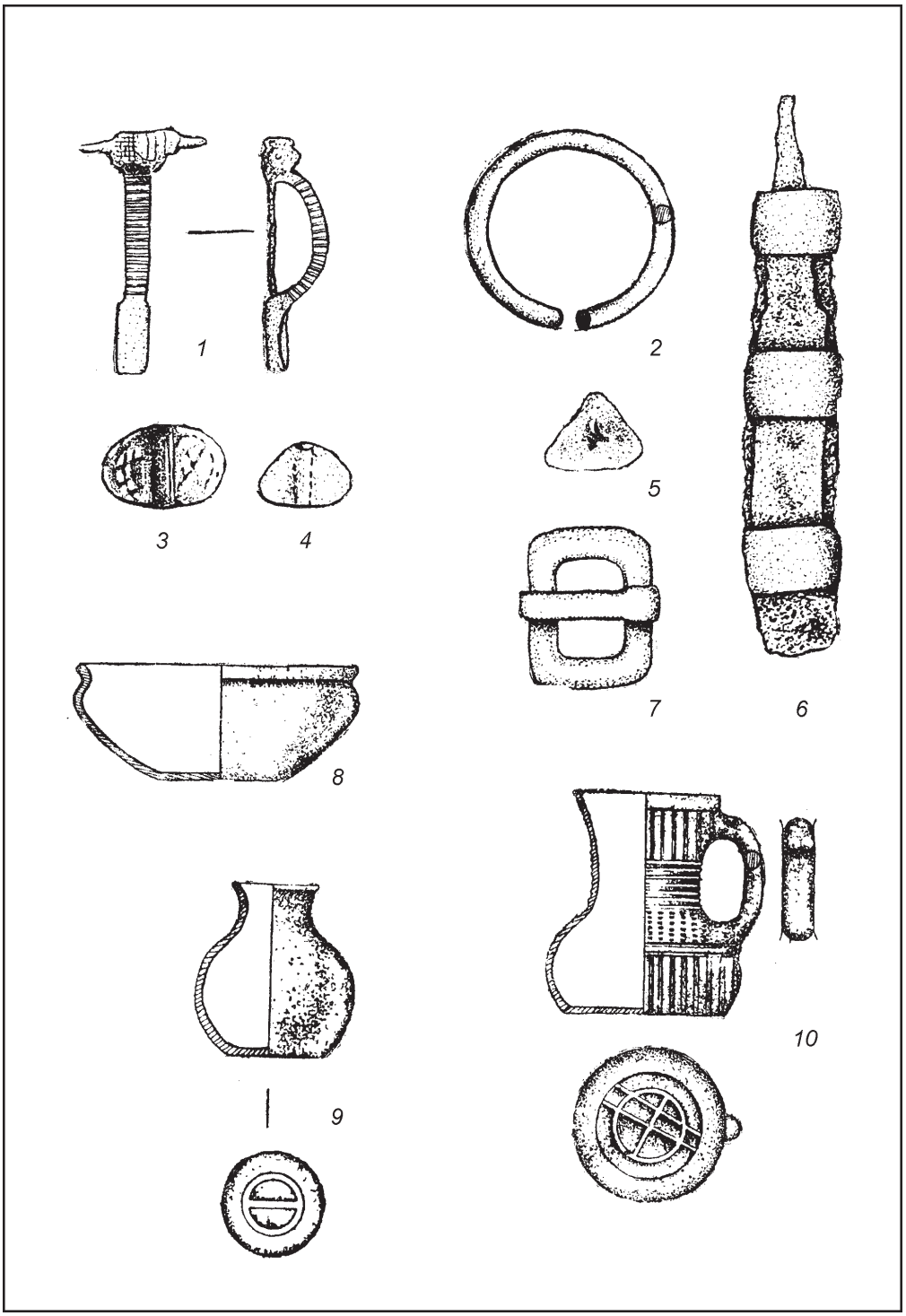


Рис. 3. Ясеновая Поляна, погребение 5 (по: П.А. Дитлеру, 1961)

могильников, содержавшие только керамику или безинвентарные захоронения, но их дата, к сожалению, не всегда ясна.

Таким образом, женский убор свидетельствует, что протоадыгское население Западного Предкавказья эпохи Великого переселения народов было слабо стратифицированным по социальному признаку.

Гораздо ярче социальная иерархия проявляется в погребальном материале у алан Центрального Предкавказья, где представлены все три уровня погребений, в том числе и «княжеские», как женские, так и мужские могилы, с золотыми предметами. Наличие «княжеских» могил в Пятигорье, в долине Баксана и на Верхнем Тереке позволяет говорить о возникновении здесь центров власти, скорее всего маркирующих небольшие «варварские королевства»[9].

Хорошо заметна социальная стратификация и у готов-тетракситов, оставивших некрополь Дюрсо, где также выявляются три уровня погребений, но при этом отсутствуют «княжеские» женские могилы. Видимо социальную структуру у готов-тетракситов тоже можно охарактеризовать как «варварское королевство»[10].

В целом, однако, северокавказское население гуннского и постгуннского времени, судя по материалам женского костюма, выглядит все же социально слабо дифференцированным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Christlein R.* Besitzabstfungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 20. 1973. S. 147-180; *Bierbrauer V.* Ostgermanischer Oberchichtgrдber der römischen Kaiserzeit und des Frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lódź, 1989. S. 39-106; *Kiss A.* Die Herrscher des Karpatenbeckens im 5/6. Jahrhundert aus archäologischer Sicht // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1987. S. 57-88; *Hedeager L.* Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford-Cambridge, 1992; *Pŭrin P.* Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mйrovingiennes // Antiquités Nationales. № 30. 1998. P. 169-184; *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Материалы и исследования по археологии России. № 3 / Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 138-161; *Von Rummel P.* Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin-New-York, 2007; *Мастыкова А.В.* «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. XXI. 2008. С. 149-159.
2. *Wolfram H.* La typologie des ethnogenèses: un essai // Antiquités Nationales. 29. P. 127-136.
3. *Мастыкова А.В.* Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо в V–VI вв. (по материалам костюма) // Историко-археологический альманах. № 7. Армавир-Москва, 2001. С. 59-69; *она же.* Костюм алан Верхней Кубани в эпоху Великого переселения народов (по материалам могильника Байтал-Чапкан) // XXII "Крупновские Чтения" по археологии Северного Кавказа. Ессентуки-Кисловодск, 2002. С. 87-90; *она же.* Гривна могильника Клин-Яр и возможности выделения привилегированных женских погребений эпохи Великого переселения народов в Центральном Предкавказье // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. Мате-

риалы и исследования по археологии России № 8. М., 2007. С. 472-490.
4. *Мастыкова*. Гривна могильника Клин-Яр и возможности выделения привилегированных... С. 476-479).
5. *Анфимов Н.В.* Отчеты Н.В. Анфимова от раскопках Краснодарского городища на Дубинке о доследовании погребений на могильнике № 4 ст. Пашковской и на Краснодарском могильнике за кожзаводами (бл. Афонского перекопа) за 1936 г. // Научный Архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Фонд 2. 1936 г. Дело 236; *Покровский М.В.* Пашковский могильник № 1 // СА. 1936. №1. С. 159-169; *Смирнов К.Ф.* Пашковский могильник № 1 (раскопки 1947, 1948, 1949 гг.) // Личный фонд К.Ф. Смирнова. Архив ИА РАН, б/н.; *Анфимов Н.В.* Отчет об археологических работах в Краснодарском крае, проведенных в 1958 г. по Открытому листу № 196, форма 1 // Архив ИА РАН. Р-1. 1958 г. № 2795; *он же*. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 92-113; *Дитлер П.А.* Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. II. 1961. С. 127-187; *Каминский В.Н.* Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара // СА. 1987. № 2. С. 254, 255; *Пьянков А.В.* Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Краснодар, 1998; *Пьянков А.В., Строчевой А.А.* Раскопки средневекового могильника Бжид 1 // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992; *Пьянков А.В.* Погребение с серебряной фибулой с антропоморфной накладкой из могильника Бжид 1 // Донская археология. № 1-2. Ростов-на-Дону, 2002. С. 73-83; *Носкова Л.М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. 3. М., 2002. С. 171, 172; *Мастыкова*. Социальная иерархия женских могил.... С. 59-69.
6. *Покровский*. Пашковский могильник... С. 159-169; *Смирнов К.Ф.* Пашковский могильник № 1 (раскопки 1947, 1948, 1949 гг.) // Личный фонд К.Ф. Смирнова. Архив ИА РАН, б/н.; *Анфимов*. Зихские памятники Черноморского побережья.... С. 92-113.
7. *Christlein*. Besitzabstfungen zur Merowingerzeit ... S. 147-180; *Bierbrauer*. Ostgermanischer Oberchichtgräber ....S. 39-106.
8. *Пьянков*. Погребение с серебряной фибулой... С. 73-83.
9. *Казанский, Мастыкова*. Ук. соч. С. 138-161; *Мастыкова*. Костюм алан Верхней Кубани... С. 87-90; *Мастыкова*. Гривна могильника Клин-Яр... С. 472-490; *она же*. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов.... С. 149-159.
10. *Мастыкова*. Социальная иерархия женских могил... С. 59-69.
11. *Анфимов*. Отчеты Н.В. Анфимова...
12. *Анфимов Н.В.* Отчет об археологических работах в Краснодарском крае, проведенных в 1958 г. по Открытому листу № 196, форма 1 // Архив ИА РАН. Р-1. 1958 г. № 2795.
13. *Дитлер*. Могильники в районе поселка Колосовка... С. 127-187.

SOCIAL HIERARCHY OF A FEMALE SUIT OF THE PRE-ADYGEI POPULATION OF THE WESTERN PREDKAUKAZIE DURING THE GREAT PEOPLES RESETTLEMENT EPOCH

A.V. Mastykova

The work presents an attempt to set the hierarchy of a female suit during (Hun's time: AD 360/370 — 470/480 and Posthun's period: AD 430/470 — 530/570) basing on the development offered for other regions of Europe. When classifying a female suit on a wealth level, first of all, there has been taken into account presence or absence in burials (as for a suit and gifts) of metal subjects of attire. There have been considered materials of burial grounds in Pashkovsky-1, Sopino, Yaseneva Polyana etc. Studying female attire shows, that the Protoadygei population of the Western Ciscaucasia of the Great peoples resettlement was poorly stratified on a social aspect.

Keywords: archaeology, West Predkaukazie, pre-Adygs.

СРЕДНИЕ ВЕКА

© 2009

В.П. Костюков

«ЖЕЛЕЗНЫЕ ПСЫ» БАТУИДОВ (ШИБАН И ЕГО ПОТОМКИ В ВОЙНАХ XIII В.)

В статье дается очерк участия Шибана и его потомков во внутренних и внешних войнах Монгольской империи в XIII в. Заслуги в укреплении Золотой Орды и верное служение Батуидам позволили Шибанидам в период династического кризиса 1360-1370 гг. выступить в качестве главных претендентов на верховную власть.

Ключевые слова: монголы, Узбек, исплам

Улус Шибана — одно из наиболее крупных владений потомков Джучи, в XIII-XV вв. располагавшееся в Восточном Дашт-и Кыпчаке. В пору «великой замятни» 1360-1370 гг. потомки Шибана вместе с потомками Тука-Тимура выступили в качестве главных претендентов на верховную власть в Золотой Орде. После воцарения представителя династии Тукатимуридов Токтамыша Шибаниды прекратили борьбу за Сарай, но в условиях нового кризиса, последовавшего за поражением Токтамыша от Тимура, преуспели в укреплении своих позиций в Восточном Дашт-и Кыпчаке. В Урало-Казахстанском регионе потомки Шибана правили до начала XVI в., в Западной Сибири — до конца XVI в. В начале XVI в. Шибаниды изгнали из Средней Азии тимуридских правителей Бабура и Хусайна Байкара, а затем Исмаил-шаха I Сефевита; смена династий сопровождалась массовым переселением кочевых подданных Шибанидов — узбек-шибанов — из Восточного Дашт-и Кыпчака в области Мавераннахра, Хорасана и Хорезма. Это завоевание-переселение обусловило значительные политические и этнические перемены в Средней Азии, обеспечив длительное господство Шибанидов и создав условия для усиления процесса тюркизации местного населения, при этом узбек-шибаны, в конечном счете, дали свое имя государству Узбекистан и народу, его населяющему.

Судя по тому, что с началом династического кризиса 1360-1370 годов, круг искателей сарайского трона включал, по существу, только шибанидских и тукатимуридских огланов, лишь династиям Шибана и Тука-Тимура удалось успешно пережить ряд критических периодов истории Золотой Орды, ставших гибельными для других джучидских линий. Сохранение этими кланами достаточной витальности, помимо прочих причин, стало возможным и благодаря тому, что на протяжение более столетия они ревностно исполняли обязанности, налагаемые статусом *ини*, «не уклоняясь с пути служения и повиновения» Батуи-

дам и избегая любого проявления оппозиционности. Весьма вероятно, что Шибаниды и Тукатимуриды, с одной стороны, и Батуиды, с другой, были связаны особыми моральными обязательствами, продиктованными и освященными реальными и легендарными деяниями основателей династий. Среди заслуг Тука-Тимура можно назвать управление Улусом Джучи в то время, когда его старшие братья воевали в Северном Китае[1]; участие в европейском походе[2], обеспечение (вместе с Берке) проведения курултая, санкционировавшего передачу императорской власти Мункэ[3]. В настоящей статье будет предпринята попытка дать очерк «служения» Шибана, а также его сыновей и внуков, которые, неизменно оставаясь «когтями и зубами» Батуидов, активно отстаивали их интересы во внутренних конфликтах, потрясавших Монгольскую империю, и внешних войнах, которые вело государство Джучидов во второй половине XIII в.

***

Согласно Рашид ад-Дину и более поздним, зависимым от него источникам, Шибан[4] был пятым сыном Джучи[5]. Старше Шибана, по Рашид ад-Дину, были Орду, Бату, Берке и Беркечар. Джувейни, перечисляя сыновей Джучи, достигших совершеннолетия к моменту смерти отца, называет Шибана четвертым: «Богал, Хорду, Бату, Сибакан[6], Тангут, Берке и Беркечер»[7]. Джузджани был осведомлен только о четырех сыновьях Джучи, в его списке Шибан назван третьим: «старший по имени Бату, второй Чагата[8], третий Шибан, четвертый Берка»[9]. По ал-Карши, у Джучи было сорок сыновей, «из их числа — самые знаменитые: Хурдад, Бату, Танкут, Шибан, Берке, Баракджар, Миткафадан и другие»[10]. В «Алтан Тобчи», где даны два отдельных списка сыновей Джучи, по семь в каждом, Шибан упомянут во втором, перечисляющем владетелей «страны кыпчаков и Тогмака»; здесь его имя стоит на третьем месте — после неких Агасар-хана и Тарбис-хана[11].

Несмотря на то, что Рашид ад-Дин в генеалогии Джучидов называет Шибана пятым сыном, упоминая сыновей Джучи в связи с их участием в похоронах, курултаях и военных кампаниях, он, вслед за Джувейни, имя Шибана всегда ставит третьим — после имен Орду и Бату[12]. Любопытно, что той же схемы придерживается и Плано Карпини: перечисляя потомков Джучи, он называет Бату («он наиболее богат и могуществен после императора»), Орду («он старший из всех вождей») и Шибана; после Шибана следуют «Бора, Берка, Фаут»[13]. Третьим в перечне сыновей Джучи называет Шибана также спутник Плано Карпини Бенедикт Поляк: «...Бати (он является самым могущественным после кана) и Орду. Он — старший среди вождей и наиболее уважаем. Других двух сыновей он имел от другой жены, а именно Сибана и Хаута [Тангута]»[14]. Учитывая, что главным источником сведений, полученных францисканской миссией, были представители высшей административной элиты Монгольской империи, такие совпадения последовательности имен, надо думать, не случайны. Они свидетельствуют в пользу небеспочвенности легенды об установлении Чингиз-ханом субординации среди старших сыновей Джучи: Бату, Орду, Шибан[15].

В «Умдет ал-ахбар» сообщается, что *аталыком* Шибана был БорАлтай (Боролдай[16]) из племени тараклы-кыйат[17]. Мать Шибана (и Джилавуна), со-

гласно «Муизз ал-ансаб», звали Несер[18]. Возможно, она исповедовала христианство[19], ибо имя Шибан, как показал П. Пеллио, является тюркской деформацией имени «Степан». Другие опыты этимологизации имени — непосредственно из монгольского языка или из тюркского[20] — менее удачны. Вариант П. Пеллио представляется лучше аргументированным, особенно с учетом этнокультурной среды, в которой имя встречалось в XIII в., и тех метаморфоз, которые оно пережило, начиная с первого появления в источниках. В XIII в. это имя бытовало у многих знакомых с христианством центральноазиатских народов — кераитов, найманов, уйгуров, онгутов и др.[21]. В XVI в. историки среднеазиатских Шибанидов трансформировали имя Шибан в Шейбан (Шайбан), сближая его с названием арабского племени Shaiban[22]; на самом деле, если следовать гипотезе П. Пеллио, потомки Шибана были «Стефанидами», а не «Шайбанидами».

Дата рождения Шибана, принимая во внимание неопределенность института старшинства, может быть установлена сугубо предположительно. Как указано выше, Джувейни называет Шибана среди тех сыновей Джучи, которые к моменту смерти отца «уже достигли степени независимости"[23]. Третий сын Джучи, Берке, родился около 1210 г., следовательно, если довериться легенде, по которой в 1227 г. Шибан вместе с Бату и Орду был особо отличен Чингис-ханом, в то время ему было не более 17 лет и, учитывая существовавший тогда порог совершеннолетия, не менее 13 лет.

В ранних источниках первое упоминание Шибана в связи с конкретным событием относится к 1229 г., когда он вместе со старшими и младшими братьями отправился на курултай, утвердивший великим ханом Угэдэя[24]. В 1231-1234 гг. Шибан, по всей видимости, воевал в Китае. Об этом сообщает Абу-л-Гази: по повелению Угэдэя Бату с пятью братьями, прибывшими с ним на курултай — Орду, Шибаном, Берке, Чимбаем и Беркечаром, должен был сопровождать каана в походе против Цзинь[25]. Затем последовало участие в европейском походе, к началу которого он, надо думать, стал уже вполне зрелым военачальником.

В описаниях западного похода проявивший «превосходную старательность» Шибан упоминается несколько раз. Во-первых, Джувейни и Рашид ад-Дин называют его в длинном ряду царевичей, назначенных возглавить поход[26]. Махмуд б.Вали называет его командующим правого крыла монгольской армии, соединившейся осенью 1236 г. в пределах Булгара[27]. Оттуда, по словам Рашид ад-Дина, «Бату с Шейбаном, Буралдаем и войском выступил в поход против буларов и башгирдов и в короткое время, без больших усилий, захватил их». Далее Рашид ад-Дин рассказывает, что несмотря на двойной численный перевес войска буларов над войском монголов (400 тысяч против 200 тысяч), Шибан со своим авангардом в 10 тысяч воинов и Буралдай ночью переправились через разделявшую противников реку и вступили в бой, причем Буралдай произвел нападение всеми войсками сразу, а Шибан лично вступил в сражение. Монголам удалось свалить шатер «келара» — царя буларов, что и решило исход сражения. Войско буларов пало духом и обратилось в бегство, а монголы преследовали его, пока не уничтожили большую часть беглецов[28]. Несмотря на то, что Рашид ад-Дин поместил свой рассказ в самом начале повествования о западном

походе, весь его антураж заставляет думать, что речь идет о военных действиях в Венгрии, а не в Волжской Булгарии. Во-первых, рассказ почти целиком заимствован у Джувейни, который прямо пишет, что описанное в нем завоевание исповедующих христианство и граничащих с землями франков «келеров и башгирдов» произошло, «когда русы, кифчаки и аланы были уничтожены»[29]. Во-вторых, Рашид ад-Дин не только повторяет вслед за Джувейни, что «булары были многочисленный народ христианского исповедания; границы их области соприкасаются с франками», но и добавляет, что жители завоеванного монголами Булара и Башгирда позже вновь восстали, и страна эта еще не вполне покорена[30], что в начале XIV в., конечно же, не могло относиться к Волжской Булгарии.

Хотя в ранних источниках имя Шибана ни разу не встречается при описании военных действий осени 1237 г. — весны 1238 г., есть основания предполагать, что в завоевании Северо-Восточной Руси он принимал самое активное участие. В хорошо известном по русским летописям Бурундае, начальнике монгольского корпуса, которому после захвата столичного Владимира, было поручено преследовать и уничтожить Великого князя Юрия Всеволодовича, легко увидеть сокрушавшего вместе с Шибаном «буларов и башгирдов» Буралдая и одновременно — *аталыка* Шибана БорАлтая из сочинения Абд ал-Гаффара Кирими «Умдет ал-ахбар»[31]. Боролдай упоминается также в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» как предводитель одного из четырех туменов, пожалованных Шибану[32]. В русских летописях он характеризуется как завоеватель Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальской Руси, его имя называется рядом с именем прославленного Субэдэя и с прибавлением того же почетного титула «бахадур», который имел Субэдэй: «...бе воевода его [Батыя — *В.К.*] первый Сябядяй богатур и Буранадай батыр, иже взя Болгарскую землю и Суздальскую»[33]. Впоследствии, когда золотоордынский престол занял Берке, Боролдай был призван организовать новое наступление на христианскую Европу. Для этого ему были переданы кочевья на западной границе Улуса Джучи, которые до него занимал Куремса (Курумиши)[34].

Если Боролдай, действительно, был *аталыком* Шибана, т.е. его воспитателем и советником, то не было бы ничего удивительного в том, что Шибан в западном походе воевал рядом и под присмотром своего попечителя и, возможно, родственника. 4 марта 1238 г. на реке Сить произошло сражение, в котором решилась судьба Северо-Восточной Руси: «Юрьи же князь, оставив сын свой во Володимере и княгиню, изыде из града, и совокупляющу ему около себе вои и не имеющу сторожий, изъехан бысть безаконьным Бурондаема, весь город изогна и самого князя Юрья убиша»[35]. Как следует из данных русских летописей, монголы одержали победу во многом благодаря стремительности и скрытности совершенного ими маневра и беспечности Юрия Всеволодовича[36]. О том же говорит и Утемиш-хаджи, с той лишь разницей, что победный маневр он приписывает смелости и инициативности Шибана. По его рассказу, Шибан, получив известие, что «московский государь» со ста пятьюдесятью тысячами людей идет ему навстречу, несмотря на призывы беков к осторожности, двинулся вперед форсированным маршем с расстояния, удаленного от основных сил на три дня пути, ворвался в расположение пребывавших в неведении русских и наголову

разгромил их, взяв богатую добычу[37]. Абу-л-Гази тоже отмечает важный вклад Шибана в успех западного похода, но освещает события в синтезированном виде. Согласно его рассказу, государи «Корелы, немцев и Руси» соединили свои войска под Москвой и, «оцепив свой стан и окопавшись рвом», в течение трех месяцев успешно отбивались от монголов. Тогда Шибан предложил Бату с рассвета завязать бой с противником с тем, чтобы в решающий момент сражения он сам с усиленным туменом произвел нападение с тыла. Бату принял предложение брата, и план блестяще исполнился: «В этом месте избили они семьдесят тысяч человек. Все эти области сделались подвластными Саин-хану»[38].

Осенью 1238 г., по сообщению Рашид ад-Дина, «Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан[39] захватили Таткару»[40]. В Крыму Шибан вновь проявил свои незаурядные полководческие таланты, на этот раз — при взятии крепости, которую Утемиш-хаджи называет Кырк-Йер[41], а ал-Кирими — Мангуп[42]. Крепость стояла на голой скале, и, когда все обычные методы осады и штурма не дали результата, Шибан приказал, чтобы воины взяли стремена, медные котлы и прочие предметы, издающие звон, и начали стучать ими друг о друга. Защитники крепости, заслышав ужасный шум и грохот, вначале запаниковали и не спали несколько ночей, но позже успокоились. Монголы же не прекращали свою шумовую атаку в течение целого месяца, воздерживаясь от каких-либо попыток штурма. В конечном счете осажденные совсем успокоились, забыв об обороне и наблюдении за крепостными укреплениями. Когда Шибан заметил это, он отобрал четыре-пять тысяч храбрых молодых воинов и назначил их под команду бея Боралдая. В середине ночи они под прикрытием продолжающегося шума пошли на штурм и, благодаря притупившейся бдительности гарнизона, легко овладели крепостью[43].

Военные действия в Крыму продолжались, как минимум, до начала 1240 г.: в источниках точно датирован выход монголов на юго-восточное побережье Крыма к городу Судаку — 26 декабря 1239 г.[44]. Именно эта фаза завоевания Крыма, по-видимому, отражена в сообщении Рашид ад-Дина о захвате «Таткары»: в настоящее время название Таткара носит горный перевал на пути, ведущем в Судакскую долину. Рубрук, путешествие которого по Монгольской империи началось с Судака, оставил яркое описание разыгравшейся здесь зимой 1239-40 г. трагедии: «когда пришли Татары, Команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых, как мне рассказывал видевший это некий купец»[45].

Можно предположить, что тумен Шибана оставался в Крыму до полного завершения операции, в то время как часть монгольских войск, в 1238 г. вошедших в Крым, в конце года была переброшена на Северный Кавказ: Бури, направленный с Шибаном и Бучеком в Крым, уже зимой 1238-39 г. вместе с Гуюком, Менгу и Каданом осаждал аланский город Минкас (Магас), располагавшийся в долине Терека[46]. Впрочем, не исключено, что после подчинения Крыма, Шибан тоже был отправлен на Северный Кавказ. По Рашид ад-Дину, весной 1240 г. был организован поход в область Дербенда, возглавить который было поручено Букдаю (Кукдаю)[47]. Имя Букдай в известиях Рашид ад-Дина о европейской кампании встречается лишь однажды, и это обстоятельство заставляет думать, не скрывается ли за ним имя Боролдая. В конце 1240 г.

монгольские войска пришли к стенам Киева. По полученным киевлянами от пленного монгола сведениям, в войске Бату были «его братия великие» Урдей, Байдар, Бирюй, Кайдар, Бечар, Менгай, Куюк, а также воеводы и князья Бутар, Айдар, Килеметет, Браньдай, Баты[48]. Согласно И.Н. Березину, отсутствие в этом списке имен Шибана и Тангута должно означать, что они в осаде Киева не участвовали[49], однако, учитывая упоминание в нем Боролдая, можно предположить, что Шибан и здесь был рядом со своим наставником.

Из разоренной Юго-Западной Руси монгольская армия двинулась в Польшу и Венгрию. Начало вторжения в Латинскую Европу в биографии Субэдэя в «Юань ши» описывается так: «Проходя горы Ха-цза-ли (Карпаты), напали на владетеля племени венгров — короля. Субэтай был в авангарде, вместе с чжуваном Бату, Орду, Шибаном[50] и Каданом, которые продвигались по отдельным пяти дорогам»[51]. По мнению Д.Синора, армия вторжения была разделена на три корпуса, каждый из них состоял из трех войсковых единиц. Командующим центрального корпуса был Бату, ему помогали Субэдэй и Шибан[52]. Рашид ад-Дин руководителями армии, действовавшей на венгерском направлении, называет Бату, Шибана и эмира Буралдая[53]. 12 марта 1240 г. центральный корпус сломил оборону Верешского прохода. В то время как основные силы медленно продвигались на юг, Шибан, руководивший авангардом, продолжил преследование защитников Верешского прохода и к 17 марта взял штурмом и разграбил города Язберен и Вач, расположенные, соответственно, в 50 и 30 километрах от Пешта. Вскоре передовые отряды Шибана появились под стенами Пешта, в котором король Бела IV собирал свои войска. Венгры, сделавшие несколько вылазок и воодушевленные нежеланием монголов вступать в серьезные столкновения, в начале апреля вышли из города и двинулись навстречу главным силам Бату. Армии встретились примерно на полпути между Пештом и Верешем у местечка Мохи на реке Шайо. 11 апреля монголы совершили через реку ночное нападение на венгерский лагерь. Венгры, хотя и были застигнуты врасплох, оказывали упорное сопротивление, но в разгар сражения монголы деморализовали противника, поманив его свободным путем к отступлению, после чего началось избиение бегущих, продолжавшееся на всем пути от Мохи до Пешта. Шибан, по свидетельству Джувейни, проявил себя здесь неустрашимым героем: «лично участвовал в сражении и предпринимал одно наступление за другим»[54].

После разгрома армии Белы IV на р. Шайо монголы оставались в Венгрии еще в течение года. В начале весны 1242 г. Бату получил известие о смерти Угэдэя и вместо запланированного вторжения в Германию начал отвод своих войск на восток[55]. Карпини рассказывает, что монголы, возвратившись из Венгрии, приступили к завоеванию и подчинению территорий на северных окраинах Западного и Восточного Дашт-и Кыпчака. Они «пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись оттуда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись оттуда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их. Выйдя оттуда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам... Подвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам... Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудо-

вищ... Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там»[56]. Приведение к покорности лесных зауральских и западносибирских племен, надо думать, было возложено на Шибана. Это предположение вытекает из локализации Улуса Шибана, какой она была в момент путешествия Карпини и как она отражена во всех позднейших источниках. Описывая свой путь из ставки Бату в Каракорум, Карпини фиксирует кочевья Шибана к северу от бывших владений Ануштегинидов — в тех местах, где к ним прилегала «часть земли черных Китаев и Океан»[57].

Шибан в то время должен был находиться там же, куда везли Карпини, — на курултае, решавшем вопрос о преемнике каана Угэдэя. Улус Джучи на нем представляли Орду, Шибан, Берке, Беркечар Тангут[58] и Тука-Тимур[59]. Следующее, и последнее в ранних источниках, упоминание о Шибане содержится в отчете Рубрука. По всей видимости, со слов вдовы Шибана Рубрук рассказывает, что в то время, когда Бату отправился к Гуюку, т.е. в 1248 г., «он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга»[60].

Сообщение Рубрука о смерти Гуюка от руки Шибана не продублировано в других источниках: толуидские авторы утверждают, что Гуюк умер своей смертью, «от болезни, которой страдал»[61]. К тому же и сам Рубрук слышал от Андрэ Лонжюмо, будто «Кен умер от одного врачебного средства, ...это средство приказал приготовить Бату», и поэтому, имея в виду еще и официальную версию кончины Гуюка, оговаривается, что не узнал об этом ничего достоверного. По этой причине большинство исследователей относятся к версии об убийстве Гуюка Шибаном с недоверием. Сомнительность рассказа Рубрука о смерти Шибана в результате ссоры с Гуюком замечают также в том, что Рашид ад-Дин называет Шибана еще один раз после смерти Гуюка — в числе Джучидов, которые участвовали в курултае, узаконившем желание Бату посадить на императорский трон Мункэ[62]. Однако с учетом событий, предшествовавших смерти Гуюка и последовавших за ней, а также некоторых других соображений[63], полученное Рубруком, можно сказать, из первых рук, сообщение кажется наиболее правдоподобным. Тем более, что персональное упоминание в труде Рашид ад-Дина Орду, Шибана и Берке как представителей дома Джучи на курултае имеет, по всей видимости, дежурный характер. Во всяком случае Джувейни, современник тех событий, ни Орду, ни Шибана в числе участников этого курултая не называет.

Поздние источники содержат противоречивую информацию о последних годах жизни и смерти Шибана. По рассказу Утемиш-хаджи, когда Бату завершил поход и приступил к раздаче племен и земель родственникам, беки дали ему относительно Шибана такой совет: «Этот человек сделал большое дело. И теперь он заважничал. Не подобает, дав ему роды, племена и вилайеты, держать [его] при себе. К тем тридцати тысячам человек, [которых ты] недавно выделил ему, добавь еще войска и пошли того человека в непокоренные вилайеты. Пусть любой вилайет, который он подчинит, будет его». Следуя совету, Бату отправил Шибана на завоевание Крыма и Каффы. После покорения этих вилайетов неуемный Шибан «пошел походом на вилайет Улак и захватил его. Затем пошел

походом на вилайет Корал. Корал — очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался. И сейчас [еще] есть потомки государя [вилайета] Корал»[64]. У Абу-л-Гази этот сюжет изложен несколько иначе: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте ...младшему своему брату, Шибан-хану ...отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел; и из родовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек, до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сары-су. Шибан-хан послал в область Корел одного из своих сынов, дав ему хороших беков и людей. Этот юрт постоянно оставался во власти сынов Шибан-хана; говорят, что в настоящее время государи Корельские — потомки Шибан-хана. Эта земля далека от нас, поэтому один Бог верно знает, истинны ли, или ложны эти известия. Шибан-хан в показанных областях проводил лета и зимы, и по прошествии нескольких годов умер»[65].

На этом более или менее достоверные известия о Шибане, по существу, исчерпываются. Явно легендарный характер имеет рассказ Утемиш-хаджи о том, как Чингиз-хан установил субординацию между сыновьями Джучи. Согласно этому рассказу, после смерти Джучи его старшие сыновья Иджан-хан (Орда) и Саин-хан (Бату) взаимно уступали друг другу право возглавить улус и, не сумев прийти к согласию, решили положиться на мнение Чингиз-хана. «Два сына, родившиеся от одной матери (т.е. Орду и Бату — *В.К.*), и семнадцать сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на корунуш к великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; синюю юрту с серебряным порогом поставил для Иджана; серую юрту со стальным порогом поставил для Шайбана». Эта легенда, по признанию самого Утемиш-хаджи, давала Шибанидам возможность утверждать свое превосходство над «огланами Тохтамыш-хана, Тимур-Кутлы и Урус-хана» и уязвлять их тем, что Тука-Тимуру, от которого они вели свое происхождение, Чингиз-хан тогда «не поставил даже [крытой] телеги»[66]. Впрочем, некоторые историки шли еще дальше. Так, в сочинении Мухаммада ат-Ташканди утверждалось, что «первый из Чингизидов, воцарившийся в Деште, был Шибанхан, один из потомков Йуджихана, сына Чингиз-хана. Он царствовал долгое время. Потом он умер, и в управление Дешт-Кипчаком вступили сыновья его, но не уладились дела их, пока не одержали верх над ними сыновья Саинхана, сына Йуджихана, сына Чингизхана, которые вырвали царство из рук их»[67]. На самом деле, ситуация была прямо противоположной: во второй половине XIV в. Шибаниды, воспользовавшись тем, что не «уладились» дела Батуидов, стали энергично претендовать на золотоордынский трон.

Таким образом, ранние и поздние источники изображают Шибана небесталанным полководцем, непременным предводителем передового корпуса, богатырем и смельчаком, рука об руку с Бату немало потрудившимся для обретения Улусом Джучи новых земель и подданных, а если принять версию Рубрука — то

и героем, благодаря которому Бату сохранил власть над западной частью империи. Заслуги Шибана высоко оценивались еще многие десятилетия после его смерти. Как рассказывает Утемиш-хаджи, когда хан Узбек подверг потомков всех семнадцати сыновей Джучи суровому наказанию за то, что они не воспротивились провозглашению ханом *карачу* Баджир Ток-Буги, Шибаниды были прощены — по той лишь причине что они «огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты»[68].

***

Согласно Рашид ад-Дину, у Шибана было двенадцать сыновей — Байнал, Бахадур, Кадак, Балакан, Черик, Меркан, Куртука, Аячи, Сабилкан, Баянджар, Маджар, Коничи[69], согласно же «Му'иззу», тринадцать — Байнал, Бахадур, Джанта, Кадак, Балака, Черик, Мирган, Куртука, Апачи, Салган, Маджар, Кунчи и Байанджар[70]. Эти, по выражению б.Вали, «плодоносные пальмы» дали обильное потомство, в протяжение более столетия верно служившее преемникам Бату. О субординации среди самих Шибанидов в те времена, когда золотоордынский трон занимали Батуиды, Абу-л-Гази и б.Вали сообщают следующее. Когда Шибан умер, «вместо отца стал главенствовать над элем и улусом» его второй сын Бахадур[71]. После смерти Бахадура «главой племени (кабила)» стал его старший сын Джучи-Бука, присоединивший «к богом хранимым вилайетам много стран». Преемником Джучи-Буки стал старший из его сыновей Бадагул-оглан. В правление Бадагула «на той территории» разгорелось «пламя смуты и волнений», и, хотя «холодной водой справедливости и правосудия» и «сверканием разящего меча» порядок был восстановлен, но «свеча жизни» самого Бадагула «была задута (взмахом) края вражеского рукава». Единственный сын Бадагула Минг-Тимур[72], заняв место отца, «вступил на черту завоевания и овладения многими странами». После Минг-Тимура, имевшего шесть сыновей (из них пять от наложницы), его третий сын Пулад «поставил ногу на трон владычества"; шестой сын Минг-Тимура, Бек-Кунди, стал родоначальником династии сибирских ханов. У Пулада было два сына — Ибрахим и Арабшах. Внук Ибрахима Абу-л-Хайр стал основателем «государства кочевых узбеков», его потомки в начале XVI в. утвердились в Мавераннахре; в это же время в Хорезме обосновались потомки второго сына Пулада - Арабшаха.

Военная жилка Шибана, как позволяют судить ранние источники, передалась не только потомству Бахадура. Широкие возможности для ее проявления представились с возобновлением кааном Мункэ наступления на еще не покоренные Монгольской империей государства. В литературе нередко высказывается мысль о некоторой случайности участия Улуса Джучи в завоевании Ирана и Ирака. Считается, что Бату и Берке были настроены против планов иранской кампании, и лишь удачное для Толуидов стечение обстоятельств — смерть Бату как раз в то время, когда его сын Сартак находился в Каракоруме — позволило Мункэ не только начать вторжение в Иран, но и привлечь к нему джучидские военные контингенты. В действительности, Джучиды, конечно же, были не меньше Толуидов заинтересованы в приобретении новых земель. Впечатляющие размеры территории, оказавшейся под их властью по окончании западного

похода, не должны вводить в заблуждение: земли Джучидам достались, сравнительно с владениями их родственников, слабо урбанизированные и мало доходные[73]. Особенно их должен был манить Иран с его многочисленными городскими центрами, гораздо более богатыми, нежели города Европы, и изобильными пастбищами, вроде прославленных степей Бадгыза и Мугана[74]. Поэтому задержка ввода имперской армии в Иран была вызвана не тем, что Бату считал ненужным дальнейшее расширение своих владений или тем, что Берке сумел убедить его в аморальности войны против своих единоверцев в ближневосточных государствах, а сложностью переговоров между Толуидами и Джучидами о дележе будущей добычи. Как следует из подробностей возвращения из Каракорума Рубрука и маршрута в Каракорум и обратно царя Малой Армении Гетума I, эти переговоры, украшенные всеми признаками челночной дипломатии, имели своеобразную форму дистанционного курултая[75], главные участники которого — Мункэ, Бату, Хулагу и Сартак — находились в своих ставках, причем центральным коммуникационным узлом, сердцевиной курултая являлась ставка Сартака, кочевавшая в Восточном Дашт-и Кыпчаке. Свидетельством успеха переговоров служит удаление из степей Предкавказья за Волгу Берке — главного противника плана введения в Иран имперской армии под руководством Хулагу[76], что позволило Хулагу 1 января 1256 г., т.е. еще до кончины Бату, перейти на левый берег Амударьи и включиться в военные действия в Восточном Иране.

Судя по тому, что никто из Джучидов не принимал участия в развернувшемся в то же время наступлении на империю Сун, все свободные военные силы улуса были задействованы в Иране. Джувейни сообщает, что из западной части империи Мункэ отправил в Иран «представителей Бату Балагая, сына Сибакана, Тутар-Огула и Кули с войсками, принадлежащими Бату»[77]. Рашид ад-Дин это событие излагает так: «И еще при жизни Бату Менгу-каан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и определил из войск каждого царевича по два человека с десятка, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингкадара, сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему»[78]. Эта информация отражена также в «Светской истории» Бар-Эбрея[79], в «Истории Армении» Киракоса[80], в «Истории народа стрелков» Магакии[81], «Житии Картли» [82] и анонимном грузинском «Хронографе»[83].

Формирование джучидского корпуса, предназначенного для отправки в Иран, производилось путем дополнительного набора в размере 1/5 от численности имеющихся в улусе войск. Было сформировано три тумена[84]; во главе их были поставлены «царевичи» или «ханские сыновья». Поскольку целью кампании являлось включение завоеванных земель в состав империи, участвующие в ней войска отправлялись в поход с имуществом и семьями[85]; по всей видимости все они относились к соединениям, в монгольской терминологии определявшимся как *таньма* или *тама*[86].

Джувейни, повествуя о выступлении Хулагу из Монголии осенью 1253 г.,

очевидно, стремился скрыть разногласия между Мункэ и Бату, когда писал: «царь продвигался очень медленно, впереди шли Балагай и Тутар, остальные поспешали слева и справа»[87]. Надо полагать, войска Джучидов стартовали не из Монголии вместе с Хулагу, а вошли в Иран либо одновременно с его войском, то есть, в начале 1256 г., либо несколько раньше[88], при этом маршрут тумена Кули пролегал через Хорезм, а маршрут туменов Балакана и Тутара — через Дербендский проход[89]. Первоочередной целью монголов было государство исмаилитов, правителем которого в то время был Рукн ад-Дин Хуршах. Нападения на их крепости в Кухистане монгольский авангард под руководством Кит-Буки начал еще в 1253 г., а в сентябре 1256 г. в военные действия включилась вся монгольская армия. По свидетельству Джувейни, Хулагу «стал готовиться к тому, чтобы напасть на крепости и уничтожить убежища Рукн ад-Дина, и он послал приказ войскам, находящимся в Ираке и других местах, находиться в готовности. После этого правый фланг под командованием Бука-темура и Коке-Ильгея проследовал через Мазендеран, а левый фланг под командованием Тегудер-Огула и Кед-Буки, - через Хувар и Самнан. Царевичи Балагай и Тутар с иракскими войсками выступили из Аламута...»[90]. Все эти войска сосредоточились у крепости Маймун-Диз, в которой укрылся глава исмаилитов Хуршах. От капитулировавшего Маймун-Диза армия Хулагу отправилась осаждать крепость Ламассар, а Балакан был оставлен у славившейся своей неприступностью столицы исмаилитов, Аламута, защитники которой вскоре сочли благоразумным сдать крепость без боя[91]. Весной 1257 г. после пленения Хуршаха и разрушения главных твердынь асассинов в Эльбурсе армия Хулагу, включая джучидский корпус, остановилась близ Хамадана и начала готовиться к нападению на Аббасидский халифат[92].

Рашид ад-Дин рассказывает, что Хулагу отпраздновал захват Хуршаха продолжавшимся целую неделю пиром, во время которого «он обласкал царевичей и эмиров и пожаловал им почетные халаты»[93]. В празднестве, надо думать, участвовали и джучидские царевичи, хотя к тому времени отношения, сложившиеся между Балаканом и Тутаром, с одной стороны, и Хулагу, с другой, по всей видимости, вряд ли располагали к совместному проведению досуга и проявлению ласкательств. Смерть Бату и скоро последовавшая за ней смерть Сартака давали имперскому правительству шанс лишить Джучидов того опасного для целостности империи статуса, который они приобрели, поспособствовав возведению на трон Мункэ. Это естественная в русле централизаторской политики задача была решена по образцу, незадолго до того испробованному в Улусе Чагатая, — назначением главою Улуса Джучи малолетнего Улагчи при регентстве вдовы Бату Боракчин[94]. Политическое содержание перемены в управлении улусом точно определено ал-Карши: «После Сартака ибн Бату правление перешло к хаканам»[95]. В изменившихся условиях трения между Хулагу и джучидскими «полевыми командирами» были практически неизбежны. Об одном конфликте Хулагу с Балаканом и Тутаром, поводом для которого послужила попытка расположившихся в Бадгызе Джучидов подчинить своей власти правителя Герата, Систана и Балха Шамс-ад-дина Курта, рассказывает Сайфи. Шамс-ад-дин, утвержденный в своей должности Мункэ, отверг требования Балакана и Тутара обеспечить реквизиции, которые традиционно налагались на подвластную ему

область в пользу Улуса Джучи. Когда же Балакан приказал Кит-Буге захватить Шамс-ад-дина, последний разбил войско Кит-Буги и, ускользнув от новой попытки ареста, прибыл к Хулагу с жалобой на действия Джучидов. Разъяренный Хулагу строго наказал агентов Джучидов, намеревавшихся арестовать Шамс-ад-дина, и подтвердил его права на владение Гератом[96].

Рашид ад-Дин вновь упоминает всех трех джучидских царевичей при перечислении войск, приведенных Хулагу к стенам столицы Аббасидов[97] и при описании диспозиции монголов, окруживших Багдад[98]. В повествовании о штурме Багдада он подчеркивает, что Балакан и Тутар не проявили должного старания в выполнении боевой задачи, и их медлительность вызвала недовольство Хулагу[99]. После этого джучидские царевичи со своими туменами выпадают из поля зрения источников[100], описывающих дальнейшие действия монгольской армии в Ираке и Сирии, и всплывают еще раз только в связи с теми событиями, которые привели к распаду Монгольской империи.

Когда в августе 1259 г. умер Мункэ, в Каракоруме кааном был объявлен его брат Арик-Буга. В то же время претензии на имперский престол предъявил и другой брат Мункэ — Хубилай, командовавший армией, воевавшей в Южном Китае. Хотя Хулагу и Берке признали кааном Арик-Бугу, в развернувшейся борьбе между Арик-Бугой и Хубилаем они действенной помощи законному императору не оказали, главным образом, вследствие незадачливости Арик-Буги и циничной расчетливости Хубилая. Выбор Арик-Буги в качестве своего ставленника в Чагатайском лусе Алгуя оказался крайне неудачным: внук Чагатая скоро вышел из под контроля Каракорума и начал мстить Джучидам за беды, постигшие по их вине потомков Чагатая в 1251 г. В результате Берке и Арик-Буге пришлось сражаться с Алгуем, с равным усердием разорявшим джучидские владения в Средней Азии и владения каана в Восточном Туркестане. Между тем Хубилай преуспел в том, чтобы привлечь на свою сторону Хулагу.

Наиболее достоверно о причинах возникновения вражды между Берке и Хулагу рассказывают армянские летописцы. По словам Магакии, завоевавшие Аббасидский Халифат Чингизиды «жили не признавая над собою никакой власти: каждый, полагаясь на свой меч, считал себя старшим». Хулагу, якобы озабоченный разорением покоренной страны, попросил Мункэ принять решение относительно порядка управления, и Мункэ прислал своих представителей с приказом «ступайте, поставьте брата моего, Гулаву, ханом в той стране; тех же, кто не подчинится ему, подвергайте *ясаку* от моего имени». Когда собравшимся на курултай предводителям войск было объявлено, «что Гулаву намерен воссесть на ханский престол, то четверо из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Гатаган[101] и Миган[102] не согласились признать его ханом. Когда *аргучи* Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть их *ясаку*, т. е. задушить тетивой лука: по их обыкновению только этим способом можно было предавать смерти лиц ханского происхождения. Мигана, сына Хулиева, по причине его малых годов, заключили в темницу на острове Соленого Моря, находящегося между областями Гер и Зареванд. После того *аргучи* приказали армянским и грузинским войскам идти на войска мятежников и перебить их; что и

было исполнено. Народу было истреблено столько, что от убитых татарских трупов зловоние распространились по горам и полям. Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли и бежали с 12 всадниками[103]. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою страну. Не довольствуясь тем, что спаслись, они восстановили против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течение 10 лет производили страшное кровопролитие»[104]. В приведенном рассказе есть лишь одна анахроничная деталь: приказ подчинить все завоеванные в Передней Азии территории Хулагу исходил не от Мункэ, а от Хубилая. Это свидетельствуется сообщением Киракоса: «Хулагу... помогал Гопилаю. Беркай же, владевший северными областями, помогал Арик-Буге; другой их сородич, по имени Алгу, тоже военачальник, сын хана Чагатая, старшего сына Чингис-хана, — этот тоже воевал против Беркая за то, дескать, что Мангу-хан, подученный им [Беркаем], истребил весь его род. И он послал к Хулагу [войско], чтобы подсобить ему с этой стороны, через Дербентские ворота. А великий Хулагу беспощадно и безжалостно истребил всех находившихся при нем и равных ему по происхождению знатных и славных правителей из рода Батыя и Беркая: Гула, Балахая, Тутхара, Мегана, сына Гула, Гатахана и многих других вместе с их войском — были уничтожены мечом и стар и млад, так как они находились при нем и вмешивались в дела государства»[105]. Из этих сообщений становится понятным, что, по существу, единственной причиной вражды между Берке и Хулагу стала передача Хубилаем во владение Хулагу земель от Аму-Дарьи до Сирии, покоренных к 1260 г. совместными усилиями Толуидов и Джучидов. Поскольку же соглашение между Мункэ и Бату[106], как свидетельствуют арабские источники, хорошо осведомленные о сути претензий Джучидов к Хулагуидам, предусматривало включение в состав Улуса Джучи части завоеванных территорий — прежде всего Азербайджана и Аррана, Джучиды не могли не возмутиться распоряжением Хубилая. Суть его состояла в том, что совместно завоеванные земли, до окончания военной кампании имевшие статус кондоминиума, превращались в улусное владение Хулагу, который отныне получал в свое распоряжение все ресурсы Ирана и Ирака и отчитывался за свои действия только перед Хубилаем.

Не удивительно, что историографы Хулагуидов постарались максимально затушевать сомнительные с точки зрения семейной этики деяния Хубилая и Хулагу и переложить ответственность за разжигание кровавой распри на Джучидов. Но это намерение реализовано без особой тщательности. В одном случае главной причиной конфликта Рашид ад-Дин выставляет неделикатное поведение Берке: «Когда Хулагу-хан завоевал большую часть Иранской земли ...и занялся приведением в порядок и устройством дел владения, сердце его было раздосадовано захватом власти Беркеем, потому что вследствие того, что Бату его в сопровождении Менгу-каана отправил в столицу Каракорум посадить его [Менгу-каана] на престол в кругу родичей, и он некоторое время служил неотлучно у престола Менгу-каана. Он [Беркей], опираясь на это, непрерывно слал гонцов к Хулагу-хану и проявлял свою власть. Оттого, что Беркей был старшим братом, Хулагу-хан терпел. Когда с родственниками его [Беркея] Тутаром, Булгаем и Кули произошло событие, между ними появились и изо в день росли

вражда и ненависть. В конце концов Хулагу-хан сказал: «Хотя-де он и старший брат, [но] поскольку он далек от пути скромности стыдливости и обращается ко мне с угрозами и понуждениями, я не буду больше с ним считаться». Когда Беркей узнал об его гневе, он сказал: «Он разрушил все города мусульман, свергнул все дома мусульманских царей, не различая друзей и врагов и без совета с родичами уничтожил халифа. Ежели господь извечный поможет, я взыщу с него кровь невинных». И он послал в передовой рати Нокая, который был его полководцем и родственником Тутара, с тридцатью тысячами всадников отомстить за его кровь»[107]. Однако в других местах своего сочинении, обращаясь к собственно «событию» с джучидскими царевичами, Рашид ад-Дин объявляет виновниками произошедшего самих пострадавших, а Берке представляет заложником преступных действий своих племянников. При этом «событие» излагается в двух версиях, существенно различающихся.

Согласно первой версии, неприятности, связанные с пребыванием джучидских принцев в Иране, начались спустя два года после того, как Берке, занял место Бату. В течение этих двух лет Берке «по обычаю поддерживал с домом Толуй-хана искреннюю дружбу, идя по пути преданности, благорасположения и единения». Но вдруг «Балакан, который был в этом государстве, задумал против Хулагу-хана измену и предательство и прибегнул к колдовству. Случайно [это] вышло наружу. Учинили в том допрос, он тоже признался. Для того, чтобы не зародилась обида, Хулагу-хан отослал [Балакана] с эмиром Сунджаком[108] к Берке. Когда они туда прибыли, была установлена с несомненностью его вина. Берке отослал его [обратно] к Хулагу-хану: «Он виновен, ты ведаешь этим». Хулагу-хан казнил его. Вскоре после того скончались также Татар и Кули. Заподозрили, что им с умыслом дали зелья. Поэтому у них возникло недовольство [друг на друга] и Берке стал враждовать с Хулагу-ханом»[109].

Во второй версии неизменной осталась только тема строгого исполнения Хулагу правил, принятых для суда над членами «золотого рода»: «В ту пору скончался скоропостижно на пиру царевич Булга сын Шибана, внук Джучи. Затем заподозрили в колдовстве и измене Тутар-огула. После установления виновности Хулагу-хан отправил его в сопровождении Сунджака на служение к Беркею. И [Сунджак] доложил об его вине. Беркей в силу чингизхановой ясы отослал его к Хулагу-хану и 17 числа месяца сафара лета [6]58 [2 II 1260] его казнили. Предали казни также и Садр-ад-дина Саведжи под предлогом, что он написал для него ладонку. Затем скончался и Кули. После того как упомянутых царевичей не стало, челядь их бежала и через Дербент и Гилянское море направилась в область Кипчак»[110].

История гибели Джучидов в Иране отражена также в сравнительно поздних сочинениях. В перечислении потомков Бувала автор «Му'изз ал-ансаб» дает микст из обеих версий Рашид ад-Дина: сын Бувала Татар «был отправлен с войском, которое назначили для Хулагу-хана в Иранскую землю, и он находился в тех владениях до тех пор, когда его оклеветали перед Хулагу-ханом, (сказав): «он тебя околдовал»; Хулагу-хан, схватив его, отправил к дяде его Берка-хану, в то время, когда Берка был царем того улуса (Джучиева). Берка снова отправил его (обратно) к Хулагу-хану и сказал: «Он (Татар) преступник, делай с ним, что хочешь». Хулагу-хан умертвил его Это послужило первым поводом к вражде и

несогласию между Хулагу-ханом и Берка»[111].

В летописи ал-Муфаддаля Балакан и Тутар выступают как послы, отправленные к Хулагу требовать причитающуюся Берке долю добычи и пострадавшие из-за недостаточной компетентности своих шаманов: «Когда был 660 год, то от Берке (к Хулагу) прибыли два посла, из которых один назывался Балагия, а другой Татарша, с посланием, содержавшим обычное и между прочим требование, чтобы дому Батыеву была уплачена причитающаяся ему, согласно принятому обычаю, часть из того, что собрано с завоеванных земель. Обычай же этот заключался в том, что все, добытое в землях, которыми они (Татары) овладевали и над которыми они властвовали от реки Джейхун на Запад, собиралось и делилось на 5 частей; (из них) две части (отдавались) Великому кану, две части войску, а одна часть дому Батыеву. Когда Бату умер и на престол вступил Берке, то Хулавун удержал долю его. Тогда Берке послал к Хулавуну послов своих и отправил с ними волшебников, (которые должны были) погубить волшебников Хулавуна. У Хулавуна был волшебник, по имени Якша. Они (послы) наделили его подарками, которые прислал ему Берке, и просили его содействовать им в достижении их цели. Он сошелся с ними. Хулавун приставил к этим посланникам людей для прислуживания им и, в том числе, приставил волшебницу из Хатая, по имени Камша, для извещения его о действиях их (посланников). Узнав в чем дело, она уведомила его (Хулавуна) об этом. Он велел схватить их и засадить в крепость Телу, а потом, через 15 дней после взятия их, умертвил их, убив также волхва своего, который прозывался Якшей»[112].

Некоторые отголоски миссии Балакана и Тутара Ибн-Халдуном вплетены в повествование о взаимоотношениях Хулагу, Берке и Сартака[113]. Кратко о причине раздора между Хулагу и Берке рассказывает ал-Кутби в «Истории Шейх-Увейса»: «Между ильханом и Берке-ханом проявилась вражда из-за Кули, Татара и Кулкана (чит.: Балакана); Берке-хан послал им угрозу и отправил на войну (с Хулагу) Ногая, родственника Татара, с 30000 человек[114].

Имеющиеся данные позволяют с достаточной определенностью судить о причинах, времени, месте, обстоятельствах и последствиях разгрома джучидского корпуса. Прежде всего, следует вновь обратить внимание на то, что официальная хулагуидская историография взаимосвязь событий, происходивших в период борьбы Арик-Буги и Хубилая, и поведение главных действующих лиц смуты излагает с демонстративно малой достоверностью. Стремясь показать законность воцарения Хубилая и представляя дело так, что Арик-Буга был посажен на престол второстепенными персонами, она изображает Хулагу и Берке пассивными наблюдателями авантюры Арик-Буги, постепенно склоняющимися на сторону Хубилая. В действительности, и Хулагу, и Берке после смерти Мункэ незамедлительно признали императором Арик-Бугу и предоставили в его распоряжение находившиеся в Монголии военные контингенты, которые возглавляли племянник Берке Карачар[115] со своим старшим сыном Куртукой и сын Хулагу Джумукур[116]. Тем не менее, Хубилай в противостоянии с легитимным Арик-Бугой вышел победителем, и не только потому, что располагал существенно большими, чем противник, людскими и материальными ресурсами, но и потому, что сумел обратить в свою пользу назревающие противоречия между Берке и Хулагу. Главными козырями Хубилая стали закрепление за Хулагу

тех земель к западу от Амударьи, которые, возможно, были ему тайно обещаны Мункэ, а также восстановление прежних позиций Чагатаидов в Мавераннахре[117]. Можно не сомневаться, что расправа с джучидскими командирами и их туменами последовала не раньше, чем Хулагу получил признание своих прав на Иран от Хубилая[118]. Тем самым, эта акция сама по себе не может быть квалифицирована ни как причина вражды Берке к Хулагу, ни как повод к началу войны между ними. По существу, именно она должна считаться первым эпизодом многолетней войны между двумя улусами, причины которой коренились в экономическом и политическом состоянии Монгольской империи в тот момент ее истории.

В литературе, по выражению Б. Шпулера, «проявление неблагодарности» Хулагу к Джучидам[119] обычно относят в концу 1259 г. или началу 1260 г. — на основании сообщения Рашид ад-Дина о казни Тутара 2 февраля 1260 г., хотя в версии, винящей Балакана, начало конфликта датируется 1256 г.[120]. Более вероятно, что Хулагу расправился с Джучидами в 1261 г. или в самом начале 1262 г., после чего обе стороны начали приготовления к полномасштабной войне[121]. В 1260 г. и, вероятно, в протяжение почти всего 1261 г. Хулагу оставался на стороне Арик-Буги и вряд ли решился бы на резкий поворот в отношениях с Берке. Вместе с тем, получая с самого начала военных действий между Арик-Бугой и Хубилаем известия об успехах Хубилая и будучи осведомленным о разорении Алгуем джучидского Мавераннахра, он «посылал гонцов к Арик-Буге, сердился и сдерживал его; он посылал также гонцов и к каану»[122], стараясь извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации. Вряд ли Хулагу мог получить ярлык на владение завоеванными землями от Арик-Буги, связанного обязательствами перед поддержавшими его родственниками; Хубилай же, начавший борьбу за трон, опираясь только на своих эмиров, имел большую свободу маневра и давал щедрые обещания Хулагу и Алгую — в ущерб Джучидам.

Большая часть джучидских войск в указанное время, по всей видимости, находилась в Азербайджане. Косвенное свидетельство тому есть у ал-Омари: «когда Великий Кан отрядил на бой с Исмаилитами и с теми, которые возмутились в Эджебале, то Хулаку просил его об увеличении войск (посланных) с ним, и он (Кан) отправил с ним (людей) из войска каждого из царей Чингизхановичей. По завоевании тех стран, которые были ими взяты, эти войска остались при нем (Хулаку) и он отвел каждому отряду из них в содержание одну из (завоеванных) областей. То, что было отведено войску, отправленному с ним со стороны властителя земель Кипчакских и Харезмских, заключалось в Тавризе и Мераге. И стали они (Кипчаки) получать с них свое содержание»[123]. Такое же заключение позволяет сделать приведенное выше свидетельство Магакии, согласно которому уничтожение джучидских войск был поручено армянским и грузинским войскам[124].

Хулагуидская версия причин и обстоятельств гибели джучидских командиров, как уже отмечалось выше, малодостоверна, причем составитель «Сборника летописей» по неким причинам был нимало не озабочен устранением очевидных натяжек и противоречий. Если верить рассказу, помещенному в истории государства Ильханидов, Хулагу был совершенно не причастен к произошед-

шему: кровавый конфликт возник среди подчиненных ему Джучидов, Хулагу же только следовал принятым в таких случаях формальностям, представив Берке не только доказательства преступления, но и самого преступника, но в результате как-то само собой случилось, что «упомянутых царевичей не стало», «челядь их бежала» и «возникло недовольство». Конечно, надо думать, расправа с Джучидами и впрямь была подана как «процесс о колдунах и отравителях» (в организации такого рода дел у монголов к тому времени был уже немалый опыт), что отразилось в сообщении ал-Муфаддаля. Но в данном случае большего доверия заслуживают сторонние свидетельства Магакии и Киракоса, передающие и суть, и способ разрешения конфликта: Джучиды отказались признать *ярлык*, выданный Хубилаем Хулагу на владение землями от Амударьи до Египта, и были подвергнуты *ясаку* (именно: задушены тетивой лука), а их тумены было поручено уничтожить грузинам и армянам.

Трудно судить, насколько хорошо христианским союзникам Хулагу удалось исполнить поручение. Джучидский контингент в Иране, как пояснялось выше, был войском *тама*, т.е. значительную его долю составляли семьи воинов. По всей видимости, эта обозная и уже обживавшая зарезервированные за Джучидами земли часть *тама* пострадала от атак неприятеля в наибольшей степени. По словам Киракоса, возмутившиеся против Хулагу «были уничтожены мечом и стар и млад... И лишь некоторые из них, и то с большим трудом, спаслись, одни, без жен, детей и имущества, убежали к Беркаю и другим своим сородичам»[125]; о том же пишет и Магакия: «народу было истреблено столько, что от убитых татарских трупов зловоние распространились по горам и полям»[126].

Боеспособные части джучидского войска прорывались на север — в Предкавказье, на восток — на территорию современного Афганистана, и, возможно, на запад — в Сирию. Рашид ад-Дин передает, что «войска, прибывшие с Кули и Татаром в это государство, большей частью разбежались. Некоторые вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура, которые являются границами Хиндустана. Старшим из эмиров, которые были их предводителями, был Никудер, а Ункуджене из эмиров Хулагу-хана, шел за ними по пятам. Другие через Дербенд добрались до своих жилищ»[127]. Согласно Магакии, переправиться через Куру и уйти во владения Берке сумели только 12 тысяч джучидских всадников, ведомых Нуха-кууном и Аратамуром. К.П. Патканов в комментариях к переводу сочинения Магакии правильно определил Нуха-кууна как Ногая[128]. Что касается Аратамура, то в грузинских источниках, описывающих его подвиги во время отхода джучидов из Азербайджана, он именуется Ала-Темуром и, следовательно, может быть предположительно отождествлен с Илак-Тимуром — старшим сыном Байнала, старшего сына Шибана[129].

Войсками, ушедшими в сторону Хорасана, командовал эмир Никудер, имя которого известно со времен правления Угэдэя. Тогда он был одним из командиров джучидских соединений в составе имперской армии, направленной к индийской границе, а после смерти командующего Каруласчина получил его должность[130]. Как видно, Никудер увел эту уцелевшую часть джучидского контингента в хорошо знакомую ему область, где, вероятно, оставались какие-то джучидские подразделения[131]. От имени Никудера произошли название орды, в протяжение целого столетия обитавшей на территории от верховий Амударьи

до областей Кабула, Газни и Кандагара, и политоним «никудерцы». Арабские авторы, начиная с Бейбарса ал-Мансури и ан-Нувайри, приписывают главе Ордуидов титул «*малик* Газны и Бамиана»[132], т.е. сюзерен орды Никудера. На этом основании в литературе долгое время господствовало мнение, что «область Газны и Бамиана» являлась частью Улуса Орду и что его ханы реально управляли этой областью. На самом деле, орда Никудера (в составе которой, возможно, оказались также отряды внука Чагатая Негудер-оглана, имевшего владения в Грузии, в хулагидо-чагатаидском конфликте 1270 г. выступившего против ильхана, арестованного и умершего в ставке Абаги около 1275 г.) до середины 90-х гг. XIII в. являлась вассалом Ильханидов, затем подчинилась Чагатаиду Дуве, и ее земли надолго стали объектом борьбы между Хулагуидами и Чагатаидами[133]. По предположению П. Джексона, основанием для причисления Газны и Бамиана к владениям Ордуидам послужило расквартирование здесь до хулагуидо-джучидской войны монгольских отрядов Кули, впоследствии как-то проявлявших номинальную преданность его родственникам[134].

На запад ушла сравнительно малая часть джучидских войск. Египетские летописи сообщают, что первая партия беглецов, насчитывавшая около 200 всадников, прибыла в Египет 9 ноября 1262 г.; 11 октября 1263 г. (т.е. почти год спустя после сражений войск Хулагу и Берке у Шемахи и на Тереке) пришел второй отряд числом более 1300 «всадников из Монголов и Бахадуров», потом прибыли, еще, по меньшей мере, два больших отряда[135]. Все прибывшие приняли ислам и были зачислены мамлюкским султаном на службу, их старшины сделались эмирами; некоторые, однако, предпочли вернуться к Берке. Ч.Гальперин считает, что в правление Бейбарса в Египет из Ирана ушли в общей сложности около 3000 монголов[136]. На самом деле, имея в виду время прихода отрядов, с разгромом джучидского контингента можно связать приход лишь первых двух из них, последующие группы эмигрантов — это, по всей видимости, те жившие близ Багдада «турки-кыпчаки», о которых рассказывает Рашид ад-Дин. В 1264 г. один из приближенных Хулагу — сын младшего визиря халифа — ввиду того, что «поход в Кипчакскую степь решен твердо», предложил использовать имевшихся во владениях халифа «несколько тысяч турок-кипчаков» в качестве передового отряда в войне с Берке. Получив разрешение и собрав кыпчаков, он вместо того, чтобы откочевать в область Дербента, всех их вместе «с женами, детьми, домочадцами, приверженцами, пожитками и добром» увел в Египет[137].

Весьма вероятно, что в то время, когда джучидские царевичи еще продолжали воевать в Иране, заслуживая право на владение Арраном и Азербайджаном, сородичи Балакана принимали участие в новом наступлении на Запад, организованном Берке вскоре после прихода к власти. Это наступление 1259-60 гг., обрушившееся на Западную Русь, Польшу, Литву и Пруссию, в литературе обычно изображается как крупный грабительский набег, не преследовавший серьезных политических целей. Между тем ряд фактов свидетельствует, что Берке намеревался завершить завоевание Европы, прерванное в 1242 г. смертью Угэдэя. Новая европейская кампания началась серией военных акций против Волыни и Галича, заставивших западнорусских князей капитулировать и предоставить свои военные ресурсы в распоряжение Берке. Одновременно с нападением на Польшу и на Трансильванское герцогство[138] были отправлены

посольства в Венгрию и во Францию. От французского короля Берке требовал полной покорности, а венгерскому предлагал союз на следующих условиях: установление брачных связей между их детьми, освобождение Венгрии от уплаты дани и уважение ее границ, предоставление ей пятой части будущих трофеев в обмен на участие венгерского контингента под командованием сына короля в монгольском наступлении на Европу; в противном случае Берке грозил Беле IV новой войной и полным уничтожением его королевства[139]. Разорение Польши, по количеству жертв и разрушений, пожалуй, превзошедшее нападение 1241 г., должно было послужить суровым уроком европейским народам, но вновь, как и в 1241 г., внутренний кризис империи — смерть Великого хана Мункэ — заставил монголов прекратить военные действия[140].

В свете планов захвата Европы можно предположить, что замена Курумиши, командовавшего войсками на западной границе Улуса Джучи, по меньшей мере, с 1245 г.[141], Бурундаем была продиктована не столько мягкостью и безынициативностью Курумиши, которого якобы «николи» не боялись даже вассалы Джучидов, сколько масштабами предстоящей кампании и опытом Бурундая, хорошо знакомого с европейским театром военных действий[142]. Вероятность участия в возобновленном наступлении на Европу Шибанидов вытекает не только из того, что его возглавил близкий дому Шибана полководец, но и из некоторых известий поздних источников.

Внимания заслуживают, прежде всего, уже цитировавшиеся выше сообщения Утемиш-хаджи и Абу-л-Гази о владениях Шибанидов на западе Золотой Орды. Утемиш-хаджи говорит о завоевании Шибаном «вилайетов» Улак и Корал[143], а Абу-л-Гази — о передаче Шибану покоренной в западном походе области Корел, куда он послал одного из своих сыновей, так что «в настоящее время государи Корельские — потомки Шибан-хана»[144]. Относительно топонима Улак Б.А. Ахмедов высказал мнение, что под ним «следует подразумевать упомянутый Рашид ад-Дином Улакут, взятый монголами в 637/1238 г.»[145]. Согласно этому взгляду, «вилайет Улакут» должен находиться в той части территории Золотой Орды, которая была завоевана до разгрома Юго-Западной Руси, однако Улакут у Рашид ад-Дина назван в числе городов, захваченных Каданом на возвратном пути после безуспешной погони за венгерским королем[146], и в таком контексте Улакут должен располагаться на линии между восточным побережьем Адриатики и Болгарией. По мнению М.Х. Абусеитовой, особенности написания слова в рукописи позволяют читать его как «Авлак, т. е. Валах»[147]. Таким образом, топоним идентифицируется с Валахией — южной частью современной Румынии, лежащей между Карпатами и Дунаем. Западная граница Золотой Орды, как известно, во второй половине XIII в. доходила до р. Олт, делящей Валахию на две половины: восточную — Мунтению, или Великую Валахию, и западную — Олтению[148]. Позже, в правление Узбека граница Золотой Орды в этом районе сдвинулась к востоку, и ее маркировал г. Вичина, стоявший где-то близ впадения в Дунай р. Прут[149].

Топоним Корал или Корел, несомненно, созвучен с названием страны и народа, переданного в разных формах — Корол, Курал, Келар, Келет — автором «Сокровенного сказания», Джувейни и Рашид ад-Дином в описании целей и хода европейской кампании 1236-1242 гг. Мнения исследователей относитель-

но того, какая именно страна имелась в виду, расходятся, причиной чему является уже отмеченная выше сбивчивость Рашид ад-Дина в изложении последовательности операций монголов в Европе[150]. Большинство исследователей видит в этих терминах слово «король» и придерживается мнения, что они обозначают те подвергшиеся монгольскому нападению страны, правители которых носили титул «король», в первую очередь, Польшу и Венгрию[151]. Согласно другому мнению, восходящему к д'Авезаку, «Корел» — это волжские булгары и башкиры[152] или народ, соседствовавший с ними. Так, М.Г. Сафаргалиев допускал, что областью Корел являются территории к востоку от Урала, населенные предками современных карелов[153].

Соответственно, исследователи расходятся и в вопросе о местоположении шибанидских владений Корал или Корел: в первом случае их помещают на западе Улуса Джучи, во втором — в Поволжье или на Урале. На мой взгляд, контекст, в котором название встречается в ранних источниках, подвигает к тому, чтобы видеть в «области Корел» местность на западной окраине Золотой Орды. В пользу такой локализации свидетельствует и то обстоятельство, что для Утемиш-хаджи и Абу-л-Гази Корел является малоизвестной и крайне отдаленной областью. В этом смысле весьма примечательна ремарка Абу-л-Гази: «говорят, и в настоящее время государи Корельские — потомки Шибан-хановы». Трудно представить, что такому знатоку мусульманского мира, каким в середине XVII в. являлся Абу-л-Гази, было неведомо, кто в то время владел землями Поволжья и Урала.

Определить точное место западных владений Шибанидов и период времени, в течение которого они их удерживали, вряд ли возможно. Некоторую помощь могло бы дать описание «страны Король» из повествования Эвлии Челеби о рейде сорокатысячного отряда татар по Европе в 1663 г., но, к сожалению, имеющиеся в описании географические ориентиры противоречивы, что и не мудрено: поход и все его подробности полностью вымышлены, а повествование является художественной обработкой разнородных свидетельств и личных впечатлений Эвлии Челеби, вынесенных из своих прежних путешествий. О «стране Король» Эвлия Челеби пишет следующее: «После трех дней и ночей быстрой езды через равнины [по территории Польши — *В.К.*] достигли мы страны Король. Властвовал там бан Варшалка, король славный и суровый. В землях этих был я уже во время правления хана Бахадыр Герея. Король Варшалка был тогда еще несовершеннолетним юношей (отец его, тоже славный король, имел имя Буранда). Сей богатый край простирается до берегов Океана. На восток от него лежит Польша, а на запад Чехия. Король всегда Польше принадлежал, но именно в этом году между ним и Польшей вражда воцарилась. ...Жители этой страны знают два языка: польский и русский. ...На востоке [Чехия — *В.К.*] граничит с Королем, что часть Польши образует»[154].

З.Абрахамович, комментируя рассказ Эвлии Челеби, отмечает, что «термин в виде «Кёрал» известен как татарское название Польши в XIII-XVI вв.», но в данном случае — «это Украина, называемая так татарами как владения польского короля», а король Варшалка — по всей видимости, гетман Ежи Любомирский, исполнявший должность старосты в Переяславле[155]. Однако в другом сочинении Эвлия Челеби среди славянских народов упоминает народ *крул* без

всякой связи с королем Варшалкой, которого он аттестует как правителя Кракова и владельца, по меньшей мере, одного города вблизи Львова[156]. Не согласуется с предположением З. Абрахамовича локализация «страны Король» — к западу от Польши. Не добавляет ясности и титул Варшалки — *бан*, южно-славянская форма термина *пан*, употреблявшаяся в Венгрии и Валахии в значении начальника области. Несомненно, любопытным для рассматриваемой здесь темы, хотя, возможно, и совершенно случайным совпадением в сообщении Эвлии Челеби, является имя отца короля Варшалки — *Буранда*.

Другое известие, которое может быть интерпретировано как вероятное указание на наличие владений Шибанидов в западной части Улуса Джучи, содержится в повествовании Абу-л-Гази о царствовании Менгу-Тимура. Абу-л-Гази пишет, что Менгу-Тимур «в отношении родственников своих, как старших, так и младших в роде, ...действовал согласно распоряжениям Бату-хана, а потому владение в Белой Орде отдал он Бахадур-хану, сыну Шибан-ханову»[157]. Содержанием этого сообщения, обычно используемого в дискуссиях о цветовых обозначениях домена Бату и улусов Орду и Шибана[158], являются некие перемены, произошедшие в расположении владений Шибанидов в царствование Берке в нарушение воли Бату, и восстановление прежних прав Шибанидов Менгу-Тимуром.

Вся совокупность информации, относящейся к местоположению владений Шибанидов, в известной степени может быть согласована с узловыми пунктами истории Улуса Джучи в 40-60 гг. XIII в. Разумеется, учитывая лапидарность, разрозненность и поздний характер этих сообщений, предлагаемая реконструкция не может оцениваться иначе как сугубо гипотетическая. Итак, можно предположить, что Шибан либо в силу принадлежности к числу «царевичей правой руки», либо как опытный и удачливый военачальник после приостановления европейского похода должен был получить кочевья на западной границе и готовиться к возобновлению наступления на Европу. Однако угроза занятия великоханского престола Гуюком потребовала срочного укрепления безопасности восточной границы Улуса Джучи, и Шибан, вероятно, пользовавшийся особым доверием Бату, был направлен в Восточный Дашт-и Кыпчак. Возможно, кто-то из сыновей Шибана остался на западных кочевьях. Орду в конфликте между Бату и Гуюком мог выступать как конкурент Бату и сторонник Гуюка[159], поэтому резонно предположить, что его тумены были передислоцированы на запад. Командовал ими сын Орду Курумиши[160], и формально они оставались в ведении Орду. Шибан, как следует из сообщения Рубрука, геройски исполнил возложенную на него миссию, навсегда избавив Бату от могущественного врага.

После избрания императором Мункэ приоритетным направлением военной активности Джучидов стал Иран. Задача подчинения латинской Европы была отложена в том числе и потому, что руководство империи для достижения своих целей в Иране намеревалось использовать вражду между христианами и мусульманами. В процессе подготовки к иранскому походу кочевья Берке в Предкавказье были переданы Сартаку, а Берке было предписано откочевать за Волгу; о наличии в этот период шибанидских кочевий в европейской части Улуса Джучи косвенно свидетельствует маршрут движения туменов Балакана и Тутара в Северный Иран.

Берке, став главою Улуса Джучи, оживил наступление на Европу, что, вероятно, хотя бы отчасти, являлось реакцией на антимусульманский характер иранской кампании. Мобилизация сил для европейской войны, несомненно, коснулась Шибанидов, но, к сожалению, сообщение Абу-л-Гази, подразумевающее, что Берке нарушил какие-то распоряжения Бату относительно владений Шибана, не поддается однозначной интерпретации. В принципе, причиной недоброжелательности Берке к потомкам Шибана могло быть многое: недружелюбное соседство Шибанидов и Берке после «депортации» последнего за Волгу, чрезмерное усердие Шибанидов в завоевании Ирана, вероятные симпатии семьи Шибана к христианству, близость Шибана к Бату, ревность Берке к славе героя семилетнего похода[161]. Впрочем, не исключено, что Берке лишил Шибанидов их зауральских владений с тем, чтобы ничто не мешало сыновьям героя западного похода утверждать монгольское господство в Европе. Одновременно Шибаниды продолжали прилагать усилия для закрепления в Азербайджане и Северном Иране.

Неудачное для Берке развитие династического кризиса, возникшего после смерти Мункэ, не только обусловило изгнание Джучидов из Ирана, но и поставило Улус Джучи во враждебные отношения с Хубилаем, Хулагу и Чагатаидами. С этого времени джучидскими границами, требующими постоянной военной готовности, становятся южная и восточная. Актуализация угрозы с востока, вероятно, стала главной причиной возвращения Менгу-Тимуром Шибанидам кочевий в Восточном Дашт-и Кыпчаке.

Как подчеркивалось выше, описанный ход событий представляется вероятным, но, разумеется, не единственно возможным. В частности, нельзя не обратить внимание на то, что географическое положение областей «Улак и Корал», завоевание которых Утемиш-хаджи приписывает Шибану, в целом, совпадает с теми территориями, что были завоеваны Ногаем. В сущности, в значительной степени совпадают и названия областей, приобретенных Шибаном, и названия областей «Урус и Кехреб», которые Ногай «сам завоевал и сделал своим юртом»[162]. Ногай, по свидетельству Георгия Пахимера, «посланный от берегов Каспийского моря начальниками своего народа», поработил страны, прежде подчинявшиеся Византии, после чего, обнаружив, «что завоеванные земли хороши, а жители могут быть легко управляемы, он отложился от пославших его ханов и покоренные народы подчинил собственному своему владычеству»[163]. Специально исследовавший вопрос о границах Улуса Ногая Н.Д.Руссев пришел к заключению, что его центром был район дельты Дуная с прилегающими к ней на обоих берегах территориями. Судя по тому, что некоторые источники вплоть до конца XV в. обозначали области к западу от Днестра как «земли ногаевцев», здесь в течение, по меньшей мере, двух веков после смерти Ногая продолжали обитать потомки его кочевых подданных[164]. Поскольку ни у Утемиш-хаджи, ни у Абу-л-Гази нет упоминаний о Ногае, можно допустить, что в «степной историологии», из которой сведения о западных владениях Шибанидов вошли в их сочинения, произошло смешение информации о разных персонажах джучидской истории. Оно заметно в странном, на первый взгляд, утверждении Мухаммада ат-Ташкенди (в передаче ал-Джаннаби): «первый из Чингизидов, воцарившийся в Деште, был Шибанхан, один из потомков Юджихана, сына Чин-

гизхана. Он царствовал долгое время. Потом он умер и в управление Дешт-Кипчаком вступили сыновья его, но не уладились дела их, пока не одержали верха над ними сыновья Саинхана, сына Юджихана, сына Чингизхана, которые вырвали царство из рук их»[165]. Возможность такого смешения продемонстрировал Шакарим Кудайберды-улы, встретивший в летописях рассказ о Ногае и заключивший, что Ногай был никем иным, как сыном Шибана, Бахадуром[166].

Корень этой ошибки следует искать, видимо, не столько в тесных связях ногаев и шибанов, на протяжении XV в. определявших политическое состояние Восточного Дашт-и Кыпчака, сколько в событиях второй половины XIII в., сводивших и разъединявших судьбы Ногая и потомков Шибана. Какими бы ни были глубинные причины джучидо-хулагуидского конфликта, нет сомнения в том, что драматический финал иранской кампании должен был сплотить пострадавшие кланы, и походы Берке в Закавказье совершались под знаменем кровной мести[167]. Коварное умерщвление Тутара и Балакана естественным образом выдвигало на первый план в борьбе с Хулагу родственников погибших, обязывая их приложить все силы к отмщению[168]. Именно поэтому во главе золотоордынского войска Берке поставил представителей кланов Шибана и Бувала[169]. Деятельное участие Ногая, сына погибшего Тутара[170], в джучидо-хулагуидских войнах освещается многими ранними источниками, как персидскими, так и арабскими. Согласно Рашид ад-Дину, Берке послал Ногая во главе передовой рати, состоявшей из 30 тысяч всадников, против Хулагу в 1262 г.[171]; Ногай возглавлял золотоордынское войско также в 1265-1266 г. во время войны Берке с Абагой. Кто предводительствовал золотоордынской армией в Закавказье в правление Менгу-Тимура Рашид ад-Дин не сообщает, отмечая лишь, что Менгу-Тимур «тоже долгое время противился Абага-хану, и они несколько раз сражались»[172], но Махмуд б.Вали утверждает, что авангардом армии Менгу-Тимура в походе на Азербайджан командовал племянник Балакана — сын Бахадура Джучи-Бука[173].

Военные действия, возможно, приостановившиеся в самом конце правления Менгу-Тимура, возобновились в царствование Тюля-Буки и его соправителей. В разделе, посвященном Джучи и его потомкам, Рашид ад-Дин пишет, что «в месяце рамазане 687 г.х. [29.09.–28.10.1288] опять пришло от них громадное войско, их предводителями [были] Тама-Токта и Бука». Выступившие навстречу врагу эмиры Аргуна Тогачар и Кунджи-бал «дали бой и убили Бурултая, [одного] из предводителей их войска и много воинов. Враги, разбитые повернули обратно»[174]. В повествовании о царствовании Аргуна этот эпизод описан как два отдельных вторжения золотоордынцев и с существенно большими подробностями. О первом сообщается следующее: «В последний день месяца раби'-ал-авваль, когда Аргун-хан пребывал в Билясуваре, пришло известие, что Тама-Токта-Муртад с пятью тысячами всадников прошел Дербент и ограбил всех уртаков и купцов. В субботу 1 дня месяца раби'-ал-ахыра [6]87 года [5 V 1288] [Аргун-хан] двинулся, чтобы их отразить. Перейдя реку Куру, он 5 числа упомянутого месяца [19 V] достиг Шемахи, остановился на одном холме, а Букая с Кунчукбалом и некоторыми царевичами отправил передовым отрядом. Дней через четыре-пять, они возвратились и привезли радостную весть, что

враги повернули обратно и ушли за Дербент»[175]. Второе вторжение Рашид ад-Дин датирует весенними месяцами 689 г.х. (1290): «13 числа месяца раби'-ал-аввель приехали гонцы и сообщили о наступлении со стороны Дербента вражеской рати. ...В первый день месяца раби'-ал-ахыра [13.04] государь выступил из Билясувара... 17 числа того же месяца [29.04] передовым отрядам войск случилось сойтись на берегу реки Карасу, что по ту сторону Дербента. С той стороны были Абачи, Менгли-Бука сын Менгу-Тимура, Йекече и Токта-Муртад с одним туманом, а с этой стороны — Тогачар, Кунчукбал, Тогрулча и Тайджу, сын тысячника Буку. Кунчукбал, Тогрулча и Тайджу бросились в реку, чтобы переправиться. От их отваги вражье войско обратилось в бегство и из него было убито около трехсот всадников, а сколько-то человек захвачено в плен. В числе убитых были тысячники Боролтай, Кадай и брат Йекече, а среди пленников — Чериктай, из старших эмиров Токтая». В конце того же месяца, продолжает Рашид ад-Дин, было получено известие о приходе вражеской рати в Хорасан. В поход против нее Аргун отправил эмира Тогачара[176].

Казвини упомянул лишь одно вторжение, отнесенное к 688 г.х. и приписанное инициативе Ногая: «Из Дешт-и-Хазара от Ногая прибыл в Иран эмир Бурултай с огромной армией. Аргун-хан выслал против нее эмира Тогачара и несколько (других) эмиров, а вслед за ними отрядил эмира Чупана. В реби II 688 г. [24.04 — 22.05.1289] они сразились; эмир Чупан выказал там чудеса храбрости, и войско то было разбито»[177]. Одно вторжение, тоже под 688 г.х., зафиксировано в «Родословии тюрков»; и здесь в числе эмиров, отражавших его, назван Чобан, а предводителями золотоордынцев указаны эмиры Букай (Bookai) и Турктай (Toorktai)[178].

Хотя в сообщении Рашид ад-Дина о втором набеге попавший в плен Чериктай назван эмиром Токты, все даты относятся к тому времени, когда во главе Улуса Джучи находились Тюля-Бука и его соправители[179]. В обеих акциях со стороны Сарая были задействованы сравнительно малые силы (пять тысяч всадников в первой и один тумен, т.е. около десяти тысяч, во второй), поэтому их нельзя рассматривать как продолжающиеся притязания Джучидов на Азербайджан. Немногочисленность, мобильность и нежелание вступать в серьезную схватку с противником как будто бы указывают на то, что основной целью рейдов был грабеж пограничных территорий, тем более, что после злополучного похода в Польшу зимой 1287-1288 гг. Тюля-Бука должен был быть заинтересован в организации такого рода набегов. Однако, некоторые события, близкие по времени рассматриваемым вторжениям, заставляют думать, что Тюля-Бука предпринял их не только для того, чтобы исправить впечатление от катастрофы, постигшей его войско при возвращении из Польши.

Как известно, после смерти Менгу-Тимура Джучиды сделали шаги к преодолению раскола между отдельными частями Монгольской империи. По словам Рашид ад-Дина, «Ногай, Куинджи и Туда-Менгу, посоветовавшись, послали к кану Нумугана[180] и доложили: «Мы покоряемся и все явимся на курилтай»»[181]. И хотя курултай не состоялся, какие-то подвижки, если не к восстановлению целостности империи, то к уменьшению угрозы открытых столкновений, все же произошли. На это, в частности, указывает письмо Текудера, направленное в 1283 г. мамлюкскому султану Калауну, в котором ильхан советует «мятежни-

ку» быть сговорчивей и подчиниться, ибо Чингизиды вновь едины и сильны[182].

По мнению П.Джексона, всплеск военной активности Золотой Орды в Европе во второй половине 1280-х гг. можно считать прямым результатом примирения Чингизидов, однако, считает он, мирный период оказался кратким, сменившись новым обострением отношений между Золотой Ордой и Ильханатом[183]. Последнее утверждение, на мой взгляд, нуждается в пояснениях. Инициатива признания сюзеренитета Хубилая и примирения с Хулагуидами, учитывая сомнительную дееспособность Туда-Менгу, надо полагать, исходила от Ногая и Коничи. У обоих были основательные причины к тому, чтобы желать и добиваться мира и законности в пределах *de jure* единой Монгольской империи. Восстановление системы имперского управления обещало региональным лидерам масштаба Ногая и Коничи, по меньшей мере, возможность апеллировать к Ханбалыку в случаях конфликта с Сараем и претендовать на долю в имперских доходах с завоеванных стран. Были и персональные мотивы. Для Коничи выгода от возвращения Улуса Джучи в имперскую сферу состояла в возможности возродить прежний статус своего улуса, т.е. пользоваться большей свободой и независимостью от сарайских ханов, а также избавить Улус Ордуидов от угрозы усобиц, то и дело разгоравшихся у его границ. Ногай же, видимо, лишь с санкции императора мог осуществить свои честолюбивые замыслы и получить легитимную власть над Джучидами подобно тому, как это однажды уже удалось Берке.

Стремление Коничи и Ногая к примирению с Толуидами прописано в источниках с достаточной определенностью. Так, Рашид ад-Дин констатирует, что «Куинджи был долгое время правителем Улуса Орду и другом и приверженцем Аргун-хана, а потом и государя ислама, Газан-хана... Он всегда посылал [к ним] гонцов с изъявлением любви и искренней дружбы»[184]. В «Юань Ши» есть сообщение о пожаловании Хубилаем в феврале 1288 г. принцу Коничи (Хуо-ни-чи) 500 унций серебра, жемчужного ожерелья и комплекта дорогих одежд[185]. Касаясь отношений Ногая с Ильханатом, Рашид ад-Дин пишет: «...Нокай с Абага-ханом и Аргун-ханом положил начало искренней дружбы и единения, в ... году он послал к Абага-хану свою жену с сыном своим Тури и одного эмира и сватал у него двух дочерей. Он [Абага-хан] выдал одну дочь за Тури. ...Когда между ним [Нокаем] и Токтаем наступили раздор и война, он посылал постоянно к государю ислама [Газан-хану], ...умоляя [его] о помощи и хотел стать зависимым от его высочайшей особы»[186]. Вряд ли стоит принимать все детали этого сообщения на веру[187], более вероятно, что прямые связи с Тебризом стали доступны Ногаю тогда же, когда и с Ханбалыком — после смерти Менгу-Тимура[188].

У Рашид ад-Дина помимо рассказа о приезде в Иран жены и сына Ногая (цели которого не соответствуют дате) есть сообщение еще об одном посольстве от Улуса Ногая, прибывшем в Иран весной 1288 г. О нем Рашид ад-Дин, как правило, избегающий сообщать каких-либо подробности немусульманских верований ильханов, рассказал довольно обстоятельно. Послы Ногая доставили в качестве дара буддийские святые мощи, что глубоко тронуло ревностного буддиста Аргуна. По случаю обретения буддийской реликвии в ставке ильхана было устроено многодневное празднество[189]. Неординарность подарка, пре-

поднесенного Аргуну, на мой взгляд, может свидетельствовать лишь одно — намерение Ногая использовать для укрепления связей с Толуидами конфессиональный ресурс. Объединительными потенциями в духовной сфере империи в то время обладал только буддизм, в Юаньском Китае бывший, по существу, государственной религией, а во владениях Аргуна исповедуемый большинством правящего монгольского слоя и к тому же всячески поддерживаемый Великим ханом[190]. Немало приверженцев буддизм имел также в аристократической и чиновной среде Золотой Орды[191]. Ногай, если он действительно хотел достичь названных выше целей, должен был обнаружить перед Толуидами, по меньшей мере, готовность к поощрению распространения буддизма в Улусе Джучи. Подчеркнуть свои симпатии к буддизму Ногаю было необходимо еще и потому, что в правление Менгу-Тимура он, видимо, принял ислам, во всяком случае, о своем обращении он извещал в 1270 г. султана Бейбарса. В источниках есть еще, по меньшей мере, два свидетельства прагматического подхода Ногая к буддизму. Я имею в виду возведение Ногаем на золотоордынский престол буддиста Токтая, а также его сближение с семьей аталыка Токтая, буддиста Салджидай-гургэна, имевшей тесные родственные отношения с Толуидами[192].

Руководителями набега золотоордынцев, случившегося в конце того же месяца, когда Аргун принимал посольство с буддийской святыней, в литературе часто называют Ногая и Тама-Токту[193]. Действительно, во втором томе «Сборника материалов по истории Золотой Орды» в соответствующем месте указаны имена Тама-Токты и Ногая[194], но в переводе Ю.П. Верховского, уже цитировавшемся выше, предводителями названы Тама-Токта и Бука, и этот перевод, видимо, следует признать правильным. Было бы крайне маловероятно, чтобы Ногай (при всей склонности его артистической натуры к перформансу и изобретательному коварству) одновременно с отправкой Аргуну раритетного дара вдруг набросился бы с ничтожным силами на иранское пограничье[195]. Наоборот, резонно предположить, что военная акция 1288 г. являлась рефлексией враждебной Ногаю партии на опасные для нее усилия Ногая сблизиться с Ильханатом. Таковой могла быть партия Тюля-Буки, его соправителей и верных Батуидам джучидских родов, продолжавшая внешнеполитический курс, сформировавшийся в правление Берке и Менгу-Тимура. Подтверждением непримиримости этой партии стало вторжение 1290 г., осуществленное большими силами и, по всей видимости, согласованное с вторжением в Хорасан войска Хайду[196]. За ним не замедлил последовать организованный Ногаем переворот (1290 г. или 1291 г.), вознесший на золотоордынский престол Токту — буддиста, не чуждого идее примирения с родственниками и единоверцами Толуидами.

Таким образом, руководители нападений на Ильханат действовали по воле партии Тюля-Буки и правивших вместе с ним Батуидов. Кроме предположительно участвовавшего в походе 1288 г. внука Шибана, второго сына Бахадура Джучи-Буки, в этой, а также и в следующей акции участвовал еще один Шибанид — третий сын Балакана Тама-Токта или Муртад-Токта[197]. Излагая генеалогию Джучидов, Рашид ад-Дин пишет о нем следующее: «Этого Токдая называют [также] Муртад-Токдай и Тама-Токдай; зимовья его находятся вблизи Терека, у Дербенда. Уже долгое время, как он состоит во главе сторожевой рати. У

него есть три сына: Бакырча, Кунчек, Джаукан»[198]. Двухчастная или даже трехчастная форма имени Токты, как следует из пояснения Рашид ад-Дина, была обязана необходимости отличать Шибанида Токту от его тезки, хана Золотой Орды. Слово «Тама» в этом случае указывало, что сын Балакана являлся *тань-мачи*, т.е. командовал корпусом в пограничной области[199]. Что же касается элемента «Муртад», то его смысл отчасти раскрывают события второй половины 90-х годов XIII в.

После возведения на золотоордынский трон Токты, по меньшей мере, ближние цели Ногая были достигнуты. Токта был готов следовать всем советам и требованиям своего благодетеля, в Иране же место Аргуна занял не менее прилежный буддист Гейхату. Однако в 1294 г. умер Хубилай, а новый Великий хан не имел и малой доли авторитета своего деда, так что захвативший в Ильханате власть Газан взял курс на независимость от Ханбалыка, начав со вступления в ислам и гонений на буддизм. В изменившихся условиях, разумеется, изменились и конфессиональные приоритеты Ногая, тем более что Токта со временем стал выказывать стремление к самостоятельности. Весьма показательно, что формальным поводом к разрыву между Токтой и Ногаем послужил конфликт на религиозной почве, разгоревшийся в доме Салджидай-гургэна. Дочь Ногая Кабак уже после замужества приняла ислам, что, естественно, не одобрил ни муж, ни его сородичи, подвергшие новообращенную мусульманку оскорблениям и насмешкам. Ногай немедленно вступился за дочь, сначала потребовав удалить Салджидая из ставки Токты, а затем — выдать Салджидая на расправу. По существу, это была попытка (возможно, под предлогом соблюдения положения Ясы о свободе вероисповедания) уничтожить наиболее влиятельного буддиста и, тем самым, в преддверии неминуемой борьбы с Токтой ослабить позиции своего соперника и, заодно, привлечь на свою сторону мусульманина Газана.

Как известно, Ногай, приведя Токту к власти, заставил своего ставленника убить всех тех эмиров, которые действовали против него вместе с Тюля-Букой. Не ясно, включали ли проскрипционные списки джучидских огланов, однако остается фактом, что Тама-Токта не пострадал и, по всей видимости, сохранил за собой прежнюю должность. В период обострения борьбы Ногая с Токтой его имя вновь появляется на страницах летописей. Как и прежде, Тама-Токта выступает на стороне Сарая. Когда сыновья Ногая «прельстили несколько тысяч, принадлежавших Токтаю», Ногай в ответ на требование Токты вернуть «[те] тысячи» заявил: «Я отошлю их тогда, когда пришлет ко мне Салджидая, его сына Яйлага и Тама-Токту». После первого, неудачного сражения с Ногаем Токта вернулся в Сарай и «потребовал к себе Тама-Токту, сына Елуги[200], который долгое время был охранителем и защитником Дербенда, опять двинул большое войско и выступил войной на Нокая»[201]. Наиболее вероятной причиной ультиматума Ногая в отношении выдачи Тама-Токты могли быть препятствия, которые Тама-Токта имел возможность чинить посольствам Ногая к Газану. Не исключено, что Тама-Токта включился в джучидо-хулагуидскую дипломатию напрямую. Ведь Газан, хотя и заверял Ногая и Токту в том, что не намерен входить в междоусобные дела, и призывал их поладить друг с другом, фактически оказал помощь Токте: «для того, чтобы [устранить] их подозрения и сомнения» Газан зазимовал в области Багдада и Диярбекра, а не в Арране, как

обычно[202]. Оставление границы без защиты Газаном, очевидно, было бы невозможно без соответствующих гарантий, в то же время Токта без опаски снял корпус Тама-Токты с границы и с успехом использовал его в военных действиях против Ногая[203].

Участие Тама-Токты в финальной стадии конфликта Токты и Ногая отражено также в летописи Бейбарса ал-Мансури. В списке «ханов и начальников десяти тысяч», бывших сторонниками хана Токты в его втором столкновении с Ногаем, он назван первым: «отступник (?) Токта»[204]; «отступник (муртадд?) Токта»[205]. По мнению Н.И. Веселовского, «назвать Токту отступником мусульманский историк мог потому, что этот хан не исповедовал ислам»[206]. Действительно, в мусульманской традиции «муртад» — это отступник, тот, кто не считает выполнение предписаний ислама своей обязанностью и постепенно утрачивает веру. В этом смысле Тама-Токта, если он был мусульманином, но встал на сторону буддиста Токты против мусульманина Ногая, может быть охарактеризован как религиозный отступник. А если учесть, что подробнейшая история борьбы Ногая с Токтой передана Бейбарсом ал-Мансури, надо полагать, со слов плененных и проданных в Египет воинов Ногая, «отступником» мог быть назван человек, особо повинный в несчастном для Ногая и его сторонников исходе войны с Токтой. Однако более вероятно, что Муртад — это арабское имя Тама-Токты, полученное им при обращении в ислам[207].

По мнению А.А. Горского, Тама-Токта — это тот самый татарский царевич Токтомер, который приходил зимой 1293-1294 г. в Тверь и учинил там «много тягости людем»[208]. На мой взгляд, возможности трансформации имени Токта-Муртад в Токтомер преувеличены. Более вероятно, что под этим именем в русской летописи выступает кто-то из золотоордынских военачальников с именем Ток-Тимур. Среди Джучидов так звали, к примеру, правнука Орду, внука Беркечара и двух внуков Шибана. Кроме того, сомнительно, чтобы наведение порядка в русских княжествах входило в компетенцию начальника корпуса, несшего службу на Кавказе.

Тама-Токта, по всей видимости, является персонажем рассказа Вассафа о посольстве Токты к Газану. По словам Вассафа, послы в соответствии с инструкцией Токты должны были в ультимативной форме потребовать возвращения спорных территорий, однако «Темта, сын Токтая», будучи царевичем предусмотрительным, без ведома хана снабдил посольство хорошими подарками и включил в него Ису-гургэна (будущего фаворита хана Узбека), который сумел изложить суть поручения «с присоединением ласкательств и любезностей» и тем самым смягчил чреватый войной дипломатический конфликт[209]. Поскольку у хана Токты не было сына с именем Темта или похожим на него, единственным претендентом на роль прагматичного политика, сознающего опасность масштабной войны для только что пережившего длительную кровопролитную усобицу государства, является Тама-Токта, через владения которого пролегал путь посольства в Иран и который после услуг, оказанных Батуидам, видимо, мог взять на себя смелость скорректировать задачи посольства и воспрепятствовать разжиганию войны с недавним союзником.

Есть основания думать, что военная деятельность Шибана и его потомков в XIII в. простиралась далее тех войн и походов, в которых их участие прямо или

косвенно засвидетельствовано письменными источниками. Зимние кочевья Улуса Шибана выходили непосредственно к северным границам владений Чагатаидов, поэтому военные конфликты 1260-х годов между Улусом Джучи и, последовательно, Алгуем, Бораком, Хайду, вне всякого сомнения, напрямую касались Шибанидов, и в существенно большей степени, чем другие джучидские улусы. Как известно, Джучиды не смогли отстоять свои владения в Мавераннахре: ни те, что были приобретены путем сделки с Мункэ, ни те, что были оставлены им курултаем 1269 г. Можно считать, что это было поражение, в первую очередь, Шибанидов, бывших на протяжении, как минимум, десятилетия на переднем крае борьбы за обладание Мавераннахром. Впрочем, трудно судить, чем была обусловлена конечная уступка среднеазиатских земель Хайду: недостатком военных ресурсов и военным превосходством противника или же внешнеполитической ситуацией, продиктовавшей Менгу-Тимуру необходимость сохранения военно-политического союза с Хайду.

Допустимо также предположить, что Шибаниды время от времени были в конфронтации с Улусом Орду. Дружеские связи Ордуидов с Тебризом и их особые отношения с Ханбалыком в периоды обострения вражды между Толуидами и Батуидами не могли не раздражать последних, и тогда Улус Шибана как ближайший сосед Улуса Орду неизбежно должен был явиться орудием давления Сарая на строптивых сородичей. Возможно, такого рода ситуация заставила Хубилая в 1289 г. оказать помощь войскам главы Улуса Орду Коничи[210]. В какой форме была она изъявлена, «Юань ши» не уточняет, однако, представляется знаменательным, что необходимость в помощи возникла непосредственно после нападения в 1288 г. золотоордынского корпуса на Ильханат. Как показано выше, эта акция была проведена на фоне ухудшающихся отношений между Ногаем и Тюля-Букой и попыток Ногая установить союзнические отношения с Аргуном, а в 1290 г. Сарай организовал новое нападение, по всей видимости, согласованное с Хайду, предпринявшим одновременное вторжение на территорию Ильханата. Не имея возможности оказать военную помощь Ильханату, территория которого была отделена от юаньских владений владениями Хайду, Хубилай вынужден был удовлетвориться укреплением военного потенциала Коничи — союзника Ногая и Аргуна.

Последний сюжет заставляет вспомнить популярное в литературе мнение, согласно которому к началу XIV в. Ордуиды полностью завладели территорией Улуса Шибана и либо подчинили Шибанидов своей власти, либо заставили их откочевать далеко на север и на восток — в Западную Сибирь. Каким образом могли совершиться столь впечатляющие перемены в улусной системе восточной части Улуса Джучи, не уточняется. Надо думать, если бы они имели место в действительности, то лишь благодаря масштабному применению силы. Однако насильственный захват кочевий Шибанидов — исключительно лояльного Батуидам джучидского клана — свидетельствовал бы открытый мятеж Ордуидов против Сарая и неспособность Батуидов защитить свои интересы. Источники это допущение не поддерживают. О выходе границ Улуса Орду к нижнему течению Сыр-Дарьи говорит только Натанзи, но вся его информация относительно состояния Улуса Джучи малодостоверна; после победы над Ногаем у Токты было достаточно сил и авторитета, чтобы восстановить отвечающую интересам

центральной власти улусную систему, а Узбек пошел еще дальше, сосредоточив всю власть на местах в руках доверенных эмиров.

Подводя итог обозрению военной деятельности Шибанидов в XIII в., позволительно сделать вывод, что этот многочисленный и разветвленный клан, участвовавший практически во всех военных предприятиях Улуса Джучи, был одним из наиболее надежных защитников прав Бату и его потомков на господство в западной части Монгольской империи. До скончания правления Батуидов они оставались их *железными псами*, вассалами, твердо державшимися заветов Ясы относительно родовой субординации и солидарности и вдохновлявшимися преданиями о воинских доблестях основателя династии — *бахадура* Шибана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Родословное дерево тюрков. Сочинение Абу-л-Гази, Хивинского хана. Пер. и пред. Г.С.Саблукова. ИОАИЭ. Т.XXI. Вып.5-6. Казань, 1906. С. 150.
2. Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. / Пер. на англ. и прим. Дж.Э. Бойла. М., 2004. С. 122.
3. Там же. С. 407.
4. В написании «Шибан» (варианты: Шейбан, Шайбан, Шабан, Шыбан), «Шибаниды» (Шайбаниды, Шейбаниды), подразумевая под последними также потомков Шибана, утвердившихся в Хорезме и Мавераннахре, автор следует транслитерации, обоснованной Т.И. Султановым (Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 3). Первоначальной графической формой имени Шибан, как показал П. Пеллио, было «Сибан» (*Pelliot P.* Notes sur l`histoire de la Horde d`Or. Oeuvres posthumes. Vol. II. Paris, 1949. P.45), что отразилось не только в труде Джувейни, но и у Карпини (Siban, Syban) и Рубрука (Stican). Проблему правильного названия династии Сибирских Шибанидов недавно заново рассмотрел Ш.Ф. Мухамедьяров (Мухамедьяров Ш.Ф. Еще раз об установлении правильного названия династии Сибирские Шибаниды (Сыбаниды), а не Шейбаниды // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002).
5. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.II. М.-Л., 1960. С. 74; Му'изз ал-ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Т.III. Алматы, 2006. С. 42; Абу-л-Гази. С. 156.
6. Относительно значения модификации «Сибакан» («Шибакан»), которая в труде Джувейни используется наряду с формой «Сибан» («Шибан»), высказаны различные мнения. Если П. Пеллио сомневался, что такая форма, вообще, существовала (*Pelliot.* Op. cit. P.44), то Дж. Бойл допускал возможность видеть в ней уменьшительную форму имени Шибан (*Бойл Дж.Э.* Примечания // Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Пер. на англ. и прим. Дж.Э. Бойла. М., 2004. С. 584-585). По мнению Р.П. Храпачевского, «Шибакан» то же, что Шибан-хан, указание на высокое происхождение Шибана, так как в то время Шейбан не имел своего улуса» (Золотая Орда в источниках. Т.I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 261). В «Shajrat ul Atrak» Шибан упоминается в списке сыновей Джучи как *Sheiban*, но в описании сражения с венграми Шибан выступает под именем *Shuknak*, а отцом отправленного в Иран Балакана (Bulgbaie) назван *Suknak* (это имя вместе с именем *Sheiban* присутствует в списке сыновей Джучи) (*Shajrat ul Atrak*. Genealogical Tree of the Turks and Tatars. Transl. by W. Miles. London, 1838. P.202, 213, 227).

7. Джувейни. С. 183.
8. Джузджани хорошо знает сына Чингиз-хана Чагатая, поэтому это имя в списке сыновей Джучи можно считать следствием описки или ошибки переписчика. Вместе с тем, имея в виду, что источником такого рода информации для Джузджани были, по всей видимости, джучидские послы, и она отражает собственно джучидскую версию старшинства сыновей Джучи, можно считать, что в конце 1250-х годов в Улусе Джучи проблема старшинства Орду и Бату была окончательно решена в пользу Бату.
9. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Т.II. М.; Л., 1941. С. 15.
10. Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат би-с-сурах. История Казахстана в персидских источниках. Т.I. Алматы, 2005. С. 120.
11. *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи. М., 1973. С. 243. В. Хейссиг предположил, что Агасар-хан это Беркечар, а Тарбис-хан — Тангут (Алтан тобчи. С. 374); на мой взгляд, такая атрибуция сомнительна: ничто не говорит о том, что какие-либо имена могут повторяться в обоих списках, при этом имена Беркечара и Тангута в неискаженном виде присутствуют в первом списке
12. *Рашид ад-Дин*. Т.II. С. 19, 37, 118, 130. Джувейни. С. 122, 172.
13. *Джиованни дель Плано Карпини*. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 39. Перечисляя монгольских вождей, воевавших в Венгрии, Карпини называет Шибана после Орду, Бату и сына Угэдэя Кадана (Карпини. С. 40). У Бенедикта Поляка: «а имена вождей таковы: Орду (он прошел через Польшу в Венгрию), Баты, Бурин, Кадан, Сибан, Бугиек (эти были в Венгрии)...» (Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года / Сост. А.Г. Юрченко. СПб., 2002. С. 110; Painter G.D. The Tartar Relation // *Skelton R.A., Marston Th.E., Painter G.D.* The Vinland Map and The Tartar Relation. New Haven and London, 1965. P.76-77).
14. Христианский мир. С. 110; *Painter G.D.* Tartar Relations. P.76.
15. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. Алма-Ата, 1992. С. 92-93. По мнению А.П. Григорьева, старшинство отдельных потомков Джучи определялось не датой рождения, а знатностью их матерей (Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. №417. Серия востоковедческих наук. Вып.27. 1985; *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 165). Известное основание для такого заключения дает Яса: «старшинство детей рассматривается соответственно степени их матери, из числа жен одна всегда старшая преимущественно по времени брака» (*Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931. С. 15). Однако генеалогия потомков других линий Чингизидов, например, потомков Толуя (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 103-107), ясно показывает, что старшинство сыновей определялось их возрастом, независимо от старшинства и знатности их матерей. Аналогичные примеры можно найти и в роду Джучи. Единоутробным братом Шибана, по «Му'изз ал-ансаб», был Джилавун, а в списке Рашид ад-Дина он значится восьмым сыном. Тука-Тимура, по Рашид ад-Дину, тринадцатого сына Джучи, согласно «Му'изз ал-ансаб», рожденного наложницей, нет у Джувейни в списке совершеннолетних Джучидов, но есть в списке Джучидов, прибывших на похороны Чингиз-хана, Абу-л-Гази же рассказывает, что Тука-Тимур с 1229 г., когда его братья поехали на курултай, а затем были отправлены Угэдэем воевать в Китай, замещал Бату в

качестве главы улуса.

16. Согласно П. Пеллио, правильное чтение этого имени, встречающегося в источниках в разных формах, — Боролдай (Boroldai) (*Pelliot.* Op. cit. P.63).
17. *Schamiloglu U.* The *Umdet ul-ahbar* and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // Central Asian Monuments, Istanbul, 1992. P.89.
18. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 40. В переводе Ш.Х. Вохидова имя матери Шибана — Канбар (Му'изз ал-ансаб. С. 38).
19. По мнению Т. Мэя, популярность среди монгольской аристократии несторианства можно объяснить тем, что монгольские князья часто брали жен из племен, уже основательно вовлеченных в орбиту христианства (*May T.* Attitudes Towards Conversion Among the Elite in the Mongol Empire // http://mcel.pacificu.edu/easpac/2003/may.php3).
20. Из монгольского *ьibaга* этимологизировали имя Шибан Б. Шпулер и Э. Блоше. По Б. Шпулеру, оно означало «судьба», по Э. Блоше — «птица» (*Pelliot.* Op. cit. P.44). И. Березин полагал, что значение имени Шибан в монгольском — «жребий» (*Березин И.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. LXXXVI. Отд.II. СПб., 1855. С. 81). А.П. Григорьев нашел в арабско-персидско-тюркско-монгольском словаре, монгольская часть которого, как предполагается, отражает типичную монгольскую речь XIII-XIV вв., что монгольскому «шибан» соответствует тюркское «яушан» (в русских летописях «евшан», «емшан»), являющееся названием полукустарника с сильно пахучими листьями (*Hyssopus officinalis*). Подтверждение предложенной этимологии А.П.Григорьев видит в том, что один из потомков Шибана (племянник Абу-л-Гази) носил имя Евшан (*Григорьев.* Ук соч. С. 162-163). По мнению Ю.А. Зуева, «Сибан» или «Шибан» является именем-титулом, восходящим к древнетюркскому *себек/севен* — «любимый», «любящий», «верный», которое у восточных тюрков, равно как и у древних карлуков, было эпитетом дружины-сотни и заменителем термина *йуз.* Примерами распространения имени-титула *Сибан* в монгольской среде XII-XIII вв. Ю.А. Зуев считает имя старшего сына онгутского *шада* Ала-куш-кори-дигина — Буйан-Сибан, а также титул (?) Сибан, отнесенный к Суйунч-Тогрылу — *улуг-айнучи* в стране уйгуров (*Зуев Ю.А.* О формах этно-социальной организации народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековье). Алматы, 1998. С. 59, 94).
21. *Pelliot.* Op. cit. P.46-47. Имя Шибан (Shiban, Xiban), например, носил наставник отца Хайду, Каши, а впоследствии один из главных советников Хубилая, — уйгур по происхождению и христианин по вероисповеданию (*Rossabi M.* Khubilai Khan — His Life and Time. University of California Press, Berkeley — Los Angeles — London, 1988. P.16; *Biran M.* Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia. London, 1997. P.39).
22. Как пишет В.В. Бартольд, «мусульманским преданием это имя (Шибан — *В.К.*) впоследствии было переделано в Шейбан, вследствие чего в начале XVI в. потомок Шибана, основатель узбекского государства в Туркестане, принял поэтическое прозвище Шейбани, совпадающее с названием арабского племени, более известным как прозвище (нисба) знаменитого факиха ханифитского толка, ученика Абу Ханифы и Абу Юсуфа. Очень вероятно, что популярное в мусульманском мире имя было причиной переделки имени Шибан в Шейбан и появления имени Шейбани» (*Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Азии. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 134). Тем не менее, Герберштейн в первой половине XVI в. говорит о татарах *Шибанских*, а не *Шейбанских*: «Ad orientem

(от земель царства Казанского) autem aestivalem Tartaros, quos Schibanski et Kosatski vocant, conterminos habent» (цит. по: Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 155). На карте Московии Баттисты Аньезе, изготовленной в 1525 г. на основе сведений русского посла в Ватикане Дмитрия Герасимова, область к востоку от впадения в Волгу Камы обозначена как *Sciabani Tartari* (Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII-XVII в. М., 2007. С. 188, рис.9). В российских официальных документах термин «шибанские люди», «шибацкие люди» встречается вплоть до начала XVII в. Так, в 1613 г. самарский воевода извещал московские власти, что «от Енбы до Юргенчи алтаулов и каракалпаков и казацких и шибанских людей нет и житьем не живут; а живут де они ныне зимнею порою под Сибирью» (Посольские материалы русского государства (XVI-XVII вв.). История Казахстана в русских источниках. Т.1. Алматы, 2005. С. 256). По мнению Б. Шпулера, которое разделял также П. Пеллио, от имени Шибан произошла русская фамилия Шибанов (*Pelliot.* Op. cit. P.44).

23. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 21.
24. «Как только холодность воздуха и свирепость мороза уменьшились ...каждый оставил свою *орду* и отправился на *курилтай*. Из земель кифчакских прибыли сыновья Туши Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке, Беркечер и Тога-Темур...» (Джувейни. С. 122). «Когда ослабли сила и ярость холода и наступили первые дни весны, все царевичи и эмиры направились со [всех] сторон и краев к старинному юрту и великой ставке. Из Кипчака — сыновья Джучи-хана: Урада, Бату, Шейбан, Берке, Беркечар, Бука-Тимур...» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 19)
25. Абу-л-Гази. С. 150-151. Р.Ю. Почекаев, специально рассматривавший вопрос о достоверности участия Бату в этом походе, пришел к выводу, что к рассказу Абу-л-Гази можно отнестись с доверием (*Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.-СПб., 2006. С. 68-70). Действительно, несмотря на отсутствие аналогичных сообщений в ранних источниках, участие Джучидов в разгроме империи Цзинь, представляется вероятным. Общеимперский характер завоевания Цзинь косвенно подтверждается отзывом Субэдэя на восточный театр военных действий (если допустить, что первоначально, в 1229 г., он был направлен с Кокошаем на запад), сравнительно малой активностью монголов в Волго-Уралье между 1229 и 1236 гг. (см.: *Allsen Th.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237 // AEMA, vol. 3, 1983. P.14-16), выделением Джучидам владений в Северном Китае, особенностями организации похода на запад.
26. «Царевичи, которые были назначены на завоевание Кипчакской степи и тех краев, [были следующие]: из детей Толуй-хана — старший сын Менгу-хан, и брат его Бучек, из рода Угедей-каана — старший сын, Гуюк-хан, и брат его Кадан, из детей Чагатая — Бури и Байдар и брат каана, Кулкан; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шейбан и Тангут; из почтенных эмиров: Субэдай-бахадур и несколько других эмиров. Они все сообща двинулись весной бичин-ил, года обезьяны, который приходится на месяц джумад 633 г.х. [11.02. — 11.03.1236]; лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордойё Шейбаном, Тангутом, которые также были назначены в те края» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 37). Д.С. Бенсон замечает, что к участию в европейском походе в качестве предводителей туменов от каждого из четырех старших сыновей Чингиза были привлечены по два царевича. От клана Джучи это были Бату и Орду, но поскольку кампания была затеяна в целях продвижения владений Бату на запад, то от семейства Джучи начальниками туменов были назначены также «брат Бату Берке и

брат Орду Шибан» (!? — *В.К.*) (*Benson D.S.* Six Emperors: Mongolian Aggression in the Thirteenth Century. Chicago, 1995. P.158).

27. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 163.
28. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 37.
29. «Когда русы, кифчаки и аланы были уничтожены, Бату решил приступить к истреблению келеров и башгирдов, которые есть многочисленные народы, исповедующие христианство и, как говорят, граничат с землей франков. С этим намерением он собрал свои войска и выступил на следующий год. А те люди были самонадеянны от своей многочисленности, мощи своей власти и силы своего оружия; и когда они услыхали о приближении Бату, они также выступили ему навстречу с четырьмястами тысячами конников, каждый из которых был знаменитым воином и считал побег позором. Бату послал вперед своего брата Сибакана с десятитысячным отрядом, чтобы разведать их численность и сообщить о степени их силы и могущества. Сибакан выступил вперед, повинуясь его приказу, и к концу недели вернулся и доложил, что их число вдвое превышало численность монгольского войска, и все они были превосходными воинами. Когда две армии подошли ближе друг к другу, Бату поднялся на вершину холма и весь день и всю ночь он ни с кем не говорил, а только молился и причитал; и он велел мусульманам также собраться и возносить молитвы. На следующий день они приготовились к битве. Широкая река разделяла две армии: Бату отправил ночью один отряд, а потом переправилось и его [главное] войско. Брат Бату лично участвовал в сражении и предпринимал одно наступление за другим; но неприятельская армия была сильна и не отступала ни на шаг. И тогда сзади подошло [главное] войско; и одновременно Сибакан перешел в наступление со всеми своими полками; и они бросились на их королевские шатры и перерезали веревки своими саблями. И когда монголы опрокинули их шатры, войско келеров дрогнуло и обратилось в бегство. И никто из того войска не уцелел, и те земли тоже были покорены. И это было одним из их величайших подвигов и одной из самых жестоких битв» (Джувейни. С. 185-186).
30. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 37.
31. Одним из главных источников для ал-Кирими был список «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи (*Schamiloglu*. Op. cit. P.89; *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. University Park, Penn, 1994. P.352-354), более полный и исправный, чем список, переведенный и изданный В.П. Юдиным. О последнем можно судить, в частности по тому, что командовавший туменом кыйат Бор Алтай «Умдет ал-ахбар» в списке «Чингиз-наме», который был доступен В.П. Юдину, превратился в «десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев», которых Бату, отправляя Шибана в вилайеты Крыма и Каффы, добавил к ранее выделенным тридцати тысячам (Утемиш-хаджи. С. 95).
32. Имена командующих всех четырех туменов: «кыйат Бурулдай бик, затем дед (предок) [нрзб., возможно, Гали] бика из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» (Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. Исслед., крит. текст, аннот. оглавл. и свод. табл. оглавл. А.М. Акрамова. Ташкент, 1967. С. 115 араб. паг. Текст подготовлен И.Мустакимовым). Цит. по: *Исхаков Д.М.* О клановом составе первоначального удела Шибана // В печати.
33. Пискаревский летописец // Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 88-89. В Воскресенской и некоторых других летописях этот отрывок дан в другой редакции: «...воевода его бысть 1-й, Себедяй Богатурь, и Бурундай, и Бастырь, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую...» (Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т.VII. СПб., 1856.

С. 145); «Инии же бе воеводы его и велицие князи: Бутар, Айдар, Килемет, Бурандай, Батыр, иже взя Болгарскую землю и Суздальскую» (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Продолжение. ПСРЛ. Т.Х. СПб., 1885. С. 116); «...но бе воевода его 1-е: Себедаи-батур и Бурундаи и богатыри, иж(е) взяша Болгарскую землю и Суздал(ь)скую...» (Новгородская летопись по списку П.П.Дубровского. ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. С. 94)

34. В Ипатьевской летописи под 1260 годом записано: «Времени же минувшу, и приде Буранда, безбожный, злый, со множествомъ полковъ Татарьскыхъ в силе тяжьце и ста на местех Куремьсенех. Данило же держаще рать с Куремьсою и николи же не бояся Куремьсе: не бе бо моглъ зла ему створити никогда же Куремьса, дондеже приде Буранда со силою великою» (Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. СПб., 1843. С. 197). Косвенным свидетельством того, что речь в этом случае, скорее всего, идет об участнике западного похода Бурандае, служит тот факт, что предводитель золотоордынских вторжений в Польшу в 1259-1260 гг. в польских источниках именуется Боролдай (*Jackson P.* The Mongols and the West: 1221-1410. Harlow, 2005. P.123). В 1288 г., когда золотоордынское войско под командованием Тама-Токты и Буки совершило рейд в Закавказье, в битве с вышедшим навстречу войском Аргуна был убит золотоордынский военачальник Бурултай (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82). Возможно, в честь аталыка Шибана был назван его правнук — Бурултай б.Кутлуг-Тимур б.Сабилкан б.Шибан (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 75; Му'изз ал-ансаб. С. 43).
35. Ипатьевская летопись. С. 176. «И нача князь [Юрий — *В.К.*] полкы ставити, и се внезапу приспеша Татарове на Сить» (Летопись по Воскресенскому списку. С. 141). «...Князь же Юрий посла в Просокы в 3000, и прибежа Дорож и рече: У уже княже обишли нас около, и нача князь полк ставити около себе, и се внезапу татарове приспеша, князь же не успев ничтоже, побеже, и бы на реце Сити, и постигоша и, и живот свой сконча ту...» (Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) году и кончающийся 6860 (1352) годом. М., 1819. С. 159-160). У Рашид ад-Дина этот эпизод западного похода описан следующим образом: «Эмир этой области Ванке Юрку бежал и ушел в лес; его тоже поймали и убили» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 39).
36. *Иванин М.* О военном искусстве при Чингисхане и Тамерлане. Алматы, 1998. С. 120; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 369-370.
37. Утемиш-хаджи. С. 93-94.
38. Абу-л-Гази, С.159. Следует отметить, что у сибирских потомков Шибана к концу XV в. не осталось даже таких обобщенных воспоминаний о боевых подвигах предка. В 1494 г. глава Сибирского ханства Шибанид Ивак (Сайид-Ибрахим) уверял Ивана III в существовании особенно хороших, сравнительно с другими Чингизидами, отношений между предками московского государя и его прародителем: «...промеж Ченгысовых царевых детей наш отец Шыбал царь, стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был...» (Посольские материалы. С. 43; *Григорьев*. Ук соч. С. 177).
39. По мнению Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, в оригинале речь шла не о неведомом племени «чинчакан», а о кыпчаках. Кыпчаков как основное кочевое население Крыма называет Рубрук: «На этой равнине, до прихода Татар, обычно жили Команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань» (Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 79).
40. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 39.
41. Утемиш-хаджи. С. 95.

42. Кырк-Йер и Мангуп — средневековые города-крепости в южной части Крыма. Кырк-Йер («Сорок крепостей» или «Сорок мужей») позже получил название Чуфут-Кале («Иудейская крепость»). Мангуп («Полный пещер») в XIII-XIV вв. назывался Феодоро. Это была одна из самых крупных крепостей Крыма (площадь 90 га), она стояла на обрывистой скале и была способна при необходимости принять значительные массы населения (*Герцен А.Г.* Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989). По словам Эвлии Челеби, оставившего красочное описание Мангупа, крепость эта по своей недоступности осадам у чингизидских историков заслужила имя «крымская Кахкаха», т.е. крепость «Язвительного Смеха» (Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь, 1996. С. 91).
43. *Schamiloglu*. Op. cit. P.89.
44. *Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 156.
45. Рубрук. С. 79.
46. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 39; *Храпачевский*. Ук. соч. С. 376; *Benson*. Op. cit. P.192.
47. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 39.
48. *Татищев В.* История Российская. В 3 т. Т.3. М., 2003. С. 7.
49. *Березин*. Ук. соч. С. 81.
50. Из европейских авторов, кроме Плано Карпини, участие Шибана в военных действиях в Венгрии свидетельствует каноник Варада Рогерий. Приводимые им в «Горестной песне о разорении королевства Венгрии татарами» имена монгольских военачальников Й. Хаммер-Пургшталь идентифицирует следующим образом: «*Bathus* (Batu), *Bochetor* (Behadir), *Cadan* (Kadan), *Coakton* (Kujuk), *Seycan* oder *Feycan* (Scheyban), *Peta* (Paidar), *Hermeus* (der Kailus der Nikon'schen Chr.), *Cheb Ocadar* (der Sebedai Behadir der russischen Chroniken)» (Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840. S.118). Возможность идентификации имени *Feycan* как *Seyban* принимает также Д. Синор (*Sinor D.* John of Plano Carpini's Return from the Mongols: New Light from a Luxemburg Manuscript // JRAS, October 1957. P.202).
51. *Храпачевский*. Ук. соч. С. 503-504.
52. *Sinor D.* The Mongols in the West // Journal of Asian History. Vol.33. No.1, 1999. В литературе можно встретить и другие реконструкции структуры армии Бату и действий ее подразделений в Латинской Европе. По мнению П. Джексона, в феврале 1241 г. в Польшу вошла группировка под командованием Орду и Байдара, Бату и Субэдэй вторглись в Венгрию 12 марта через Верешский проход, группировка Кадана и Бури — 28 марта через проход Борго, и еще два тумена вошли с юго-востока — один во главе с Бучеком, другой во главе с нойоном, которого Рогерий называет Богутай (*Jackson P.* The Mongols and the West. P.64) или Бохетор (*Пашуто В.Т.* Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 212). По Д. Питтарду, Субэдэй после завоевания Руси оставил на ее территории 20000 воинов, а предназначенные для вторжения в Латинскую Европу 120000 разделил на 4 корпуса по 3 тумена в каждом. Один корпус под командованием Байдара двинулся в Польшу, главный корпус, которым руководили Бату и Субэдэй, направлялся в центр Венгрии, с севера его прикрывал корпус под командованием Шибана, а с юга — корпус Гуюка (*Pittard D.* Thirteenth Century Mongol Warfare: Classical Military Strategy or Operational Art? Fort Leavenworth, 1994. P.22).
53. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 37.

54. Джувейни. С. 186.
55. Обзор мнений о причинах ухода монголов из Венгрии см.: *Jackson P.* The Mongols and the West. P.71-74; Чойсамба, 2006, С.137-148; *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа. Образ Чингиз-хана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб., 2006. С. 200-207.
56. Карпини. С. 42.
57. «А в этой земле (бывших владениях Хорезмшахов — *В.К.*) существуют величайшие горы; с юга же прилегают к ней Иерусалим, Балдах и вся земля Саррацинов; по близости их границ живут два вождя — родные братья Бурин и Кадан; с севера же прилегает к ней часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату» (Карпини. С. 64).
58. В списке Джучидов, прибывших на курултай, Тангута называет только Рашид ад-Дин.
59. Джувейни. С. 172; Рашид ад-Дин. Т.II. С. 118.
60. Рубрук. С. 118.
61. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 80.
62. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 130.
63. *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2007. Вып. XVII. С. 458-460.
64. Утемиш-хаджи. С. 94-96.
65. Абу-л-Гази. С. 160.
66. Утемиш-хаджи. С. 92.
67. *Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 537.
68. Утемиш-хаджи. С. 92.
69. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 74-75.
70. Му'изз ал-ансаб. С. 42-43. Шейбани-хан, Абу-л-Гази и Махмуд б.Вали перечисляют сыновей Шибана по списку Рашид ад-Дина. Шейбани-хан: Байнал, Бахадур, Кадак, Балака, Черик, Меркан, Куртка, Абачи, Сабилкан, Байанджар, Маджар, Коничи (Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 34-38); Абу-л-Гази: Байнал, Багадур, Кадак, Балга, Джарик, Меркан, Куртга, Аяджий, Саилган, Баянджар, Маджар, Кунджий (Абу-л-Гази. С. 160); Махмуд б.Вали: Байнал, Бахадур, Кадак, Балака, Черик, Мирган, Куртка, Айаджи, Сайилкан, Байанджар, Маджар, Коничи (Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 347).
71. В «Юань ши» содержится известие о гибели в битве при Шайо монгольского военачальника, которого Бату называет «мой Ба-ха-ту» (этот эпизод, по всей видимости, послужил основой для появления в XV в. легенды о гибели в Венгрии Бату (*Sinor D.* The Mongols in the West)). В связи с этим высказано предположение, не идет ли здесь речь о сыне Шибана (*Храпачевский.* Ук. соч. С. 504). Если бы это было так, то можно было бы допустить, что выделение Шибану кочевий у западной границы Улуса Джучи, на которое указывают поздние источники, подразумевало наличие у него мощного дополнительного стимула для решительных действий в Венгрии — кровной мести. Однако, помимо того, что это предположение противоречит известиям о переходе полномочий по управлению улусом от Шибана к Бахадуру, существует еще одно обстоятельство, препятствующее тому, чтобы в сюжете в битве при Шайо видеть имя сына Шибана. Е.И. Кычанов отмечает, что в «Юань ши» даже имя Бату (Баду) иногда следует понимать как титул или почетное прозвище, имея в виду многократно повторяемые сообщения о присвое-

нии отличившимся в боях воинам и командирам почетного звания «баду», «бадулу», которое значило «бахадур», т.е. «богатырь», «бесстрашный воин» (*Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение Улуса Джучи (Золотой орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002. С. 34).

72. В «Му'изз ал-ансаб» нет имени Минг-Тимура, а его сыновья записаны как дети Бадакула. Это обстоятельство побудило А.П. Григорьева предположить, что Минг-Тимур не реальная личность, а фикция — его имя умышленно вставлено в генеалогический ряд ради «удревнения» рода Шибана (*Григорьев*. Ук соч. С. 164). На мой взгляд, более вероятно, что ошибку сделал автор «Му'изз ал-ансаб». По всей видимости, ради исправления неточности, допущенной в «Му'изз ал-ансаб», шибанидские сочинения сообщают дополнительные сведения о Минг-Тимуре: в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» подчеркивается, что женою Минг-Тимура была дочь Джанди-бека — потомка Исмаила Самани (Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. С. 34), а в «Шаджара-йи турк» на примере высоких личных качеств Минг-Тимура объясняется смысл слова «кюлюк» (Абу-л-Гази. С. 60-161). Генеалогическое ухищрение, предполагаемое А.П. Григорьевым, маловероятно еще и по той причине, что оно полностью контрпродуктивно. Как нетрудно заметить, подобная операция отнюдь не удревнила бы род; наоборот, лица, вознамерившиеся с ее помощью приподнять свой статус, добились бы прямо противоположного результата, так как добавление нового звена сделало бы их младше своих современников из других ветвей клана Джучи. Та же ошибка присутствует и в замечании А.П.Григорьева о сравнительной древности родов Уруса и Токтамыша (*Григорьев*. Ук. соч. С. 168).

73. О бедности подданных золотоордынских ханов позже будут со знанием дела писать летописцы самых близких союзников Сарая — мамлюкских султанов. Надо полагать, что недостаточность средств существования государства и населения была не последней причиной того, что Золотая Орда превратилась в один из главных поставщиков рабов на невольничьи рынки. Некоторое представление об ограниченности материальных возможностей Джучидов дает зафиксированная в «Юань ши» под 1253 г. просьба Бату к Мункэ о выделении 10 тысяч динов серебра (370 кг) для закупки жемчуга. Просьба была удовлетворена лишь на 10%, к тому же эту весьма скромную выдачу Мункэ сопроводил высокомерными наставлениями о недопустимости растранжиривания государственной казны и предупреждением о том, что испрошенное серебро будет вычтено из будущих ежегодных пожалований Улусу Джучи (Allsen Th.T. // 3rd series. Vol.2. 1989. P.111; *Кычанов*. Ук. соч. С. 40; Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 211). Следует отметить, что наличие у Джучидов владений в Северном Китае и других регионах не гарантировало поступления регулярного и фиксированного дохода. Доходность такого рода владений и размер причитающихся номинальным владельцам выдач целиком определялись имперскими чиновниками (*Бичурин*. Ук. соч. С. 182).

74. «Для монголов на западе Землей Обетованной, кажется, был Иран. Конечно, они вели кампании в Польше или Венгрии и посылали надменные письма римскому папе и другим западным государям, но их взоры снова и снова устремлялись на юг — через Кавказ в Анатолию и Иран. От Берке до Токтамыша правители Золотой Орды упорно и безуспешно пытались реализовать мечту о приведении под свою власть южных стран» (*Sinor*. The Mongols in the West. P.37).

75. Согласно Джувейни, курултай, на который Бату послал Сартака, имел место в 653 г.х. (10.02.1255 — 29.01.1256) (Джувейни. С. 184). Существует мнение, что

главной темой этого курултая были вопросы оптимизации финансов и стабилизации экономики империи. С этим можно согласиться только в той части, что такого рода проблемы, как везде и всегда, в принципе, существовали. Но в тот момент истории Монгольской империи они были обязаны, в первую очередь, колоссальным затратам на подготовку иранской кампании и необходимости содержания огромной бездействующей армии Хулагу, и требовали незамедлительного решения, лежавшего не в экономической, а в политической плоскости.

76. В соответствии с характеристиками, данными персидскими и арабскими летописцами Берке, в литературе иногда высказывается мнение, что его противодействие посылке в Иран армии под руководством Хулагу в значительной степени определялось религиозными мотивами. Возможно, мотив религиозной солидарности отчасти присутствовал, но более важным кажется то, что у Берке были основания подозревать Мункэ в неискренности и не доверять его обещаниям относительно раздела завоеванных земель. Берке, после смерти Гуюка в течение трех лет бывший рядом с Мункэ, видимо, знал этого человека лучше, чем его знал Бату. И, в конечном счете, оказался прав. Мункэ, свидетельствует Рашид ад-Дин, еще до начала похода принял негласное решение утвердить предназначенные к завоеванию страны за Хулагу, но «для вида» приказал брату, завершив «те важные дела», вернуться в свои становища (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.III. М.-Л., 1946. С. 24). Хотя это довольно неожиданное откровение Рашид-ад Дина, жертвующее репутацией Мункэ и выставляющее его человеком двоедушным и неблагодарным к близким родственникам, которым он был обязан троном, призвано развить тезис о давно замеченных у Хулагу «державных признаках» и продемонстрировать законность возвышения Хулагу, ему, видимо, следует доверять.
77. Джувейни. С. 441.
78. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 81.
79. Бар-Эбрей почти дословно повторяет Джувейни: «В этом году, который есть 650 год тайайе (1252/53 г. н. э.), после окончания курилтая, т. е. великого собрания, Хулаку, брат Монга-каана, был отправлен, чтобы пойти в эти земли западные, которые вне владений Гуйук-хана. Монга-каан приказал, чтобы из всех военных сил, которые на востоке и на западе, из всех десяти лиц два лица пошли. Из царских сыновей одного брата своего юного, которого зовут Сабатай Аугул, отправил с ним. Из владений Бату — Булгая, сына Сибкана, и Кутара Аугула и Кули с многочисленным войском. Из области Шгати — Токудара, из земли Шишакан-баги, сестры каана — Бука-Тимура с войском, и из земель Китая имелась тысяча мастеров [военных] машин и метателей нефти» (Бар-Эбрей. Всеобщая История // Сирийские источники XII-XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 75).
80. «Выступили также с неисчислимыми войсками некоторые родственники его [Хулагу] из улуса Батыя и Сартаха и, пройдя через Дербентские ворота, пришли сюда. Это были знатные люди, стоявшие во главе государства. Вот их имена: Балахай, Тутхар, Гули, которых мы сами видели; это были внуки Чингис-хана, и их называли сыновьями бога» (*Киракос Гандзакеци*. История Армении. М., 1976. С. 227).
81. «После того в 706 г. армянского летосчисления, пришли с востока, где имел свое местопребывание великий Хан, семь ханских сыновей, каждый с *туманом* всадников, а туман значит 10000. Вот имена их: первый и старший из них *Гулаву*, брат Мангу-хана; второй, *Хули,* который не стыдился называть себя *братом Бога;* третий, *Балаха;* четвертый, *Тутар;* пятый, *Такудар;* шестой, *Гатахан;* седьмой, *Бора-хан*. Не было между ними согласия; но все были одинаково бесстрашны и кровожадны» (История монголов инока Магакии XIII века. М., 1871. С. 25).

82. «В то же самое время и другие ханы послали своих сыновей в названные области. Эти сыновья ханов, именовавшиеся *koun*: сын Бату Тур, сын Чагатай-хана Ушан, Гул, и из рода Тула, Болга, были посланы управлять странами; прибыв, они также стали брать налоги. Внук Огедей-хана Хулагу, брат Хубилай-хана, продвинулся дальше и был здесь [на Кавказе]. Когда Хулагу увидел этих трех *kouns*, он принял их, дал отведенные им земли, и таким образом устроил, что они оставались в мире» (*Картлис Цховреба*. Т. II. Тбилиси, 1959. С. 223-224; *Bedrosian R.* The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13-14th Centuries. Columbia University, 1979 // http://rbedrosian.com). Термин *koun* (монг. *köün* — «сын») означает здесь то же, что и тюркское о*гул*: Магакия называет бывших в Иране Джучидов *ханскими сыновьями*, а Ногая — Нуха-*куун* (Магакия. С. 32). Можно также допустить, что титул имел некий сакральный оттенок, позволявший армянским авторам видеть в нем понятия *сын бога* или *брат бога*. В таком случае он мог находиться в связи с монгольским *iroul koun* — «распределитель небесной благодати» (*Devéria M.G.* Notes d'épigraphie mongole-chinoise. Vol.1. Extrait du Journal Asiatique. Paris, 1896. P.41).
83. «В ту же пору прибыли и прочие сыновья *каэнов*, коих обозначают (словом) *коун*: Бато — некто Тутар; сын *каэна* Чагаты — Уркан; из рода Кули и Тули — Балага. Дабы доставшуюся детям *каэнов* страну и *хараджу* брали они же. И внук *каэна* Окоты, брат Кубил *каэна*, Уло, прежде пришед, встретил его здесь. Как только узрел Уло трех сиих *коунов*, приветил их и дал им положенные им страны, и так в мире пребывали (Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып.1. Текст. М., 2005. С. 68).
84. Эта цифра помимо прочего дает общее представление о численности армии Улуса Джучи в середине XIII в. — примерно 150000. Согласно «Родословию тюрков», все войско Хулагу насчитывало 120000 человек; о контингенте, отправленном в Иран со стороны Бату этот источник сообщает, что его возглавляли «Bulgbaie, the son of Suknak, the son of Joje Khan; also Tooma Ooghul, the son of Joje Khan» (Shajrat ul Atrak. P. 213).
85. Об этом свидетельствует размах инженерных работ на пути движения армии Хулагу (Джувейни. С. 442) и джучидских войск (Киракос. С. 228). Магакия и Киракос поясняют, что войска, вошедшие в Армению, передвигались «на телегах и колесницах» (Магакия. С. 26; Киракос. С. 228), а рассказывая о разгроме джучидского корпуса, отмечает, что мужчины спасались, бросив жен, детей и имущество (Киракос. С. 237). Рашид ад-Дин, перечисляя сыновей Кули, добавляет, что они прибыли в Иран с отцом, будучи малолетними (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 70). Судя по упоминанию в источниках, повествующих об иранской кампании, Ногая и Ала-Темура, в походе Тутара и Балакана тоже сопровождали их сыновья и, вероятно, племянники.
86. Согласно определению, данному в «Юань ши», «монгольские войска — все государственные, а войска таньмачи — те, что из всех народов и племен» (цит. по: *Храпачевский*. Ук. соч. С. 169). По Рашид ад-Дину, «ляшкар-тама бывает тот, кого назначают [командовать] войском, уволив из тысячи и сотни, и посылают в какую-либо область, чтобы он [и вверенное ему войско] там постоянно находились» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.1. М.-Л., 1952. С. 99). Д. Морган: «*Таньма* или *тама* были армейскими контингентами, набиравшимися из всех подвластных монголам людских ресурсов. Назначением *тама* являлось поддержание и, по возможности, расширение власти монголов на завоеванных территориях; первоначально они, как правило, размещались в пограничной зоне между степью и оседлыми областями. Войска *тама* изначально создавались по распоря-

жению имперского правительства. В то время, когда Хулагу вторгся в Персию и Ирак, его брат Великий хан Мункэ предоставил ему армию *тама*, включавшую, как сообщает Джувейни, двух из каждых десяти имевшихся в наличии монгольских солдат» (*Morgan D.* The Mongols. New York, 1988. P.93). Следует отметить, что части *тама* комплектовались, видимо, не только рекрутами из покоренных народов. Войска, бывшие в Иране под командованием Байджу и отправленные Хулагу покорять Рум, Магакия тоже называет *таньмачи* (*старая конница — темачи*) (Магакия. С. 31). Личный состав джучидских отрядов, ушедших из Ирана к мамлюкам, египетские летописцы характеризуют как монголов, а современные потомки тех джучидских воинов, что ушли из Ирана в Афганистан, живут близ Герата и называют себя никудерцами, говорят на монгольском языке в его архаичной форме (*Morgan.* Op. cit. P.96). В любом случае, джучидские войска в Иране, конечно же, не были «вспомогательными отрядами, посланными на подкрепление войска Хулагу», как их иногда обозначают в литературе (см., напр.: *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. ЗРАО. Т.XIII. Вып.6. Петроград, 1922. С. 11).

87. Джувейни. С. 443.
88. Как полагает П. Джексон, конфликт между джучидскими принцами и Шамс-ад-дином Куртом произошел не в 1258 г., а в 1255 г. В пользу этого предположения, по его мнению, свидетельствует не только дата смерти соперника Шамс-ад-дина систанского владетеля Али ибн Масуда, но и тот факт, что Кит-Буга во время конфликта был подчинен Джучидам (*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // CAJ. Vol.22, 1978. P.222-223).
89. Сообщение Рашид ад-Дина о вступлении джучидских туменов в Иран через Дербент подтверждает Киракос: «И он [Берке — *В.К.*] послал к Хулагу [войско], чтобы подсобить ему с этой стороны, через Дербентские ворота» (Киракос. С. 237).
90. Джувейни. С. 448.
91. Джувейни: «Балагай привел свое войско к подножию Аламута и окружил его со всех сторон. Защитники крепости, рассмотрев последствия этого дела и зная о причудах судьбы, послали гонца с просьбой о пощаде и умоляли о снисхождении. Рукн ад-Дин вступился за них, и царь с радостью простил их преступления. И в конце месяца зуль-каада того года [начало декабря 1256] все обитатели той колыбели беззакония и гнезда Шайтана спустились вниз со своим добром и имуществом. Через три дня войско поднялось в крепость и захватило то, что не смогли унести те люди. И они быстро подожгли все постройки и развеяли их пепел по ветру метлой разрушения, равняя их с землей» (Джувейни. С. 461-462). Рашид ад-Дин: «[Хулагу-хан] послал к крепости Рукн-ад-дина, чтобы тот вывел их [исмаилитов], [но] верховный воевода заупрямился. Хулагу-хан задержал Булгая для окружения и три дня нападали и притворно отступали. Затем он послал им ярлык о пощаде. В субботу, 26 числа месяца зи-л-ка'дэ [6]54 года, [15 XII 1256], [воевода] вышел и сдал крепость. Монголы поднялись наверх, разбили камнеметы и снесли ворота. Жители попросили три дня срока для перевозки пожитков. На четвертый день явились воины и учинили грабеж» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 31).
92. Рашид ад-Дин: «Хулагу-хан с царевичами Кули, Булгаем и Тутаром и старшими эмирами Бука-Тимуром, Кудусуном, Ката, Сунджаком и Коке-Элькэем расположился в хамаданской степи, близ ..., которое есть пастбище..., и занялся устройством и вооружением войска» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 33).
93. Рашид ад-Дин. Т.III. С. 31.
94. Здесь с 1252 г. по 1261 г. регентство при малолетнем Мубарек-шахе осуществляла вдова Кара-Хулагу Ургана-хатун.

95. ал-Карши. С. 120.
96. *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire. P.222-223; *Allsen Th.T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge University Press, 2004. P.53)
97. «[Хулагу-хан] соизволил принять твердое решение о походе на Багдад и приказал, чтобы дружины Чурмагана и Байджу-нойона ...расположились на западной стороне Багдада... Царевичи же Булгай сын Шибана, сына Джучи, и Тутар сын Сонкура, сына Джучи, и Кули сын Урады, сына Джучи, и Букай-Тимур и Сунджак-нойон — все они [стоявшие] на правом крыле, прибыли бы к Хулагу-хану от горного кряжа Сонтай-нойона (?), Китбука-нойон, Кудусун и Элькэ на левом крыле продвигались бы из областей Луристана, текрит, Хузистан и Баят до берега Уммана» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 40).
98. «Во вторник 22 числа месяца мухаррама [29 I], в созвездие Овна, они завязали стражение и начали битву. Со стороны Тарик-и Хорасана, на левой стороне города, против Аджамской башни, в средней рати стоял государь мира. Элькей-нойон и ... — у ворот Кальваза, Кули, Булга, Тутар, Ширемун, Уруктай — под городом у ворот Базара-Султана, Бука-Тимур со стороны кал'ы и со стороны киблы в местности Дуляб-и Бакль...» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 42).
99. «...в понедельник 28 мухаррама [4 II] со стороны, где против Аджамской башни находился государь, монгольское войско отважно взобралось на крепостные стены и очистило их верхи от людей. Со стороны Базара Султана стояли Булга и Тутар и еще не взобрались на стены. Хулагу-хан упрекнул их, и их нукеры тоже взобрались, а ночью овладели верхом всей стены восточной стороны» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 42).
100. Участие Джучидов в захвате Багдада подтверждает Киракос: «Пошли на этот город и главные начальники улуса батыева: Гул, Балахай, Тутхар и Гатахан, ибо все они почитали Хулагу как хана, подчинялись ему и боялись его» (Киракос. С. 229).
101. Относительно Катагана высказаны предположения, что это одна из жен Кули (*Ханларян Л.А.* Комментарии // Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976. С. 312) или принц из потомства Угэдэя (*Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.). Волгоград, 2003. С. 89). Более вероятно, что речь идет о нойоне Катагане, принимавшем, согласно Бейбарсу ал-Мансури, участие в осаде Багдада и Майфарикина. Возможно, еще ранее под 1236 г. этого Катагана упоминают Киракос и Вардан среди монгольских военачальников, подчиненных Чормагану: «Гатага-ноину достались местности Чарека, Гетабакса, и Варданашата». В пользу мнения, что Катаган представлял в Иране Улус Джучи, может свидетельствовать сообщение Джувейни о поручении *хорчи* Кадагану арестовать и доставить к Бату Ильчигадая (Джувейни. С. 426; *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire. P.221). Поскольку в сообщениях о посланных вместе с Хулагу джучидских войсках о Катагане нет никаких упоминаний, резонно считать, что нойон Катаган командовал джучидским контингентом, действовавшим в Иране в составе имперской армии под началом Чормагана, а затем Байджу. Следует отметить, что Киракос и Магакия вносят некоторую неясность в статус Катагана, включая его в число репрессированных «правителей из рода Батыя и Берке». Данные других источников принадлежность Катагана к роду Джучи не подтверждают. Джучида с таким или похожим именем нет в генеалогических таблицах, кроме того, практически все источники, повествуя о прибытии джучидских войск в Иран называют только Кули, Татара и Балакана; эти же имена перечисляются при объяснении причин вражды Берке к Хулагу. См., напр., в «Картлис Цховреба»: «...великий хан Берке прошел за Дербенд, чтобы отомстить [за смерть] Хутара, Балала и Гула» (Картлис Цховреба. С. 254). Приблизительно в то же время по

приказу Хулагу был казнен и другой представитель Джучидов — нойон Байджу, который «кичился и хвастался тем, что я-де покорил Малую Азию»; его войско, находившееся в Анатолии, было передано сыну Чормагана Ширемуну (Рашид ад-Дин. Т.I. Кн.1 С.195-196).

102. Миган — третий сын Кули. Магакия рассказывает, что Кули, «который не стыдился называть себя *братом Бога*», ...впал в болезнь и ...вскоре умер лютою смертью. Место его занял сын его, *Миган*» (Магакия. С. 28).
103. В других переводах (см., напр.: *Bedrosian*. Op.cit.) говорится о 12 тысячах всадников, что, видимо, более соответствует действительности.
104. Магакия. С. 26-27, 31-32.
105. Киракос. С. 237.
106. В литературе нередко справедливость требований Джучидов к Хулагуидам выводится из пожалования Чингиз-хана своему старшему сыну всех тех земель на западе, «докуда дойдут копыта монгольских лошадей», но в реалиях середины XIII в. такая формула уже вряд ли имела прежнюю силу.
107. Рашид ад-Дин. Т.III. С. 58-59.
108. Сунджак — один из главных эмиров Хулагу, управлял провинциями Багдад и Фарс; его брат Тудан был дедом знаменитого эмира Чобана, беклербека при Абу-Саиде (1317-1335 гг.), фактически правившего государством Хулагуидов.
109. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 81. Этот же сюжет в переводе В.Г. Тизенгаузена: «В 654 г. (30.01.1256 — 18.01.1257) Балакан, находившийся в этом государстве (Иране), задумал обман и коварство против Хулагу-хана и прибегнул к волшебству. Выступил доносчик, его (Балакана) допросили про эти слова и он сознался...» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 67).
110. Рашид ад-Дин. Т.III. С. 54.
111. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 57. В новом переводе «Му'изз ал-ансаб» эта история изложена так: «по преданию, Татар был послан вместе с войском Хулагу-хана в страну Иран, где оставался, пока не донесли Хулагу-хану о том, что он (Татар) планирует сотворить зло против него. Хулагу-хан схватил и переправил его к дяде Берке-хану, который в то время был правителем улуса (Джуджи). Берке-хан вернул его, сказав: «Он виновен, ты сам знаешь, как с ним поступать!» Хулагу-хан (теперь) казнил его. Это стало причиной вражды и противостояния между Хулагу-ханом и Берке-ханом» (Му'изз ал-ансаб. С. 43).
112. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т.I. СПб., 1884. С. 188-189. Якша здесь, видимо, то же самое лицо, которое во второй версии Рашид ад-Дина названо Садр-ад-дином Саведжи. К сожалению, это имя в сочинении Рашид ад-Дина встречается лишь однажды. Судя по нисбе, Садр-ад-дин подобно визиру Газана и Олджайту Са'д ад-Дину Саваджи был уроженцем города Сава (Sbwд, Персидский Ирак) (*Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Berlin, 1985. S.94).
113. «Берке присвоил себе из владений Кубилая ханские области и поставил над ними Сархада, сына брата своего Баджу, исповедовавшего христианскую веру. Хулаку убеждал его отречься от дяди своего Берке и присоединиться к брату его Кубилаю, занимавшему (главный) престол (обещая), что отведет ему хаканские области и все, что он захочет вместе с ними. Проведав об этом плане и (узнав), что Сархад замышляет извести его ядом, он умертвил его и поставил над хаканскими областями брата своего. Хулаку стал требовать возмездия за Сархада и произошла между ним (Хулаку) и Берке битва на реке Терек в (6)60 году (12.11. 1261 — 14.11.1262)» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 380).
114. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 99.

115. Рашид ад-Дин называет этого Карачара сыном Орду: «Ариг-Бука дал войско Джумкуру, старшему сыну Хулагу-хана, Карачару, сыну Орды, и с несколькими другими царевичами послал [их] войной на Кубилай-каана. В передовой рати каана были Йисункэ и Нарин-Кадан. Когда они встретились на земле..., то вступили в сражение, и войско Ариг-Буки было разбито; Джумкур и Карачар с небольшим числом [людей], убежав, ушли с поля битвы» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 159-160), в действительности же, имея в виду, что сыном Карачара назван Кутука (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 162), речь в данном случае должна идти о Карачаре — сыне двенадцатого сына Джучи Удура, тоже относившегося к числу «царевичей левой руки», владения которых находились в восточной части Улуса Джучи (*Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма. С. 189).
116. Рашид ад-Дин, следуя тезису о законности воцарения Хубилая, пишет: «Во время усобицы Арик-Бокэ с Кубилай-кааном, когда Джумукур пребывал в ставках Менгу-каана и Арик-Бокэ находился там, а Кубилай-каан был далеко, ему по необходимости пришлось стать на сторону Арик-Бокэ и сражаться с войсками Кубилай-каана ради Арик-Бокэ» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 19).
117. Пожалования содержатся в послании Хубилая Хулагу и Алгую, в котором, что примечательно, владения Берке вовсе не упоминаются: «От берегов Джейхуна до ворот Мисра войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведать и хорошо охранять, оспаривая славное имя наших предков. С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведает улусом и племенами Алгу, а с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 162).
118. Трудно согласиться с мнением, согласно которому «Великий хан Хубилай, явно желая спровоцировать Хулагу на борьбу с Джучидами, в 1263 г. выдал Хулагу-хану ярлык на земли от Амударьи до Сирии и Египта» (*Малышев А.Б.* Золотая Орда и Иран: политические, экономические и культурные связи // Нижнее Поволжье и Исламская республика Иран. Исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004. С. 75). Оно обязано невнимательному прочтению сообщения Рашид ад-Дина о подтверждении Хубилаем в 1264 г. после победы над Арик-Бугой границ владений Хулагу и посылке в помощь Хулагу трех туменов имперских войск (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 60; *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 75). Правильно дату сговора Хубилая с Хулагу — 1261 г. — дает А.А. Арсланова (Арсланова А.А. Причины войн Улуса Джучи с хулагуидским Ираном // Нижнее Поволжье и Исламская республика Иран. Исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004. С. 42). К этому же времени, ссылаясь на данные армянских и египетских источников, относит начало конфликта между Хулагу и Берке П. Джексон (*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire. P.187, 233). Согласно «Юань ши», официальные представители Хубилая были отправлены к Хулагу для наделения его полномочиями правителя земель от Аму-Дарьи до Сирии и Египта в 1262 г. (*Grupper S.M.* The Buddhist Sanctuary of Labnasagut and The Il-Qan Hьegь: An Overview of Il-Qanid Buddhism and Related Matters // AEMA. No.13. 2004. P.46, n.111). Точно так же — 1262 г. (711 г. армянского летоисчисления) датируется восшествие на престол Хулагу в летописи Даврижеци (Аракел Даврижеци. Книга историй. М., 1978 //).
119. Еще более резкую оценку действиям Хулагу предлагает И.Х. Камалов в недавно опубликованном исследовании, посвященном отношениям Золотой Орды с государством Хулагуидов. По его мнению, «стремление Берке на трон еще при Сартаке и Улакчи заставило его приступить к действиям раньше, чем Хулагу», однако «если Хулагу не поступил бы подло по отношению к войску Берке, которое участ-

вовало в военных действиях Великого хана на западе и при взятии Багдада, то войны можно было бы избежать» (*Камалов И.Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007. С. 40-41).

120. Рашид ад-Дин. Т.III. С. 54; Рашид ад-Дин. Т.II. С. 81.
121. Киракос, завершая рассказ об уничтожении джучидских военачальников и последовавших затем сражениях между Берке и Хулагу, сообщает: «И так воевали они друг с другом в течение пяти лет, начав в 710 (1261) году и до 715 (1266) года армянского летосчисления, собирая ежегодно войско и сталкиваясь друг с другом в зимнюю пору, ибо летом они [воевать] не могли из-за жары и разлива рек» (Киракос. С. 238). В 1261 г.
122. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 162.
123. *Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 239. Далее ал-Омари пишет, что послы Токты к Газану требовали возвращения Тебриза и Мараги, т.к. «войска предков наших завоевали их своими мечами; они принадлежат нам и мы имеем право на них по наследству; отдай нам наше законное» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 239).
124. Магакия. С. 31-32. Й. Хаммер-Пургшталь, излагая историю возникновения вражды между Хулагу и Берке, писал, что Балакан умер на пиру во время похода в Сирию (*Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Ilchane, das ist: der Mongolen in Persien. Band I. Darmstadt, 1842. S.216); источник данного утверждения не известен.
125. Киракос. С. 237.
126. Магакия. С. 32.
127. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82.
128. Участие Ногая в иранской кампании, разумеется, исключает его участие вместе с Бурундаем в европейском походе 1259-1260 гг., о чем сообщается в Густинской летописи (Ипатьевская летопись. Прибавление. С. 342; *Веселовский.* Ук. соч. С. 24).
129. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 74. В «Му'изз ал-ансаб» Илак-Тимур показан как сын Бик-Тимура сына Байнала (Му'изз ал-ансаб, 2005, С.42), однако, в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и в «Бахр ал-асрар» Илак-Тимур, как и у Рашид ад-Дина, тоже назван сыном Байнала (Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. С. 34; Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. С. 347).
130. *Boyle J.A.* The Mongol Commanders in Afghanistan and India According to the Tabaqat-i-Nasiri of Juzjani // The Mongol World Empire, 1206-1370, edited by John A. Boyle, Variorum Reprints, 1977. P.242-243.
131. Н.И.Веселовский, основываясь на сообщении арабских летописей, что причиной ухода части джучидских войск в Египет явился приказ Берке, развитие конфликта после смерти джучидских царевичей изложил так: «когда отряды трех царевичей Джучидов узнали о войне между их государями, они стремительно вышли из Персии; одна часть вернулась в свои жилища дербендскою дорогою; другая, более многочисленная, под начальством двух полководцев, Негудара и Онгуджия, прошла через Хорасан, преследуемая отрядами Гулагу, и направилась на овладение Газной и другими странами, соседними с Индом» (*Веселовский.* Ук. соч. С. 12-13). Это, видимо, верно в отношении немногочисленных джучидских отрядов, находившихся в Сирии и не имевших другого пути к спасению, кроме ухода в Египет, вместе с тем, представляется сомнительным, чтобы джучидские войска в массе все еще находились в Иране в то время как между Берке и Хулагу уже начались военные действия. Дж.Бойл датировал бегство корпуса Никудера в Афганистан 1262 г. (*Boyle J.A.* The Mongol Commanders. P.242-243); П.Джексон, ссылаясь на известия Сайфи, пишет, что Никудер находился в Афганистане, когда в

1262 г. к нему присоединились бежавшие из Ирана джучидские отряды (*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire. P.239).

132. Тизенгаузен В.Г. Т.I. С. 118, 551.
133. Арапов А.В. Никудерийская орда как фактор чагатайской истории (1270-1330-е гг.).
134. *Jackson*. The Dissolution of the Mongol Empire. P.244.
135. *Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 100-101, 164-165, 429-432.
136. *Halperin Ch*. The Kipchak Connection: The Ilkhans, the Mamluks, and Ayn Jalut // BSOAS. Vol.63. 2000. P.244.
137. Рашид ад-Дин. Т.III. С. 61-62.
138. Возрожденным Белой IV в 1257 г. Трансильванским герцогством в это время управлял *бан* Эрни Акош; ему удалось отразить монгольское нападение в южной Трансильвании (*Сэлэджан Т.* Румынское общество в раннем средневековье (IX-XIV вв.) // История Румынии. Координаторы: И.-А. Поп, И. Болован. М., 2005. С. 157-158).
139. *Mailath J.G.* Geschichte der Magyaren. Wien, 1828. S.210; *Huc É.R.* Christianity in China, Tartary and Thibet. Vol.1. London, 1857. P.256; *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century: Part 2. The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Div.1. London, 1880. P.110; *Sinor D.* The Mongols in the West; *Jackson P.* The Mongols and the West. P.123-124.
140. Вторжение золотоордынских войск в Южную Польшу началось в ноябре 1259 г. Монголы прошли через Люблин и Завихост, пересекли Вислу и в январе 1260 г. захватили Сандомир. После этого продвинулись к Кракову и, хотя не смогли взять цитадель, дотла сожгли город и разорили округу. В марте 1260 г. Бурундай увел войска в Юго-Западную Русь (*Swietoslawski W.* Archeologiczne slady najazdow tatarskich na Europe Srodkowa w XIII w. Lodz, 1997. S.20-21, 125).
141. Карпини несколько раз упоминает о Курумиши в своем отчете, называя его Коренца. Первый раз — при перечислении монгольских вождей, которые «остались в своей земле, а именно: Менгу, Коктен, Хиренен, Хубилай, Сиремум, Синокур, Фуатемур, Карахай, старец Сибедей, который у них называется воином, Бора, Берка, Мауци, Коренца, но это самый младший среди других». Далее Карпини поясняет о Коренце, что «этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы слышали, этот вождь имеет под своей властью шестьдесят тысяч вооруженных людей» (Карпини. С. 40, 60). О вариантах имени этого Джучида в разных источниках см.: *Султанов Т.И.* Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 220; об упоминаниях в русских летописях см.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 61, прим.93. Имя Курумиши еще раз появляется на страницах летописей в связи с борьбой Ногая и Токты. Бейбарс ал-Мансури рассказывает, что в 698 г.х. сыновьями Ногая были убиты Абаджи и Караджин, вознамерившиеся перейти на сторону Токты: «Это были сыновья Курмыши. Их было всего три брата, принадлежавших в числу старших военачальников и командовавшие тьмами в Северных областях. Они были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска, согласились с ним воевать против Токты, тревожили (?) его вместе с ним (Ногаем) и помогали ему против него (Токты)» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 112-113). Из слов Бейбарса ал-Мансури следует, что Абаджи, Караджин и Янджи были Чингизидами, поэтому весьма вероятно, что это сыновья Курумиши, сына Орду, тем более что союз принцев из клана Ордуидов с Ногаем в его борьбе

против Токты представляется вполне естественным. Правда, согласно Рашид ад-Дину, «этот Курумиши сыновей не имеет, и жены его не известны» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 70), но, с другой стороны, не известны и другие потомки Джучи с именем Курумиши.

142. Предположение о том, что Берке поставил на место Куремсы того самого Бурундая, чье имя появлялось на страницах летописей в связи с завоеванием Руси, принадлежит Й. Хаммеру-Пургшталю (*Hammer-Purgstall J. von*. Geschichte der Goldenen Horde. S.153).
143. Утемиш-хаджи. С. 94-96.
144. Абу-л-Гази. С. 162. В другом месте «Родословного дерева тюрков» Абу-л-Гази помещает Корел в список стран и народов, завоеванных Бату в западном походе — маджары, башкурды, Русь, Корела, немцы (Абу-л-Гази. С. 151).
145. *Ахмедов Б.А.* От ответственного редактора // Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 9.
146. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 45.
147. *Абусеитова М.Х.* Комментарии и примечания // Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 43-44.
148. *Руссев Н.Д.* О западных пределах Золотой Орды // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 34. О стране «Караулаг» и народе «улаг» Рашид ад-Дин говорит, описывая наступление монголов в 1241 г.: «Бучек, через Караулаг пройдя тамошние горы, разбил те племена [Кара]улага, оттуда через лес и гору Баякбук, вступил в пределы Мишлява и разбил врагов...» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 45). Термин *Караулаг* исследователи считают тюркским эквивалентом (тождественным византийскому *Мавровлахия*) названия *Черная Валахия*, относившегося к территории Молдавии.
149. *Руссев*. Ук. соч.; *Фоменко.* Ук. соч. С. 133.
150. О механическом сведении в сочинении Рашид ад-Дина разных источников, повествующих о западном походе, см.: Березин И. Ук. соч. С. 83.
151. *Березин.* Ук. соч. С. 83, *Pelliot.* Op. cit. P.115-132; *Бойл.* Ук. соч. С. 589; *Зуев Ю.А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 77; *Ахмедов Б.А.* От ответственного редактора. С. 8; *Jackson P.* The Mongols and the West. P.58, 75) «Слово «келер» (KLAR), как и «Keler» в Сокровенном сказании (§§262 и 270), есть искаженное венгерское *király* — «король», т.е. наименование правителя в данном случае переносится на его народ», — пишет Дж. Бойл, ссылаясь на исследование П. Пеллио (*Бойл.* Ук. соч. С. 589). Автор «Родословия тюрков» пишет, что после окончания войны с народами Руси, Кипчака и Алана монголы приступили к завоеванию стран «Kulah» и «Bashkur»; жители этих стран по причине близости от городов Франков были христианами (Shajrat ul Atrak. P.226).
152. *Почекаев.* Ук. соч. С. 157.
153. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Ученые записки Мордовского госуниверситета. Вып.XI. Саранск, 1960. С. 30. Эти интерпретации термина «Корол» опираются в том числе и на то обстоятельство, что Карпини и Бенедикт Поляк в перечне земель, завоеванных монголами, страну или народ «Корола» называют вслед за «Билеры, то есть великая Булгария» (*Карпини.* С. 51; Христианский мир. С. 114). При этом не учитывается, что, во-первых, географическая упорядоченность списка весьма относительна, во-вторых, список составлен на основе информации, которая была получена от монголов и в которой легко смешивались

родственные народы Урало-Поволжья и Балкан, в-третьих, в отдельном описании народов, живших вдоль пути, проделанного францисканской миссией на восток, упоминаются «Билеры», «Баскарты» и т.д., но не упоминаются «Корола» (*Карпини*. С. 63). См. также разъяснения А.Г.Юрченко (Христианский мир. С. 244-249) и А.И.Малеина (*Карпини*. С. 193, прим.136).

154. *Эвлия Челеби*. Походы с татарами. С. 30-32.
155. Там же. С. 197, прим.80-81.
156. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). Симферополь, 1999. С. 56, 66, 73, 75, 226. Не лишено интереса, что целью всех вторжений золотоордынцев на польскую территорию во второй половине XIII в. (1259-1260, 1280, 1287-1288, 1293 гг.) был центр Малой Польши — Краков (*Swietoslawski*. Op. cit. S.20-23, 125).
157. Абу-л-Гази. С. 152.
158. У Махмуда б.Вали сюжет, в котором упоминаются владения Бахадура, изложен иначе: Бахадур после смерти Шибана «стал главенствовать над элем и улусом. Повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда». В том, что это было не просто рутинное утверждение в правах владетелей, совершаемое по обычаю верховным правителем при вступлении на престол, убеждает помещенное здесь же сообщение о передаче Крыма Уран-Тимуру (Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. С. 347). В литературе информация Абу-л-Гази и Махмуда б.Вали иногда комментируется как указание на передачу Бахадуру власти над Улусом Ордуидов — Белой Ордой (*Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. С. 35, 163). Между тем, совершенно ясно, что под названием «Белая Орда» у Абу-л-Гази не может выступать юрт Ордуидов, ибо он именно восточные области Дашт-и Кыпчака, в которых ранее находилась ставка Джучи, а потом выделенные Орду-Ичэну, называет Синей Ордой (Абу-л-Гази. С. 151, 159).
159. Анализ источников показывает, что назначением Бату главою Джучидов в обход Орду центральная власть приобрела действенное средство против попыток суверенизации джучидских владений. Примером использования лидерских амбиций Орду может служить ситуация на курултае 1246 г.: в то время как Бату категорически противился избранию Гуюка, Орду своим авторитетом старейшего среди Чингизидов освящал воцарение врага своего младшего брата.
160. Карпини отмечает, что Коренца кочевал вдоль Днепра «со стороны Руссии», а с другой стороны Днепра — Мауци, «который выше Коренцы» (Карпини. С. 61). В Мауци М.Г. Сафаргалиев видел Мувала — деда Ногая (*Сафаргалиев*. Ук. соч. С. 42).
161. *Костюков В.П.* «...Там пребывает Шибан, брат Бату» // Челябинск неизвестный. Вып. 3. Челябинск, 2002.
162. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 83.
163. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Том 1. Царствование Михаила Палеолога (1255-1282). Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004. С. 217-218.
164. *Руссев Н.Д.* Молдавия в «Темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum plus. №5.1999. Собственно ногаи переселились сюда, главным образом, после захвата Османской империей южной части прута-днестровского междуречья и северо-восточной Валахии в 1539-40 гг. (*Дрон И.В.* К вопросу о периодизации тюркско-молдавских взаимосвязей // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983. С. 105; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 449-451).

165. *Тизенгаузен*. Т.I. С. 537.
166. «Пятый сын Жошы-хана — Шибан. У него было двенадцать сыновей — Бахадур, Байнал, Кадак, Балка, Шерик, Нуркен, Кортка, Аяшы, Сеилхан, Баянжар, Коншы, Мажар. По всей видимости, это его, Бахадура, прозвали впоследствии Ногай-ханом» (Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990. С. 98).
167. В повествовании о Хулагу-хане Рашид ад-Дин пишет: «Когда с родственниками его [Беркея] Тутаром, Булгаем и Кули произошло событие, между ними появилась и изо дня в день росли вражда и ненависть. ...И он послал в передовой рати Нокая, который был его полководцем и родственником Тутара, с тридцатью тысячами всадников отомстить за его кровь» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 59). Этот же мотив он указывает при описании нападения золотоордынцев в начале правления Абаги: «...и в другой раз Нокай со стороны Дербента двинулся с полным войском отомстить за кровь Тутара» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 68).
168. Следует отметить, что если сородичи погибших Тутара и Балакана многие годы посвятили борьбе с Хулагу и его преемниками, то отношения, установившиеся между родственниками Кули и Хулагуидами, были, по меньшей мере, не враждебными. Причин тому можно найти несколько. Во-первых, сохранение родственных связей между Ордуидами и Ильханатом, о которых сообщает Рашид ад-Дин, вряд ли было бы возможным, если бы на Хулагуидах была кровь Кули. Во-вторых, Хулагу пощадил Мигана и других сыновей Кули. В частности, о четвертом сыне Кули, Аячи, Рашид ад-Дин рассказывает: «Этот приехал сюда в детстве, а во времена Абака-хана он находился в Хорасане при Аргун-хане. После его воспитания и оказания ему милостей из дружеского расположения и для пользы дела его отправили вместе с сыном обратно» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 70). Милосердие к юным Ордуидам, вероятно, объясняется тем, что женой старшего сына Орду, Сартактая, матерью будущего правителя улуса Куинджи была Худжиян, сестра Кутуй-хатун, одной из самых влиятельных жен Хулагу (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 67). В-третьих, Хулагу, если верить Рашид ад-Дину, воздержался от крутых мер против войска, приведенного в Иран Кули: те джучидские отряды, которые «вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура», не подвергались атакам, но «Ункуджене, из эмиров Хулагу, шел за ними по пятам» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82). Здесь, правда, следует заметить, что пасторально благостной, обеляющей Хулагу картине, нарисованной Рашид ад-Дином, противоречит информация Сайфи. Последний рассказывает, что Никудер пребывал в Афганистане, когда к нему присоединились беглецы из Западного Ирана. Близ Бини-Гау джучидский корпус был настигнут и разбит войсками сына Хулагу Тубшина и гератского правителя Шамс ад-Дина Курта. От полного разгрома Никудера спас малик Тадж ад-Дин, которому Никудер в 1261 г. помог отнять у Курта крепость Мастунг (*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire. P.239). Наконец, в-четвертых, Ордуиды все же получили профит за участие в иранской кампании — те территории «от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура», на которых расположилась орда Никудера. Правда, несмотря на то, что арабские летописцы, начиная с Бейбарса ал-Мансури и ан-Нувайри, приписывали главе Ордуидов титул «*малик* Газны и Бамиана» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 118, 551), реальное управление этой областью Ордуидами сомнительно. Свои права на нее и соседние территории предъявляли и Чагатаиды, и Хулагуиды. В 1270 г. Борак заявил сыну Хулагу Тубшину: «Луга Бадгиса были пастбищами отцов и дедов наших от Газни до берегов Синда. Ты должен очистить Бадгис...», на что извещенный о претензиях Борака Абага отвечал: «Это владение перешло ко мне по за-

вещанию моего славного отца и составляет нашу инджу. Ныне мы держим его мечом» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 72). До середины 90-х гг. XIII в. орда Никудера оставалась вассалом Ильханидов (что не мешало никудерцам время от времени совершать опустошительные набеги во владения ильханов, проникая вплоть до Шираза (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 91-92)), затем подчинилась Дуве, и ее земли вновь надолго превратились в объект борьбы между Хулагуидами и Чагатаидами. Впрочем, не исключено, что Ордуиды получали какую-то часть доходов либо с формально принадлежавшей им области Газны и Бамиана, либо с других территорий, подвластных Хулагуидам. Известно, например, что прибывший зимой 1266-67 г. в Иран от Хайду и Борака Масуд-бек «просил учинить расчет по их владениям инджу», и в течение недели доля этих формально мятежных, не подчинявшихся Хубилаю царевичей в доходах с земель Ильханата была рассчитана (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 68).

169. Имя седьмого сына Джучи в разных источниках записано различно: Бувал, Букал, Тевал, Могол, Мовал, Мувал.
170. В некоторых исследованиях и поныне повторяется точка зрения Н.И.Веселовского, отрицающая тожественность воевавшего в Иране Тутара и отца Ногая, Татара. Тем самым ставится под сомнение мотив кровной мести в участии Ногая в войнах против Ильханов (*Веселовский*. Ук. соч. С. 2). Действительно, Рашид ад-Дин дает разные родословия Ногая и Тутара. В одном месте повествования о Джучи и его потомках он показывает Ногая единственным сыном Татара, первого сына Бувала (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 75), в другом называет Тутара сыном Мингкадара сына Бувала (при этом в поименном списке девяти сыновей Мингкадара нет никого с таким именем) (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 81), а Ногая причисляет к Ордуидам: «Полководцем Берке был Нокай, сын Джарука сына Тумакана сына Кули». В последнем случае в некоторых списках «Сборника летописей» вместо Джарука указан Тутар, старший сын «царевича Букала» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82). Тутара отцом Ногая называет Рашид ад-Дин и в повествовании о Газан-хане (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 169). В «Му'изз ал-ансаб» ясно указывается, что Ногай был сыном Татара, первого сына Бувала, что это именно тот Татар, который был послан в Иран и был казнен Хулагу, и что «это стало причиной вражды и противостояния между Хулагу-ханом и Берке-ханом» (Му'изз ал-ансаб. С. 43). Версия Рашид ад-Дина о принадлежности Ногая клану Ордуидов, на мой взгляд, послужила источником для известного пассажа Натанзи об утверждении правого крыла Улуса Джучи за потомками Токтая (султанами Кок-Орды), а левого крыла — за потомками Ногая (султанами Ак-Орды). Ногая Натанзи называет сыном Кули, сына Орду (*Султанов Т.И.* Род Шибана. С. 265).
171. По Вассафу, первое сражение между Берке и Хулагу произошло зимой 662 г.х. (4.11.1263 — 23.10.1264) (*Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 81).
172. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82.
173. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. С. 163.
174. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82.
175. Рашид ад-Дин. Т.III. С. 118.
176. Там же. С. 124-125.
177. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 92.
178. Shajrat ul Atrak. P.263.
179. Время правления Тюля-Буки, Кунчека, Алгуя и Тогрыла — 1287-1291 гг. Б. Шпулер, ссылаясь на венское издание «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, отнес первое вторжение «примерно» к 1286 г. (*Spuler*. Op. cit. S.75), т.е к царствованию Туда-Менгу, что представляется маловероятным.

180. Нумуган, четвертый сын Хубилая, согласно сообщению Рашид ад-Дина, был захвачен в 1268 г. во время военных действий против Хайду своими двоюродными братьями и передан Менгу-Тимуру. Вместе с ним к Менгу-Тимуру отправили его брата Кокеджу; а арестованный главнокомандующий Ан Тонг (у Рашид ад-Дина — Хантун-нойон) был отправлен к Хайду) (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 169). М.Биран, ссылаясь на китайскую традицию освещения пленения Нумугана, считает, что он был арестован восставшими принцами осенью 1276 г. (Biran M. Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia. London, 1997. P.39-40). Согласно «Юань ши», Нумуган после освобождения прибыл в Ханбалык 26 марта 1284 г. (*Jackson P.* The Mongols and the West. P.221).
181. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 171.
182. Текудер был мусульманином и правил под именем Ахмад, мусульманином же был и Туда-Менгу. Это обстоятельство должно было снять конфессиональный барьер между руководителями западных монгольских улусов и ослабить союз Золотой Орды и Египта. Мирные отношения Туда-Менгу и Ахмада свидетельствуются тем, что они совместно пытались перестроить отношения своих улусов с Египтом и отправили в 682 г.х. (1.04.1283 — 19.03.1284) к султану Калауну маулану Кутб ад-Дина Ширази (Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс. Баку, 1984. С. 93), а также тем, что Ахмад, потерпев поражение от Аргуна, пытался бежать в Дербент (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 110).
183. *Jackson P.* The Mongols and the West. P.198.
184. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 67.
185. *Allsen Th.T.* The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the ulus of Orda in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries. Archivum Eurasiae medii aevi. No.5.1987. P.21.
186. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 86-87.
187. Сомнение вызывает, прежде всего, утверждение о начале «дружбы и единения» со времен Абаги. Абага умер в том же году, что и Менгу-Тимур, а в правление последнего Ногай, по всей видимости, еще не обладал самостоятельностью, достаточной для установления прямых отношений с Ильханатом. Предложение Ногая своей дружбы Абаге маловероятно еще и потому, что отношения между Ильханатом и Улусом Джучи в протяжение почти всего правления Менгу-Тимура оставались враждебными: «Он [Менгу-Тимур — *В.К.*] тоже долгое время противился Абага-хану, и они несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце концов они в году..., в силу крайней необходимости заключили мир...» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 82). Судя по некоторым данным, сразу же после смерти Берке Толуиды предложили Джучидам примириться и восстановить союз. Конечно, учитывая серьезность претензий, предъявляемых Толуидам Менгу-Тимуром, Хайду и Бораком, перспективы установления прочного мира в империи в то время были слабыми, тем не менее какие-то контакты все же состоялись. Свидетельством начала перемен в отношениях между домами Толуя и Джучи может служить датируемое 1268 г. письмо Абаги к Бейбарсу, в котором сообщается о счастливом обретении Чингизидами единства и согласия. Другой факт из этого же ряда зафиксирован в «Юань ши» — обмен мнениями между Хубилаем и Менгу-Тимуром относительно совместных действий против Хайду (*Biran.* Op. cit. P.29-30). У Рашид ад-Дина есть упоминание о посольстве Менгу-Тимура в Ильханат в 1270 г. Повод к нему был вполне благопристойный: гонцы Менгу-Тимура прибыли на официальную интронизацию Абаги, которой он дожидался пять лет, и заодно поздравили его с победой над Бораком, чья неуемная агрессивность изрядно досаждала всем соседям Чагатайского Улуса (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 86).

Впрочем, для Абаги, вероятно, не было секретом, кто именно потрудился натравить Барака на Ильханат (*Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260-1281. Cambridge University Press, 1995. P. 89; *Biran*. Op. cit. P. 27), и золотоордынским посланникам не было дано получить от Абаги приемлемые уступки. Что это так, следует из рассказа Ибн ал-Фурата о мамлюкском посольстве в Иран и золотоордынском посольстве в Египет 670 г.х. (1271-1272), в котором свидетельствуется сохранение напряженности и недоверия в отношениях Ильханата и Золотой Орды (*Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 360). Прямое указание на отсутствие в то время мира между Абагой и Менгу-Тимуром есть в летописях аз-Захаби и Ибн Касира: «В 669 году (20 августа 1270 — 8 августа 1271 г.) прибыла к нему (султану Египетскому в Аскалоне) радостная весть, что Менгутемир разбил войско Абаги» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 205, 276). Равно и в сочинении Ибн ад-Давадари сообщается, что посольство Менгу-Тимура 670 г.х. доставило письмо с просьбой, «чтобы им оказали помощь в истреблении следов рода Хулавуна», а под 679 г.х. (1280-1281) отмечено получение известия о том, «что дети брата ал-малика Берке неожиданно пришли к татарам Абага, захватили их дома, дважды их разбивали» (Из «Канз ад-дурар» Ибн ад-Давадари // История Казахстана в арабских источниках. Т.III. Алматы, 2006. С. 95-96); о приходе большого войска в Иран из Дешт-и-Хазара в 678 г.х. сообщает Казвини (*Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 92). Состояние враждебности между Ильханатом и Золотой Ордой в эпоху Абаги и Менгу-Тимура констатирует Вассаф: «...после смерти Берке-огула, сын его, Менгу-Тимур, заступивший место его, разостлал с Абака-ханом ковер старинной вражды. ...Эта вражда была постоянною и продолжительною, а избегание между обеими сторонами продолжалось до времени царствования Гейхату-хана. Когда Токтай сделался наследником царства Менгу-Тимура, то, путем неоднократного приезда послов и частых сношений, (снова) был открыт путь торговцам и ортакам и изготовлены средства для безопасности и спокойствия странствующих» (*Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 82).

Сомнительно также, что Ногай породнился с Абагой, женив своего младшего сына на дочери Абаги. В разделе о Хулагу и его потомках, в котором отношения Ильханата с соседями излагаются, как правило, более обстоятельно, женитьба Тури на дочери Абаги не упоминается, зато в «памятке о сыновьях, дочерях и зятьях Абага-хана» отмечено, что одна из семи его дочерей была женой эмира Тугана, сына темника Нокая-яргучи из рода баяут (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 65). В этом же разделе сообщается, что миссия жены Ногая и сына его Тури действительно имела место, но приезжали они не к Абаге, а к Газану, в 1296 г. «В том же году между Токтаем, государем Кипчакского улуса, и Нокаем, сыном Тутара, случилась война. Нокай был убит, и люди его разбежались. Чопай-хатун, жена Нокая, и Турай, его младший сын, явились на служение к государю ислама и просили помощи для отмщения за кровь Нокая. Государь ислама по доброте [своей] их ублажал и старался утишить их гнев» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 169). Указанная дата заставляет видеть в «явлении на служение» Чопай-хатун и Турая посольство от самого Ногая с просьбой о помощи против Токты и, возможно, с предложением закрепить союз брачными узами.

188. Г.В. Вернадский считал, что в правление Менгу-Тимура в компетенции Ногая было ведение дел с западными соседями Золотой Орды, в то время как для себя Менгу-Тимур оставил отношения с Русью и Ильханатом; по мнению исследователя, благодаря тому, что Менгу-Тимур не был мусульманином, а также благодаря давлению Хубилая на Абагу и Менгу-Тимура, Ильханат и Золотая Орда в 668 г.х. (1269-1270) заключили мирный договор (*Вернадский Г.В.* Монголы и Русь.

Тверь, М., 1997. С. 172). Однако те сообщения из сочинений Шафи, сына Али, и Ибн ал-Фурата, на которые ссылался Г.В. Вернадский, не дают оснований для вывода о достижении мира между Толуидами и Джучидами. Наоборот, рассказ Ибн ал-Фурата о мамлюкском посольстве 670 г.х. (1271-1272) в Иран и золотоордынском посольстве в Египет свидетельствует о сохранении напряженности и недоверия в отношениях Ильханата и Золотой Орды (*Тизенгаузен*. Т.I. С. 360). В летописях аз-Захаби и Ибн Касира есть прямое указание на отсутствие в это время мира между Абагой и Менгу-Тимуром: «В 669 году (20.08.1270 — 8.08.1271) прибыла к нему (султану Египетскому в Аскалоне) радостная весть, что Менгутемир разбил войско Абаги» (*Тизенгаузен*. Т.I. С. 205, 276); в сочинении Ибн ад-Давадари сообщается, что посольство Менгу-Тимура 670 г.х. (1271-1272) доставило письмо с просьбой, «чтобы им оказали помощь в истреблении следов рода Хулавуна», а под 679 г.х. (1280-1281) отмечено получение известия о том, «что дети брата ал-малика Берке неожиданно пришли к татарам Абага, захватили их дома, дважды их разбивали» (ад-Давадари. С. 95-96). Сохранение враждебности в отношениях между Ильханатом и Золотой Ордой в эпоху Абаги и Менгу-Тимура констатирует Вассаф: «...после смерти Берке-огула, сын его, Менгу-Тимур, заступивший место его, разостлал с Абака-ханом ковер старинной вражды. ...Эта вражда была постоянною и продолжительною, а избегание между обеими сторонами продолжалось до времени царствования Гейхату-хана. Когда Токтай сделался наследником царства Менгу-Тимура, то, путем неоднократного приезда послов и частых сношений, (снова) был открыт путь торговцам и ортакам и изготовлены средства для безопасности и спокойствия странствующих» (*Тизенгаузен*. Т.II. С. 82).

189. «7 числа месяца раби'-ал-авваль [11 IV] от улуса Нокая приехали гонцы на берег Джуй-и нов и доставили шариль. У идолопоклонников такое [поверье] есть: когда сжигали Шакьямуни-бурхана, его пишдиль, кость прозрачная, подобно стеклянному шарику, не сгорел. Мнение у них такое: если кого-либо, кто достиг высокого положения, подобно Шакьямуни-бурхану, будут сжигать, шариль его не сгорит. Короче говоря, когда его [шариль] везли, Аргун-хан вышел навстречу, его осыпали деньгами, ликовали и несколько дней предавались пиршествам и увеселениям.» (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 117-118).

190. Большая часть монголов в Ильханате, по крайней мере, внешне исповедовала буддизм, а для монгольской аристократии принадлежность буддийской конфессии была, можно сказать, правилом, хотя определенной популярностью пользовалось также несторианство. Буддистами были Хулагу, Абага, Аргун, Гейхату, Байду; христианами в молодости были Текудер и Олджайту. Когда Текудера, сменившего первоначальное христианство на ислам, в 1282 г. избрали ханом, буддизм в Ильханате подвергся притеснениям. На его защиту встал Хубилай, пригрозивший прибегнуть к силе, если преследования буддистов будут продолжаться. «Великим искусником на поприще бахшиев» был получивший буддийское воспитание Газан, но в ходе борьбы с Байду он, вместе со своими сторонниками, по настоянию эмира Науруза принял ислам. Это было первым шагом Газана в его политике освобождения Ильханата от власти Ханбалыка. В 1295-96 гг. буддийские храмы были разрушены или превращены в мечети, а ламам было предложено либо перейти в ислам, либо покинуть Иран. Тем не менее, буддийское влияние не исчезло полностью, так что после смерти Газана еще была сделана попытка вернуть его преемника Олджайту в лоно буддизма (*Spuler*. Op. cit. S.149-159).

191. *Костюков В.П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

192. Ногай выдал свою дочь замуж за сына эмира Салджидая. Женою Салджидая была Келмиш-ака (или Беклемиш-ака). Родители Келмиш-ака — третий сын Толуя Хутухту (или Кутукту) и дочь найманского Кучлук-хана Лингкум-хатун. По свидетельству Рашид ад-Дина, Келмиш-ака, «так как она [сама] из рода Толуй-хана, то всегда дружила и дружит с его потомками, постоянно посылает [к ним] послов и извещает и уведомляет [их] о происшествиях, которые случаются в том государстве. Ее стараниями были укреплены основы дружбы между Токтаем и другими [царевичами] рода Тулуй-хана, она препятствовала смуте и вражде. Когда сына Кубилай-кана Нумугана его двоюродные братья, замыслив злое дело и соединившись в злобе, захватили и отослали к Менгу-Тимуру, бывшему в то время государем Джучиева улуса, Келмыш-ака проявила старания, чтобы его в сопровождении некоторых царевичей и старших эмиров с полным почетом и честью отослали к его отцу» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 104). В другом месте Рашид ад-Дин пишет, что «Токтай появился на свет от Олджай-хатун, дочери Беклемиш-ака, сестры Менгу-каана, которая была супругой Салджидай-гургэна» (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 73), в третьем называет Олджай-хатун, мать Токтая, внучкой Келмиш-ака-хатун (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 83), но последнее маловероятно. Надо полагать, Келмиш-ака была бабушкой Токтая по матери, а Салджидай, соответственно, дедушкой. Эмир Салджидай вместе с Эбугэн-гургэном, приезжавшим в Иран в качестве посла Токтая (Рашид ад-Дин. Т.I. Кн.1. С. 162), владел «всем войском [племени] кунгират, [состоящим из] пяти тысяч» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.2. М.-Л., 1952. С. 271). Рашид ад-Дин называет Салджидая и причиной возвышения Токтая «с помощью Ногая», и причиной «тех ужасных раздоров», что возникли между Токтаем и Ногаем (Рашид ад-Дин. Т.II. С. 104-105).

193. См., напр.: *Hammer-Purgstall J. von*. Geschichte der Ilchane. S. 376; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 17; *Мыськов*. Ук. соч. С. 64.

194. «...В рамазане 687 г. (29.09. — 28.10.1288) снова от них (золотоордынцев) пришло громадное войско, предводителями которого (были) Тама-Токта и Ногай. Аргун-хан (в то время) с зимовья в Арране и Мугане направлялся на летовье. Услышав весть о прибытии их, он вернулся и в авангарде отправил великих эмиров Тогачара и Кунджукбала с войском. Они сразились; из предводителей войска их (золотоордынцев) убили Булуртая и многих их воинов. Враги обратились в бегство и вернулись обратно». В примечании к имени *Ногай* поясняется, что в рукописи А здесь написано *Бука*, а в издании Э. Блоше есть только имя *Нама-Токтай* (*Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 68). У Й. Хаммера-Пургшталя единоличным руководителем этого набега назван Ногай, а отправителем посольства с буддийскими дарами — тогдашний фаворит Аргуна эмир Бука (*Hammer-Purgstall J.* von. Geschichte der Ilchane. S. 375).

195. Поскольку начальные буквы имен Ногай (Нукай) и Бука (Букай) различаются только положением диакритических точек, ошибки ожидаемы, и источники дают тому подтверждение. Так, автор «Родословия тюрок», сомневаясь в правильном написании имени Арик-Буги, пишет «*Арик Нока* или *Бока*» (Shajrat ul Atrak. P.215), а Хондемир, рассказывая о войне 1265 г. между Берке и Абагой, Ногая называет Букой: «в начале царствования Абака-хана, Береке-хан, с бесчисленным войском послал царевича Буку через Дербент» (Гордин В. А. Братская любовь, шемякин суд, и кто напишет историю. I //). Однако, по меньшей мере, в одном случае эти имена стоят в источнике, по существу, рядом: автор «Му'изз ал-ансаб», перечисляя потомков сына Джучи Беркечара, сообщает, что внук Беркечара Биликчи — «тот, у которого Тукта искал убежища. Затем при помощи его войск и

Букы взошел на трон», а в описании ветви Бувала отмечает, что «Нукай ...содействовал в воцарении Туктайа» (Му'изз ал-ансаб. С. 42-43). Это позволяет считать Буку реальным персонажем золотоордынской истории второй половины XIII в. Среди потомков Джучи нет никого с именем Бука, но у нескольких огланов были составные имена, включавшие элемент «Бука» (тюрк. *Buqa* — «бык»; монг. *Boke* — «борец; сильный»). Наиболее вероятно, что в данном случае имеется в виду внук Шибана Джучи-Бука, которого «Му'изз ал-ансаб» именует Бука-Джуджи (Му'изз ал-ансаб. С. 42). В пользу отождествления Буки с Джучи-Букой можно привести уже упоминавшееся выше известие Махмуда б.Вали о Джучи-Буке как начальнике авангарда войска Менгу-Тимура в войне с Ильханатом.

196. Г. Ховорс неправильно отождествил описанный Рашид ад-Дином набег 1290 г. и рассказанную ан-Нувейри историю похода Тюля-Буки и Ногая в Краковскую землю (*Howorth*. Op. cit. P.139-140).
197. Среди руководителей набега 1290 г. Рашид ад-Дин называет также Абачи, Менгли-Буку сына Менгу-Тимура, Йекече и его брата, Боролтая, Кадая Чериктая. Абачи — второй сын Менгу-Тимура. Судьба его неизвестна: он не упомянут ни среди тех сыновей Менгу-Тимура, что были казнены с Тюля-Букой, ни среди тех, которые вместе со своим братом Токтой «были расположены» к Ногаю. Как сын Менгу-Тимура указан Менгли-Бука, хотя в родословии Батуидов у Менгу-Тимура сына с таким именем нет.
198. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 74. В «Му'изз ал-ансаб» Тама-Токтай показан не сыном, а внуком Балакана; его отцом назван Тукан, по Рашид ад-Дину, бывший братом Токтая: «Балака (его сын — Тукан, его сыновья — Бури, Туктай, его прозвали Тукта-Тама. А его дети — Саукан, Кунчак (его сын — Инна-хаджа), Джабука, Бакирча, Таш-Тимур, Таш-Бука) (Му'изз ал-ансаб. С. 43). В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» информация о потомстве Балакана ближе к версии Рашид ад-Дина: «Отдел Балака, сына Шабана, сына Йоджи-хана. Сыновья этого Балака — Токта, Тукан, Тури. Сыновья Токты — эти: Бакырджа, Кончак. Его [Кончака] сын — Иса-Ходжа. От других [сыновей Токты] потомства не осталось» (Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. С. 37).
199. Другой пример, чтобы какой-нибудь военачальник, кроме Муртад-Токты, именовался Тама, мне не известен. Возможно, войско Токты демонстративно определялось как *тама* — точно так же, как войско его отца. Тем самым подчеркивалось, что целью Тама-Токты являлось установление контроля над территориями, по первоначальному соглашению отведенными Джучидам.
200. Здесь ясно видно испорченное *Балага*.
201. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 85.
202. Рашид ад-Дин. Т.II. С. 87.
203. Вместе с тем, выступив с войском в сентябре 1300 г. из Тебриза в поход на Сирию, Газан очевидно, получил известие о поражении и смерти Ногая и, не будучи уверенным в миролюбии Токты, приказал эмиру Нурин-аге вернуться и расположиться в Арране (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 186).
204. *Тизенгаузен В.Г.* Т.I. С. 113.
205. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 102.
206. *Веселовский*. Ук. соч. С. 48. Н.И.Веселовский, по всей видимости, полагал при этом, что Бейбарс ал-Мансури имел здесь в виду самого хана Токту, а не шибанидского принца.
207. Муртада — «избранник, любимец» (*Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 169). В «Сборнике летописей» упоминается эмир Газан-хана по имени Муртад (Рашид ад-Дин. Т.III. С. 183).

208. *Горский А.А.* Ногай и Русь // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 145-147.
209. *Тизенгаузен В.Г.* Т.II. С. 82-84.
210. *Allsen Th.T.* The Princes of the Left Hand. P.21.

"IRON DOGS" OF BATUIDS (SHIBAN AND HIS DESCENDANTS IN WARS OF THE 13th CENTURY)

V.P. Kostjukov

The article is an essay of participation of Shiban and his descendants in the foreign and interior wars of the Mongol Empire in the 13th century. Faithful service to Batuids and strengthening of Golden Horde allow Shibanids to pretend to the throne during dynastic crisis of 1360–1370.

Keywords: Mongols, Uzbek, Islam.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2009

И.А. Толчев

РЕЛИГИОЦЕНТРИСТСКИЙ АСПЕКТ В СОЧИНЕНИЯХ ИВАНА ГРОЗНОГО (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ КУРБСКОМУ)

Статья посвящена изучению литературного наследия Ивана IV. Важность обращения к трудам первого русского самодержца заключается в том, что с их помощью открывается возможность лучше понять мировоззрение автора, его отношение к событиям и явлениям реальной жизни. С этой целью анализируются некоторые особенности стиля Грозного как политического писателя. Особое внимание уделяется представлениям царя о роле религии в жизни русского традиционного общества, а также выстраиваемом в соответствии с требованиями религии должном типе поведения.

Ключевые слова: Иван IV, Курбский, переписка.

Важность изучения сочинений Ивана Грозного состоит в том, что они позволяют воссоздать, насколько возможно, мировоззрение первого русского государя. Для этого необходимо определить те основополагающие, фундаментальные основания, на которых стоит автор, его представления о должной организации общественной жизни, а также взгляды на полномочия и пределы собственной власти. Фигура Ивана IV настолько сложна и многомерна, что требует всестороннего изучения, а концентрация работ ученых исключительно на практической стороне его деятельности уже не раз ставила в тупик даже самых талантливых исследователей.

За основу было взято первое послание Грозного Курбскому, представляющее собой самое значительное произведение царя. Оно не только самое большое по объему, но и содержит достаточное количество материала для реконструирования личности Ивана IV, восстановления выстраиваемой им логики рассуждений. Кроме того, многие положения первого послания находят подтверждение в других сочинениях Грозного или раскрываются в них с большей полнотой. Поэтому, оговаривая приоритетность первого послания как наиболее полного и имеющего естественным образом очерченные рамки, подчеркнем необходимость использования и других сочинений царя для наибольшей полноты раскрытия темы.

Характеризуя Грозного как политического писателя, С.М. Соловьев пишет: «Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, пер-

вый, так сказать, составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически»[1]. Правда, некоторые исследователи подвергают сомнению первенство Ивана Грозного в этом вопросе. В частности, И.Н. Жданов утверждает, что Иван IV не прибавил «ничего нового к готовым теориям», а «только повторяет то, что сказано было раньше»[2]. Отчасти солидарен с этой точкой зрения и современный исследователь В.В. Шапошник, считающий, что «мы не видим в его идеях ничего того, что уже не было бы высказано до него. <...> Особенность Грозного лишь в том, что он теоретические представления перенес на практику, считая это своим непосредственным долгом и обязанностью»[3].

С этим мнением вполне можно согласиться. Поскольку одним из правил организации социальной сферы традиционных обществ было стремление к сохранению общего плана жизнеустройства, то положительным качеством для традиционного общества является неизменяемость, статичность, невнимание к изменчивой реальности ради верности незыблемому Абсолюту[4]. Логичным следствием этой статичности было осторожное, недоверчивое отношение ко всему новому как потенциально враждебному. Стремление к новаторству в традиционном обществе — прямой путь к ереси. Наоборот, приветствовалось и поощрялось следование в своей деятельности общепринятой традиции, подкрепленной авторитетом святых отцов и учителей церкви. Поэтому было бы весьма странным, если бы Грозный, про которого Д.С. Лихачев сказал, что «вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем»[5], стремился к созданию некоего принципиально нового понимания евангельских истин или учения о царской власти. А значит, «правильнее было бы сказать, что Иоанн первый сформулировал значение царской власти и в ее формулировке, благодаря личным способностям, был более точен и глубок, чем другие. Но идеал, им выраженный, - совершено тот же, который был выражен церковными людьми и усвоен всем народом»[6]. Таким образом, Грозный в своих сочинениях не стремился создать новое учение о царской власти, но, будучи первым царем единого государства, был вынужден некоторым образом переосмыслить его, приспособить к изменившимся политическим реалиям, в чем ему, кстати, помогали на первых порах и представители духовенства, в первую очередь митрополит Макарий.

Новизна писаний Грозного заключалась в другом. По очень точному замечанию В.Е. Вальденберга «ни один писатель до него не находился в таком положении, как он, никому не приходилось защищать царскую власть от прямых нападок и посягательств, как ему — от нападок Курбского ...»[7]. И ценность посланий Ивана IV для нас состоит именно в том, что он, будучи сам царем и самодержцем, выразил в своих работах понимание сущности собственной власти, и мог при этом говорить абсолютно искренне, поскольку не зависел в своих высказываниях ни от тех, к кому он обращался, ни от кого-либо другого. Ту же мысль удачно выразил советский историк И.И. Смирнов: «Своеобразие Ивана Грозного как политического писателя заключается в том, что, будучи теоретиком и защитником самодержавия, он выступает при этом как апологет своей собственной власти, придавая этим воззрениям на природу царской власти характер своего рода политической исповеди, изложения тех принципов, которы-

ми *он сам* — царь — руководствуется в управлении государством. Эта черта воззрений Ивана Грозного придает его писаниям особый, неповторимый колорит: практическая деятельность подымается здесь до высот теории, а сама теория выступает, как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность»[8].

Логично предположить, что любое послание, имеющее официальный характер, тем более дипломатическое или адресованное идейному противнику, должно быть выверено и наполнено смысловой нагрузкой в каждом слове. Начальная часть послания Курбскому абсолютно четко показывает основополагающее, фундаментальное основание, на котором стоит автор. Иван IV пишет: «Бог наш Троица, всегда бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, которым цари царствуют и властители пишут правду...»[9]. Таким образом, этот религиоцентристский аспект Грозный сразу заявляет очень четко, недвусмысленно давая понять абсолютную для него точку отсчета и ту цивилизацию, в рамках которой он осуществлял свои властные полномочия. Тот же самый принцип, с некоторыми вариациями в зависимости от характера документа и его адресата, присутствует и в преамбулах всех остальных исследованных нами посланий Грозного.

Сразу же после вступления Грозный усиливает религиоцентристский аспект, выстраивая определенную цепочку традиционалистской преемственности. «Богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова Божия победоносная непобедимая хоругвь — крест честной первому во благочестии царю Константину и всем православным царям и оберегателям православных»[10]. Упоминание Константина присутствует здесь совершенно не случайно, и передача «честного креста» выступает в качестве акта легитимации, т.к. Константин — первый легитимный христианский император.

После того, как «искра благочестия» долетела до Руси, было заложено «начало самодержавия истинно православного Российского царства. Далее Грозный упоминает наиболее важные, с его точки зрения, вехи в развитии русского православного государства. Во-первых, он вспоминает «великого царя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением», т.е. Владимира Святого, крестителя Руси. Следующим звеном этой цепочки, по мнению Грозного, становится Владимир Мономах, «который получил от греков достойнейшую честь», т.е. инсигнии (знаки высшей власти у римских царей) на государственную власть от Византии. Несомненно, место среди звеньев выстраиваемой Грозным цепи и двух князей, успешно защищавших православную веру от посягательств иноверцев: Александра Невского, «одержавшего победу над безбожными немцами», и Дмитрия Донского, который добыл «за Доном великую победу» над татарами. Завершают линию преемственности дед Грозного Иван III, «мститель за неправды», то есть за нестроение русских земель, и «приобретатель исконных прародительских земель» Василий III, отец Ивана IV, а также сам Грозный — «смиренный скипетродержатель Российского царства»[11].

В послании Полубенскому Иван IV возвращается к этой теме и расширяет цепочку преемственности. В преамбуле послания, которая занимает более половины грамоты, Грозный излагает историю мирской власти со времен Адама.

Особое внимание царь уделяет римскому императору Августу, которого сам Иисус Христос «божественным своим рождением прославил ..., соизволив родиться в его царствование; и этим прославил его и расширил его царство и даровал ему не только Римскую державу, но и всю вселенную...». Брат Августа Прус получил в управление территории, прилегающие к реке Неман: города Мальборг, Торунь, Хвойницу и Гданьск. По имени Пруса эти земли стали называться Пруссия. Именно потомком Пруса в четырнадцатом колене был князь Рюрик, который «пришел и начал княжить на Руси и в Новгороде»[12].

Выдуманность или достоверность данного легендарного повествования ничего принципиальным образом не меняет. Для того, чтобы обсуждать «большие», серьезные историософские проблемы, Грозный должен сначала доказать, что имеет на это право. Для этого он и выстраивает цепочки преемственности, возводя себя и свое государство к общезначимым для христиан авторитетам.

Одним из важнейших вопросов, определяющих содержание переписки Грозного и Курбского, является спор о благочестии. В своем первом послании царю Курбский указывает на то, что в начале своего царствования Грозный был государем «Богом препрославленным и среди православных всех светлее», ныне же «за грехи наши - ставший супротивным», «совесть имеющий прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных». Князь обвиняет Ивана IV в том, что он истребил «сильных во Израиле», то есть лучших людей в земле русской, верой и правдой служивших государю и разгромивших «прегордые царства», пролив «кровь их победоносную в церквах Божьих», не боясь предстать перед «неподкупным судьей»[13].

Что же Грозный? Во-первых, в своих посланиях Иван IV, в отличие от беглого князя, не пытается изобразить из себя святого или праведника. Он четко говорит о том, что, несмотря на свое царское величие, является, по своей сути, таким же человеком, как и все остальные. «Бессмертным я себя не считаю, ибо смерть — общая обязанность всех людей за адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но знаю, что по природе я так же немощен, как и все люди»[14]. А человек по своей природе грешен, и Грозный об этом прямо заявляет: «... я — человек; нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; это ты только считаешь себя человеком, равным ангелу»[15]. «А если вы называете себя невинными, то совершаете еще худший грех, ибо, сотворив зло, не хотите раскаяться и получить прощение». При этом главную опасность греха Грозный видит не тогда, когда его совершают, а «когда, совершив его, не приносят покаяния и выдают нарушение закона за законный поступок»[16].

В своем послании он выстраивает систему аргументации, в основе которой находится заявленный им в самом начале письма религиоцентристский аспект. Его подход к обсуждаемым темам очень далек от неких отвлеченных теоретических, политологических или социально-экономических построений. Еще в заглавии письма следует классификация Курбского как крестопреступника, то есть человека, который нарушил клятву на кресте, совершив один из наиболее тяжких грехов для христианина. И это очень важно: не изменником родины называет его Грозный, а именно крестопреступником. Дальше, обращаясь к князю, Иван IV раскрывает перед читателями своего послания содержание совер-

шенного Курбским проступка, получившего столь жесткую квалификацию: «...и да примет наш христианский смиренный ответ бывший истинно православных христианин и наш боярин, советник и воевода, ныне же отступник честного и животворящего креста Господня и губитель христиан и служитель врагов христианства, отступивших от поклонения Божественным иконам и пренебрегших всеми Божественными священными повелениями»[17].

Затем Иван IV, обращаясь непосредственно к Курбскому, пишет: «Зачем ты, о князь, отверг свою единородную душу, если ты мнишь себя благочестивым? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть все равно похитит тебя, - зачем же ты по ложному совету своих преданных бесу друзей и прислужников, за тело предал душу, если даже ты и побоялся смерти?»[18]. Вопрос Грозный ставит очень четко. Если мы находимся в системе координат традиционного общества, то в этом вопросе нет никакого иного подтекста, кроме удостоверения Курбского как неблагочестивого человека, поскольку нарушение клятвы на кресте связано с моментами, весьма далекими от религиозных. Они относятся к так называемым проблемам тела, то есть мирским, бытовым.

После этих слов Иван IV еще более усиливает тему благочестия, не оспаривая слишком серьезно обвинений Курбского: да, возможно, ты мог подвергнуться опале, ну и что? «Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, зачем ты убоялся мученической смерти, которая не есть смерть, но приобретение? В конце концов все равно умрешь»[19]. Многие в этих словах усматривают иронию или насмешку. Какая ирония? Грозный говорит о принципиальных вещах: о смысле человеческой жизни и спасении души. Мученическая смерть за веру для христианина есть высшая награда. «Вот воля Господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести мученический венец?»[20]. Если ты благочестив, говорит царь, то понимаешь, что твоя смерть ляжет тяжким грехом на мою душу. Ты же получишь вечную жизнь. Что может быть для выше христианина?

И тут же Грозный безапелляционно, а главное очень точно указывает Курбскому истинные причины его бегства: «ты бежал не от смерти, а желая мимотекущей славы и богатства»[21] и потому «ради временной славы, себялюбия и сладостей мира сего ты попрал все свое душевное благочестие и христианскую веру; ты уподобился семени, попавшему на камень и выросшему, но из-за солнечного зноя, то есть из-за одного ложного слова, соблазнился и отпал и не сотворил плода; из-за ложных слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там веру в Бога и покорность нам и подчинил тебя своей воле. Во всех Божественных писаниях сказано, что дети не должны противиться родителям, а рабы — господам ни в чем, кроме веры»[22]. В словах Грозного «ради временной славы, себялюбия и сладостей мира сего» содержится весьма исчерпывающая характеристика поступка Курбского.

Обращаясь к аспекту обиды князя, Иван IV делает акцент на том, что Курбский фактически совершает преступление не столько против царя, сколько против Бога: «Не думай, что это справедливо — разъярившись на человека, вос-

стать на Бога: одно — дело — человек, даже носящий на себе царскую порфиру, а другое дело — Бог. Думаешь, окаянный, что убережешься? Никак. Если ты пойдешь вместе с ними воевать, придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; где руками не дерзнешь, там это сотворится из-за смертоносного яда твоей мысли»[23].

Вообще, в своих посланиях Грозный, будучи человеком, воспитанным в традиционном обществе, отстаивает императивный тип поведения как единственно правильный и возможный с христианской точки зрения, то есть поведения в соответствии с абсолютно четко сформулированными нормами, запретами, правилами, а вовсе не в связи с той или иной изменяющейся ситуацией. Курбский же не исполнил свой долг перед государем и нарушил целование на кресте, совершив тем самым и грех перед Богом. И здесь Грозный находит верный и очень сильный пример, упоминая слугу Курбского Василия Шибанова, указывая тем самым князю на его человеческие недостатки. «Как же ты не устыдился раба своего Васьки Шибанова? — пишет Иван IV. - Он ведь и у порога смерти сохранил свое благочестие и, стоя перед царем и перед всем народом, не отрекся от присяги тебе, восхваляя тебя и стремясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков — ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души служили нам до смерти и завещали своим детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушил присягу на кресте, присоединился к врагам христианства и к тому же еще, не сознавая собственного злодейства, обращаешься к нам с нелепыми и тупоумными речами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить со своим господином так, как поступил он»[24]. Слова «словно швыряя в небо камни», взятые Грозным из ветхозаветной Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова (Сир. 27, 28), показывают позицию Курбского по отношению не к Ивану IV, а по отношению к принципам.

Назначение этого примера понятно. Царь не случайно здесь говорит, что князь «из-за одного какого-то гневного слова» убежал, нарушил крестоцеловальную клятву, в то время как Василий Шибанов прекрасно понимал, что примет муки и смерть, но даже в такой ситуации не отрекся от своего господина. Однако, сказав «про государя своего князя Ондрея изменные дела», не отрекся от него[25]. С одной стороны, этот убийственный аргумент Грозного показывает, насколько Курбский не соответствует тем качествам, которые предъявляет к человеку традиционное общество. С другой стороны, он многое поясняет о самом Иване IV. Несмотря на то, что его, как государя, окружают рабы, он, тем не менее, отдает дань уважения человеку, гораздо ниже его стоявшему в тогдашней религиоцентристской иерархии, к тому же еще и верного его противнику. Грозный находит возможным уважать слугу Курбского, не считая это зазорным для себя, поскольку Шибанов соблюл главное, свое благочестие, не нарушив клятву на кресте. Кроме того, Иван IV в очередной раз недвусмысленно дает понять, что основополагающим, фундаментальным началом его жизни и деятельности является принцип религиоцентризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. М., 1989. С. 414.
2. *Жданов И.Н.* Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 170.
3. *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е гг. XVI века. СПб., 2006. С. 525.
4. *Уваров П.Б.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 92, 98.
5. *Лихачев Д.С.* Иван Грозный — писатель // Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 454.
6. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 2006. С. 220.
7. *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 274.
8. *Смирнов И.И.* Иван Грозный. Л., 1944. С. 105-106.
9. Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 284.
10. Там же. С. 284.
11. Там же. С. 284-285.
12. Там же. С. 377-378.
13. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1979. С. 119-121.
14. Послания Ивана Грозного. С. 318.
15. Там же. С. 288.
16. Там же. С. 326.
17. Там же. С. 284.
18. Там же. С. 284.
19. Там же. С. 285.
20. Там же. С. 286.
21. Там же. С. 285.
22. Там же. С. 286.
23. Там же. С. 285.
24. Там же. С. 287.
25. ПСРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 383.

RELIGIOUS ASPECT IN IVAN IV WORKS (ON THE EXAMPLE OF FIRST MESSAGE TO KURBSKII)

I.A. Tolchev

The article is devoted to studying Ivan IV literary heritage. The importance of turning to works of the first Russian autocrat comes with the opportunity to understand the author's outlook, his attitude to events and phenomena of a real life. So, there have been analyzed some features of Ivan the Terrible style as a political writer. Special attention is given to the tsar's representations about the role of religion in Russian traditional society, and also to a proper type of behaviour formed according to requirements of religion.

Keywords: Ivan IV, Kurbskii, epistols.

© 2009

А.В. Литягина

СОСЛОВНЫЕ ЦЕННОСТИ И НОРМЫ ГОРОЖАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье охарактеризована традиционная, сословная система ценностей и социальных норм жизни горожан Западной Сибири. Показано наличие элементов крестьянской ментальности: сословная корпоративность, наличие единой, цельной системы нравственных понятий, идущей из основ православной культуры. Отмечается и появление новых ценностей модернизации: рационализм, трезвый расчет, нацеленность на прибыль в среде купечества. Сопоставляются ценности и нормы мещанства и купечества.

Ключевые слова: история России, Западная Сибирь, сословия, ценности.

Ценности и нормы — важнейшая часть образа жизни людей. Можно говорить о широком спектре ценностей, которые чтятся и хранятся. Эти ценности присутствуют в самых разных сферах жизни, скрепляют общество, идентифицируют его как особое социокультурное объединение. Речь идет именно об общественных ориентирах, признаваемых, как правило, большинством населения и составляющих морально-нравственную основу жизни горожан.

Самым многочисленным сословием являлись мещане. Именно этот слой совместно с городским крестьянством составлял основание социальной пирамиды городов. Их психология во многом была схожа с психологией деревенских жителей. Б.Н. Миронов привел ряд убедительных свидетельств современников о таких реалиях в малых и средних городах России. Отмечалось, что у крестьян и городских низов был общий фольклор (пословицы, поговорки), сходные нравы, традиции, предрассудки и развлечения. После проведения великих реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма[1].

Однако процесс формирования ценностной системы и норм, соответствующих модернизации, был непростым и длительным.

Данные о занятиях, семейном и общественном быте, мировоззрении, брачных, похоронных и других обычаях, об играх и развлечениях, круге чтения показывают, что городские низы в подавляющем большинстве российских городов до середины XIX в. обладали сходной духовной культурой и менталитетом, что и крестьяне, хотя отличались материальной культурой (одеждой, жилищем и т.п.). При этом, «чем меньше был город, и чем больше его жители занимались сельским хозяйством, тем меньше горожане отличались от крестьян во всех отношениях, в том числе и по своему менталитету»[2].

Формирование ценностных ориентаций мещанства происходило на основе народной культуры, которая включала в себя уважительное отношение к старшим и заботу о стариках, детях, беспомощных родственниках; милосердие в са-

мых разных его проявлениях, помощь и взаимопомощь; трудолюбие, совестливое отношение к труду; понятие чести и долга; твердость в выполнении взятых на себя обязательств и многое другое. Исследователи русской культуры и традиций, изучая прежде всего крестьянский быт прошлой эпохи, пришли к выводу о том, что все было связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий[3]. Цельность народной нравственности определялась у русских крестьян православной верой. К ней восходили прямо или косвенно все оценки и утверждения в этой области. Понятия передавались из поколения в поколение. Но, кроме того, они заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства. Нравственные поучения постоянно звучали в церковных проповедях, наставлениях родителей, разъяснялись учителем, обучавшим грамоте по Псалтыри. Крестьянство, переселяясь в города, приносило с собой эти здоровые нравственные основы. Городские мещане были также трудолюбивы, совестливы, отзывчивы, богобоязненные.

В середине XIX в. представления о труде во многом исходили из незыблемости существовавшего сословного строя и социальной структуры. Занятие человеком деятельностью, не характерной для того сословия, к которому он принадлежал, не одобрялись. Однако в силу многочисленности и пестроты мещанского населения, среди мещан были люди, занятые самым разным трудом.

В среде торговцев было широко распространено пренебрежительное отношение к занятиям ручным, малоквалифицированным, «черным» трудом. Для горожанина, чьи торговые дела потерпели крах, переход в ряды ремесленников или фабричных рабочих, был очень сложен по социально-психологическим причинам. Стать ремесленником означало не просто заняться непривычным и непрестижным трудом, а также снизить свой социальный статус, уважение в обществе. В силу этого многие разорившиеся купцы и мещане предпочитали выбирать нерациональный способ поведения, перебиваясь мелочной торговлей, стоявшей нередко на грани мошенничества, или всякого рода посредническо деятельностью, которая не приносила почти никакого дохода.

Кроме того, «между мещанами вы встретите целые толпы работников, которые не имеют никакого определенного занятия и которые по собственному их выражению перебиваются кое-как. Сегодня он ловит рыбу, завтра он копает огород, через неделю он шьет сапоги; сегодня он грузил судно, завтра он отправляется на сенокос. Подобную жизнь ведут даже домовладельцы мещан в значительных городах»[4].

Низкий статус земледельческих занятий в среде горожан объясняется и социально-экономическими факторами: с одной стороны, развитием товарно-денежных отношений в пореформенную эпоху, с другой стороны — сокращением ресурсов города, необходимых для ведения сельского хозяйства. Введение Городового положения 1870 г. особенно сильно, в экономическом и социальном отношениях, ударило по мещанам-земледельцам. Городские думы, в которых мещане были слабо представлены, став распорядителями городских земель, изменили порядок их использования. Мещанские общества, распоряжавшиеся землей до реформы, потеряли на нее права и не получили никакой компенсации. Думы, для увеличения городских доходов, стали сдавать землю в аренду. В городах, где часть мещан была занята в сельском хозяйстве, они стали быстро

разоряться. Это заставляло горожан, занятых прежде сельским хозяйством, переносить свои интересы из аграрной сферы в промышленность, транспорт, торговлю, сферу услуг.

Огромное значение в системе ценностных ориентаций мещанства занимал дом. «Для приобретения такого дома мещанское семейство способно налагать на себя нечеловеческие усилия и лишения. ... Перейти из сословия бездомных наемников в сословие хозяев казалось ему все равно что переродиться»[5]. Свой дом — это для бездомных мещан, пожалуй, самая заветная мечта. Из своего дома никто не выгонит, в случае невзгод над головой останется своя крыша. Кроме того, дом может приносить и доход, если часть помещения сдавать квартирантам. Использование своего дома как доходного являлось для мещанина с нестабильными и малоприбыльными занятиями весьма и весьма привлекательным стимулом для приобретения пусть даже «нечеловеческими» усилиями своего жилья.

Если говорить о социальной ориентации сибирских мещан, то главным ориентиром для них, конечно же, служило купечество. Этому способствовала и близость материальной культуры городских сословий. Как пишет В.П. Бойко: «материальные потребности купцов были по своей сути народными, типично национальными. Многое у купцов было как у крестьян и мещан, только богаче по качеству и лучше по количеству»[6].

Разрушение традиционной системы ценностей и формирование новой происходили, с одной стороны, стихийно, под влиянием новых условий жизни, с другой стороны, образованное общество и правительство намеренно принимали многообразные меры (создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки, изобретали даже новые праздники и т.п.), чтобы изменить традиционное мировоззрение народа.

Несмотря на нововведения, изменения происходили медленно, во-первых, вследствие инерции, свойственной всем традиционным идеалам и установкам сознания, а во-вторых, вследствие постоянной миграции в города крестьян, несших с собой традиционные нормы.

Мигранты из деревни и их потомки медленно воспринимали нормы городской культуры и освобождались от традиционного менталитета. И этому в немалой степени способствовали связи новых поселенцев со старым, деревенским миром. Зарубежный исследователь Джонсон Э.Р. отмечал наличие связей между мигрантами как характерную черту разных эпох и стран. Он писал, что у мигрантов проявляется тенденция обосновываться на новой территории и в новом культурном пространстве вместе и обеспечивать различные виды помощи друг другу, будь то Северная Америка или быстро растущие города Третьего мира[7]. Российские и в том числе Западно-Сибирские города не были исключением. Было естественно, что недавно прибывший мигрант должен искать поддержку и помощь от кого-то. И, по свидетельству современников, этот «кто-то» был чаще всего земляк. Некоторые потомки современных Западно-Сибирских горожан помнят и знают историю переселения своих родственников в регион. Так, например, известно, что переехавшие в Бийск из Вятской губ. выходцы из крестьянского сословия Воробьевы первоначально поселились в Барнауле, у земляка и родственника купца М.М. Кашина. В дальнейшем, переехав в Бийск,

они сохраняли связи со своими родственниками, о чем свидетельствуют и семейные записи, и фотографии. Выходцы из деревень обосновывались в сибирских городах и всюду, естественно, встречали себе подобные крестьянские образцы культуры и поведения. Связи с селом, земляческие связи способствовали сохранению крестьянских традиций и нравов. Новые волны переселений постоянно пополняли состав сибирских городов за счет выходцев из села. Все это способствовало «выживанию крестьянской культуры в городе»[8].

Отражением последнего явления также были и сословные корпоративные объединения. Региональной спецификой, на наш взгляд, является сильная живучесть и активность мещанских объединений. Они в Западно-Сибирских городах активно действовали и принимали в свои ряды новых членов вплоть до 1917 г. На общероссийском материале также отмечено, что мещанские общества деградировали медленнее ремесленных и купеческих[9]. Но региональная особенность выражалась в том, что и в конце XIX - начал XX вв. органы городского самоуправления считались с наличием в городе мещанских объединений, обращались к ним нередко за материальным содействием, между ними шел обмен информацией, горожане свои интересы предпочитали порой защищать через корпоративную организацию, от нее же в случае нужды ждали помощи.

Как справедливо отмечают исследователи, корпоративность являлась важной частью общественного сознания и принципом социальной организации, что было характерной чертой традиционного общества. Одним из самых существенных свойств корпорации является ее стремление обеспечить всесторонний контроль за соответствием жизнедеятельности каждого из членов корпорации принятым в ней нормам. Поскольку процесс модернизации связан с разрушением корпоративной структуры социума и освобождением личности от контроля со стороны корпорации, то анализ степени корпоративности в социальной структуре общества позволяет выявить специфику и темпы модернизации.[10] Входившие в мещанское общество люди соглашались подчиняться коллективистским установкам, принятым данной корпорацией, в случае уклонения от таковых подвергаться вынесенному обществом наказанию, в целом испытывать над собой контроль. И это не воспринималось как насилие. Низкие доходы, экономическая неустойчивость индивидов порождали желание застраховать себя круговой порукой, отдав за это часть своей свободы.

В своих решениях мещанское общество руководствовалось не формальными нормами закона, а своими представлениями о нравственности. Отметим, что это вообще весьма характерно для русской ментальности. В народной традиции сквозь века прошло пренебрежение к закону, отчасти по его незнанию, отчасти по неверию в его справедливость («закон что дышло, куда повернул, туда и вышло»). Поэтому в мещанской среде, как и в крестьянской, дела решались сходкой, миром, по-божески. Бийское мещанское общество следило за добропорядочностью поведения своих граждан. Однозначно осуждались лица, появившиеся в публичных местах в пьяном виде. К таковым применялось наказание согласно 570 ст. IX т. свода законов о состояниях: наказание в виде общественных работ сроком один месяц. В 1876 г. собравшиеся мещане постановили взыскивать штраф в размере одного рубля с лиц, явившихся в нетрезвом виде в городское управление или в камеру мещанского старосты. От полицейского

управления поступал рапорт в городскую управу о проступках граждан, городская управа в свою очередь обращалась через мещанского старосту к обществу мещан о принятии соответствующих мер. На собрании коллективно рассматривали степень вины и меру наказания. Так, в ноябре 1877 г. рассматривали дело мещан Еремеева и Прокопьева. Первый был задержан полицией за пьянство и драку. Второй «замечен в пьянстве четыре раз, следовательно поведения своего и не думает исправить». Коллективный приговор о наказании провинившихся общественно-полезным трудом сроком на 1 месяц был направлен на утверждение в городскую управу.[11] В июле 1878 г. рассматривалось дело Н. Горохова «о буйственных поступках в пьяном виде». Приговорили: «Так как мещанин Горохов никогда нами ни в чем не замечался, и поведения он хорошего, поэтому на первый раз поступок его оставить без последствий, объявить, что если он на будущий раз будет замечен в пьянстве, то на него будет наложена мера взыскания».[12].

Руководство мещанским объединением могло при помощи полиции наказать за плохое поведение, заточив на несколько суток провинившегося в каталожную камеру. Так, в 1880 г. по просьбе помощника мещанского старосты полиция задержала некоего Кутергина за пьянство, обман жителей («выпрашивал деньги на горотьбу поскотины»), угрозы в адрес руководства корпорации и арестовала на трое суток.[13].

Сходство мещан по образу жизни с крестьянством было существенным поводом живучести корпоративного объединения. Домохозяева в этот период держали много скота. Вопросы создания выпасов для скота, наем пастухов, определения им жалования из общественных сумм, огораживание выпасов и т.п. занимали много места в жизнедеятельности горожан.

Мещанские общества оказывало социальную помощь своим членам. В 1902 г., например, на выдачу пособий безработным неимущим и вдовам с сиротами г. Бийска было выделено двести рублей[14].

В крупных городах, в губернских и торгово-промышленных центрах процессы разрушения крестьянской ментальности, формирование ориентаций на буржуазные, просветительские ценности проходили быстрее и заметнее. Этому способствовали учебные заведения, многочисленные и разнообразные общественные организации, клубы, библиотеки и т.п. здесь, как мы видели, заметнее разрушалось сословное самосознание и жители ассоциировали себя с принадлежностью к какой-либо профессии, виду деятельности.

Однако даже в таких крупных центрах Западной Сибири, как Томск и Омск, продолжали действовать корпоративные сословные организации, осуществлявшие социальную помощь своим членам. Так, в Томской богадельне мещанского общества в 1912 г. содержалось 86 человек, также томские мещане содержали ночлежный приют, оплачивали стипендию на содержание одного ребенка во Владимирском детском приюте[15]. Оплачивали также мещанские общества и счета из больниц за членов своей организации, находившейся на излечении. В Омске мещанское общество в 1901 г. насчитывало 3225 плательщиков общественных сборов, средства шли, помимо содержания сословного управления и сиротского суда, на финансирование благотворительных и учебных заведений, на пособия престарелым, убогим и неимущим[16].

Таким образом, можно говорить, что вплоть до советского времени в городах ценились коллективизм, корпоративный строй жизни. Во многом сохранялся общинный уклад, соответствующий типу традиционного общества.

Быт — сфера, где проявлялись ценностные ориентацииё нормы и стандарты поведения, достаточно консервативная. Как справедливо указывали исследователи, «быт многослоен, гетерогенен, в нем всегда наличествуют элементы, возникшие в разные эпохи ... Как правило, быт изменяется медленнее по сравнению с другими общественными явлениями...»[17].

Однако постепенно новая светская, буржуазная культура приходила на смену традиционной, а вместе с ней новый менталитет. Трансформация начиналась с новых видов и форм деятельности и нового распорядка жизни, что влекло за собой значительные изменения привычного уклада, за этим следовали перемены в домашнем и общественном быту, затем затрагивалось мировоззрение, и, наконец, изменялся менталитет. Все стадии этого цикла (деятельность–быт–духовная культура–менталитет) в свое время прошло дворянство, потом — все городское образованное общество, затем начали, но не успели пройти городские низы, рабочие и крестьяне.

Формирование новой городской культуры в городах в большой мере было связано именно с мещанством. Слой этот был очень широким, пестрым, включал в себя представителей и побогаче, и победнее, и совсем бедных, и авторитетных, примерных по образу жизни жителей, и не очень, задействованных в разных сферах деятельности. Однако в массе своей они представляли типичных обывателей своего времени, волей судеб избравших тот или иной род деятельности, будь то предпринимательство или поденная работа. Очень точно отмечал это Н.А. Бердяев: «Мещанство всегда бралось у нас как категория духовная и моральная, а не социально-экономическая. Мещанство есть прежде всего отрицание яркой, творчески оригинальной личности»[18].

Некоторые исследователи пользуются понятием «мещанин», подразумевая под «мещанством» тип социальной и духовной жизни (и значит культуры), возникающий на почве рационального предпринимательства. Именно трезвость и расчет в повседневной жизни характерны для рационализма мещанина[19]. Рациональность при этом рассматривалась как свойственная горожанину в повседневной жизни трезвость и расчетливость, а под предпринимательством — тип деятельности, ориентированный на извлечение выгоды, на производство товаров, увеличение собственности.

Предпринимательская деятельность требовала для своего успеха энергичности, расторопности, продуманного риска. По городу ходили слухи о смекалистых, расторопных людях, сумевших с выгодой вершить дела. Устная история донесла, например, интересный случай из предпринимательской практики семьи Воробьевых. Однажды, как было принято, зимой в Бийск на ярмарку съехалось множество торговцев из округи со своим товаром. Много было мясных туш, птицы, молочной продукции. И наступило невиданное потепление. Началась оттепель. Все таяло. Торговцы за бесценок отдавали мясо. Воробьевы все скупали, обливали водой и складывали под навес. Хозяин семейства говорил: «Или мы на этом выиграем, или все потеряем». И выиграли. Ночью ударил мороз, а потом всю продукцию удачно реализовали.

Можно согласиться с мнением о мещанстве как особом психологическом типе, стремящемся к материальному достатку, к накоплению материальных ценностей[20].

В то же время, подобно крестьянам, целью хозяйствования мещан являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью — не богатство и слава, а спасение души. Накопление богатства среди них осуждалось общественным мнением. Наконец, бедность и малограмотность служили препятствием к накоплению капитала и превращения мещан и ремесленников в предпринимателей[21].

О том, что в широких массах горожан симпатизировали именно тем работникам-умельцам, которые пренебрегали заработанным и не занимались накопительством и преумножением капитала, свидетельствуют наблюдения современника: «Моты — иногда самые симпатичные натуры между работниками первой степени, товарищам своим они не внушают и тени зависти и чаще всего об них отзываются с теплой любовью и самым искренним уважением. Солидный первостепенный работник обыкновенно заносчив ... и всегда возбуждает зависть или даже ненависть; про работника же тщеславного и мота часто отзываются очень хорошо: «Это добрая душа и золотые руки — через него еще ни один человек не сделался несчастным. Много он заработает в месяц или в два, закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит»[22]. Подобное отношение к накопительству и к серьезно относящимся к своим доходам людям надо, на наш взгляд, объяснять типичной чертой русской ментальности — пренебрежение к материальному богатству.

Об этом и говорят многочисленные пословицы и поговорки, осуждающие богатство: «Пусти душу в ад, будешь богат», «Богатство спеси сродни», «Богатый - что бык рогатый: в тесные ворота не влезет», «Богатый и не тужит, да брюзжит», «Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Богатый и не тужит, да скучает», «Богатый никого не помнит - только себя помнит», «Кто богат, тот и рогат (рога -надменность)», «Отец богатый, да сын неудатный», «Хлеб с водою, да не пирог с лихвою», «Богатым не хвалятся (т. е. его не хвалят), да что ему деется?», «Лучше убожество с добром, нежели богатство со грехом», «Лучше убыток терпеть, нежели злую прибыль иметь», «Сыта свинья, а все жрет; богат мужик, а все копит», «Умом туп, да кашель туг», «Богатый совести не купит, а свою погубляет», «Будешь богат, будешь и рогат», «Будешь богат, будешь и скуп», «В аду не быть - богатства не нажить», «Грехов много, да и денег вволю», «Изведай человека на деньгах», «Копил, копил, да черта и купил». Выражалось скептическое отношение к богатству, ответственность за него: «Щастье лучше богатства», «Богатому с полугорем жить», «Богатому не спится: богатый вора боится», «Богатому сладко ется, да плохо спится. Без денег сон крепче», «Богат ждет пакости, а убог радости», «Богатому черти деньги куют», «Богатство гинет, а нищета живет», «Богатство родителей - порча детям (или: кара детям)», «Богатство с рогами, бедность с ногами», «Денег нет, так подушка под головой не вертится», «Денег нету, и дела нету (т. е. без хлопот)», «Денежка мана (или: мала), задает тумана. Много денег - много и хлопот (или: забот)», «Деньгами души не выкупишь», «Деньги - временем хлопоты», «Деньги - забота, мешок — тягота», «Деньги копил, да нелегкого и купил», «Деньги, что каме-

нья: тяжело на душу ложатся», «И бедно, да сбойливо; и богато, да рассыпчато», «И бедный украдет, да его бог прощает». «Лишние деньги - лишняя забота», «Мамон гнетет, так и сон неймет», «Меньше денег - меньше хлопот», «Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах», «Через золото слезы льются»[23]. Выражается уважение к бедным, но честным людям: «Гол, да не вор, беден, да честен», «Богат, да крив, беден, да честен»[24].

К деньгам выражалось противоречивое отношение. В фольклоре отложилась и положительная, и отрицательная их оценка. Сила денег выражена в народных пословицах и с юмором, и с горечью, и с обычным практицизмом. Что только не смогут деньги! Деньга — она «и попа купит, и Бога обманет, и камень долбит, и на беду наезжает, и деньгу родит, и в нужде не солжет», «С алтыном воюют, без алтына горюют», «При деньгах Панфил всем людям мил», «Были бы бумажки, будут и милашки», «Были бы побрякунчики, будут и поплясунчики», «В мошне густо, так и дома не пусто», «В плечах не харчист, да мешком плечист», «Добр Мартын, коли есть алтын», «Есть грош, так будет и рожь», «Есть на гумне, будет и в суме», «И роди - плати, и хорони - плати!», «Как сыр в масле катается», «Когда деньги говорят, тогда правда молчит», «Коли богатый заговорит, так есть кому послушать», «Мужик богатый гребет деньги лопатой», «Не мудра голова, да кубышка полна», «Тот мудрен, у кого карман ядрен», «Худ Роман, коли пуст карман»[25].

Тема безденежья тоже представлена: «Беднее всех бед, когда денег нет», «Без денег — что без рук», «Где-то денежку куют, да нам не дают», «Колотишься, бьешься, а с сумой не разминешься», «Были бы деньги, а дыр-то много», «С деньгами воюют, а без денег горюют», «Кому сон, кому явь, кому клад, а кому шиш». Утешение в этой ситуации находилось в юморе: «Нищета прочней богатства» (шуточ.). «В одном кармане — вошь на аркане, в другом — блоха на цепи», «Все богатство тут — кнут да хомут», «Убить нас некого, да и снять с нас нечего», «Потерял Мартын отцов алтын»[26].

Сама характеристика денег в народной мудрости обретает выразительную метафорическую форму: «Деньги — что голуби: где обживутся, там и поведутся», «Деньги — что навоз, то нет, то целый воз», «Вдруг густо - вдруг пусто». «Деньги: что вода. Богатство - вода: пришла и ушла». «Деньги не голова: наживное дело», «Все может случиться, и богатый к бедному постучится». «Деньги — гость: сегодня нет, а завтра — горсть», «Не было не гроша, да вдруг алтын».

То, что новая система ценностей эпохи модернизации, связанная прежде всего с нацеленностью на индивидуализм, конкуренцию и прибыль, весьма непросто утверждалась в российской действительности, отмечает американская исследовательница Л. Мак-Рейнолдс. Вышеперечисленные установки новой эпохи действительно казались очень нероссийскими. Это отразилось в искусстве. Автор приводит пример двух пьес, «Наши американцы» Немировича-Данченко и «Наш американский кузен» Робертсона. Контраст между ними, по мнению автора, показывает абсолютное противоречие в том, как различные общества оценили изобретательность Янки, связанную с индустриализацией. В британской версии, бесхитростный Янки затмевает его пижонских британских пэров. В русской, тем не менее, американский прагматизм представляет цинизм и двуличность. Русский фабричный инженер, который вылепил себя

по образцу американских индустриальных идеалов, оборачивается негодяем с ложными рекомендациями, эксплуатирующим своих рабочих[27].

Другая черта, идущая из основ православной культуры — милосердие, готовность подать милостыню. Возникая нередко как непосредственное движение души, из чувства жалости и сострадания, эта готовность опиралась и на общий взгляд, в котором воспитывали с раннего детства: подача милостыни считалась богоугодным делом. Подача милостыни нуждающимся, ссыльным, бродягам и т.п. было очень распространенным явлением. Вот как описывает сибирская писательница XIX в. Н.А. Лухманова обычай помогать нищим в Западно-Сибирских городах: «По краям кухни на чистых лавках, покрытых серым рядном, сидели нищие. У каждого в руках был туесок и мешок за плечами. Вторая помощница кухарки, Агафья, тихая, немолодая баба, раздавала милостыню. В туеса накладывалось мерзлое молоко, наливался густой, домашний квас, или оделялись капуста, огурцы, словом, по просьбе каждого. В мешки опускались краюхи хлеба, крупная серая соль, завязанная в тряпочку, куски жареной рыбы. В доме богача Круторогова, как и во всех богатых домах города (Тюмени — А.Л.), нищие не получали денег, но щедро оделялись хлебом насущным»[28]. Помогали самым разным людям. Так, в годы Первой мировой войны здесь появилось множество военнопленных. В Бийске, например, они жили в специальном бараке, под охраной, однако некоторые из них, с безупречным поведением, отпускались свободно ходить по городу в поисках работы и пропитания.[29] Старожилы рассказывали Б.Х. Кадикову, что горожане жалели их, особенно женщины, давали им продукты, одежду, выражали им сочувствие. Хотя присутствовал и некий страх перед ними: «как бы последние не были безупречны, но все-таки они враги России и доверяться им нельзя»[30].

Отношение горожанина к религии вытекало из господствовавшей традиционной культуры. Поведение в семье, в обществе основывалось на нормах и установлениях, предписываемых конфессией. Это никоим образом не означает, что религиозные нормы соблюдались беспрекословно, но их нарушение находило оправдание опять же в рамках традиции. Большинство православных исправно посещали церковные службы и соблюдали соответствующие ритуалы. Для части горожан вера могла носить формализованный характер, православная обрядность соблюдалась лишь по традиции. Однако православные нормы жизни в конечном итоге пронизывали все сферы человеческого общения и деятельности основной массы населения.

Другой значимой социальной группой было купечество. В процентном отношении их удельный вес был невелик, однако их роль в общественной и культурной жизни городов была очень заметна. Именно купцы были верхушкой местного общества, на которую равнялись другие горожане и неформально признавали их лидерство в городской жизни. Однако отношение к богачам-предпринимателям было разным. К одним относились настороженно и иногда даже с неприязнью, к другим — ласково, с симпатией. По материалам устной истории Бийска видно, что в городе человека всегда оценивали по его личным качествам, а не по тому, к какому он сословию принадлежал. Из рассказа Б.Х. Кадикова: «Если даже человек был богат, но живодер (а таких, кстати, мало было в Бийске), то к нему соответственно и относились. Прямо гово-

рили, чем им человек не нравился. А если человек был добрый душой, богатый душой, то его любили и уважали. Меня удивила позиция, которую люди проявляли к купцам Морозовым. Самого Морозова никто никогда добрым словом не помянул. Наоборот, когда его вспоминали, то какой-то легкий оттенок негатива шел. Он был какой-то заносчивый, грубый. Если он жертвовал деньги на что-то, то обязательно оговаривал какими-то далеко не всегда приятными для людей условиями. К примеру, история о Троицком соборе. Строил он его. Долго его не могли выстроить. Купцы жадничали. Хотели его выстроить с размахом, но ничего не получалось: денег не хватало. И когда он взялся, собрал очень большие деньги, о нем стали говорить, что еще больше денег он присвоил, когда собирал на строительство. Говорили о его магазинах, о том, что они были очень аскетичные, неуютные, отсутствовала рекламная красочность. Он был из кержаков. Поэтому понятно, что ему было не до этих моментов. А вот жена его была невероятно добрая женщина, богомольная, богобоязненная, много жертвовала. Многим помогала. Рассказывали историю, как она помогла одному парню жениться. Один ее старый работник падает на колени: «Матушка, спаси, сына в армию забирают. А у сына зазноба появилась. Она умрет от тоски, если он в армию уйдет». Морозова говорит: «Покажи мне девушку». Ее ей показали. Сына она уже знала. Через воинское присутствие она его откупила от армии. Купила им большой сруб. Справила им свадьбу. Стала крестной матерью им. Это было до русско-японской войны. Она так многим помогала. У нее появлялись работники, которые за нее в огонь и воду могли пойти. Верой и правдой ей служили. О ней вспоминали с умилением».

Такое хорошее отношение людей к купчихе подтверждается и из другого источника. Потомки занимавшегося предпринимательской деятельностью мещанина Н.В. Воробьева рассказывали, что Е.Г. Морозова действительно помогала людям строить свои дома. Так, своему сырьевщику с кожевенного завода Ф.Е. Семенову она дала деньги на дом, а когда он хотел ей вернуть долг, то услышал, что он ей ничего не должен. По свидетельствам современников, это вызывало неподдельное изумление и восхищение. Напомним, что обладание *своим* домом — это заветная мечта мещанства, и такая бескорыстная помощь со стороны купчихи воспринималось именно как негаданное счастье.

Все это свидетельствует о том, что не жадность, не корысть и не расчет, а человеколюбие и бескорыстная помощь вызывали восхищение и искреннюю любовь к людям, которые проявляли эти качества.

Сохранились в документах и в памяти народной такие добрые дела в некоторых купеческих семьях, как забота о «воспитанниках» - детях, отданных на воспитание несостоятельными родителями, сиротах, взятых от умерших родственников, незаконнорожденных. Нередко происходило усыновление или удочерение приемных детей, и тогда они становились законными наследниками. В воспоминаниях, и в публикациях приводятся такие, например, факты: тарский купец Н.В. Шанский и его супруга Юлия приняли найденную работником в навозе девочку, воспитали и выдали ее замуж. Девочку, которую удочерил его родственник, тарский купец П.В. Шанский и его жена Васса, одевали «как куколку», обучали на дому, что, по словам ее домашней учительницы, вызывало даже зависть со стороны соседских детей. Неожиданная смерть приемной доче-

ри стала для Шанских семейной трагедией[31]. И.В. Кулаев вспоминал об одной томской весьма состоятельной семье, воспитавшей неродного мальчика в любви и ласке на правах законного наследника[32].

Сострадание и бескорыстная любовь была характерна и для представителей купеческого сословия.

Внутри же купеческой среды существовали свои нормы и правила поведения, сложившиеся под влиянием условий деятельности, уровнем образования и культуры. Основная масса купечества имела домашнее образование, поэтому нормы поведения, привычки в распорядке жизни и досуга зачастую были далеки от высокой культуры. В воспоминаниях современников сохранялось немало упоминаний о куражах, кутежах, причудах и забавах купцов. Предприниматели, придерживающиеся своего стиля жизни, оказывались особняком в купеческой корпорации. Так, как в Бийске недолюбливали купца А.Ф. Морозова, несмотря на его пожертвования, так в Томске в среде местных купцов не жаловали З.М. Цыбульского, который, однако, и широкой благотворительностью был известен, и общественной деятельностью много занимался. Вот что пишет современник тех лет И.В. Кулаев: «Несмотря на все эти заслуги Цыбульского перед городом, томские коренные купцы его недолюбливали, считая его гордецом, не общественным, по их понятиям, человеком, похожим скорее на сановника, чем на купца. Действительно, он мало подходил к кругу тогдашних купцов и их образу жизни. Сибирский купец того времени любил повеселиться нараспашку, по своему, в теплой своей купеческой компании, зело хорошо выпить, в беседе не стесняться в выражениях — вроде всем известного тогда томского купца Е.И. Кухтерина. Захар Михайлович к подобного рода компаниям относился несочувственно и в их гулянках никогда не принимал участия; дом свой держал с достоинством, как настоящий аристократ. Все это, разумеется, томичам не нравилось и было не в их духе, потому они и считали Цыбульского гордецом и нередко, только из-за личной ненависти к нему, во многих городских делах подставляли ему ногу»[33].

В среде купцов также, как видим, ценилась корпоративная схожесть в поведении, кураж, понятные для окружения кутежи и забавы, как выход за пределы повседневности, недоступный же для понимания малообразованных кругов и народной психологии «аристократизм» осуждался.

В воспоминаниях часто отмечается купеческая тяга к «жизни нараспашку». С. Чудновский писал о некоторых тобольских купцах, об одном из них — «С-ве», он так вспоминал: «Не было еще и 8 часов. С-в провел накануне ночь в широком разгуле и теперь только что вставал. Нам указали большую комнату, в которой нас просили подождать. Во всю длину этой довольно обширной комнаты стоял длинный накрытый стол, весь уставленный всевозможными напитками и закусками. Заметив на моем лице изумление, полицмейстер объяснил мне, что у С-ва, как и у большинства крезов-тобольчан, существует прочно устоявшийся обычай с 7 часов утра ежедневно накрывать стол и заготовлять обильнейшие закуски и пития, причем каждый являвшийся к ним по тому или другому поводу забирается без всяких приглашений в эту «столовую» и истребляет там сколько угодно закусок и напитков: таков уж здесь освященный практикой обычай гостеприимства»[34].

В своей предпринимательской деятельности купечество, естественно, ориентировалось на прибыль, и ради нее было готово на многое. При этом хитрость, иногда доходящая до прямого обмана в пореформенное время считалась, чуть ли не достоинством. Вот один из типичных примеров того, как сибирские купцы боролись со своими конкурентами: «Один из бийских купцов однажды прибыл в Ирбит и пустил слухи, что его конкурент разорился, и будет рассчитываться на ярмарке пятачком за рубль. Кредиторы всполошились и потребовали немедленного расчета. В результате обвиненному в банкротстве купцу пришлось со всеми своими должниками рассчитаться и вернуться в Бийск с небольшим количеством товара, купленного за наличные деньги»[35].

Неприглядная мораль понимания жизни и деятельности многих купцов была заметна окружающим, поэтому в целом отношение к ним и складывалось весьма противоречивое. Окружающие, в том числе и чиновничество, вынуждены были терпеть дерзкие слова и выходки деловой элиты общества. С. Чудновский описывает весьма нелицеприятный для купечества эпизод, характеризующий представления некоторых купцов об их деятельности, нацеленной на обогащение. Когда к богатейшему тобольскому купцу, заводчику, полицмейстер привел ссыльного с целью найти для него работу, то произошел следующий разговор: «... С-в разразился гомерическим хохотом, хватаясь за бока. Затем громким басом, не переставая хохотать, заводчик, покачивая головой, отчеканил: «И шутник же его превосходительство, право! Живет промеж нас, а нашего купецкого дела все никак понять не может!» Затем, быстро обернувшись ко мне, С-в выпалил: «Скажите, вы воровать умеете?» Я остолбенел от такого совершенно неожиданного вопроса; полицмейстер В-в, как ужаленный, вскочил и весь побагровел. Но С-в, ни чуточку не смутившись, вновь обратившись ко мне, самым добродушным и спокойным голосом продолжал: «Вы, молодой человек, на меня не обижайтесь. Я ведь совсем не намерен и не хочу сказать вам что-либо оскорбительное. Я также и не шутки вас спрашивал. Нам, купцам, лестны вовсе не честные служащие, они нам ни к чему! Нам нужны такие служащие, которые бы заведомо у нас воровали. Вы человек умный и сами можете понять, что ежели мой служащий сворует у меня, скажем, 1000 руб., то он же зато у других сворует для меня 4 000 — 5 000 руб., а я, стало быть, не буду в накладе, а в чистом выигрыше»[36].

Как справедливо отметила Н.Н. Зарубина, в русской культуре получил достаточное отражение тот факт, что даже твердая убежденность предпринимателя в существовании духовного измерения бытия рядом с его практической деятельностью, неколебимая уверенность в необходимости соблюдения религиозных обрядов не удерживали купца от нечистоплотных поступков, обмана, прямого мошенничества в делах. В этом состояла важнейшая проблема «обрядового благочестия» и православной хозяйственной этики в целом[37].

К своему статусу, авторитету в обществе купцы относились весьма серьезно. Курьезный случай приводит газета «Сибирская жизнь» за 1881 г. После очередного награждения за общественную деятельность медалью, один из богатейших бийских купцов-виноторговцев (фамилия его в газете не названа) решил сделать парадный фотопортрет со всеми наградами. После просмотра негативов фотограф сказал ему, что лицо не совсем хорошо получилось и нужно пере-

сняться, на что получил ответ: «На рыло плевать, только бы ордена вышли как следует». Узнав об этом, другие виноторговцы наняли странствующего актера рассказать об этом со сцены. Купец обиделся и решил отомстить. Он объявил, что будет торговать вином на 1 руб. за ведро дешевле, чем все остальные, и так и сделал. Виноторговцы переполошились и чтобы не терять барышей, собрали старому купчине 10 тыс. руб. отступного, которые и передали ему с извинениями[38]. Этот случай ясно показывает ценностные ориентации купечества: с одной стороны, важность для купцов правительственных знаков отличия и того престижа, которые они давали, а с другой — понимание ими и остальными купцами того, что главным для них смыслом жизни является возможность обогащаться. Как пишет В.П. Бойко, для этого «...купцы перешагивали через свою гордость и шли на унижение, готовы были выплатить в случае необходимости огромные по тем временам деньги»[39].

Среди купцов встречались и честные торговцы, которые не просто руководствовались этическими нормами в своей деятельности, но и призывали к этому других. Так, А.Д. Васенев, один из крупнейших торговцев с Монголией, решительно выступал против нечестных приемов торговли и осуждал своих «коллег» за недостойное поведение в Монголии, строивших свою деятельность на невежестве покупателей или насилии. Он считал, что торговцы за границей должны были достойно представлять свою страну и использовать все возможности для распространения русской культуры[40].

В целом, как отмечает Ю.М. Гончаров, купечество оставалось достаточно специфической социальной группой, обладавшей собственной субкультурой, не спешило расставаться с сословными ценностями и в этом отношении являлось, пожалуй, самым консервативным из городских сословий русского общества[41].

Народная память донесла до нас, кого и что ценили жители горожане. Ценились доброта и отзывчивость людей, независимо от того, к какому сословию они принадлежали. В почете была народная удаль, смекалка и сила. По городу ходили слухи о щедрости отдельных купцов, о силе и ловкости ямщиков. Горожане получали новые темы для обсуждений на церковных площадях, базарах, общаясь в местах проведения досуга, гуляя по улицам или обмениваясь гостевыми визитами. Можно говорить о значительной психологической взаимосвязанности горожан, о широких межличностных контактах, о большом значении для горожанина мнений о нем большого городского окружения: соседей, друзей, родственников, знакомых. Ценность хорошего отношения к себе со стороны окружающих определялась возможностью коллектива и его представителей участвовать в судьбе конкретного индивида. Это во многом было проявлением крестьянской ментальности, которая и в начале XX в. сохранялась у значительной части городского населения.

В целом, сложилась единая, цельная система нравственных понятий, соответствующих христианским, православным нормам. Она не зависела от сословного деления. Осуждались жадность, лихоимство, надменность, гордыня, праздность, пьянство. Чтились доброта, простодушие, щедрость, народная удаль, смекалка, трудолюбие, трезвость. Жалость и сострадание были одинаково характерны для представителей разных сословий. Без сомнения, горожане

дорожили Родиной и государственностью. Одинаково желанным для людей было как получение похвалы и награды со стороны государства, так и уважение и признание со стороны общественности.

Модернизационные процессы не могли не откладывать свой отпечаток на явлениях общественного быта, придавая своеобразие его характеру и формам, обусловливая причудливые сочетания в жизни российского социума: ценность предпринимательства, индивидуализма, личного успеха и жизнеспособность корпоративных организаций, сословных обществ, оглядка на общественное мнение, стремление заслужить положительную оценку в глазах коллектива. Жесткие нравы купеческо-мещанской среды соседствовали с интересом к театру, произведениям А. Пушкина, Н. Островского, Л. Толстого, И. Тургенева и других талантливых писателей и поэтов. Типично русским, ментальным проявлением было сосуществование ценностей предпринимательства — расчета и прибыли — с явным пренебрежением к материальному обогащению в широких кругах сибирского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т.1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. С. 332.
2. Там же. С. 332.
3. Русские. М., 1999. С. 654.
4. *Берви-Флеровский В.В.* Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Флеровского Н. СПб., 1869. С. 437.
5. Там же. С. 426-427.
6. *Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII–XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 195.
7. *Johnson Robert E.* Peasant and Proletariat: Migration, Family Patterns, and Regional Loyalties // The World of the Russian Peasant: post-emansipation culture and society. Boston, 1990. P. 90-91.
8. Ibid. P. 95.
9. *Миронов*. Ук. соч. С. 507.
10. *Лямин С.К.* Корпоративность как традиционная черта социальной организации и менталитета средний слоев пореформенной России // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII — XX вв. Материалы междунар.конф., май 2002 г. Тамбов, 2002.С. 347; *Гончаров Ю.М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Барнаул, 2004. С. 149.
11. ЦХАФ АК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.
12. ЦХАФ АК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.
13. ЦХАФ АК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 137. Л. 38, 39.
14. *Гончаров, Чутчев*. Ук. соч. С. 95.
15. Там же. С. 94-95.
16. Там же. С. 89.
17. *Анохина Л.А., Крупянская В.Ю., Шмелева М.Н.* Быт и его преобразование в период построения социализма // Советская этнография. 1965. №4. С.19.
18. *Бердяев Н.А.* О русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 2. С. 26-27.
19. *Брянцев М.В.* «Мещанский» тип личности в контексте русской культуры нового

времени // Россия в Новое время: личность и мир в историческом пространстве. М., 1997. С. 44.
20. Там же. С. 46.
21. *Миронов*. Ук. соч. Т. 1. С. 347.
22. *Берви-Флеровский*. Ук. соч. С. 405.
23. *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1995. С. 14-15, 212, 467; *Разумов А.А.* Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки. М., 1958. С. 163-165; *Спирин А.С.* Русские пословицы. Ростов-на-Дону, 1985. С. 33-35.
24. *Спирин*. Ук. соч. С. 35.
25. *Снегирев*. Ук. соч. С. 87; *Разумов*. Ук. соч. С. 164; *Спирин*. Ук. соч. С. 33.
26. *Снегирев*. Ук. соч. С. 408,410; *Разумов*. Ук. соч. С. 164-165; *Спирин*. Ук.соч. С. 34-37.
27. *McReynolds L.* Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. X. Ithaca, 2003. P. 63.
28. *Лухманова Н.А.* Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения. Тюмень,1997. С. 25.
29. ЦХАФ АК. Ф.176. Оп.1. Д. 23. Л. 23.
30. ЦХАФ АК. Ф.176. Оп.1. Д. 23. Л. 23.
31. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2004. С. 250.
32. *Кулаев И.В.* Под счастливой звездой. Воспоминания. М., 1999.
33. Там же. С. 238.
34. *Чудновский С.* Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 1. С. 131.
35. Восточное обозрение. 1883. 12 мая.
36. *Чудновский С.* Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 1. С. 131-132.
37. *Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001 г. №5. С. 105.
38. Сибирская газета. 1881. 29 марта.
39. *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII — начале XIX в. Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 333.
40. Сибирский купец А.Д. Васенев Ч. I. Дневники. Барнаул, 1994. С. 13.
41. *Гончаров Ю.М.* «Хозяин жизни»: купечество как тип мужественности // О муже(N)ственности. М., 2002. С. 413.

CLASS VALUES AND NORMS OF THE TOWNSPEOPLE OF WESTERN SIBERIA IN SECOND HALF OF THE 19th — THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

A.V. Litjagina

The article describes a traditional, class system of values and social norms of a life of the townspeople of Western Siberia. There has been shown presence of elements of the peasantry mentality: class corporation-ship, presence of a particular integral system of the moral concepts coming from bases of the orthodox culture. The author also marks some new values of modernization: rationalism, sober calculation, aiming at profit among the merchant class and compares values and norms of the low-middle and the merchant classes.

Keywords: Russian history, West Siberia, estates, values.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2009

А.А. Семенов

СПЕЦИФИКА КОМИЧЕСКОГО У ЛОРЕНСА СТЕРНА

Комический герой Лоренса Стерна Тристрам предстает в его романе "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" в качестве клоуна, или шута (дурака). Причем в этом образе одновременно сочетаются два литературных типа: чудака и шута. Единый характер Тристрама, одомашненного шута и веселящегося чудака, образует единство теории шендизма. Для своих героев Стерн вырабатывает знаменитую "теорию конька" (hobby-horse): раз человек индивидуален и неповторим, то, чтобы быть действительно человечным, ему надо отклониться от общей нормы поведения. Оппозиция частного мира социальному является выражением несостоятельности иллюзий просветителей относительно идеи гармонии, построенной на разуме личности и общества. Таким образом, в смеющемся и подчас эпатирующем Тристраме нашел воплощение человек кризисной эпохи.

Ключевые слова: английская литература, 18 век, Лоренс Стерн.

Сатира априори подразумевает наличие идеала и часто нападает на устройство человеческого мира (возможно, и на его Творца). Хотя очевидно, что достичь когда-либо желаемой «идеальности» невозможно. Комедия, как вид комического, напротив подразумевает принятие мира — не идеального, конечно, но способного на изменения. Это подтверждается в том числе «изобретением» авторами счастливых концовок в произведениях, допускающих по крайней мере саму возможность ограниченного человеческого счастья.

Комедия сторонится героического, предпочитая ложно-героическое, и стремится находить компромисс между идеальным и действительным. Так, человек здесь предстает со всеми его недостатками и слабостями, а сама комедия претендует на «терапевтическую» роль (или очистительную в аристотелевском смысле). Она позволяет нам преодолеть неурядицы, уча смеяться над ними.

Тристрам Шенди — комический герой Лоренса Стерна — предстает в его романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» в качестве клоуна, или шута (дурака). Причем в образе героя одновременно сочетаются два литературных типа: чудака и шута. Не ставя задачи освещения генезиса, исторической природы и смысловых связей этих типов, обратимся к тому содержанию, которое вкладывал в них писатель.

С первых страниц автор предупреждает читателя и готовит его к ирониче-

скому безумию, однако не исключает, что чтение романа произведет должный просветительский эффект. Проводя параллели между рождением героя и рождением собственной прозаической работы, Стерн преднамеренно играет роль вертопраха, который, образно говоря, не умеет держать язык за зубами — под каждое мнение уделяет несколько страниц в повествовании.

Шенди предстает и главным героем книги о писателе, сочиняющем роман, и одновременно своеобразным двойником Стерна. В примечаниях к с.144 Стерн исправляет две ошибки Тристрама, называя его автором романа. Эти полярные черты Тристрама, безыскусного рассказчика и литератора-романиста, комически сталкиваются и пародируются.

Более того, процесс создания романа Тристрам превращает в театрализованное представление — не только с диалогами, но и с действиями. Так, он отсылает читательницу к последней главе, продолжая в это время повествование[1], обращается к носильщику с поручением вызвать критика, помочь ему «свести отца и дядю Тоби с лестницы и уложить их в постель»[2], предлагает читателям передохнуть, присев на пять уже написанных томов романа[3].

Также Тристрам ориентируется на воображение читателей, опуская слова и сцены, предлагая читателям их заполнить. Там, где отведено место под воображение, пространство романа заполнено звездочками или многократным тире. Не называя, но отмечая знаками то, о чем не принято говорить, Тристрам умудряется соединить целомудрие и озорную насмешку над внешней благопристойностью.

Игрой голосов «мемуариста» и автора Стерн в «Тристраме Шенди» первым в европейской литературе обогатил форму рассказа от первого лица (что иногда обозначают немецким термином «Ich-Erzahlung»). Отличие «Тристрама Шенди» от других просветительских романов — отрицание в нем предшествующего романного развития. Некоторые исследователи даже абсолютизируют это отрицание Стерна, говоря об уникальности романа и его изолированности в литературном процессе.

«... Совершенно особняком стоит «Тристрам Шенди» с его произвольной до дерзости композицией, нарочито подчеркнутым своеобразием автора, с его пафосом относительности добра и зла, с многоаспектностью подходов в изображении и оценке каждой человеческой личности. Можно говорить о стерниан-ском романе как особом жанре»[4], — утверждает мысль С.В. Тураев.

Н.В. Дешковец называет роман Стерна явлением не только литературным: «Многочисленные факты доказывают, что перед нами карнавализация всего образа мышления, дерзкая, сыгранная в огромных масштабах... »[5].

Все повествование у Стерна проводится сквозь психологию рассказчика, причем каждое сообщение детализируется, получает объяснение, каким образом и когда узнал рассказчик (или слушатель) о происшествии.

Эта игра с мелочами, бурлескное беспокойство составляет в первых главах романа «клоунскую» технику. Появление на свет Тристрама обстоятельно прослеживается вплоть до минуты, когда семейство Шенди приступило к зачатию сына. Это даже не педантичность — вычурная документальность изложения.

Стерн горячо отстаивает остроумие и юмор. Не только потому, что они служат наилучшей защитой от сплина. Остроумная шутка и юмор являются надеж-

ным средством познания людей и жизни в отличие от рассудительности, у которой на все есть готовые выводы. Остроумие помогает видеть привычные вещи по-новому, в неожиданных ракурсах, смеяться над истиной. «Строгость — это уловка, изобретенная для тела, чтобы скрыть изъяны ума» — данной максимой Ларошфуко пользовался соратник Тристрама — пастор Йорик. «Открытая душа весельчака... не таит в себе никаких опасностей, а... сущность строгости есть задняя мысль и, следовательно, обман»[6], — формула, которую выводит уже сам писатель.

Еще об одном аспекте использования остроумия художником слова пишет В.Б. Шкловский. По его мнению, Стерн остается на уровне своего времени, эпохи, когда «совершенно прямолинейно» рассказывает сентиментальную историю про сына бедного офицера Лефевра. Но в рассказе об отношениях господина Шенди и его супруги остроумие Стерна выходит за пределы рассудительности Дж. Локка, оказавшего на писателя сильное влияние. В пуританской Англии, стране подчеркнутой стыдливости, по выражению Шкловского, Стерн все время говорит о недозволенном и нескромном, маскируя это с помощью шутки.

Истинно шендистский герой, безрассудный и непрактичный дядя Тоби во всех трудных случаях насвистывает звуки песенки «Лиллибулеро». Это его красноречивый, хотя и бессловесный, игровой протест, когда он встречается с фальшью или жестокостью.

Братья Уолтер и Тоби Шенди у Стерна — взаимодополняющие друг друга образы. Им присущи рассудочность и добросердечие, ирония и умиление, фантастическая изобретательность и простота соответственно. Стерн замечает, что всякий удар по коньку особенно болезнен для его владельца. И жизнь ударяет мистера Шенди в самые уязвимые места. Первый удар нанесен доктором Слопом — акушер щипцами сплющил нос новорожденного Тристрама. Отец близок к отчаянию. Когда он приходит в себя, единственное, что даёт ему надежду на хоть немного поправить непоправимое — это дать многообещающее, с его точки зрения, имя Трисмегистус, которое, безусловно, должно было отразиться на его характере. Но судьба опять вторгается в жизнь семейства. Священник нарек младенца не Трисмегистусом, а Тристрамом. Второй удар еще больнее первого. Ходатайства к духовным чинам о перемене имени оканчиваются неудачей. От серьезного нездоровья мистера Шенди спасает только новое семейное горе — смерть старшего сына Бобби. Казалось бы, это горе должно окончательно сломить почтенного джентльмена, но оно выручает его. Печальное известие дает Шенди возможность вспоминать излюбленные отрывки из древних авторов на тему бренности жизни — играть так, как он умеет. И несчастье растворяется в потоке красноречия. Ведь философия была неизменной спутницей мистера Шенди на всех дорогах жизни. Она, ядовито замечает Стерн, «имеет в своем распоряжении красивые фразы для всего на свете»[7].

Примечательно, что первым персонажем, иронический и идеализированный портрет которого Стерн рисует в полном масштабе, является пастор Йорик. В нем мы, кажется, наиболее прикасаемся к «норме», соответствующей миру шута-героя. Самые серьезные страницы и главы книги посвящены именно Йорику, они дают нам довольно ясное представление о его особенностях. Он скро-

мен, остроумен, бескорыстен, постоянно думает о своих прихожанах, но не лишен человеческих недостатков. По выражению Дж. М. Стэдмонда, «хотя и отдаленно, но Йорик связан с «мудрыми дураками Шекспира». Он является нескромно откровенным в своих обвинениях зла... как Дон-Кихот, столь же близок нам в моментах проявления слабости к своему коньку — страсти, или чудинки»[8]. Глава двенадцатая второго тома, повествующая о смерти Йорика, в некоторой степени — серьезное обсуждение тяжелого положения шута. Подобно Дон-Кихоту, его иллюзорный мир в конечном счете уступает реальности.

Двойственность характера Тристрама, возможность сочетания в нем дурака и шута раскрывается в романе именно с помощью близкого ему образа Йорика, происхождение которого устанавливает генетическую и социально-историческую связь этих типов.

Итак, стерновский Йорик-чудак ведет свое происхождение от шекспировского Йорика-шута. Должность его, как отмечает Тристрам, «уже лет двести, как... за полной ненадобностью упразднили не только при датском дворе, но и при всех других дворах христианского мира»[9]. То есть чудак оказывается шутом, утратившим свои социальные функции.

А.Н. Веселовский в своей статье о Рабле так характеризует общественное значение шута: «В средние века шут — бесправный носитель объективно-отвлеченной истины. В эпоху, когда вся жизнь складывалась в условные рамки сословия, прерогативы, школьной науки и иерархии, истина локализировалась по этим рамкам, была относительно феодальной, школьной и т.д., почерпая свою силу из той либо другой среды, являясь результатом ее жизненной правоспособности... Всякая общечеловеческая правда, не приуроченная к тому или другому сословию, установленной профессии, т.е. к известному праву, исключалась, с нею не считались, ее презирали, влекли на костер по первому подозрению и допускали лишь в тех случаях, когда она представала в безобидной форме, возбуждая смех и не претендуя на какую-нибудь более серьезную роль в жизни»[10].

Отмечая верность утверждения, что шут был носителем другой, нефеодальной, неофициальной правды, М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» вносит свои коррективы в определение места шута. Он говорит о том, что его нельзя брать изолированно от всей остальной могучей смеховой культуры средневековья и понимать смех лишь как внешнюю защитную форму для «объективно-отвлеченной истины», которую и провозглашал шут. «...Смех не внешняя, а существенная внутренняя форма, которую нельзя сменить на серьезность, не уничтожив и не исказив самого содержания раскрытой смехом истины. Он освобождает не только от внешней цензуры, но прежде всего от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным, перед авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью. Он раскрывал материально-телесное начало в его истинном значении. Он раскрывал глаза на новое и будущее»[11].

Истоки стерновского юмора также кроются в телесности, зримой материальности, зачастую переходящей в прямой натурализм. А.А. Елистратова отмечает, что «стерновский скептический юмор не означает ни иррационалистиче-

ского взгляда на мир, ни проповеди всеобщего релятивизма... Автор «Тристрама Шенди» нимало не сомневается в живой, телесной реальности людей, быта и нравов, изображаемых им так зримо и наглядно»[12].

Частному характеру образа Тристрама соответствует близкий — фамильярный — контакт с читателями. Ближайшее окружение Тристрама — таинственная Дженни, близкие друзья Евгений и Гаррик. Эпитетом «дорогой» герой награждает высоких авторитетов в литературе Рабле и Сервантеса.

В качестве шута Тристрам появляется перед читателями, наделенный надлежащими атрибутами.

«– — Тут, сэр, возьмите, пожалуйста, мой колпак — – да прихватите заодно колокольчик, а также мои ночные туфли»[13].

Образ колпака становится связующим звеном двух сторон характера Тристрама: из под безобидного ночного колпака проглядывает насмешливый шутовской колпак. Маркерами чудака и шута в романе являются также черты лица (приплюснутый нос), интимные подробности его жизни (зачатие, рождение).

Единый характер Тристрама, одомашненного шута и веселящегося чудака, образует единство теории шендизма. В одной из глав первого тома «Тристрама Шенди» Стерн описывает несколько стратегий исследования сознания. Он начинает с сожаления по поводу того, что в человеческое тело не вмонтировано прозрачное стекло, которое позволяло бы писателю увидеть в полной наготе человеческую душу. Таким образом, исходным пунктом теории Стерна является недоступность чужого сознания прямому наблюдению и невозможность достижения безошибочного, безупречно точного знания об устройстве чужой души. Это создает, по его мнению, трудности не только в описании характера того или иного литературного героя, но и в процессе повседневной коммуникации. Герои романа то и дело совершают ошибки в толковании слов и поступков друг друга. Двусмысленность слова и жеста является для Стерна важным приемом создания комического эффекта. Однако писатель все же предлагает несколько стратегий проникновения в чужой мир, останавливаясь в итоге на изображении характера при помощи его «конька» (hobby-horse). Согласно ей, раз человек индивидуален и неповторим, то, чтобы быть действительно человечным, ему надо отклониться от общей нормы поведения. Она требует, чтобы каждый человек обладал своим коньком, капризом, чудачеством, прихотью, манией, чем-нибудь, что делало бы его неповторимым, непохожим на других и — тем самым — самим собою. Те или иные увлечения героя описываются Стерном как пространственное перемещение на его «коньке». При помощи этой метафоры Стерн описывает особенности характера почти всех членов семьи Шенди.

«Конек» становится моральным оправданием чудачества. Его можно понимать как метафору причуды, личной, индивидуальной особенности характера. Стерн не дает точного определения «конька», прибегая, правда, к художественным формулировкам. Корни теории «господствующей страсти» (ruling passion) могут быть обнаружены в творчестве старшего современника Лоренса Стерна, английского поэта Александра Поупа, который так же, как и Стерн, был поклонником философии Локка.

Оппозиция частного мира социальному родственна типу шута. Она является

выражением несостоятельности иллюзий просветителей относительно идеи гармонии, построенной на разуме личности и общества. Эта оппозиция — столкновение «конька» и просветительского разума. «Коньком» Тристрама является само создание им романа. Чудак Тристрам Шенди пытается создать роман-жизнеописание, используя традиционные приемы и мотивы. Однако его труд далек от объективности. Он захватывает из жизни отдельные моменты — картинки, позы, движения, располагает их хаотично.

«...Я делаю все без всяких правил»[14], «...Зачем я отклонился в сторону? — Спросите перо мое, — оно мной управляет, — а не я им», «...я начинаю с того, что пишу первую фразу, — а в отношении второй всецело полагаюсь на господа бога»[15].

В смеющемся и подчас эпатирующем Тристраме нашел воплощение человек кризисной эпохи, осознающий несостоятельность своего разума — шаткого основания, на котором он думал воздвигнуть гармонические отношения между людьми. Потому Стерн обрекает своих персонажей на замкнутую жизнь внутри Шенди-холла. Попадая в иллюзорный игровой мир, они целиком погружаются в него, и все происходящее воспринимается ими как существующее на самом деле. В обыденной жизни страх, эгоизм, «загруженность» заставляют человека проходить мимо чужих печалей и радостей. В игровом же мире, где все вымышлено и, следовательно, не представляет прямой угрозы, он освобождается от равнодушия. Ребячливой может показаться доброта дяди Тоби. Как бы доказывая, что он мухи не обидит, он выпускает на свободу назойливую муху. И это отставной капитан, сражавшийся во Фландрии, под началом Мальборо. Но именно он, простодушный, неразумный, приходит на помощь умирающему в нищете и одиночестве офицеру Лефевру, именно он воспитывает его осиротевшего сына.

Вся противоречивая жизнь у дяди Тоби укладывается в размеры миниатюрной лужайки, на которой он миролюбиво переигрывает по-своему — без крови, без убийств и пожарищ — исторические битвы своего времени. Этот смешной чудак проявляет себя как герой донкихотского склада, заявляя, что таким образом он и капрал Трим служат великим целям мироздания. Аналогии с героями Сервантеса здесь не являются случайными. Стерн то и дело обращается к образам, созданным Сервантесем, его музе, а главное, к проблемам, которые поднимались испанским писателем и переоценивались английским. Так, рассуждая о сходстве образов Санчо Панса и Трима, необходимо помнить, что писатель принимает не только то, что было до него, но и все, что находится вокруг него. Санчо Панса — «современник» колониального могущества Испании — мечтал о подаренном ему королевстве или острове. Тогда бы он продал своих вассалов, обменяв черное на золотое. Трим — передовой «человек» своего времени — не допускает даже мысли о возможности существования рабства (это, безусловно, авторская позиция).

Дядя Тоби и Трим повторяют в игре то, что происходило в реальном мире на полях боев идущей тогда войны за испанское наследство (в романе описываются события 50-летней давности). Условность всего происходящего подчас доходит до того, что зеленая лужайка превращается в театральные декорации, которыми руководит сам автор.

Несмотря на этическое содержание, роман Стерна порой выглядит как роман воспитания шиворот-навыворот: абсурден и воспитатель мистер Шенди, и его неоконченный трактат «Тристрапедия» (традиция риторического романа о воспитании берет начало в античности, например, «Киропедия» Ксенофонта). «Непредвиденная, абсурдная игра случая — пишет А.А. Елистратова, — по Стерну, иной раз может опрокинуть самые благие предначертания Разума»[16].

Совершенно абсурдным кажется и финал самого произведения. Отец Тристрама, как сравнительно крупный помещик должен был держать быка для окружающих его фермеров (своеобразный налог на поместье). Один из брачных сеансов быка не увенчался успехом. В это же время происходят роды у одной из служанок. Реплики с обсуждением событий переплетаются, нарочно создавая комичный беспорядок. В конце разговора как всегда «вовремя» вмешивается госпожа Шенди с восклицанием: «... что за историю они рассказывают?». В ответ звучит реплика приходского священника Йорика: «Про белого бычка... и одну из лучших <историй> в этом роде, какие мне довелось слышать». На этой фразе роман якобы заканчивается, но событийного конца нет. Вместо этого даны «... обстоятельства, переходящие одно в другое, демонстрирующие бессвязную жизнь, отсутствие логики новой, но уже бессмысленной жизни»[17].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М., 1968. С.66-68.
2. Там же. С.255.
3. Там же. С.345.
4. *Тураев С.В.* От Просвещения к романтизму (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западно-европейской литературе конца XVIII — начала XIXв.). М., 1983. С.51-52.
5. *Дешковец Н.В.* Магистральная эволюция романов Лоренса Стерна: от барокко к рококо // http://anthropology.ru/ru/texts/deshk/baroque_31.html
6. *Стерн.* Ук. соч. С.45.
7. Там же, С.338.
8. *Stedmond J.M.* Tristram as Clown // The comic art of Laurence Sterne and innovation in «Tristram Shandy» and «A Sentimental Journey». Toronto, 1967. P. 66-131.
9. *Стерн.* Ук. соч. С.43.
10. *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л., 1939. С. 441-442.
11. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. С.107.
12. *Елистратова А.А.* Роман сентиментализма. Стерн. Голдсмит. Поздний Смоллет // История всемирной литературы: в 8 т. М., 1983-1994. Т. 5. 1988. С. 71.
13. *Стерн.* Ук. соч. С.174.
14. Там же. С.252.
15. Там же. С.351.
16. *Елистратова А.А.* Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966. С.347.
17. *Шкловский В.Б.* Избранное в 2-х т. Т.2. Тетива. О несходстве сходного; Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М., 1983. С.294.

LAWRENCE STERN: SPECIFICITY OF A COMIC HERO

A.A. Semyonov

A comic hero Tristram made by Lawrence Stern appears in his novel "Life and opinions Tristam Shendi, the gentleman" as a clown or a fool. This image combines two literary types: an odd fellow and a jester. Tristram's character of a "tame" jester and a funny odd fellow forms the unity of shendism theory. Stern develops a well-known "hobby-horse theory" for his heroes: if a person is individual and unique, so in order to be really human, he should deviate the general norms of behaviour or social conventions. The opposition of a private world and a social one is an expression of inconsistency of illusions among educators concerning their idea of harmony constructed on reason of a person and a society. Thus, a laughing and epatering Tristam is the embodiment of a person of a crisis epoch.

Keywords: English literature, 18th century, Laurence Sterne.

© 2009

О.Х. Васева

КУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЙСКИЙ РЫЦАРЬ» И ЕГО ФУНКЦИИ В РОМАНЕ У. ТЕККЕРЕЯ «ИСТОРИЯ ГЕНРИ ЭСМОНДА»

В романе «История Генри Эсмонда» Теккерей рисует героя, который вступает в осознанный конфликт с действительностью. Образ Эсмонда дан в динамике, и определяющую роль в его развитии играют внешние события и обстоятельства. У Теккерея ни одно изменение и движение в характере героя не может быть понято изолировано — ни социальное, ни политическое, что особенно подчеркивается выбранным художественным приемом создания образа — использование культурного типажа «Английский рыцарь”. Кроме того, данный типаж выполняет в романе определенные художественные функции, определяя специфику творчества Теккерея 1850-х годов.

Ключевые слова: английская литература, 19 век, У. Теккерей.

В романе «История Генри Эсмонда» Теккерей сосредотачивает внимание на жизнеописании главного героя и его семьи, при этом главным объектом исследования становятся нравы, мораль, быт, культура конца XVII — начала XVIII веков. Все повествование строится как воспоминания героя, поэтому здесь нет непосредственного впечатления от переживаемых событий. Все события в романе предстают через повествовательно обозначенную временную дистанцию. Поэтому тон повествования элегически спокойный, даже отстраненный, тем

более, что оценка событиям и людям дается в прологе к роману, представляющем собой предисловие дочери к запискам отца. Здесь же выделяются определяющие черты личности героя: «Истина», «Любовь», «Честь».

В романе сочетаются мемуарная и объективная формы повествования, предполагающие изложение событий то от первого, то от третьего лица. Прямая самооценка отражает возрастные, профессиональные, социально-политические характеристики героя, в актах с косвенной номинацией Теккерей подчеркивает те личностные качества, которые считает заслуживающими особого внимания. Введение рассказчика обусловило возможность сбалансировать изображение рационального и эмоционального начала внутреннего мира героя.

Теккерей помещает Эсмонда в различные сферы существования людей, в которых он начинает оценивать свое «Я» с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в этих кругах. Движимый в первую очередь не политическими, а личными побуждениями и руководствуясь своими понятиями о чести, Эсмонд принимает самое деятельное участие в неудавшейся попытке реставрации на троне Стюартов, получивших реальный шанс после смерти королевы Анны. Неудача заговора, все более глубокое разочарование героя в светском обществе, прежде пленявшем его изысканностью этикета и внешним блеском, побуждает Эсмонда уехать в американские колонии. Герой проходит школу жизни, сталкиваясь с людьми разных моральных принципов и подходов к жизни. Участвуя в военной, политической, литературной жизни своего времени, накапливая опыт в интимных отношениях дружбы и любви, он вырабатывает собственную позицию. Он отождествляет себя с культурными образцами именно этого общества.

Определяя свою жизненную позицию, свое нравственное кредо, герой оценивает чужие взгляды. Он осмысливает свое «Я» во взаимоотношениях с окружающими его людьми. Приобретенный опыт подтачивает его веру в справедливость и благородство человеческих помыслов, лишает героя свежести чувств. Ему чужды корыстолюбие Мальборо, «изнанка» политических интриг Оксфорда и Болинброка, преклонение перед титулом Беатрисы. Не одобряет он официальной музы мистера Аддисона, приукрашивающей грязные картины войны. Зато ему близки добродушие и умение сострадать ближнему Дика Стиля.

Скепсис Эсмонда постоянно питается тем, что он видит противоречие между практическими нормами поведения и провозглашаемыми на словах принципами. Автор романа акцентирует внимание на том, как трудно адаптироваться в жестко регламентированном обществе. Генри выделен автором из окружающей среды, чтобы проанализировать путь его духовного становления. Его жизненная позиция — это лично выстраданное отношение героя к миру. Писателю казалось, что действительность утратила все сферы, в которых могла бы раскрыться такая героическая личность, ибо «...такова со времен Дон Кихота судьба героизма в обществе, где царит грубая проза материального расчета»[1].

Важным становится то, что аморализм социального поведения в обществе — это норма, а не исключение. Нельзя преуспевать в данном обществе и обладать лучшими человеческими качествами. Процесс крушения идеалов и деградации личности остро ощущался У. Теккереем и отразился в поиске положительного героя. Анализируя «Историю Генри Эсмонда», В. Ивашева отмечает, что «фи-

нал Эсмонда — капитуляция, соединив свою жизнь с давно любившей его леди Каслвуд... он отказывается от борьбы, какая бы она ни была, и покидает Англию».[2]

Однако, на наш взгляд, этот художественный образ — удача Теккерея. Герой романа — символ благородства, великодушия, чьи рыцарские принципы и идеалы вступают в трагическое противоречие с реальной действительностью. Теккерей вместе с читателем пытается решить проблему: почему такой человек как Эсмонд не может адаптироваться к культуре и климату, присущему новому культурному окружению, успешно приспособиться к определенным культурным условиям.

Основным признаком выделения героя из окружающей среды является его социокультурный типаж. В.И. Карасик определяет типаж как «образы представителей определенной культуры, совокупность которых составляет культуру того или иного общества»[3]. Ярким примером культурного типажа «английский рыцарь» является герой романа.

Структурные элементы, составляющие композиционный и пространственно-временной каркас романа были выбраны Теккереем в качестве пародийного основания и определили композицию, сюжетные ходы, и в известной мере, атрибутики — поведение «рыцарей», манеры говорить, культа дамы. Теккерей обыгрывает поведение рыцаря. В романе есть и рыцарь, череда приключений и «подвигов» рыцаря, совершаемых ради идеальной любви к даме. Безродный сирота, не знающий своего происхождения, он воспитывается из милости в доме лордов Каслвудов. Лишь много позднее Генри Эсмонд узнает тайну своего рождения. Оказывается, он — законный наследник титула и владений лорда Каслвуда. Но любовь его к леди Каслвуд и ее дочери Беатрисе заставляет его добровольно отказаться от предъявления своих прав и уничтожить документы, устанавливающие его действительное имя и положение. Эсмонд ради Беатрисы участвует в военных сражениях, втягивается в тайные комбинации закулисной политики.

В тексте романа встречаются и прямые номинации — «Друзья высмеивали рыцаря печального образа»[4], «Что же, честный мой Гарри, ступай, сражайся с ветряными мельницами»[5]. Донкихотовское начало составляет доминанту образа Эсмонда, предопределяя систему ценностей, поведение и саму судьбу, определяет его ценности.

Итак, типаж «английский рыцарь» может быть конкретизирован на примере литературного персонажа. Хотя следует заметить, что многие исследователи выделяют в образе Генри Эсмонда автобиографические черты. В романе герой выступает как лицо, разделяющее нравственные идеалы автора. Возможность персонажной конкретизации является «важной характеристикой культурного типажа, который представляет собой обобщение реально существующих исторических либо вымышленных персонажей»[6]. Как отмечает В.И. Карасик, «будучи абстрактным ментальным образованием, культурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта. Это концепт, содержанием которого является типизируемая личность»[7]. В целом же под типажом принято понимать «совокупность признаков, характерных для какого-либо общественного разряда, типа людей»[8]. Английский рыцарь — это типич-

ный представитель рыцарского этноса, то есть стиля жизни какой-то общественной группы, общей ориентацией какой-то культуры, принятой в ней иерархией ценностей, которая выражена в явном виде, либо может быть выведена из коммуникативного поведения людей.

Больший интерес представляет исследование коммуникативного поведения героев романа. Начиная с «Истории Генри Эсмонда» неизмеримо возросло внимание Теккерея к внутреннему миру героев, их чувствам, мыслям. Психологический анализ реализуется во многих направлениях: раскрытие характеров героев, влияние эмоций на их поступки, взаимоотношения общества и личности и т.п.

Образ главной героини Рейчел Каслвуд написан с учетом почти неуловимых полутонов. Но каждое новое качество, которое появляется в ее характере, писатель обстоятельно аргументирует. Этот образ, который раскрыт психологически глубоко и реалистически точно, является символом нравственного кодекса данного общества. Это не властолюбивая злодейка и не коварная интригантка, а самый обыкновенный человек, из той категории, которую именуют светскими людьми. Внешне Рейчел Каслвуд добра и мягкосердечна, но это не означает, что все ее побуждения и поступки продиктованы этими качествами. Необходимо отметить, что коммуникативное поведение героев есть совокупность бессознательных мотивов и осознанных. Коммуникативное поведение Рейчел в полной мере осознанное, в то время как поведение Эсмонда отличается конформизмом. Следовательно, коммуникативное поведение героев определяется моральным аспектом. Как отмечает в своем исследовании М.А. Маслова, что «порядочное общество все более и более становится хамелеоном, приобретая маски на все случаи жизни. Мораль господствующих классов викторианской эпохи — это преклонение перед общепринятой догмой, лицемерное прикрытие эгоизма и беспринципности»[9].

Теккерей, опираясь на культурный типаж «английский рыцарь», подвергает вдумчивому анализу моральные устои современного общества. Вопрос о положительном герое переходит в плоскость проблемы взаимоотношения личности и общества. Именно Рейчел называет Гарри своим рыцарем, и именно с ее именем Гарри связывает клятву о рыцарской верности и преданности:

«— Нет, нет, вам нужно ехать, — сказала миледи смеясь, и на мгновение положила руку на голову юноши...а если...если вы понадобитесь мне или моим детям, я позову вас; и я знаю, что мы можем на вас надеяться.

— Пусть небо покарает меня, если вы ошибетесь! — сказал Гарри, поднимаясь с колен.

— Мой рыцарь жаждет встретить дракона, чтоб тотчас же вступить с ним в бой, — смеясь сказала миледи; слова заставили Гарри вздрогнуть и покраснеть, ибо он и в самом деле только что думал, как хорошо было бы, если б ему представился случай немедля доказать свою преданность и любовь. Но то, что миледи назвала его «своим рыцарем» несказанно его обрадовало, и он снова и снова возвращался к этому мыслью, прося у бога сил для того, чтобы на деле с честью оправдать это звание»[10].

Символическое значение в коммуникативном поведении героев приобретают действия жестового характера. С одной стороны, Рейчел «на мгновение по-

ложила руку на голову юноши», с другой стороны, Эсмонд, радостно приняв от нее коммуникативное сообщение, поднимается с колен. Эти жесты приобретают ритуальный характер и соотносятся с процессом посвящения в рыцари. Невербальное коммуникативное поведение героев позволяет понять истинное значения происходящего. В контексте романа подобное поведение героини предполагает интерпретацию среды и является определенным символом, выражающим и опосредствующим общественные отношения коммуникантов.

Необходимо напомнить, что, с одной стороны, под эгидой рыцарства людям внушалось, что война — это благородное и славное занятие, тем самым людей призывали сражаться. С другой стороны, рыцарское поведение — это способ воплотить и прославить правление короля посредством определенных ассоциаций.

В романе тщеславие Рейчел сказывается в ее стремлении прослыть святой и казаться лучше всех окружающих ее людей. Эсмонду и всем окружающим его и ее людям она преподносит себя как великую благодетельницу. Однако, владея в совершенстве коммуникативными навыками, она умело скрывает и маскирует цель коммуникации, но ее можно определить по общему характеру коммуникативного акта, по непроизвольным (невербальным и вербальным) проявлениям ее сообщения. Рейчел испытывает удовлетворение, поэтому описание невербальных компонентов передает положительную реакцию — удовлетворение от получения желаемого результата, — которая выражается словом «смеясь».

Итак, Рейчел создает Эсмонду имидж рыцаря. Отметим, что «имидж формируется сознательно, являясь инструментом обработки сознания»[11]. В качестве детерминанты этого вида коммуникации выступают передача определенной информации, которая побуждает партнера к совершению действия, намерение изменить его взгляды. Хорошо зная его переживания и главный комплекс, связанный с его происхождением, она в своем стратегическом коммуникативном поведении ненавязчиво акцентирует внимание Генри на понятийном элементе данного концепта:

1. Рыцарское отношение к даме является одним из признаков английского аристократа.

2. Рыцарь — это положительный образ защитника. Это человек мужественный, благородный.

3. Рыцарь обязан служить своему благодетелю, соблюдая особый рыцарский кодекс.

Идеализация своей спасительницы и благодетельницы — это норма для Эсмонда, которая, в свою очередь, становится существенной предпосылкой для успешной коммуникации. При коммуникации в том, кто находится рядом, необходимо видеть — нечто достойное, высокое, будящее чувство благодарности и любви. Явным становится то, что Эсмонд испытывает положительную эмоциональную реакцию — радость и счастье от провозглашенных ему обязательств. Поэтому он выстраивает свое поведение в соответствии с навязанным ему имиджем рыцаря.

Однако отказ от титула — реальное поведение Генри не может быть однозначно определено только намерением Рейчел: оно есть результат преломления социальных требований и норм в личностной индивидуальности героя: «Важ-

ную тайну поведал Эсмонду его злополучный родственник на смертном одре. Разгласить ее, на что по чести и справедливости он имел право, значило нанести еще более тяжкий удар тем, кого он больше всех любил на свете ...Так неужели же ему навлечь позор и бедствие на семью, к которой он привязан столь многими узами нежной любви и признательности? Посрамит вдову своего отца? Запятнать его честь и честь своего покровителя? И ради чего? Ради пустого титула, который он должен отнять у невинного ребенка, сына своей дорогой благодетельницы. Об этом спорил он сам с собою...Честолюбие, соблазн и даже справедливость требовали одного; любовь, благодарность, преданность говорили в защиту другого. И когда борьба закончилась, тихая радость снизошла на душу Гарри, и со слезами на глазах он возблагодарил бога за то, что он дал ему силы принять верное решение»[12].

Для обеспечения душевного комфорта герою нужно осознавать себя свободным человеком, не зависящим от чужих милостей, и ему необходимо признание его личных достоинств и его личной независимости со стороны других. Гарри, хоть и неосознанно, постоянно стремится, чтобы Рейчел признала факт его свободы. Нужно заметить, что для него оскорбительны мысли о навязанных ему милой госпожой пасторских обязанностях, так как «его никогда не покидало чувство, что быть духовником Каслвудов значит оставаться ниже их»[13]. Чувство собственного достоинства объясняет негативное отношение к карьере скромного сельского священника. Именно поэтому, добродетельный поступок героя в первую очередь вызван стремлением к самоутверждению. Да и сам повзрослевший Эсмонд в своих мемуарах говорит о том, что в его сознании совмещаются различные оттенки душевного опыта. Не только преданность, великодушие, забота определяют его поступок. Как мы видим, ему не чужды и обида, и гордость, и тщеславие. Таким образом, герой, с одной стороны, совершает благородный поступок, с другой, повышает самооценку, тешит свое самолюбие и гордость. Теккерей как бы анализирует данную ситуацию «изнутри». Он поднимает вопрос о моральной ответственности человека за свои поступки. У Гарри есть свой нравственный порог, который он и хочет, но не может перешагнуть. Преградой для этого являются внутренние мотивы и побуждения, моральные запреты. Однако в большей степени в своих действиях он руководствуется принципами чести. Именно этот коммуникативный код является главным регулятором его поведения на протяжении всей его жизни. Поэтому рыцарский образ и стиль поведения становятся для Эсмонда важнейшим моральным эталоном.

Итак, Рыцарь в Генри Эсмонде узнаваем по специфическим характеристикам, выводимой ценностной ориентацией, основу которой составляет рыцарский кодекс, который, в свою очередь, диктует ему определенный стиль жизни, нормы поведения и ценности, которые «представляют самые глубинные характеристики культуры»[14]. Коммуникативное поведение героя романа определяют благородство, справедливость, доблесть, мужество, отвага.

Что касается Рейчел, то комплекс невербальных компонентов коммуникации определяет и подтверждает ее долговременную коммуникативную цель — установление близких отношений, основанных на наивном чувстве благодарности Эсмонда. С одной стороны, Рейчел создает имидж истинного рыцаря, га-

лантного джентльмена, а с другой стороны, использует этот образ в своих корыстных целях.

Следовательно, множеству коммуникативных кодов, которыми оперирует Генри, можно противопоставить другое множество, в которое входят коды противоположные, не совпадающие по значению. Эти коммуникативные коды не входят в кодекс рыцаря, но они во многом определяют поведение Рейчел — лицемерие, трусость, меркантильность.

В художественном мире романа типаж-концепт «английский рыцарь» приобретает очень важное значение, становится средством характеристики не только самого героя, но и окружающих его людей.

Предметно-образная сторона концепта — обобщенный образ рыцаря и его взаимоотношения с миром составляют основу коллизии романа. Понятийная сторона концепта — языковое обозначение характеристик рыцаря, его коммуникативного поведения позволяет писателю обозначить и описать поведение героев, выявить и противопоставить различные коммуникативные коды в процессе взаимодействия.

Ценностная сторона концепта — принятые в рыцарском коде эксплицитные и имплицитные нормы поведения, базирующиеся на рыцарском кодексе — позволяет Теккерею решить проблему положительного героя, одну из самых сложных задач реалистической эстетики. Трудность ее заключалась в том, что герой — обыкновенный человек, носитель высших нравственных ценностей — должен непременно оказаться включенным в орбиту общественных отношений, вызывающих деградацию личности.

Таким образом, в процессе исследования обозначенного нами концепта-типажа «английский рыцарь» в художественном мире романа мы определяем его основные функции:

1. Взаимодействие между художественными элементами произведения, выражающими рыцарскую атрибутику, и современной буржуазной действительностью составляют основу коллизии романа и выполняют сюжетообразующую функцию.

2. Художественное исследование Теккерея, направленное на выявление оценочных характеристик представителей различных социокультурных групп, выполняет аксиологическую функцию.

3 Констатация проблемы идентификации истинных человеческих ценностей в культуре, которая чрезвычайно важна для понимания феномена культуры в целом, исполняет в романе эстетическую функцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Аникст А.А.* Теккерей и его роман «Эсмонд»// Теккерей В.М. История Генри Эсмонда. М., 1946. С. 592
2. *Ивашева В.В.* Теккерей — сатирик. М., 1954. С. 247.
3. *Карасик В.И.* Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград. 2005. С. 12.
4. *Теккерей У.М.* История Генри Эсмонда / Пер. Е. Калашниковой. М., 1989. С. 366.
5. Там же.
6. *Карасик*. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. С. 24–25.

7. Там же. С. 13–14.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1983. С. 709.
9. *Маслова М.А.* Роман У. Теккерея «История Генри Эсмонда» в контексте художественных исканий эпохи. Нижний Новгород, 1998. С. 31.
10. *Теккерей.* Ук. соч. С. 115.
11. *Карасик.* Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. С. 30.
12. *Теккерей.* Ук. соч. С. 179.
13. Там же. С. 197.
14. *Карасик.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград. 2002. С. 8.

CULTURAL TYPE "ENGLISH KNIGHT ": FUNCTIONS IN THE NOVEL "HENRY ESMOND'S HISTORY" BY W.THACKERAY

O.H. Vaseva

In the novel "Henry Esmond's History" W. Thackeray draws a hero who is aware of his conflict with reality. The Esmond's image is given in a certain dynamics and external events and circumstances play a crucial role in his development. The Thackeray's point is no change and move within the character of his hero would ever be understood as an isolated thing — neither social, nor political. The idea is strongly emphasized by a particular choice of the artistic device of creating the image, that is use of a cultural type "the English knight". Apart from that the given type performs some artistic functions, defining the specificity of Thackeray's creativity in 1850-s.

Keywords: English literature, 19th century, W. Thackeray.

© 2009

В.К. Чернин, Д.Н. Жаткин

«СМЕРТЬ АРТУРА» АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ О.Н. ЧЮМИНОЙ

В статье рассмотрена переводческая интерпретация О.Н.Чюминой стихотворения английского поэта "викторианской эпохи" Альфреда Теннисона "Morte d'Arthur" ("Смерть Артура", 1833-1834, опубл. в 1842 г.), в несколько измененном виде ставшего впоследствии заключительной главой "Королевских идиллий" ("The Idylls of the King", опубл. в 1856-1885 гг.). Отмечается стремление Чюминой максимально сохранить атмосферу теннисоновского оригинала, передать не только его сюжетную канву, но и вариации чувств.

Ключевые слова: английский романтизм, художественный перевод, литературная традиция, реминисценция.

О.Н. Чюмина принадлежит к числу писателей, творчество которых практически забыто в наше время. Вместе с тем в конце XIX — начале XX в. ее имя было широко известно читающей России, она много печаталась, принимала активное участие в литературной и общественной жизни. С 1882 г. произведения Чюминой публиковались на страницах журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Северный вестник», «Мир божий» и др., причем она была известна и как переводчица, и как поэт-лирик, автор произведений самой разнообразной тематики, обращавшийся и к гражданским мотивам, и к пейзажному стихотворению, и к интимной поэтической исповеди. Годы расцвета литературной деятельности Чюминой совпали с эпохой безвременья, драматическим периодом мучительных исканий русской поэзией своего нового пути, вылившимся в конечном итоге в появление новых поэтических течений и ярких имен, составивших славу Серебряного века. Грусть и неясные, томительные грезы, своеобразные романтические предчувствия, противопоставление высоких идеалов и низкой действительности характеризуют стихотворения Чюминой, как и лирику таких ее знаменитых современников, как поздний К.К. Случевский, А.Н. Апухтин, К.Н. Фофанов; однако в творчестве Чюминой получили отражение и восхищение подвигом героев минувших лет (стихотворение «На страже»), и напряженное тревожное ожидание неизбежных больших перемен.

Переводные произведения заняли основное место в творческом наследии Чюминой, обращавшейся к сочинениям Данте, Ф. Петрарки, В. Шекспира, Дж. Мильтона, Дж.-Г. Байрона, В. Скотта, Х.-К. Андерсена, Т. де Банвиля, Л. де Лиля, П. Бурже, А. де Мюссе, Ф. Коппе, В. Гюго, А. Теннисона, Г. Лонгфелло, Ш. Петефи, В. Сырокомли, А. Сюлли-Прюдома, Р. Гамерлинга, Т. Готье, Ш.-М. де Эредиа, Ж. Ришпена, Э. Браунинг, П. Фора, Д. фон Лилиекрона, Ф.К. фон Герока, Р. Прутца, П. Гейзе, Ф. Дана, Э. Шенайх-Каролат, Р. Гарнета, М. Конопницкой, Н. Мошалеса. Переводы составили значительную часть вышедшего в 1905 г. нового сборника стихотворений Чюминой (1898–1904 гг.), также удостоенного почетного отзыва Императорской Академии наук. Наряду с авторскими сборниками (по информации газеты «Товарищ» (1907. — №396), в которой Чюмина активно выступала под псевдонимом Бой-Кот с произведениями общественно-политической и социальной тематики), почетных отзывов Академии были удостоены и выполненные ею переводы «Потерянного рая» Мильтона (в 1901 г.) и «Божественной комедии» Данте (в 1905 г.)[1].

На протяжении 1889–1904 гг. Чюмина неоднократно обращалась к творчеству Теннисона, переведя такие его стихотворения, как «Rizpah» («Рицпа»), «Mariana» («Мариана») и «Mariana in the South» («Мариана на юге»), «Morte d'Arthur» («Смерть Артура»), «Break, break, break...» («Бей, бей, бей...»), «The Sisters» («Сестры»), «The Poet's Song» («Песнь поэта»), «The Lady of Shalott» («Леди из Шалотта»), «Lady Clara Vere de Vere» («Леди Клара Вир де Вир»), «A Farewell» («Прощание»), «Edward Gray» («Эдвард Грей»), «The Poet» («Поэт»), «Locksley Hall» («Локсли Холл»), «The Dying Swan» («Умирающая лебедь»), «Come not, when I am dead...» («Не приходи, когда я умру...»), «A Dirge» («Погребальная песнь»), а также четыре фрагмента «In Memoriam» («В память») (V, XXI, XLIX, L) и сборник «The Idylls of the King» («Королевские идиллии»).

Также Чюминой создано значительное число оригинальных произведений, в основу которых положены как мотивы отдельных стихотворений Теннисона, так и в целом настроения, характерные для его творчества.

В 1891 г. Чюмина перевела и опубликовала в «Ниве» под заглавием «В канун Рождества» произведение Теннисона «Morte d'Arthur» («Смерть Артура», 1833–1834, опубл. в 1842 г.), в несколько измененном виде ставшее впоследствии заключительной главой «Королевских идиллий» («The Idylls of the King», опубл. в 1856–1885 гг.). Содержательная основа стихотворения близка третьей, четвертой и пятой главам двадцать первой книги Т. Мэлори «Рыцарский роман» («Romance»), которой Теннисон зачитывался в детстве и впечатления от которой соотнеслись в его сознании с болью от утраты друга Артура Хэллема. Пролог и эпилог, обрамлявшие лироэпический рассказ, носили характер мистификации, поскольку приписывали авторство произведения не самому Теннисону, а вымышленному им поэту Эверарду Холлу, автору сожженной поэмы о короле Артуре, состоявшей из двенадцати книг. Примечателен тот факт, что в течение последующих лет Теннисон осуществил «замысел» Эверарда Холла, создав «Королевские идиллии», цикл, включавший в себя двенадцать произведений. Пролог «Смерти Артура» во многом был противопоставлен эпическому стилю основного текста сказания своим прозаическим тоном; эпилог представлял собой сон о втором пришествии Артура к счастливым народам, не соотносившийся с английскими историческими преданиями.

В прологе, описывавшем вечер накануне Рождества, типично английская рождественская традиция целования на пороге под веткой вечнозеленого растения («The game of forfeits done — the girls all kiss'd / Beneath the sacred bush and past away»[2] [Игра в фанты закончена — девушки все перецелованы / Под священным кустом и ушли]) была заменена в переводе Чюминой иными радостями беззаботной молодежи — загадками, веселой игрой в фанты и танцами («...потешив молодежь / Загадками, игрой веселой в фанты / И танцами (при этом отчего ж / Не выказать и нам свои таланты?)»[3]). Если в теннисоновском оригинале за чашей с пуншем засиделось четверо друзей — священник, поэт, хозяин и рассказчик («The parson Holmes, the poet Everard Hall, / The host, and I sat round the wassail-bowl» (p. 3) [Священник Холмс, поэт Эверард Холл, / Хозяин и я сели вокруг чаши с пуншем]), то в русском переводе героев уже трое — пастор, рассказчик и поэт («Мы наконец осталися втроем — / Пастор, поэт и я...» (с. 1127).

Существенно сократив все произведение Теннисона (пролог — с пятидесяти одного до двадцати двух стихов, лироэпический рассказ — с двухсот семидесяти двух до двухсот десяти стихов, эпилог — с тридцати одного до восемнадцати стихов), русская переводчица опустила в прологе описания такого развлечения, как катание на коньках, и такого элемента беседы, как рассуждения пастора: «...tired out / With cutting eights that day upon the pond, / Where, three times slipping from the outer edge, / I bump'd the ice into three several stars» (p. 3) [...устав / От вырезания восьмерок в тот день на пруду, / Где, три раза соскользнув с внешнего края, / Я выбил об лед несколько звезд]; «The parson talking wide and wider sweeps, / Now harping on the church-commissioners, / Now hawking at Geology and schism» (p. 3) [Священник говорил со все большим и большим раз-

махом, / Теперь заведя волынку о церковных комиссионерах, / Сейчас разнося геологию и схизму]. В связи с этим пролог полностью утратил использовавшиеся Теннисоном для характеристики английского общества описания видов досуга и тематики бесед.

Не менее существенные фрагменты английского оригинала, не интерпретированные переводчицей, содержат упоминание двенадцати книг сожженной эпической поэмы Эверарда Холла («...«he burnt / His epic, his King Arthur, some twelve books» (p. 4) [...«он сжег / Свою эпическую поэму, своего Короля Артура, двенадцать книг»]) и размышления о значимости эпических произведений «героических времен» («heroic times») в новую историческую эпоху, давшую миру только «слабые гомеровские отголоски» («faint Homeric echoes»), вобравшие в себя малую часть великих достижений культуры и литературы прошлого («Why take the style of those heroic times? / For nature brings not back the Mastodon, / Nor we those times; and why should any man / Remold models? these twelve books of mine / Were faint Homeric echoes, nothing-worth, / Mere chaff and draff, much better burnt» (p. 4–5) [Зачем прибегать к стилю тех героических времен? / Ибо природа не вернет Мастодонта, / А мы те времена; и зачем нужно человеку / Переделывать модели? эти двенадцать книг моих / Были слабыми гомеровскими отголосками, ничего стоящего, / Простая ерунда и отбросы, гораздо лучше сжечь»]). Теннисон соотносит свое лироэпическое повествование с поздними «гомеровскими отголосками» («Homeric echoes»), что правомерно, судя по простоте изложения и избранному ритму, однако по стилю стихотворение напоминает некоей искусственностью также и сочинения Виргилия.

Сокращения, неудачно произведенные Чюминой при переводе пролога теннисоновского произведения, привели к утрате отдаленных смысловых параллелей, использовавшихся в качестве своеобразной авторской подводки к основному содержанию лироэпического рассказа. Отчасти этим обусловлена некоторая отвлеченность перевода от конкретных исторических реалий, проявившаяся уже в первых стихах основной части произведения, где место последней битвы Артура подробно описано, но конкретно не названо («Среди холмов, на берегу морском / <...> / Вблизи шумело море / Безбрежное, с другой же стороны / Сребрилася в сиянии луны / Гладь озера» (с. 1128). У Теннисона события происходят в некоей стране Лионесс («Lyonness»), что однозначной идентификации не поддается. У Мэлори войска сражаются на Бархэм-Даун — возвышенности близ Кентербери, рядом с которой нет ни моря, ни озера, упоминаемых в произведении Теннисона: «Among the mountains by the winter sea» (p. 6) [Среди гор у зимнего моря]; «On one side lay the Ocean, and on one / Lay a great water, and the moon was full» (p. 6) [На одной стороне лежал Океан, и на одной / Лежала великая вода, и луна была полной]. О стране Лионесс говорится не в произведении Мэлори, а в некоторых других рыцарских романах и валлийских легендах, где она предстает одной из средневековых «малых Атлантид», поглощенных морем. Согласно преданию, страна Лионесс находится под водой залива Маунтс-Бей у берегов Девоншира, где в шторм можно услышать, как звонят ее колокола.

Также в переводе Чюминой опущены такие значимые элементы легенд об Артуре, как упоминания о предсказателе Мерлине («Tho' Merlin sware that

I should come again / To rule once more...» (p. 7) [Хотя Мерлин поклялся, что я должен прийти снова / Править еще раз...]), артуровском мече Экскалибуре («Excalibur»), непосредственно не названном, но при этом охарактеризованном при помощи различных определений — «славный меч», «чудесный меч», «дивный меч», «чудный меч». Если в английском оригинале смертельно раненный король трижды, с каждым разом все более разгневанно, сознавая потерю власти, просит единственного оставшегося в живых рыцаря Бедивира уничтожить меч («Watch what thou seest, and lightly bring me word» (p. 8) [Пронаблюдай за тем, что ты увидишь, и проворно принеси мне весть]; «I bad thee, watch, and lightly bring me word» (p. 10) [Я приказываю тебе пронаблюдай и проворно принеси мне весть]; «Yet, for a man may fail in duty twice, / And the third time may prosper, get thee hence: / But, if thou spare to fling Excalibur, / I will arise and slay thee with my hands» (p. 12) [Все же, ибо человек может не выполнить свою обязанность дважды, / А в третий раз может преуспеть, заставляю тебя поэтому. / Но если ты пожалеешь выбросить Экскалибур, / Я поднимусь и убью тебя своими руками]), то в переводе Чюминой просьба хотя и повторяется трижды, но ощущения нарастания разгневанности короля неповиновением рыцаря не возникает, даже несмотря на упоминание о «царственном гневе»: «И что затем увидишь — ничего / Ты от меня не утаи»...» (с. 1128); «И мне спеши поведать обо всем» (с. 1129); «...Иди же в третий раз / И выполни предсмертный мой приказ, / Иль берегися царственного гнева» (с. 1129–1130).

Теннисон трижды повторяет обращенный к рыцарю вопрос Артура «What is it thou hast seen? or what hast heard?» (p. 9, 11) [Что ты видел? или что слышал?], причем в третий раз вопрос несколько изменен, что обусловлено самим фактом выполнения королевского приказа: «Now see I by thine eyes that this is done. / Speak out: what is it thou hast heard, or seen?» (p. 13) [Теперь я вижу по твоим глазам, что дело сделано. / Говори: что ты слышал или видел?]. В переводе Чюминой теннисоновский Артур, ожидавший небесного предзнаменования, но при этом точно не знавший, будет ли это голос или видение, поначалу ждал только голоса («...«Исполнил повеленье? / Что слышал ты?» (с. 1129)), а потом — только видения, которое должно было стать знамением («Я вижу по глазам: / Исполнил ты задуманное дело; / Скажи же мне, что ты увидел там?» (с. 1130)), что не совсем точно передает теннисоновский замысел. К тому же второй из трех вопросов русской переводчицей опущен, и потому можно лишь домысливать то, что он аналогичен первому.

С помощью приводившей к своеобразному обратному повтору перестановки отдельных художественных деталей пейзажного описания в ответной реплике рыцаря Бедивира на вопрос Артура Теннисон показал невозможность обмануть мудрого короля: «I heard the ripple washing in the reeds, / And the wild water lapping on the crag» (p. 9) [Я слышал, как волны омывали камыш / И как дикая вода плескалась об утес]; «I heard the water lapping on the crag, / And the long ripple washing in the reeds» (p. 11) [Я слышал, как вода плескалась об утес / И как длинные волны омывали камыш]. В переводе Чюминой авторская находка Теннисона сохранена, однако ощущается не столь явно по причине утраты буквальности повтора, излишнего многословия во второй части реплики: «У берега я слышал ветра стон / И плеск волны, утесы омывавшей» (с. 1129); «Я слышал

там, как волны об утес / Плескалися с однообразным плеском, / И ветра стон я слышал в камышах» (с. 1129).

Описание богатого убранства меча, объясняющее изначальное желание сэра Бедивира сохранить Экскалибур («For all the haft twinkled with diamond sparks, / Myriads of topaz-lights, and jacinth-work / Of subtlest jewellery...» (p. 8–9) [Ибо вся рукоять сверкала бриллиантовыми искорками, / Мириадами топаза огоньков и гиацинтов инкрустацией / Самых изысканных драгоценностей...]), несколько упрощено в русском переводе, где вместо бриллиантов, топазов и гиацинтов упоминается «каменье самоцветное»: «...рукоять, / Горевшую каменьем самоцветным / <...> сияющим, несметным / Богатством...» (с. 1129). Чюминой полностью опущена пространная речь рыцаря Бедивира при его второй попытке спрятать меч, обусловленная непониманием необходимости уничтожения Экскалибура и, возможно, искренним желанием сберечь его для потомков. Однако даже небольшой фрагмент этой речи очень важен с точки зрения принципиального сохранения Теннисоном верности древним легендам о короле Артуре: «...«King Arthur's sword, Excalibur, / Wrought by the lonely maiden of the Lake. / Nine years she wrought it, sitting in the deeps / Upon the hidden bases of the hills» (p. 11) [...«Короля Артура меч, Экскалибур, / Выделанный одинокой девушкой Озера, / Девять лет она отделывала его, сидя в глубинах / Под спрятанным основанием холмов»].

Если Теннисон дважды с небольшими разночтениями повторяет описание видения, представшего глазам Бедивира после того, как он бросил Экскалибур в озеро («...rose (behold) an arm / Clothed in white samite, mystic, wonderful, / And (That) caught him by the hilt, and brandish'd him / Three times, and drew him under in the mere» (p. 13) [...поднялась (увидел) рука(у), / Одетая(ую) в белую парчу, мистическая(ую), удивительная(ую), / И (Которая) поймала его за эфес, и взмахнула им / Три раза, и увлекла его в озеро]), то Чюмина предпочитает сохранить существенно большее число мелких различий, в частности, в первом случае таинственная рука увлекает меч в озеро («...из водной глубины / Опять рука, таинственная в белом, / Явилася, — и меч движеньем смелым / Схватив, она им трижды потрясла / И в озеро с собою увлекла...» (с. 1130)), а во втором случае — уносит его в глубину («Вдруг поднялась из водной глубины / Опять рука, таинственная в белом, / И взяв его, она движеньем смелым / Им в воздухе три раза потрясла / И в глубину с собою унесла...» (с. 1130)).

В теннисоновском оригинале и его русском переводе после уничтожения меча король просит рыцаря Бедивира отнести его к озеру, где его уже ждут судно и «три королевы в золотых коронах» («three Queens with crowns of gold»). У Теннисона и его переводчицы (кстати, не привнесшей в свою интерпретацию английского оригинала ни одной значимой детали) королевы остаются безымянными, тогда как в «Рыцарском романе» Т.Мэлори они названы — это сестра Артура Фея Моргана, королева Северного Уэльса и королева Опустошенных Земель.

Лаконичная характеристика «безумного» плача по Артуру, предложенная Чюминой («Безумный вопль отчаянья и муки» (с. 1130)), не отражает даже отчасти всей боли утраты, которую выразил Теннисон в своем произведении, указав на способность вопля содрогать «трепещущие звезды» («tingling stars»),

сравнив его с пронзительным свистом ветра, наконец, упомянув об «опустошенной земле» («waste land»), безлюдной с сотворения мира («A cry that shiver'd to the tingling stars, / And, as it were one voice, an agony / Of lamentation, like a wind, that shrills / All night in a waste land, where no one comes, / Or hath come, since the making of the world» (p. 15) [Вопль, который содрогал трепещущие звезды, / И, как будто бы был одним голосом, агонией / Горестного плача, как ветер, что пронзительно звучит / Всю ночь в опустошенной земле, куда никто не приходит / Или не приходил с момента сотворения мира]).

При воссоздании портрета умирающего Артура Чюминой утрачены многие яркие сравнения, в частности, лица короля с «исчезающей луной» («wither'd moon»), его самого с «разрушенной колонной» («shatter'd column») и т.д. При описании лица героя «с полосой темной крови» («striped with dark blood») Теннисон подчеркивал его белизну, бесцветность, о чем совершенно не упомянула Чюмина: «...his brow / Striped with dark blood: for all his face was white / And colourless, and like the wither'd moon / Smote by the fresh beam of the springing east» (p. 16) [...его чело / С полосой темной крови: ибо все его лицо было белым / И бесцветным, и как исчезающая луна / Под ударом свежего луча появляющегося востока] — «Чело его покрыто было кровью / Запекшейся...» (с. 1131). Кудри героя, в английском оригинале предстающие одновременно светлыми, блестящими, «подобными восходящему солнцу» («like a rising sun») и пыльными, слипшимися в пряди, перепутавшимися с бородой («...and the light and lustrous curls — / That made his forehead like a rising sun / High from the dais-throne — were parch'd with dust / Or, clotted into points and hanging loose, / Mix'd with the knightly growth that fringed his lips» (p. 16–17) [...и светлые и блестящие кудри — / Что делали его чело подобным восходящему солнцу / Высоко над возвышением трона — были покрыты пылью / Или слиплись в пряди и свисали свободно, / Перепутавшись с рыцарской бородой, что окаймляла его губы]), оказываются в переводе Чюминой как золотыми, так и почерневшими («...золото кудрей, / Похожее на яркий блеск лучей / Полуденных, от пыли почернело» (с. 1131)). Глубинными противоречиями обусловлен в переводе Чюминой и внутренний облик умирающего короля, — некогда «в бою <...> разивший смело», совершавший подвиги, он теперь сам оказывается поверженным и уже ничем не напоминает храброго воина: «...он, в бою всегда разивший смело — / Теперь и сам, поверженный, лежал! / Он рыцаря уж не напоминал / Того, кто был всегда красой турнира, / Чьи подвиги давно воспела лира» (с. 1131). Вместе с тем описание в английском оригинале и в данном случае существенно более насыщенное, в частности, упоминается Камелот, герой выразительно назван «звездой от шпоры до пера» («from spur to plume a star»), уточняется суть его «воспетых лирой» подвигов, носящих исключительно турнирный характер: «So like a shatter'd column lay the King; / Not like the Arthur who, with lance in rest, / From spur to plume a star of tournament, / Shot thro' the lists at Camelot, and charged / Before the eyes of ladies and of kings» (p. 17) [Так подобно разрушенной колонне лежал Король; / Непохожий на Артура, который с копьем наперевес, / От шпоры до пера звезда турнира, / Проносился через ряды рыцарей в Камелоте и бросался / В атаку на глазах дам и королей].

Чюминой не назван остров, на котором оказывается король Артур, тогда как

у Теннисона это Авалон («Avilion») — «остров блаженных», потусторонний мир, куда, согласно кельтской мифологии, смертные могли попасть не только при смерти, но и при жизни. С конца XII в. он отождествляется с местностью, где расположен монастырь в Гластонбери, о которой Гиральд Кембрийский говорил, что она называлась в прошлом островом Авалоном, т. к. действительно являлась почти островом, будучи со всех сторон окруженной болотами; бритты называли его Инис Авалон, что значит Остров яблок. Если для Теннисона предельно важно подчеркнуть идилличность окружающего природного мира («...the island-valley of Avilion; / Where falls not hail, or rain, or any snow, / Nor ever wind blows loudly; but it lies / Deep-meadow'd, happy, fair with orchard-lawns / And bowery hollows crown'd with summer sea, / Where I will heal me of my grievous wound» (p. 18) [...остров-долина Авалон; / Где не выпадает град, или дождь, или снег, / Никогда ветер не дует сильно; но он лежит / Глубоко в лугах, счастливый, светлый с садовыми лужайками / И тенистыми лощинами, увенчанными летним морем, / Где я излечусь от моей скорбной раны]), то Чюмина в своем переводе создает идеализированный образ человеческого счастья, олицетворением которой становится вечная весна души, избавленной от горя, болезней и скорбей («...чудный край, где вечно все цветет / И дышит все бессменною весною, / Где горя нет, болезни и скорбей — / Там излечусь от раны я своей» (с. 1130).

И в английском оригинале, и в русском переводе существенное значение обретает монолог Артура, который, уходя, завещает рыцарю Бедивиру молиться, ибо только в молитве человек способен обрести спасение. Теннисон сближает людей, лишенных общения с Богом, «с овцами или козлами, которые питают слепую жизнь в мозгу» («sheep or goats that nourish a blind life within the brain»), молитвы — с золотыми цепями, опоясывающими землю у ног Бога, а голоса молящихся — с фонтаном, поднимающимся из земли денно и нощно: «...More things are wrought by prayer / Than this world dreams of. Wherefore, let thy voice / Rise like a fountain for me night and day. / For what are men better than sheep or goats / That nourish a blind life within the brain, / If, knowing God, they lift not hands of prayer / Both for themselves and those who call them friend? / For so the whole round earth is every way / Bound by gold chains about the feet of God» (p. 18) [...Больше дел свершается молитвой, / Чем этот мир мечтает. / Поэтому, позволь своему голосу / Подниматься подобно фонтану ко мне день и ночь. / Ибо чем люди лучше, чем овцы или козлы, / Которые питают слепую жизнь в мозгу, / Если, зная Бога, они не поднимают рук в молитве / И за себя, и за тех, кто называет их друзьями? / Ибо так весь земной шар повсюду / Окутан золотыми цепями у ног Бога]. Как и во многих других случаях, Чюмина ограничивается передачей общей содержательной сути монолога Артура, опуская многие выразительные детали английского оригинала, но при этом привносит слова и словосочетания, близкие российскому сознанию, активно пользуется инверсией («отрада чудесная», «тварь бессловесная»): «...Сильна / Молитвы власть: отрадою чудесной / Она для всех, кто верует, полна. / И те из нас, кто тварью бессловесной / Не родились — о ближних и себе / Пусть молятся, и внемлет их мольбе / Творец миров» (с. 1131).

Сравнение отплытия судна с умирающим королем с лебедью, поющей пред-

смертную песнь, свой «дикий гимн» («wild carol»), дополненное у Теннисона многочисленными штрихами, уточнениями («...and the barge with oar and sail / Moved from the brink, like some full-breasted swan / That, fluting a wild carol ere her death, / Ruffles her pure cold plume, and takes the flood / With swarthy webs...» (p. 19) [...и судно с веслами и парусом / Отошло от берега, как полногрудая лебедь, / Что, издавая дикий гимн перед своей смертью, / Взъерошивает свои чистые холодные перья и плывет по течению / С темными паутинками...]), сохранено в интерпретации Чюминой, однако многие эпитеты (например, «полногрудая лебедь» («full-breasted swan»), «чистые холодные перья» («pure cold plume») и др.) опущены, за счет чего в целом произошло сокращение фрагмента: «...и судно, распуская / Все паруса, вдруг двинулось вперед, / Как лебедь тот, что волны рассекая, / С тоскою песнь предсмертную поет» (с. 1131). Образ лебеди, несущейся по волне с предсмертной песней, возникал также в теннисоновском стихотворении «The Dying Swan» («Умирающая лебедь», 1830), переведенном Чюминой в 1893 г.

Сон о короле Артуре, приснившийся рассказчику («...in sleep I seem'd / To sail with Arthur under looming shores» (p. 20) [...во сне я, казалось, / Плыл с Артуром к неясным берегам] — «Но и во сне я короля Артура / Увидел вновь и плыл куда-то с ним» (с. 1131), оказывается своего рода связующей нитью между историческим прошлым и реалиями современной жизни, к которым Теннисон возвращается в эпилоге произведения. Вместе с тем Теннисоном выражена уверенность в бессмертии легендарного героя («Arthur is come again: he cannot die» (p. 20) [Артур пришел снова: он не может умереть]), не прозвучавшая в русской интерпретации Чюминой. Намеренно избегая многих реалий, связанных с легендами артуровского цикла, утрачивая элементы английского колорита, переводчица, однако, смогла сохранить особую ауру благородности, некоей торжественной приподнятости описания над рутиной обывательской повседневности.

Отголоски «Смерти Артура» Теннисона слышны в стихотворении Чюминой «За беседою шумно-веселой...» (1892), где беседа напоминает встречу «за чашей с пуншем» («round the wassail-bowl»), описанную в прологе теннисоновского произведения: «С каждой шуткой твоей остроумной, / Что сверкала как в чаше — вино, / Сердце билось...»[4]. В финале стихотворения звучат мысли рыбака о неопределенности его судьбы, выражены предчувствия бури и смерти, причем песня героя характеризуется как «лебединая» («Суждено ли ей (песне) стать лебединой?»[5]), что не только соответствует традиции «Смерти Артура», но и свидетельствует об обращении Чюминой к одному из наиболее типичных теннисоновских мотивов, получившему выражение во многих произведениях английского поэта (особенно ярко в «Умирающей лебеди»).

Как видим, в конце XIX в. поэтесса и переводчица О.Н.Чюмина интерпретировала многие лирические произведения Теннисона, среди которых были как тексты, к которым ранее обращались русские переводчики, так и стихи, прежде не переводившиеся на русский язык. Для чюминских переводов лирики Теннисона характерны упрощение и сокращение произведений, утрата художественных деталей, значимых психологических нюансов при сохранении тематики, общей сюжетной линии и идейной направленности текстов. В этой связи

одним из характерных примеров и является проанализированный нами перевод Чюминой теннисоновской «Смерти Артура».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об О.Н.Чюминой // Товарищ. 1907. № 396. С. 4.
2. The Poetical Works of Alfred Tennyson. Leipzig, 1860. Vol. IV. P. 3. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
3. *Чюмина О.Н.* В канун Рождества (перевод с английского) // Нива. 1891. № 51. С. 1126. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
4. *Чюмина О.Н.* «С дней первых юности, когда на крыльях грезы...». «Бывают дни, когда расправив крылья...». «За беседою шумно-веселой...» (На мотив Теннисона) // Вестник Европы. 1892. № 8. С. 793.
5. Там же.

ALFRED TENNYSON'S "MORTE D'ARTHUR" IN O.N. CHUMINA'S INTERPRETATION

V.K. Chernin, D.N. Zhatkin

The article presents O.N.Chumina's interpretation of the poem by the English poet of the "Victorian epoch" Alfred Tennyson "Morte d'Arthur" (1833-1834, published in 1842), which with some changes became later the final part of "The Idylls of the King" (published in 1856 - 1885). The authors note Chumina's desire to preserve fully the atmosphere of Tennyson's poem, to transfer not only the plot, but also emotional variations.

Keywords: English Romanticism, literary translation, literary tradition, reminiscence.

© 2009

М.Б. Феклин

«ПУСТЫЕ ГОДЫ» ПЕРЕВОДЧИЦЫ КОНСТАНС ГАРНЕТТ

Статья посвящена итальянским воспоминаниям и мотивам жизни и работы Генри Джеймса (1843-1916) и его старшего современника и друга И.С. Тургенева. Кроме Венеции (город "увядшей славы") образы Италии и ее культуры нашли своё отражение в рассказах этих двух романистов. Рассмотрение итальянских тем еще раз позволяет, показать общие текстовые и тематические модели в работах этих уникальных авторов.

Ключевые слова: литературный перевод, Констанс Гарнетт.

Жизнь и творчество известной английской переводчицы Констанс Гарнетт (1862–1946) в значительной степени способствовали знакомству англичан с русской классической литературой XIX века и формированию образа России на Западе.

Отношение Констанс Гарнетт к русским людям и русскому национальному характеру, даже к своему кумиру Сергею Степняку (настоящее имя Сергей Михайлович Кравчинский, 1851–1895) было окрашено противоречивостью. В этом отношении сочетались уважение к порядочности, гордости и мужеству с представлением о том, что в конечном итоге все русские отличаются капризностью и непредсказуемостью поведения.

И все же Гарнетты очень часто оказывались в роли гостеприимных хозяев русских политических эмигрантов (Степняк, Волховский, Кропоткин), а также литераторов и переводчиков (Котельянский, Венгерова). Переводы Констанс Гарнетт и литературная критика Эдварда Гарнетта, который постоянно подчеркивал достоинства современной русской литературы, во многом определили дальнейшее развитие английской литературной традиции.

В общей сложности переводы Гарнетт с русского составили 71 том. В них вошли произведения Гончарова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя и других русских авторов. В 1930-х годах с переводом трех пьес Тургенева («Месяц в деревне», «Завтрак у предводителя», «Провинциалка») Констанс Гарнетт сочла свою переводческую и просветительскую миссию выполненной, однако она продолжала внимательно следить за работой своего сына Дэвида, а также других писателей, в творчестве которых «русская тема» играла значительную роль.

Интерес к России, ее культуре и политике никогда не покидал Гарнетт. Она не сожалела о крахе старого режима, но жестокости нового пугали ее. В ее жизни вновь появляются посланцы России. Она сближается с теми, кто соответствовал идеалам, воспетым русским классиками XIX века (Татьяна Чернавина, Натали Даддингтон-Эртель).

В 1928 году в письме своему сыну Дэвиду Констанс Гарнетт заявила, что прекращает переводческую деятельность и принимается за мемуары, однако гораздо позднее, в ноябре 1946 года Джордж Барнс, директор третьего канала («программы») радио Би-Би-Си обратился к Констанс с просьбой принять участие в целой серии программ, посвященных проблемам перевода, и она с готовностью согласилась, правда судьба распорядилась иначе, и ей было не суждено дожить до воплощения еще одного большого переводческого проекта[1]. Таким образом «пустых лет», хотя она и ожидала их, Констанс пережить не довелось.

С 1896 года Гарнетты жили в уединенном доме («Сеарн» — просека) на границе графств Кент и Суррей. Даже история выбора места для дома и его строительства еще раз свидетельствуют о бунтарском характере Гарнеттов, которые просто не могли представить себя частью добропорядочного викторианского общества.

К лету 1914 года там появился и флигель, куда переместили целую коллекцию книг и материалов о России. Эдвард называл его «уголком Достоевского». Вместе с тем рядом с Констанс оставалось все меньше проверенных временем русских друзей. В 1895 году уходит из жизни Сергей Степняк, а в августе 1914 — Феликс Волховский.

С началом Первой мировой войны, хорошо зная русские реалии, Гарнетт оказалась одной из немногих, кто со всей серьезностью подошел к возможным трудностям военного времени и стал запасаться продуктами питания. В «Сеарне» занялись выращиванием картофеля.

Вместе с тем война приостановила или вовсе оборвала выход многих изданий, таких как the *New Weekly,* где регулярно появлялись критические статьи Эдварда Гарнетта и переводы Констанс (три рассказа Чехова). Издатели Дакуорт (сводный брат Вирджинии Вульф) и Хайнеманн с огромными трудностями продолжали выпуск собрания сочинений Достоевского и Чехова в переводе Гарнетт. В это же время Мейнард Кейнз просит ее перевести роман «Ключи к счастью» (The Keys of Happiness) Анастасии Вербицкой, но она отказалась, поскольку и так уже была слишком загружена работой.

В 1915 году дело пацифиста Дэвида Гарнетта рассматривает один из многих провинциальных трибуналов, его защитник Эдриан Стивен среди прочего упоминает на процессе о том, что Дэвид вместе с матерью всю жизнь разделял взгляды пацифистов и даже встречался в России с Толстым. Но этот факт биографии не произвел ожидаемого впечатления на местных обывателей, и Дэвид был вынужден заняться общественно полезным трудом при посредничестве Вирджинии Вульф.

Дэвид сам немного знал русский. Он даже пытался помогать Констанс с переводами произведений Достоевского, однако реальная помощь оказалась выше его возможностей.

В 1917 году в России разразилась революция, которую Констанс встретила восторженно, но ее события разделили семью Гарнетт, отдалили Констанс и Эдварда от старого друга семьи Натали Даддингтон. Внешней причиной послужила статья, которая была напечатана в журнале the *Atlantic Monthly* и принадлежала Натали Даддингтон, но была помещена там только в связи с занятостью Констанс и в ответ на просьбу редакции прокомментировать события в России.

Констанс очень волновал тот факт, что большевики и их политика дискредитировали само понятие международного социализма, которое было так дорого переводчице. Она боялась, что хаос, воцарившийся в России после революции (о нем она могла судить только по рассказам Натали Даддингтон-Эртель), закончится, как это уже не раз бывало в истории, обычной реакцией, террором и восстановлением монархии.

Однако Гарнетты, как всегда, стремились принять личное участие в событиях, особенно если это было связано с Россией. Так, Дэвид усиленно занялся русским не только для того, чтобы попытаться переводить Достоевского, но и чтобы отправиться в Россию, а точнее в Самарскую губернию, с миссией английских квакеров. Он принял самое деятельное участие в создании правдивого образа новой российской власти в британской прессе, в которой появлялись, например, сообщения о полном разрушении Кремля и т.д.

В ноябре 1918 года Первая мировая война закончилась, но вскоре английские войска оказались на севере России, что вызвало негодование Констанс. Горькая ирония английского военного вмешательства для Констанс состояла еще и в том, что старый друг Сергея Степняка Николай Чайковский оказался частью официального прикрытия интервенции. Констанс тяжело переживала

поражение февральской революции, всегда выступала против решения любых идеологических противоречий с помощью внешней агрессии против Советского Союза и почему-то сохранила необъяснимые и несколько наивные симпатии к Ленину (“poor Lenin”)[2].

С 1914 по 1918 годы в переводах Констанс Гарнетт было опубликовано семь объемистых томов произведений Достоевского, слава которого в Англии непрерывно росла[3]. Сама война, разразившаяся сразу после выхода в свет перевода романа «Братья Карамазовы», в период напряженных исканий представителей самых различных эстетических направлений доводила увлечение Достоевским до истерии.

С началом войны своеобразный «культ» неожиданно открытой для Англии русской культуры, по крайней мере, однажды приобрел форму открытого обращения английских литераторов с письмом к своим русским собратьям по перу, хотя тон письма показался Констанс излишне эмоциональным. Тем не менее его подписали Арнолльд Беннетт, Голсуорси, Генри Джеймс, Гарди, Д.Г. Уэллс и многие другие. В нем русская культура называется еще одним домом цивилизации, который долгое время скрывался под покровом необычных одежд[4].

В период работы над произведениями Достоевского у Констанс снова возникли чисто физические трудности — у нее резко усилилась прогрессирующая близорукость, которой она страдала всю жизнь. В письмах Дэвида Гарнетта можно найти много упоминаний об этом. Констанс решила сосредоточить все внимание на редактуре перевода, памятуя о традиционной невнимательности и равнодушии английских редакторов и корректоров.

В последние годы войны Констанс Гарнетт удалось найти издателя для собрания сочинений Чехова в ее переводе. Это произошло почти случайно и при довольно комичных обстоятельствах[5]. Контракт с издательством Чатто сделал финансовое положение Констанс более надежным. Она впервые приобретала права на издание своих переводов в Америке. До этого издатель Гарнетт Хайнеманн не платил ей за это ни пенни. Гарнетт настояла на издании Чехова в карманном железнодорожном формате «краун», как ранее до этого собрания любимого ею Тургенева.

Однако появление переводов Чехова осталось почти незамеченным критикой да и читателями. Журналы военного времени были лишь тенями довоенных, не хватало бумаги, а имевшаяся отличалась не только низким качеством и хрупкостью, но и характерным серым цветом. Помимо собрания пьес и рассказов русского писателя Констанс по договору с издательством перевела избранные письма и должна была написать краткую биографию Чехова, основываясь на мемуарах Михаила Чехова.

В истории написания мемуаров проявилась одна характерная черта Гарнетт — она никогда не могла заставить себя писать о русской литературе. Вот и на этот раз она поручила большую часть работы над биографией сыну Дэвиду. После окончания войны Дэвид быстро начал превращаться в настоящего писателя, вначале выступая под псевдонимом и используя, по его выражению, все известные ему «клише». Однако Констанс не могла не ощутить «молодой энергии и свежести», которыми он наполнял любой текст[6].

С пьесами Чехова дело обстояло сложнее. Они уже шли на английской сце-

не. Так, в 1911 и 1920 году в лондонском театре Олдвич и театре Сент-Мартин прошло несколько представлений «Вишневого сада» в постановке мадам Донне. Она хорошо знала русскую театральную школу и традиции Московского художественного театра, но ей пришлось адаптировать неудачный перевод Мэрион Фелл. К тому же, вся ее труппа состояла из английских актеров со слишком ярко выраженными чертами национального характера. В августе 1920 года в журнале the *New Statesman* Вирджиния Вульф также отмечает, что все актеры казались ей хорошо знающими свое ремесло англичанами, чувствующими себя очень неловко в непонятной культурной среде и все же стремящимися с достоинством выйти из нелепого положения. Пьесам Чехова еще только предстояло пройти долгий путь к сердцу английского зрителя, хотя некоторые (отзыв приписывается Кэтрин Мэнсфилд) и считали, что Чехова так же хорошо знают в Англии, как и Шекспира.

Вскоре еще один литературный критик Джон Миддлтон Марри дал высокую оценку переводам Констанс Гарнетт. В отзывах на выход одиннадцатого и двенадцатого томов рассказов и повестей русского писателя он даже сравнивает переводы Гарнетт с переводами пьес Шекспира, выполненными когда-то Шлегелем.

Именно Гарнетт суждено было выиграть своеобразную гонку переводчиков, вводивших Чехова в английский литературный обиход. В этой гонке принимал участие, например, С.С. Котельянский, давний друг Д.Г. Лоуренса, Вирджинии Вульф и многих членов группы Блумсбери. Но он использовал свой подход к переводу, перелагая русский текст на свой не вполне идиоматичный английский, а затем уже полагался на стилистическое чутье Лоуренса и Вульф. Однако к 1922 году преимущество переводов Констанс Гарнетт стало очевидным для всех серьезных критиков.

Однако нельзя сказать, что переводы Гарнетт вообще никогда не подвергались критике. Так, в 1963 году исследователь творчества Чехова Августа Тоуви обнаружила в переводе повести «Степь» несколько оплошностей («черепок» вместо нужного «череп», и несколько других), но далее она признает за Гарнетт первенство в переводах русской классической литературы. При этом следует признать, что переводческая репутация Гарнетт пережила наибольший кризис в 1960–1970-е годы, когда стиль ее переводов иногда назвали «трескотней викторианской гремучей змеи». Оставим также на совести Набокова его резкую критику творчества Гарнетт.

С тех пор появились переводы Рональда Хингли, Патрика Майлза, Харви Питчера. Некоторые из них считали диалоги в ее переводе с русского несколько искусственными, но, как отмечал Рональд Хингли (автор перевода девятитомного собрания сочинений Чехова) в беседах с автором этих строк, он никогда не обращался к каким-либо иным переводам, а в сомнительных случаях всегда находил удачные варианты в текстах Гарнетт, которые точно соответствовали духу чеховской эпохи в Англии.

Когда в 1933 году под редакцией Эдварда Гарнета в издательстве Кейпа вышла антология из 53 рассказов 24 английских писателей, Джон Голсуорси отметил в своей статье в ноябрьском номере the *English Review*, что «Чехов стал самым сильным магнитом для молодых английских писателей». Весьма значи-

тельную роль в этом сыграли компактные зеленые томики переводов Констанс Гарнетт.

Но самым решительным поступком Гарнетт в поздний период ее жизни и творчества стало политическое завещание, которое также непосредственно связано со всей предыдущей деятельностью переводчицы. Связано оно и с общественно-политической обстановкой в России[7].

Поводом для написания завещания послужил выход в свет (в переводе на английский язык) очерков Татьяны Чернавиной *Escape from the Soviets* («Побег из совдепии», 1933). Вскоре после публикации очерков Леонард Вульф поместил в журнале the *New Statesman* статью о книге Аллана Монкхауса, английского инженера, процесс над которым состоялся в России в апреле того же года. В статье Вульф помимо прочего заявляет, что он верит только тем материалам и отзывам о России, когда нечто комплиментарное о существующем режиме выходит из-под пера враждебно настроенного критика или когда осуждение о политике новых российских властей высказывает доброжелательно настроенный критик. И те, и другие критики в тот период пребывали либо в состоянии растерянности, либо страха.

В своем завещании Констанс Гарнетт впервые так открыто встает на одну позицию с блумсберитом Леонардом Вульфом, о котором она знала в основном только по рассказам сына Дэвида. Она не скрывает, что является противником того, что происходит в России и боится распространения подобного «коммунизма», хотя никогда не считала себя враждебно настроенным критиком, поскольку на протяжении последних сорока лет у нее было много русских друзей, а большинство из них активно боролись со старым режимом.

Изменение ее отношения к последней революции 1917 года происходило постепенно. Гарнетт, по ее же словам, всегда руководствовалась принципом: «кто никогда не меняет своего мнения, любит себя больше, чем истину». Гарнетт одной из первой сравнивает порядки в Советской России с порядками в нацистской Германии. При этом главным критерием для Констанс Гарнетт видится соблюдение прав простых русских людей, их счастье и благополучие. Она пытается доказать не только Леонарду Вульфу (ему собственно и было адресовано письмо), но и многим другим англичанам, что успехи в построении современной экономики не должны заслонять духовное опустошение и извращение интеллектуального развития, которые неизменно сопровождают проявления деспотизма государства (the communism of the Mongols). Она боялась превращения новой идеологии в религию фанатиков, которые с презрением относятся к культурным достижениям прошлого.

Констанс Гарнетт сохранила такое отношение к новому режиму в России до конца жизни. Отметим однако, что письмо Гарнетт не было опубликовано в журнале the *New Statesman* в силу целого ряда причин, основной из которых стало все более значительное различие между материалами передовиц (front pages) — их характер определял главный редактор и идеолог журнала Кингсли Мартин (кстати, вместе с Леонардом Вульфом) — и более взвешенными и объективными статьями, благоразумно помещенными на последних страницах (back pages). Гарнетт же всегда выступала за право свободно высказывать свое мнение по любым волнующим ее вопросам.

В связи с этим показателен один небольшой, но яркий эпизод. Когда в конце ее жизни новый викарий прихода, в котором находился дом Гарнеттов «Сеарн», пригласил переводчицу для участия в богословской дискуссии по поводу трактовки избранных мест из Евангелия, она ответила с присущей ей прямотой и иронией профессионального переводчика в том смысле, что Евангелие было написано когда-то невежественными людьми на арамейском, а два века спустя было переведено на плохой греческий и поэтому не может служить предметом для сколько-нибудь серьезных размышлений. Вместе с тем Гарнетт всегда с большим уважением относилась к христианской этике и высоким идеалам Нагорной проповеди. Позиция переводчицы Констанс Гарнетт в целом отличалась смелостью выражения собственной точки зрения и уважением к мнению других одновременно. Ее пример приобретает совершенно особое значение в наше время.

Прошло уже 20 лет с тех пор, как иранский религиозный лидер аятолла Хомейни объявил смертный приговор английскому писателю Салману Рушди за якобы нанесенное им оскорбление исламу, сделанное в романе «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses*, 1988). Последствиями этого шага стали и сожжения книг писателя, и покушения, и даже убийства, а в целом под удар попала свобода самовыражения в многокультурном обществе.

Все началось в день св Валентина 14 февраля 1989 года, когда большая группа выдающихся англоязычных писателей Мартин Эймис, Пол Теру, Салман Рушди и многие другие собрались на поминальную службу по Брюсу Чэтвину, который незадолго до этого принял православие, что само по себе было воспринято многими его собратьями по перу как последняя шутка писателя. Но именно в тот день Рушди узнал о суровом приговоре иранского аятоллы. Скоро стало понятно, что фатва Хомейни больше, чем пустая угроза.

День спустя Рушди исчез из общественной жизни и долгое время, несмотря на принесенные извинения, появлялся только в сопровождении многочисленной охраны. Аятолла продолжал настаивать на приведении приговора в исполнение.

А через год погиб японский переводчик Салмана Рушди Хитоши Игараши, было совершено покушение на итальянского переводчика писателя Этторе Каприоло, в 1993 году серьезное ранение получил норвежский издатель Рушди Уильям Нигаард. В ходе покушения на турецкого переводчика Салмана Рушди Азиза Несина был подожжен отель и погибло 37 человек.

За несколько лет после объявления фатвы пострадали издательства и книжные магазины, в которых продавалась книга Рушди. Так, в апреле 1989 года бомбы взорвались сразу в двух книжных магазинах сетей «Коллетс» и «Диллонз». Месяц спустя взрывы раздались в городке Хай-Уикомб и на лондонской Кингс-роуд. За ними последовал еще один в супермаркете сети «Либерти», где находился книжный магазин издательства «Пингвин», а также в магазине издательства в Йорке. Взрывные устройства удалось обезвредить в Ноттингеме, Гилдфорде и Питерборо, также в магазинах издательства «Пингвин».

Постепенно издательские дома стали проявлять все большую и большую осторожность, если не сказать трусость, когда речь заходила о публикации романа.

Тогда же известный мусульманский социолог Тарик Модуд заявил, что если мы и дальше хотим находиться в одном и том же политическом и культурном пространстве и не вызывать непреодолимых конфликтов, то должны смириться с необходимостью ограничивать критику основополагающих убеждений друг друга.

В юбилейной статье Эндрю Энтони в журнале the *Observer*[8] приводятся высказывания целого ряда выдающихся западных деятелей культуры, которые единодушно утверждают, что современное общество все более напоминает человека, которому затыкают рот (gagged society).

В этой связи необходимо еще раз отдать должное гражданскому и профессиональному мужеству маленькой и хрупкой англичанки Констанс Гарнетт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Garnett R.* Constance Garnett: A Heroic Life. London, 1990. P. 360.
2. Ibid. P. 302.
3. *Phelps G.* The Russian Novel in English Fiction. London, 1956. P. 171.
4. *Garnett.* Op. cit. P. 303.
5. *Swinnerton F.* Background with Chorus. London, 1956. P. 142-143.
6. *Garnett.* Op. cit. P. 307.
7. Ibid. P. 340-341.
8. *Anthony A.* The Fatwa 20 Years on // Observer. 11 January, 2009. P. 3-4.

ITALIAN MOTIFS IN THE WORK OF HENRY JAMES AND I.S. TURGENEV

M.B. Feklin

The article is devoted to Italian reminiscences and motifs in the life and work of Henry James (1843-1916) and his older contemporary and friend I.S. Turgenev. Apart from Venice (the city of "faded glory") the images of Italy and its culture found their way into the narratives of the two novelists. The rendering of Italian themes once again enables to reveal common textual and thematic models in the works of these otherwise idiosyncratic authors.

Keywords: Literary translation, Constance Garnett.

© 2009

Е.А. Комарова

ФУНКЦИЯ ЛИТУРГИИ В ХРОНОТОПЕ РОМАНА Ж.-К. ГЮИСМАНСА «В ПУТИ»

В статье рассматривается влияние литургии на духовные и временные особенности романа Ж.-К. Гюисманса «В пути», отражающим экзистенциальные проблемы волнующие писателя. Предметами исследования являются средневековый христианский символизм, категория литургического времени. В романе литургия организует пространство и время.

Ключевые слова: французская литература, Ж.-К. Гюисманс.

Роман «В пути» (En Route, 1895), второй из тетралогии о Дюртале, знаменует собой начало заключительного, католического этапа экзистенциальных поисков писателя. Это описанная в мельчайших подробностях история католического обращения автобиографического персонажа. Дюрталь все более разочаровывается в мирской жизни, ищет успокоения в религии, в чтении легенд и жизнеописаний святых, в мистической литературе, в посещении церквей, совершает паломничество в монастырь траппистов, где перерождается в верующего католика, и возвращается в Париж «слишком монахом, чтобы оставаться в писательском кругу» (с. 649)[1]. Впервые ощутив радость жизни во время пребывания в монастыре, он все же не может долго оставаться там: аскетический уклад и подчинение жесткой дисциплине даются ему с трудом. Путь, пройденный Дюрталем, полон жестоких разочарований и мучительной внутренней борьбы; это путь проб и ошибок, христианского ученичества, ведущий через сомнения и срывы к озарению Божьей благодатью и к искреннему служению вере.

Непреодолимым магнитом, притягивающим Дюрталя к Богу, становится любовь к искусству. Таинства обрядов, великолепие литургий, гармония соборов навсегда покоряют его: «В те чудесные Средние века, когда искусство, вспоенное молоком церкви, преодолело смерть, приблизилось к порогу вечности, к Богу, Божественный замысел и небесные формы были угаданы, уловлены человеком в первый и, возможно, в последний раз. И они отвечали друг другу и отражались друг в друге, от искусства к искусству» (с. 313). Не случайно многие современники и исследователи творчества Гюисманса утверждают, что именно искусство стало основным побудительным мотивом христианского обращения писателя. Например, Ж. Ривьер отмечает: «Только искусство вернуло его. Он вернулся к средневековому христианскому искусству, а не к христианской вере»[2].

Путь Дюрталя к вере представляет собой неустанный поиск особого духовного пространства, своеобразного Телемского аббатства, в котором слились бы воедино мистическое созерцание и искусство, гармонично сосуществовали бы два почти несовместимых аспекта религиозной психологии: необходимость очищения, воплощенная в монастырской аскезе, и очарование озарения, вызы-

ваемого христианским искусством. Внутреннее пространство святилища — места, посвященного Богу и подразумевающего подлинное присутствие Божественного начала, — отражает совершенство и бесконечность духовного мира, является «адекватным символом Божественного»[3], способствует возрождению человеческого микрокосма под воздействием благодати.

Средневековые церкви представлены Гюисмансом как живые существа, как души, как земное обиталище божественного присутствия. Они, подобно живительному соку, поддерживают и питают духовную субстанцию: «...укрыться в монастыре, <...> никогда не знать, что происходит за пределами твоей кельи, <...> совершенствовать благодатную тишину этой замкнутой жизни, питаясь благодатью, утоляя жажду григорианским хоралом, насыщаясь неисчерпаемой сладостью литургий (с. 367). В «милосердных» церквях Средних веков Дюрталь чувствует себя как дома: «...их камни действительно источали веру; там жила душа сводов; невозможно, чтобы жаркие молитвы и безнадежные рыдания Средневековья не впитались навеки в эти колонны, не врезались в стены» (с. 338). Отношения между присутствием Божественного начала и святилищем тождественны отношениям между телом и душой: «...храм есть soma божественной psyche»[4]. Согласно католицизму, архитектурный символизм создан самим Иисусом Христом. В доказательство обычно приводится притча из второй главы Евангелия от Иоанна, где Господь, имея в виду собственное тело, говорит о том, что, если Иерусалимский храм будет разрушен, он восстановит его за три дня. Поэтому готический собор символизирует тело Христа, распятого на кресте, тем самым материализуя в пространстве католическую догму Corpus Mysticum о том, что каждая христианская душа является частью этого тела. Эта традиционная ассоциация присутствует и у Гюисманса: «Толпа притекала, деловито и молча, шла по огромному кресту, образованному главной аллеей и двумя ответвлениями трансепта, и, пройдя сквозь раны, изображаемые дверями, приближалась к алтарю, где должна была находиться окровавленная голова Христа, и на коленях жадно целовала у ступеней распятие, обозначавшее подбородок» (с. 332).

Символическое единство внешней оболочки и внутреннего содержания средневекового христианского искусства во многом обусловлено отказом от четких границ, от непроницаемых перегородок между различными художественными формами: «У Святых Дев на картинах примитивистов[5] удлиненные, миндалевидные лица, словно стрельчатые арки, утонченные готикой <...> цвет их лиц прозрачен, словно пасхальный воск, а волосы бледны, как крупинки настоящего ладана без позолоты <...> их тела устремляются ввысь, подобно тонким колоннам <...> их красота становится в своем роде литургической» (с. 313).

В романе «В пути» источником синестезий в духе Ш. Бодлера — иррациональных ассоциативных связей, когда одно чувство вызывает другое, относящееся к иной области восприятия, открывая художнику мистическое единство Вселенной — становится литургия или григорианское пение. Дюрталю григорианский хорал видится взлетом освобожденной от рабства плоти души, идиомой Церкви, музыкальным Евангелием: «Это ровная, обнаженная мелодия, одновременно небесная и могильная, торжественный возглас грусти и надменное восклицание радости, грандиозные гимны человеческой веры, пробивающиеся

в соборах, словно неодолимые гейзеры, из-под самых оснований романских колонн» (с. 312). Никакая музыка, по его мнению, не стоит торжественности Magnificat, высокого вдохновения Lauda Sion, воодушевления Salve Regina, тоски Miserere и Stabat, всемогущего величия Te Deum.

Впервые Гюисманс акцентирует эмоциональное воздействие григорианского пения на персонажа в романе «Наоборот»: «Сколько раз дез Эссента подхватывало и пригибало к земле необоримое дыхание григорианского хорала, когда Christus factus est звучало в нефе и колонны содрогались в облаках, поднимавшихся из кадильниц, или когда стонали басы De profundis, мрачные, словно сдерживаемые рыдания, мучительные, словно безнадежный зов человечества, оплакивающего свой смертный удел и молящего о сочувственной милости Спасителя»[6].

Ссылки на соответствия между григорианским пением и другими формами искусства многочисленны и убедительны. Литургия и архитектура сплетаются воедино: «...мелодия то склоняется, словно темные романские арки, то возносится, сумрачная и задумчивая, подобно кружалам» (с. 315). Григорианское пение изгибается подобно романским аркам в печальном сумраке крипт и в то же время заимствует у готического стиля его изукрашенные лепестки, резные шпили, кружевные проемы, «гипюровую легкость», сменяя «широту грусти на бесконечность радости» (с. 314). Слушая вечернюю мессу в Траппе в исполнении мужского хора, Дюрталь сравнивает ее с услышанной ранее в монастыре бенедиктинок и отмечает, что мужские песнопения «более массивны, более серьезны и относятся скорее к романскому стилю, тогда как женские голоса заостряют мелодию, придавая ей форму стрельчатых арок готического собора» (с. 600).

Воплощая воздушную и подвижную парафразу застывшей структуры собора, григорианское пение в то же время представляет собой нематериальную и текучую интерпретацию полотен примитивистов: «Он слышал пение, отличающееся утонченной и нервной худобой примитивистской живописи, он видел аскетическую суровость ее линий, отзвук ее цветовой гаммы, отблеск ее металла, выкованного в варварском и чарующем стиле готских безделушек» (с. 411). Даже в подборе лексики с очевидностью прослеживаются синестезии: «Он слушал, задыхаясь, как появляются, обретают форму, вырисовываются в воздухе текучие полотна средневековых примитивистов» (с. 452).

Говоря о соответствиях между музыкой, живописью и архитектурой, Гюисманс упоминает и литературу: для него григорианское пение — это «окрыленное переложение и в то же время строгая и гибкая епитрахиль латинской прозы, созданной монахами» (с. 315).

В тексте романа также присутствуют обонятельные синестезии: григорианское пение ассоциируется у Дюрталя с запахом ладана и свечного воска, псалмы источают покаянный аромат мирры.

В восприятии персонажа литургические песнопения соотносятся с определенными цветами: «Credo, исполняемое в унисон, разворачивалось медленным шествием догм в полнозвучную строгую мелодию мрачно-фиолетового и черно-красного цветов, чуть светлея в конце на долго и жалобно затихающем «аминь» (с. 593). Ярко-красные секвенции Salvete flores martyrum символизиру-

ют кровь христианских мучеников и пахнут розами. Грусть озвучена пепельным Miserere. Троица отмечена багровым гимном и алой прозой Veni Creator и Veni Spiritus. Angelus рассыпает под сводами монастыря «лепестки белых звуков» (с. 492).

С учетом вышесказанного представляется правомерным охарактеризовать духовно-эстетический идеал Дюрталя в романе «В пути» как универсальную литургию, охватывающую все области чувственного восприятия. Именно григорианское пение в монастыре Нотр-Дам-де-Латр позволяет Дюрталю ощутить благодать после причастия: «Христос понемногу открыл и проветрил его закрытый дом; дневной свет волной хлынул в жилище Дюрталя <...> Он почувствовал распирающую его изнутри почти детскую радость, радость больного, вставшего на ноги, радость выздоравливающего, который после длительного пребывания в комнате наконец-то выходит наружу <...> Только Господь обладал властью так наполнить душу, чтобы она перелилась через край и заструилась волнами радости» (с. 589).

Не только пространство, но и время в романе «В пути» организовано литургией: «мелодия хорала пела о тревогах грядущих времен, нынешней эпохи и ушедших в небытие лет» (с. 312). Время можно условно представить в трех категориях: мирское время, литургическое время, постепенно вытесняющее его, и символическое время.

Роман открывается сочетанием мирского и литургического времен: «Это было в первую неделю ноября, в ту самую, когда отмечается восьмидневное поминовение усопших» (с. 309). Реальная хронология весьма скудна на протяжении всей первой части романа — парижской. Вслед за праздником поминовения усопших в четвертой главе упоминается Рождество: литургическое время по-прежнему накладывается на время мирское («по воскресеньям, в час соборной мессы») и поглощает его. Последнее присутствует лишь в виде отдельных штрихов («завтра», «послезавтра», «в воскресенье утром», «шесть часов»), которые едва просматриваются на фоне размышлений, сомнений и бесед персонажа, размывающих реальный ход времени.

В первой части можно также наблюдать утрату конкретности реальным временем под воздействием литургии или в процессе созерцания соборов. В эти моменты Дюрталь словно оказывается в средневековье: «он уносился на облаках гармонии, пронизанных белой молнией детского голоса, брызнувшего из рокочущего грома органа (с. 334). Пространство собора подчинено историческому времени: здесь объединяются века, «чтобы сложить у ног Христа результат сверхчеловеческих усилий их искусства» (с. 337). В Сен-Северене XIII век представлен низкими, мощными колоннами нефа, капители которых увенчаны кувшинками и клевером, XIV век — колоннами соседних пролетов, на которых пророки и святые поддерживают своими распростертыми телами своды арок, XV и XVI века — апсидой и витражами.

Вторая часть — пребывание в монастыре — характеризуется почти полным исчезновением категории мирского времени и его заменой временем литургическим. В келье Дюрталь находит распорядок дня, которого он обязан придерживаться и из которого следует, что речь идет о периоде между Пасхой и праздником Воздвижения, отмечаемым 14 сентября по католическому календарю.

Мирское время суток обозначено литургическими ориентирами: подъем под звон «ангелуса», молитвы, литании, заутреня (прима), дневная служба (терция), обедня (секста), послеобеденная служба (нона), вечерня, всенощная служба.

Точные даты неизвестны, по косвенным указаниям можно предположить, что действие происходит после Троицы, так как на всенощной монахи поют Salve Regina, очевидно, в июле, поскольку темнеет за двадцать минут до всенощной, то есть около семи часов вечера, в шесть часов утра уже светло, благоухают липы и цветут розы.[7] Не исключено, что Гюисманс нарочно воздерживается от указания точных дат монастырского уединения Дюрталя, чтобы придать ему вневременной, абсолютный характер.

Дюрталь предполагал провести в монастыре семь дней, но, несмотря на первоначальную предубежденность, охотно принимает предложение отца Этьена продлить пребывание на два дня. Девять дней четко распределены по девяти главам второй части романа, при этом каждая глава охватывает одни сутки, начинается, когда персонаж просыпается, и заканчивается его отходом ко сну. Вторая глава также включает повествование о тревожной ночи, проведенной Дюрталем, и о его ночном визите в монастырскую церковь. Несмотря на кажущуюся механистичность такого течения времени, персонаж ощущает расширение временных рамок, он словно освобождается от монотонного течения дней: «В этом монастыре я прожил двадцать лет за десять дней» (с. 648).

Расширение времени сопровождается внутренней концентрацией, прямо противоположной парижской рассеянности. Бесцельным прогулкам, случайным встречам и скуке приходит на смену жесткий распорядок дня, в первый момент испугавший Дюрталя. Время в монастыре распределяется между коллективными службами и молитвами в церкви и одиночеством в келье или в парке. В каждой главе, задавая ритм этому чередованию, описывается та или иная служба: всенощная в первой и восьмой главах, утренняя месса и секста во второй и седьмой, мессы в третьей, четвертой и девятой, Salve Regina в пятой, воскресная вечерня в шестой.

Литургическое время лежит в основе времени символического, циклического, стирающего трагическую линейность реального. Суточный литургический цикл символизирует человеческую жизнь: заутреня (прима) — юность, дневная служба (терция) — молодость, обедня (секста) — зрелость, послеобеденная служба (нона) — приближение старости, вечерня — дряхлость и ночная служба — смерть. Salve Regina олицетворяет детство с радостными улыбками и почтительной нежностью ребенка по отношению к матери. Ad te clamamus воплощает зрелость, знакомую с грехом, и, рыдая, взывает о помощи. Eia ergo Advocata nostra — это сожаление старости об утраченной благодати, страх перед близящимся освобождением из темницы плоти и мольба о заступничестве.

Годовой литургический цикл начинается в первый день христианского года с рождественского поста гимном святого Амвросия и Rorate coeli, Рождество отмечено песнопением Jesu Redemptor, Богоявление — Crudelis Herodes, Великий пост — Attende Domine, Вербное воскресенье — Gloria, laus et honor, Страстная неделя — Pange lingua gloriosi и Stabat, Пасха — Victimae Paschali laudes, Троица — Adoro te и так далее, пока круг не замкнется, вернувшись в исходную

точку, когда Церковь в покаянии и молитве готовится встречать Рождество.

Временная характеристика григорианского пения также не обходится без синестезий; на этот раз псалмы ассоциируются с драгоценными камнями: Attende Domine — с аметистами и туманно-белым кварцем, Pange lingua gloriosi — с тускло-угольными обсидианами, Veni Creator и Veni Spiritus — с рубинами и гранатами, Stabat — с кровавым гиацинтом, Ave maris stella — с аквамарином, O quot undis lacrymarum — с голубыми сапфирами и розовой шпинелью. Весь годовой литургический цикл сравнивается в романе с великолепной короной из драгоценных камней песнопений, оправленных в золото вечерних служб.

Литургическое время монастыря, существующее в длительности и целостности, становится мощным лекарством от неприятия жизни. Покидая монастырь в конце романа, Дюрталь боится вновь очутиться во фрагментарном, бессмысленном мирском времени, которое отнимет у него хрупкое и с таким трудом обретенное внутреннее единство: «В любом случае, душевный мир утрачен навсегда. Как, в самом деле, сосредоточиться и обрести себя, если живешь на проходном дворе, если душа распахнута всем ветрам и ей не дает покоя толпа обыденных мыслей?» (с. 647).

Идеальное время в романе «В пути» оказывается настолько же «ухроничным», сколь утопично в нем идеальное пространство. Образцовой временной моделью, как и в случае с категорией пространства, становится Средневековье. Именно эта эпоха завещала человечеству «чудо литургии, могущество ее слова, нетленную проникновенность молитв» (с. 323). По словам Дюрталя, его мечта когда-то была реальностью: «Идеальная церковь существовала в средние века! Пение, ювелирные украшения, живописные изображения, скульптуры, ткани — все соответствовало всему; литургическое искусство владело неслыханными сокровищами; как же это теперь далеко!» (с. 593).

Таким образом, литургия организует пространство и время в романе Ж.-К. Гюисманса «В пути». Она порождает постоянно развивающуюся систему художественных синестезий, включающую музыкальные, живописные и архитектурные соответствия и основанную на слуховых, зрительных и обонятельных ощущениях. Сочетание чувственного восприятия перекликающихся художественных форм и осознание их символического содержания позволяет вплотную приблизиться к постижению утраченного в современную эпоху духовного единства мироздания, воплощенного в гармонии средневекового христианского искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Huysmans J.-K.* Le roman de Durtal. Paris, 1999. (Здесь и далее цитаты приводятся по данному изданию с указанием страниц в тексте в скобках в переводе автора статьи).
2. *Riviure J., Fournier A.* Correspondance 1905-1914. Paris, 1926. P.72.
3. *Viegnes M.* Le milieu et l'individu dans la trilogie de J.-K. Huysmans. Paris, 1986. P. 45.
4. Ibid. P.51.
5. Примитивисты в терминологии Гюисманса — это западноевропейские художники эпохи Возрождения, противопоставляющие канонической живописи Ренес-

санса наивность гиперреалистического изображения и свободную экспрессивность выражения доведенных до крайности чувств и ощущений (например, М. Грюневальд, Р. ван дер Вейден, Мемлинг).
6. *Huysmans J.-K.* A Rebours. Le Drageoir aux épices. Paris, 1975. P. 310.
7. *Millet-Gérard D.* Temps et paysage dans En Route: le miroir de l'écrivain // J.-K. Huysmans. Etudes réunies par Marc Smeets. New-York, 2003. P. 83.

LITURGY'S FUNCTION IN SPATIAL AND TEMPORAL STRUCTURE OF J.-K. HUYSMANS'S NOVEL "EN ROUTE"

E.A. Komarova

The study focuses on liturgy's influence on spatial and temporal peculiarities of J.-K. Huysmans novel "En Route" which reflect the existential quests made by the writer. The objects of the analysis are forms of space as regarded by the medieval Christian symbolism, the category of liturgical time, the ideal spatial and temporal model providing divine grace.

Keywords: French literature, J.-K. Huysmans.

© 2009

М.В. Артамонова

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИФОЛОГИЗМА В РОМАНЕ МЭРИ РЕНО «ТЕСЕЙ»

В статье раскрываются основные моменты развития литературного мифологизма в истории литературы и их специфика их функционирования в дилогии М. Рено "Тесей". В романе М. Рено "Тесей" автор прибегла к наиболее распространенным типам художественного мифологизма: реконструкция древнего мифа с использованием современных стилистических средств; воспроизведение самобытных пластов сознания главного героя с элементами мифологического самосозерцания; а также совокупность эпизодической демифологизации с обратным процессом мифологизации. Все это позволило существенно раздвинуть жанровые рамки романа и создать одно из наиболее гармоничных и выразительных произведений британской литературы середины XX века.

Ключевые слова: английская литература, Мэри Рено.

Влияние мифологии, в особенности античной, на культуру Западной Европы сложно переоценить. В первую очередь литература связана с мифологией

генетически, через сказку и эпос[1]. Кроме того, с различной степенью интенсивности, но практически непрерывно, античная мифология воздействовала на литературы последующих эпох в качестве сюжетообразующего фактора, в роли многовекового арсенала образов, тем и мотивов.

«Миф» — один из самых многозначных терминов в гуманитарной науке. Еще в начале пятидесятых годов XX века американский ученый У. У. Дуглас в работе о значении термина «миф» в современной литературной критике пришел к выводу, что у него столько же значений, сколько существует ученых, применяющих его[2]. Литературоведение не стало исключением. Однако литература с самого начала не есть мифология; она имеет свои специфические законы, не сводимые к законам комбинирования мифологических архетипов. Это общее соотношение литературного творчества и мифологической традиции имеет в истории литературы множество вариантов, окончательно трансформируясь в начале XX века в художественный, или литературный, мифологизм. Как считали А. Лукин и В. Л. Рынкевич, «древняя мифология умерла как живое отражение действительности, но осталась жить в бесчисленных литературных репликах»[3].

Литературный мифологизм, достигший своего расцвета в XX веке, рассматривается как специальная форма художественной условности, основанная на мифах и легендах народов мира. В терминологическом отношении сфера художественного мифологизма остается сферой «художественной самодеятельности». Понятия, характеризующие природу и форму мифовлияний, нередко отличаются неопределенностью, многозначностью и субъективностью. Но именно это позволяет современным писателям, таким как Мэри Рено, использовать приемы художественного мифологизма разнообразно и порой неожиданно, комбинируя их с удивительной смелостью. Одним из наиболее известных произведений, построенных на использовании литературного мифологизма, является ее дилогия «Тесей».

Роман Мэри Рено «Тесей» — замечательный пример того, как гармонично может быть использован накопленный поколениями опыт применения мифологического материала в художественном произведении. Роман, состоящий из двух частей: «Царь должен умереть» и «Бык из моря», был создан в 1958 году, и это второе произведение писательницы, посвященное античной цивилизации. В основу романа был положен миф о Тесее, царе Афин, одном из наиболее известных героев древнегреческих мифов. Творчески переработав самые интересные эпизоды героического эпоса, используя основные типы современного художественного мифологизма, и, помимо этого, продемонстрировав глубокие знания истории мифа в литературе, писательнице удалось создать яркий, запоминающийся мир Древней Эллады, одновременно древний и современный. Каковы же особенности литературного мифологизма М. Рено?

Художественный мифологизм XX века эклектичен, но он опирается на богатое историческое наследие, накопленное в литературе со времен античности. Автор «Тесея» поняла это одной из первых, существенно расширив свой писательский инструментарий.

Изначально, у первобытных народов, миф — это форма освоения реальности, примитивное мировоззрение, существовавшее у наших предков до разде-

ления на науку и религию. В рамках мифа мыслился окружающий мир, материальный и духовный, миф использовался для передачи знаний через поколения, давал объяснение явлениям природной и социальной жизни, предписывал нормы поведения, обычаи, традиции, ритуалы. Все, что окружало «донаучного» человека, включая его самого, было частью мифа[4].

Древние мифы передавались из уст в уста и видоизменялись каждый раз, приобретая новые оттенки и нюансы в зависимости от силы воображения рассказчика. Гомер был одним из первых, кто структурировал миф в героический эпос и способствовал его смещению из области сакрального в область общедоступного знания. Таким образом, миф получил новую жизнь и начал свой путь в литературе. Гомеровский эпос («Илиада», «Одиссея») отмечает собой грань между общинно-родовым мифотворчеством и дифференцированной духовной культурой классового общества. Подход Гомера к действительности («эпическая объективность»), его эстетика, еще слабо выделенная из общежизненных запросов, — все это насквозь проникнуто мифологическим стилем мировосприятия.

Влияние мифологии сохраняется в период расцвета греческой трагедии, причем его не следует измерять обязательностью мифологических сюжетов: когда Эсхил создает трагедию на исторический сюжет, он мифологизирует самое историю. Вся греческая трагедия представляет собой напряженное рефлексирование над мифами, проходящее этапы вскрытия мировоззренческих глубин мифологии (Эсхил) и ее эстетической гармонизации (Софокл), но завершающееся моральной и рассудочной критикой мифов у Еврипида.

Однако именно в античности мифы впервые были подвергнуты глубокому анализу и критике, что позднее способствовало их дальнейшей трансформации в инструмент литературы и философии. Несмотря на то, что именно в Греции миф вдохновлял и направлял эпическую поэзию, трагедию и комедию, греческие философы лишили миф сакральности и демифологизировали его. Если верить Геродоту, уже Солон утверждал, что «боги завистливы и непостоянны», Ксенофан отрицал бессмертие и антроморфизм богов, а Пиндар отвергал мифы, в которые невозможно поверить. Таким образом, «уже в их эпоху прилагательное mythodes означало «вымышленное, не имеющее доказательств» в противоположность истинному»[5].

Следовательно, можно считать, что художественный мифологизм появился одновременно с началом процесса десакрализации мифологии. Мыслители, подвергавшие мифы сомнению, разрушали основу понятия «миф», поскольку «миф — это такое общезначимое высказывание, которое требует к себе полного доверия и такое доверие вызывает, апеллирует к его некритическому восприятию»[6]. То, что можно безнаказанно оспорить, можно и трансформировать, трактовать по-новому, изменить и объяснить.

Последнее случается с мифологией в III веке до н.э. благодаря Эвгемеру и его роману «Священная история». Автору казалось, что ему удалось раскрыть тайну происхождения богов: ими стали прежние обожествленные цари. Таким образом, античные боги теряли свою сказочность, сакральность и приобрели историческую реальность, а мифы превратились в видоизмененные воображением воспоминания о деяниях и поступках первых царей.

Другим, противоположным процессом демифологизации, а точнее, десакрализации мифов стал аллегоризм. Уже Феаген высказывал мысль, что у Гомера имена богов представляли или воплощали человеческие способности или природные стихии; Хрисип свел греческих богов к физическим и этическим принципам. А некоторые аллегорические установки были широко использованы позднее и христианской церковью.

Благодаря аллегорическому переосмыслению и эвгемеризму, а особенно благодаря тому, что вся литература и пластические искусства концентрировались вокруг мифов о богах и героях, боги и герои Древней Греции не были забыты. Десакрализация сохранила в неприкосновенности образную и сюжетную базу мифов, что позволило в последующем так широко и свободно их использовать. Как замечал М. Элиаде: «Клонящаяся к закату античность не верила больше ни в богов Гомера, ни в подлинный, первичный смысл мифов. Это мифологическое наследие, принятое и ассимилированное христианством, не сохраняло больше живого религиозного смысла и стало культурным наследием»[7].

В Средние века мифологизм существовал в форме аллегории. В отличие от литературной жизни античных мифов, использование в средневековой литературе христианской мифологии и мифологии Древней Греции (в виде аллегорий) было регламентировано авторитетом «Писания» и церкви. Прорыв средневековой скованности в подходе к религиозным образам осуществил Данте, связавший мифы христианства и античности с мифологизированным материалом личной судьбы в единое художественное целое.

Серьезный отход от тотального символизма и аллегоризма начинается только в эпоху Возрождения. Когда самоценность земного предметного мира и человеческой самодеятельности ставится во главу угла, в искусстве возникает сознательная установка на подражание природе. Л. Баткин пишет: «Возрождение — последняя целостная культурная система, построенная на архетипах, т.е. на мифах. Ренессансный миф с его антропоцентризмом, склонностью к историзму и критичности мышления, переносом внимания на реальность создает предпосылки демифологизации»[8].

Отказ западноевропейской литературы, в основном в XVIII веке, от традиционного сюжета, ведущего свое происхождение от мифологической сюжетики, имел принципиальное значение для демифологизации литературы. В XVIII и особенно XIX веке, отчасти и в XX веке утверждаются два новых типа отношения литературы к мифологии, в известном смысле соотносимые с реализмом и романтизмом. Первый тип — сознательный отказ от традиционного сюжета ради окончательного перехода от средневекового «символизма» к «подражанию природе», к отражению действительности в адекватных жизненных формах. Второй тип — попытки сознательного, совершенно неформального, нетрадиционного использования мифа, порой приобретающие характер самостоятельного мифотворчества.

В современном художественном мифологизме выделяются несколько основных направлений, так или иначе ведущих свое происхождение от литератур прошлого. Кто-то создавал свою собственную художественную систему мифологем (Дж. Джойс), кто-то углублялся в юнгианскую психологию и воссоздавал глубинные мифо-синкретические структуры мышления (Кафка). Также авторы

вводили отдельные мифологические мотивы и персонажей в реалистическую ткань повествования (Дж. Апдайк). Воспроизведение фольклорных и этнически самобытных пластов национального бытия и сознания, где еще живы элементы мифологического миросозерцания особенно широко использовали Ж. Амаду и М. Астуриас. И, конечно, стоит упомянуть реконструкцию древних мифологических сюжетов, интерпретированных с большей или меньшей долей осовременнивания.

Английской писательнице Мэри Рено удалось гармонично скомбинировать основные типы художественного мифологизма в дилогии «Тесей». Во-первых, основу произведения составляет реконструкция античного мифа о Тесее. Но это не просто воссоздание основных событий, а интерпретация, выражающая взгляды автора на реалистическую подоплеку мифа. Дело в том, что Мэри Рено была сторонницей эвгемерического происхождения мифа о Тесее, то есть утверждала, что он был реальной исторической фигурой[9]. Во вступлении к роману она утверждает: «К классическому периоду легенда о Тесее уже обросла столь невероятными подробностями, что многие принимали ее попросту за сказку, а иные — за религиозный миф»[10].

В то же время, в произведении М. Рено ясно ощущается самобытность изложения и мифологический образ мышления, который свойственен главному герою. С первых страниц романа читатель погружается в мир, имеющий две стороны — внешнюю, бытовую, сиюминутную, и внутреннюю, мифологическую, вечную. Одним из примеров этой двойственности, характерной для мышления древнего человека, является сцена жертвоприношения Царя Коней. Тесей, будучи маленьким мальчиком, становится свидетелем таинства жертвоприношения Посейдону, которого его народ называет Отцом Коней. Поскольку Тесей тоже считает себя сыном владыки моря, он воспринимает происходящее сначала с духовной точки зрения: «Я любил бы его [Царя Коней] и за одну его доблесть, но у меня была и другая причина: я думал, что он мой брат»[11]. Но как только жертва погибает, на место мистическому чувству приобщенности к богам приходит шок, естественный для ребенка, впервые узревшего смерть: «Я был словно младенец, не знавший ничего, кроме мягкой теплой колыбели и вдруг выброшенный на ветер, под яркий свет, бьющий в глаза»[12]. Все действующие лица романа балансируют между мифом и реальностью.

Также роман «Тесей» является любопытным синтезом двух взаимоисключающих процессов: мифологизации и демифологизации. Автор раскладывает миф на составные элементы и дает им реалистическое толкование, но при этом она не оставляет без внимания детали и эпизоды, которые служат основой для обратного процесса мифологизации, детали, которые включают воображение героев и позволяют им объяснять происходящее вмешательством сверхъестественного. Это является художественной основой романа.

К примеру, главный герой так отзывается о своем легендарном путешествии по Истмийской дороге, на которой он совершил свои первые подвиги: «На дорогу ушел всего один день. Да, всего один день, а все остальное — небылицы арфистов. Не встречал я никаких чудовищ и великана дубинкой не убивал — это же дурацкое оружие, если у тебя есть копье и меч...»[13]. По легенде, великан Скирон убивал путников и скармливал их тела гигантской черепахе в заливе.

Однако Скирон в романе — обыкновенный разбойник, не отличающийся особой силой и мастерством. Ловкий Тесей, мстя за своего возничего, легко справляется с ним и сбрасывает его со скалы: «Он, наверно, так и не сообразил, что к чему, пока не полетел вниз. Тогда он снова раскрыл рот, но уже не смеялся больше: *у кромки воды был большой круглый валун, вроде черепахи*, — об него он и расколол себе череп»[14]. Эта деталь, камень, напомнивший Тесею черепаху — эхо мифа и в тоже время его предпосылка, отправная точка мифотворчества.

Таким образом, в произведении «Тесей» Мэри Рено использует три особенно широко распространенных вида художественного мифологизма: современная реконструкция мифа, воссоздание мифологических пластов сознания главного героя, а также сочетание демифологизации с мифологизацией, столь популярные в литературе прошлых эпох. Эти приемы позволяют, во-первых, сделать миф доступным для любого читателя, проводя современные параллели и используя современный язык. Кроме того, такой метод делает возможным интеграцию достоверной научной информации в канву мифологического произведения без потери художественности. А роман «Тесей» был написан именно с учетом современных автору открытий археологов. Во-вторых, Мэри Рено удалось воссоздать мифологический уклад мышления главного героя. Читатель воспринимает происходящее его глазами, сквозь призму мойры, которая ведет героя от подвига к подвигу. Там, где Тезей видит волю богов, ее видит и читатель, поскольку для мифологического мышления нет ничего случайного, все происходящее является частью судьбы. Поэтому роман «Тесей» нельзя однозначно определить как исторический роман, реалистическое произведение или роман-миф. Художественный мифологизм раздвигает жанровые рамки этого произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мелетинский В.М.* Поэтика мифа. М., 1995. С. 277.
2. *Вейман Р.* История литературы и мифология. М., 1975. С. 217.
3. *Лукин А., Рынкевич В.В.* В магическом лабиринте сознания. Литературный миф 20 века // Иностранная литература. 1992. № 3. С. 234.
4. Западное литературоведение XX века. М., 2004. С. 257.
5. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2001. С. 164.
6. *Хализев В.Е.* Мифология XIX-XX веков и литература // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. № 3. С. 16.
7. *Элиаде.* Ук. соч. С. 172.
8. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 43.
9. *Элиаде.* Ук. соч. С. 169.
10. *Рено М.* Тесей. М., 1991. С. 6.
11. Там же. С. 15.
12. Там же. С. 21.
13. Там же. С. 60.
14. Там же. С. 61.

FEATURES OF ARTISTIC MYTHOLOGY IN THE NOVEL "TESEUS"BY MARY RENO

M.V. Artamonov

The article reveals some turning-points of literary mythology in literature history and the specificity of their functioning in "Teseus" by M.Reno. The writer turned to the most widespread types of artistic mythology: reconstruction of the ancient myth with use of modern stylistic means; reproduction of original layers of consciousness of the main hero with elements of mythological self-scrutiny; and also a set of episodic de-mythology with the return to a mythological process. All this has allowed to move apart substantially the genre frameworks of the novel and to create one of the most harmonious and expressive works of the British literature of the middle of the 20th century.

Keywords: English literature, Mary Renault.

© 2009

Е.Б. Борисова

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЯХ

Целью статьи является изучение наиболее значимых лингвопоэтических средств создания портрета персонажа в романе известной современной английской писательницы Розамунды Пилчер «Семейная реликвия», самого популярного произведения автора.

Ключевые слова: Английская литература, Розамунда Пилчер.

Известно, что суть лингвопоэтического метода заключается в анализе собственно языкового материала с учетом художественно-композиционных и сюжетных особенностей произведения. Такой анализ дает возможность сделать вывод о том, каким образом совокупность языковых средств разных уровней участвует в создании образа и помогает читателю в полной мере осознать и воспринять эмоционально-эстетическое воздействие, оказываемое автором художественного текста[1].

Портретная характеристика героя в произведении словесно-художественного творчества является одной из важнейших категорий, формирующих целостный художественный образ персонажа. Физический облик героя и манера одеваться, данные в авторском восприятии и/или в восприятии других персонажей помогают внимательному читателю извлечь дополнительную информацию о персонаже и составить свое собственное впечатление.

Целью настоящей статьи является изучение наиболее значимых средств создания портрета персонажа в романе современной английской писательницы

Розамунды Пилчер «Семейная Реликвия», который является самым популярным произведением этого автора[2].

Впервые роман был опубликован в 1988 году. На его создание писательница потратила 2 года. Именно с появлением этого романа начинается создание серии романов («Возвращение домой», «Сентябрь» и позже — «В канун Рождества»), которые принесли писательнице мировую известность и были переведены на многие языки мира. Большой успех выпал также на долю сборников ее рассказов «Голубая комната» и «Цветы под дождем».

Внешность главной героини романа, Пенелопы Килинг, играет важную роль в создании ее законченного художественного образа, помогая прежде всего раскрыть внутренний мир героини, ее психологическое и эмоциональное состояние, характер, а также является одним из способов передачи авторского отношения к персонажу.

Следуя канонам современного английского романа[3], Р. Пилчер создает рассредоточенный динамический портрет своей героини, стремясь создать в воображении читателя не только внешний облик Пенелопы Килинг, но и передать психологическую углубленность ее образа. Авторская интенция дать максимально объективное описание Пенелопы реализуется в принципе сюжетного развертываия романа и проявляется в том, что ее портрет представлен с различных точек зрения, т. е. глазами других персонажей романа. Такой портрет способствует созданию более глубокого, психологически насыщенного художественного образа персонажа, раскрывает специфику психологического восприятия героини. Описание внешности Пенелопы, данное с точки зрения того или иного персонажа, включается в субъективную систему выражения оценки, являясь опосредованной формой авторского отношения.

На протяжении романа описание внешнего физического облика Пенелопы, а также ее манеры одеваться представлено в двух ракурсах. Первый, отрицательный, ракурс восприятия формируется в глазах тех персонажей, которые явно не симпатизируют Пенелопе, будучи в силу своей эмоциональной и духовной ограниченности не в состоянии понять и оценить неординарность героини. К таким персонажам относятся прежде всего старшая дочь Пенелопы, Нэнси, и ее кухарка миссис Крофтвей. Второй, положительный, ракурс восприятия внешности Пенелопы, формируется в глазах тех персонажей, которых, напротив, приводит в восхищение яркая внешность Пенелопы, богатство ее внутреннего мира и неординарность личности. К ним относятся безвременно погибший во время войны возлюбленный Пенелопы, Ричард Лоумакс, и ее средняя дочь Оливия.

Выйдя из богемной среды и впитав образ жизни и систему ценностей этой среды, в свои 64 года Пенелопа экстравагантно выглядит и поражает многих окружающих своей неординарной внешностью. Примечательно, что прилагательное “bohemian”, употребляемое разными персонажами в описании ее внешности, относится по наблюдениям В.И. Карасика к разряду так называемой амбивалентной лексики и означает то явление, которое по-разному оценивается разными группами общества[4]. Существительным «богема» (буквально – «цыганский, относящийся к цыганам») обозначаются представители свободных профессий – актеры, музыканты, художники, поэты. Для людей искусства внут-

ренняя и внешняя раскрепощенность – необходимое условие творчества, поэтому богемная жизнь ими не осуждается[5]. Однако с точки зрения простых обывателей их образ жизни кажется беспорядочным. Поэтому прилагательное "bohemian " толкуется в английских словарях в двух, амбивалентных значениях, причем первое является нейтральным по своей коннотации, а второе обладает отрицательной оценочной семой: "a person who is interested in art, music and/or literature and lives in a very informal manner that does not follow usually accepted ways of behaving: He thought of himself as a bohemian and liked to do as he pleased "a person who is interested in art, music and/or literature and lives in a very informal manner, ignoring the usually accepted ways of behaving: a bohemian life-style"[6].

Первый раз полное описание внешности главной героини встречается лишь в третьей главе. До этого писательница лишь вскользь упоминает незначительные детали ее внешности. Нам кажется, что таким образом Розамунда Пилчер подготавливает читателей к наиболее полному и правильному восприятию образа героини. Впервые читатель видит Пенелопу Килинг глазами своей любящей дочери, Оливии, которая встречает ее в аэропорту в Испании, куда мать прилетела повидаться с дочерью после долгой разлуки:

"It was all right. Penelope looked vital as ever, bohemian and marvelously distinguished. Tall and straight-backed, with her thick graying hair twisted up into a knot at the back of her head and dark eyes bright with amusement, even the struggles with the trolley did nothing to detract from her dignity. She was, inevitably, slung about with bags and baskets, and was dressed in her old blue cape, an officer's boat cloak that she had bought second-hand from an impoverished Naval widow at the end of the war and worn ever since, on all occasions from weddings to funerals" (P. 80-81).

Читатель как бы видит и оценивает Пенелопу глазами дочери, обращая внимание сначала на ее физические данные (рост, осанку, волосы, глаза), а затем на описание одежды Пенелопы.

Совершенно очевидно, что внешний облик матери сразу же приводит Оливию в восхищение. Пониманию этого способствует безличное предложение с формальным подлежащим "It was all right" в самом начале описания. Автор создает яркий и запоминающийся портрет героини благодаря коннотативно окрашенным атрибутивным и адвербиальным определениям (vital, marvelously distinguished, tall, straight-backed, thick (hair), dark (eyes) bright with amusement), обладающим положительной оценочной семантикой. Нетрудно заметить, что в данном контексте прилагательное "bohemian" также обладает положительной коннотацией, подчеркивая изысканность и неповторимость внешности Пенелопы, ее внешнюю и внутреннюю раскрепощенность.

Старая темно-синяя накидка, (old blue cape), которую героиня приобрела много лет назад у обедневшей капитанской вдовы, и которая является многофункциональной вещью в гардеробе Пенелопы, нисколько не диссонирует с ее внешним обликом. Напротив, эта накидка служит изысканной деталью ее портретной характеристики, подчеркивая самобытность, внешнюю и внутреннюю раскованность героини, для которой одежда не служит способом самовыражения, поэтому можно утверждать, что прилагательные "old" и "second-hand" в данном контексте также обладают положительной адгерентной коннотацией.

Следует отметить, что в гардеробе Пенелопы нет новых вещей, но она умеет носить старые, порой никому не нужные платья с присущей только ей элегантностью и шармом. Приведенное ниже краткое описание, данное также глазами Оливии, показывает эту незаурядную черту Пенелопы:

"Penelope moved to and fro, laying her clothes in the chest of drawers, reaching up to hang her shabby and familiar dresses that she had bought with her. It was typical of Penelope that there should be nothing new or fashionable, bought especially for the holiday, and yet Olivia knew that her mother would imbue even those timeless garments with her own brand of distinction" (P. 85).

Прилагательное "shabby", взятое вне контекста, обладает ярко выраженной отрицательной ингерентной коннотацией, что подтверждает толкование этой лексемы и иллюстративные примеры ее употребления : "looking old and in bad condition because of wear or lack of care: He wore a shabby old overcoat, dirty and full of holes; Her home is a rented one-bedroom flat in a shabby part of town[7]; The refugees were shabby (= wore old clothes in bad condition) and hungry Высокая степень коннотативности атрибутивного словосочетания "timeless garments" обусловлена наличием у него «внутренней формы». Отношения между компонентами синтагмы чрезвычайно сложны, т.к. нарушена понятийная сочетаемость. Прилагательное "timeless" в английском языке означает "something that does not change as the years go past," а существительное "garments" a piece of clothing с пометой (formal): He was wearing a garment that reached down to his ankles[8]. Мы имеем дело с оксюмороном, значение которого может быть понято с учетом контекста. Пенелопа Килинг, внешне и внутренне неординарная женщина, с юности унаследовала от матери-француженки способность потрясающе выглядеть и ее умение носить самые старые и поношенные вещи, превращая их в изысканные туалеты. Следовательно, словосочетание "shabby dresses" в данном контексте является стилистическим синонимом словосочетания "timeless garments", причем оба словосочетания обладают положительной адгерентной коннотацией. Создавая эффект рамочного повтора в данном текстовом фрагменте, они как нельзя лучше раскрывают суть характера Пенелопы Килинг, показывая, насколько ощутима связь внешнего облика с духовной жизнью персонажа. Такому семантическому преобразованию лексических единиц в контексте отрывка способствует и непосредственное словесное окружение, в частности глагольная фраза "to imbue with her own brand of distinction", в которой фразовый глагол "to imbue with" и существительное "distinction" употреблены в своем прямом, номинативном значении, обладающем положительной ингерентной коннотацией и объясняются в словарях соответствующим образом: "to fill (someone or something) with (a feeling, idea, etc.): She imbued him with a sense of self-worth; и " high quality; guality which is rare because it is very high:"a writer/scientist/dancer of distinction"[9].

Как отмечалось выше, различные характеристики Пенелопы Килинг, в том числе и описание ее внешности представлено разными персонажами с разной оценочной коннотацией. Приведем примеры, построенные по принципу контраста, и где одни и те же лексические единицы приобретают амбивалентную оценочную коннотацию. Так, средняя дочь, Оливия, восхищается неординарной красотой и энергичностью матери, а кухарка старшей дочери Нэнси, на-

оборот, находит Пенелопу ужасно некрасивой, к тому же плохо одетой:

1) “Mrs. Croftway had her own private opinions of Nancy’s mother. Mrs Keeling she was called, and Mrs Croftway had met her only once, but that had been enough for anybody....A great tall woman she was, dark-eyed as a gypsy, and dressed in garments that looked as though they should be given to a jumble sale. Pigheaded she’d been, too” (P. 23).

2) “Tall, strong, dark-eyed in her gold-embroidered silken Moroccan caftan, rich and voluptuous as something from the Arabian Nights and her inherited jewels, her mother looked, indeed, like an Empress. She bought the caftan off from Rose Pilkington who had found the garment in the bottom of an old trunk” (P. 93).

Нетрудно заметить, что Миссис Крофтвей, кухарка Нэнси, находила Пенелопу Килинг ужасно некрасивой. Это следует из описательного фрагмента, в котором автор рисует Пенелопу в восприятии кухарки. Для нее Пенелопа – дылда, черноглазая как цыганка, да к тому же, одетая во всякое старье, которому место разве что на дешевой барахолке. Прилагательное ‘tall’ и сравнительная конструкция ‘dark-eyed as a gypsy’, не несущие ингерентной отрицательной коннотации, приобретают таковую в данном контексте. Отрицательный характер оценки усиливается за счет распространенного определения в постпозиции: ‘garments that looked as though they should be given to a jumble sale’. Совершенно очевидно, что казакин Пенелопы, имеющий художественную ценность, для миссис Крофтвей – поношенное тряпье, поэтому в данном контексте существительное ‘garments’ приобретает отрицательную оценоную коннотацию. Ограниченной, малообразованной и бестактной Миссис Крофтвей трудно понять неординарную красоту главной героини, которую так ценила Оливия. Кухарка не понимала, почему миссис Килинг не носит модных костюмов, ведь, именно, в этом для нее заключались ум, и красота человека. К тому же, миссис Крофтвей понятия не имела о том, что старинные вещи ценятся гораздо дороже новых, ведь, как известно, ретростиль, или винтаж, прочно ассоциируется не только с хорошим вкусом, но и с хорошими деньгами. Одежду в таком стиле могут позволить себе лишь люди, обладающие утонченным вкусом, большими деньгами и желанием выглядеть слегка небрежно, что, безусловно является признаком высокого социального статуса[10].

Утонченная и образованная Оливия, главный редактор крупного Лондонского журнала мод, наоборот, восхищалась умением матери быть всегда на высоте и умением носить старинные вещи. В этом легко убедиться из примера №2. Высокий рост Пенелопы вызывал отвращение у кухарки Нэнси (‘a great tall woman she was’), и в ее устах это отрицательная оценка, а Оливия им восхищалась, находя в статности и росте Пенелопы силу и энергичность. Показывая ее восприятие матери, автор использует прилагательные ‘tall’, ‘strong’, усиленные эпитетом vital, которые обладают, несомненно, положительной коннотацией. Оливия отлично разбиралась в тонкостях ретростиля и была в состоянии понять, что, надев винтажный восточный казакин, извлеченный из старого сундука, и дополнив его фамильными драгоценностями, мать выглядит потрясающе элегантно и изысканно. Атрибутивное словосочетание с целым рядом прилагательных в препозиции (‘gold-embroidered silken Moroccan caftan’), описывающих цвет, структуру ткани и происхождение казакина, детально, но в компакт-

ной форме создают детали праздничного туалета Пенелопы. Финальным аккордом общей положительной оценочной коннотации описания является сравнительная конструкция ‘her mother looked, indeed, like an Empress’, причем оговорка ‘ indeed’ призвана подчеркнуть объективность оценки Оливии.

Таким образом, языковые средства, используемые автором для создания образа Пенелопы Киллинг во втором отрывке, подчеркивают ее жизненную силу, энергию, красоту, элегантность и отменный вкус и свидетельствуют о ее высоком социальном статусе.

Примечательно, что упоминавшееся выше сравнение Пенелопы с цыганкой, отмеченное миссис Крофтвей (‘tall as a gypsy’) и обладающее в данном контексте отрицательной адгерентной коннотацией в самом начале романа, полностью меняет эту коннотацию на положительную в другом портретном описании Пенелопы. Это описание приведено в одной из последних частей романа, где повествование носит ретроспективный характер и представлено в прямой речи, где читатель как бы видит главную героиню глазами влюбленного в нее с первого взгляда Ричарда Лоумакса, который, так же, как и Оливия, смог оценить неординарную красоту юной Пенелопы:

“I think I’ve been in love with you since the first moment I set eyes on you, standing with your father on the other side of the road, with your hair blowing in the wind, and you looking like some ravishing gypsy” (P. 457).

Нетрудно заметить, что в данном примере положительная оценочная коннотация сравнительной конструкции ‘looking like some ravishing gypsy’ усиливается не только благодаря общему положительно окрашенному контексту, но и непосредственному словесному окружению, а именно прилагательному ‘ravishing’, которое во всех английских словарях однозначно объясняется как ‘very beautiful’.

Таким образом, Пенелопа представлена глазами разных людей, которые ее окружают в разные годы своей жизни и по-разному к ней относятся. Этот прием позволяет наиболее полно раскрыть многогранный образ главной героини романа, с одной стороны. С другой стороны, такой прием дает возможность читателю самому объективно оценить Пенелопу, хотя, совершенно очевидно, что автор умело и ненавязчиво формирует в восприятии читателя образ, который глубоко симпатичен и ей самой.

При создании образа персонажа автор сосредотачивает внимание даже на мелких, будто бы незначительных деталях ее физического облика, одежды, прически для того, чтобы читатель смог лучше воссоздать в своем воображении образ главной героини романа, нарисовав не только ее внешний облик, но и показав черты ее характера и социальный статус. Тонкий внутренний мир и неординарность натуры Пенелопы проявляются не в последнюю очередь в ее внешности и манере одеваться.

По нашему мнению, при анализе лингвопоэтически значимых параметров портретной характеристики персонажа прежде всего следует обращать внимание на коннотативность ключевых слов и словосочетаний в соответствующих фрагментах текста, а также на способы их соположения в тексте и вертикальный контекст всего произведения произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук . М., 1992. С.19.
2. *Pilcher R.* The Shell Seekers. London, 1988. (Далее везде текст романа цитируется по этому изданию. Цифра в скобках после приведенной цитаты указывает на номер страницы данного издания).
3. *Титова С.В.* Лингвопоэтическая значимость словосочетания в описания внешности персонажа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
4. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 2002. С. 34.
5. Там же. С.35.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, 1996; Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2003.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. http:roiber.potfm/ru.

ON LINGUOPOETIC MEANS OF CREATING A PERSONAGE IMAGE IN PORTRAIT DESCRIPTIONS

E.B. Borisova

The paper is an attempt to view a personage's image in verbal art in terms of linguopoetic means of creating the portrait. The author focuses her attention on the description of physical characteristics and clothes of the main character of the novel "The Shell Seekers" by Rosamunde Pilcher, a famous English author of today. The paper demonstrates the linguopoetic functioning of different types of connotatively coloured words and word-combinations in creating the character's image and revealing the author's evaluation of the character. Thus, the paper treats the work of verbal art under analysis as a unity of form and content.

Keywords: English literature, Rosamunde Pilcher.

© 2009

С.Н. Пузанкова

НАДПИСИ 1762 ГОДА К ГРАВЮРНОМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ ЕКАТЕРИНЫ II: ПОЭТИКА ЭКФРАСИСА

Статья посвящена исследованию экфрасиса на материале пяти надписей 1762 года к гравюрному портрету Екатерины II. Надписи Е.Р. Дашковой, Г.В. Козицкого, Н.П. Мотониса и А.П. Сумарокова не экфрастичны. Самой репрезентативной в этом смысле является надпись Ломоносова. В каждой части ломоносовского сочинения реальные исторические факты и представления об идеальной монархине тем или иным способом связаны с гравюрным изображением императрицы.

Ключевые слова: русская литература, культура XVIII в., Екатерина II.

Центральные фигуры большинства похвальных надписей Ломоносова (47 из 62)[1] — российские правители и правительницы XVIII века. Среди них: Петр I (5 надписей), Елизавета Петровна (36), Павел Петрович (6). Лишь одна надпись из академического издания поэта посвящена великой княгине Екатерине Алексеевне, будущей государыне России[2].

Благодаря разысканиям и публикациям В.П. Степанова[3] стала известна ещё одна надпись Ломоносова, прославляющая императрицу Екатерину II. Исследователем также были найдены 4 надписи других авторов — Е.Р. Дашковой, Г.В. Козицкого, Н.П. Мотониса, и А.П. Сумарокова. Все они комментируют одно и то же произведение искусства. Это гравюра Евграфа Чемесова, исполнившего портрет самодержицы ко дню её коронации в 1762 году.

Медный офорт с изображением Екатерины II представляет собой профиль императрицы до уровня груди, заключённый в овал, который вписан в прямоугольник, без обрамлений. Самодержица в незамысловатой, скромной прическе, украшенной сзади бантом, с небольшими серьгами круглой формы. На шее кружевная горжетка, на платье — меховая оторочка. На груди видна звезда ордена святого Андрея Первозванного. Фон без каких-либо дополнительных фрагментов. Это один из вариантов парадного портрета — «самопрезентация тела <...>, без которой немыслим классицистский дискурс»[4].

Надписи к портрету императрицы были созданы под впечатлением от переворота 1762 года и трёх первых манифестов Екатерины II, выпущенных сразу после него. Эти стихи служили словесным аккомпанементом медному изображению, и должны были играть роль «посредника» между гравюрой и зрителем. В надписях пяти современников использованы различные виды взаимосвязи языка гравюрной действительности и языка поэтического. Они и составляют главный предмет нашего исследования.

Для того чтобы выявить сложные отношения двух искусств — слова и гравюры, воспользуемся таким понятием как *экфрасис*. В современном литературоведении это понятие толкуется по-разному. Л. Геллер понимает его как «украшенное описание произведения искусства внутри повествования, которое он прерывает, составляя кажущееся отступление»[5] в узком смысле и как словесное

описание одного произведения искусства средствами другого в широком, где имеют значение «восприятие и толкование кода», запечатление видимого и авторского видения[6]. Ю.В. Шатин считает, что экфрасис — это «тип фигуры речи, выступающей в ней как антиметафора», в которой произведение живописи способно превращаться в «символический знак и вступать посредством перевода в логические отношения со своим антиподом — художественной литературой»[7]. Р. Бобрык трактует его как «изображение второй степени, т.е. описание некоего иного изображения (реального или фиктивного)»[8]. Он приводит несколько условий, при которых экфрасис может существовать: 1) наличие определённого произведения изобразительного искусства, с которого воспроизводится его *описание*; 2) стремление словесного текста заменить собой это описание с воспроизведением «экспрессии и эмоциональной нагрузки» переводимого изображения; 3) трансформация этого текста в самостоятельную реальность; 4) присутствие «входа» в экфрасис и «выхода» из него путём «упоминания предмета с неким изображением»[9].

Экфрастические приёмы различны, но экфрасис воспроизводит условность второго или третьего уровня: образ (описываемая реальность) → первичное воспроизведение образа (материальный объект) → вторичное воспроизведение (поэтический текст). В случае отсутствия одного из звеньев экфрасис исчезает, нарушается словесная репрезентация «репрезентации живописной»[10], в нашем случае — гравюрной.

Надписи Е.Р. Дашковой, Г.В. Козицкого, Н.П. Мотониса и А.П. Сумарокова не экфрастичны по своей природе. В обозначенной цепи отражений (Екатерина II → гравюра → надпись) выпущено среднее звено — гравюра, к которой и создавались надписи. Их авторы не ориентируются на детали конкретного

портрета Екатерины II, а создают идеализированный образ императрицы. Гравюрное изображение и словесные тексты надписей, объединённые общим предметом (Екатериной II), существуют как бы независимо друг от друга.

Именно таким самостоятельным произведением выглядит надпись Дашковой:

Природа в свет Тебя стараясь произвесть,
Дары свои на Тя одну все истощила,
Чтобы на верх Тебя величества возвесть;
И награждая всем, она нас наградила[11].

Здесь не только отсутствуют черты гравюрного портрета правительницы, упоминания об ордене, изображённом на портрете, но и какие-либо намёки на произошедший переворот. Комплиментирование самодержицы в исполнении Дашковой имеет аполитичный характер: природа щедро одарила героиню; природа же возвела её на «верх величества» и ею наградила «всех». Однако связь между гравюрой и стихами Дашковой существует. Обращение «*Ты*» *(«Тебя», «Тя»),* заменяющее собой имя и титул, указывает на портрет Екатерины II. Местоимение «*мы*» («*нас*») обозначает не просто россиян, но смотрящих на гравюру и читающих надпись. Таким образом, надпись Дашковой обретает конкретность («Ты» = Екатерина II) и полноту смысла лишь при одновременном восприятии двух воплощений императрицы — в меди и в слове.

Другой тип связи между живописным и вербальным изображениями мы наблюдаем в латинской надписи Козицкого, переведенной на русский язык:

Счастливо дни россиян текут; но уже Фортуна-богиня
Молнии грозной копьё злобно в руке занесла.
Граждане кличут: «Свершилось!» Удар её Катерина
Предотвратила. Зря на неё, возгласи: «Да здравствует мать!»

В данной надписи Екатерина II предстаёт как спасительница россиян, предотвратившая «удар» одной из самых непостоянных из всех богинь — Фортуны, раздававшей свои дары вслепую. В отличие от статичного гравюрного портрета надпись Козицкого передаёт динамику исторического события. Переворот 1762 года осмыслен автором в аллегорическом сюжете борьбы двух героинь — мифического персонажа и любящей своё детище-Россию монархини-матери. Соединение двух текстов — гравюрного и поэтического — происходит только в финальной строке этой надписи: «*Зря на неё* возгласи <...>». Экфрасис, как и в надписи Дашковой отсутствует, но обращение автора к читателю и одновременно к зрителю всё же связывает, хотя и несколько формально, два произведения.

Ещё более механистично эта связь осуществлена в надписи Н.П. Мотониса. Составленная на древнегреческом языке и ориентированная «на стиль церковных возглашений»[12], надпись представляет образ императрицы-христианки, защищающей православие: «Екатерина Великая, во Христа бога верующая, императрица и самодержица всея России. Европа и Азия славят твой скипетр, любя, ибо ты спасительница веры и народов» [13]. В этих строчках лишь имя персоны, представленной на гравюре. Как «спасительница веры» изображена Екатерина II и в надписи А.П. Сумарокова.

В ней также представлен образ идеальной самодержицы, истинно верующей

и стремящейся к просвещению своего народа, императрицы, спасшей веру и славу России:

Сия избавила от уз Российску славу
И православие в империи спасла,
Дала премудрости Российскую державу
И истину на трон Российский вознесла.

Единственным средством, сополагающим гравюру и надпись, является указательное местоимение — «*Сия*». Живописный контекст Сумароковым не учитывается. Его комплименты находятся в области идеологии.

Из всех надписей к гравюрному портрету Екатерины наиболее экфрастична надпись Ломоносова:

Прекрасный видим здесь Екатерины взор,
Являющий доброт возлюбленный собор.
Но как изобразить для вечности Геройство,
И ревность Материю, чем нам дала спокойство?
Российский род в сердцах ей образ начертал,
Твердее тьмою крат, как Мрамор и Металл.

Ломоносовская надпись чётко делится на три части по две строки. Первая есть непосредственное описание гравюрного портрета. Экфрастический «вход» в пространство картины подчёркивает глагол первого лица множественного числа «*видим*», который отсылает читателя к медному изображению. Указательное наречие «*здесь*» подразумевает под собой гравюру. Упоминание реально присутствующей детали в профильном портрете — «*Екатерины взор*» — спаивает надпись Ломоносова с офортом Чемесова, соединяет в одном лице читателя и зрителя, связывает воедино живописный и словесный дискурсы.

Вторая часть надписи противопоставлена первой союзом «*но*». В ней Ломоносов ставит вопрос о возможности перевода с языка реальности на язык искусства, воспроизведения одного вида искусства средствами другого: «*Но как изобразить для вечности Геройство* <..> ?» Как отмечает Л.Геллер, экфрастическая установка порождает конкретные вопросы о взаимоотношении искусств, их взаимопереводимости, материально-формальных возможностей каждого из них[14]. Конечно, ломоносовский вопрос лишь выглядит эстетической проблемой, ответ на него соответствует комплиментарной установке жанра надписи.

В заключительном двустишии Ломоносов подчёркивает, что лучшее отображение Екатерины II — это память «*в сердцах*» россиян. Здесь варьируется мотив памяти/бессмертия из тридцатой оды Горация, переведённой Ломоносовым в 1747 году, ср.:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди <..>

Перевод Горация, 1747 г.[15]

Российский род в сердцах ей образ начертал,
Твердее тьмою крат, как Мрамор и Металл.

Надпись 1762 г.

Кажется, что Ломоносов заимствует уже готовые формулы из своего литературного опыта. Однако эта реминисценция выполняет две функции — и комплимента («вечной» любви россиян), и опять-таки указания на гравюру («образ

в сердцах» крепче «Металла», меди, из которой была изготовлена гравюра).

Таким образом, из пяти авторов, исполнивших надписи к медному портрету Екатерины II, только Ломоносову удаётся соединить воедино реальные исторические факты и представления о просвещённой монархине с гравюрным образом императрицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Надписи на иллюминацию, фейерверки, маскарады, на события политического и военного назначения, на «случай», а также к портретам, статуям, изображениям и надгробиям. Количество надписей дано по следующему изданию: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. VIII. М.-Л., 1959.
2. Надпись «Коль много за Тебя сердец пылает к Богу...» (1749) приурочена к дню рождения Екатерины Алексеевны. См.: *Ломоносов*. Ук. соч. Т. VIII. С. 232.
3. *Степанов В.П.* Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 111–115.
4. *Зверева Т.В.* Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины VIII века. Ижевск, 2007. С. 162.
5. *Геллер Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 5.
6. Там же. С. 10.
7. *Шатин Ю.В.* Ожившие картины: экфрасис и диегезис. Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С.218.
8. *Бобрык Р.* Схема и описание в научных текстах о живописи. Анализ или экфрасис? // Экфрасис в русской литературе... С. 180.
9. Там же. С. 180–181.
10. *Франк Сузи*. Заражение страстями или текстовая «наглядность»: pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе... С. 34–35.
11. Здесь и далее надписи цитируются по следующему изданию: *Степанов В.П.*Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 111–115.
12. *Степанов*. Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 113.
13. Цит. перевод, помещённый в кн.: Русский гравёр Чемесов. СПб., 1878.
14. Экфрасис в русской литературе... С. 7.
15. *Ломоносов*. Ук. соч. Т.VIII. С. 184.

INSCRIPTIONS OF 1762 TO EKATHERINA II ENGRAVING IMAGE: POETICS OF EKPHRASIS

S.N. Puzankova

The article is an attempt to research the ekphrasis on a material of five inscriptions of 1762 to Ekatherina II engraving portrait (E.R. Dashkova, G.V. Kozitskii, N.P. Motonis and A.P. Sumarokov's inscriptions). The most representative in this sense is the inscription of Lomonosov. In each part of Lomonosov's compositions real historic facts and representations about ideal queen or a different way are connected by that to the engraving image of empress.

Keywords: Russian literature, culture of the 18th c., Ekatherina II.

© 2009

В.С. Севастьянова

«СИМВОЛИЗМ НЕ-БЫТИЯ» АНДРЕЯ БЕЛОГО

В работе проанализированы стадии становления символизма, первой из которых стало, по Белому, "возведение пессимизма в принцип", предпринятое "первым символистом" А. Шопенгауэром. При этом под "пессимизмом" Белый подразумевает прежде всего переход от "лихорадочной напряженности к созерцательному бездействию", "откровенное признание призрачности бытия", но главное — осознание того факта, что "сквозь бытие глядит черная тьма". Последнее было необходимо для избавления мира от "пошлости" и раскрытия "источника сверкающих сущностей", которые предстанут перед освобожденным взором. Ведь "только ступив во мрак, можно из него выйти". И, по сути, первым шагом на пути к новому миропониманию и в целом к новому миру становилось полное отрицание всего старого, погружение всего существующего во мрак не-существования, в пустоту.

Ключевые слова: русская литература, Андрей Белый.

Литературоведческая судьба Андрея Белого уже давно сложилась. Основные моменты художественного и теоретического поиска поэта не оставались незамеченными современниками и критиками, горячо откликавшимися на каждое его произведение. Наиболее значимые для художника темы получили подробное освещение в огромном количестве беловедческих трудов. Казалось бы, очень сложно обнаружить какие-либо ранее неизвестные черты в облике «водителя и вдохновителя духовной культуры», автора «больших замыслов», находящегося в постоянном поиске, одержимого на различных этапах творческих исканий различными, зачастую противоречивыми идеями. И практически невозможно добавить что-либо новое к портрету мыслителя, сознательно культивирующего противоположности, однако при этом всю жизнь хранящего верность однажды избранной генеральной цели — жизнетворческой идее, которая сглаживает всю разнородность его философских убеждений и увлечений, компенсирует предельную рассыпанность фабулы и обусловливает глубинную смысловую связанность его произведений.

Ведь сколь бы противоречивыми и «разбросанными» ни представлялись искания Белого, и сколь «судорожным» ни было его стремление к «обхвату непримиримостей», исследователи единодушны в том, что главным мировоззренческим ориентиром для поэта и романиста всегда служила мечта о сотворении новой земли и нового человека, о возвращении к Вечности — высшему Бытию. Так, уже Ф. Степун, первым среди современников попытавшийся обобщить духовный облик Белого, пишет о «зигзагах внутреннего развития» поэта, о предельной «неустойчивости», туманности и «безбрежности» его внутреннего мира, которые, однако, не становятся препятствием для рождения и роста в мистическом сознании художника панорамы новой жизни. Для С. Аскольдова Белый, с одной стороны — «величина совершенно неопределенная... и в каче-

стве и в размерах», поскольку «никакого определенного учения он пока не дал и ни к какому определенному учению пока не примкнул». Но при этом исследователь убежден в способности поэта к «романтическому, подчас религиозному подъему над действительностью», к широкому «использованию бытийственных созвучий», к созданию «картины бытия» не только эмпирического, но и иного: потустороннего, мистическо-христианского, будущего и вечного[1].

В подобном ключе высказывается и современное беловедение. Л. Долгополов пишет о Белом как об авторе, впустившем в свое творчество «всю многослойность и противоречивость действительности, хлынувшей в открывшийся шлюз» и помешавшей формированию целостной художественно-философской концепции. И вместе с тем в работах ученого поэт предстает художником, творившим «совокупный образ эпохи», неизменно стремившимся к «созиданию новой культуры, новых форм быта, ориентированных на высшие формы — формы бытия»[2]. Т. Хмельницкая сожалеет о том, что «заряд гениальности» был лишь отчасти реализован в художественном творчестве поэтом, «утопившим» свои тексты в «неопределенности». И в то же самое время без труда фиксирует в произведениях Белого «теургические лейтмотивы»: темы «зари», «Соловьева», «Вечности»[3]. А. Лавров, глубоко проникший в «симфонические» хитросплетения ранней прозы Белого, убеждает: «беспорядочность», «хаотичность», «бессвязность» творимой поэтом художественной действительности преодолеваются по мере приближения к «Вечности великой, Вечности царящей», в которой разрешаются все противоречия, весь трагизм человеческого существования, отданного во власть времени[4].

Перечисление работ, посвященных теургизму Белого, может быть продолжено. Вечность-Бытие как «наиболее живучая идея Андрея Белого», «воплощение теургической мечты Вл. Соловьева» уже долгие годы является своеобразным центром притяжения, вокруг которого без устали вращается беловедческая мысль В найденном поэтом образе усматривается главный (и единственный, по сути) противовес как «бесфабульности», фрагментарности экспериментальной модернистской прозы, так и модернистской расщепленности сознания. Ведь «цельность и гармоничность, согласно символистским представлениям, присущи лишь высшему, сущностному миру — миру платоновских «эйдосов», «довременных подлинников», сверхчувственных реальностей»[5].

Оставим, однако, саму прекрасную и столь очевидную цель художественных и мировоззренческих исканий Белого на время в стороне и сосредоточим внимание на способах ее достижения. Ведь, как справедливо отмечают ученые, гениальная одаренность этого художника проявилась «не столько в достигнутых целях и конкретных результатах, сколько в *путях*, ведущих к ним»[6]. Да и в целом «идея о пути» чрезвычайно важна для художника-символиста, являясь и частью его концепции собственной эволюции, и одной из форм самопознания, имея те же исторические, биографические, культурно-идеологические истоки, что и другие представления писателя, а потому и «работая» в одном с ним направлении.[7] Вполне естественно поэтому было бы предположить, что теургическим задачам, декларированным Белым, должны соответствовать способы решения, относящиеся к той же «платоническо-соловьевской» системе координат. И, как кажется, именно о таком «пути к Вечности» Белый пишет в

«Символизме как миропонимании»: «Задача теургов сложна. Они должны... идти по воздуху... Мы на берегу, а золотая ладья... плещется у ног. Мы должны сесть в нее и уплыть. Мы должны плыть и тонуть в лазури» (как известно, «лазурь» и «золото» в созданной поэтом цветовой иерархии и есть символы наступившей Вечности, воплотившейся мировой души)[8].

Именно «плыть и тонуть» в «бездне изумрудного золота» желает герой «III симфонии» («Возврат»), страдающий от мучительной раздвоенности своей действительности и желающий восстановить утраченную целостность, возвратившись в довременной подлинный мир. О полете к «зорям» и «лазури» грезят действующие лица второй «симфонии». Яркое воплощение идеи «лазурного» пути мы находим, разумеется, в известных строках «Золота в лазури»:

Зовут аргонавты
На солнечный пир,
Трубя в золотеющей мир.
Внимайте, внимайте:
Довольно страданий.
Броню надевайте
Из солнечной ткани!
Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
Над нами.
На горных вершинах
Наш Арго,
Наш Арго,
Готовясь лететь, золотыми крылами
Забил.[9]

Но стоит взглянуть на тексты Белого более пристально — и мы начинаем видеть, что звучащие в них зовы к будущему оказываются предательски сбивчивыми, что сквозь лазурь и золото отчетливо проступает тьма, а за рассеивающимся мистическим туманом открывается не ослепительно-белый свет, который должен символизировать «высшую наполненность бытия», а мрак и пустота. Уже в «Возврате», где и творимая автором «картина мира», и основные принципы структуры произведения обнаруживают «отчетливую связь с традициями платоновско-романтического двоемирия»[10], где «двуплановость доведена до предела, имеет абсолютный характер»[11], возникает нечто, выходящее за рамки противопоставления двух миров:

> «С ним происходило. На него налетало. Тогда он убегал от мира. Улетучивался.
>
> Между ним и миром возникали недоразумения. Возникали *провалы*... Слушая сигнал, подаваемый Вечностью, вот и сейчас он пролетел сквозь призрачную видимость. Застыл с горелкой в руке...».[12]

Как следует из приведенного фрагмента, уже в 1901 г., когда была начата работа над «Возвратом», то есть в самый разгар переживаемой Белым «эпохи зорь», опробованный поэтом принцип организации художественного пространства оказывается более сложным, нежели традиционное деление симво-

листского мироздания на «мир эйдосов» (вневременной Эдем) и его искаженную копию. Ведь в моменты «ухода» Хандрикова в «пространства» Вечности в «двухбытийной» схеме проявляется третий, не предусмотренный неоплатонической системой элемент — «провалы», которые образуются рядом с призрачным реальным миром и миром подлинным.

Аналогичный образ появляется у Белого и в одноименном стихе («Возврат», 1903), причем здесь «провал» уже прямо противопоставляется Вечности («высотам»):

Безмолвно ждал я алчущего брата,
в толпе зверей ища высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом безумным
объятые, спускаются в провалы...
Стихотворения и поэмы, 80.

Если в «Возврате»-«симфонии» герою все же удается «утонуть» (как помним, Хандриков успешно «опрокидывается» и оказывается по другую сторону «искаженного бытия» — в бытии истинном), то в лирическом тексте функция этого новообразования подвергается пересмотру. И «провал» — уже не просто препятствие на пути к Вечности, а его финал, ожидающий человечество, павшее со «звездной выси» и движущееся в прямо в противоположную сторону. В контексте же «самого реального» для Белого «вопроса современности — *быть или не быть человечеству*» — такое направление движения представляется особенно многозначительным.

Прослеживая дальнейший ход поэтической мысли Белого, мы видим, как уже в «Световой сказке» (1903) «провалы», раскрывшиеся ранее между «бытом» и «бытием», между человеком и «миром», стремительно расширяются и обретают вид «хаоса *небытия*» — «пустоты», разверзшейся «во всех концах — и в веках, и в планетных системах...» (Забытая книга, 472). Не удивительно поэтому, что герой этого произведения ощущает присутствие в своем мире еще более осязаемой преграды между собой и подлинной реальностью, сознает себя не творцом гармонии, посланцем Вечности в земном мире, но просто точкой, несущейся сквозь «бездонную тьму»:

> «Мы были две искры, оторванные от одной родины, — две искры потухшей ракеты...» (Забытая книга, 472).

Конечно, здесь еще просматривается «аргонавтическое» окончание пути — вера в то, что мучительные блуждания через преходящее будут вознаграждены в «истинном мире»:

> «Вся солнечность, на какую я был способен, все медовое золото детских дней, соединяясь, пронзили холодный ужас жизни, когда я увидел Ее... Взглянув друг другу в глаза, мы узнали родину. И свет мира засиял. И свет мира не был залит тьмою... И огненное сердце мое, как ракета, помчалось сквозь хаос небытия к Солнцу, на далекую родину» (Забытая книга, 471)

Упоминание о «Солнце», о «Ней», о «родине» и любви, с помощью которой преодолевается одиночество героя и разобщенность мира, все же оставляет надежду на победу «света» над «тьмой», «бытия» — над «хаосом небытия». Однако уже годом позже, в «Аргонавтах» (1904), создававшихся параллельно с «Золотом в лазури» и, как представляется, вовсе не случайно включенных автором в состав своего самого «теургического» сборника, происходит окончательное переосмысление темы пути. И искатели «Солнца» предстают уже окончательно затерянными в пустом ледяном пространстве:

> «Холодные сумерки окутали Арго, хотя был полдень. Ледяные порывы ветра свистали о безвозвратном. Застывший спутник уставился на магистра. Так мчались они в пустоту, потому что нельзя было вернуться» (Забытая книга, 454).

В произведении, которое, как полагают комментаторы, «вплотную примыкает по своей образно-смысловой тематике к программным текстам «Золота...»[13], мы не обнаруживаем ни малейшего проблеска «немеркнущего света», который мог бы рассеять тьму, ни одного упоминания о «Вечности желанной», ожидающей аргонавтов по окончании полета. И, таким образом, уже в этом раннем рассказе мы имеем дело фактически с полным отсутствием в творимом Белым художественном пространстве какого-либо противовеса расширяющемуся и поглощающему мироздание не-бытию. От «отрицания всего частичного и конечного», «от сознания пустоты материального бытия» он не переходит «к тому, что не пусто, к тому, во имя чего им отринута обманчивая действительность»; отрицание бытия недостойного не оправдывается у него «утверждением бытия достойного — мира идей и идеальных отношений».[14]

И если публицистические высказывания Белого все же укладываются в рамки признанной «теургической» концепции его творчества (как, например, следующее: «Мир сей возникает в формах времени и пространства. Перемена этих форм для нашего непрекратившегося сознания изгладит образ «мира сего». Тогда будет новая земля и новое небо... Кто из нас выйдет за время, тот скажет со Христом: «Я уже не в мире, но они в мире, а я к Тебе иду, Отче святой» (208), то в художественной практике поэта «достойное бытие» постепенно оказывается перед лицом наступающего не-бытия в том же положении, что и сама призрачная действительность. При этом в качестве предела существования бытия не только земного, но и Абсолютного не-бытие утверждается также и в текстах, на первый взгляд, не имеющих непосредственного отношения к теме нашего исследования. В частности, в «некрасовском» «Телеграфисте», где участь «Бога» практически ничем не отличается от перспектив как «мира сего», так и лирического героя:

Вздыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время, Бога
И жизнь, и жизни цель...
Стихотворения и поэмы, 122.

Так что если «путь» героев произведений Белого хотя бы отчасти отражает ход творческой эволюции автора, то следует признать, что «провалы», «пустота» и «тьма», уже в начале 1900-х гг. составившие фундамент лирического мира, творимого поэтом, не менее обоснованно, чем «заря» или «Вечность», могут претендовать на роль тех «ключевых» образов, которые, «повторяясь, варьируясь и вступая в отношения друг с другом, проходят через все произведение или его части, организуют художественный текст и создают подобие его внутреннего единства, то есть квазиединство».[15] Способны они и занять место тех «слов-сигналов», которые служат выражением «сквозных тем», актуальных для Белого в различные периоды творчества.[16] Очевидно также, что выражаемая такими «сигналами» тема не-бытия является для художника, по меньшей мере, столь же важной, сколь и проблема творчества жизни. Не случайно ведь он пишет о параллельном существовании символизма двух родов. Одного, ориентированного на «соединение образов созидающей воли... для будущей жизни, предощущаемой, как греза». И символизма «иного рода», занимающегося соединением обломков когда-то цельной действительности», символизма «небытия, великого мрака, пустоты».[17] Представителем «иного» символизма являлся для Белого Блок «Балаганчика» — изменивший заветам соловьевства «талантливый изобразитель пустоты», «съедающей» посюстороннюю и потустороннюю действительность. И, на первый взгляд, предпочтения самого Белого, обличающего «провалы в пустоту», в которую «слетают» блоковские образы, совершенно ясны, и небытие, пустота, мрак — явления для него, если и не совсем чужеродные, то, во всяком случае, мало приемлемые.

Однако в данном случае, как представляется, стоит прислушаться к мнению Ф. Степуна, близко знавшего поэта и тонко подметившего одну из особенностей его личности: «Если Белый действительно самозамкнутое «я», то что же означает его неустанная общественная деятельность полемиста и трибуна; в чем внутренний пафос его изобличительной неугомонности..? Думаю, в последнем счете не в чем ином, как в борьбе Белого с самим собой за себя самого. Враги Белого — это все разные голоса и подголоски, все разные угрожающие ему «срывы» и «загибы» его собственного «я», которые он невольно объективировал и с которыми расправлялся под масками своих врагов».[18]

Правота современника, равно как и подлинный объект предпринятого Белым полемического выпада станут очевидными, если мы соотнесем характеристики «иного», «небытийного» символизма с собственными построениями поэта, где, как мы видели, широко представлены и «провалы», и «тьма», и «пустота».[19] При этом не-бытие становится для Белого объектом повышенного интереса уже в самых ранних работах. Ведь о чем бы он ни говорил — об учении древних гностиков или Апокалипсисе, о «монгольском» разрушении культуры или о символике цвета, о становлении мировой души или же о борьбе добра со злом — в центре его рассуждений неизменно оказывается то «страшное» и «бездонное», что, словно открытая дверь, «зияет» позади и «черным облаком» подстерегает впереди.

Так, в «Священных цветах» за противопоставлением «черного» и «белого» стоит и гораздо более масштабная оппозиция, и, по Белому, самая глобальная для современности проблема. И не только потому, что белый цвет напрямую

соотносится с бытием, а черный — с не-бытием. Фактически, через особые взаимоотношения черного и белого здесь передается процесс проникновения небытийного в бытийное и говорится о возможности «убывания» последнего: «Если цвет — символ воплощенной полноты бытия, черный — символ небытия, хаоса... Черный цвет феноменально определяет зло как начало, нарушающее полноту бытия, придающее ему призрачность» (Символизм как миропонимание, 201). И в свете такой допущенной возможности «воплощения небытия в бытие» уже не вызывает удивления космогоническая картина, представленная в «Символизме как миропонимании», где Белый, откровенно вторя положениям философов, утверждающих абсолютную изначальность небытийного, творит модель не-бытия как первоначала мироздания:

> «Бриллиантовые узоры созвездий неподвижны в черном, мировом бреду, где все несется и где нет ничего, что есть.
> ...И то тут, то там, ...золотые точки загораются в небесах; зажигаются, сгорают в эфирно-воздушных складках земной фаты...»

По сути дела, речь здесь идет не только о не-бытии (мировом хаосе), который со всех сторон окутывает все существующее, но и о неизбежном угасании (возвращении к небытийному состоянию) каждой вновь вспыхивающей вселенной:

> «Зажигаются, тухнут — и летят, и летят прочь от земли сквозь бездонные страны небытия, чтобы снова через миллионы лет загореться
> ...
> Невольный вздох, может быть, вырвавшийся из груди, — он один обнаружит, что душа не забыла, во что погружены картонные плоскости бытия» (Забытая книга, 248).

Конечно же, здесь восторженность Белого-художника, изображающего бриллиантовый фейерверк, вспыхивающий и гаснущий в черной бездне, несколько смягчает ситуацию. Да и «мрак», вроде бы, еще и не побеждает окончательно (ведь точки-звезды сгорают, для того чтобы загореться вновь). Но уже сами эпитеты, которыми наделяются противопоставленные друг другу начала, позволяют с большой долей вероятности предположить, что, в конечном счете, бездонный нарастающий вал небытия все же захлестнет и навсегда погасит «картонные плоскости». Не случайно, уже в первом стихе «Золота в лазури» борьба «света» и «тьмы» –

> Огонечки небесных свечей
> снова борются с горестным мраком.
> И ручей
> чуть сверкает серебряным знаком <...>

— представляется заведомо неравной (Стихотворения и поэмы, 23). Да и завершается она, видимо, едва начавшись, поскольку «огонечки» оказываются бессильными предотвратить наступление тьмы, и уже в «Усмиренном» появляются строки, удручающие своим пессимизмом:

> Задумчивый мир напоило немеркнущим светом
> великое солнце в печали янтарно-закатной.
> Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом

сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
к холодным ногам, обнимая руками колени...
Стихотворения и поэмы, 39.

Но особенно пристального внимания в контексте нашей проблематики «Символизм как миропонимание» заслуживает не только потому, что здесь Белый поднимает вопрос о взаимоотношениях двух начал своего мироздания. Дело в том, что в этой работе, казалось бы, целиком посвященной обоснованию символизма как творческого метода и как метода познания мира, содержатся ключи к прочтению «алогичных», «бесфабульных» текстов поэта, к дешифровке многих содержащихся в них «неопределенностей», наконец, к пониманию эволюции ключевых для Белого образов. Именно здесь закладывается программа роста «провалов» и «пустот», которая будет реализовываться на протяжении многих лет и которая сделает неизбежным переход от «пассивного» не-бытия (не-бытия как отсутствия) к «активной» «небытийственной бездне» «Петербурга», преследующей и губящей героев, а затем — и к Ничто «Записок чудака», способному не только проникать в реальность, но и обращать в «нуль» «мир материи» и «мир духа».

Последний тезис получит полное подтверждение, если мы проанализируем сформулированные в работе стадии становления символизма, первой из которых стало, по Белому, «возведение пессимизма в принцип», предпринятое «первым символистом» А. Шопенгауэром (Символизм как миропонимание, 244). При этом под «пессимизмом» Белый подразумевает прежде всего переход от «лихорадочной напряженности к созерцательному бездействию», «откровенное признание призрачности бытия», но главное — осознание того факта, что «сквозь бытие глядит черная тьма». Последнее было необходимо для избавления мира от «пошлости» и раскрытия «источника сверкающих сущностей», которые предстанут перед освобожденным взором. Ведь «только ступив во мрак, можно из него выйти» (Символизм как миропонимание, 247). И, по сути, первым шагом на пути к новому миропониманию и в целом к новому миру становилось полное *отрицание* всего старого, погружение *всего* существующего во мрак не-существования, в пустоту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Аскольдов С.* Творчество Андрея Белого // Литературная мысль. Вып. 1. Пг., 1922. С. 73.
2. *Долгополов Л.* Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988. С. 96.
3. *Хмельницкая Т.* Литературное рождение Андрея Белого. Вторая Драматическая Симфония // Андрей Белый. ... М., 1988. С. 122.
4. *Лавров А.* У истоков творчества Андрея Белого («Симфонии») // *Белый А.* Симфонии. Л., 1990. С. 22.
5. *Грякалова Н.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 229.

6. *Долгополов*. Ук. соч. С. 100.
7. *Минц З.* Поэтика символа и символизма. СПб., 2004. С. 132.
8. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 254 (далее — «Символизм как миропонимание» с указанием страниц).
9. *Белый А.* Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 24 (далее — «Стихотворения и поэмы» с указанием страниц).
10. *Минц.* Ук. соч. С. 132.
11. *Долгополов*. Ук. соч. С. 51.
12. *Белый А.* Симфонии (Забытая книга). Л., 1990. С. 215 (далее — «Забытая книга» с указанием страниц).
13. См., например: *Пискунов В.* Лики поэзии Андрея Белого // *Белый А.* Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. М., 1994.
14. *Соловьев В.* Сочинения в 2 т. Т. 1. С. 322.
15. *Грякалова*. Ук. соч. С. 32.
16. *Скатов Н.Н.* «Некрасовская» книга Андрея Белого // Андрей Белый ... С. 162.
17. *Белый А.* Обломки миров // Александр Блок. Лирические драмы (Балаганчик. Король на площади. Незнакомка). СПб., 1908.
18. *Степун Ф.* Памяти Андрея Белого // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 62.
19. Кроме того, если, по Белому, «символизм небытия» занимается «*соединением обломков когда-то цельной действительности»,* то и самому поэту свойственно именно такое восприятие мира. В статье «Искусство» (1908) он так сформулировал свое «обрывочное» переживание действительности: «Жизнь, воспринимаемая нами, есть жизнь раздробленная: жизнь в многообразии форм, где ни одна форма не дает полноты, цельности, единства. И потому-то цельность жизни, единство ее, есть вывод нашего сознания... Цельность жизни дается нам в понятии, но не в переживании. *Я переживаю обрывки цельности*» (Андрей Белый. Арабески: Книга статей. М., 1911. С. 219).

ANDREY BELYI: "SYMBOLISM OF NONEXISTENCE"

V.S. Sevastjanova

There have been analysed stages of formation of Belyi's symbolism, the first one of which is "erection of pessimism as a principle", and it was first undertaken by "the first symbolist" A.Schopenhauer. Thus, Belyi means "pessimism" to be a transition from "feverish intensity to contemplative inactivity", but the main thing is knowing that "through life there looks the black darkness". The last was necessary for the world rescue of "platitude" and revelation of "a source of sparkling essences". Actually, "when ever you put a foot into a gloom, it is possible to leave it". And, as a matter of fact, the first step on the way to a new outlook and as a whole to a new world became a complete denial of all the old, immersing of all the existent into a gloom, emptiness of nonexistence.

Keywords: Russian literature, Andrey Belyi.

© 2009

А.В. Бутова

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ И ПОЭТЫ-ОБЭРИУТЫ: ИСКУССТВО «ФАНТАСТИЧЕСКОЕ» ИЛИ «РЕАЛЬНОЕ»

Статья посвящена особенностям мировоззрения Николая Заболоцкого и поэтов из Объединения Реального Искусства - Д. Хармса и А. Введенского. В частности, подробно рассматривается проблема понимания Заболоцким и обэриутами сущности искусства, его целей и задач, анализируются сходства и различия в их подходах к решению этого вопроса.

Ключевые слова: русская литература, Николай Заболоцкий.

Рубеж XIX–XX веков ознаменовался началом новой художественной эпохи. На смену реализму пришел модернизм — и как литературное направление, течение, и как философия, как взгляд на мир, как манера чувствовать и думать. Николай Заболоцкий, безусловно, стал одной из самых ярких фигур русского модернизма, удачно воплотив в своем творчестве все веяния и открытия эпохи.

Заболоцкий вошел в литературу в 20-х годах прошлого столетия, провозгласив своим творческим кредо поэтический рационализм. Само появление разума в произведениях Н. Заболоцкого неслучайно. Необратимые изменения научной и философской картины мира, которые явились следствием бурного технического прогресса и громких открытий в самых разных областях знания, ставили перед необходимостью определить место и роль разума не только в понимании человека и его отношении к миру, но также и в создании художественных миров поэтов и писателей. При всем многообразии тем и образов, которые разрабатывались и развивались поэтом, образ разума, безусловно, занимал центральное место в его творчестве. «Сочетаниями образов управляет поэтическая *мысль*»[1] <здесь и далее курсив наш. — А. Б.>; «сущность поэзии — в *мысли*»[2]; «в поэзии — столкновение словесных *смыслов* выражает предмет с точностью механики»[3] — это лишь небольшая часть примеров, взятая нами из прозы Заболоцкого. Есть еще и личные письма: «Если бы я мог как следует отдохнуть, отоспаться и передумать много-много *мыслей*...»; «Когда я возвращаюсь ночью с работы мне хочется *думать*, *думать*, *думать*. Но *думать* некогда»[4]. Не говоря уже о самих стихотворениях, которые изобилуют словами «*мысль*», «*разум*», «*рассудок*», «*смысл*», «*изучил*», «*выяснил*», «*передумал*». Таким образом, мы видим насколько серьезно относился Заболоцкий к самому процессу мышления, насколько значимой была для него мысль и все, что можно было выразить при помощи нее. Для Николая Заболоцкого искусство являлось своеобразным инструментом познания мира: «Поэзия есть мысль, устроенная в теле»[5], что позволяет нам говорить о гносеологической доминанте творчества поэта. Однако больший интерес для нас представляют творческие возможности разума.

Автор «Столбцов» не был единственным, кого интересовала проблема разума. Символисты, авангардисты, представители поэзии новокрестьянской и пролетарской, стихотворцы многочисленных объединений и групп — все эти поэты, даже те, кто категорически не принимал значимость разума, все равно,

так или иначе, соприкасались с этой сложной и неоднозначной проблемой. Так, например, место рацио в познании и творении художественных миров интересовало Д. Хармса и А. Введенского — поэтов из Объединения Реального Искусства (ОБЭРИУ). Непродолжительное время Заболоцкий участвовал в деятельности этого литературного объединения. Более того, именно его перу принадлежит теоретическое обоснование идеи «реального искусства».

«Поэт, прежде всего, — созерцатель. Созерцание, как некое активное общение субъекта с окружающим его миром, всегда ставит ряд вопросов о сущности всякого явления. Вещи спрашивают о своем существовании, и поэт спрашивает о существовании вещей. Вопросы *теории познания* делаются логически неумолимыми. Теория наивного реализма — теория ленивого обывателя, не склонного к критическому анализу познания — не может быть принята поэтом...»[6], — отмечает Н. Заболоцкий в статье «О сущности символизма». Постижение закономерностей объективного мира (познание) через способность субъекта к воспроизведению действительности в мышлении, т. е. через сознание, являлось чрезвычайно важным моментом для Н. Заболоцкого. В сущности, здесь обнаруживается открытое противостояние поэта кантовской гносеологии. Немецкий философ утверждал: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы. <...> Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. <...> Только из соединения их может возникнуть знание».[7] Действительно, чувственное восприятие мира не являлось для Заболоцкого полноценным оружием в познании, т. к. не могло дать адекватное знание о его сущности. Но и главный закон логики, т. е. «науки о правилах рассудка вообще»,[8] — причинно-следственные связи ощущались им как некий пережиток эпохи реализма, как «система выдуманных знаков»:

Причина — следствию отец,
А следствие — отец причины, —
Попробуй тут найти конец —
Не разберешься до кончины.
Системой выдуманных знаков
Весь мир вертится одинаков,
Не мир — а бешеный самум,
Изображенье наших дум...

Заболоцкий, I, 608

Разделяли мнение Заболоцкого и его коллеги по ОБЭРИУ. «Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума, более сознательную чем та, отвлеченная»,[9] — писал «авторитет бессмыслицы» А. Введенский. Приведем и мнение уже современного литературоведа о творчестве Д. Хармса: «Это своеобразная гносеологическая пародия, точнее автопародия познающего сознания, осмысляющего роль случайности в меняющемся мире».[10]

Тема «науки — мудрости княгини»[11] и ограниченности научного мышления была актуальна для всех «чинарей». Так, например, у Д. Хармса она прослеживается на протяжении всего творчества («Окно», «От знаков миг», «А ну-ка по-

кажи мне руку...» и другие):

Ученые наблюдают из года в год
пути и влияния циклонов,
до сих пор не смея угадать, будет ли к вечеру дождь,
и я полагаю, что даже Павел Николаевич Филонов
имеет больше власти над тучами...

Хармс, 318

Эти поэтические строчки дают нам право утверждать, что художник — «даже Павел Николаевич Филонов», согласно Хармсу, имеет большую власть над миром, чем наука.

Основной является эта мысль и в произведении А. Введенского «Кругом возможно Бог», особенно четко она прослеживается в диалоге Фомина и народов. Народы — это представители разумного начала, они заняты изучением и измерением земли. Их уверенность в том, что:

...человек начальник Бога.
А над землею звезды есть
с химическим составом,
они покорны нашим уставам...

Введенский, 175

— вызывает у Фомина неприятие утилитарности их знаний: «Если сделана мановением руки река, / мы полагаем, что сделана она для наполнения нашего мочевого пузырька» (Введенский, 176). Фомин противопоставляет научным измерениям воду, которая «рисует сама по себе».

Находим мы подобный интерес к данному вопросу и в поэме Н. Заболоцкого «Торжество земледелия», в диалоге Солдата — «дитя рассудка» с предками. Солдат пытается объяснить феномены природы через свой «привычный ум»:

Слышу бури страшный шум,
Слышу ветра дикий вой,
<...>
Тут не черт, не домовой,
Тут не демон, не русалка,
<...>
Но простых деревьев свалка.
После бури будет тихо.

Заболоцкий, 127

Но предки отвергают новые знания Солдата: «Дурень ты и старый мерин, / Недоносок рыжей клячи! / Твой рассудок непомерен, / Верно, выдуман иначе» (Заболоцкий, 129).

Однако при всем кажущемся сходстве данных произведений, можно увидеть и некоторые несовпадения. Если обэриуты противопоставляют рассудку творчество, как единственно верный путь к познанию действительности, то Заболоцкий пытается наделить животных сознанием для того, чтобы они поведали людям всю правду о мире от его начал:

Разрушив царство сох и борон,

Мы старый мир дотла снесем
И букву А огромным хором
Впервые враз произнесем.
Заболоцкий, 133

Мысль о том, что животные являются хранителями безмолвного и настоящего знания о мире, звучит у Заболоцкого и в стихотворении «Лицо коня»:

Лицо коня прекрасней и умней.
Он слышит говор листьев и камней.
<...>
И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню.
<...>
Мы услыхали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые
Как мед или крутое молоко.
Заболоцкий, 77-78

Здесь очевидно сближение поэта с другими обэриутами. Так, у Хармса «бабочки способны слышать потрескивание искр / в корнях репейника», «водяные паучки знают имя, отчество / оброненного охотником пистолета».[12]

Однако «Торжество земледелия» — это не просто «наукообразная» утопия, это еще и яркий пример борьбы научного и поэтического взгляда в сознании Заболоцкого. Есть в творчестве Заболоцкого еще одно стихотворение, которое наталкивает нас на схожую мысль — «Битва слонов». Это произведение очень неоднозначно. С одной стороны, налицо своеобразное описание процесса творчества — «боевые слоны подсознания» они же «боевые животные преисподней» вступают в бой с поэзией, «проверенной чистым рассудком». Другими словами, это борьба разума с хаотичными силами подсознания. С другой стороны, явно прослеживается мысль о возможности «новой» поэзии адекватно передавать истинные смыслы:

Синтаксис домики строит не те,
Мир в неуклюжей стоит красоте.
Деревьев отброшены старые правила,
На новую землю их битва направила
<...>
Весь мир неуклюжего полон значения!
Заболоцкий, 115-116

Но в итоге, поэзии при помощи рассудка удается расставить все на свои места:

Поэзия начинает приглядываться,
Изучать движение новых фигур,
Она начинает понимать красоту неуклюжести
Заболоцкий, 116

Эти попытки Заболоцкого примирить разум с иррациональностью искусства отличали его от «чинарей», для которых разум был непригоден и как творческая единица, и как познающий элемент. «Широкое непонимание» А. Введенского, указывающее на ограниченность разума, и знаменитое хармсовское:

Скажу вам грозно: лишь мы одни —
Поэты, знаем дней катыбр.

Хармс, 309

явно свидетельствуют об этом.

Подвергая критике главный закон логики: «Правда ли, что двое ученых доказали неверность закона причинности и получили за это нобелевскую премию»,[13] обэриуты не спешили отказываться от логики совсем. Вместо узкого рационализма обывателя они предлагали свою поэтическую логику, формулировка которой принадлежит Заболоцкому: «В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. <...> В поэзии — столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики. Вы как будто начинаете возражать, что это не тот предмет, который вы видите в жизни? <...> Может быть вы будете утверждать, что наши сюжеты «нелогичны»? А кто сказал, что «житейская» логика обязательна для искусства? <...> У искусства своя логика, и она не разрушает предмет, но помогает его познать».[14] В качестве основных принципов нового искусства обэриуты избрали алогизм и игру. Активно использовал эти принципы и Н. Заболоцкий. Причем, стоит отметить, что несмотря на наличие игрового момента в раннем творчестве Заболоцкого, его стихотворения не выглядят настолько абсурдными и непонятными, как произведения обэриутов, которые «заигрались» до такой степени, что вместо «расширения и углубления смысла предмета и слова» зачастую просто «разрушали» его, что было неприемлемо для Заболоцкого. Кроме того, если для Заболоцкого принцип игры давал возможность по-новому взглянуть на мир привычных вещей, то обэриуты, используя алогичные конструкции и игру, стремились изолировать свои произведения от окружающей действительности. В этом заключается самое большое различие между Заболоцким, который в своем творчестве стремился не к созданию новых миров, а скорее к пересозданию уже существующего, и обэриутами, для которых «реальное искусство» — это не отражение видимой реальности, а новая реальность, созданная как противопоставление привычному миру вещей: «Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально».[15] Подобное «истинное искусство» представлялось Н. Заболоцкому «нереальным» и даже «фантастическим». В 1926 году Николай Заболоцкий писал в «Моих возражениях А. Введенскому, авторитету бессмыслицы»: «Ваши стихи не стоят на земле, на которой живем мы. Летят друг за другом переливающиеся камни и слышатся странные звуки из пустоты — это отражение несуществующих миров. Так сидит слепой мастер и вытачивает свое фантастическое искусство».[16]

Безусловно, отношение к творчеству, как к игре со своими абсурдными правилами есть отличительная черта обэриутов. Причем, правила игры устанавливает сам поэт-творец: «Во все, что я делаю, я вкладываю сознание, что я творец

мира»,[17] — писал Д. Хармс, который в своем творчестве, основанном на принципе «свободной деятельности» (игре), конечно же, сам устанавливал правила игры. Однако у «чинарей» игра выходила даже за рамки искусства в повседневную жизнь: «Во время делового разговора Хармс невозмутимо вынимал изо рта разноцветные шарики...»[18], тем самым, превращая саму жизнь в искусство.

Для Заболоцкого игра тоже являлась тем средством, с помощью которого он стремился разрушить обыденное представление человека о реальности. Именно игра есть тот момент, который сближает Заболоцкого и других обэриутов. Но она также явилась и той точкой, где разошлись автор «Столбцов» и «чинари». «Игра, понятая им <Заболоцким. — А. Б.> как возможность определенного художественного синтеза, как своеобразный метод познания действительности, была не в состоянии выполнить возложенную на нее функцию».[19] Так, Ю. Лотман, исследуя значение и роль игры, отмечает: «Игра не может быть средством выработки новых знаний (она лишь путь к овладению уже добытыми навыками)».[20]

Действительно, «Столбцы» Заболоцкого являются во многом «поэтическим оформлением существующих научно-философских представлений, художественной реализацией заранее составленных представлений о мире».[21] Причем, пытаясь проиллюстрировать уже готовую философскую теорию, Заболоцкий активно использует свое «играющее сознание», которое, однако, не способствует процессу познания, столь значимого для поэта. Поэтому перед Заболоцким встает необходимость «выйти за пределы поэтической гносеологии в проблематику онтологического характера»,[22] что, в итоге, еще больше отдалит его от коллег по ОБЭРИУ.

Много лет спустя Заболоцкий напишет стихотворение «Читая стихи», в котором со всей очевидностью противопоставит свою поэзию поэзии обэриутов:

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла.

Заболоцкий, 230

Разрушение законов языка и игра — все это, в конечном счете, привело «чинарей» к созданию «фантастического» искусства, иррациональность и «нереальность» которого были чужды Н. Заболоцкому.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Заболоцкий Н.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 590.
2. Там же. С. 588.
3. Там же. С. 523.
4. Сноска по: *Ростовцева И.* «Мысль, возникшая в муках творенья...»// Николай Заболоцкий. Опыт художественного познания. М., 1984. С. 257.
5. *Заболоцкий.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 107.
6. Там же. С. 515.
7. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 70-71.
8. Там же. С. 71.
9. *Введенский А.* Полн. собр. произв.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 152.

10. *Герасимова А.* ОБЭРИУ (проблема смешного) // ВЛ. 1988. № 4. С. 75.
11. *Хармс Д.* «А ну-ка покажи мне руку...» // Поэты группы «ОБЭРИУ». СПб., 1994. С. 298.
12. Там же. С. 313.
13. *Введенский.* Ук. соч. С. 162.
14. *Заболоцкий.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 523.
15. *Хармс Д.* Письмо К.В. Пугачевой от 16 октября 1933 года // «Новый мир». 1988. № 4. С. 137.
16. *Заболоцкий Н.* Огонь, мерцающий в сосуде: Стихотворения и поэмы. М., 1995. С. 181–183.
17. *Хармс Д.* О явлениях и существованиях. СПб., 2000. С. 356.
18. *Герасимова.* Ук. соч. С. 52.
19. *Игошева Т.* Проблемы творческой эволюции Н. А. Заболоцкого. Пособие к спецкурсу. Новгород, 1999. С. 15.
20. *Лотман Ю.* Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ. Будапешт, 1982. С. 227.
21. *Игошева.* Ук. соч. С. 15.
22. Там же.

N. ZABOLOTSKY AND POETS — OBERIUTES: "FANTASTIC" OR "REAL" ART

A.V. Butova

The article is devoted to the outlook features of Nikolay Zabolotsky and poets from Association of Real Art — D.Kharms and A.Vvedensky. In particular, the author examines in detail Zabolotsky and Oberiutes' understanding of the art essence, its aims and tasks and analyses similarities and distinctions in poets' approaches to the solution of the question under analysis.

Keywords: Russian literature, Nikolai Zabolotskii.

© 2009

Т.Б. Бобий

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ: С.Ф. БУДАНЦЕВ

Статья посвящена изучению творческой биографии С.Ф. Буданцева, занимавшего видное место в литературной жизни 1920-30-х гг.; в статье рассматривается его участие в литературном движении, история публикации произведений писателя, анализируются наиболее авторитетные из прижизненных рецензий и более поздних исследований о творчестве писателя, архивные материалы.

Ключевые слова: филология, литературоведение, С. Буданцев, проза 1920-30-х гг.

Творчеству Сергея Федоровича Буданцева (1896-1940), известного в 20-30-гг. писателя, поэта, журналиста, в исследованиях по истории русской литературы почти не уделяется внимания. Даже в 90-годы прошлого века, когда были сняты многие запреты и появился доступ к архивным материалам, когда эпоху 1920–1930-х годов, можно сказать, открывали заново, произведения Буданцева не привлекли должного внимания литературоведов.

Исключение составляют две значительные работы: статья М. Калантаровой (обзор архивных материалов, подтверждающих, какое видное место занимал С. Буданцев в советской литературе 1920-30-х г.) и проведенное писателем А. Бирюковым исследование документов дела заключенного Буданцева (личное дело № 224955).

В 1978 г. литературовед М. Калантарова написала: «Многочисленные архивные материалы позволяют не только полнее охарактеризовать жизненный и творческий путь Буданцева, но и ввести в научный оборот новые факты, относящиеся к литературной жизни тех лет. С.Ф. Буданцев находился в переписке с большим кругом писателей, ученых, общественных деятелей. А.М. Горький, А.Н. Толстой, В.Я. Брюсов, А.С. Новиков-Прибой, А.С. Серафимович, Д.А. Фурманов, Ф.В. Гладков, Вс.В. Иванов, Н.Н. Асеев, Б.А. Лавренев, А.С. Грин, Б.Л. Пастернак, М.М. Зощенко (...) — вот далеко не полный список адресатов С.Ф. Буданцева. Со многими из них его объединяли дружеские узы»[1].

Сергей Буданцев родился в 1896 г. в Рязанской губернии, окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но вынужден был прервать учебу в связи с началом Первой мировой войны; он был мобилизован и направлен в оккупированную Россией Персию, откуда в конце войны перебрался в Баку, а после контрреволюционного мятежа попал в Астрахань. Он рано (с пятнадцати лет) начал печататься в провинциальной прессе (стихи, литературно-критические и публицистические статьи), потом работал в «Известиях Бакинского Совета», редактировал астраханскую газету «Красный Воин». В Москве Буданцев оказался снова уже в 1919 г.

В 1920 году вышла первая и последняя поэтическая книга Буданцева «Пароходы в Вечности. Стихи 1916-1920». «Трудно поверить, что это первая книга стихов, настолько она красочна и сильна в своем лиризме. Автор обнаруживает большое бесстрашие в выборе и трактовке тем, сильную связь с протекающими на наших глазах событиями»[2], — пишет И. Аксенов.

Позже С. Буданцев окончательно отдал предпочтение прозе, как написал в «Автобиографии» приступил к «взрослой литературной работе»[3].

С. Буданцев создал несколько романов: «Мятеж» (1919-1922), «Саранча» (1925-1927), «Писательница» (1933-1936); повестей: «Эскадрилья всемирной коммуны» (1923), «Отчий дом» (1929), «Дом с выходом в мир» (1930); рассказов: «Форпост Индии» (1922), «Японская дуэль» (1926), «Половодье» (1928).

Он с увлечением занимался литературной критикой: опубликовал отзыв на поэму Маяковского «Облако в штанах» («Млечный путь», 1916, №1), а в 1923 г. одним из первых восторженно откликнулся на его поэму «Про это»: «Такого овладения темой, такой мощи дыхания, такой меткости слова и выверенности образа мы не наблюдали и в прежних лучших видах Маяковского»[4], написал статью о Вс. Иванове («Авангард: Альманах литературы, искусства и науки».

М., 1922), статью «О «Цементе» Ф. Гладкова» («Звезда», 1925, №5).

Буданцев попробовал себя в роли драматурга: «Утро мира» (1933-1934), «Коллекция медных монет» (1933).

С 1920 г. Буданцев оказался в окружении В. Маяковского, который оказал на него огромное влияние. Фамилию Буданцева часто можно встретить на афишах выдающихся литературных вечеров, где отстаивали свою точку зрению на поэзию футуристы, имажинисты и другие школы.

«Он входит в Правление Всероссийского Союза писателей, заведует Отделом печати Пресс-бюро ВКП(б), работает в ТАСС — редактирует литературный бюллетень»[5]. О том, как встречалась с Буданцевым в ЛИТО и на литературном вечере в Консерватории, в своих воспоминаниях пишет М. Цветаева[6].

С. Буданцев занимался организационно-издательской работой: сотрудничал с издательством «Круг», которым руководил А. Воронский, с Госиздатом. Его творческая деятельность публициста и очеркиста была очень плодотворной; он работал корреспондентом «Известий», «Комсомольской правды», «Литературной газеты», «Вечерней Москвы», «Вечернего Ленинграда», печатался во многих журналах («Молодая гвардия», «Новый мир», «Красная нива», «Печать и революция», «Огонек» и др.).

«Талантливый русский писатель, умница и редкостный собеседник, душевной шири и много знающий человек, друг... жизнелюб, каких мало мы знали»[7] — таким предстает перед нами С. Буданцев в воспоминаниях Эм. Миндлина, там же он сообщает совершенно невероятный для современного читателя факт: «Нас было тогда трое друзей — Андрей Платонов, Сергей Буданцев и я... На первый взгляд умница, балагур Сергей Буданцев мог показаться эрудированнее, начитаннее и даже глубокомысленнее Андрея Платонова»[8]. Нельзя не отметить, что Э.Миндлин познакомился с Платоновым именно у Буданцева[9].

В гостях у С. Буданцева и его жены поэтессы В. Ильиной бывали очень многие известные литераторы. О гостеприимстве этой семьи и встрече с Б. Пастернаком вспоминает Т. Иванова, жена Вс. Иванова[10].

«Буданцев влюблен в литературу, он дышит ею, живет, следит за всеми событиями литературной жизни, радуется каждой новой удачной книге»[11] — такую характеристику дает писатель И. Рахилло и описывает, как они ходили в гости к Есенину слушать стихи.

Отличительной чертой писателя Буданцева стало то, что он всегда стремился к выявлению «характеров, выпадающих из нормы»[12], его глубоко интересовала психология его героев, он старался вскрыть поведение и поступки человека прежде всего через анализ побуждений, пристрастий, влечений и импульсов.

Первым крупным успехом писателя стал роман “Мятеж”, который полностью был издан в 1925 г., он принес писателю известность, с этого времени «литература сделалась профессией»[13]. Роман переиздавался несколько раз и был очень популярен.

В романе Буданцев изображает контрреволюционное восстание в Астрахани. Историческая действительность, которая чувствуется за книгой, не превращает ее, однако, в хронику или мемуары; это — художественное произведение. Роман перенасыщен событиями, они проносятся как в киносъемке, произведение словно склеено из отдельных фрагментов. В романе «Мятеж» писатель еще

не стремился к углубленной разработке психологических портретов героев, но эпоха бури и натиска грозно глядит из каждой сцены, из порывистых фраз, жестко подобранных образов и сравнений.

А. Воронский в статье «Литературные отклики. Об альманахах «Круга» подверг детальному анализу образ главного героя Калабухова и дал автору высокую оценку: «Дар изобразительный у Буданцева есть»[14].

В 1927 г. Буданцев выпустил сборник рассказов “Японская дуэль”, в котором он обратился к разработке темы столкновения резко-противоположных общественно-психологических типов.

Заглавный рассказ “Японская дуэль” повествует о библиографе Григории Нилыче, который не может найти себе места в послереволюционной действительности и сжигает труд всей своей жизни библиографический свод переводов западноевропейских поэтов на русский язык. В его библиотеке около ста двадцати тысяч книг, но новому строю они не нужны, их решают изъять, десятилетия его работы становятся пеплом.

Рассказы Буданцева не являются развитием какой-нибудь единой мысли автора, не говорят об излюбленном основном герое, они — зарисовки отдельных фактов, наблюдаемых в различных бытовых плоскостях и не всегда являющихся типическими. Произведения не объединены единством стиля — например, фантастическая повесть «Эскадрилья всемирной коммуны» и рассказ «Жена», повествующий о бесправном положении женщины, невольницы богатого мужа, выполненный в форме неторопливого сказа от автора.

«Саранча» явно продиктована стремлением Буданцева создать психологический роман. В нем представлены все те компоненты, которых по правилам традиционной поэтики недоставало «Мятежу» — сложная любовная интрига, глубокие психологические портреты героев, пейзажные описания. Канвой романа становится нашествие саранчи на южные районы Азербайджана. В романе выделяются две сюжетных линии: первая — борьба с саранчой и махинации членов саранчовой организации, а вторая — семейная, писатель показывает семейную драму Крейслеров, на долю которых выпали тяжелые испытания.

Произведения С. Буданцева прочно входили в контекст времени, наверное, поэтому с их названиями выходили странные истории. Так, в начале двадцатых оказалось, что в советской литературе существуют два «Мятежа» — Буданцева и Фурманова. По свидетельству Буданцева, авторы тянули жребий, кому менять название. И роман Буданцева стал называть «Командарм», спустя годы изначальное название было возвращено. Потом появились две «Саранчи» — у Буданцева и Леонида Леонова. Поскольку роман Буданцева был написан раньше, Леонов опубликовал свою повесть под названием «Саранчуки». Перекличка названий могла возникнуть и с Зощенко: произведение С. Буданцева сначала называлось «Учение о вечной молодости» (только позже роман получил название «Писательница»).

Уже в 1927-1928 вышло трехтомное собрание сочинений Буданцева, а в 1930 г. было переиздано. Путь к сердцу читателей его произведения смогли найти, но вот с критиками все было намного сложнее.

Буданцев никогда не скрывал своей особой любви к таланту Ф.М. Достоевского и в своих произведениях проявлял незаурядное мастерство психолога, а

его обвиняли в том, что «никого серьезно разоблачить, заклеймить старое, а тем более показать рост новой жизни автору не удалось»[15].

В литературном движении 20-30-х он оказался в рядах писателей-попутчиков и подвергся жесточайшим нападкам со стороны критиков РАПП. Особенно яростной стала критика к попутчикам в конце 20-х годов.

В 1931 г. А. Селивановский, один из главных идеологов РАПП, выступил с большим докладом на 4 пленуме правления РАПП о попутничестве и союзничестве, впоследствии опубликованном в виде статьи. Лейтмотив доклада — резко отрицательное отношение к «мелкобуржуазной интеллигенции» и попутничеству. В начале доклада он вспоминает письмо в ЦК партии, подписанное «единым фронтом» писателей-попутчиков и говорит, что «попытки изолировать искусство от политики и классовой борьбы»[16] уже неприемлемы и от литературы требуется полное подчинение идеологии. Важно отметить, что статья написала в годы первой пятилетки — период начала индустриализации и коллективизации, Селивановский называет это время началом «социалистического наступления пролетариата»[17]. Теперь литературе предписывается разжигание классовой ненависти, а люди служат только «человеческим материалом»[18].

Селивановский уверен, что РАПП в состоянии заведовать «положением на всем фронте искусства»[19]. Он называет Буданцева «эпигоном буржуазной литературы» и «литературной агентурой буржуазии». Буданцев попадает в один ряд с другими попутчиками: Ал. Толстым, Замятиным и Шкловским.

Селивановский не мог предположить, что не пройдет и года как РАПП будет ликвидирован. А вместе с ним и все остальные литературные группы (очевидно, это было обусловлено тем, что Сталин стремился к единоличной власти и боялся каких-либо объединений).

Тотчас после роспуска РАПП Селивановский скажет Буданцеву: «Вам будет хуже, Буданцев. Не лучше, а хуже»[20]. И это пророчество сбудется слишком скоро. Буданцев ответит ему: «Вы травили меня со страстью, и со всей этой страстью к мукам прорабатываемого были всего только орудием, — о, нет, не в руках истории, — а в руках вполне исторических Авербаха, Киршона, живых наших руководителей...»[21].

Селивановского арестовали в 1937 г., его книга «Попутничество и союзничество» (М., 1932.) находилась в спецхранах до конца 80-х годов.

Придерживаясь позиции, близкой к взглядам Селивановского, критик Е. Усиевич писала о Буданцеве: «По линии полемики с партийными установками идет рассказ Буданцева — «Дом с выходом в мир», где проводится мысль, что советская власть лишила интеллигенцию предоставлявшегося ей буржуазией права «рисковать и ошибаться»; где издевательски трактуется ленинское положение «о критическом преодолении буржуазного наследства»[22].

Едва ли в этих словах можно разглядеть тонкого критика, но сама по себе фигура Е. Усиевич (Кон) очень интересна: она вернулась в Россию в апреле 1917 года в том самом пломбированном вагоне с группой революционеров, возглавляемой Лениным. История пломбированного вагона — составная часть вопроса о германском (и не только) финансировании большевиков и соответственно роли Запада в российской революции.

Статья Е.Усиевич «Новые формы классовой борьбы в литературе» опубли-

кована в сборнике «Советская литература на новом этапе»[23], запрещенном в 1947 и возвращенном в 1964 г. «В нем неоднократно встречаются имена расстрелянных спустя 3-4 года писателей, особенно в вышеназванной статье»[24].

Спустя несколько месяцев после выхода в «Правде» статьи Усиевич С. Буданцев в «Литературной газете» выступает под заголовком «Поневоле о себе», где он пишет: «За последние десять-одиннадцать месяцев я сделался центром отрицательного внимания части рапповских работников и литературных органов. Во многих статьях, устных выступлениях мое имя упоминается с уничтожающими характеристиками. Так как стенограммы некоторых выступлений печатаются одновременно в нескольких изданиях, получается весьма внушительный и согласный хор, в котором вырываются и также голоса: В. Киршон на расширенном пленуме правления МАПП говорил (дальше цитирую точно по отчету): «о той упорной, ни перед чем не останавливающейся борьбе, которую буржуазные писатели ведут за попутчиков, стараясь активно влиять на их ориентацию, крича — подобно Буданцеву — о «дальнейшем (?) сужении (?) дозволенной тематики (...) Мне очень тяжело непонимание. Мой труд, как я попытался показать выше, не заслуживает ни недоумения, ни недоверия»[25].

После ликвидации РАПП политическая и литературная травля Буданцева не закончилась. В 1934 г. в «Правде» вышла рецензия на сборник рассказов писателя. Я. Секерская назвала его «политическим и художественным браком»[26]. Отмечая разнообразие тематики рассказов, она выделяет среди них три группы: к «первой относятся рассказы, в которых автор стремится показать классовую борьбу («Лунный месяц Рамазан», «Форпост Индии»), подражая чужим и не совсем удачным литературным образцам. (...) Вторая часть — серия рассказов пустых и бесцветных как по методу художественного выполнения («Жена», «Рассказ о труде»), так и по сюжету («Зенит»). И, наконец, рассказы («Углы падения», «Японская дуэль»), которые представляют собой соединение скучного повествования с идейными установками, искажающими нашу действительность»[27].

Рассматривая «Рассказ о труде», Я. Секерская пишет: «Благодарная тема о людях Днепростроя превращается у него в тусклый и казенный очерк, загроможденный чисто технически описанием стройки, изобилующий неинтересными семейными размышлениями старого мастера Пикельмана. Так, видимо, плоско автор представляет себе единство общественного и личного в нашей стране!»[28] Её вердикт — «со своей теорией непреодолимых и таинственных страстей Буданцев чрезвычайно далек от понимания социалистических отношений, новой роли труда»[29]. Я. Секерская косвенно улавливает основную черту всех произведений Буданцева — он искренне старается откликнуться на призыв быть ближе пролетарскому труду, написать о буднях социалистической стройки, но на самом деле ему интереснее то, что происходит внутри его героев, о чем они думают, как они изменились, из-за чего страдают. Человеческие отношения он ставит выше общественных. И роман «Саранча» яркий тому пример. Как ни старался Буданцев написать актуальный производственный роман, но только когда он начинает говорить о семейном быте Крейслеров, о человеческих чувствах, не привязанных ни к какой эпохе, и проявляется его истинное писательское мастерство.

В 1936 году вышла в свет книга С. Буданцева «Избранное», куда вошла «Повесть о страданиях ума», рассказы «Дом с выходом в мир», «Любовь к жизни» и другие. Тогда же в «Литературной газете» появляется разгромная статья Б. Брайниной, где книга названа «антихудожественной галиматьей, скучной и претенциозной», критику удалось разглядеть только «набор выспренних, пуганых, неумных фраз, пошлую эротику, непристойный натурализм. Ни одной простой, правдивой мысли, ни малейшего намека на художественность»[30]. По её мнению, «советская литературная общественность говорит о простоте, правде, о народности в литературе»[31], а произведения Буданцева — это «смехотворные притязания на раскрытие глубин человеческой психики»[32].

В то же время М. Горький, прочитав «Повесть о страданиях ума», счел необходимым написать специальное письмо Буданцеву (Горький и до этого был знаком с творчеством писателя), в котором он анализирует присланные автором книги «Командарм» («Мятеж») и сборник рассказов «Японская дуэль». «Горький особое внимание обратил на сборник «Японская дуэль» как на «интересную серию рассказов». Указав на ряд частных недостатков (неловкие обороты, неточное применение слов и др.), Горький подчеркнул самостоятельность формы, лексики, соответствие содержания и формы, знание автором жизни, наблюдательность, посоветовал работать над языком»[33]. М. Горький писал: «Спасибо за присланные книжки, Сергей Федорович: они обе — есть у меня, читаны, но, разумеется, приятно получить подарок и «от автора». Теперь, просмотрев книги снова и прочитав письмо Ваше, я очень обрадован тем, что Вы не страдаете излишком самоуверенности, — как многие из молодых авторов...»[34].

Советская критика 1930-х была безжалостна, она не могла признать за героем права на индивидуальное страдание, у него не должно было быть других порывов и чувств, кроме классовой ненависти. А значит, он должен был быть машиной, бездушной машиной социалистической стройки. Талантливым и чутким писателям, к которым следует отнести С. Буданцева, изображать несуществующие типы было неинтересно, потому что они смотрели значительно глубже, тема судьбы интеллигенции после революции, ее места в эпоху коренных социалистических преобразований находилась практически под запретом.

С 1937 г. ответственный секретарь Союза советских писателей В. Ставский проводит клеветническую кампанию против Буданцева. Сначала, по свидельству жены писателя, поэтессы и переводчицы, В. Ильиной, называет его пьяницей и бездельником, затем собирает президиум Союза советских писателей для обсуждения связи Буданцева и Пильняка. В январе 1937 г. Секретно-политический отдел Главного Управления государственной безопасности представил в ЦК партии документ под названием «Спецсправка о настроениях среди писателей». Неизвестный доносчик цитирует слова Буданцева: «Провозглашено внимание к человеку, а у писателя это должно выразиться в том, что он должен скрыть в человеке все человеческое... Сейчас перед многими из нас стоит вопрос об уходе из жизни. Только сейчас становится особенно ясной трагедия Маяковского: он, по-видимому, видел дальше нас. Пастернак стал выразителем мнения всех честных писателей. Конечно, он будет мучеником — такова участь

честных людей»[35]. 26 апреля 1938 г. С. Буданцева арестовали. А уже через пять с половиной месяцев он был осужден. В. Шенталинский пишет о деле Буданцева: «Еще на предварительном следствии он нашел мужество отказаться от своих показаний, как от вымышленных»[36].

Магаданский журналист и писатель А. Бирюков посвятил много лет расследованию механизма машины репрессий, ужасов и несправедливости огромного колымского котлована, с конца 80-х он работал в архивах правоохранительных органов и собрал много сведений о деле С. Буданцева[37].

«Особое совещание постановило: С.Ф. Буданцеву за его активную «контрреволюционную троцкистскую деятельность» объявить восемь лет исправительно-трудовых лагерей»[38]. Он был направлен на самую тяжелую работу — забойщиком, не прошло и полгода, как его здоровье было окончательно подорвано, писатель С.Ф. Буданцев умер 6 февраля 1940 года. Его вдова, поэтесса В. Ильина не могла поверить в смерть мужа, она до последнего дня надеялась и ждала.

С.Ф. Буданцев был реабилитирован посмертно. После смерти он снова смог вернуться к своему читателю. В 1959 г. в издательстве «Советский писатель» появился небольшой сборник, в 1988 г. издательство «Современник» опубликовало романы «Саранча», «Писательница» и несколько рассказов. Во вступительной статье к книге Л.И. Полосина называет С. Буданцева писателем, «хорошо познавшим муки творчества»[39]. В 1990 г. в серии «Советский детектив» издан «Мятеж», в 1992 г. в серии «Мир приключений» роман «Саранча».

Судьба писателя С. Буданцева трагична и отражает судьбу писателей эпохи 1920-30-х годов: талантливые люди подвергались жесточайшей травле со стороны критиков, они оставались без средств к существованию и были абсолютно беззащитны перед массовым террором правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Калантарова М.* Из литературной жизни 1920-1930-х гг. // Русская литература. 1978. № 3. С. 155.
2. *Аксенов И.* Сергей Буданцев. Пароходы в вечности // «Художественное слово». 1920. №1. С.72.
3. *Буданцев С.Ф.* Писательница: Романы, рассказы. М., 1988. С. 18.
4. *Маяковский В.В.*: pro et contra // Сост., вступ. статья, коммент. В.Н. Дядичева. СПб., 2006. 1072с.
5. *Калантарова*. Ук. соч. С. 156.
6. *Цветаева М.И.* Избр. соч. в 2 т. Т.2. Автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. СПб., 1999. 656с.
7. *Миндлин Эм.* Андрей Платонов // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.1994. С. 32.
8. Там же. С. 34.
9. Там же.
10. *Иванова Т.* Мои современники, какими я их знала. М., 1987. С. 394-395.
11. *Рахилло И.* Московские встречи. М. 1962. С. 58.
12. РГАЛИ, ф.2268. С.Ф. Буданцев. Оп. 1, ед. хр. 65, л. 3.
13. *Буданцев.* Писательница. С. 16.
14. *Воронский А.* «Литературные отклики. Об альманахах «Круга» // Красная новь. 1923. № 2. С. 338-341.

15. *Секерская Я.* Литературные сорняки // Правда за 25 авг. 1934.
16. *Селивановский А.* Попутничество и союзничество (Доклад на 4 пленуме правления РАПП) // Локаф. 1931. № 9. С. 101.
17. Там же. С. 102.
18. Там же. С. 104.
19. Там же. С. 99.
20. РГАЛИ, ф.2268. С.Ф. Буданцев. Оп. 2, ед.хр 87, л. 1.
21. Там же.
22. *Усиевич Е.* Под флагом «нейтральности» // «Правда» за 31 янв. 1932.
23. Сб. критических статей. М.: Л., 1934.
24. *Блюм А.В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 322.
25. *Буданцев С.Ф.* Поневоле о себе. // «Литературная газета» за 11 апр. 1932.
26. *Секерская Я.* Литературные сорняки. // Правда за 25 авг. 1934.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. *Брайнина Б.* Непристойный сумбур // «Литературная газета» за 10 дек. 1936.
31. Там же.
32. Там же.
33. *Калантарова.* Ук. соч. С. 155.
34. Письмо Горького от 26 сент. 1927 г. // «Вопросы литературы». 1962. № 9. С. 159-160.
35. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. Международный фонд «Демократия», 1999. С. 349.
36. *Шенталинский В.* Преступление без наказания. М., 2007. С. 544.
37. *Прашкевич Г.* «Сергей Федорович Буданцев» // «Реальность фантастики». 2005. № 12. С.189-196
38. Там же.
39. *Буданцев.* Писательница. С. 4.

THE RETURNED NAME: S.F. BUDANTSEV

T.B. Bobij

The article is devoted to the studying of creative biographies S. F. Budantsev, who was a prominent figure in the literary life of 1920-30s years. His participation in a literary movement, the history of publishing works of the writer is considered in this paper, the most important of his lifetime and a more recent research on Budantsev's works is also under consideration.

Keywords: S. Budantsev, literary process 1920-30-ies, prose 1920-30-ies.

ЛИНГВИСТИКА

© 2009

Н.Н. Кузнецова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

В статье рассматриваются случаи трансформации фразеологических единиц в поэтических текстах XX века — на примере лирики тех поэтов, для которых этот прием является частотным — Б.Пастернака, О.Мандельштама, И.Бродского. Целью было изучение механизмов создания экспрессивности при помощи трансформации фразеологических оборотов в поэтической речи.

Ключевые слова: лингвистика, фразеологические единицы.

Трансформация фразеологических единиц — очень продуктивный прием усиления выразительности, воздействующей силы произведения. Достаточно часто он используется с целью создания оттенков юмора, иронии, сатиры в художественных прозаических и публицистических текстах. Нами уже были рассмотрены различные способы трансформации фразеологизмов с целью создания языковой игры в текстах публицистического стиля[1]. В поэтическом же языке трансформация фразеологизмов наблюдается гораздо реже, однако есть авторы, для которых использование этого приема стало чертой идиостиля — например, Б. Пастернак, О. Мандельштам, А. Вознесенский, И. Бродский и др.

Как разновидность данного процесса можно рассматривать случаи «оживления» традиционных (стертых) поэтических метафор, например: у И. Бунина — *дикое исчадье древней тьмы*[2]; *млечный змей потока*[3]; у М. Цветаевой — *разлетелось в серебряные дребезги*[4]; у Б. Пастернака *немутимо белый свет*[5]*; пожелтелый белый свет с тобой — белей белил*[6] и др.

Собственно же фразеологические обороты, особенно разговорного характера, также довольно часто проникают в поэтическую речь, которая, как известно, по своей природе очень близка разговорной, поскольку, с одной стороны, отражает внутреннюю речь, а с другой — постоянно пополняется именно за счет разговорных ресурсов. В то же время в языке поэзии достаточно велик удельный вес элементов высокого стиля. Благодаря этому резкому контрасту высокой, книжной речи с фразеологическими оборотами разговорного характера, которые в поэтических произведениях часто предстают в трансформированном виде, значительно усиливается экспрессивность текста в целом.

Очень интересны, разнообразны случаи трансформации фразеологических оборотов у **Б. Пастернака**, например:

С этой дачей дощатой
Может и не то случиться.
Счастье, счастью нет пощады!
Гром не грянул, что креститься?[7]

В данном контексте нашел отражение фразеологизм *гром не грянет — мужик не перекрестится* со значением 'пока чего-нибудь не случится, мужик (русский человек) не встревожится'. Стихотворение Б. Пастернака, на первый взгляд, далеко от образного наполнения этого устойчивого выражения; оно о том, что называют «трудной любовью». Между любящими много противоречий, которые приводят к частым и бурным конфликтам. Жизнь не кажется им гармоничной, однако мысли о расставании не возникает. Все эти моменты находят отражение и в данном четверостишии. *Дощатая дача* сотрясается от эмоций героев. Нарушающее стандарты восприятия и нормы языка словосочетание *счастью нет пощады* очень красноречиво говорит о сути их отношений: счастье быть вместе очень тяжело им дается. Тем не менее последняя строка, представляющая собой трансформацию фразеологизма, свидетельствует о том, что самого страшного — потери любви — не произошло. Они все еще нужны друг другу, «креститься» (тревожиться) еще рано. При трансформации фразеологизмов исходная образность, затемняясь, тем не менее всегда сохраняется — в той или иной степени. Здесь она остается в минимальном объеме — только как фоновое знание, чувство сопричастности к русской нации, к русскому миропониманию: в семье все бывает, но «муж и жена одним миром мазаны, муж и жена одна сатана». Итак, в данном контексте, несмотря на полное обновление образного ряда, семантика фразеологизма сохраняет свой общечеловеческий и собственно русский смыслы.

Дик прием был, дик приход,
Еле ноги доволок.
Как воды набрала в рот,
Взор уперла в потолок.[8]

В данном контексте мы находим «осколки» фразеологизма *какой поп, таков и приход* со значением 'каков главный, таковы и подчиненные' или близкого к значению фразеологизмов *скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты; яблоко от яблони недалеко падает, одним миром мазаны* и т.д. Стихотворение написано в манере, близкой русской народной песне о лихих разбойниках, и указанные смыслы вполне вписываются в общий стилистический рисунок произведения. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что в создании образа участвует и семантика устойчивого выражения *оказать прием* (героиня не очень ласково и любезно встречает героя). Совершенно иной, высокий, стиль данного словосочетания (а также лексемы *взор*) выступает резким контрастом к фольклорным мотивам. Таким образом, «нагромождение» смыслов, характерное для поэтического языка Б.Пастернака, поддерживается здесь и переплетением разнородных стилистических элементов, что в конечном итоге создает яркий экспрессивный эффект. Негативная оценочная коннотация, заложенная во фразеологизме, явно в стихотворении не прослеживается, однако ряд лексем, вы-

ражающих одновременно отрицательно-оценочное и усилительное значение (*дик, доволок* и др.), свидетельствует о бушующих в душе лирического героя страстях, которые вызывает поведение героини. При этом сохраняется общее значение и фоновая основа фразеологизма, аналогичная предыдущему контексту: герой и героиня — *два сапога пара*, они стоят друг друга.

Постой, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожеи
Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлестнулся обрывок шальной шлеи.[9]

В данном контексте участвует фразеологизм *шлея под хвост попала* со значением 'внезапно разъярился, взбесился'. В стихотворении «Метель» присутствует много именно русских реалий, подчеркивающих связь современной поэту эпохи с историей страны: *посад, ворожеи, ни зги, Замоскворечье, Замостье, душегубы, вестовой.* Все произведение (датированное 1914 годом) призвано отразить усилительное значение, передающее образ не только бушующей природной стихии, не только неспокойную обстановку в городе, но и страх, предчувствие беды в душах людей. Этой же цели подчинено и использование данного фразеологизма, который передает резко усилительное значение. Однако здесь он указывает не на проявление сильных эмоций, а на интенсивность порывов ветра со снегом, который метет, стучит в окно лирического героя. Чрезмерность семантики окказионального глагола *дохлестнулся* говорит читателю и о том, что все те, кто сейчас наблюдает эту метель в домах, вскоре почувствуют ее силу и в своей судьбе, судьбе родной страны. Следовательно, в данном случае, в отличие от предыдущих контекстов, трансформация фразеологизма затронула не только его образное, но и семантическое наполнение, перенеся в совершенно иную область. Однако и исходная образность также, на наш взгляд, присутствует на втором плане: люди, как будто им *шлея попала под хвост*, вскоре бросят свою мирную жизнь и начнут убивать друг друга. Зрительной же доминантой образа, по нашему мнению, является картина, знакомая каждому русскому человеку: лихой ямщик, тройка лошадей, которая несет своих ездоков по просторам России.

А вскачь за громом, за четверкой
Ильи Пророка, под струи —
Мои телячьи бы восторги,
Телячьи б нежности твои[10].

Это стихотворение наполнено мечтами о весне и лете, о дождях и солнце. В данном контексте присутствуют два фразеологизма: *телячий восторг* ('бессмысленный, беспричинный восторг') и *телячьи нежности* ('чрезмерные или неуместные нежности')[11]. Их трансформация с точки зрения структуры незначительна: в обоих случаях добавляется лишь частица *б (бы*). Однако с точки зрения семантики и образности данная замена значительна: частицы замещают глагол: (*под струи) попали бы, оказались* и проч., который обладает гораздо более насыщенной семантикой. Кроме того, и тот, и другой фразеологический оборот объединяет сема чрезмерности в выражении радостных, приятных чувств. Поэтому данная замена символизирует отсутствие слов от бури положительных эмоций, тем самым создавая очень интенсивный эмоциональный фон.

В результате читателю ярко, почти физически ощутимо передается знакомое каждому желание и ожидание того восторга, той эйфории, которую может подарить первый теплый дождь в обновленном весной мире, полном солнечного света, голубого неба и свежей зелени вокруг. Включение в состав данного выразительного средства местоимений *мои* и *твои* подчеркивает идею единения в этом восторге, что делает картину счастья и гармонии совершенно полной. Возникновению этого красочного, рельефного, экспрессивного образа прежде всего способствует сочетание двух фразеологизмов, которое создает градуированное значение.

Где за болтами жив Бальзак,
Где стали предсказаньем шкапа,
Годами в форточку вползав,
Гнилой декабрь и жуткий запад[12].

В данном контексте присутствует фразеологизм «*гнилой запад*» — ‘о нравственно порочном, погрязшем в грехах Западе’[13]. Он включен в так называемый перечислительный ряд, характеризующийся семантической несовместимостью элементов. В данном случае имеет место семантическая несовместимость, отличающаяся, по выражению Н.Д. Арутюновой, наибольшей степенью неприемлемости — предметно-пространственных и событийно-временных категорий[14]. Существительное *запад* здесь может ассоциироваться с западными влияниями на российский образ жизни, равно как и с западным ветром — в тексте этого достаточно большого стихотворения нет никаких конкретных указаний, конкретизирующих значение лексемы. В связи с этим, возникает двойственность трактовки, дешифровки текста. Если речь идет о влиянии европейских традиций (возможно, Бальзак, а в предыдущей строфе — Мопассан — упомянуты неслучайно), то имеет место смещение определений — должно быть: *жуткий* (‘холодный, промозглый’) *декабрь* и *гнилой* (‘чуждый, искусственно насаждаемый, но плохо приживающийся на российской почве’) *запад*. В этом случае определения носят общеоценочный (резко отрицательный) характер, а существительные сохраняют свою первоначальную семантическую несовместимость, актуализируя смыслы ‘вечно плохая погода’ и ‘вечно прорывающиеся влияния Запада’. Тогда весь текст имеет более широкое значение, повествуя о том, что является постоянным, привычным, характерным для жизни в России вообще. Если же имеется в виду ветер, климат (на эту мысль прежде всего наводит существительное *декабрь*), то слова *декабрь* и *запад* унифицируются именно по этому признаку, обозначая плохую погоду. В таком случае определения выражают частнооценочные усилительные значение (*гнилой* — ‘промозглый’, *жуткий* — ‘сильный, шквальный (ветер)’). Тогда весь текст произведения имеет достаточно конкретное, узкое значение, повествуя о самой печальной, унылой в России поре — осень-зима. Возникающая двуплановость и диффузность данного выразительного средства создают ту многоаспектность, которая предполагает активизацию читательского восприятия; а инициируемая явным наличием фоновых знаний ассоциативность подключает национальную картину мира во всей ее полноте, делая образ одновременно неохватно широким и узким — понятным только русскому человеку. И то, и другое в высшей степени перспективно для реализации экспрессивного потенциала данного пе-

речислительного ряда, включающего в себя трансформированный фразеологический оборот.

См. также:

Благими намерениями вымощен ад.
Установился взгляд,
Что, если вымостить ими стихи, —
Простятся все грехи[15].

Трансформируется фразеологизм «*благими намерениями ад вымощен*» — ‘о добрых, искренних намерениях и обещаниях, которые не приводят к желаемому результату, а напротив, ведут к чему-л. дурному’[16].

P.S. все это требует проверки.
Не верю мыслям, — ***семь погод на дню***.
В тот день, как вещи будут у Шиперки,
Я, вероятно, их переменю[17].

Трансформируется фразеологизм «*семь пятниц на неделе*» — ‘о том, кто часто меняет свои решения, мнения’[18].

Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал, — со всех ног, со всех лодыг
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых[19].

Трансформируется фразеологизм «*со всех ног*» — ‘очень быстро’.

В ней шум уплотнителей глуше,
И слушаться будет жадней,
Как битыми днями баклуши
Бьют зимние тучи над ней [20].

Трансформируется фразеологизм «*бить баклуши*» — ‘бездельничать’.

Но старость — это Рим, который
Взамен ***турусов и колес***
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез[21].

Трансформируется фразеологизм «*турусы на колесах*» — ‘неправдоподобные выдумки, болтовня, явная ложь, вранье’[22].

Но сосны ***не двигали игол*** *от лени*
И белкам и дятлам сдавали углы[23].

Трансформируется фразеологизм «*пальцем не пошевелить (не двинуть)*» — ‘не сделать ни малейшего усилия’[24].

И ***поднять содом со шпилей***
Над живой рекой голов,
Где и ты, вуаль зашпилив,
Шляпку шпилькой заколов[25].

Трансформируется фразеологизм «*содом и гоморра*» — ‘крайний беспорядок, суматоха, неразбериха, сильный шум, гам’[26].

Но этот час объят ***апатией***
Морской, предгромовой, ***кромешной***[27] и др.

Трансформируется фразеологизм «*кромешная тьма (ночь)*» — ‘полная, густая, беспросветная темнота’[28].

Обращает на себя внимание трансформация одного и того же фразеологизма «*горбатого могила исправит*» со значением ‘трудно исправить’ в поэтических текстах **О. Мандельштама**:

И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет[29].

В данном контексте этот фразеологизм претерпевает в основном семантические изменения, возникающие благодаря замене прилагательного (*горбатого — сутулого*) и глагола (*исправит — учит*). В результате подобной замены, а также благодаря тому, что устойчивое выражение переведено в совсем иную, чужеродную для него сферу (речь идет о судьбе поэта, который не может противостоять Судьбе, Року) негативная коннотация, которую узуально выражает фразеологизм, «стирается», «затушевывается». Поэт исполнит свое предназначение, хотя знает, что это грозит ему гибелью. Так было с М.Ю. Лермонтовым, та же судьба ждет самого О. Мандельштама. Стихотворение называется «Неизвестный солдат», и на протяжении всего произведения поддерживается этот собирательный образ обыкновенного русского рядового (а не поэта — избранника, любимца Бога), который гибнет за Россию без лишних слов и раздумий. К средствам, которые эксплицируют эти смыслы, относится и трансформированный фразеологизм. Его узнаваемость и разговорный характер способствуют интимизации повествования: поэт (обыкновенный солдат) говорит с читателем как с близким человеком, доверяя ему свою тревогу, горечь и боль. Подобная эмоциональная направленность стихотворения активно воздействует на чувства читателя, а интертекстуальные структуры, подключая фоновые знания, обеспечивает ему значительную силу воздействия.

Я больше не ребенок!
Ты, могила,
Не смей учить горбатого — молчи!
Я говорю за всех с такою силой,
Чтоб нёбо стало небом, чтобы губы
Потрескались, как розовая глина[30].

В данном контексте тот же фразеологизм подвергается более значительным изменениям — не только с семантической, но и со структурной точки зрения: подлежащее (*могила*) становится обращением, появляется двойной императив (*не смей учить, молчи*), причем второй — при помощи пунктуационных средств — получает и особое выделение (за счет тире), и восклицательную интонацию, что способствует значительной интенсивности и эмоциональности значения. Примечательно, что и в первом, и во втором отрывке лирический герой говорит «за кого-то»; *за Лермонтова Михаила, за всех.* Это свидетельствует о том, что и в данном произведении разрабатывается та же тема — о высокой миссии поэта говорить даже тогда, когда все молчат (и то, и другое стихотворение было написано в 30-е годы). Напряженная эмоциональная тональность здесь обусловлена накалом чувств: чувство долга, своего предназначения борется с доводами рассудка (своего или окружающих) о том, что это опасно, что можно этого не делать. Поэт сам отказывается от выбора — у него только один

путь. Именно трансформированный фразеологический оборот способствует возникновению этого многоаспектного, глубокого эмоционального и смыслового содержания, что сообщает ему значительную силу воздействия.

Достаточно употребителен прием трансформации фразеологизмов в лирике **И. Бродского**, например:

Отъезд. Вот памятник неровный
Любови, памятник себе,
Вокзал, я брошенный любовник,
Я твой ***с колесами в*** судьбе [31].

В данном контексте присутствует фразеологизм *колесо судьбы* со значением ‘о превратностях жизни, о непостоянстве человеческого счастья’[32]. В центре — образ человека, пытающегося найти спасение от несчастной любви в отъезде. Лирический герой пытается обмануть себя, что другие города, другие люди помогут ему вернуть самого себя, забыть свои чувства, которые не нашли ответа. Трансформация фразеологизма (и прежде всего множественное число лексемы *колеса*) способствует не только актуализации смыслов, узуально заложенных в нем, но и поддерживает видеоряд «вокзал — поезд — колеса», который, в свою очередь, пересекается с семантическим рядом «путь — жизненный путь — путь к себе». Следовательно, достаточно незначительное (с точки зрения формы) изменение фразеологизма существенно обогащает образность текста и углубляет его содержание философскими рассуждениями о жизненном пути, о счастье и несчастье.

Вот и метель, как в лесу игла,
Гудит. ***От Бога и до порога***
Бело*. Ни запятой, ни слога.*
И это значит: ты все прочла.
Стряхивать хлопья опасно, строго
Говоря, с твоего чела[33].

В данном контексте присутствует фразеологизм *вот тебе Бог, а вот порог* со значением ‘убирайся вон, уходи по-хорошему’. В стихотворении И. Бродского ключевыми лексемами являются слова с корнем *бел-*: *белый, побелеют, белизна, бело*, повторяющиеся 6 раз. Как указывают исследователи, устойчивым признаком ключевых лексем является их вариативность, они «подвергаются семантико-стилистическим трансформациям, в результате чего обогащаются новыми оттенками смысла»[34]. Так, поэт заявляет, что для него *белизна* — это белый лист, начало всего, «*то, что превратится впоследствии в почки, в точки, в буйство зелени, в буквы строк*». В приведенном же отрывке реализуется другое значение этого слова. Лирический герой, написав письмо любимой, боится, что не получит ответа, что ее ответом будет *белизна* — «*ни запятой, ни слога*», и в данном случае — это пустота, ничего, отсутствие ответного чувства. Поэтому даже в трансформированном виде фразеологизм в целом сохраняет свое узуальное значение: ‘ты мне не нужен’. Однако его изменение существенно влияет как на усиление экспрессивности текста, так и на обогащение его семантики. Если в исходном фразеологизме за счет параллелизма конструкций сохраняется некое единство входящих в него элементов, то в его трансформации за счет использования локальных антонимичных предлогов *от* и *до* на первый план выходит

значение разных полюсов огромного пространства, которое разделяет героев. Поэтому лексема *бело*, помимо указанного значения, актуализирует здесь и смысл: ‘пространство, покрытое белым снегом’. Другими словами, героев разделяет и огромная территория, и отсутствие взаимности. На восприятие произведения активно воздействует и исходная образность фразеологизма, тесно связанная с «древнейшими воззрениями славян» на одну из основных оппозиций концептуальной и языковой картин мира — «свой-чужой»: чужого не пускают или выгоняют за порог. Следовательно, именно за счет трансформации фразеологизма семантическое и эмоциональное содержание произведения приобретает ту многоаспектность и ассоциативность, которая аккумулирует существенный экспрессивный заряд текста в целом.

Вполголоса — конечно, не во весь —
Прощаюсь навсегда с твоим порогом.
Не шелохнется град, не встрепенется весь
От голоса приглушенного.
С Богом![35]

В данном контексте присутствует фразеологизм *по городам и весям* в значении ‘везде’. Содержанием стихотворения является сцена прощания. Значительное видоизменение фразеологизма призвано не только создать образ многих населенных пунктов, которые еще не знают о том, что скоро увидят лирического героя, но прежде всего передать его чувства. Глаголы *не шелохнется, не встрепенется* позволяют читателю почувствовать, как замирает, сжимается его сердце (он прощается навсегда!), прерывается тихий голос (его «перехватывает» от переживаемых эмоций), как застывает, леденеет душа, которую отрывают от всего близкого, любимого и посылают бродить по свету. Такой перенос с декларируемого указания места на субъект действия является типичным для поэтического языка с его единством стихового ряда, которое регулирует не только количественное соотношение слов, но и их содержательные связи — семантические и образные. Напряженный эмоциональный фон, являющийся результатом подобного переноса и трансформации фразеологизма, значительно усиливает силу воздействия текста. Присутствие же устаревшего слова *град* и не употребительного ныне *весь* (‘деревня’), активизируя ассоциации с древними летописями, создает определенную фоновую тональность.

Итак, прежде всего отметим, что, в отличие от текстов публицистического стиля, в поэтической речи трансформация фразеологизмов используется не в целях создания языковой игры (если только стихотворное произведение в целом не носит юмористический характер).

Присутствие трансформированного фразеологического оборота в поэтическом тексте всегда предполагает наличие фонда общих знаний адресата и адресанта речи. Это способствует, во-первых, компрессии языковых единиц при увеличении информативности текста: опираясь на то, что известно обоим, автор речи может опускать звенья рассуждения, лаконично выражать свою мысль. Во-вторых, интимизация повествования, которая создает доверительную атмосферу, сообщает речи определенный эмоциональный настрой.

В результате трансформации фразеологических единиц в русских поэтических текстах XX века происходит актуализация целого спектра разнообразных

смыслов, важных для понимания произведения в целом: исходных, узуально заложенных во фразеологизме, и новых, которые возникают благодаря значительным изменениям его структуры, семантики и образного ряда. При этом довольно часто имеет место контраст разнородных стилистических элементов. Кроме того, при трансформации фразеологических оборотов в поэтическом тексте очень часто задействуется фоновый ореол устойчивого сочетания, что естественно, поскольку фразеологический — «непереводимый» — фонд языка, имея своей основой общечеловеческие ценности, всегда так или иначе апеллирует к национальному мировосприятию. Все это в итоге обеспечивает подобным текстам внушительный экспрессивный заряд.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кузнецова Н.Н.* Трансформация фразеологизмов как один из способов создания языковой игры // Русский язык и литература рубежа XX-XXI веков: специфика функционирования: сб. по матер. Всерос. науч. конф. Самара, 2005. С. 210-214.
2. *Бунин И.А.* Стихотворения. Рассказы. М., 1986. С. 47.
3. *Бунин.* Ук. соч. С. 56.
4. *Цветаева М.* Через сотни разъединяющих лет... Свердловск, 1989. С. 49.
5. *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. М., 1990. С. 90.
6. *Пастернак.* Ук. соч. С. 65.
7. Там же. С. 81.
8. Там же. Ук. соч. С. 90
9. Там же. Ук. соч. С. 27.
10. Там же. Ук. соч. С. 338.
11. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 687.
12. *Пастернак.* Ук. соч. С. 184.
13. *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000. С. 121-122.
14. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 2007. С. 118.
15. *Пастернак.* Ук. соч. С. 192.
16. *Берков, Мокиенко, Шулежкова.* Ук. соч. С. 45.
17. *Пастернак.* Ук. соч. С. 302.
18. *Бирих А.К., Мокиенко А.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб, 2001. С. 483.
19. *Пастернак.* Ук. соч. С. 333.
20. Там же. С. 343.
21. Там же. С. 350.
22. *Бирих, Мокиенко, Степанова.* Ук. соч. С. 577.
23. *Пастернак.* Ук. соч. С. 331.
24. *Бирих, Мокиенко, Степанова.* Ук. соч. С. 429.
25. *Пастернак.* Ук. соч. С. 147.
26. *Берков, Мокиенко., Шулежкова.* Ук. соч. С. 465.
27. *Пастернак.* Ук. соч. С. 88.
28. *Берков, Мокиенко, Шулежкова.* Ук. соч. С. 504.
29. *Мандельштам О.Э.* Избранное. Смоленск, 2002. С. 398.
30. *Мандельштам.* Ук. соч. С. 286.
31. *Бродский И.* Сочинения в четырех томах. М., 1994. Т. I. С. 77.
32. *Берков, Мокиенко, Шулежкова.* Ук. соч. С. 227-228.

33. *Бродский*. Ук. соч. Т. II. С. 21.
34. *Башкова Л.Р.* Ключевые элементы в поэтическом тесте // Русский язык в школе, 2008. № 2. С. 49.
35. *Бродский*. Ук. соч. Т. II. С. 23.

TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POETIC TEXT AS MEANS OF EXPRESSIVENESS

N.N. Kuznetsova

The paper considers cases of transformation the phraseological units in poetic texts of the 20th century by the example of the poets who used these means quite frequently — B. Pasternak, O. Mandelshtam, I. Brodsky. The purpose was to study mechanisms of creation the expressiveness by means of transformation the set phrases in a poetic speech.

Keywords: lingustics, phraseological units.

© 2009

И.Н. Короткова

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена роли и значению образа в языке и мышлении, о влиянии субъективного фактора на процесс познания окружающей человека действительности, о процессах преобразования информации на лингвистическом и ментальном уровнях. Рассматриваются механизмы преобразования чувственных и мыслительных категорий в языковые структуры, а связь лингвистики с данными ряда других наук.

Ключевые слова: лингвистика, язык, мышление, процесс познания.

Проблема возникновения и развития языка как средства отражения явлений реальной действительности является составной частью глобальной проблемы взаимоотношения языка и мышления, которая, в свою очередь, базируется на результатах соответствующих исследований, в частности изучения возникновения и развития порождающей мысль материи. Таким образом, чисто лингвистические вопросы оказываются тесно связанными с данными целого ряда наук: психологии, нейрофизиологии, философии, медицины, социологии, кибернетики, логики и т.д. Безусловно, перед каждой из научных дисциплин стоят свои, узконаправленные задачи, но достижение результатов в отдельно взятой области становится возможным лишь с учётом всех имеющихся в распоряжении исследователя данных.

Всё существующее в настоящее время языковое многообразие является лишь приблизительным отражением хранящихся в памяти и отражённых в сознании личности образов и образных систем. Особый интерес в данном вопросе вызывает изучение механизмов преобразования чувственных и мыслительных категорий в языковые структуры, а также роль и значение образов-символов в процессе получения, передачи и переработки информации, выявление законов варьирования и сочетаемости лексического материала в зависимости от характера информации и от условий общения. Именно эти факторы являются неотъемлемой частью лингвистических исследований, цель которых (как и дисциплин технического профиля) заключается в постижении миропорядка, в раскрытии законов окружающей действительности и человеческой личности как составной её части. Отсюда появляется необходимость выявить способы перехода от мыслительных категорий к языковым структурам, определить соответствие между ними и описать эти явления с собственно лингвистической точки зрения.

Процесс познания осуществлялся эмпирически на протяжении многих тысячелетий, и его результаты находят свое отражение в языке как в единственно доступной человеку структуре, способной к закреплению и воспроизведению полученных знаний. Единственной наукой, которую с давних времен интересовала языковая сущность, была логика, но и она при обращении к языку преследовала свои, сугубо утилитарные цели: вырабатываемые в процессе мышления логические структуры не могли существовать без языка как единственно возможной формы их материального воплощения. «Процесс выделения общего в явлениях действительности есть процесс формирования понятия о них. И мышление осуществляется посредством оперирования понятиями. Образование понятий оперирования ими в составе суждений, умозаключений, доказательств и т. д. невозможно без слова, без языка»[1].

Лишь к XIX столетию язык переходит из разряда средств выражения логических форм мысли в самостоятельную структуру и становится объектом изучения собственно лингвистических исследований.

Конвенциально-знаковый характер языковых средств дает возможность «прочитывать» за каждым языковым знаком сложные комбинационно-ассоциативные значения, что практически исключено в логических построениях, стремящихся к унификации и однозначности. На этом же основании из объекта логических исследований должны быть исключены метафоры и другие единицы языка, не обладающие способностью к постижению истины, а выражающие субъективные способности говорящего к описываемым событиям.

Если цель логического описания заключается в том, чтобы слова соответствовали окружающему миру, то цель субъективной оценки заключается в том, чтобы сделать мир соответствующим словам: описать ситуацию реальной действительности таким образом, чтобы не только мы сами, но и окружающие поверили, что дела обстоят именно так, а не иначе. И хотя обращение к оценочным категориям в последнее время свойственно логическим исследованиям вообще, «вопрос в том, преложим к оценкам термин «истинно» или «ложно» или нет, был и остается предметом оживленных споров»[2].

Несмотря на выработанные логикой критерии установления истинности,

основным из которых является практика, само понятие истины нуждается в уточнении. При общем подходе к истине как к способу верного отражения действительности, не раз обращалось внимание на относительный характер этой категории. «Исследовать истину в одном отношении трудно, а в другом легко. Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, право, ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина».

Дж. Лакофф и М. Джонсон отметили то, что некоторые предложения не могут быть истинными или ложными вне ситуации, которую мыслит субъект речи. Вырванные из ситуационного контекста, они могут быть рассмотрены как ложные или бессмысленные... Мы понимаем предложение как истинное, когда понимание предложения достаточно тесно соотносится с пониманием ситуации[3]. Еще более расширяет границы истинности Д. Болинджер, указывая на зависимость этого понятии не только от ситуации, но и от интенциональных намерений говорящего: «истина (правда) — это такое свойство языка, которое дает нам возможность информировать друг друга»[4]. Таким образом, понимание истинности как способа верного отражения действительности в ряде случаев зависит не только от ситуации, определяющей эту действительность, но и от личности говорящего — субъекта речи, от его желания или способности к более или менее верному ее отражению.

Если рассматривать познание как процесс, включающий все стороны человеческой активности, результатом которого является приобретение новых знаний, то становится очевидным явно недостаточный характер существующих логических предписаний для его (процесса познания) регламентации[5]. Возможно, это связано с тем, что выработанные еще в Античности законы мышления на протяжении тысячелетий не подвергались никаким значительным изменениям, составляя нечто вроде философской догмы: «со времен Аристотеля ей (логике) не приходилось делать ни шага вперед и, судя по всему... кажется, наукой лаконичной и завершенной»[6], в то время как язык претерпевал постоянные количественные и качественные изменения, отражающие эволюцию в сознании человека — особенно на стадии бурного развития письменных форм речи в XVIII-XIX вв., позволяющих закреплять и совершенствовать структурно-комбинаторные языковые возможности.

Итак, мышление в логике направлено на отражение истинного положения дел в окружающем мире; мышление в психологии — на решение практических задач в процессе человеческой деятельности (практическое преобразование действительности); мышление в языке — на теоретическое преобразование действительности в результате субъективного его осмысления. Но сколь бы различными не были задачи, осуществляемые логикой, философией, психологией и лингвистикой, средством выражения объектов исследования во всех структурах является язык как наиболее развитая структура отражения результатов мыслительных операций, как общедоступная форма человеческого общения, хранения и передачи информации. Разница заключается в том, что в логике философии и психологии язык выступает как вспомогательная система информационного кодирования, а в языкознании он составляет

непосредственный объект исследования. В логике философии и психологии анализ проводится от мыслительных операций к языковой форме их воплощения, а в зародившемся на базе логических исследований языкознании — от языковых форм к заложенному в них мыслительному содержанию.

Таким образом, процесс соотношения языковых и мыслительных категорий имеет давнюю традицию и широкие перспективы для исследования. Выработанным логикой и философией формам отражения мыслительного содержания соответствуют языковые единицы разных уровней. И наоборот, в языкознании существует тенденция, в соответствии с которой под языковые единицы принято подводить определенную логикой философскую базу, что даёт возможность говорить о механизмах установления соответствий между мыслительными и языковыми категориями философии, логики и лингвистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ивин А.А.* Основания логики оценок. М., 1970.
2. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. и вступ. ст. Р. Плечкайтиса. Вильнюс: Минтис, 1982.
3. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.; 2004.
4. *Горский Д.П.* Роль языка в познании // Мышление и язык. М., 1957. С. 73–116.
5. *Лакофф, Джонсон.* Ук. соч.
6. Там же.

ROLE OF LANGUAGE WITHIN PROCESS OF PERCEPTION

I.P. Korotkova

The article is devoted to a role and value of an image in language and thinking, about influence of the subjective factor on the process of perception of the reality, about processes of transformation of the information at linguistic and mental levels. Mechanisms of transformation of sensual and cogitative categories in language structures, and connection of linguistics with the data of some other sciences are under consideration.

Keywords: linguistics, language, thinking cognition.

© 2009

А.Н. Зарецкая

«MOCKUMENTARY» КАК ОСОБАЯ ФОРМА АНГЛОЯЗЫЧНОГО КИНОДИСКУРСА

В статье рассматриваются особенности "псевдодокументального фильма" как формы кинодискурса. Было выявлено, что "mockumentary" стремится к полной имитации устного разговорного дискурса, и для достижения этого используются как приемы, практически отсутствующие в других формах кинодискурса, так и традиционные.

Ключевые слова: лингвистика, кинодискурс.

«**Mockumentary**» (название образовано путем слияния английских слов «mock» — «насмешка» и «documentary») — это особая форма кинодискурса, представляющая собой фильм (или серию фильмов), снятый как запись событий реальной жизни, но на самом деле являющийся полностью выдуманным. Это широко распространенный способ создания пародийных и сатирических фильмов[1].

В русском языке нет устоявшегося перевода этого слова, предлагаются варианты «мокьюментари» («полностью или частично вымышленный продукт, подделывающийся под документ»)[2], «псевдодокументальный фильм», «мокументальный фильм»[3].

Образцами жанра «мокьюментари» могут служить фильмы «This is Spinal Tap» (США, 1984), «Падения» (1980, режиссер П.Гринуэй), «Забытое серебро» (Новая Зеландия, 1995), а также многие другие.

Рассмотрим жанр «mockumentary» на примере одного из наиболее рейтинговых сериалов этой разновидности за последние годы, «The Office». Сериал этот был первоначально снят в Великобритании, но оказался настолько популярным, что по нему были сделаны римейки в других странах, в частности в США, Франции, Канаде, Германии (готовится к съемке и российская версия). В данной статье речь пойдет об американской версии сериала, снятой в 2005–2009 гг.

Каждый эпизод построен таким образом, как если бы некая группа операторов решила снять на пленку реальные трудовые будни компании «Dunder Mifflin» и ее сотрудников. Камеры якобы включены целый день, а служащие, зная об их присутствии, то «позируют», делая откровенные признания («confessions»), то, забывая о съемке, ведут себя естественно и непринужденно, а иногда, стесняясь операторов, уходят от разговора.

Рассмотрим языковые особенности речи героев сериала.

Исследователи неоднократно отмечали, что в целом речь героев фильмов является такой же, как речь обычных людей, за исключением некоторых особенностей, которые могут затруднить восприятие ее на слух зрителем (отсутствие слишком быстрого или слишком медленного темпа речи, грамматических отклонений от нормы, наложения высказывания одного персонажа на речь другого и т.д.)[4]. С. Козлофф пишет, что традиционно в кинодискурсе такие обыч-

ные для повседневной речи явления, как хезитация, повторы, неразборчивое бормотание, прерывание друг друга решительно удаляются[5]. С ней согласна и К. Бубель, в частности она отмечает, что в кинодиалоге люди не повторяют одну и ту же мысль дважды, не меняют резко тему разговора, не переспрашивают, что было бы естественно для «живого» диалога[6]. Редкость и столь распространенные при «живом» общении краткие ответы — ведь каждая реплика должна способствовать развитию сюжета.

Исследование фильмов сериала «The Office» показало, что в нем, как образце жанра «мокьюментари», присутствуют все черты, перечисленные выше, как нежелательные в кинодискурсе.

Часты **повторы**, разъяснения сказанного: «Is Josh concerned about downsizing... himself? Not downsizing himself, but is he concerned about downsizing?"

Герои говорят **одновременно**, как, например, в сцене, где речь идет о закрытии одного из двух филиалов:

Jan: OK, no, no, no, Michael, don't panic, Michael, listen, don't panic, we haven't made any decisions...

Michael: Oh, OK. No, no, no, no, no, this is... this is good, this is fine, excellent! Although we ... no, no, no!

Данные реплики полностью накладываются друг на друга и звучат неразборчиво, усиливая впечатление очень эмоционального диалога (ведь говорится о сокращении штата).

В изобилии встречаются и **хезитация, паузы**. Рассмотрим, например, реплику сотрудника «Dunder Mifflin» Джима во время одного из «признаний»: «My job is to... speak to clients,... um... on the phone about...er... quantities...and...er... type of... copier paper...You know, whether we can... supply it to them,...whether they can...er...pay for it... and...(покашливание)... I'm boring myself just talking about it».

Также чаще, чем обычно в кинодискурсе, используются **незаконченные предложения**, что придает «мокьюментари» дополнительное сходство с живой разговорной речью, где слушателю приходится постоянно дешифровывать то, что недосказано. Так, в диалоге Пэм и Джима практически нет завершенных предложений, общий его смысл — в том, что герои, чувствуя симпатию друг к другу, не знают, какими ее выразить словами, из-за чего возникает неловкость:

Pam: I thought you were going out for a drink with...

Jim: Oh, no. No. One, two... (...)

Pam: Is a...

Jim: Yeah?

Pam: Um... Are you a...

Jim: No, I am...

Pam: Are you? Yes...

П. Колин указывает, что традиционно кинодиалог не воспроизводит такого обычного для естественного диалога явления, как **нарушение синтаксических структур**, при котором одно высказывание непосредственно в процессе речи заменяется другим при возникновении новой мысли у говорящего[7]. Однако в «мокьюментари» даже такая «неудобная» для зрителя особенность может с успехом использоваться в качестве художественного приема. Отвечая на вопросы подчиненных о возможности сокращения, Майкл Скотт произносит следую-

щую невразумительную реплику: «Jan is thinking about downsizing, is it a Stanford branch or this branch? I said, if — er- if the corporate wants to come in here, then I fear they'll have to go through me — right? You know...You're gonna go and mess with Josh's people... and... I'm the head of this family... and... you ain't gonna be messing with my children». Неудивительно, что столь путаные разъяснения нисколько не убеждают служащих в том, что им не грозит увольнение, а скорее, наоборот, подогревают их опасения.

Ко всему сказанному выше добавим, что некоторые второстепенные персонажи в фильме сыграны не актерами, а простыми людьми — сценаристами, бухгалтерами и т.д., поэтому дикция их далеко не идеальна, они часто говорят **неразборчиво**. Однако присутствие их в кадре обеспечивает необходимую «документальность».

По мнению исследователей жанра «мокьюментари» Дж.Роскоу и К. Хайта[8], важнейшую роль в его популярности играет целевая *аудитория*, которая должна быть знакома со всеми условностями и кодами изображаемого мира и готова критически его переосмыслить.

В связи с тем, что «The Office» нацелен на определенную аудиторию, на лексическом уровне наблюдаем большой пласт слов и выражений, относящихся к семантическому полю «работа в офисе», «бизнес»: downsizing, profit margin, to fire smb., gross misconduct, to supply, regional manager, receptionist, corporate, branch, agenda, efficiency of communication, tonnage price, temp, damage to company property, to cut expenses, employee, severance pay, а также десятки других. Итак, сериал четко ориентирован на конкретную группу людей: «белые воротнички» — одна из платежеспособных категорий телезрителей. Нагромождение бизнес-лексики способно отпугнуть непосвященных, кому просто неинтересны будут офисные баталии, но притянет к экранам тех, кому предназначается сериал, позволяя идентифицировать себя с его героями. Например, вот образец высказывания Майкла Скотта: "What is the most important thing for a company? Is it the *cash flow*? Is it the inventory? No... It is the people. The people! My proudest moment here was not when I increased profit by 17%, or when I cut expenses..." Многочисленные интертекстуальные отсылки, в основном упоминающие продукцию масс-культуры («Властелин колец», «Гарри Поттер», «Миллионер из трущоб») служат той же цели — позволить зрителю узнать себя в героях сериала.

«Мокьюментари является в современной культуре важнейшим дискурсом, это «призыв к игре», основанный на присвоении кодов и условностей документалистики» — пишет К. Хайт[9]. В рассматриваемом дискурсе особую роль играют «признания», которые герои произносят вне общего контекста фильма, просто глядя в камеру. Они придают сериалу ту самую «документальность», которой добиваются авторы. «Признания» отличаются ото всей остальной словесной ткани фильма (скорость речи часто контрастирует с предыдущим фрагментом — или значительно более низкая, или более высокая, многочисленные паузы, повторы, незаконченные предложения, иные интонационные модели, более низкая громкость звучания). Также в ряде случаев они выполняют функцию **экспликации подтекста**, разъясняя зрителю чувства и настроения персонажей.

Например, после известия о грядущем сокращении штата секретарь офиса, Пэм, делает следующее «признание»: «I don't think it'll be the worst thing... if they let me go. Because then...I might... It's just... I don't think it's many little girls' dream to be a receptionist...» Становится очевидным подтекст: сотрудники совсем не так уж счастливы работать под началом «самого лучшего босса»; Пэм чувствует себя не на своем месте, она хотела бы добиться большего. Вообще противоречия между тем, что герои говорят «от себя» во время «признаний», и тем, что произносится вслух публично, являются и одним из главных средств создания комического эффекта.

Итак, речь героев «The Office» имеет отличия от изученных образцов кинодискурса, но в целом также, как и в фильмах других жанров, стремится соответствовать характеристикам устного дискурса. Нередко типичное для устной речи и часто воспроизводимое в фильмах опущение подлежащего, выраженного местоимением: «Yeah, I went hunting once. Shot a deer in the leg. Had to kill him with a shovel. Took about an hour. Why do you ask?" Часты стяженные формы, такие как ain't, gonna, wanna. Используются окказионализмы: incalculacable, collar-blind, boss-slash. Как и во многих других англоязычных фильмах, встречаются слова, помеченные в словаре как vulgar, slang: dummit, suck, sucker, psyched, get the hell outa here, queer, make out with smb., slut и т.д.. Все они призваны имитировать неформальное общение, нередко сопровождающееся грубоватым юмором.

Подведем итог: существование таких форм, как «mockumentary», (а также infotainment, docufiction, реалити-шоу и т.д.), во множестве появляющихся сейчас и на нашем экране, говорит о сближении документального и художественного кинодискурсов, о том, что сегодня не следует их разграничивать столь жестко, как это делалось ранее. Сами авторы как будто говорят зрителю: «Смотрите, можно снять все, как «настоящее», и вместе с тем быть полностью уверенным, что это вымысел; так как же можно доверять «документальному кино», и что это такое, на сегодняшний день?» Как отмечает С. Зельвенский, «оказалось, что «документальность» — всего лишь эстетическая система, набор приемов, и они обладают огромным потенциалом манипуляции»[10].

Кроме того, функция такой формы кинодискурса, как «mockumentary» заключается, на наш взгляд, и в том, чтобы, максимально приблизив съемки к «реальным», создать у зрителя иллюзию, что он лично вовлечен в происходящее, что люди, изображенные в фильме или сериале — это его близкие знакомые, или, по крайней мере, знакомые знакомых. Поэтому в «mockumentary», хотя в большинстве своем они и являются комедиями, не используется наложенный смех, как это часто делается в юмористических ТВ-фильмах. Свою лепту в создание иллюзии сопричастности зрителя к происходящему на экране вносит и особое движение камеры — иногда она перемещается так, как если бы съемка производилась вручную, непрофессионально. Это также стирает границу между кинодискурсом и зрителем — ведь теперь он воспринимает все как бы через призму собственного зрения, через объектив почти «своей» видеокамеры. Помогает в поддержании иллюзии сопричастности и кинодиалог, написанный и озвученный с расчетом на то, чтобы быть «подслушанным» зрителем (overhearing), а для большей естественности реплик чаще, чем в других жанрах

кинодискурса, применяется импровизация актеров.

Убедив зрителя в том, что происходящее на экране — почти правда, «mockumentary» делает последний шаг к реальности — сходит с экранов телевизоров и проникает в нашу повседневную жизнь. Герои таких фильмов часто имеют вполне определенные (и неплохо оплаченные рекламодателем) потребительские предпочтения, от чего уже один шаг до косвенной рекламы (product placement), эффективность которой измеряется уже вполне реальными суммами и фиксируется в соответствующих рейтингах. Никогда не существовавшие компании приобретают свои сайты, в городах, где они (предположительно) работают, устанавливаются указатели для туристов и т.д. И тогда никто уже не сможет с точностью сказать, где реальность, а где вымысел, и «целлулоидный мир» соприкасается с нашим и проникает в него все сильнее и сильнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. http://en.wikipedia.org:80/wiki/Mockumentary.
2. *Зельвенский С.А.* Mockumentary: история вопроса. Сеанс, №32. [Электронный ресурс] http://seance.ru/n/32/mockumentary/mocumentary; *Ковалов О.М.* Великая иллюзия. Сеанс, №32. [Электронный ресурс] http://seance.ru/n/32/ mockumentary/velikaja-illjuzia.
3. http://ru.wikipedia.org/wiki/Mockumentary.
4. *Шевченко В.Д.* Анализ языковых составляющих британского кинодискурса // Вестник СамГУ, 2005. №4 (38). С. 135-141.
5. *Kozloff S.* Overhearing Film Dialogue. University of California Press, Berkeley & Los Angeles, 2000. P. 33-63.
6. *Bubel C.* The linguistic construction of character relations in TV drama: Doing friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultaeten der Universitaet des Saarlandes. Saarbruecken, 2006. P. 61.
7. *Coughlin P.* Language Aesthetics in three films by Joel and Ethan Coen. // The Film Journal. 2002-2005. P. 12.
8. *Roscoe J., Hight C.* Faking it: Mock-documentary and the Subversion of Factuality. Manchester, 2001. P. 21.
9. *Hight C.* [Электронный ресурс] http://www.waikato.ac.nz./film/mock-doc/ book2.shtml.
10. *Зельвенский.* Ук. соч.

"MOCKUMENTARY" AS A SPECIAL GENRE OF FILM DISCOURSE

A.N. Zaretskaya

The article deals with the analysis of the "mockumentary" as a genre of film discourse. It is stated that the mockumentary tries to perfectly imitate the colloquial discourse, hence the use of both special devices not to be found in other forms of film, and the ones conventional for other film genres.

Keywords: linguistics, film discourse.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЭТНОЛОГИЯ

Круглый стол
«Региональные факторы формирования демографических, этнических и социальных рисков развития человеческого потенциала» в рамках международного семинара
«Север и юг: диалог культур и цивилизаций»
(14–16 мая 2009 г., Новосибирск)*

В мае 2009 г. Сибирским отделением РАН совместно с Кембриджским университетом, Европейским Научным Фондом, Научным комитетом программы «Бореас» в рамках долговременного сотрудничества в комплексном сравнительном изучении циркумполярной зоны был проведен международный семинар«Север и Юг: диалог культур и цивилизаций». В нем приняли участие ведущие специалисты, представляющие основные направления в изучении Арктики и Северной Азии из России, европейских государств, США и Канады. В рамках семинара прошло обсуждение наиболее значимых проблем, связанных с освоением макрорегиона с древнейших времен до современности, включая проблемы палеоклимата, генетики, проблемы формирования культурного многообразия, исторических и современных миграций и межкультурного взаимодействия на локальном, региональном и транснациональном уровнях.

Специальной темой для обсуждения являлись актуальные социально-экономические и демографические проблемы Сибири в контексте глобальных взаимодействий Севера и Юга. Семинар был включен в программу проведения научных конференций и симпозиумов СО РАН на 2009 г.

В рамках семинара состоялся круглый стол «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири». Программа включала доклады, обозначивших основные направления исследований человеческого потенциала в России и в мире. Руководители круглого стола: Калугина З.И. — д-р соц. наук, гл. науч. сот. ИЭОПП СО РАН, Соболева С.В. — д-р эконом. наук, гл.нс ИЭОПП СО РАН, Октябрьская И.В. — д-р ист. наук, зав. отд. ИАЭТ СО РАН — подвели предварительные итоги в реализации исследовательской программы, посвященной оценке человеческого потенциала Сибирского федерального округа и обозначили перспективы развития сотрудничества между подразделениями СО РАН гуманитарного и общественного циклов в этой области.

Основные параметры развития человеческого потенциала в течение многих лет являлись предметом исследований ИЭОПП СО РАН. Основными компонентами че-

* Материалы круглого стола опубликованы в рамках выполнения исследовательских программ и при финансовой поддержке грантов «Интеграция СО РАН», РГНФ № 09-03-00488а, РГНФ № 09-01-14056, Программы Президиума РАН "Историко-культурное наследие и духовные ценности России", ФЦП - программа 1.4.

ловеческого потенциала рассматривались: социально-демографический потенциал (половозрастная структура населения, состояние здоровья, продолжительность жизни, естественное и механическое движение населения, включая миграцию иностранной рабочей силы); трудовой потенциал (уровень и структура занятости населения, масштабы безработицы, качество рабочей силы, уровень оплаты труда); экономический потенциал (уровень благосостояния и реальных доходов населения, социальные гарантии и социальная защищенность); социокультурный потенциал (уровень общего образования и профессиональной подготовки, особенности нормативно-ценностного сознания и этнические ценности).

В рамках комплексного интеграционного проекта СО РАН (2006-2008 гг.): «Развитие человеческого потенциала Сибири в условиях социальных и экономических инноваций» коллективами ИЭОПП СО РАН, ИАЭТ СО РАН, ИГ СО РАН, реализующими проект, были выделены и исследованы социальные, демографические и этнические угрозы воспроизводству и формированию человеческого потенциала Сибири. Показано в частности, что наиболее значимые последствия проявляются в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

— длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) — депопуляция;

— высокий уровень смертности, низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и некоторых сибирских этносов;

— снижение качества человеческих ресурсов за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;

— неэквивалентный миграционный обмен, снижающий качественные характеристики трудоспособного населения (восточные регионы России теряют высококвалифицированных специалистов, а получают население низкого уровня образования из других стран).

— старение населения и рост демографической нагрузки на экономически активное население;

— обезлюдевание в результате депопуляции и длительного миграционного оттока обширных богатых природными запасами и стратегически важных территорий в условиях обостряющейся в мире борьбы за ресурсы.

В ходе предварительных исследований был сформирован пакет исследовательских методик, определены формы взаимодействия и обобщения информации в рамках междисциплинарного творческого коллектива, что стало основой для реализации перспективной программы комплексной оценки человеческого потенциала Сибири и возможных рисков.

Новаторский характер проекта заключается в оценке ресурсов человеческого развития Сибири на микро-, мезо- и макроуровнях на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов, использования социальной инфраструктуры, этнополитических и этнокультурных институтов и прогноза динамики экономической и социальной стратификации населения региона.

Цель исследования определяет выявление способов и практик использования, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения (доходных, социальных, этнических) Сибири с учетом возможных демографических, социальных, этнических рисков. Рассмотрение проблемы защиты человека от рисков и угроз во взаимосвязи с проблемой качества жизни и формирования человеческого по-

тенциала дополняет существующие подходы и является перспективной с точки зрения интересов человека и прогресса в развитии общества.

В рамках Круглого стола прозвучала серия докладов, часть из которых была включена в данную подборку. Предлагаемые публикации демонстрируют возможности этносоциальных и этнокультурных исследований в оценке человеческого потенциала Сибири. Комплексный подход в этой сфере позволит выработать теоретические и практические подходы к решению проблемы устойчивого развития макрорегиона с опорой на многообразие опыта и ресурсов его полиэтничного сообщества.

© 2009

М.В. Шиловский

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И ВКЛЮЧЕНИЕ В НЕГО АБОРИГЕННЫХ ЭТНОСОВ

Статья посвящена проблемам освоения Арктики в широком временном диапозоне, начиная с XI в. В докладе дается содержательный обзор истории русского освоения арктических территорий, включенных в XVII–XVIII вв. в состав России. Ведущими способами этого освоения являлись охотничьи промыслы и торговля, главным объектом которых выступала пушнина. Прослежены формы и способы организации торговли, ее объемы и динамика. Автор выделяет ряд этапов и соответствующие им социально-экономические и политические факторы, определявшие интерес России к северным территориям.

Ключевые слова: этнология, Арктика.

Человек начал осваивать Арктику примерно 40-35 тыс. лет назад. Европейская промысловая колонизация Севера характеризовала начало качественно нового типа освоения региона, направленного на использование возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов. С X в. началось продвижение восточно-славянских племен в северо-восточном направлении. В XI-XII вв. новгородцы обложили данью жителей Печорского Севера, обитателей Кольского полуострова. К этому времени они плавали по Белому и Баренцеву морям. Примерно тогда же русские достигли берегов Новой Земли и Шпицбергена. Первыми новгородцы пришли на Северный Урал и прилегающие к нему районы Нижнего Приобья, номинально подчинившим в XIII в. Югру. Однако, они ограничились «экспедиционным» методом освоения и закрепления за собой территории, периодически направляя туда военные отряды для сбора дани с местного населения. По мере укрепления Великого княжества Московского и

его экспансии на Новгород, позиции последнего на Севере оказались подорваны. Уже в конце XV в. угорские княжества признали вассальную зависимость от Москвы.

Во второй половине XVI в. начинается новый этап российской экспансии на Восток. В 1574 г. Иван IV выдает сольвычегодским промышленникам Строгановым жалованную грамоту на зауральские земли. После разгрома хана Кучума в 1586 г. государевы служилые люди основали Тюменский, а в 1587 г. отстраивают Тобольский острог. В течение первой половины XVII в. русские землепроходцы по рекам Обь-Иртышского, Енисейского, Ленского бассейнов прошли до Тихого океана, создав систему военно-административных пунктов (острогов) в том числе в полярной зоне: Березовский (1593), Обдорский (1595), Мангазейский (1601), Якутский (1632), Жиганский (1635), Олекминский (1636), Верхоянское зимовье (1638), Зашиверский (1639), Анадырский (1649), Охотский (1653).

Создание сети острогов имело целью получение ясака — специального налога на аборигенное население, который первоначально собирали исключительно пушниной в пересчете на соболиный «эквивалент». Экспедиции первопроходцев направлялись в новые места прежде всего «для государева ясачного сбору и для прииску вновь неясашных людей». Только из Якутии в XVII в. отправили 4,5 млн. соболиных шкурок. Предшественник Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса Мангазейский уезд в первой половине XVII в. давал подавляющую часть сибирской пушнины (от 70 до 80 %), а та, в свою очередь, приносила от 10 до 30 % государственных доходов. Ясачная политика стала определяющей в регионе на протяжении XVII-XVIII вв. Создание опорных баз русской колонизации благоприятствовало русскому промысловому освоению арктической зоны. При этом вплоть до последней четверти XVII в. основная масса сибирской пушнины добывалась частными лицами (промышленниками).

По мере истощения пушных ресурсов, уменьшаются масштабы промысловой деятельности, происходит отток части промысловиков в другие районы. В 1668 г. прекратила свое существование «златокипящая» Мангазея. В изменившихся условиях начинает формироваться новая модель освоения. Русское присутствие обеспечивали служилые люди перечисленных выше острогов. Так, в Якутске в 1775 г. русское население составляло 1932 чел., в том числе казаков 1375, посадских 330 чел. Эти поселения постепенно утрачивают военные функции в пользу административных (сбор ясака). Русские устанавливают тесные деловые контакты с аборигенами, начинает развиваться торговля с ними, в которую включаются обыватели Березова, Сургута, Обдорска, Зашиверска, Якутска, Жиганска, Верхоянска и других северных поселений. Эти городки становятся центрами концентрации постоянного русского населения. Согласно авторитетному мнению И. С. Гурвича, Н. А. Миненко и Ю. Слезкина по мере истощения доступных для русских охотничьих угодий добытые аборигенами меха, кожа, рыба, бивни мамонта становятся главными товарами, которые обменивались с приезжими купцами на хлеб, ткани, орудия промысла и т.д. К концу XVIII в. значительное число бывших казаков и крестьян становятся торговыми посредниками между ясачными и остальной империей.

Торговые операции с «инородцами», носящими в основном бартерный характер, давали высокие доходы, особенно на пушном рынке. В карман купца, торгующего на севере Якутии в начале XX в., денег возвращалось в среднем в 4 раза больше, чем выходило из него. Однако, доходы, полученные от посреднических и торговых операций, не являлись стимулом для поиска новых рынков и иных форм предпринимательской деятельности. Основным способом торговли на Севере с конца XVIII в. становятся регулярно проводимые ярмарки. Наиболее крупными из них являлись Якутская, Березовская, Сургутская, Обдорская. Кроме того, пушные ярмарки проводились в селениях Мужи, Юганском, Ларьятском Березовского уезда и Самаровском Сургутского уезда Тобольской губернии. Так, крупной ярмаркой в 1860-е гг. была Мужевская с привозом товаров в 1863 г. на 10 тыс. руб. и сбытом в пределах от 3 до 22 тыс. руб.

Наиболее известной пушной ярмаркой Западной Сибири являлась Обдорская, приуроченная ко времени уплаты ясака «инородцами». Официальная торговля разрешалась лишь после всех расчетов ясачных с государством и носила преимущественно бартерный характер. В 1816 г. сюда доставили 16 тыс. пудов муки и до 4 тыс. пудов печеного хлеба. В свою очередь, местные жители променяли русским торговцам 12 тыс. шкурок песцов, свыше 600 лисиц, 2 тыс. оленьих шкур, до 700 оленей, до 100 волчьих шкур, 600 пудов гусиного жира, значительное количество рыбы. Обороты ярмарки составили в 1858 г. (привоз/сбыт в рублях) 46100/45600, в 1881 г. — 187188/187188, в 1897 г. — 98000/98000. Оборот летней Якутской ярмарки в 1895 г. составил: привезено товаров на 229283 руб., продано на 133822 руб., в том числе тканей на 62840, виноградного вина на 29673, китайских товаров на 22180, муки на 11176 руб. Местных товаров было предложено на продажу на сумму 662550 руб., продано на 662550 руб., в том числе пушнина 560253, мамонтовая кость и моржовый зуб 97373, скот, продукты скотоводства и охоты 4925 руб. В 1905 г. на ярмарку доставили пушнины на 584 тыс. руб., в т. ч. соболя на 300 тыс. руб. С 1903 по 1916 гг. из Якутии вывезли почти 22 тыс. пудов мамонтовой кости на общую сумму 952 тыс. руб.

Для северных пушных ярмарок была характерна сложная многоступенчатая система взаимоотношений торгующих. На первом этапе охотники продавали меха купцам, живущим в Обдорске, забирая у них в кредит товары. Взаимоотношения промысловиков и предпринимателей современник описывал следующим образом: «Значительная часть товаров отпускалась в кредит, обдоряне старались ловить своих должников и те со своей стороны старались утечь от кредитора, чтобы продать товар за деньги, что гораздо выгоднее для ненцев. Прямо же на деньги довольно редко удавалось купить дешево... при кредитной торговле получали прибыли в среднем 30-50 %. При покупке же на наличные деньги в среднем 10-20 %. Но обдорские купцы зависели от приезжих тобольских купцов, которым перепродавали пушнину. По словам ярмарочных купцов, «начиная с осени обдорские пушноторговцы являются посредниками между крупными пушниками и самоедами, оторванными 1500-верстным расстоянием от Тобольска и других местностей и поэтому, не зная существующих цен на пушнину, набирали у самоедов товар по довольно высокой цене... Когда на ярмарку собрались тоболяки, которым эти цены показались очень высокими, об-

дорские торговцы начали покупать в самоедском стану пушнину гораздо дешевле».

Следующий этап состоял в доставке товара на Ирбитскую ярмарку и его перепродаже. После 20 января тоболяки нагружали нарты пушниной и по двое-трое отправлялись либо в Тобольск, либо прямо в Ирбит. На каждом этапе участники сделок получали доходы от разницы цен. Особенностью пушных ярмарок был меновый и скрытый характер торговли, которая почти не поддавалась контролю администрации и проходила без ее участия на индивидуальных встречах торговцев при установлении поштучных цен на шкурки. Особенно сложным являлся учет торговли дорогими мехами. Поэтому официальные данные об оборотах пушных ярмарок всегда были заниженными и приблизительными.

Своеобразным экономическим интеграционным механизмом стала получившая широкое распространение на Севере в XIX — начале XX в. так называемая кредитная система, игравшая решающую роль в торговом обмене аборигенов и русских. Благодаря ей «инородцы» могли сдавать продукты промыслов на месте, получая взамен все необходимое. Раз в год, обычно в декабре, торговец производил расчет со своими партнерами: с одной стороны, учитывалась общая сумма долгов за год, т. е. стоимость набранного, с другой, — стоимость рыбы, ягоды, пушнины и других продуктов, принятых им за тот же срок. В зависимости от того, какая сумма оказывалась большей, торговец или выдавал им остаток или записывал долг в счет будущего года и снова открывал кредит. В меньшей степени от кредита зависели оленеводы, которым олени давали определенную экономическую независимость и мобильность. Более высокой была зависимость от кредита охотников в таежной зоне Оби, Енисея, Лены. Прочные системы зависимости сформировались в рассматриваемое время в рыболовстве. Крупные рыбопромышленники, арендовавшие угодья (пески) по Оби, обеспечивали своих клиентов-аборигенов необходимыми продуктами, платили за них ясак и казенные долги, выдавали орудия производства, поставляли соль, вывозя обратно рыбу.

Сдерживающим фактором освоения северных территорий выступал транспорт. Основная часть грузов и людей перевозилась по рекам. Судоходство (речное и морское) имело региональные особенности. Навигация в низовьях Оби, Енисея, Лены продолжалась примерно 100 суток в Заполярье, до 145 суток южнее. Болотистые, крутые, заросшие кустарником (согра) берега и огромные расстояния затрудняли использование в качестве тягловой силы бурлаков и лошадей. Тем не менее, транспортировка водой обходилась дешевле, чем по суше, особенно если грузы сплавлялись вниз по Оби, Енисею, Лене и их притокам. Суда-доставщики затем использовались в качестве строительного материала в Заполярье. Основным грузом вывозимым из низовий великих сибирских рек являлись ценные породы добываемой здесь рыбы (муксун, нельма, сырок, осетр, омуль и т.д.). К середине XIX в. относится начало пароходного движения в Обь-Иртышском бассейне, на Енисее и Лене.

В XIX в. был реализован последний крупный отечественный частно-государственный проект в парадигме промысловой колонизации Севера. Местом его осуществления стал не российский сектор Арктики, а принадлежащие Рос-

сийской империи земли на северо-западе американского континента. В июле 1799 г. император Павел I утвердил устав, говоря современным языком, закрытого акционерного общества (ЗАО) Российско-Американская компания (РАК), созданного по инициативе Г.И. Шелехова. Она получила существенные привилегии и монопольное право на эксплуатацию природных ресурсов Русской Америки, прежде всего пушного и морского зверя. Одновременно на объединение возлагалось управление русскими американскими колониями. Специфика компании заключалась в трех ее составляющих: купцы-промышленники, купцы-перекупщики и государство. Такая интеграция помогала хозяйствующему субъекту быстро сбывать меха, обеспечивала ускоренный оборот капиталов, давала высокую прибыль. Российское правительство, кроме того, гарантировало защиту интересов РАК в системе международных отношений.

Уставной капитал объединения на 1 января 1800 г. составил 2634536 руб. и состоял из 724 акций стоимостью 3638 руб. каждая. На службу в компанию приглашались морские офицеры в порядке откомандирования, в 1803 г она получила от государства кредит в размере 150 тыс. руб. на 8 лет. В том числе, в ее интересах организуется первая русская кругосветная экспедиция под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. За время своего существования РАК только на Командорских островах добыла 2,3 млн. шкур котиков, получив прибыль в 20 млн. руб.

Как выяснил А. Н. Ермолаев, «уставные документы, подписанные императором Павлом I в июле 1799 г., представляли собой узаконенные инициативы предприимчивых русских купцов». Уставы 1821 и 1844 гг. усиливали контрольные функции государства. Например, в нормативных документах перечислялись многочисленные обязанности РАК в отношении государства, русских подданных колоний, аборигенов и иностранцев. По сути дела акционерное общество трансформируется в полугосударственную структуру. «В 40-е гг. былая автономия компании практически ликвидируется, и правительство устанавливает более жесткий контроль за ее деятельностью». В конечном счете, «с течением времени интересы компании и интересы русского правительства расходятся, начинается противоборство, которое усугубляется тем, что государство стремилось поставить РАК под свой полный контроль». Эта борьба явилась главной причиной продажи колоний, а внешнеполитические и экономические факторы сопутствовали ей».

Сделаем предположение, что государство поставило крест на компании после того, когда она выполнила свою задачу по части добычи пушнины; и природные ресурсы на отведенной ей территории оказались исчерпаны. Переходить к качественно новому этапу освоения Аляски ни государство, ни РАК не были готовы. А о том, что российское правительство в 1840–1850-е гг. пыталось сохранить рентабельность монополистического объединения можно судить хотя бы по тому, что именно РАК было предоставлено монопольное право доставки морским путем китайского чая в Россию.

Кроме того, содержание социальной сферы колоний стало одной из важнейших причин экономических трудностей компании. В отличие от современной ситуации государство не разрешило хозяйствующему субъекту «сброс» социальной сферы и тем самым предопределило банкротство ЗАО, тесно связанного с

ним. Оно в 1860-х гг., в связи с изменениями на чайном рынке, в очередной раз оказалась в кризисной ситуации. Он мог быть преодолен, но из-за жесткой позиции российского правительства только усугубился и завершился ликвидацией объединения и решением о продаже Русской Америки.

К проблеме освоения Арктики на рубеже XIX-XX вв. обратился выдающийся русский ученый, уроженец Тобольска Д.И. Менделеев. Прозорливо в свете заявления президента РФ Д. А. Медведева в сентябре 2008 г.) о том, что одна из приоритетных на сегодня задач государства — превратить Арктику в «ресурсную базу XXI в.», он считал, что индустриальное освоение Азиатской России должно начаться с Северного Ледовитого океана.

HISTORICAL EXPERIENCE OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF ARCTIC REGIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND INCLUSION OF NATIVE ETHNOSES IN IT

M.V. Shilovskiy

The paper is devoted to problems of development of Arctic regions within wide time range, since the 11th century. The report submits the substantial review on Russian development of the Arctic territories that had been made a part of Russia in 17th — 18th centuries. The key ways of this development were huntings and trade as far as their main object was furs. There have been tracked forms and ways of trade management, its volumes and dynamics. The author allocates a number of stages and some social, economic, political factors corresponding to them, which defined Russia's concern about northern territories.

Keywords: ethnology, Arctic.

© 2009

Р.Э. Доэль

ВОЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ США В АРКТИКЕ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Доклад посвящен истории изучения Арктики в связи с проблемой глобального потепления в контексте стратегических интересов мировых держав, прежде всего США и СССР/России. Автор показывает наразрывную связь успехов в климатологии и океанологии в связи с задачами организации военной обороны и обозначает перпективы развития междцународных исследований в Арктике.

Ключевые слова: этнология, Арктика, холодная война.

В мае 1947 г., Ханс Альман (Hans Wison Ahlmann) прибыл в Соединённые Штаты из Швеции с лекцией о полярном потеплении. В течение 1930-х гг., Ханс Альман, профессор географии Университета Стокгольма, был заинтригован растущими свидетельствами о потеплении климата в полярных районах. Используя данные об отступающих ледниках в районах Арктики и Антарктики, Ханс Альман рассказывал аудитории в недавно основанном Геофизическом институте Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, что за последние десятилетия температура в Арктике выросла на пять градусов по Цельсию и называл эту цифру «огромной». Поскольку никто не знал причин этих изменений, Ханс Альман заявил, что в силу своей природы, «если районы Антарктики, покрытые льдом и основные снежники Гренландии будут таять теми же темпами, что и в настоящее время», океаны поднимутся «до катастрофического уровня. Люди, проживающие в низменных местностях вдоль берегов, окажутся в зоне затопления». На следующий день доклад Ханс Альман в Лос-Анджелесе появился на 23-ей странице New York Times, наряду с выраженной им надеждой, что «международная организация сможет сформировать условия, необходимые для изучения проблемы на мировом уровне. Это крайне важно».

О чём не было сказано в New York Times, и о чём, по всей видимости, не могли знать репортёры, что через месяц, 16 июня 1947 г. в Пентагоне состоялась секретная встреча, посвящённая проблеме таяния полярных льдов. На это собрание были созваны военные чиновники и ведущие учёные как часть Военного объединённого комитета по НИОКР (RDB). НИОКР (RDB) был учреждён по инициативе Исследовательского совета Национальной обороны и более влиятельных Бюро научных исследований и развития и двух агентств США, которые руководили научными разработками в ходе Второй мировой войны, в том числе и атомной программой. Послевоенный преемник влиятельного Комитета по новому вооружению и оснащению сумел преодолеть границы между академической наукой и военным делом и поощрял их тесное сотрудничество. Цель НИОКР (RDB) — сотрудничество гражданских учёных и военных — для того, чтобы определить сферы науки, значимые для обороны страны при появлении военной угрозы. Поскольку прямого субсидирующего органа не существовало, военные агентства, как правило, следовали рекомендациям НИОКР (RDB). Основной его миссией, таким образом, была оценка климатических изменений Земли, которые могли повлиять на национальную безопасность США, и возможность военных сил эффективно функционировать по всему миру.

Из сохранившихся записей неясно, говорил ли Ханс Альман лично с Комитетом географических исследований RDB или RDB обратились за консультацией к нему. Новости об открытии Ханс Альман, вероятно, рассказал его коллега, учёный -эколог Карл Густав Россби. К. Россби родился в Швеции и был учеником знаменитого норвежского метеоролога Вильгельма Бьеркнеса, после чего в 1928 г. переехал в США и основал метеорологический факультет в Массачусетсском технологическим институте и в университете Чикаго. В течение Второй мировой войны Карл Россби, ведущий метеоролог того времени, организовал ускоренную программу, по которой тысячи метеорологов обучались в соответствии с требованиями военного времени. Как и многие другие учёные, вовлечённые в военную деятельность на Западе, к 1945 г.

Карл Россби активно сотрудничал в профессиональном отношении с военными чиновниками, которые понимали важную роль науки в организации обороны. Карл Россби понимал, что развитие метеорологии и климатологии, а также других областей знаний по окружающей среде, выигрывает от продолжительной поддержки военных. Он и его коллеги осознавали важную роль документирования и интерпретации таяния полярных льдов, но ключевая проблема, с которой они столкнулись — это будут ли военные продолжать поддерживать научные исследования, или прекратят финансирование, как это было после Первой мировой войны.

Карл Россби привлекал внимание военных коллег к стратегическим последствиям таяния льдов. Он убедительно доказывал, что изменение арктического климата угрожает интересам национальной безопасности США. Карл Россби обратил внимание на то, что скандинавский рыбный флот промышлял рядом со Шпицбергеном с XVI в., а советские ледоколы стали намного легче ориентироваться в Северном Ледовитом океане. Эти перемены имели огромное значение. «Это могло стать результатом долгосрочных изменений климата в высокогорьях», говорил он, добавляя что «земли, сегодня не обитаемые, могут стать таковыми; а территории, ныне обитаемые, могут превратиться фактически в пустыни, если имеет место изменение циркуляции воздуха».

Ханс Альман сам придерживался подобной точки зрения, указывая на то, что вследствие потепления навигационный период на западном побережье Шпицбергена удлинился от трёх до восьми месяцев с начала XX в., а объём сельскохозяйственной продукции Советского Союза заметно вырос. Выводы Карла Россби убеждают во взаимосвязи климатических изменений и их военных, геополитических и стратегических последствий.

Чиновники Пентагона вскоре осознали значение изучения изменений полярного климата. Если ВМФ США «будет осведомлён о тех долгосрочных изменениях, которые должны произойти в полярных регионах», сказал один из капитанов 1-го ранга ВМФ, «мы сможем лучше понять перспективу климатических изменений и возможно, сможем извлечь выгоду для интересов национальной безопасности». Помимо этого вопроса, военные силы США были заинтересованы в Арктике по двум причинам. Первая — разработанная США оборонная стратегия времён холодной войны. Аляска имела общую границу с Советским Союзом (Сибирью), и самый короткий путь наведения советских ракет на города США лежал через Полюс. Учитывая эту потенциальную угрозу, Стратегическое авиационное командование США, организованное в 1946 г., запустило полёты B-29 вдоль северной границы Северной Америки. Воздушные суда САК (Стратегическое авиационное командование) несли атомное оружие и находились в состоянии боевой готовности на случай вторжения со стороны СССР. Но проблема патрулирования воздушных судов в холодных климатических условиях Крайнего Севера была новой для воздушных сил США. Для американских пилотов, облетающих бескрайние ледяные поля, это была terra incognita, пугающая своей пустотой и сложными поисками потенциальной помощи.

Вторая причина — это то, что к началу холодной войны военные лидеры США твёрдо уверились в том, что конфликт между США и СССР может про-

изойти в Арктике. Военные власти и один гражданский член RDB отмечали, что «поставлены в тупик и не понимают, как работать в подобных условиях». Более того, чиновники Пентагона и их гражданские научные советники к 1947 г. были осведомлены, о том, что Советы продвинулись в изучении Арктики гораздо дальше, чем американские эксперты. С начала XX в. советские исследователи снарядили множество экспедиций в Арктику, и первые высадились на устойчивом массивном ледяном покрове, известном в 1937 г. как ледяной остров, установив дрейфующие исследовательские станции; американские учёные, напротив, большей частью игнорировали данный регион.

Следствием растущего внимания было выделение климата Арктики в отдельную сферу исследования: в контексте климатических наук, граничащих с физикой и биологией. Уже к марту 1947 г., до того, как данные о таянии полярных льдов, собранные Г. Ахлманном достигли Пентагона, RDB предприняло шаги к организации своей «Группы по арктическому климату», ключевой задачей которой было привлечение военных агентств и гражданских учёных к изучению Арктики.

Подчёркивая необходимость получения «полезной информации об особых территориях, где ожидаются военные операции», лидеры RDB осознали потребность широкого спектра климатических исследований. В одной инструкции 1949 г. называются новые области для изучения: «снег, лёд и вечная мерзлота; транспортная проходимость покровов и склонов; картография и топография; изучение погоды и климатология; геофизические аспекты коммуникации и навигации». Другие инструкции расширяли диапазон климатических факторов, включая океан, лежащий под снежным покровом, особенно «океанография и гидрография территорий Арктического моря, в том числе Полярный бассейн, с особым вниманием к морскому льду, течениям, и температурно-солевым структурам» а также к «соответственным нанесениям на карты и графики».

С появлением напряжения времен холодной войны, вдали от Москвы и Вашингтона, Арктика стала объектом особого интереса. RDB сфокусировало внимание на двух системах вооружения, которые Пентагон предполагал сделать центральными в стратегии обороны и нападения США в ходе холодной войны: управляемые ракеты и подводные лодки. К концу Второй мировой войны военные проектировщики, установившие, что захваченные в Германии управляемые ракеты V-2, усиленные и усовершенствованные, могли быстро донести обычное и атомное орудие на далёкие расстояния, сделали их оружием первостепенной важности. Успешное использование управляемых ракет, однако, зависело от понимания сложного комплекса природных явлений. Точное планирование траектории управляемых ракет зависело от улучшенных геодезических и гравитационных измерений: надёжная информация и управление требовали понимания ионосферы и геомагнитных условий. Для точного наведения было необходимо знать взаимодействие океана и атмосферы, движение воздушных масс, верхнюю атмосферу и атмосферное электричество. Ни одна другая система вооружения не была связана с таким большим количеством наук об окружающей среде, и не оправдывала таких огромных вложений. Преодолевая огромные географические расстояния и пребывая в различных атмосферных условиях, управляемые ракеты подтолкнули военных лидеров к рассмотрению

географических наук с точки зрения общих, «климатических» изменений.

На самом деле, управляемые ракеты помогли развитию наук об окружающей среде в США в начале холодной войны. Почти такое же решающее значение имели подводные лодки, тактическое значение которых стало очевидно ещё во время Второй мировой войны. Подводная среда — топография морского дна, срединные и глубоководные течения, подробный химический состав вод — оставались малоизученными. Однако, американский геофизик В. Морис Эвинг, утверждал, что ведение подводных военных действий требует детального знания «океанографической окружающей среды надлежащего места». На точное определение местонахождения подводной лодки противника влияют океанские температуры, солёность, течения, подводная топография, отмечали военные океанографы Гордон Лил и Артур Максвелл, делая необходимым понимание «воздействия окружающей среды на распространение звука». Успехи СССР в создании подводных лодок, что отмечали другие члены RDB, определяют «особый военный интерес ко всей океанографической программе».

Таким образом, оценка климатических изменений стала объектом национальных интересов США в начале холодной войны. Однако климатология была только одной из наук об окружающей среде, изучение которых было направлено на поднятие престижа, положения, репутации, и прироста средств, а также на обеспечение работы исследовательских институтов ради их вклада в дело национальной безопасности. В 1961 г., через четыре года после запуска спутника, Пентагон заявил о своём «живом интересе к наукам об окружающей среде», поскольку «военные службы должны понимать, иметь возможность предвидеть и даже контролировать климатические условия места действия. Климатические условия, в которых могут находиться армия, ВМФ, ВВС, и морские корпуса, охватывают весь Земной шар, распространяются на глубину океана и достигают межпланетного космоса». Существует много того, что историкам — в России и на Западе — следует изучать сообща, для лучшего понимания изменений концепций Арктики в XX в.

MILITARY INTERESTS OF THE USA IN ARCTIC REGIONS: BACK TO THE HISTORY OF COLD WAR

R.E. Doel

The paper is devoted to a history of studying Arctic regions in connection with a problem of global warming in a context of strategic interests of world powers, first of all the USA and USSR / RUSSIA. The author shows indissoluble linkage of successes in climat science and oceanology in connection with problems of the organization of military defense and designates perspectives of development on international researches in Arctic regions.

Keywords: ethnology, Arctic, Cold War.

© 2009

Ю.А. Лайус

ЛЬДЫ НА СЕВЕРЕ И НА ЮГЕ: РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРКТИЧЕСКИХ И ГОРНЫХ РАЙОНОВ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ

Доклад посвящен истории изучения Арктики в СССР в 1930-е гг. Стратегию полярных экспедиций определяла идея широкого междисциплинарного изучения природы арктических районов в их сравнении с горными областями Средней Азии и Сибири. Автор показываетроль международных контактов в этих исследований и подчеркивает необходимость их дальнейшего изучения в том числе в антропологическом контексте.

Ключевые слова: этнология, Арктика.

Карл Вайпрехт, австрийский исследователь Арктики, чьи идеи лежали в основе программы Первого международного полярного года (МПГ) 1882-1883 гг. писал в 1875 г., что: «Ключ ко многим секретам Природы... несомненно, нужно искать около полюсов». Таким образом, уже ко времени Первого полярного года изучение природы Арктики было осознано как необходимость для углубления понимания природы Земли в целом. Вайпрехт критиковал чисто спортивный подход к освоению полярных районов, так называемую «войну флагов», и призывал к международному сотрудничеству в изучении Арктики и Антарктики для пользы всего человечества.

В 1947 г. Ханс Альман, шведский исследователь Арктики, выступил на совещании в Пентагоне, где он на основании результатов многолетних исследований арктических ледников, сделал важнейшее заявление о потеплении климата Земли. Таким образом, интенсивные исследования Арктики, проводившиеся в течение почти 75 лет - от идей Вайпрехта до заявления Ханса Альмана - принесли свои плоды. И, если в настоящее время интерес к проблеме климатических изменений и их роли в развитии человеческой цивилизации становится повсеместным среди археологов, антропологов и историков, то также, на наш взгляд, заслуживает всеобщего внимания и история изучения этих проблем, которая может прояснить процесс накопления этих знаний, и на основе знания которой их использование может стать более осмысленным и критическим.

Важнейшим этапом этого долгого 75-летнего пути, несомненно, был второй международный полярный год (1932-33 гг.), идея проведения которого была озвучена в 1926 г., но библиография и обзор основных результатов были опубликованы только в 1950-е гг. - как раз к началу планирования Международного геофизического года (МГГ). В настоящем сообщении рассматриваются советские исследования периода второго МПГ, в основе которых лежала идея о необходимости широкого междисциплинарного изучения природы полярных районов страны в их сравнении с другими районами, в первую очередь горными областями Средней Азии и Сибири.

Начиная разговор о международной кооперации в науке 1920-х гг., необходимо подчеркнуть особенную важность советско-немецких контактов. Сближе-

ние с Германией, находившейся подобно СССР в политической изоляции, являлось характерной чертой международной научной политики нашей страны в 1920-е гг.. Очевидно, что включение СССР на ранних этапах в подготовку проведения второго МПГ произошло во многом благодаря тесным советско-германским научным связям. Первоначальное обсуждение планов организации второго МПГ происходило среди членов международного общества «Аэроарктик», целью которого было развитие исследований Арктики с помощью воздушных средств (дирижаблей и самолетов). Немецкие и советские ученые составляли ядро общества, причем среди советских ученых многие были выпускниками германских университетов, легко возобновившими научные контакты с Германией, когда это стало возможным. Таким образом, можно утверждать, что подготовка Второго МПГ началась среди членов одного и того же научного сообщества, разделенного политическими границами.

Развитию контактов и возникновению совместных проектов способствовало празднование 200-летнего юбилея АН СССР в 1925 г., на которое приехали около тридцати немецких ученых. Именно здесь Х. фон Фикер, директор Метеорологического института в Берлине и управляющий германской группой общества Аэроарктик, встретился с управляющим делами Совнаркома Н.П. Горбуновым, химиком и альпинистом. Рассказы фон Фикера о Памире, который он исследовал в составе немецкой экспедиции 1913 г., переросли в обсуждение проекта совместной советско-германской Памирской экспедиции. В эти же годы шла подготовка и осуществление советско-германских океанографических исследований в Баренцевом море.

В научный совет Памирской экспедиции вошли представители АН, в том числе А.Е. Ферсман, возглавлявший Комитет по экспедиционным исследованиями АН, а в 1929–1930 гг. руководивший Комитетом по подготовке второго МПГ в составе Полярной комиссии АН. Памирская экспедиция была успешно осуществлена в 1928 г., советской группой руководил Н.П. Горбунов, его заместителем по научной части был Д.И. Щербаков, будущий академик-секретарь АН по отделению геолого-географических наук (1953-1966 гг.), много сделавший как для изучения геологии горных районов Средней Азии и Сибири, так и для координации арктических и антарктических исследований в период подготовки и проведения Международного геофизического года.

В экспедиции в качестве альпиниста принимал участие математик О.Ю. Шмидт. Именно работа в этой экспедиции круто изменила судьбу О.Ю. Шмидта: он заинтересовался геофизическими исследованиями и с 1929 г. начал участвовать, а затем и руководить экспедициями в Арктику. Он стал директором Арктического института и героем-полярником. В рамках подготовки и проведения второго МПГ Памирская экспедиция была преобразована в Таджикско-Памирскую и уже без участия немецких ученых продолжала комплексные исследования Памира под руководством Н.П. Горбунова до 1936 г., результаты которой составили шесть томов.

Советская программа исследований в рамках второго МПГ отличалась от программ других стран, сфокусированных главным образом на метеорологических и геофизических исследованиях, тем, что в нее вошла широкая программа океанографических исследований и специальная программа по исследованию

ледников, разработанная Комиссией под руководством Н.П. Горбунова. Ледники рассматривались как важнейший объект для изучения климатических изменений.

Изучение ледников в горах Средней Азии и Сибири было признано необходимым для сравнения с процессами льдообразования на арктических островах и в арктических морях. Общей задачей было осуществление двукратного (в начале и в конце полярного года) фиксирования состояния ледников с целью уловить их динамику в связи с общим состоянием атмосферы. Для проведения исследований в рамках второго МПГ СССР было оборудовано и построено более ста станций. Главная часть станций охватила Полярный бассейн кольцом, замыкаясь цепью высокогорных станций, расположенных на горных хребтах, опоясывающих с юга Сибирскую и Русскую равнины. Самая северная на тот момент станция в мире была открыта на Земле Франца-Иосифа, а самая высокогорная на леднике Федченко, описанном Памирской экспедицией 1928 г. Две уникальные сконструированные П.А. Молчановым метеостанции были поставлены также соответственно на Земле Франца-Иосифа и на Памире. Последняя была установлена Н.П. Горбуновым на склоне пика Сталина (с 1962 по 1998 гг. — пик Коммунизма, с 1998 г.- пик Исмаила Самани) в ходе рекордного восхождения на пик в 1933 г.

Изучение динамики морских льдов Арктики и горных ледников оставалось в центре внимания ученых и после завершения второго МПГ. Так, в 1934 г. один из руководителей Всесоюзного Арктического института Р.Л. Самойлович пригласил приехать в Ленинград шведского исследователя ледников Шпицбергена и Гренландии Ханса Альмана. С этого времени Альман практически постоянно находился в контакте с советскими учеными, и после войны неоднократно приезжал в СССР. История этих контактов и роль Ханса Альмана в международном обмене информацией в области гляциологии в настоящее время изучается нами совместно с проф. Сверкером Сорлином в рамках международного проекта «Бореас».

Несомненно, что исключительный успех советской части МПГ был основан как на широкой международной кооперации ученых, характерной для первого этапа его подготовки, так и на серьезных государственных инвестициях (как организационных так и финансовых). Трагическая судьба многих лидеров полярных исследований, репрессированных в конце 1930-х гг., так же как и нараставшие трудности публикации результатов самым серьезным образом повлияли на дальнейшее развитие полярных и гляциологических исследований. Политика засекречивания и жесткого государственного регулирования привела к тому, что многие важные открытия и обобщения, сделанные советскими учеными, остались практически неизвестными мировому научному сообществу. Таким образом, произошла потеря приоритета и разрыв в накоплении знаний. Тем не менее, традиции сохранялись. В период МГГ 1957-1958 гг. на переднем крае находились ученики тех, кто разрабатывал и осуществлял программу второго МПГ.

В заключение необходимо кратко обсудить основные общие черты полярных и высокогорных исследований периода второго МПГ, что важно также для определения направлений дальнейших исследований:

Для исследований того времени было характерно сочетание стационарных и экспедиционных исследований, а также междисциплинарность, заключавшаяся в поисках подходов к интегральному изучению природной среды.

Исследования во многом базировались на успехах 1920-х гг., в том числе на результатах международного сотрудничества, главным образом с немецкими и скандинавскими учеными. Возможности для создания исследовательской инфраструктуры, появившиеся в связи с участием СССР в МПГ, были использованы для будущего развития: для открытия станций и организации долговременных экспедиций, для обучения студентов и разработки новых приборов.

Очень важной была роль специалистов, обеспечивавших работу ученых: альпинистов, военных, шоферов, летчиков, капитанов и пр. При этом, несомненно, большую роль в этих исследованиях играла романтика покорения и спортивный азарт. Также важно, что исследования проводились в тесном контакте с местными жителями полярных районов. Эта тема до сих пор остается мало изученной. Так, С. Сорлин убедительно показал важность таких контактов для исследовательской деятельности Ханса Альмана в Исландии и на севере Швеции, где местные жители играли важнейшую роль при экспедиционных исследованиях и в обслуживании полярной станции.

Для ученых и научной политики того времени была характерна устремленность на расширение «обитаемого мира», исследование труднодоступных районов, нанесение на карту новых географических объектов. Научное освоение труднодоступных районов может рассматриваться как продолжение фронтирного расселения и колонизации.

ICE IN THE NORTH AND IN THE SOUTH: THE RUSSIAN RESEARCHES OF THE ARCTIC AND MOUNTAIN AREAS IN VIEW OF THE INTERNATIONAL COOPERATION

Yu.A. Lajus

The paper is devoted to a history of studying of Arctic regions in the USSR in 1930-s. Strategy of polar expeditions was defined with an idea of wide interdisciplinary studying of the nature of the Arctic areas in their comparison with mountain areas of Central Asia and Siberia. The author shows the role of international contacts made within these researches, he also emphasizes the necessity of their further studying including anthropological context.

Keywords: ethnology, Arctic.

© 2009

А.В. Головнёв

КУЛЬТУРЫ БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В докладе дается обосновывание деления циркумполярной области, включающей Арктику и Субарктику, на пять устойчивых этнокультурных ареалов и ракрывается вклад сообществ Северной Евразии в ее освоение. Северная Евразия в системе социальных и культурных связей была создана подвижными культурами открытых пространств. В судьбе России пересекались норд-русская (новгородская) и орд-русская (московская) традиции. Эти традиции, по мнению автора, до сих пор определяют соотношение российского гражданства и русской этничности, централизма и регионализма.

Ключевые слова: этнология, Крайний Север.

По стилю движения и адаптации культуры разделяются на локальные (local culture) и магистральные (long-range culture). Культура, основанная на экоадаптации и сосредоточенная на конкретном экотопе, может быть названа локальной; культура, охватывающая большое пространство, связывающая собой несколько локальных культур и использующая их ресурсы, — магистральной. Локальная культура осваивает биоресурсы, магистральная — социоресурсы. Магистральная культура всегда подвижнее локальной, поскольку она вырастает на преимуществе в движении и развивает технологии мобильности в конкуренции с культурами-соперницами. При статусном превосходстве магистральной культуры локальная обладает устойчивостью и живучестью благодаря непосредственной связи с землей и ее ресурсами. Главную роль в посредничестве играет военно-политическая, религиозная или торговая элита, объединяющая своей активностью локальные культуры и создающая тем самым новые пути контактов и взаимоотношений. Язык магистральной культуры становится, как правило, вторым языком локальных групп; нередко то же самое происходит с культом и системой власти. Посредством торговли, религии, войны, политики, экономики магистральная культура колонизует локальные сообщества и создает социальную иерархию. Любое взаимодействие сообществ — прежде всего диалог их элит, агентов управления. Сохраняя власть над базовой локальной нишей, элита может подчинить соседние группы, усложнив и пространственно расширив свою управленческую функцию. К числу магистральных культур севера Евразии в поздней праистории и истории относятся прежде всего мобильные культуры открытых пространств — степных, морских и тундровых кочевников (древних тюрок, монголов, северных германцев, эскимосов-туле, ненцев, якутов).

Если на юге Евразии развивались сложные иерархизированные промыслово-производящие схемы с весомой долей растительноядности, то на севере доминировали охотничьи схемы с преобладанием плотоядности. Южане разрабатывали интенсивные стратегии, приближавшие их к неолитической/городской

революции, тогда как северяне развивали прежние экстенсивные стратегии, толкавшие их к колонизации новых земель. Освоение Арктики было пиком миграционно-адаптационной стратегии, сопоставимым по уровню с успехами оседло-адаптационных стратегий Юга. Кочующий Север в то время развивал технологии движения, тогда как оседающий Юг совершенствовал мастерство в освоении обжитого пространства в формах земледелия, домостроительства, гончарства.

В освоении Северной Евразии древние охотники достигли необитаемых ныне высоких широт. Археология острова Жохова (76° с.ш., Восточносибирское море, архипелаг Де-Лонга, среднеиюльская температура 0° С) показывает, что 8,5 тыс. л.н. жители Арктики преодолевали громадные расстояния, охотясь на северных оленей и белых медведей. По аналогии с пещерными медвежатниками палеолита можно допустить, что жоховские люди были умудренными медведеведами и умелыми медведеводами. Причина дальних сезонных рейдов состоит не в скудости биоресурсов или перенаселенности Яно-Индигирской низменности. Насыщенность Жоховской стоянки медвежьими останками (с присутствием человеческих), реконструируемые приемы промысла наводят на мысль о сложном диалоге человека и зверя, выходящем за рамки гастрономических интересов.

Образ человеко-медведя, переданный в найденной на памятнике скульптуре и просматривающийся в деятельностной схеме жоховского охотника, соответствует древней мифогероике, согласно которой дальние походы и медвежьи ристалища были обусловлены не столько хозяйственными нуждами, сколько идеей уподобления человека могучему зверю, включая его дар освоения северных пространств.

Возможно, Жоховская стоянка открывает картину адаптации, когда охотники каменного века вырабатывали схему «хозяина Арктики». Все циркумполярные культуры созданы охотниками-мигрантами каменного века, хранившими традиционные мотивы-действия палеолита: контроль над большим пространством, схемы «зверя» и «пастыря». Мобильные и «хищные» группы охотников, осваивавшие Север, не только по экономической нужде, но и по характеру деятельности были способны добраться до Америки, «Земли Санникова» и пуститься в рискованное плавание по холодному морю. Циркумполярный мир был образован не одной культурой, а несколькими, и механизм его существования изначально состоял во взаимодействии разных культур.

Циркумполярная область, включающая Арктику (тундру) и Субарктику (бореальные леса), с древности делилась на пять устойчивых этнокультурных ареалов: нордический палеогерманский на севере Европы, палеоуральский на севере Восточной Европы и Урала, восточносибирско-палеоазиатский на северо-востоке Азии, палеоэскимосский в Арктике от Берингоморья до Гренландии и палеоиндейский в лесной полосе Северной Америки. Морские и тундровые кочевники, связавшие своим движением пространство Арктики, более всех повинны в создании призрака циркумполярной культуры, который будоражит умы исследователей многих поколений. Покорение Арктики викингами и эскимосами-туле случилось на пике длительного развития северной мореходной культуры в условиях кратковременного потепления VIII–XI вв.

Природа открыла ледовые шлюзы, и вслед за отступившими льдами в Арктику из Атлантики и Пацифики стремительно ворвались морские кочевники. Выйдя в высокие широты, они, подобно взрывной волне, раскатилась по всей Арктике: викинги от Лабрадорского моря на западе до Карского на востоке, эскимосы от Гренландии на востоке до Колымы на западе.

Берингийские китобои культуры пунук–туле жили в крупных селениях и при этом мигрировали на огромные расстояния, подобно «оседлым кочевникам» Скандинавии. Основательность жилищ эскимосов пунук и туле указывает не столько на оседлость, сколько на вкус к монументальным сооружениям из китовых костей, а обилие остатков жизнедеятельности свидетельствует скорее об эпизодической избыточности культуры, чем ее экономной сбалансированности. Археология показывает бурный рост вооруженности в эпоху пунук–туле. Охота на кита сродни морскому сражению и рождает идеологию господства над стихиями и пространством, легко переносимую на общественные отношения. Промысловая экспедиция китобоев, насчитывавшая от 3 до 8 байдарных команд (30–70 мужчин), при случае превращалась в военную или пиратскую флотилию. По-видимому, дальние рейды за мигрирующими китами носили не только и не столько промысловый, сколько военно-колонизационный и торговый характер. Одним из памятников этой культуры является Китовая Аллея на острове Ыттыгран. Отсутствие на острове памятника-поселения указывает на то, что Китовая Аллея создана не оседлыми жителями, а морскими кочевниками, для которых море было не преградой, а торной дорогой. Китобои могли использовать лежащий на перекрестке путей остров как базу разделки и хранения добытых поблизости китов, а также как места торжища и ритуалов.

На Пегтымельской галерее петроглифов культура пунук–туле представлена сюжетами морской охоты и промысла дикого оленя. Возможно, у скал Пегтымеля проводились празднества и ритуалы, связанные с завершением летних промыслов на море и на суше. Именно в стиле диалога морских и речных охотничьих историй читается череда сцен промысла китов и оленей на наскальных рисунках. Арктические эскимосы-мореходы создали обширную сеть колоний, вовлекая в торговые, военные и брачные отношения местных жителей, от предков юкагиров и чукчей на западе до групп бирнирк и дорсет на востоке. Не исключено, что на Чукотке, как и в самоедских тундрах, арктические мореходы вызвали движение континентальных охотников, послужившее толчком к развитию военно-торгового и транспортного оленеводства.

Крупнейшие очаги арктического оленеводства, саамский, ненецкий и чукотский, находились в непосредственных связях с центрами морской культуры: тундры саамов и ненцев примыкали к «северному кольцу» викингов, тундры чукчей — к морским путям эскимосов-туле. Оленные кочевья начинались там, где кончались морские, и были их сухопутным продолжением, обеспечивая торговые контакты между отдаленными территориями. Некоторые поведенческие характеристики буквально роднят кочевников моря и тундры. Как некогда викинги захватывали друг у друга корабли, считая власть над морем залогом господства на земле, так за оленьи стада сражались со своими соседями ненцы, сознавая, что именно олени дают ключ к обладанию тундрой. Тех и других оседлые жители сел и городов называли пиратами и разбойниками. Те и другие

славились необычайной подвижностью и воинственностью. Возможно, мореходы пробудили в тундровых охотниках вкус к торговле и войне, который со временем дал рост новой кочевой культуре (стартовой площадкой крупностадного оленеводства было использование домашних оленей в качестве товара и транспорта, в том числе для стремительных военных набегов на «боевых нартах»). Эпоха морских кочевников в Арктике сменилась эпохой тундровых кочевников.

С момента становления кочевничества оленеводы пускались в дальний путь не столько вслед за своими стадами, сколько в направлении селений промысловиков, имея в виду то торговлю, то грабеж. В свою очередь промысловики видели в оленеводах то угрозу, то выгоду, но всегда — посредничество в тундровых связях. Своими кочевьями самоеды связали бьярмов Европы (северных пермян), арктических промысловиков (*сихиртя*), восточных гыдано-таймырских охотников энцев (*мандо*) и нганасан (*тавги*), многочисленные локальные группы обитателей тайги (*хаби*), включая предков манси, хантов, селькупов, кетов. Главным признаком воздействия магистральной самоедской культуры было повсеместное распространение ненецкого оленеводства — по тундрам от Белого моря до Таймыра, а также в северной тайге.

Северная Евразия в системе социальных и культурных связей создана подвижными культурами открытых пространств, прежде всего кочевников морей и степей. В судьбе России эти пути пересеклись в виде норд-русской (новгородской) и орд-русской (московской) традиций. Подобно викингам на море, монголы в степи развернули гигантскую социальную сеть, основанную на той же триаде война–дань–торг, только доля торговли в ней была ничтожна в сравнении с военно-данническим промыслом. Монгольская культура больших пространств пересекла своими магистралями всю срединную Евразию, захватив на окраинном западе Нижнюю Русь в качестве локальной культуры. На стыке монгольской (ордынской) и нижнерусской культур сформировалась новая, московская (по названию ее форпоста) культура, основанная на жестком централизме власти и военно-данническом промысле.

Норд-русская традиция не пресеклась с разгромом Новгорода. По природе не нуждающаяся в крепкой столице, она распространилась по Северу Евразии, особенно ярко отобразившись в культуре русских поморов. Деятельностная схема орд-русской традиции, немыслимая без мощного центра и основанная на административно-налоговом промысле, реализовалась в создании иерархической структуры «малых копий» Москвы. Противостояние этих традиций — нордизма и ордизма — до сих пор отзывается в конфликтах российского гражданства и русской этничности, централизма и регионализма. Впрочем, можно вести речь и об их срастании в синтетическую русскую культуру в широком спектре ее вариаций. Именно сдвоенная магистральность русской культуры, вобравшей в себя традиции нордизма и ордизма, а также славянскую локальную адаптивность, стала двигателем эпохальной экспансии, приведшей к образованию России и до сих пор сохраняющая ее на просторах Северной Евразии.

CULTURES OF THE BIG SPACES OF NORTHERN EURASIA

A.V. Golovnyov

The paper gives grounds on divisions of the Circumpolar area including Arctic regions and Subarctic region, in five steady ethnocultural areas and reveals the contribution of communities of Northern Eurasia to its development. Northern Eurasia has been created by mobile cultures of open spaces in system of social and cultural connections. Destiny of Russia crossed the northen - Russian (Novgorod) and the horde — Russian (Moscow) traditions. These traditions, in opinion of the author, till now determine the ratio of the Russian citizenship and Russian ethinic origin, centralism and region unity.

Keywords: ethnology, Circumpolar North.

© 2009

М. Лавенто

СААМСКАЯ ХИЖИНА В ЛОВОЗЕРО (КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ): АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В докладе вводятся в научный оборот материалы исследовательского проекта «Дом, очаг и хозяйство на Крайнем Севере» («Home, Hearth and Household in the Circumpolar North»/ «HHH»). Анализируя результаты раскопок на Кольском полуострове, автор прослеживает развитие саамского жилища с древности до XVIII в.

Ключевые слова, Крайний Север.

«Дом, очаг и хозяйство на Крайнем Севере» («Home, Hearth and Household in the Circumpolar North»/ «HHH») — это исследовательский проект, выполненный в сотрудничестве с норвежскими, финскими и российскими археологами в 2007-2009 гг. Главная цель проекта — исследование малоизвестных периодов поселений саамской культуры по всей северной территории саамского региона. Раскопки проводились на стоянках, которые предварительно были датированы IV-XVII вв. н.э. Основное внимание отводилось изучению последнего периода железного века и времени существования зимних деревень. Всего на различных стоянках было раскопано более десяти жилищ-полуземлянок. Планировалось получить данные о структурах поселений на стоянках, об образе жизни и об использовании внутреннего устройства построек. Важной частью данного проекта было исследование изменений, произошедших со временем во внутреннем пространстве жилищ.

Большинство полевых раскопок проводились в северной части Финской Ла-

пландии, в Финнмарке, в северной Норвегии в течение сезонов 2007-2008 гг. Кроме того, раскопки проводились в центральной части Кольского полуострова в 2008 г.

Целью данной презентации является описание раскопок, проводимых на Кольском полуострове летом 2008 г, где изучалось домашнее хозяйство древнего населения региона. Демонстрация материалов раскопок и полевых наблюдений поможет нам в исследовании хижин, которые строятся и используются с начала нашей эры. Нашей целью является исследование поселений и поселенческой структуры на острове, поскольку железный век саамов и ранний исторический период их существования до сих пор плохо освещены.

В самой северной части Фенноскандии и на Кольском полуострове железный век саамов представляет собой спокойный и археологически малоизученный период приблизительно с 300 г. н.э. до 1500 г. н.э., прежде всего в условиях острова. Известно очень немного стоянок и находок. Вполне очевидно, что на протяжении всех этих веков район был обитаем, но данные, которыми располагают исследователи, очень скудны.

До 300 г. н.э. местная керамика двух типов маркировала площади поселений и распределение территорий указанных типов, сконцентрированных в северной части Фенноскандии. Далее производство керамики постепенно угасло. Самая большая проблема заключается в том, что на островене не было найдено и построек, которые могли бы указывать на популяции саамов. Поэтому интерпретация данного периода весьма затруднительна. На арктическом побережье ситуация немного отличается. Здесь в период примерно с 300 г. н.э. до 1500 г. н.э. известны как отдельные находки, так и жилые стоянки. Преемственность поселений очевидна, но даже для данного времени археологического материала найдено меньше, чем в предыдущий, доисторический, период. Период, предшествующий железному веку саамов, очень важен, поскольку именно в этот временной промежуток появились ранние формы саамской культуры, археологические и лингвистические.

Малое количество археологического материала можно объяснить тем, что стоянки, по существу, незаметны. К тому же, большинство из известных саамских прибрежных стоянок настолько малы, что найти адекватные параллели среди других стоянок острова очень сложно. И поэтому сложно понять островную саамскую культуру.

Наиболее спокойный период на острове — это IV–VIII вв. н.э. В IX в. поселения стали заметными, по крайней мере, до определённой степени. Однако артефакты и структуры имеют общий характер и какие-либо отдельные черты саамских поселений не могут быть выделены. На жилых стоянках очень сложно увидеть форму нижней части жилого помещения, но обнаружены определённые следы, по которым можно сказать, что это было действующее поселение. Единственной отличительной чертой обычно является прямоугольный очаг. Очаги можно датировать 14 С методом, но остатков каких-либо других структур, заметных при раскопках, было очень немного. В археологических отчётах ничего не говорится об остатках стен. Типы артефактов бедны и не особенно разнообразны, находки трудно датировать. Имелись железные предметы, но, по всей видимости, дерево и кость вполне могли использоваться в качестве сырья

вместо металла при изготовлении повседневных орудий. Из железных предметов были найдены ножи, наконечники и несколько топоров.

С XIV в. н.э. саамы в Фенноскандии начали оставаться в деревнях на зимний период. Зимние деревни хорошо известны археологам и количество доступного для изучения материала заметно возросло. С этого времени жилые стоянки хорошо прослеживаются в регионе. Хижины имели песчаные стены и уже можно различить их внутреннюю структуру над поверхностью. Были обнаружены несколько стоянок данного типа и поэтому они известны намного лучше.

Одна из стоянок расположена на севере озера Ловозеро. Проводя раскопки, мы надеялись получить материал для сравнения. Однако, хотя в Скандинавии и проводились раскопки нескольких саамских стоянок, на Кольском полуострове известных стоянок очень мало, а раскопок проводилось ещё меньше. С начала железного века саамские популяции жили в районе, который простирался с восточной части Кольского полуострова до центральной Скандинавии. Очевидно, что они никогда не составляли какую-либо гомогенную группу, но некоторые культурные особенности чрезвычайно интересны. Саамы связаны с финно-угорским сообществом. Раньше они занимались охотой и рыбной ловлей, а с XIX в. н.э. — рыбной ловлей и разведением оленей.

Очень много археологических стоянок вокруг озера Ловозеро. Однако в большинстве случаев поселения датируются ранее железного века. Поэтому, в данном регионе по «HHH» - проекту была проведена недельная разведка в 2007 г. Нашей задачей был поиск неизвестных до настоящего времени стоянок, которые можно датировать саамским железным веком или историческим временем. Разведка прошла удачно, и мы нашли соответствующие материалы. На одной из этих новооткрытых стоянок в 2008 г. мы провели раскопки. На песчаной площадке были найдены несколько относительно небольших жилищ-полуземлянок. При раскопках их площадь оказалась не больше 6х6 м.

В этой презентации поставлена цель продемонстрировать результаты раскопок. Полевой отчёт составлен начальником полевой экспедиции А.И. Мурашкиным (Санкт-Петербургский государственный университет). Исследованная стоянка называется Царврин (Иavrin).

Согласно нашим наблюдениям, полуземлянка использовалась в течение более чем одного периода. Выделено, по меньшей мере, две отдельные фазы поселения. Ранняя фаза, на основании керамики, была предварительно датирована началом нашей эры. Самое большое скопление керамики известно в Финнмарке, в самых северных районах Финляндии и Швеции. На Кольском полуострове обнаруженный тип керамики известен только на нескольких стоянках.

Вторая фаза поселения в Царврине датируется историческим периодом. Судя по наличию свинцовых пуль, это может быть XVII-XVIII вв. Согласно хронологии, стоянка, по-видимому, существовала также и в «спокойный» период. Самый обширный материал, найденный на стоянке — это кости животных, но применить 14 С метод не представляется возможным. Поэтому хронология может отличаться от той, что мы предположили на основе артефактов и исторических документов в ходе полевых работ.

Одна из центральных исследовательских задач — провести сравнение полуземлянок с известными образцами Северной Норвегии и Северной Финлян-

дии. Хорошую отправную точку для сравнения можно найти в этнографических и антропологических исследованиях, проводимых в Финской Лапландии и в регионе Петсамо вдоль реки Паз (Патсойоки) в начале XX в.

В это время охота и рыбалка из жищзни саамов уже были вытеснены оленеводством; распространился кочевой образ жизни. Описание хижин и укрытий стало важным источником информации, к которому обращаются археологи, интерпретируя раскопанные остатки жилищных построек.

Согласно этнографическим наблюдениям, хижины и другие жилищные постройки возводились обычно в соответствии с нуждами, временем года и характером деятельности. Археологи вполне могут обнаружить постройки в местах охоты и в местах сбора плодов и кореньев. Постройки со стенами были обнаружены и раскопаны в зимних деревнях, датируемых приблизительно XIV-XVII вв. Жилища-полуземлянки, отмеченные при проведении археологической разведки, напоминают хижины, которые строили для зимнего использования. Поэтому их, возможно, также следует отнести к периоду зимних деревень. В целом, Царвин — одна из первых раскопанных стоянок на территории датированной саамским периодом, и работу здесь необходимо продолжить.

LAPPISH HUT IN LOVOZERO (THE KOLA PENINSULA): ANTHROPOLOGICAL ASPECT

M. Lavento

The paper presents materials of the research project “Home, Hearth and Household in the Circumpolar North ” / “HHH”). When analyzing the results of excavation on the Kola Peninsula, the author traces development of Lappish dwelling from an antiquity till the 18th century.

Keywords: ethnology, Circumpolar North.

© 2009

А.В. Бауло

СОКРОВИЩА ВОСТОКА НА СВЯТИЛИЩАХ СЕВЕРА

Анализируя причины, пути и содержание импорта восточного серебра на Обском Севере, автор выявляет специфическую роль иноэтничных атрибутов в формировании мифологических представлений и изобразительных канонов аборигенного населения на протяжении второго тысячелетия н.э. На примере культовой атрибутики в статье раскрываются способы заимствований, которые осуществлялись уграми Сибири в контексте глобального культурного диалога Севера и Юга.

Ключевые слова: этнология, археология, восточный импорт, Сибирь

На рубеже XX–XXI вв. русскоязычному исследователю традиционных культур Северо-Западной Сибири предоставлено не так много возможностей для работы. Процесс разрушения духовной культуры коренных народов региона зашел достаточно далеко, связь между поколениями, которая некогда выражалась в передаче знаний, умений и навыков, во многом оказалась утраченной. Стройность и системность религиозного мировоззрения обских угров уменьшилась. Носители культуры (в большей мере это относится к представителям старшего поколения), на памяти которых происходило неоднократное преследование «приверженцев культов», по-прежнему закрыты для посторонних.

Исследователю остается немного: сами атрибуты культа. Их можно фиксировать, описывать, анализировать. Представляется, что культовый атрибут является наиболее устойчивым стержнем обряда как концентрированного выражения религиозно-мифологических представлений. Каноничность его формы и способа изготовления оставляет минимум свободы для творчества. Таким образом, атрибут на протяжении достаточно большого исторического периода остается неизменной частью обряда.

Среди культовых атрибутов многих народов мира выделяются изделия из металла. Благодаря устойчивости ко времени они сохраняют свое центральное место в обрядовых системах на протяжении столетий.

Для обских угров речь идет о специфической роли иноэтничных атрибутов, с одной стороны — в формировании мифологических представлений и изобразительных канонов, с другой — в поддержании устойчивости мифа и обряда на протяжении всего второго тысячелетия н.э. На примере культовой атрибутики, имеющей привозной характер, можно увидеть способы заимствований, которые осуществлялись на севере Западной Сибири в контексте местной мировоззренческой традиции.

Накопление в последние годы фактического материала, полученного автором в результате экспедиций к северным хантам и манси, позволяет более подробно рассмотреть проблему культурных контактов на севере Западной Сибири на примере культовой атрибутики.

История восточного серебра на Урале и в Нижнем Приобье насчитывает более одной тысячи лет. С VI–VII вв. в Верхнее Прикамье стали проникать среднеазиатские купцы, которые вывозили с Севера моржовые клыки, ловчих птиц и меха. Через Прикамье на рубеже VII–VIII вв. в торговые связи с югом стало втягиваться и Приобье. Западное направление связей в это время было единственно возможным для Зауралья: на юге, в степях, сложилась неспокойная обстановка, одна кочевая империя сменяла другую. На Западе же действовал торговый путь по Волге. Через ответвление этого пути в Прикамье за Урал проникало основное количество восточного серебра.

Ввиду особой ценности и «священности» белого металла серебряные изделия чаще всего попадали на сибирские языческие святилища, где продолжали свою жизнь в качестве ритуальных атрибутов. В XX в. восточные блюда и статуэтки впервые были зафиксированы в действующих святилищах обских угров в Нижнем Приобье. Так одним из главных атрибутов мансийского святилища в конце XIX – первой трети XX вв. была серебряная статуэтка слона VII–VIII вв. Слон охранял вход в священный амбарчик, его фигура была покрыта платками,

на бивнях слона были надеты серебряные и медные кольца.

Домашним духом-покровителем хантыйской семьи является серебряная статуэтка девушки с головой антилопы в руках. В дествительности это фигурный серебряный ритон, изготовленный в Средней Азии в VIII–IX вв. Фигурка завернута в несколько платков, поверх которых надета миниатюрная шубка из оленьего меха. По праздникам ей подносят рюмку водки, «кормят» и обращаются к ней с просьбами о помощи и благополучии для членов семьи.

Серебряное блюдо со сценой осады крепости (Средняя Азия, VIII–IX вв.) хранилось в качестве одного из главных фетишей на одном из святилищ манси недалеко от поселка Верхнее Нильдино (Нильдинское блюдо). Записана легенда о том, как одна шаманка на данном блюде увидела в изображенных на нем фигурах персонажей мансийского пантеона; божества в ее версии занимались рыболовным промыслом, соперничали за угодья, воевали друг с другом — все эти сюжеты, по ее мнению, были запечатлены на лицевой стороне блюда.

Хозяева святилища так же верили, что на блюде изображены несколько мансийских божеств. Жертвоприношение коня в честь поселкового духа-покровителя устраивали зимой. Из сундука вынимали блюдо и за кожаный ремешок подвешивали на ветку дерева: блюдо в данном случае выступало иконой — перед ним молились, просили благополучия и удачи в промысле.

Серебряное блюдо с изображением библейских царей Давида и Соломона (Средняя Азия, VIII–IX вв.) хранится на святилище одного из хантыйских поселков. В блюдо перед началом жертвенной церемонии кладут хлеб, печенье, конфеты. Их могут брать только хранитель места, старейшины или гости-сироты.

Что могло сопутствовать его включению в обрядовую практику обских угров, когда оно оказалось на севере Сибири в IX–X вв.; что удалось понять местному жречеству в сцене, размещенной на лицевой стороне изделия? В центре сцены — изображения трех фигур. В мифологии обских угров представлены три наиболее значимых персонажа, связанные между собой родством и нередко упоминаемые вместе: Верховный бог *Нуми-Торум*, его жена *Калтась* и их младший сын (наследник дела отца на Земле) — *Мир-сусне-хум*. Размещение вместе фигур Давида, Вирсавии и Соломона вполне соответствовало мансийским представлениям о собственных божествах.

Понятен для обских угров, видимо, был и сюжет, находящийся в нижней части блюда. Здесь на полукруглой кочке сидят две птицы. Основной космогонический миф у манси повествует о том, как гагара (или две птицы), посланная *Нуми-Торумом*, достала со дна океана комок ила, который постепенно увеличился до размеров маленькой кочки, и только на третий день все стало землей.

Таким образом, можно предположить, что первоначальное осмысление представленных на блюде фигур прошло в рамках сказания о возникновении земли. В центре - Светлый муж-отец *Нуми-Торум*, творец Вселенной, его «старуха» (*Калтась*) и их сын-богатырь *Мир-сусне-хум*. Внизу — две гагары на кочке ила, который они достали со дна океана. Сидящий на троне *Нуми-Торум* творит землю, создавая различных животных.

Несколько слов необходимо сказать об «утилитарном» назначении блюда. Местному населению оно была понятно: это посуда для жертвенной пищи.

Если принять версию о том, что блюдо попало на север Сибири в результате христианской миссии, направленной из Средней Азии, то нельзя исключить, что сами миссионеры натолкнули язычников на такую функцию блюда. Попытка приобщить к христианской обрядности могла быть наглядно продемонстрирована путем использования изделия в роли блюда-дискоса для выставления жертвенного хлеба.

Серебряное блюдо с изображением иранского шаха Ездигерда I (399–421 гг.) хранится у хантов в составе семейных ритуальных атрибутов. Во время ритуальной церемонии блюдо используют в качестве посуды, в которую кладут жертвенные хлеб, печенье и конфеты. Всадника на блюде ханты почитают как своего бога *Мир-сусне-хума*.

Серебряные сосуды V–XII вв. в обрядах обских угров. Представляется, что адаптация большинства импортных серебряных сосудов V–X вв. на севере Сибири проходила в рамках трех основных смысловых этапов: опознания, использования и влияния. Под опознанием подразумевается достаточно короткий промежуток времени, когда изделие входит в сферу ритуала. На нем находят определенные образы, которые можно «узнать» или понять сквозь призму собственных религиозно-мифологических представлений. На первом этапе происходит и частичная доработка атрибута: сверление отверстия для подвешивания, нанесение с помощью гравировки местных рисунков. После этого начинается второй (длительный) этап использования атрибута в обрядовой практике. Параллельно с ним начинает развиваться третий этап, который включает в себя выявление тех «импульсов», которые начинает оказывать само серебряное изделие на формирование (или поддержание) каких-либо элементов религиозно-мифологических представлений обских угров, создание изобразительных канонов, выработку новых форм атрибутики. Рассмотрим подробно эти три этапа адаптации.

Прежде всего оно происходило на смысловом уровне. Это касается Нильдинского («прочтение» мифа) и сасанидского (летящий по небу всадник *Мир-сусне-хум*) блюд, девушки-ритона (в рамках представлений о Золотой или Серебряной Бабе), серебряной фигурки слона (он же мамонт или подземный бык). Изображение на блюде Давида, Соломона и Вирсавии было соотнесено с семьей *Нуми-Торума,* а фигуры птиц в нижней части блюда «иллюстрировали» миф о возникновении земли), и т.п.

Изделия из иранского или среднеазиатского серебра выполняли в обрядовых комплексах угров различные функции, которые определялись двумя факторами: формой и представленным сюжетом. Так слон стал выступать в роли идола-охранителя порога священного амбарчика, а девушка-ритон — женского божества. В фигурах, представленных на ряде сосудов, «узнали» собственных богов: всадники Нильдинского блюда стали почитаться как изображения *Мир-сусне-хума*, *Полум-торума*, Водяного царя, духа грома; царь Давид со временем «превратился» в длинноволосого богатыря *Тек-ики*. К представленным на блюдах божествам обращались с молитвами, им приносили жертвы, «кормили» по праздникам.

Таким образом, сюжеты, изображенные на иранских и среднеазиатских блюдах, которые использовались в культовой практике, «прочитывались» в Си-

бири в контексте автохтонной мировоззренческой традиции. Они объяснялись с точки зрения собственных мифоритуальных традиций, и сцены на предметах сасанидской или среднеазиатской торевтики становились иллюстрацией к угорскому мифу.

Вопрос о возможном влиянии восточного серебра на религиозно-обрядовый комплекс обских угров затрагивает тему формирования изобразительного облика божества в архаическом обществе. Божественное изначально необычно - мир богов не похож на мир людей. Тогда как изобразить бога в фигуре, которую требуется установить на святилище? Один из возможных способов — заимствование, но опять же лишь необычного. Необычность внешности должна была сопутствовать изображению бога, отличать его от человека.

Этим качеством — необычностью — в наибольшей степени в конце I тыс. н.э. на севере Сибири могли обладать привозные серебряные блюда. Представленные на них золотые и серебряные изображения человеческих фигур завораживали и будили фантазию сибирских жрецов. Рассматривая сцены на блюдах, они «опознавали» собственных богов, вследствие чего дальнейшие изображения местных божеств создавались уже на основе имевшихся эталонов.

Образ *Мир-сусне-хума* как всадника, скачущего на коне имел в основе изображение всадников на блюдах — иранских царей. Изображение *Мир-суне-хума* на суконной жертвенной атрибутике хантов и манси создано на основе сюжета сасанидских и среднеазиатских блюд.

Изображения божеств на восточных блюдах были выполнены из металла, лица фигур — серебряные и золотые. На основе подобного эталона создавался канон оформления фигур угорских божеств — из металла, с золотым или серебряным лицом. Свидетельства тому широко представлены в литературе XVIII–XIX вв.

Золотая и серебряная одежда мансийских богов, описанная в сказаниях, могла копировать «металлическое» одеяние царей и придворных на восточных блюдах. Вот как, например, одет *Нуми-Торум*: «Всевышний отец неба надевает на себя позолоченную одежду, священную позолоченную шапку...»

В XVIII–XX вв. было зафиксировано немало случаев приношения образцов холодного оружия духам-покровителям, а также попыток создания их богатырского облика с помощью панцирей, шлемов и пр. Данный феномен, по моему мнению, отражал не реальный уровень военной организации угров в эпоху средневековья, а в большей мере мифологические представления, основанные на заимствованных, в том числе, восточных образцах.

Завершая рассказ о серебряных сосудах Ирана и Средней Азии, поступивших в Сибирь в IX–XII вв., необходимо отметить, что они закрепили традицию использования в обрядах обских угров изделий из священного металла. Уникальные образцы восточной торевтики надолго оказались в центре ритуальной практики, а представленные на них сюжеты внесли лепту в развитие мифологических представлений и изобразительных канонов обских угров.

TREASURES OF THE EAST IN SANCTUARIES OF THE NORTH

A.V. Baulo

Analyzing the reasons, ways and the contents of import of east silver on the Obsky North, the author reveals a specific role of ethinic attributes in formation of mythological representations and graphic canons of the native population during the second millenium AD. By the example of cult attributes the paper reveals ways of loans which were carried out by Ugrs of Siberia in a context of global cultural dialogue of the North and the South.

Keywords: ethnology, archaeology, Siberia.

© 2009

О.В. Голубкова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СЛАВЯНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА: НОВАЦИИ И АРХЕТИП

В докладе на основе анализа структуры мифоритуального комплекса славянского и финно-угорского населения Приуралья и Западной Сибири, реконструируются ранние воззрения, многие компоненты которых имеют универсальный характер. Автор подчеркивает, что возникающие в новейшее время мифологические образы, обряды и символы, обретая новые черты, имеют общую направленность: они возвращаются к основам традиционных представлений.

Ключевые слова: этнология, финно-угры.

Комплекс мифологических представлений и обрядовых практик у славянского и финно-угорского населения, являясь непрерывным живым процессом, формировался на протяжении многих веков. За это время менялись этнические составляющие культурных традиций (находившихся в основе некой аморфной мифоритуальной системы), многократно расширялись географические просторы их распространения. Большое влияние на изменение мировоззренческих стереотипов и трансформацию символики оказало христианство, не искоренив, однако, языческих представлений (даже у самой консервативной части его адептов — старообрядцев). В итоге, к рубежу XX–XXI вв. сложилась очень пестрая картина локальных вариантов традиционных верований. Разнообразие мифологических представлений, обычаев и обрядов присутствует даже в пределах одной этнической микрогруппы и, тем более, характерно для целого этнического массива Урало-Сибирского региона, включающего носителей различных культур-

но-языковых общностей. В то же время, в основе всех этих многообразных представлений, обрядов и ритуалов существует единая мировоззренческая система (помимо христианской религии), а все изменения происходили в рамках (пусть даже весьма широких) единой конструкции. Эта система, включающая мифологическое миропредставление, логична и закономерна в силу исторических обстоятельств, которые возникали в процессе ее зарождения — на стадии этногенеза восточнославянских и финно-угорских народов.

К основополагающим историческим моментам, оказавшим влияние на формирование славяно-финно-угорской мифоритуальной системы, можно отнести следующие события и факты. Прежде всего, это процесс проникновения восточнославянских народов на территории, населенные финноязычными племенами (большинство из которых вливалось в формирующийся русский этнос). Взаимовлияние культурных традиций в такой ситуации было неизбежно. Зарождение раннегосударственной централизованной системы управления, включающей создание единого религиозного комплекса, в Древней Руси было связано сначала с введением и унификацией языческого пантеона, а затем — крещением населения. В это время, с одной стороны, были заложены основы понимания религиозно-обрядовой структуры как единой мировоззренческой системы (как языческой, так и христианской). С другой стороны, христианское вероучение было доступно лишь небольшой категории жителей Древней Руси, в то время как основная масса населения продолжала жить, придерживаясь существующих культовых традиций, обрядово-бытовых практик. Следующим значимым этапом (после завершения длительного периода княжеских междоусобиц, отражения монголо-татарских набегов и угрозы завоевания крестоносцами) было укрепление государственной и церковной власти при Иване III, повлекшее за собой массовую христианизацию, а также расширение границ Московского государства, которое сопровождалось началом миссионерской деятельности Русской Православной церкви и крещением «инородцев». Скорее всего, именно с этого периода в полную силу начало развиваться народное православие, охватившее различные слои населения во всех регионах и процветающее поныне. Синтез христианской религии и дохристианских мифологических представлений способствовал сохранению архаического пласта верований, так как они наслоились на стройную и достаточно гибкую концептуальную систему. Таким образом, видоизменяясь и обретая новые черты, языческие обряды и символы продолжают существовать на различных уровнях бытия и сознания.

Расселение русских, коми-зырян и других народов — носителей этнокультурных традиций (к XVI в. складывающихся уже при доминирующей роли народного православия) — по сибирским землям, приводило к дальнейшему распространению бытующих в их среде верований и обрядовых практик, а вместе с тем, к рассредоточению и усилению тенденций их локализации. Следующие волны сибирских мигрантов привносили еще больше мозаичности в религиозно-обрядовую сферу, но сохраняя при этом элементы древних представлений и ритуалов, зародившихся еще в «дорусскую» и дохристианскую эпоху.

Процессы, связанные с распространением славяно-финских мифоритуальных традиций, на северных территориях Урала и Западной Сибири происходили значительно позже. Сферу духовной культуры народов ханты и манси они

затронули в меньшей степени, по сравнению с другими финно-уграми. У обских угров, оказавшихся до XVIII в. в относительной изоляции от воздействия православного духовенства, складывался комплекс представлений и обрядовых практик, основанный на древнеуральских и угорских мировоззренческих компонентах, при сильном влиянии митраизма. С XVIII в. — времени первых попыток крещения народов ханты и манси — начинаются процессы постепенного восприятия православной культуры, несомненно повлиявшей на традиционный мифоритуальный комплекс обских угров. Более чем за два столетия христианизации северных народов Сибири православная обрядность достаточно прочно закрепилась и в ряде случаев соединилась с местными культами. Кроме того, оказавшись соседями переселившихся за Урал коми-зырян, остяки и вогулы могли воспринять у них и приобщить к своей ритуальной практике часть обрядов и символов, относящихся к народно-христианским и демонологическим верованиям (принимая их за православные канонические культы). Народы коми, тесно контактировавшие с восточнославянским населением Европейской России и более полно сохранившие элементы общих славяно-финских мифологических представлений (поскольку приняли православие позже основной массы русского населения), на более позднем этапе, уже переселившись в Западную Сибирь, стали для обских угров своеобразными трансляторами русской культуры.

Мифологические представления этнической группы могли подвергаться модификации под влиянием религиозных воззрений доминирующего иноэтничного окружения, но лишь частичной — если новый, видоизмененный мифологический образ или обряд был в какой-то степени созвучен со старыми, традиционными представлениями и не противоречил им. С другой стороны, в этой ситуации имели место факты этнокультурной дивергентности, основанной на противопоставлении православного и языческого культов. И таким образом происходил процесс эндоэтнической консолидации, наиболее актуальной для диаспор.

Многоплановая структура мифоритуального комплекса славянского и финно-угорского населения Приуралья и Западной Сибири, сложившаяся на сегодня (и продолжающая непрерывно развиваться, меняясь в силу различных обстоятельств), является основательной базой для исследования архаичных представлений. Мелкие подробности, казалось бы, незначительные детали и сюжеты могут являться реликтами дохристианских верований. И чем больше разнообразных элементов в миропонимании этнокультурной общности, тем полнее представляется возможность реконструкции ее ранних мифологических воззрений.

Многие компоненты, относящиеся как к ранним мифологическим, так и к поздним, развитым религиозным символам восточнославянских и финно-угорских народов, универсальны. Однако углубление в исследование региональной специфики, а также анализ современных мифотворческих процессов способствуют выявлению критериев традиционного мировоззрения. Возникающие в новейшее время мифологические образы, обряды и символы, обретая новые черты, имеют общую направленность: они возвращаются к основам традиционных представлений. Отчасти меняется их форма, но не суть.

ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF SLAVIC AND FINNO-UGRES PEOPLES OF URAL-SIBERIAN REGION: INNOVATIONS AND THE ARCHETYPE

O.V. Golubkova

The paper reconstructs some early views their components mostly have universal character this analysis made on structure a mythic ritual complex of both Slavic and Finno-Ugres population of Pre-Ural area and Western Siberia. The author emphasizes, that mythological the recent images, ceremonies and symbols, gain new features and have a general course: they come back to bases of traditional representations.

Keywords: ethnology, Finno-Ugres.

© 2009

А.С. Зуев

РУССКИЕ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИБИРИ В XVII — НАЧАЛЕ XX В.: ОТ АДАПТАЦИИ К ИЗОЛЯЦИИ И АРХАИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Исследуя освоение русскими арктических районов Сибири (от реки Индигирки до реки Анадырь), автор показал, как в результате адаптации к местным природно-климатическим условиям, этнокультурной сепарации и культурного влияния со стороны подчиненных народов русские поселенцы, отказавшись от попыток «русифицировать» окружающее пространство, из культурных доноров превратились в культурных реципиентов. Культура русских старожилов архаизировалась, что способствовало исчезновению конфликтогенных факторов в русско-аборигенных отношениях.

Ключевые слова: этнология, Арктика, Сибирь.

Территориальные рамки нашего исследования ограничены крайним северо-востоком Сибири — арктическим районом от реки Индигирки до реки Анадырь включительно. Объектом исследования стали русские поселенцы, в число которых помимо гражданских лиц мы включили и военнослужащих. Те и другие или оседали в этом районе на постоянное жительство, или длительное время несли здесь службу, или занимались промыслами и торговлей.

Указанный район с середины XVII до середины XVIII в. являлся «театром» масштабных (по сибирских меркам) военных действий, поскольку обитавшие здесь юкагиры, а главным образом чукчи оказали серьезное сопротивление русской власти. С 1727 по 1764 г. на Чукотке действовала специально созданная военная экспедиция — Анадырская партия, состоявшая не только из казаков,

но и подразделений регулярной армии. Длительное русско-чукотское противоборство и последовавшее затем установление и стабилизация мирных контактов дают интересный фактический материал для анализа взаимоотношений представителей «европейской» (русско-православной) цивилизации и «первобытной» (аборигенной) периферии. Нас заинтересовали вопросы: как изменения в культуре русских колонистов повлияли на межэтнические отношения, какая у них сформировалась идентичность и как они воспринимали иноэтничное окружение? Мы охватили период от первых русско-аборигенных контактов в середине XVII в. до эпохи бурных перемен, последовавших за крушением Российской империи в начале XX в.

Анализ фактического материала дает основание выделить два этапа в развитии русско-аборигенных отношений и процессе адаптации русских поселенцев к местной географической и этнокультурной среде.

Первый этап: с середины XVII в. до второй половины XVIII в. Этот этап характеризуется следующими основными чертами:

Война всех против всех. Местные народы оказали активное вооруженное сопротивление русской власти, прежде всего ясачному обложению. Кроме того, они воевали друг с другом (взаимные грабительские набеги). Юкагиры, численность которых значительно сократилась вследствие военных действий и эпидемий оспы, в основном покорились к началу XVIII в. Чукчи сопротивлялись до середины того же века и отстояли свою фактическую независимость, хотя формально в 1779 г. были объявлены подданными империи.

Основание русских поселений и рост численности русских в регионе. К середине XVII в. в низовьях Индигирки, Алазеи, Колымы и на Анадыре русскими землепроходцами и мореходами были основаны первые зимовья и остроги: Индигирский, Алазейский, Нижнеколымский, Анадырский. В этих укрепленных пунктах дислоцировались казачьи гарнизоны. Добыча пушнины и моржовой кости привлекли на «заморские реки» сотни промысловиков-охотников и купцов. В 1640–1650-х гг. на Индигирке, Алазее, Яне и Колыме находилось около 600 человек одних только промысловиков, некоторые из них осели на постоянное жительство и завели семьи. К концу XVII в. вследствие упадка промыслов численность русских сократилась и по весьма приблизительной оценке составила около 100–150 взрослых мужчин (промысловиков и казаков). Активизация военного подчинения чукчей (а также коряков) с начала 1730-х гг. вновь привела к росту численности русских. К концу этого десятилетия только в Анадырском остроге располагалось 350–400 военнослужащих и проживало около 200 гражданских лиц (казачьих и солдатских детей, отставных казаков, разночинцев, посадских). Многие из них имели семьи. Постоянное русское население обитало также в низовьях Индигирки, Алазеи и Колымы.

Адаптация к местным условиям при сохранении этнокультурной идентичности. Русские поселенцы, учитывая предшествующий опыт освоения Сибири, адаптируются к суровым природно-климатическим условиям Арктики. При весьма недостаточном снабжении региона русскими товарами и продовольствием они сделали основой своего жизнеобеспечения рыболовство, охоту, собирательство, добычу пушнины, моржовой и мамонтовой кости, в пищевом рационе большое место отвели рыбе и оленине, в холодное время года одевались

и обувались в одежду и обувь «аборигенного» покроя из меха и оленьих шкур, использовали как средства передвижения нарты, запряженные оленями или собаками, учились говорить на языках местных аборигенов, вступали с ними в родственные отношения. Но при этом они сохраняли существенные признаки принадлежности к русскому этносу: владели русским языком, осознавали себя русскими, ощущали свою связь с русской Сибирью и Россией. Они испытывали постоянную и острую потребность в мучной пище и соли, о чем ясно говорят донесения местных администраторов и военных командиров. Ими даже предпринимались попытки земледелия и разведения мясо-молочного скота. Основным типом русского жилого дома в регионе являлась бревенчатая изба срубной конструкции, несмотря на то, что она по теплоизоляции существенно уступала полуземлянке оседлых аборигенов. Летом русские поселенцы предпочитали носить одежду «русского образца» из ткани и сукна. Сохраняя приверженность православию, русские в местах своего проживания строили церкви и часовни.

Стабильность этнокультурной идентичности, а также антропологических признаков принадлежности к русским (в широм смысле — к европейцам) поддерживались постоянным притоком и ротацией кадров поселенцев. В XVII в. основной состав промысловиков и казаков был представлен выходцами из Поморья. В первой половине XVIII в. местное начальство при комплектовании гарнизонов отдавало предпочтение русским и их потомкам, давно живущим в регионе, затем русским — уроженцам Якутии, однако значительное число казаков и солдат прибывало из южных районов Сибири, где шла активная русская колонизация.

Необходимо также отметить, что в первый век своего пребывания на Индигирке, Колыме и Анадыре русские стали оказывать заметное культурное влияние на юкагиров, у которых начался процесс обрусения, выражавшийся в принятии христианства и метисации (вследствие браков, но чаще внебрачного сожительства русских с юкагирками).

Сохранению и поддержанию этнокультурной идентичности русских в значительной степени способствовали военные действия с аборигенами, породившими конфликтную оппозицию «свои–чужие». Вступив в контакт с местными народами, русские по аналогии с прочими сибирскими аборигенами применили к ним общие наименования — «иноземцы», «люди», «народ», «мужики», или соответствующие этнонимы — юкагиры, чукчи, часто дополненные указанием на политический («ясачные», «неясачные», «немирные»), социальный («лучшие», «улусные») и конфессиональный («новокрещены») статус, образ жизни («оленные», «сидячие», «пешие») и привязку к определенной территории («носовые», «речные», «анадырские» и т. д.); в отношении юкагиров использовались также «родовые» наименования (роды анаульский, янгинский, омокский и др.). Однако упорное вооруженное сопротивление чукчей русской власти привело к тому, что в отношении этого народа зазвучали негативные эпитеты («лукавые и злобные», «злопамятные», «своенравные», «немилосердные» и т. п.), и к концу 1740-х гг. у разных инстанций, начиная с местного уровня и заканчивая правительством, сформировался взгляд на непокорных «иноземцев» как на «закоренелых злодеев». Это усиливало враждебное и настороженное вос-

приятие русскими «диких» и «непостоянных» чукчей и коряков, что нашло отражение и в русском фольклоре.

В целом, можно говорить, что на данном этапе русская власть и русские поселенцы, вынужденно адаптируясь к местным условиям, стремились все же «русифицировать» окружающее пространство — создать привычную «русскую» среду обитания и включить местные этносы в свою систему социально-политического мироустройства.

На втором этапе, во второй половине XVIII — начале XX в., происходят кардинальные изменения в этнокультурном облике русских поселенцев и межэтнических отношениях в регионе.

Прекращение военных действий привело к резкому сокращению численности военнослужилых людей в регионе. В 1771 г. был ликвидирован Анадырский острог, военнослужащие и гражданское население переведены в Гижигинскую крепость и Нижнеколымский острог. После этого русское население сосредоточилось в низовьях Колымы и Индигирки. К 1820-м гг. здесь насчитывалось не более 200 человек мужского пола, проживавших в 14 поселениях. В первой половине XIX в. наблюдается возвращение русских на Анадырь — по течению реки основываются поселения Марково, Еропол, Усть-Белая.

К концу XIX в. в регионе проживало около 870 человек обоего пола (примерно половина — мужчины), относимых официальными властями к русским мещанам, крестьянам и казакам. Они были рассеяны мелкими группами примерно по 60 поселениям, в которых кроме русских или рядом с ними проживали полностью или в значительной степени обрусевшие «инородцы»: якуты, ламуты, юкагиры, чуванцы, чукчи.

Возникла и со временем укрепилась изоляция местных старожилов от «русского мира». Связь с ним ограничивалась редкими наездами чиновников, миссионеров и сотрудников географических экспедиций, периодическими (обычно ежегодными) посещениями купцов, появлением уголовных и политических ссыльных. Почтовое сообщение сводилось почти исключительно к пересылке официальной документации. Это привело к этнокультурной сепарации небольших групп русских поселенцев, постоянно проживавших в регионе.

Оказавшись в ситуации изоляции от русского мира и в иноэтничном окружении, поселенцы быстро усвоили многие элементы материальной и духовной культуры своих соседей-аборигенов. Из свидетельств современников (чиновников, ученых-путешественников, миссионеров, ссыльных) вырисовывается портрет индигирских, колымских и анадырских старожилов как людей, уже мало похожих на русских. К началу XX в. по своему антропологическому типу они стали ближе монголоидам с более или менее заметными европеоидными признаками. Они сохранили русский язык, но он в результате изоляции законсервировался и одновременно пополнился словами из аборигенных языков, что привело к появлению местных (индигирского, колымского, анадырского) диалектов, имевших чрезвычайно бедную лексику. Передавая из поколения в поколение былины и исторические песни, сами старожилы уже плохо понимали содержание многих из них и даже не знали смысла и значения многих русских слов.

Ревностно выполняя христианские обряды, храня старинные обычаи и тра-

диции, русские обитатели Арктики в то же время в культурном отношении заметно походили на окрестных аборигенов. Они восприняли у них обычаи гостеприимства и дарообмена, элементы фольклора и верований, в том числе поклонение «аборигенным» духам и обращение за помощью к шаманам, а также характерные черты поведения и образа жизни, в частности, чрезвычайное любопытство к неизвестным предметам, стремление съесть как можно больше еды, когда она есть, пренебрежительное отношение к гигиене. В низовьях Индигирки, Колымы и на Анадыре отсутствовал непременный атрубут русского быта — бани. Кругозор старожилов был чрезвычайно ограничен и замыкался преимущественно на проблемах местной жизни. Предпочитая заключать браки в кругу себе подобных, они тем не менее вступали в брачные связи с аборигенами, а их отдельные представители из числа молодежи на время даже уходили жить в тундру к чукчам.

Произошло полное изменение пищевого рациона старожилов: его основой стали рыба и отчасти оленье мясо. Мучные и молочные продукты, а также соль исчезли почти совершенно. Весьма показательно, что одним из способов заготовления рыбы на зиму (помимо замораживания, вяления и копчения) стало ее квашение в земляных ямах, что было характерно для аборигенов, не употреблявших соль, но абсолютно неприемлимо для русских, которые не ели протухшую рыбу.

Длительная изоляция от русской культуры и восприятие архаичной аборигенной культуры привели к тому, что старожилы перестали считать себя собственно русскими, называясь «досельными», «индигирщиками» (Русское Устье), «низовыми», «поречанами» (Колыма), «марковцами» (Анадырь) и потеряли интерес к тому, что происходило за пределами их локальных сообществ. Ощущение своей связи с Россией и русским народом они хранили лишь на уровне бессознательных культурных архетипов, отражаемых в устном народном творчестве, и благодаря памяти о том, что их предки когда-то переселились из России. Но при этом они отделяли себя и от окружающих народов и более того относились к ним свысока, хотя и испытывали чувство уважения, настороженности и страха перед чукчами. Свою обособленность старожилы поддерживали тем, что упорно хранили верность оседлому образу жизни и не желали заниматься оленеводством. Несмотря на сложности с приобретением строевого леса, они продолжали возводить наземные, иногда углубленные в землю стационарные жилища — бревенчатые избы (правда, как правило, без традиционных русских печей, с плоской крышей и без пола).

Сближение «русских» старожилов по этнокультурным показателям с местными народами привело к тому, что те и другие из «чужих» все более становились «своими», к исчезновению тех факторов, которые ранее способствовали конфликтам между ними. При этом культурный статус старожилов оказался противоречивым. С одной стороны, они выступили в роли «культуртрегеров», оказав серьезное влияние на живших рядом или вместе с ними якутов и юкагиров, которые к концу XIX в. сильно обрусели. С другой стороны, «индигирщики», «поречане» и «марковцы» в процессе адаптации из культурных доноров все более превращались в культурных реципиентов, подвергаясь аккультурации и ассимиляции со стороны аборигенов. Важно отметить, что нежелание сменить

оседлый образ жизни на кочевой оленеводческий делало всю систему жизнеобеспечения старожилов в местных природно-климатических условиях очень неустойчивой. Обычной была ситуация, когда весной заканчивались запасы продовольствия и население начинало голодать. Если же летне-осенний промысел рыбы или дикого оленя был неудачным, то «русские» оказывались перед угрозой голодной смерти. В таких случаях им на помощь приходили кочевники-оленеводы, безвозмездно или по низким ценам снабжая их оленьим мясом.

Итак, на втором этапе культура бывших завоевателей в результате их этнокультурной сепарации, адаптации и влияния со стороны культуры подчиненных народов фактически архаизировалась, а сами старожилы превратились в этнокультурных маргиналов.

В заключение, сравнивая характер взаимодействия русской культуры (в широком смысле этого понятия) и культур народов Сибири на протяжении XVII — начала XX в., позволим высказать следующее наблюдение. По нашему мнению, применительно к Сибири можно выделить три зоны русской культурной экспансии, протянувшихся с запада на восток: 1) южные районы — степь и лесостепь — характеризуются в целом доминированием русской культуры, здесь многочисленные русские выступают преимущественно в роли культурных доноров и даже навязывают свой образ жизни местным народам; 2) в таежных районах наблюдается примерное равновесие культур редкого русского и аборигенного населения; 3) для севера — лесотундры и тундры — характерно преобладание аборигенных культур, а весьма малочисленное русское население выступает скорее в роли реципиента. Указанные зоны явно соотносятся с масштабами русского земледельческого освоения Сибири. Чем скромнее были успехи земледелия, в первую очередь хлебопашества, и меньше численность русских крестьян, тем менее устойчивыми были элементы, составлявшие русскую культуру и, соответственно, слабее была русская этнокультурная идентичность. Можно сказать, что сила русской культурной экспансии и сохранения русскими своей «русскости» напрямую зависела от масштабов земледельческой колонизации.

RUSSIAN IN EXTREME NORTHEAST OF SIBERIA IN THE 17th — THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: FROM ADAPTATION TO ISOLATION AND ARCHAISM OF CULTURES

A.S. Zuev

Investigating development by the Russian of the Arctic areas of Siberia (from the river of Indigirka up to the river Anadyr), the author has shown, as as a result of adaptation to local climatic conditions, ethnocultural separation and cultural influence on the part of subordinated peoples Russian inhabitants, refused attempts “to Russify” surrounding space, and turned from cultural donors into cultural recipients. Culture of Russian old residents became archaic, that contributed to disappearance of conflicingt factors within Russian and Native born relations.

Keywords: ethnology, Arctic, Siberia.

© 2009

В.В. Трепавлов

МИГРАЦИИ РУССКИХ НА ВОСТОК В XVI–XVIII ВВ.: АДАПТАЦИЯ В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

В докладе раскрываются способы, механизмы и цели адаптации русских в Сибири. Акцент сделан на этнокультурную адаптацию и этнокультурное взаимодействие русских с местными народами. В связи с этим поднимается проблема изучения степени восприятия русскими инокультурного влияния, а также «ответной» адаптации аборигенов к русскому присутствию.

Ключевые слова: этнология, Сибирь.

На протяжении XVI–XIX вв. русские широко расселились по евразийскому пространству. М.К. Любавский даже расценивал эту “территориальную экспансию” (по его выражению) как смысл и содержание всей русской истории. Первоначально пути миграций тянулись в восточном направлении: Поволжье, Приуралье, затем Сибирь. Западное направление пока было закрыто из-за тяжелых конфликтов с порубежными соседями (в ходе Ливонской войны и Смуты). Позже переселенческие потоки устремились на юг (Кавказ, Малороссия, Новороссия, Казахстан, Центральная Азия) и на запад (Прибалтика).

На протяжении всего этого расселения происходило соприкосновение и взаимодействие мигрантов с массой разноязычных народов и племен, отличавшихся уровнями социального и экономического развития, особенностями мировоззрения, культуры, жизненных укладов и т.д. Кроме того, приходилось осваиваться в непривычном климате, осваивать новые места с незнакомыми почвами, климатом, животным и растительным миром... Происходила постепенная, но довольно быстрая (таково было условие выживания) адаптация русских переселенцев к природным условиям и культурному окружению.

Многозначным термином *адаптация* пользуются во многих отраслях знания — как в естественных, так и в гуманитарных науках. В самом общем виде это явление отражает взаимодействие субъекта и среды, а именно процесс и результат приспособления к среде. Успешный результат выражается в достижении равновесия, относительной гармонии между субъектом и средой.

Историков интересуют прежде всего механизмы приспособления человека к условиям обитания, когда у него вырабатывается особое адаптивное поведение. В ходе адаптации происходит отбор адекватных способов ответов на вызовы природы и общества, и эти способы сохраняются, закрепляются с помощью специальных механизмов: социальной памяти, социализации личности, обучения, подражания и др. Адаптация всегда происходит с определенными целями; таковыми могут выступать выживание, достижение имущественного достатка, повышения социального статуса и т.д.

В исторической литературе создано огромное количество работ, в которых исследуется влияние (по определению благотворное) русских на местные наро-

ды. Но совершенно ничтожна историография обратного процесса — существование русских в роли рецепторов инокультурных явлений в новых районах проживания.

В ходе миграций русских по Евразийскому континенту на протяжении XVI–XIX вв. первые контингенты постоянных жителей за пределами «Руси» в большинстве случаев составляли сельские жители, крестьяне. По роду своей основной деятельности им приходилось отдавать больше сил и проявлять большую изобретательность в привыкании к незнакомым природно-климатическим условиям. Не случайно в Сибири XVII в. было широко распространено понятие *опыт*, включавшее и обследование угодий, и пробные посевы, и выработку правил сельскохозяйственного производства на новых местах, и навыки земледелия, перенесенные из-за Урала на восток.

Отбор способов культурной коммуникации, использование и трансляция навыков производственной и духовной деятельности, выработка адаптивного поведения субъекта по отношению к инокультурной (иноэтничной) среде — все это является одним из видов особой, этнической адаптации. При этом масштаб влияния неславянских культур на русских переселенцев порой мог быть настолько значительным, что создавалось впечатление о дерусификации последних, утрате ими некоторых основных культурных маркеров, уступивших место новым. В целом при этнокультурном взаимодействии играли роль несколько ведущих факторов:

— пространство деятельности (степень географической близости между носителями различных культур). Это особенно важно для доиндустриальной эпохи, когда обмен достижениями культуры осуществлялся, как правило, при личном контакте;

— природно-климатическая среда. Сходные условия жизни порождали сходный тип трудовой деятельности, что облегчало контакты между разноэтничными соседями, помогало взаимному усвоению трудовых навыков, орудий, и т.д. Впрочем, иногда сходство экономики порождало и конкуренцию между коренным населением и русскими пришельцами, особенно в районах с небогатыми ресурсами;

— уровень социально-экономического развития;

— религиозная принадлежность и в целом особенности мировоззрения.

По поводу последнего пункта следует заметить, что он по праву занимает последнее место в списке. Верования множества народов и племен Российского государства никогда не были предметом неприятия и тем более осуждения для основной массы русского населения. Если официальные власти и церковь то и дело разворачивали кампании по внедрению православия среди “иноверцев”, то так называемый простой народ — крестьяне, горожане, промысловики, военные и прочие — воспринимал религиозные взгляды своих неславянских соотечественников как органичную часть их культуры.

Отношение ко всей этой культуре в целом балансировало обычно на грани безразличия и терпимости, хотя отмечены и любопытство, удивление, первоначальная настороженность. Однако негативная реакция на нее, а также ответные культуртрегерские, миссионерские поползновения как массовое явление, как доминанта общественного мнения были абсолютно не характерны для межэт-

нических отношений в России. Очевидно, здесь сказывался прагматичный подход к исторической ситуации: судьба послала соседей именно с такой культурой, и нам не стоит ее (культуру) затрагивать и тем более менять.

В Поволжье и на Урале русские в целом успешно адаптировались к природно-климатическим условиям и инокультурному этническому окружению. Во многом этому способствовало сходство условий жизни и хозяйствования на новых местах с районами исхода — прежде всего с Русским Севером. Уже там были отработаны вековые механизмы приспособления к необходимости существовать в соседстве и взаимодействии с неславянскими народами: взаимодействовать с ними, перенимать у них полезный опыт и делиться своим.

В Сибирь переселенцы также принесли с запада устойчивую традиционную культуру, которая в новых условиях менялась, приспосабливалась, обретала новые признаки. Лишь старообрядцы стремились сохранить свои жизненные устои в неприкосновенности и поэтому избегали общения с "язычниками" и — по возможности — с "никонианами". Адаптационные процессы в Сибири давно изучаются историками и этнологами, написаны труды по истории русского населения отдельных регионов Сибири.

В целом межэтнические, межкультурные контакты, на наш взгляд, были довольно ограниченными и неповсеместными. Среди исследователей не сложилось единого мнения относительно развития этих процессов к востоку от Урала. Одни авторы считают, что в целом они не были характерны для Сибири, другие, напротив, видят предпосылки к широкой ассимиляции в XVIII в., когда с почти повсеместным окончанием активных военных действий "русское население выходит из-за стен острогов и широко расселяется рядом с коренными жителями" (С.Г. Скобелев).

Контакты русского населения с местным в целом проходили довольно мирно, исключая разве что самый начальный период объясачивания и редкие выступления против засилья уездного мздоимствующего чиновничества. Близкое соседство и чересполосное расположение русских и аборигенных селений складывалось прежде всего вдоль крупных дорог и по берегам рек. Отношение первых ко вторым как победителей к «покоренным», как правило, не было характерно. Взаимные интерес и нужда во взаимной помощи позволяли устанавливать доброжелательные связи.

Но никакой идиллии в межэтнических отношениях не было. Не следует представлять отношения пришельцев с аборигенами как постоянное дружелюбное сотрудничество. Если обратиться не к официальным русским документам XVII в. (донесениям воевод и казацких начальников), а к исторической памяти сибирских народов, отраженной в фольклоре, то картина получится менее благостной. Населяя родовые земли в тайге и тундре, занимаясь охотой и разведением оленей, ведя полностью независимое существование, эти народы долго и тяжело встраивались в систему российской государственности.

Сама организация их социальной жизни не предусматривала какого-либо подчинения верховному правителю. Невозможно было понять, почему род должен платить ясак далекому и неведомому "белому царю", посылать русским начальникам заложников. Администрация, столкнувшись с коренными сибиряками, понимала эти сложности. Поэтому первоначально ясачный сбор зачас-

тую представлял собой в сущности меновую торговлю: за пушнину плательщики получали ремесленные изделия. А когда власти пытались облечь выплату ясака в обычную форму налогообложения, начинались тяжелые кровавые конфликты. Дополнительную сложность вносило и заселение русскими Сибири. Это приводило к ограничению традиционных передвижений коренных жителей, сокращению их промысловых угодий.

Многие русские, особенно служилые, чиновники и купцы, относились к аборигенам как к людям низшего порядка. Их не гнушались обманывать, обсчитывать, грабить... Не имея над собой полноценного государственного контроля, местные власти нередко нарушали законы против дискриминации ясачных. Дополнительную напряженность вносили споры из-за земельных участков и промысловых угодий. В некоторых местностях добавлялись специфические проблемы — например, упомянутое выше бугрование, т.е. целый промысел по расхищению древних погребений, что воспринималось племенами Кузнецкого края как кощунственное деяние. Конфликты были настолько частыми и многообразными, что в литературе даже есть попытки классифицировать и систематизировать их.

В историографии неоднократно отмечалось толерантное отношение русских к коренным народам Сибири. Пренебрежение, высокомерие не были присущи основной массе славянского населения края. Мирное соседство обеспечивали многоукладность хозяйства пришельцев, охранительная политика правительства по отношению к ясачным, отсутствие социального барьера между последними и крестьянским большинством переселенцев.

Кроме того, при утверждении российского подданства власть использовала традиционные для практики Московского государства и в то же время знакомые многим сибирским народам приемы и средства управления: ясак, шерти, аманатов. Межэтнические контакты легче устанавливались в отдаленных местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с аборигенами. Особняком стоят случаи бегства русских в недоступную для властей глухомань, в среду обитания «иноверческих» племен.

На темпах адаптации русских в новых условиях сказывались и особенности национальной политики правительства — в частности, такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост Российской державы. Довольно скоро стало очевидным, что для полноценного управления колоссальным евразийским пространством по какому-то одному общепринятому алгоритму у правительства не хватает ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящей бюрократии приходилось приспосабливаться к разнообразным местным условиям, чтобы удержать под своей властью присоединенные народы и территории.

При слабости коммуникативных средств, удаленности от столицы, огромных расстояниях, слабой заселенности обширных пространств (особенно на востоке) приспособление присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходило медленно, постепенно и растянулось на полтора — два столетия.

Правительство первоначально не форсировало этот процесс, довольствуясь

формальными признаками подчинения и лояльности. Политика по отношению к народам на окраинах диктовалась почти исключительно необходимостью обеспечить исправные налоговые платежи и лояльность к властям. Начало радикальных перемен историки связывают с петровскими реформами, когда необходимость в мобилизации ресурсов для победы в Северной войне, административное и экономическое освоение окраин начало обретать более интенсивные формы. Империя в ходе модернизации стала утрачивать средневековые, патриархальные нормы отношений между царем и "иноверными" подданными. Происходило это не только в результате целенаправленной политики, но и объективно, в ходе совершенствования административного механизма, расселения русских по окраинам, социального и культурного межэтнического взаимодействия, постепенного формирования новых идентичностей у присоединенных народов. Проявившись в XVIII в. на уровне тенденции, эти процессы становились все более заметными в следующем столетии.

Политика по отношению к национальным окраинам и в целом по отношению к нерусскому населению на протяжении столетий неоднократно претерпевала значительные изменения: правительство то стремилось сохранить и постепенно адаптировать местные национальные управленческие и культурные устои, то брало курс на унификацию социальных и культурных стандартов. Порой это выливалось в форсированную христианизацию окраин, русификацию образования, введение общеимперских административных канонов. Подобная стратегия в целом господствовала в Российской империи накануне ее падения. К 1917 г. русская администрация и русская армейская элита занимали ведущие позиции во всех окраинных регионах (за исключением Финляндии). Русский язык, русская культура и православие усиленно использовались как инструменты гомогенизации империи. Объективным стимулом этих явлений было активное расселение русских по огромной территории государства, далеко за пределы их первоначального этнического ареала на Восточно-Европейской равнине.

MIGRATIONS OF RUSSIAN TO THE EAST IN 17th – 18th CENTURIES: ADAPTATION TO FOREIGN CULTURE ENVIRONMENT

V.V. Trepavlov

The paper reveals ways, mechanisms and the purposes of adaptation Russian in Siberia. The accent is made on ethnocultural adaptation and ethnocultural interaction Russian with local peoples. In this connection there comes the problem of studying of a degree of foreign culture impact on the Russian, and also "reciprocal" adaptation of natives to Russian presence.

Keywords: ethnology, Siberia.

© 2009

А.В. Ремнев

ИМПЕРСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: КОЛОНИЗАЦИЯ КАК «ОБРУСЕНИЕ»

В докладе рассматриваются варианты, способы и идеологические обоснования «обрусения» Сибири и Дальнего Востока, практиковавшиеся правительственной и интеллектуальной элитой России в XIX — начале XX в. В центре внимания автора — анализ интерпретаций и репрезентаций крестьянской колонизации в рамках имперского дискурса, поиск ответа на вопрос, каким образом эта колонизация оказалась включена в имперские теории и практики «обрусения», какое место она заняла в концепции «единой и не делимой» России.

Ключевые слова: этнология, Сибирь, Дальний Восток.

Эта тема является частью большого исследования, посвященного различным аспектам «обрусения» азиатских окраин Российской империи, включая как «административно-правовую русификацию» институтов управления и суда, так и политику хозяйственного освоения и социокультурной модернизации, что могло быть представлено как расширение пространства «русского мира». Военно-политическое закрепление границ и инфраструктурная консолидация, преодоление коммуникационных разрывов, водворение «русского гражданства» должны были найти окончательное завершение в «слиянии» окраин с «коренной» Россией. Русская колонизация обеспечивала перспективу «двойного расширения» Российской империи путем разрастания «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин. Это был сложный и длительный процесс, который был призван обеспечить империи большую стабильность и дать ей национальную перспективу. Главную роль в этом должны были сыграть русские крестьяне, призванные превратить «чужую» землю, в «родную» и «русскую».

Согласно этой концепции - первопроходцы не только отыскали «ничьи» земли за Уралом, но и обеспечили историческое право империи на их обладание. Присоединение Амура воспринималось как *возвращение* земель, добытых ранее народными массами. Для «степи» использовались мотивы извечной борьбы с ней «леса», *защиты* от «хищничества» кочевников. Сложнее обстояло дело с Туркестаном, но и там крестьяне-земледельцы должны были помочь «*возвратить*» цивилизацию народам Средней Азии. В крестьянском миграционном сознании переселение за Урал могло восприниматься как стратегическая задача, указанная монархом и объединяющая интересы крестьянства и государства. Это придавало миграционным настроениям переселенцев особую легитимность.

Одновременно шло *ментальное освоение* нового пространства и присвоение его, как «русской земли». Главными маркерами, обозначавшими «русскую землю», служили православные церкви, пашни, русские села с кладбищами, над

которыми, как и над церквями возвышались кресты. Еще одним показателем «обрусения» колонизуемой территории становилась русская топонимия. Важную роль в этом процессе играла так называемая перенесенная топонимия, когда в Азиатской России в массовом порядке появляются названия, связанные с местами выхода переселенцев. С усилением с середины XIX в. контроля государства за крестьянскими миграциями, возрастает и его роль в номинации населенных пунктов и других географических объектов. Сцементировать разнородное русское общество на азиатских окраинах призвана была православная церковь. «Русскую землю» крестьянин воспринимал прежде всего как «христианское пространство», где живут православные люди. Все это делало со временем азиатские окраины похожими на «коренную» Россию, хотя и обладающими заметным своеобразием.

Единство русского народа, как политической целостности, представлялось идеологу «обрусения» России М.Н. Каткову главной ценностью. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало предпосылки для расширения этнического ареала расселения русских. Российская империя демонстративно отказывалась от употребления в отношении азиатских окраин термина «колония», подчеркивая тем самым свое отличие от европейских колониальных империй. Эта новая национальная риторика активно включалась в публичные заявления официальных лиц и общественных деятелей, претендовавших на роль экспертов в области российской колонизации и геополитики.

Зауральские территории империи оказались включенными в геополитический дискурс: «Европа — Россия — Азия», составляющей частью которого было новое прочтение разделения России на европейскую и азиатскую части. Сибирь имела свою хронологию и смысловую динамику, когда ее имя и пространство менялись («Татария», «Сибирское ханство», «Северная Азия», «Азиатская Россия» и т.п.) в геополитических координатах «Запад-Восток» — «Север-Юг».

Еще в 1918 г. известный востоковед Н.В. Кюнер заявлял, что «*о Сибири можно мыслить различно*». Отмечал он и всегда существовавшее несовпадение исторического смысла Сибири с ее географическим пространством. Первоначальное восприятие Сибири как «Севера», или даже русского «Дикого Востока», с миграционным движением к востоку и югу, постепенно (хотя и не полностью) замещается новыми азиатскими и даже восточными определениями, а пространство Сибири достигает максимального объема. Граница между Сибирью и Степью, казалось, была стерта, но административное пространство Западно-Сибирского генерал-губернаторства оказалось слишком разнородным, что и привело к выделению степных областей в особый Степной край. Между тем, историко-географическая грань между Сибирью и Степью продолжает оставаться неясной, если ее не совмещать с современными государственными границами России и Казахстана, опрокидывая в прошлое современные политические реалии.

Видный российский географ, тесно связанный с правительственными и во-

енными кругами, П.П. Семенов (будущий Тян-Шанский) прямо ставил вопрос: а было ли движение в Сибирь случайным «или неотразимым последствием естественного роста русского народа и русского государства»? В ответе на него он постарался преодолеть уже обозначившееся противопоставление вольно-народного переселения и правительственной колонизации, постарался увязать в единый процесс формирование русской нации и русской земли с имперским государственным расширением.

В концепции Семенова соединяются идеи «исторического призвания» русского народа, установления «естественных границ» и складывания русской национальной территории. П.П. Семенов усматривал в этом осуществление грандиозного цивилизационного проекта, когда в результате русской колонизации происходит смещение этнографической границы между Европой и Азией все дальше на восток. Позднее, применительно к Сибири, он будет употреблять не только название «Азиатская Россия», но и «Европейская Азия». У Д.И. Менделеева, который также мыслил геополитически, имелся схожий сценарий, в котором Россия «назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира. Деление на Европейскую и Азиатскую Россию он считал искусственным уже в силу единства «русского народа (великороссы, малороссы и белорусы)». Эти идеи были подхвачены и развиты уже после революции в эмиграции евразийцами, которые предпочитали говорить о едином географическом пространстве, где нет Европейской и Азиатской России, а есть лишь части ее, лежащие к западу и востоку от Урала.

Научные концепции и прогнозы активно включались в имперский дискурс и использовались для обоснования военно-политических планов. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, с территориями, которым угрожала извне демографическая и экономическая экспансия. Военный министр А.Н. Куропаткин оценивал боеспособность азиатских военных округов, уже исходя из «политики населения».

Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании указывал на русскую колонизацию, как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия и решить, таким образом, задачу сближения азиатских окраин с Европейской Россией. В связи с масштабным железнодорожным строительством в Сибири министр финансов С.Ю. Витте также указывал на изменение геополитического пространства внутри империи, отмечая значение «великой колонизаторской способности русского народа». В интервью французской газете Figaro (4 февраля 1911 г.) сподвижник П.А. Столыпина, А.В. Кривошеин, которого именовали «министром Азиатской России», разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи».

Рассмотренные аспекты интерпретаций и репрезентаций темы крестьянской колонизации позволяют понять, каким образом она оказалась включена в имперские теории и практики «обрусения», в каких плоскостях шло ее обсуждение, какое место она занимала в концепции «единой и не делимой» России. В ее обсуждение оказались втянуты центральная и местная администрация, от-

ветственная за политику на азиатских окраинах, переселенческие чиновники, видные имперские сановники и военные, а также ученые (нередко упомянутые официальные и профессиональные статусы сочетались в одном лице), предлагавшие разные сценарии использования колонизационного ресурса русских крестьян. В результате, для переселенческого движения крестьян был найден новый, политически нагруженный имперскими и национальными смыслами, язык описания.

Казалось бы, рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, однако крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия. Во многом, именно колонизационное движение крестьян в ряду референтных правительственных вопросов породило «киргизский вопрос», поставило бурят и якутов в разряд «проблемных народов». Империя так и не нашла баланс интересов между желанием снизить остроту аграрного кризиса в центре страны, стремлением заселить азиатские окраины и сохранить лояльность местного населения. С одной стороны, переселенцы часто не считались с нормами традиционного землепользования, а чувство национального и культурного превосходства могло усиливаться государственной поддержкой. С другой, - сами русские крестьяне оценивались как «отсталые», а их «культурное бессилие» ставило под сомнение возможность осуществления ими цивилизаторской миссии. Под подозрение попало и казачество, которое считалось уже малоэффективным в качестве культуртрегера, вызывало опасения в утрате самой «русскости». В империи набирали силу противоречия по линии «центр-регион», а в Сибири положение осложнялось формированием сибирского самосознания, социально-политическую мобилизацию которого пыталась осуществить областнически настроенная интеллигенция.

IMPERIAL GEOGRAPHY OF THE ASIAN RUSSIA IN THE 19th — THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: COLONIZATION AS “RUSSIFIZATION”

A.V. Remnev

There have been considered variants, ways and ideological grounds of "becoming Russified" in Siberia and the Far East, put into practice by the governmental and intellectual elite of Russia in the 19th — the beginning of the 20th century. In the center of the author's attention — the analysis of interpretations and representations on country colonization within the framework of the imperial discourse, search of the answer to a question how this colonization appeared to be included in imperial theories and practice "russifization", the place it has occupied within the concept "uniform and non divisible" Russia.

Keywords: ethnology, Siberia, Far East.

© 2009

А.Ю. Ледовских

СИБИРСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Доклад раскрывает репрезентацию сибирского «инородческого вопроса» в общественном мнении втрой половины XIX — начала XX в. На материалах российской журналистики различных направлений, автор показывает как менялась схема научного осмысления роли «инородцев» в освоении Сибири: от минимализации их участия в е «русской истории Сибири» до попыток объективного учета всех фактов, нашедших свое отражение в прессе.

Ключевые слова: этнология, Сибирь.

Во второй половине XIX в. в русском общественном мнении стали актуализироваться так называемые «инородческие вопросы» — комплексы проблем политического, экономического, социального, культурного характера, связанных с интеграцией коренного населения окраин в структуру Российской империи. Исследователи выделяют различные вопросы, сформулированные в связи с различными национальными и конфессиональными вызовами: остзейский, польский, украинский, кавказский, мусульманский. Дискуссия по поводу статуса нерусского населения окраин была инициирована консервативными публицистами в ответ на подъем национальных движений, представлявших, по мнению консерваторов, угрозу целостности государства, а также на изменения в российской окраинной политике, направленные на «культурную и административную унификацию».

Коренное население Сибири не воспринималось как потенциальная опасность для российской государственности. Об этом свидетельствуют публикации в либеральной и консервативной журнальной прессе 1860–1870-х гг., описывавшие исключительно мирный характер взаимоотношений колонизаторов и аборигенов, в рамках представлений о цивилизаторской миссии русских. Невежественность сибирских «инородцев» служила надежной гарантией их лояльности. Их приобщение к культуре европейского образца было желательно, но считалось весьма отдаленной перспективой.

Репрезентация сибирского «инородческого вопроса» в общественном мнении пореформенной России была связана с появлением в 1860-х гг. в журналах демократического направления ряда статей представителей областнического движения. Они привлекали внимание читателей к комплексу экономических и социальных проблем коренного населения Сибири, основной причиной которых считали влияние русской колонизации. На фоне представлений о мирных взаимоотношениях русских и аборигенов заявления областников о негативном влиянии российского присутствия на коренное население региона звучали вызывающе. Публицисты настаивали на том, что не «инородцы» представляли угрозу для российской государственности, а наоборот. Не оспаривая того значе-

ния, которое могло бы иметь для «диких» аборигенов взаимодействие с культурой более высокого образца, областники все же считали, что цивилизаторская миссия России терпит неудачу. Позиция, заявленная областниками на страницах демократических журналов, в 1880-е гг. нашла сторонников и среди либеральных публицистов, ее поддерживали сотрудники народнических изданий, а с 1890-х гг. и журналов марксистского направления.

Специфика материала побуждала авторов, затрагивающих «инородческий вопрос» на страницах журналов общественно-политической направленности, обращаться к дополнительным данным этнографического или исторического характера.

Это, в свою очередь, порождает вопросы об актуальности сибирского «инородческого вопроса» для сообщества профессиональных историков и этнографов и о причинах, побуждавших заниматься их разработкой. Ориентация авторов специализированных журналов, ставших своего рода посредниками между академической наукой и массой читателей, на научное знание, поднимает вопрос о связи их публикаций с научными теориями.

Для того чтобы выявить специфику обсуждения проблем коренного населения Сибири на страницах специализированных исторических журналов, мы обратились к двум изданиям: «Русской старине» и «Историческому вестнику» — наиболее популярным среди читателей в последней четверти XIX — начале XX в. Журнал «Русская старина», основанный в 1870 г. и просуществовавший до 1918 г., изначально замышлялся его основателем М. И. Семевским как «живой, всем доступный архив сырого, необработанного исторического материала». «Исторический вестник», издававшийся с 1880 г. А. С. Сувориным под редакцией С. Н. Шубинского, напротив, был ориентирован на публикацию литературно обработанных текстов. Это делало журнал более привлекательным для широкого круга читателей и придавало ему просветительский характер.

Общее количество разножанровых публикаций, так или иначе связанных с темой сибирских аборигенов, появившихся на страницах «Русской старины» и «Исторического вестника» за период с 1870 по 1914 гг. сравнительно невелико и не превышает 30. Небольшой рост интереса к теме наблюдался в конце 1880-х — начале 1890-х гг. Этот период характеризовался особым вниманием к сибирским вопросам в журнальной прессе и общественному мнению в целом, что было обусловлено различными факторами, например: отголосками 300-летнего юбилея включения Сибири в состав Российской империи, строительством Транссибирской железной дороги и многими другими. Однако, несмотря на констатируемый исследователями устойчивый интерес к сибирской тематике со стороны авторов и редакторов специализированных исторических журналов, «инородческий вопрос», судя по всему, являлся для них далеко не самым актуальным.

Такая тенденция вполне характерна и для российской историографии. Масштабные исследования С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других авторитетов, определявшие вектор развития исторической науки в исследуемый период, содержат ничтожно мало упоминаний о коренных народах при описании процессов присоединения Сибири к Российскому государству. Речь не идет о том, что история Сибири и народов, ее населяющих, не изучалась в принципе. Из-

вестно достаточно большое количество работ, посвященных этому региону и его населению, в частности: труды Г.Ф. Миллера, Фишера, Г. Спасского, П.А. Словцова, Д. Н. Анучина и др. Однако сибирская окраина для большинства образованных русских оставалась неведомой экзотической областью.

Анализируя эволюцию научного взгляда на сибирских аборигенов в течение трех столетий, Ю. Слезкин отмечает, что такое положение дел в русской исторической науке сложилось в середине XIX в., когда культурная элита Москвы и Петербурга открыла для себя русского крестьянина. Главным предметом изучения историков и этнографов стал русский народ. История Сибири отныне начиналась с прихода Ермака и была, в первую очередь, историей русских в этом крае.

Тенденцию к такому лаконичному описанию истории покорения Сибири пытались переломить демократические публицисты — авторы общественно-политических журналов. Публицистический дискурс покорения Сибири развенчивал миф о разрозненных толпах «дикарей», бесцельно бродивших по бескрайним сибирским просторам, пока мудрая государева рука не начала постепенно приводить их к порядку, а взамен создавал новую схему — «униженных и оскорбленных детей природы». Описания закономерного процесса добровольного подчинения слабого сильному, уступили место картинам насилия, истребления и рабства.

Вопреки нашим предположениям, отраслевые исторические журналы не поддержали тенденцию, наметившуюся в общественно-политических периодических изданиях. Здесь не содержалось экскурсов в историю «кровавого покорения» и эксплуатации коренного населения Сибири. Авторы редко обращались, по примеру С.С. Шашкова, к сибирским архивам, чтобы найти там факты, обличающие русских колонизаторов в притеснении аборигенов.

«Инородцы» по-прежнему не являлись героями сибирской истории, но расширилось количество сюжетов, в которых они принимали участие. Речь уже не шла о горстке племен, стоявших на пути к сибирским богатствам и сметенных победоносною волной русской колонизации. Не поддерживался и миф о невинных «детях природы», павших жертвой колонизаторских амбиций государства и алчных культуртрегеров. Даже в материалах «Исторического вестника», ориентированного на публицистический дискурс, неоднократно подчеркивался приоритет науки над журналистикой. Следуя этому принципу, исторические журналы занимали особую позицию.

С одной стороны, неоднократно констатируемый современниками факт малой исследованности Сибири, при росте интереса к этой окраине во второй половине XIX в., побуждал уделять более пристальное внимание истории региона и его взаимоотношений с империей. Этому способствовало и формирование местной сибирской интеллигенции, возникновение у нее потребности осмысления истории родного края. С другой — на фоне глобальных общероссийских процессов, которые также требовали изучения, сибирская история выглядела лишь одним из эпизодов. Приоритет оставался за событиями, происходившими в центре, а не на периферии. Поэтому основное внимание исследователей истории Сибири привлекали те сюжеты, которые были тесно связаны с историей русского народа: присоединение сибирских территорий, деятельность декабри-

стов в ссылке, генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева-Амурского, его проекты по развитию Забайкалья и Дальнего Востока и т. п. Аборигенное население края попадало в поле зрения историков только в той мере, в какой было причастно к этим событиям.

Несмотря на ориентацию исследователей второй половины XIX в. на ввод в научный оборот архивных материалов, в исторических журналах практически не публиковались документы, связанные с аборигенами, нам доступны в основном только отдельные цитаты в исследовательских статьях. Опубликованные мемуары скорее служат источниками для реконструкции различных моделей восприятия образованными русскими сибирских «инородцев» и практически не содержат указаний на ту роль, которую коренные народы играли в истории региона.

Тем не менее, анализируя материалы по истории аборигенного населения Сибири, появлявшиеся в специализированных журналах, мы можем заметить, как менялась схема научного осмысления роли «инородцев» в истории региона. Привычные для XIX в. установки на минимализацию участия коренных народов в этом процессе и приоритет «русской истории Сибири» уступали место попыткам объективного взгляда и учета всех фактов, нашедших свое отражение в источниках.

Обсуждались перспективы сибирского историописания: необходимо было создать целостную картину сибирской истории. В ней должна была быть учтена и судьба сибирских «инородцев», причем не только после русского завоевания, но в первую очередь до него. Впрочем, иногда, заявления о необходимости объективного взгляда на проблему оставались декларативными. В сюжетах, посвященных истории XIX в., авторы актуализировали модели восприятия «инородцев», характерные для публицистического дискурса. Аборигенов могли характеризовать как «простодушных детей», притесняемых и эксплуатируемых русскими, которых следовало охранять от негативных влияний. Могли демонстрировать и ориенталистское видение аборигенов, как ленивых, невежественных, развращенных «дикарей», которых было необходимо активно приобщать к европейской цивилизации.

В то же время авторы статей в специализированных исторических журналах не проявляли интереса к главной проблеме, волновавшей публицистов изданий общественно-политического направления, то есть к вопросу о негативном влиянии русской колонизации на коренное население Сибири, проявлявшемся в экономическом упадке и вымирании. Гораздо больше историков привлекала проблема «обрусения». Обозревая историю взаимодействия колонизаторов и коренного населения региона, исследователи пытались найти ответ на вопрос, почему «инородцы» еще не были вполне ассимилированы.

SIBERIAN "FOREIGNERS" IN HISTORICAL PUBLICISM
(SECOND HALF OF THE 19th — THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

A.Yu. Ledovskikh

The paper opens representation on Siberian "the foreigher's question" in general public opinion of second half of the 19th — the beginning of the 20th century. On materials of the Russian journalism of various directions, the author shows changes within the scientific judgement of a role of "foreigners" in development of Siberia: from minimum of their participation in "Russian history of Siberia " to attempts of the objective registration of all facts found in the press.

Keywords: ethnology, Siberia.

© 2009

А.А. Бадмаев

О МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ БУРЯТ И РУССКИХ В XIX В.

В докладе освещаются процессы межэтнического взаимодействия в культуре жизнеобеспечения бурят и русских Прибайкалья к концу XIX в. Автор подчеркивает, что заимствования имели обоюдный характер среди различных групп бурятского и русского населения. Наиболее ощутимым влияние русской культуры было на предбайкальских бурят, у русских — на жителей Тункинской долины и Нерчинского округа. Вектор заимствований колебался, но, в основном, преобладала русская направленность, что объяснялось престижностью русской культуры и наметившимся переходом на оседлость значительной массы бурят.

Ключевые слова: этнология, буряты.

Межэтническое взаимодействие русского и бурятского населения Прибайкалья проявлялось в XIX в. в различных сферах, в том числе и в культуре жизнеобеспечения. В рассматриваемый период формат диалога двух этносов существенно расширился в сравнении с предыдущим столетием. Необходимость в его поддержании диктовалась историческими обстоятельствами, в которых оказались два народа с непохожими этнокультурными (в частности с хозяйственными) традициями. Русские старожилы и переселенцы, численность которых все более возрастала, что привело к концу XIX в. к их доминированию в этнической структуре населения Прибайкалья, были вынуждены адаптироваться к природно-климатическим условиям региона и инокультурному аборигенному окружению. Буряты, заметная часть которых совершила переход от кочевого и

полукочевого скотоводства к земледелию, училась жить в соседстве с переселенцами, усваивая отдельные элементы их культуры.

Определенное влияние на процессы межэтнического взаимодействия оказало государство, постепенно отошедшее от политики патронажа над сибирскими народами, которая была вызвана потребностью в получении устойчивого пушного ясака. Власти стремились (в особенности в последней трети XIX в.) превратить бурят в податное население, раз и навсегда решить обострившийся земельный вопрос, а заодно и проблему зернового (шире продовольственного) обеспечения восточносибирского региона.

В жилищно-поселенческом комплексе вектор межкультурного взаимовлияния имел явно русскую направленность. Предбайкальские буряты и в меньшей степени забайкальские буряты, активно осваивали русский опыт домостроительства. Губернские власти вменяли в обязанность бурятским родоначальникам распространять среди бурят привычку к жизни в избах и домах. Первыми заводили эти виды жилья представители верхушки бурятского общества. Хотя надо оговориться, что первые примеры жительства в курных избах у бурят были известны еще в XVIII в.; это было связано с принятием крещения частью из них. Крещеные отселялись от основной языческой массы в русские деревни или составляли обособленные поселения *карымов* (метисов), возникавшие на бурятских землях.

Вследствие изменений в традиционной экономике трансформировалась система поселения бурят: если у агинских и части селенгинских бурят к концу века сохранялось привычное расселение по *хотонам* — зимним стойбищам отдельных семей, отстоящим друг от друга на значительном расстоянии, то у предбайкальских, присаянских, части забайкальских (селенгинских, хоринских и др.) бурят складываются компактные населенные пункты *улусы*, не имеющие уличной планировки.

Русские типы жилищ использовались только в качестве зимних жилых построек, замещая традиционные 4-6-8-стенные бревенчатые юрты. Заметим, что при господствовавшей у большинства бурят системе сезонных перекочевок не могло быть иным назначение для изб и домов. В течение XIX в. со сменой деревянных юрт избами и домами изменялась внутренняя планировка бурятских жилищ. В конце столетия состоятельная часть бурят стремилась жить в более просторных и высоких жилищах, чем остальное бурятское население. Это достигалось путем перехода от однокамерного к многокамерному дому с выделением функциональных помещений (кухни, спальни). В то же время у части русских, близко соседствовавших с бурятами, стали популярны многоугольные бревенчатые юрты, применяемые как вариант летнего жилища. Отметим, что во второй половине XIX в. у большинства предбайкальских бурят, а также у некоторых других групп бурят, целиком перешедших на оседлый образ жизни, в усадьбах располагались как летние юрты, так и дома для проживания в холодное время года. К тому же пришли и русские крестьяне, строя в одном дворе летний и зимний дома.

Хозяйственные постройки, имевшиеся на зимнике бурят, обычно включали амбары (зачастую переделанные из нежилых юрт), стайки и навесы. Со временем стали строиться небольшие погреба-ледники, большой редкостью явля-

лись бани, топившиеся “по-черному” и, как правило, известные только у бурят-казаков.

Появление в конце XIX в. мебели (диванов, столов и стульев и других предметов) в быту бурят и русских Прибайкалья, причем только у состоятельной части населения, являлось влиянием городской культуры. В утвари заимствования имели односторонний характер и были характерны, главным образом, для тех бурят, кто перешел к земледельческим занятиям и тесно соприкасался с культурой русских.

Наиболее заметны были влияния в посуде предбайкальских бурят. На эту сферу определенное воздействие имела городская культура, об этом можно судить по попаданию в их быт такой утвари как самовар, сковорода, вилки, стеклянная и фарфоровая посуда.

В системе питания наблюдался процесс взаимного восприятия разных пищевых технологий и блюд русскими и бурятами. На питание бурят повлияла смена парадигмы хозяйственной деятельности, Земледелие и огородничество изменили прежний рацион питания по причине увеличения в нем растительной пищи (хлебных изделий, овощей). Разведение свиней и домашней птицы привело к употреблению в пищу мяса этих животных. Структура питания бурят-земледельцев приблизилась к питанию русских крестьян региона: выросла доля хлеба, уменьшились сегменты мясной и молочной пищи. Контакты с русскими привели к заимствованию из их национальной кухни разнообразных блюд (пельменей, котлет, щей и др.). Буряты научились печь из дрожжевого теста хлеб, шаньги, блины, ватрушки. К этому времени относится и освоение некоторых русских рецептов приготовления рыбных блюд и способов долговременного хранения рыбы (засолки, копчения). Интересно, что оседлые буряты под влиянием русских преодолели прежние пищевые предубеждения к некоторым дикоросам и ягодам (черемше, чернике, грибам и др.).

Адаптация русских переселенцев к условиям Прибайкалья привела, в свою очередь, к включению в их пищу бурятских блюд и напитков. Прежде всего это касалось мясной снеди и блюд (вареной конины, баранины, кровяных колбас и др.). В будничную пищу русских было включено топленое масло, творожные сырки *аарюул*, простокваша *хурэнгэ*. В питание русских вошло приготовление пареных зерен ржи и пшеницы, которые бурятам обычно заменяли хлеб. Кухня русских пополнилась рецептами приготовления чая *зутараан*, молочной водки *дарасун*, который в первой половине XIX в. стал популярен у русских и обменивался или покупался у бурят, однако во второй половине столетия они сами научились производить его.

В одежде была налицо тенденция обоюдных влияний; хотя буряты к концу XIX в. переняли заметно больше, чем русские. Объяснялось это как усиливающейся христианизацией предбайкальских и присаянских бурят (с этим было связано ношение бурятками платков, платьев и сарафанов, бурятами — глухой рубашки, штанов с нешироким шагом), так и культурным влиянием русской простонародной среды (зипуны, шапки-кубанки, вязанные варежки, валенки) и городской моды (шапки-ушанки, шляпы, картузы, пальто, сюртуки, жилеты, хромовые и другие сапоги, женские туфли, ботинки и сапожки на каблуках). Забайкальские буряты-казаки носили в соответствии со своим положением во-

енные мундиры (узкие штаны, сапоги и др.). Первоначально предметы русской одежды попадали к бурятам (крещеным) как некое материальное поощрение за принятие православия, позднее эти вещи покупались на ежегодных ярмарках, устраиваемых с 1810-х гг., или в городских магазинах.

Заимствование русскими элементов бурятской одежды носило сугубо локальный характер — оно отмечается у русских Нерчинского округа и Тункинской долины. В верхнюю одежду русских попали некоторые предметы верхней одежды бурят (доха, шубы *ергач* и *дыгыл*, куртки *курма* и *тэрлиг*), в нижнюю одежду — штаны с широким шагом, в обувь — унты. Причинами таких заимствований были: приспособленность бурятской одежды к климату Байкальского региона (в особенности зимних видов одежды); удобство ее при верховой езде. Смешанный (метисированный) состав указанных групп русских способствовал быстрому освоению отдельных элементов бурятской одежды.

Подводя итоги, можно утверждать, что процессы межэтнического взаимодействия в культуре жизнеобеспечения бурят и русских Прибайкалья к концу XIX в. нарастали и сопровождались обоюдными заимствованиями. Они имели место среди различных групп бурят (крещеные, земледельцы, состоятельные люди, горожане) и русских (живущие в бурятском окружении, на пограничных территориях, имеющие смешанное происхождение и др.). Наиболее ощутимым влияние русской культуры было на предбайкальских бурят, у русских — на жителей Тункинской долины и Нерчинского округа. Вектор заимствований колебался у каждого из названных этносов в зависимости от культурного контекста, но, в основном, преобладала русская направленность, что объяснялось престижностью русской культуры и наметившимся переходом к оседлости значительной массы бурят.

ABOUT INTERETHNIC INTERACTION IN CULTURE OF LIFE-SUPPORT OF THE BURYAT AND RUSSIAN IN THE 19th CENTURY

A.A. Badmaev

In the report covered processes of interethnic interaction in culture of life-support of the Buryat and Russian at Pribaikalye by the end of the 19th century. The author emphasizes, that loans had mutual character among various groups of the Buryat and Russian population. The most considerable influence of Russian culture was on preBaikal the Buryat, on inhabitants of Tunskaya valley and Nerchinsky district. The vector of loans changed, but, basically, Russian orientation prevailed that spoke for prestigiousness of Russian culture and the outlined transition to settled way of life of significant amount of the Buryat.

Keywords: ethnology, Buryats.

© 2009

Е.А. Волжанина

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ

Доклад посвящен оценке современной демографической и социо-культурной ситуации в среде ненцев ЯНАО. Анализируя, данные социологических исследований, автор приходит к вывду, что оленеводство является главным стабилизирующим фактором этноса. Многочисленность, ненцев и сохранение кочевой культуры, дополненной техническими достижениями позволяет им противостоять разрушительным социально-экономическим тенденциям и сохранять этническую специфику.

Ключевые слова: этнология, ненцы.

Ненцы принадлежат к самодийской группе уральской языковой семьи и относятся к коренным малочисленным народам Севера, насчитывая по переписи 2002 г. 41302 чел. Основная их часть расселена на территории четырех автономных округов (Ненецкого/НАО, Ямало-Ненецкого, Таймырского/Долгано-Ненецкого и Ханты-Мансийского), только один их которых (НАО) расположен в Европейской части России. В Сибири представлена самая многочисленная этнографическая группа ненцев. По данным Всероссийской переписи 2002 г., в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) проживают 64% ненцев Российской Федерации (26435 чел.).

На положении ненцев в XX — начале XXI в. отразились государственная политика в отношении северных территорий и коренных малочисленных народов Севера, а также социально-экономическая и политическая обстановка в стране. Этносоциальные процессы в среде народов Севера в это время характеризуются общими тенденциями роста доли городского населения за счет выходцев из сельской местности, повышения образовательного и профессионального уровней, распространения смешанных браков. Тем не менее, мы можем говорить о некоторых этнических особенностях данных процессов среди ненцев Ямала.

Значительное большинство ненцев проживает в сельской местности, что обусловлено, с одной стороны, их хозяйственной ориентацией на традиционные отрасли хозяйства, а с другой, сравнительно недавним строительством рабочих поселков и городов в округе, вызванным разработкой нефтяных и газовых месторождений и увеличением численности пришлого населения. В 1939 г. доля ненцев, проживающих в сельской местности, насчитывала 98,5 %, к 2002 г. она понизилась до 86,3 % (22819 чел.). Складывание группы городских ненцев произошло не столько в результате изменения их социальной и профессиональной структур и смены местожительства, а связано с переменой статуса сельскими поселениями, в которых они были прописаны. Превратившись в городских жителей, они по-прежнему жили и занимались традиционным хозяй-

ством в тундре, являясь работниками сельскохозяйственных предприятий, производственные базы которых располагались в данных населенных пунктах. В первой половине XX в. единственным городом и окружным центром был г. Салехард.

В 1964 г. статус рабочего поселка получило с. Тазовское. Во второй половине 1970-х гг. среди горожан появляются надымские и тарскосалинские ненцы. В 2002 г. в 7 городах окружного значения ЯНАО и 9 рабочих поселках проживали 3616 ненцев или 13,7 % от их общей численности.

С 1939 по 2002 гг. доля ненцев в составе населения ЯНАО уменьшилась с 29,3 до 5,2 % за счет пришлого населения, при этом она сократилась как среди горожан с 1,64 до 0,85 %, так и сельских жителей — с 40,05 до 27,1 %. Интенсивность и направление миграционных потоков определяли изменения доли ненцев в округе на протяжении XX в. Так, она оказалась наименьшей в 1989 г., составив 4,2 %. Их малая численность в структуре населения свидетельствует, что демографические процессы, происходящие в их среде оказывают незначительное влияние на общую демографическую ситуацию в округе. Исключение представляет сельская местность, где они по-прежнему занимают второе место по численности, уступая русским.

Невысокая доля ненцев, проживающих за пределами округов, по данным последней переписи 2002 г. (1,2 %), указывает на низкую миграционную активность. Для них характерна внутренняя миграция, представляющая движение внутри районов, реже между районами. Работа с похозяйственными книгами показывает, что точками притяжения населения служат, в первую очередь, районные центры и центры сельской округи, где размещаются производственные базы оленеводческих совхозов и сосредоточены административные, медицинские, культурные учреждения и развитая инфраструктура. В Ямальском районе к ним относятся с. Яр-Сале, п. Сёяха и п. Панаевск, в Надымском — с. Ныда, в Тазовском пп. Гыда, Антипаюта, р.п. Тазовский. Часто кочевое население меняет только место прописки, сохраняя прежнюю территорию проживания, кочуя в тундре. Подобная ситуация наблюдается для Байдарацкого с/с Приуральского района.

В начале XXI в. ненцы Ямала остаются оленеводческим народом, что дает повод исследователям говорить о них, как о феномене на общем фоне кризиса традиционных форм хозяйствования народов Крайнего Севера. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 2006 г., на территории ЯНАО выпасаются 44 % поголовья оленей Российской Федерации (730811 из 1663,2 тыс.), большинство которых находится в хозяйствах населения. По количеству выпасаемых оленей, в том числе в частном секторе, и занятых в оленеводстве людей лидирующие позиции занимают Тазовский, Ямальский и Приуральский районы. Здесь сосредоточены крупные оленеводческие хозяйственные организации. В зависимости от формы собственности представлены открытые или закрытые акционерные общества, сельскохозяйственные производственные кооперативы, муниципальные и государственные предприятия.

У пуровских лесных и надымских ненцев, проживающих на побережье Обской губы и в бассейне р. Надым, оленеводство практически утрачено. В результате интенсивного нефтегазового освоения в районах проживания лесных

ненцев разрушены значительные площади ягельных пастбищ, что привело к сокращению поголовья оленей, увеличению количества безоленных и малооленных семей. В настоящее время основными источниками их существования и доходов служат рыболовный промысел и собирательство. Крупностадное оленеводство в Надымском и Пуровском районах существует в рамках сельскохозяйственных предприятий, являющихся преемниками совхозов. Значительные пастбищные территории ЗАО «Ныдинское» (единственного сельскохозяйственного предприятия, обеспечивающего ненцев и коми работой в традиционном хозяйственном секторе), расположенные на Тазовском полуострове, были частично изъяты из традиционного природопользования в ходе промышленных разработок, что привело к изменению маршрутов каслания и сокращению количества оленеводческих бригад за счет перевода людей в рыбаков. В Пуровском районе оленеводческие бригады существуют в рамках СПК «Верхнепуровский» (производственная база в г. Тарко-Сале). Кроме того, в южной части этого района в Вынгапуровской тундре выпасаются небольшие частные стада оленей общей численностью около 2000 голов.

Кочевание по-прежнему сохраняет среди ненцев культурное и хозяйственное значение. Кочевой образ жизни обусловлен преимущественной занятостью ненцев в оленеводстве, рыболовстве и охотничьем промысле. При этом квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства и рыболовства среди ненцев занимают 38,6 % в структуре занятого трудоспособного населения. Статистические данные за 1967–2004 гг. свидетельствуют о некотором сокращении кочующего населения только в Надымском и Пуровском, а в Ямальском и Тазовском районах оно даже увеличилось.

В настоящее время в Тазовском районе кочуют более 70 %, в Ямальском — более 50 % коренных народов Севера, в Пуровском районе — около 40 % и менее всего в Надымском и Приуральском районах — около 30 %. Сохранению доли кочевого населения на одном уровне способствует постановление губернатора ЯНАО «О компенсационных выплатах лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и иным лицам, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью, а также лицам, ведущим кочевой и полукочевой образ жизни на территории ЯНАО», принятое в декабре 2004 г. Хотя рост оседлого, в том числе городского, населения является неизбежным и обусловлен повышением образовательного и культурного уровня, сокращением территорий традиционного природопользования в результате промышленного освоения на территориях их проживания в последней трети XX в., а в некоторых районах из-за превышения олененемкости пастбищ, и сопровождается утратой традиционных навыков. Участившиеся в последние годы природные аномалии (оттепели среди зимы, гололед и т.д.) приводят к существенным потерям оленей отдельными семьями и вынужденному переселению в поселок.

Наряду с сохранением кочевого быта современные оленеводы, охотники и рыбаки стремятся получить стационарное жилье для проживания во время эпизодического пребывания семьи в поселке (в период снабжения продуктами, посещения медицинских, административных учреждений, детей в школе-интернате). В последнее десятилетие на Ямале широко развернулось строительство современных многоквартирных домов, коттеджей, школ-интернатов, культур-

ных учреждений для коренных народов Севера, ликвидация аварийного и ветхого жилья, возрождение старых поселков и факторий. Безоленные семьи, занимающиеся рыболовством, используют в качестве промыслового или постоянного жилища балки, оставленные геологическими партиями и экспедициями. Длительное проживание и ведение промыслов на одном месте приводит к появлению различных видов стационарных построек, к замене чума срубной избой или палаткой. Неотъемлемой частью традиционного образа жизни ненцев стали современные технические достижения: снегоходы, лодочные моторы, электро- и бензопилы и т.д. Для освещения в чуме наряду с керосиновой лампой используется электрическая. Широкие возможности применения компьютерной и бытовой техники в условиях кочевого или полуоседлого образа жизни в тундре представила дизельная электростанция и наличие доступного топлива. Все чаще на стойбищах можно встретить телевизоры, ноутбуки, DVD проигрыватели, стиральные машины, спутниковые тарелки.

В последние годы помимо традиционных хозяйственных занятий и приравненных к ним (оленеводство, рыболовство, охота, звероводство, пошив меховых изделий) появились новые, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции. Для этого устраиваются цеха для копчения, пресервирования, засола рыбы, производства колбас и пельменей, закупается современное холодильное оборудование. В с. Самбург Пуровского района приступили к строительству тепличного комплекса. Вместе с тем на некоторых территориях, где в последние годы наблюдается сокращение объемов продукции оленеводства и рыболовства, обозначилась тенденция закрывать нерентабельные отрасли, такие как звероводческая, молочная фермы, меховые мастерские, предоставлявшие рабочие места преимущественно коренным народам Севера.

В целом, оленеводство и кочевой образ жизни ненцев могут рассматриваться ведущими этностабилизирующими факторами для них в современных условиях. Многочисленность, проживание в сельской местности и сохранение на высоком уровне бытового кочевания и связанного с ним культурного комплекса, дополненного техническими достижениями последних десятилетий, позволяет им противостоять разрушительным социально-экономическим тенденциям и сохранять этническую специфику.

MODERN ETHNOSOCIAL PROCESSES AMONG NENETS OF YAMAL IN CONDITIONS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT

E.A. Volzhanina

The paper is devoted to estimation of a modern demographic and socio-cultural situation the Nenets' environment. Analyzing, the data of sociological researches, the author comes to a conclusion, that reindeer breeding is the main stabilizing factor of ethnos. Large number, the Nenets and preservation of the nomadic culture supplemented with technical achievements allows them to resist destructive social and economic tendencies and to keep their ethnic specificity.

© 2009

А.В. Харинский

ОЛЕНЕВОДСТВО В ЖИЗНИ СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИХ ЭВЕНКОВ В XX — НАЧАЛЕ XXI В.

Доклад посвящен оценке фактров, механизмов и результатов трансформации, основанной на оленеводстве, культуры северобайкальских эвенков. Авто дает исчерпывающую характеристику истории и современного состояния оленеводства в регионе; и подчеркивает, что на протяжении XX в. оленеводство, поменяв свои функции с практических на статусные,вплоть до современности остается одним из важнейших элементов этнической культуры эвенков.

Ключевые слова: этнология, эвенки.

Северобайкальские эвенки в XIX-XX вв. делились на три рода — чильчагиры, киндигиры и шамагиры. Область их расселения охватывала северное побережье Байкала, долину Верхней Ангары, и примыкающее к ней Северо-Байкальское нагорье, выходя несколько за его пределы по долинам рек Чаи, Чечуя, Чуи, Мамы, а также захватывала бассейн Муи. К началу XX в. наблюдается значительное сокращение территорий используемых эвенками в хозяйственных целях. Они практически полностью были вытеснены с северо-западного берега Байкала русскими и бурятами и сократили свое присутствие в среднем течении р.Верхняя Ангара. Разведение оленей являлось одной из основ хозяйственного уклада северобайкальских эвенков. Занятие оленеводством не было всеобщим в эвенкийской среде. Семьи, которые держали оленей, имели более высокий социальный статус по сравнению со своими сородичами. Они именовались «оронями» (от эвенкийского «орон» — олень) и кочевали вместе с оленями на горных пастбищах, время от времени спускаясь к Верхней Ангаре или Байкалу. Часть эвенков, называемых «ламученами» (от эвенкийского «ламу» — вода, море), жила полуоседло, занимаясь рыбной ловлей и охотой. Наличие оленей в хозяйстве эвенков позволяло им быть более мобильным и осваивать обширные охотничьи угодья. Кроме этого, олени всегда являлись резервным источником мяса, что позволяло их владельцам чувствовать себя более свободно. Если семья эвенков лишалась по каким-либо причинам оленей, он переходила в категорию «ламученов» и вынуждена была жить на берегу реки, завися от временных заработков. Если, спустя некоторое время, разорившийся эвенк восстанавливал потери в поголовье оленей, он вновь становился охотником-оленеводом и уходил в горы.

Прибайкальские эвенки использовали оленей только для верховой езды и под вьюк. Их стада были невелики. В среднем хозяйстве насчитывалось тридцать-сорок оленей. Несмотря на подсобное значение оленеводства, с ним связан весь жизненный цикл эвенков. Промысел на зверя без ездового оленя был невозможен. Поэтому удача на охоте находилась в прямой зависимости от состояния оленеводства. Маршруты кочевий у каждой группы эвенков, включав-

шей, как правило, близких родственников, были свои. Неделю, пока олени не съедят в округе траву, эвенки жили на одном месте, потом шли дальше. Дольше задерживались на одном месте весной, после отела, пока не окрепнут телята. Обычно отел происходит в мае. Уже через четыре дня оленята начинали бегать.

В 1929 г. в Северобайкальском районе началась коллективизация. Эвенки были объединены в артели, предпринимались попытки обобщить оленей в единое стадо. При этом советская администрация отказывала в авансе тем охотникам, которые не переходили добровольно на оседлость и не вступали в колхоз. В 1933 г. в районе расселения эвенков-киндигиров был создан колхоз «Вторая пятилетка», центром которого стало с. Холодное. Предпринятые меры привели к резкому снижению количества оленей. Их поголовье стало возрастать лишь с 1947 г., когда более активно начала проводиться ветеринарная работа. После войны отдельными семьями уже не кочевали. В колхозе создавались оленеводческие бригады, которые присматривали за оленьими стадами в горах. Эвенки, имевшие своих оленей, пасли их вместе с колхозными. В зависимости от времени года и снежных покровов олени ежегодно перегонялись от пастбища к пастбищу. Благодаря этому на пастбищах быстрее восстанавливались кормовые ресурсы.

В 1970-е гг. оленеводство в районе стало приобретать продуктивное направление, чтобы снабжать мясом население, прибывавшее на строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Поголовье оленей в Холодненском отделении совхоза выросло до 2000 голов. К концу 1970-х — началу 1980-х гг. значительную часть оленьего стада с. Холодное забили на мясо, а оставшихся животных передали в Уоянский госпромхоз. В результате чего в Северобайкальском районе осталось всего одно оленье стадо, выпас которого производился в долине реки Мамы. К концу 1980-х гг. оленеводство в Северобайкальском районе исчезает как отрасль хозяйства.

Возрождение оленеводства в Северном Прибайкалье отмечается в начале 1990-х гг. В районе было создано два оленеводческо-охотничьих хозяйства: община «Улуки» (белка) Черноевых и община «Орон» (олень) Ганюгиных, располагавшиеся в с.Холодное. Первых оленей представители общины «Орон» отловили в 1992 г. на притоке Правой Мамы — Ковокте. Там паслись остатки оленьего стада уоянских эвенков — чильчигиров. С Правой Мамы оленей, у которых восстановились домашние инстинкты, вывозили по зимнику на машинах. Привезенных оленей выпустили у поселка Перевал (левый берег р.Тыя). Первые годы оленей не перегоняли с зимников на летники. Они не знали местности и могли убежать.

Начиная с 1993 г. оленьи пастбища общины «Орон» неоднократно менялись. Вначале оленей пасли в верховьях Тыи, в местности Стрелка, затем в верховья Холодной, выше впадения в нее р. Бирамия, потом их с Холодной перегнали на р.Намаму (левый приток Чаи). В 1997 г. оленеводы «Орона» перекочевали на Чаю. С середины 1990-х гг. общину «Орон» возглавляет Алексей Алексеевич Ганюгин. Закрепленные за ней пастбища находились на Чае, а охотничьи угодья в верховьях Тыи. Это создавало ряд неудобств. Оленеводы не могли охотиться там, где пасли оленей.

В 1999 г. оленей перегнали на Тыю, чтобы охотничий участок и пастбища

находились в одном месте. С этого времени оленеводы А.А. Ганюгина постоянно живут в пос. Перевал, а оленей на зиму перегоняют на ручей Килгол (левый приток Тыи). Площадь оленьих пастбищ составляет 100.608 га.; они арендованы на 25 лет у Северобайкальского лесхоза. Пастухи «Орона» живут в отдельном доме в восточной части поселка. Бригада состоит из 3 человек: Арнеулев Андрей Анатольевич (1960 г.р.), Антонов Олег Владимирович (1973 г.р.), Тулбуконов Валерий (1990 г.р.). Старшим среди оленеводов считается А.А. Арнеулев. Состав пастухов периодически меняется, но все они жители Холодного — эвенки. Во время работы в «Ороне» пастухи, как правило, зарплату не получали. Они брали часть добычи, которую промышляли на охотничьем участке общины в долине Тыи.

Летом 2008 г. оленье стадо «Орона» насчитывало 37 голов. На мясо оленей забивали редко. Иногда их используют на разных мероприятиях и праздниках. По словам самих оленеводов, охотой заниматься выгодней, чем оленеводством.

Перекочевка с Перевала на зимние пастбища в Килголе проходит у оленеводов «Орона» в конце сентября — начале октября. Олени двигаются вниз по течению Тыи, по левому или правому берегу. Расстояние от Перевала до Килгола по правому берегу Тыи составляет 8,5 м. Расстояние от Перевала до Килгола по левому берегу реки равно 7 км. В начале апреля олени перекочевывают с зимнего пастбища на летнее.

Общину «Улуки» организовал в начале 1993 г. Юрий Иванович Черноев (1947 г.р.). Для покупки оленей она получила кредит в размере 20 млн. руб. Из них 15 млн. руб. потрачено на 50 голов оленей, привезенных из поселка Чара Читинской области по железной дороге. Оставшиеся 5 млн. руб. использовали на покупку оружия. В настоящее время в общине около 300 оленей. Их сразу же выпустили на Намоме, где и сейчас находится стадо. На Чае за общиной закреплены охотничий участок и пастбища. Летом Черноевские стоят на Намоме, в приустьевой части, а зимой перегоняют оленей верх по реке Чае километров на 10, не доходя до впадения в нее Нюрбы.

Община арендовала оленьи пастбища площадью 206,236 га сроком на 25 лет. В 2005 г. после смерти Ю.И.Черноева, частное предприятие «Улуки», стала возглавлять его жена — Валентина Павловна. В «Улуках» работают все дети Валентины Павловны: сыновья — Павел (1972 г.р.), Яков (1974 г.р.), Юра (1975 г.р.) и дочь — Синильга (1982 г.р.). Они составляют основу общины, в которой также работают эвенки из с. Холодное. Всего в общине числится 10 человек Насущной необходимости в использовании оленей у общины «Улуки» нет т.к. мужчины — владельцы стада — охотятся, а продукты на свою базу забрасывают на попутных машинах.

За прошедшее столетие назначение оленя в хозяйстве северобайкальских эвенков значительно изменилось. До 1970-х гг. он оставался основным транспортным средством в горно-таежной зоне Северного Прибайкалья. В первой половине XX в. его преимущественно использовали для завоза припасов на охотничьи угодья и передвижения по ним. Эвенкийские семьи, не имевшие оленей, не могли осваивать обширные угодья и довольствовались промыслом лишь на незначительной по площади территории, примыкающей к оседлым поселениям, имевшим, как правило, смешанное население — Душкачан, Тур-

какит, Кичера, Ченча, Кумора, Иркана. Неэффективность такого промысла заставляла их искать дополнительные заработки — наниматься в рыболовецкие артели, заниматься земледелием, охотиться вместе с сородичами, имевшими оленей. Статус эвенков, не владевших оленями, был ниже, чем их оленьих сородичей. С конца 1940-х гг. обобществленные оленьи стада стали выпасаться совместно, что приводило к быстрому истощению пастбищ и их частой смене. Олени продолжали использоваться как основное транспортное средство. Правда теперь значительная часть поголовья сопровождала различные экспедиции, изучавшие природные ресурсы края, а не только использовалась во время охотничьего промысла.

Со строительством БАМа в Северобайкальском районе выросла потребность в продуктах питания. Оленей все чаще стали забивать на мясо. Они перестали играть роль вьючных и верховых животных. Для освоения природных ресурсов в это время использовался воздушный и наземный транспорт. Достигнув своего максимума, оленьи стада уничтожали пастбища, что, в конце концов, приводило к сокращению поголовья. С развалом советской системы хозяйствования оленеводство на некоторое время прекратило свое существование. Домашние олени, оставшиеся на горных пастбищах, смешались с дикими особями. Лишь с середины 1990-х гг. отмечается возрождение оленеводства. В нынешних условиях олени больше имею статусное значение для своего владельца, чем утилитарное. Олени практически не используются для перевозки грузов, а забой их на мясо не получил широкого распространения. Поменяв свои практические функции в среде северобайкальских эвенков, олени до сих пор остаются одним из важнейших элементов этнической культуры этого народа.

REINDEER BREEDING IN LIFE OF NORTH BAIKAL EVENKS IN THE 20th — THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

A.V. Kharinskiy

The paper is devoted to estimation of factors, mechanisms and results of transformation of the north Baikal Evenks' culture based on reindeer breeding. The author gives the exhaustive characteristic to history and a modern condition of reindeer breeding in the region; he also emphasizes, that during the 20th century reindeer breeding, having changed the functions from practical to status ones, however it still remains one of the major elements of ethnic Evenks' culture.

© 2009

Т.Д. Булгакова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ NEWREL О СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИЯХ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Доклад посвящен характеристике постсоветской религиозной ситуации в различных регионах Сибири и Дальнего Востока России. Автор дает оценку традиционным религиям (шаманизм или православие), а также новым формам христианских конфессий, неошаманизму и современным формам оккультизма. Сложное переплетение различных религионзных и квазирелигиозных течений во многом определяет современные этнокультурные процессы у народов Арктики и влияет на их идентификацию.

Ключевые слова: этнология, религия, Сибирь, Дальний Восток.

Международный проект NEWREL объединяет исследователей из США, Ирландии, Франции, Финляндии, Эстонии, России и исследует постсоветскую религиозную ситуацию в различных регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Участников NEWREL-а интересовали религиозные предпочтения преимущественно (но не исключительно) коренных жителей этих регионов. Исследовались не только традиционные, имеющие давнюю историю в этих местах, религии (не только, например, шаманизм или православие), но также, и в первую очередь, новые для населения этих мест религии, например, различные формы христианских конфессий, впервые пришедшие в эти места, неошаманизм и другие виды неотрадиционализма, а также современные формы оккультизма. Исследования базировались как на опубликованных и архивных источниках, так и, в первую очередь, на данных собственной продолжительной полевой работы каждого из участников проекта.

Согласно результатам исследования, основные направления перемен, происшедших в последние годы в религиозной жизни представителей коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока замечены, во-первых, в большом значении нерелигиозной мотивации при выборе религии, во-вторых, в тенденции к смешению элементов разных религиозных и квазирелигиозных мировоззренческих систем, и, в-третьих, в активном росте интереса к современным вариантам оккультизма и нью-эйджа, примешивавшимся практически ко всем возрождаемым или вновь принимаемым религиям.

Нерелигиозная мотивация при выборе религии сказывается, например, в том, что в контексте активных постперестроечных политических, социальных и экономических перемен стимулом к выбору той или иной религии становятся представления о соотношении религиозного и этнического самосознания: например, православие только для русских. В данном контексте особенно интересным оказывается исследование А. Леете и К. Пирет о коми приходе православной церкви в Усть-Куломском районе республики Коми. Организация местными политиками движения по возрождению «местной, исконной» религии в своих интересах вдохновляет людей к определенной религиозной деятельности, часто, вопреки декларациям данных политиков, значительно отличающей-

ся от традиционной. Материальная помощь зарубежных миссионеров также становится нерелигиозным аргументом в выборе религии и т.п. (Проект П.Грэй и А. Антохин). Якутские музыканты, исполняющие так называемый шаманский рок и интервьюированные А. Венцелем, убеждены в том, что шаманизм является важной составляющей частью якутской культуры и необходимым средством противопоставления якутской культуры западной цивилизации.

В последние годы значительно более определенной стала тенденция к смешению элементов разных, и даже противоречивых, религиозных мировоззренческих систем, к сочетанию в практической религиозной деятельности того, что ранее казалось несовместимым. Так, представления о неопознанных летающих объектах становятся сейчас органичной частью возрождаемого нанайского шаманизма и неошаманизма (Т. Булгакова), а воссозданный недавно ительменский шаманский праздник Алхалалай включает в себя обряд «очищения от грехов», осознанно заимствованный из христианства (Исследование Д. Коестера и В. Петрашевой). Определенные черты корякского и чукотского традиционного семейного шаманизма неожиданным образом привносятся в охотно принимаемым коренным населением Чукотки и Камчатки протестантизм и реализуются в оригинальной форме так называемого «семейного христианства» (Проект П. Платтета и В. Вате).

Современные варианты оккультизма и нью эйджа настолько ярко заметны в возрождаемом шаманизме, что он перестает быть традиционным и приобретает новый облик, превращаясь фактически в неошаманизм. Традиционные для шаманизма идеи (дух, душа, кража духов) интерпретируются новыми шаманами при помощи модной сейчас терминологии: дух понимается как энергия, душа интерпретируется как аура, а кража духов становится вампиризмом и т.п. (А.-Л. Сиккала, Т. Булгакова). Оккультные представления обнаруживаются в идеях религиозной секты последователей Виссариона (А. Панченко, С. Штырков) и примешиваются к христианским идеям, воспринимаемым от активно работающих среди северян зарубежных миссионеров (Т. Вагграменко, В. Вате, В. Лаур, Е. Тулуз).

Богатый полевой материал, собранный участниками проекта NEWREL далеко не использован еще в подготовленных ими публикациях и может стать основной дальнейших интереснейших разысканий.

INTERNATIONAL PROJECT NEWREL ABOUT MODERN RELIGIONS OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST RUSSIA

T.D. Bulgakova

The paper is devoted to the characteristic of the post-Soviet religious situation in various regions of Siberia and the Far East to Russia. The author gives the appraisal to traditional religions (shamanism or Orthodoxy), and also to new forms of Christian faiths, neo shamanism and to modern occultism forms. The complex interlacing various religious and quasireligious currents in many respects defines modern ethnocultural processes at peoples of Arctic regions and influences their identification.

Keywords: ethnology, religion, Siberia, Far East.

© 2009

Е.В. Самушкина

ОБРАЗ ГЕРОЯ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ СИМВОЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Данный доклад посвящен оценке национальной идеологииреспублик Южной Сибири. В структуре современных этнополитических символов важное значение уделяется конструированию образа национального героя. В современный пантеон героев Саяно-Алтая входят мифические персонажи, реальные исторические деятели-полководцы и известный общественные деятели нового и новейшего времени. Предлагаемые символьной элитой маркеры способствуют формированию идентичностей различных уровней.

Ключевые слова: этнология, Алтай, Хакасия.

В структуре современной мифологизированной картины мира, сформулированной символьной элитой, важное значение уделяется конструированию образа национального героя. При этом в этнонациональном дискурсе можно выделить различные образы, связанные с общественным идеалом, в их числе: «типичные» представители сообщества, аккумулировавшие в себе качества, соответствующие автостереотипу, и исторические, или вымышленные герои, составляющие новый «сакрализованный пантеон».

В последнее десятилетие в Республике Алтай создается собирательный образ героя, отличившегося в борьбе за свободу и процветание своего народа и наделенного такими чертами характера, как мужество, стойкость, храбрость. Героями для национальной интеллигенции являются и мифический Сартакпай, и известный алтайский художник и общественный деятель Г.И. Гуркин. В версии творческих кругов, Горный Алтай населен людьми, хранящими во всей своей массе дух высокой нравственности, и из этого очага вполне может начаться очищение и возрождение народов сначала Азии, а потом и остального мира.

В рамках обращения к археологическим реалиям в Республике Алтай на рубеже веков конструируется мифологизированный персонаж, так называемая принцесса Укока. Этот образ появляется в этнонациональном дискурсе региона после археологических раскопок 1993 г. на плато Укок Кош-Агачского р-на РА, где в одном из курганов была найдена мумия женщины европеоидного облика, принадлежавшей к элитным слоям общества скотоводов-кочевников IV–III вв., к пазырыкской культуре скифского круга.

В ходе реинтерпретации археологических артефактов, все дальше уходящей от исторических реалий, в республиканской прессе появились различные трактовки этого феномена. Согласно первой версии, мумия — это «принцесса Укока» («Алтайская принцесса», «царица Укок», «ледяная принцесса», «принцесса Кыдын»); вторая — гласит, что знаменитая археологическая находка — это Очы Бала, легендарная богатырша — защитница алтайского народа.

Согласно трактовке, тиражируемой среди алтайцев, Очы Бала является предком алтайского народа. Один из лидеров современного Алтая Н. Шодоев так пишет про эпическую героиню: *«Ее зовут Очы Бала, и гробница ее считалась священным местом. Для наших предков Очы Бала святая, как Иисус Христос для христиан! Ее деяния воспеты в древних эпосах. Принцесса Очы Бала, словно Жанна д'Арк, возглавила поход на врагов. Она победила, но вскоре после битвы ее душа ушла в вечность. И Принцессу с почестями похоронили на плато Укок — в месте, которое, по древним поверьям, связывает Землю с Космосом. Ведь рядом, совсем рядом, Гималаи и легендарная Шамбала. Все эти века ее дух оберегал наш народ»*.

В публикациях дается подробное описание «алтайской принцессы», якобы составленное шаманами при мистическом общении с ней. С образом «принцессы» на Алтае связывают апокалиптические сюжеты. Среди местного населения бытует мнение, что археологические раскопки, в результате которых была потревожена «принцесса Укок», привели к катаклизмам экономического и природного характера. Объявляется, что залогом успешного развития республики в будущем может стать возвращение знаменитой мумии на место захоронения или на территорию Республики Алтай, в Республиканский краеведческий музей им. В.А. Анохина. В периодической печати Республики Алтай появляются письма, подписанные местными жителями, с просьбой вернуть священную реликвию алтайского народа на место упокоения.

Причиной очередного всплеска интереса к «эпической героине» стало землетрясение 2003 г., произошедшее в Кош-Агачском р-не РА. Во всех вариантах посланий звучит требование водворить «принцессу» на место для стабилизации обстановки. Авторы обращений повторяют ставшие расхожими рассуждения о родстве алтайцев с «принцессой Укока» и отмечают, что образ женщины слился в сознании с эпической героиней Очы Бала: *«...Мы, жители Республики Алтай, обращаемся к вам просьбой о скорейшем решении вопроса возвращения известной женской мумии — «принцессы Укока»... мы считаем, что мумия «принцессы с плато Укок», которая слилась с образом эпической защитницы алтайского народа Очы Бала, должна быть не только возвращена на родную землю, но и захоронена на том же месте с соблюдением всех правил захоронения древности, то есть, учитывая фактор благоприятного времени года. Мы считаем, что на месте захоронения должна быть сооружена стела, а рядом установлена доска с краткой информацией об этом месте на алтайском, русском, английском языках. Это событие вызвало бы большое уважение к руководителям Республики Алтай.*

Мы много общаемся с людьми Горного Алтая, и они жалуются, что вера народа Алтая не уважается. Многие говорят: «Мы с уважением относимся ко всем религиям, но почему не уважают веру наших предков, которые не строили храмов, считая священными горы, реки Алтая? Плато Укок всегда было для нас священным, и люди не нарушали покой тех, кто лежит там. Захоронение «принцессы Укока» — это не только религиозное и духовное, но и культурно-историческое наследие всех народов Алтая. Многие духовные лидеры Алтая связывают болезни, бедствия в республике именно с раскопкой и вывозом «принцессы» за пределы Алтая. Возвращение мумии «принцессы Укока» будет означать победу всех жителей Республики Алтай».

Показательной в смысле конструирования образа национальной героини

является статья, появившаяся в 2004 г. в газете «Постскриптум». Автор проводит идею о том, что «принцесса Укок» является матерью всего Алтая. Для доказательства тезиса он приводит рассказ пожилой женщины, которой явилась женщина в белых одеждах. Эта загадочная гостья и была мифической героиней. «Принцесса» сказала, что ее разлучили с сыном, но она возвращается к нему. Далее в крайне эмоциональной форме автор статьи требует перезахоронить мумию женщины в священном месте, откуда она была вывезена. Стихотворный финал имеет провиденциальный характер. В данной статье аккумулировались образы, создаваемые алтайской символьной элитой на протяжении 1990-х гг. Сакральность образа «принцессы» определяется ее принадлежностью земле Алтая.

Образ легендарной воительницы широко тиражируется в культурном пространстве РА. Так, например, силами Национального театра Республики Алтай был поставлен спектакль «Байлыгым» («Достояние»). Одной из его героинь является «принцесса Укок», которая по сюжету приветствует людей верхнего и подземного мира, запада и востока, объединяя мироздание.

Так же этот образ используется при организации Эл Ойына — государственного праздника Республики Алтай. В праздничной мистерии, сопровождавшей открытие праздника в с. Кокоря Кош-Агачского р-на РА в 2000 г., Очы Бала — прародительница восстала от долгого сна, чтобы спасти свой Алтай от сил зла, захлестнувших его. В 2006 г. Эл Ойын был посвящен 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Тогда тема героического прошлого, скифских корней стала одной из главных в его сценарии. На второй день во время проведения конкурса костюмов «Семья крепка традициями» Очы Бала со свитой в стилизованных под археологическую древность костюмах открывали дефиле праздника. В лавке мастеров продавались различные изделия с ее изображением. Гостям праздника также предлагались медальоны с изображением Императрицы Елизаветы Петровны и «скифской принцессы».

В Республике Хакасии процесс конструирования национальных символов идет также интенсивно: создается собирательный образ героя — богатыря-хакаса, погибшего в неравной борьбе за свободу и независимость своего народа. Таким героем для населения Хакасии становится Барс-бек — один из первых правителей средневековой Хакасии, погибший в борьбе с армией Тоньюка в 711 г.

Восстанавливается образ Барс-бека по историческим источникам; он характеризуется как выдающийся политический деятель, благодаря которому государство кыргызов обрело свою мощъ. Предлагается версия, согласно которой происхождение Барс-бека ведется от древней правящей кыргызской династии; утверждается, что род его находился под покровительством богини Умай-Эне, а члены рода имели редкий титул — Умай-бек.

Кодификация образа Барс-бека связана с включением его в структуру политической мифологии и в новую мифоритуальную практику современной Хакасии. Примером этому может служить спектакль Хакасского национального драматического театра им. А. Топанова — «Слеза огня», главными действующими лицами которого являются Барс-бек и Кюль-Тегин. Спектакль поставлен на хакасском языке. Национальный дух театрального действия подчеркива-

ется традиционными костюмами и музыкой, ритуальными символами и обрядами, вплетенными в канву повествования.

Постановка подобного рода не единственная. В репертуаре национального драматического театра особое место занимают пьесы самобытных авторов, созданные по историческим мотивам. Яркими произведениями искусства, пользующимися популярностью среди зрителей Хакасии, являются спектакли: «Любовь Чингисхана», «Последний шаман». Они вызывают у хакасов чувство сопричастности к героической истории.

Сегодня творческая интеллигенция активно конструирует символы, связанные с героями прошлого, со священными историческими местами. Так, например, на страницах периодической печати РХ на протяжении 1990-х гг. обсуждаются предложения увековечить героическую историю хакасского народа, создав памятник героям народного эпоса «Алтын арыг»: *«Я понял,* — пишет один из читателей, — *что хакасский народ не ассимилировался с русскими, а сохранился в веках, передавая своим потомкам богатое историческое прошлое, в котором были и героические, и трагические страницы, как у каждого народа нашей родины. Предлагаю для увековечения героической истории хакасского народа создать на привокзальной площади города Абакана памятник героям народного эпоса «Алтын арыг». В этом выразится дружба народов, населяющих Хакасию, их уважение к древней земле, где они живут уже на протяжении нескольких поколений»*.

Примером синтеза новых этнонациональных символов служит День возрождения государственности Хакасии и памяти предков, предложенный этнографом В.Я. Бутанаевым. Название нового праздника, по замыслу В.Я. Бутанаева, происходит от имени мифического Хоорай-хана — последнего легендарного правителя Хакасии, останки которого покоятся, якобы, на горе Хансын, в верховьях Абакана. Конструируется миф, согласно которому Хоорай-хан в последний день мира придет к хакасам и спасет свой народ от гибели.

Общественное моление Ада-Хоорай — это поклонение родной земле и предкам. Место его проведения выбрано на священном перевале Уйтаг. Здесь в честь предков был поставлен пятиметровый обелиск «козее», вверху которого вырезаны личина и солярный знак. На нем запечатлены руническим письмом с транскрипцией на русской графике имена легендарных предков, павших в борьбе за независимость своей родины.

Одним из первых среди них идет имя Барс-бека. Среди исторических личностей упоминаются князья Алдайар, Оребе, Дигин и Идей-Генал, вступившие в неравную борьбу против монгольских полчищ в 1207 г. В эпоху позднего средневековья за свободу Хакасии сложили свои головы князья Иренак, Шанды, Мерген. Заканчивается список фамилиями людей, погибших в годы сталинских репрессий. По хакасской традиции почитания солнечного светила, обелиск повернут личиной на восход.

По замыслу творческой интеллигенции, общественное моление Ада-Хоорай должно служить объединению этноса, рождению чувства сопричастности героическому прошлому и первопредкам. Впервые ритуал был проведен 3 августа 1991 г. в день обретения Хакасией государственности. Его пафосное содержание чрезвычайно сильно повлияло на рядовых участников. В периодической печати республики того времени можно было найти множество восторженных

откликов: *«Действительно, народ, прошедший столько испытаний, достоин называться богатырем-алыпом и достоин такого праздника. Прекрасный обряд поклонения родной земле и предкам своим, возрожденный на этом празднике в честь провозглашения Хакасии республикой, останется в памяти участников надолго. Он взволновал души и помог каждому почти осязаемо ощутить свое единение с народом, осознать, что обязан вложить собственную каплю труда для продолжения столь богатой событиями истории своего народа, поднять его культуру на новую высоту — принять эстафету от своих предков»*.

А вот еще одно крайне эмоциональное высказывание по поводу прошедшего моления: *«Впереди, в начале процессии, билось на ветру, словно пойманная птица, зеленое знамя цвета молодой степной травы с золотым солнцем посередине стяга. И шли следом мужчины в улдурбэ — красных повязках с орлиными перьями и с сине-белыми ленточками — чалама. Ученые утверждают, что этот весьма эффектный головной убор, как бы передающий носящему его мужчине качества самой могучей и мудрой птицы — беркута, пронесенный через тысячелетия, был сохранен лишь хакасами. И глядя на развивающиеся перья улдурбэ, казалось, что это невиданные крылатые люди, которые не идут, а парят, поднимаясь в гору. ... Почему, когда мы вспоминаем ушедших от нас в путь без обратного конца, мы смотрим на небо? Я поняла это здесь. Стоило поднять глаза, как казалось, что оттуда, с невидимых высот, смотрят на собравшихся внизу души великих вождей и знаменитых людей — предков хакасского народа, чьи имена упоминались в молитвах и вырезаны на памятнике. Они отдали свою жизнь за прекрасную землю. И за то, их потомки, собравшиеся на моление, приносили свою жертву и слова благодарности. Они в следующем году снова поднимутся на гору, чтобы отдать дань памяти своим великим предкам и вознести благодарность земле. Буду там и я. Потому что помню, что среди ленточек-чалама, завязанных на коновязи и на шестах обаа, есть и мои. Потому что верю, что пока пустые глазницы «козее» смотрят на восток — новый день придет»*.

Наряду с образом мифического Хоорай-хана и первого хакасского князя Барс-бека усилиями творческой элиты актуализируется образ еще одного легендарного героя и исторического деятеля — князя Еренака. В Предисловие к книге «Сказания о великом хакасском князе Еренаке» известный хакасский историк и этнограф В. Я. Бутанаев начинает с эпиграфа — «Памяти национальных героев Хакасии».

Еренак описывается как выдающийся полководец и политический деятель. Именно с ним В. Я. Бутанаев связывает «исход борьбы с монголо-джунгарскими ханствами и присоединение Хакасско-Минусинского края к России». По мысли ученого, Еренак оставил самый заметный след в памяти хакасского народа, который с почтением произносит его титул — Оджен-бег. Он, согласно предлагаемой версии, по праву числится национальным героем народа. Хакасы, как считает В.Я. Бутанаев, выделяют в истории Хонгорая особую эпоху «Очен пит тузы», время Оджен-бега, когда зародилась основа их этнической общности. Предание об Оджен-беге повествует о трагической судьбе национального героя и переломном моменте в истории хакасского народа в период присоединения Хакасии к России.

Давая исторический портрет национального героя, ученый подробно описывает военные таланты Еренака, отмечает, что хакасский князь вел успешные военные дейст-

вия и выступал во взаимоотношении с русскими властями как равноправный политический партнер. Согласно реконструкциям В.Я. Бутанаева, князь Еренак внес вклад и в развитие культуры хакасского народа. Например, создал семиструнный чатхан: *«Согласно сведениям легенды «Оджен-бег», самый распространенный хакасский музыкальный инструмент чатхан и манера исполнения героических сказаний горловым пением (хаем) сохранились от енисейских кыргызов. Горловое пение хай является характерным видом песенной культуры хакасов и обязательно сопровождается игрой на чатхане»*.

Великий хакасский князь Еренак способствовал государственной консолидации Хонгорая. После его гибели, как пишет хакасский ученый, государственное образование было включено в состав России, а «черноголовый народ с глазами спелой черемухи» стал подданным Белого хана. Подобная оценка, опираясь на интерпретацию нарратива, ориентируется на политические и социокультурные реалии и выходит на уровень квазиисторических обобщений. Частные сюжеты приобретают эпохальный размах, а исторический персонаж — черты героя-первопредка.

В ситуации трансформации ценностей творческая интеллигенция республик Алтай и Хакасия предлагает новую систему этнонациональных символов. В сознании местного населения региона эти символы связывают древнее и современное сообщество. Актуализация архаики в массовом сознании способствует размыванию или сужению сферы рационального, усиливает воздействие иррациональности и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности.

IMAGE OF THE HERO IN ETHNOHISTORICAL CONCEPTS SYMBOLICAL ELITE REPUBLICS ALTAIS AND REPUBLICS KHAKASSIAS

E.V. Samushkina

The paper is devoted to estimation of national ideology ofrepublics of Southern Siberia. In structure of modern ethnopolitical symbols the great value is given designing of an image of the national hero. Mythical characters, real historical figures — commanders and some known public figures of new and newest time enter the modern pantheon of heroes of Saiano-Altai and. Markers offered by symbolical elite promote formation identitieies at various levels.

Keywords: ethnology, Altai, Khakasia.

© 2009

Х.О. Хабек, П. Витебски, Ж. Комарофф,
А. Костопулос, Ф. Наварете

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ И ИХ ВКЛАД В ГЛОБАЛЬНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ: ПОПЫТКА ОЦЕНИТЬ СОВРЕМЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Доклад представляет собой оценку современного положения и роли антропологии Севера как особой области исследований, описывает её тематические недостатки и потенциал в качестве глобальной дисциплины. Подчеркивая традиционный характер этнографии Севера, авторы считают необходимым осуществление исследований с привлечением социологии, политических наук, экономики и проч.. При условии широкой интеграции антропологические исследования на Севере могут быть реально инновационными. Это позволит им стать важной частью глобального культурного диалога.

Ключевые слова: этнология, Север.

Примерно сто лет назад Арктика была площадкой крупномасштабных, плодотворных сравнительных антропологических изысканий. Самым ярким примером этого является экспедиция по побережьям северной части Тихого океана под руководством Боаса. В ней участвовал Богораз В. Г., Штернберг Л.Я. — учёные, которые в дальнейшем заложили основу советской этнографии. Однако антропология Севера последовательно отдалялась от основного русла дисциплины. Нам думается, что это произошло в первую очередь потому, что другие части света находились на различных стадиях деколонизации, тогда как Крайний Север оставался внутренней колонией нескольких государств. Примерно с конца 1920-х гг. этнографы, антропологи и другие учёные, работавшие в Арктике, сталкивались с тем, что мы называем «backyard-ism» (восприятие Севера как задворок государства, исходя из главенствующей роли центра), наряду с возрастающим политическим дроблением приполярного региона. Начались расхождения в исследовательских приоритетах, теоретических основах и в условиях работы. Советская этнография развивалась в строгих рамках теории эволюции и применялась исключительно в соответствии с данной теорией вплоть до 1980-х гг. Изучались и обсуждались советскими этнографами именно те «пережитки» традиционного уклада жизни, которые считались неприемлемыми при общегосударственном «прогрессивном» развитии. Политическая и экономическая интеграция северян с «задворок» была важнейшей задачей государства, и многие этнографы были непосредственно вовлечены в её решение. В других северных странах патернализм и модернизация также были очень сильны, но они базировались на иных политических принципах (например, на идеологии либерализма в Канаде и США или на идеологии всеобщего благосостояния скандинавского типа). Политика государств по отношению к населению, проживающему за Полярным кругом, заметно отличалась в то время,

так же, как и сегодня. При этом важно отметить то, что исследования Заполярья всегда должны были отвечать идеологии и политике соответствующего государства, и рассматривались как его внутреннее дело.

Эта изоляция существовала вплоть до 1980-х — 1990-х гг., когда произошёл прорыв, приведший к окончанию Холодной войны, совпавший с возросшим научным и общественным интересом к экологическим (в особенности, климатическим) изменениям. В значительной мере этот интерес стал основой возросшего финансирования научных проектов в Арктике. Вследствие изменений геополитической обстановки и значения Арктики, актуализировались политические дебаты о добыче полезных ископаемых, выросло международное внимание к коренному населению и признание его интересов, особенно в 1990–2000-х гг.

Многим учёным, работающим в других частях света, Север может видеться чем-то особенным и экзотическим. Такое восприятие (Севера как особого региона) опирается на предположении большинства жителей умеренных климатических зон, что полярные районы в основном необитаемы. Образ *Антарктики*, созданный в научной литературе и СМИ, сильно влияет на общественное восприятия противоположного полярного региона — Арктики. Антарктика представляется нам нетронутой и хрупкой, нуждающейся в защите от человеческого вмешательства. Таким же образом и Арктика представляет собой легкоуязвимую климатическую зону. Складывалась патерналистическая идея, что аборигенное население, как и редкие виды животных и растений, чувствительны к любым изменениям, поэтому им необходима защита, чтобы сохранить биологическое и культурное разнообразие мира.

Поэтому у изучающих Север антропологов развивалось особое отношение с другими дисциплинами: антропология Севера более тесно связана с науками об окружающей среде и медико-биологическими науками, чем другие региональные направления антропологии. В результате этой связи появились определенные темы и проблемы, в которых антропология Севера действительно занимает ведущие позиции и имеет инновационный характер. Сюда входят, к примеру, вопросы природопользования, взаимоотношения человека и животных, долгосрочная экологическая археология. Связи с другими дисциплинами, особенно с юриспруденцией и социологией, развивались менее интенсивно. В результате своей сильной связи с экологическими и медико-биологическими науками, антропология Севера заметно отличается от антропологического ракурса, присущего другим исследуемым регионам. Антропологические дискуссии об Африке, например, находятся в более тесном диалоге с социологией, политологией и экономикой. Следует отметить, что изучение политических движений коренного населения является редким, но успешным случаем диалога между антропологией Севера и политологией.

Итак, в антропологии Севера пока очень редко встречаются исследования, посвященные вопросам глобальных экономических течений и рынков, рынков и условий труда, государственности и осуществления государственного контроля, взаимоотношений между государством и его субъектами-гражданами — все это теоретизировано в значительно меньшей степени, чем в антропологических исследованиях Южной Азии, Африки и Америки. Нам думается, что антропо-

логия Севера должна стать открытой более широкому спектру социальных дисциплин, а именно, политической теории и экономической теории (в том числе и теории глобализации). По всей видимости, антропология Севера не в состоянии достоверно описать ситуацию внутренней колонии региона и её населения, просто потому, что она сама как дисциплина пока не преодолела рамки характерного для внутренней колонии дискурса.

Наша цель — призвать антропологов, работающих на Севере, проводить более разнообразные исследования данного региона, вглядываясь за пределы Арктики для того, чтобы тематически расширить изучение района. Нужны более тесные связи с социологией, политическими науками, экономикой, историей, литературоведением. Вместе с тем, мы приглашаем других антропологов (и представителей других социальных наук) обратить больше внимания на антропологию Севера и воспользоваться её самыми передовыми методологическими подходами, концепциями и результатами (иными словами, воспользоваться преимуществами её сильных сторон). Анализ сильных и слабых мест позволит нам определить будущие возможности и сферы изучения, а именно, те области, где антропологические исследования на Севере могут быть реально инновационными, и стать важной частью глобального антропологического диалога.

ETHNOGRAPHIC RESEARCHES IN THE NORTH AND THEIR CONTRIBUTION TO GLOBAL ANTHROPOLOGY: ATTEMPT TO ESTIMATE THE MODERN SITUATION

H.O. Habek, P. Vitebski, Z. Komaroff, A. Kostopulos, F. Navarete

The paper represents estimation of modern position and a role of anthropology of the North as a special area of research, describes its thematic defects and potential as a global discipline. Emphasizing traditional character of ethnography of the North, the authors point at necessity of carring out the researches, engaging the services of sociology, political sciences, economy etc. Under condition of wide integration anthropological researches of the North can be really innovative. It will allow them to become the important part of global cultural dialogue.

Keywords: ethnology, North.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© 2009

Л.Д. Пылаева, М.Е. Пылаев

БАРОЧНАЯ РИТОРИКА МУЗЫКИ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЫКОВЕДОВ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ТРАДИЦИЙ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

В статье излагаются взгляды музыковедов Германии и США на проблему роли риторики для музыки, а также по вопросу взаимодействия традиций двух ведущих европейских музыкально-теоретических традиций - немецкой и французской. Уточняется значение и реальное содержание некоторых терминов и понятий, заимствованных музыкой у риторики. Специальное внимание уделено взглядам на данную проблематику видного немецкого музыковеда XX века К. Дальхауза.

Ключевые слова: искусствоведение, музыковедение.

Общеизвестно большое влияние, которое оказала музыкальная риторика на становление и развитие учения о музыкальной форме как самостоятельной области теории музыки. К ней закономерно привела эмансипация инструментальной музыки, начавшаяся в эпоху Нового времени. Данный процесс, протекавший достаточно сложно и непрямолинейно, долгое время был связан с проекцией вокальной музыки на инструментальную; благодаря присутствию слова здесь очевидным образом проявлялись отголоски риторики.

В зарубежном и отечественном музыкознании достаточно подробно изучено проявление риторики в музыке и ее влияние на зарождение феномена музыкальной формы в связи с композиторским творчеством и музыкально-теоретической мыслью в Германии XVII — первой половины XVIII века. Одна из причин заключается в том, что музыкально-теоретическая мысль в Германии в целом имела в Европе достаточно широкое распространение, отличалась стройностью и систематичностью изложения, полнотой охвата явлений музыкальной практики.

Однако некоторые исследователи[1] констатируют воздействие на немецкую музыкальную риторику со стороны музыкантов-теоретиков Франции. В XIX веке, когда сложилась классическая теория формы, французская традиция имела в Европе меньшее хождение, чем немецкая. Но всё же это никак не может быть поводом для недооценки роли, которую французская теоретическая мысль сыграла в предшествующие века. Даже будучи относительно изолированной, она имела свой индивидуальный взгляд на музыкальную практику, во многом отличный от суждений музыкантов-теоретиков в Германии, развива-

лась и была важной составной частью музыкальной теоретической мысли Западной Европы.

Как известно, риторика в эпоху барокко стремилась регламентировать все важнейшие этапы творческого процесса. Её применение к музыке, вероятно, можно усматривать в трех основных аспектах: теории диспозиции (как последовании и соотношении частей целого), учении о строении периода (как внутренней организации средних по масштабу разделов речи и музыкального произведения), а также учении о фигурах (музыкально-содержательных формулах, относящихся к самым мелким деталям музыкального высказывания)[2]. Во всех случаях европейские музыканты постоянно использовали терминологию античных авторов, и Франция XVII–XVIII вв. не была в этом плане исключением: широкое распространение идей античной музыкальной теории обуславливалось появлением французских переводов трудов по риторике, принадлежащих Аристотелю и Квинтилиану. Практика таких переводов была особенно активной начиная со второй половины XVII столетия[3].

В настоящей статье мы остановимся на среднем из обозначенных уровней — на феномене периода, который достаточно ярко демонстрирует особенности взаимодействия музыкального и риторического синтаксиса.

Что касается самого термина «период», то именно аристотелевское его толкование прослеживается в эпоху барокко у большинства французских музыкантов[4]. Так, М. Мерсенн, неизменно опиравшийся на античную терминологию, употреблял в своих работах термин «период» (в том же смысле, что и Аристотель) относительно строения мелодии, а его современник Ш. Массон — применительно к вокальной партии в air. Подчеркиваемые в аристотелевском определении законченность и целостность риторического периода, а также его структурная упорядоченность явственно прослеживаются в следующей рекомендации, сформулированной Массоном: «Когда пишешь вокальную партию для слов [on Chant], следует всегда стремиться к законченному смыслу, прежде чем начать делать повторения, т.е. не нужно прерывать вокальную партию до окончания фразы или полуфразы, пока не примешься повторять некоторые слова из текста этой фразы»[5].

Мы видим, что композитор представляет себе вокальное произведение как опирающееся на законченное словесное высказывание, близкое периоду. Это подтверждает и характеристика жанра air, данная Ж.-Ф. Мармонтелем в соответствующей статье «Энциклопедии» Д. Дидро:

«Air — период в музыке, у которого есть своя тема, свой план, своя целостность, свое единство, своя симметрия и часто также движение по кругу с возвращением к своему началу. Следовательно, air для музыки — то же, что период для красноречия [eloquentia], т.е. нечто такое, что является самым правильным, самым законченным, самым удовлетворительным для слуха»[6].

Немалую роль здесь играл сам текст — часто стихотворный. Поэтическое выступление во Франции приравнивалось к ораторскому, и к стихам предъявлялись в целом те же требования, что и к ораторской прозе или театральной декламации. Иными словами, стихотворение подчинялось законам построения риторического периода, и выражаться стихами во Франции было даже предпочтительнее, чем прозой. По этой причине период в музыке французских ав-

торов обладал характерностью и отличался известной смысловой тонкостью. В статье о теории музыкального синтаксиса[7] крупнейший немецкий ученый второй половины XX века К. Дальхауз поднимает проблему различия «поэтической» и «прозаической» речи в музыке. Не углубляясь в данный вопрос, заметим, что Л. Кириллина, отмечая важность указания Дальхауза, предлагает связать немецкую композиторскую традицию с прозаической трактовкой, а французскую — с поэтической[8].

Очевидно, что риторический период мог быть изложен как достаточно кратко, так и весьма развернуто. Интересное и важное наблюдение в этой связи находим у американской исследовательницы театральной музыки французского барокко П. Ранум: она считает, что содержание текста во французских airs находилось в прямой зависимости от количества куплетов в поэтическом периоде, иначе говоря — от масштабов стихотворного текста. Период из двух или трех куплетов склонен говорить о чем-то личном, из четырех-пяти — обычно выражает серьезные идеи, из семи-восьми — приближается к возвышенному, величественному. Только такие периоды обладают исключительным правом выражать возвышенные мысли, величественные утверждения или неподдельный пафос. Они есть целое, выражаемое группами слогов, фраз и периодов и стремящееся быть чем-то более внушительным, масштабным, чем обычные периоды[9].

Основание для своего утверждения П. Ранум находит в следующем замечании Рене Бари — видного представителя французской риторической традиции: «В ораторской речи периоды любого типа бывают либо краткими, либо средними, либо длинными. Краткие подходят для личного, средней длины пригодны для серьезного, а длинные — для грандиозного, величественного. Краткие периоды могут быть продолжительностью лишь в три слова (Мазер считает, что под словами в данном случае имеются в виду группы слов либо стихи из трёх стоп — Л.П., М.П.), но обычно они состоят из двух-трёх звеньев. Периоды средней длины часто содержат четыре-пять фраз, а длинные — почти всегда имеют семь или восемь»[10].

П. Ранум достаточно убедительно подтверждает предложенную ей иерархию масштабов композиции в зависимости от содержания поэтического текста на восемнадцати примерах, приведенных в упомянутой книге.

Французские музыканты устанавливали параллели не только между риторикой и *вокальной* музыкой: подобные попытки делались и в связи с *инструментальной* исполнительской и композиторской практикой. Здесь нельзя не назвать клавесиниста М. де Сен-Ламбера, который, будучи искусным исполнителем и заметным композитором своего времени, участвовал в написании нескольких риторических руководств и справочников[11].

Напомним известное высказывание из трактата Сен-Ламбера «Принципы игры на клавесине», в котором констатируется аналогия музыкальной композиции и ее структурных элементов риторическому высказыванию и его составляющим: «Музыкальное произведение отчасти походит на произведение ораторского искусства или, скорее, наоборот, образцы красноречия похожи на музыкальную пьесу, ибо гармония, ритм, такт, размер и другие подобные вещи, который соблюдает искусный оратор при сочинении своих произведений, при-

надлежат более музыке, нежели риторике. Подобно тому, как произведение ораторского искусства обычно состоит из нескольких частей и каждая часть состоит из периодов, имеющих свой законченный смысл (а эти периоды, в свою очередь, состоят из фраз, подразделяющихся на слова, слова — на буквы), точно так же музыкальное произведение состоит из реприз. Каждая реприза содержит каденции, составляющие периоды, имеющие законченный смысл, сами же каденции часто состоят из фраз (буквально — членов –members — И.Р.), фразы — из тактов, такты — из нот. Таким образом, ноты соответствуют буквам, такты — словам, каденции — периодам, репризы — частям, целое — целому»[12].

Очевидно, что рассуждения Сен-Ламбера еще далеки до имманентно-музыкальной трактовки периода, но все же следует помнить, что его знаменитый трактат вышел несколько ранее трудов по риторике музыки И. Маттезона — факт, позволяющий предположить влияние французского музыканта на немецкого.

Однако нужно иметь в виду, что у самих французов, наследие которых, безусловно, изучалось немцами, мы имеем дело еще не с теорией музыкальной формы как таковой, а с ее зарождением. В отличие от гармонии, контрапункта, акустики, у того же Мерсенна представления о музыкальной форме выглядят мало самостоятельными — термины, которыми оперирует автор знаменитой «Универсальной гармонии», пытаясь объяснить особенности музыкальной композиции, принадлежат смежным гуманитарным сферам — риторике, стихосложению, танцу, театру. Поэтому сам характер влияния французов на немецкую теорию проследить достаточно сложно. Логично будет предположить, что они могли стимулировать творчество авторов, подобных Маттезону, в общем плане — в том числе и относительно параллелей музыки с риторикой.

Важную информацию по поводу преемственности европейских национальных и локальных традиций в области музыкальной теории находим у К. Дальхауза, специально уделившему данной проблеме одну из глав «Истории музыкальной теории». Ученый отмечает, что хотя между XVI и XVIII веками роль ученой латинской традиции в теории музыки уменьшалась (так, фундаментальный труд Й. Фукса «Gradus ad Parnassum» в 1742 году был переведен на немецкий язык, в 1761 — на итальянский, в 1770 — на английский, в 1773 — на французский), данный тезис требует уточнения. Недостаточным является представление и об иерархии языков — в частности о том, что если книги немецких авторов не читались французами, то французские труды все же изучались немцами. Одна из основных мыслей Дальхауза такова: развитие теории музыки в контексте языковых границ и локальных традиций не являлось непрерывным процессом с преемственностью одних авторов по отношению к другим. Скорее можно констатировать, что точками соприкосновения более поздних и более ранних теорий продолжали оставаться несколько наиболее значительных трудов, созданных в разные десятилетия и даже столетия — такие, как учение о гармонии Рамо, трактат о контрапункте Фукса, труд Марпурга о фуге, а позднее — учение о музыкальной форме Маркса. Восприятие этих трудов было таким, как будто бы они только что возникли[13].

Процесс постепенной смены риторических категорий и терминов специфически музыкальными понятиями гармонии и тематизма ученый демонстрирует

на основе взглядов трех показательных для данного процесса фигур — И. Маттезона, И.Н. Форкеля и Г.К. Коха.

У Маттезона риторика выступила как самая старая схема для интерпретаций логики развертывания музыкальных событий. Скрытой предпосылкой здесь являлась мысль о том, что инструментальная музыка (пусть и в более слабом проявлении) представляла собой нечто похожее на вокальную. Такова была робкая гипотеза, пытавшаяся утвердить эстетическое право инструментальной музыки на существование[14].

Маттезон, называвший инструментальную музыку «звуковой речью» [Klangrede], пытался членить музыкальную форму по образцу судебной речи и применить к музыке синтаксические категории языка. Яркое противоречие, отмеченное Дальхаузом, состоит в том, что один и тот же музыкальный материал поочередно выступает здесь под разными названиями — как exordium, narratio, propositio, confirmatio, confutatio, peroratio[15].

И.Н. Форкель, посвятивший риторическому пониманию формы главу из своей «Всеобщей истории музыки», опирается на Маттезона, но не копирует его и фактически делает акцент *на обобщенном тематическом содержании развертывания музыки*.

Г.К. Кох, как известно, писал о «форме со знаками препинания» [interpunktische Form]. Согласно Дальхаузу, у Коха смысловое членение речи и разная весомость ее частей, передаваемые с помощью знаков препинания, могут быть применимы к музыке благодаря двум обстоятельствам: во-первых, аналогии знаков препинания в языке с совершенными и несовершенными кадансами, во-вторых — с их положением (близостью или удаленностью) по отношению к тонике.

В ряде трудов Дальхауз неизменно уделял внимание проблеме неадекватности теоретического отражения тех или иных сторон музыкальной практики. Так, например, термин «побочное построение» [Nebensatz] есть нечто такое, что нельзя объяснить ни как вариант, ни как контраст к главной мысли[16] (более новое учение о форме, обозначающее тематические элементы буквами и индексами, где a-a означает одинаковое, a_1-a_2 — сходное, a-b — различное, имеет тенденцию отождествлять различие и контраст, что есть недостаток). Фактически речь у Дальхауза идет о том, что более старая теория в некоторых отношениях оказывается более гибкой, что побуждает вновь возвращаться к ней и по-новому осмысливать.

Риторика сыграла, безусловно, важнейшую роль для становления и развития теории форм инструментальной музыки. Как мы пытались показать, К. Дальхауз, признававший важность категорий ораторской речи для музыки, критически высказывался по поводу чрезмерно прямолинейных аналогий музыки и риторики.

Выработка в инструментальной музыке Нового времени имманентно-музыкальных способов связи целого (гармония, тематизм, метр) означала уже не простое присоединение музыкально-синтаксических построений друг к другу (подобное логической и грамматической связи частей речи в тексте). И все же справедливый критический пафос не должен мешать осознанию того, что *для музыкантов барокко проекции словесной логики на музыкальную означали совсем*

иное по сравнению с музыкантами следующих эпох. Дело здесь не только в гораздо менее четкой конструктивной логике музыки барокко, несравнимой с музыкой второй половины XVIII века, но и в особой целостности художественной практики XVII — первой половины XVIII веков, теснейшем взаимопроникновении ее различных сфер. Подтверждением может служить тот факт, что не только риторика влияла на музыку: мыслители французского барокко недвусмысленно говорили и об обратной связи — о важности музыки для риторики. Предоставим слово М. Мерсенну: «Во-первых, прекрасное знание музыки может служить для произнесения слов — тем более, что она имеет дело с мерами времени и заставляет видеть, сколько можно или нужно произносить слов в промежуток времени. Во-вторых, музыка учит, с какого тона должна начинаться речь или каждый её период и как нужно повышать или понижать голос в каждом случае. В-третьих, она показывает, как нужно усиливать или ослаблять произнесение, ускорять или замедлять соответственно разному материалу, с которым имеют дело, и согласно разным душевным движениям, которые хотят пробудить у слушателей. В-четвёртых, она учит употреблять интервалы, которые свойственны каждому чувству, и ослаблять звучание голоса в каждом роде обращения, чтобы вызывать радость, грусть, злость, ненависть и другие чувства, которые служат для того, чтобы заставить слушателя следовать замыслу оратора»[17]. Спустя более чем полвека сходную мысль высказал и М. де Сен-Ламбер[18].

Приведенные высказывания, характеризующие, на наш взгляд, именно французскую традицию, лишний раз подтверждают неразрывность связи музыки и риторики в культуре барокко.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Среди них, например, Х. Шнайдер (*Schneider H.* Die französische Kompositionslehre in der ersten Hälfte des XVII. Tutzing, 1972), Х.-Х Унгер (*Unger H.-H.* Die Beziehungen zwischen Musik und Rhetorique im XVI–XVIII. Würzburg, 1941).
2. Мысль о проявлении риторики в названных трех аспектах, высказанная в более общем плане, принадлежит Ф. Ритцелю — автору содержательной книги об эволюции воззрений на сонатную форму в европейской музыкальной теории XVIII–XIX вв. — См. об этом: *Ritzel F.* Die Entwicklung der “Sonatenform” im musiktheoretischen Schrifttum des 18. und 19. Wiesbaden, 1969. S. 28.
3. Большое значение для французских теоретиков имел перевод знаменитой аристотелевской «Риторики», выполненный Франсуа Кассандром и опубликованный в 1654 году. Х. Шнайдер, пожалуй, наиболее подробно осветивший взгляды на композицию во французской музыкальной теории XVII века, указывает в связи с публикациями музыкально-теоретических трактатов античности во французских переводах на уточнение терминологии, касающейся строения мелодии, которое произошло, в частности, у М. Мерсенна. См. об этом: *Schneider.* Op. cit. S. 69, Quer. 64, 65.
4. Определение периода и его разъяснения самим Аристотелем содержится в девятой главе Третьей книги трактата «Риторика». См.: *Аристотель.* Поэтика. Риторика / Пер. Н. Платоновой. СПб., 2000. С. 286-289.
5. *Masson Ch.* Nouveau traité des règles pour la composition de la musique. Paris, 1705. P. 27. Цит. по: *Ranum P.* The harmonic orator. The phrasing and rhetoric of the melody in French baroque airs. Baltimore, 2001. P. 77.

6. *Marmontel J.-F.* Air // *Diderot D., Alembert J.* Le Rond d'. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1776. V. P. 68. 237b. Цит. по: *Ranum*. Op. cit. P. 77–78.
7. *Dahlhaus C.* Satz und Periode. Zur Theorie der musikalischen Syntax // Zeitschrift für Musikwissenschaft. H. 2. S. 16-26.
8. *Кириллина Л.* Западноевропейская теория музыки 2-й половины XVIII начала XX века // Музыкально-теоретические системы. М., 2006. С. 275.
9. *Ranum*. Op. cit. P. 79-81.
10. *Bary R.* La Rhetorique françoise. T. II Paris, 1659. P. 20.
11. На это указывается в уже упоминавшемся труде П. Ранум, хотя названий самих трудов здесь не представлены. См. *Ranum*. Op. cit. P. 86, note 2.
12. *Saint-Lambert. M. de.* Les Principes du clavecin. Paris, 1702. P. 14. Цит. по: *Розанов И.* Музыкально-риторические фигуры в клавирных трактатах Франции и Германии первой половины XVIII века // Музыкальная риторика и фортепианное искусство. Вып. 104. М., 1989. С. 33.
13. *Dahlhaus C.* Geschichte der Musiktheorie. Bd. 11. Die Musiktheorie im 18 und 19. Darmstadt, 1989.
14. *Dahlhaus*. Satz... S. 22-24.
15. *Mattheson J.* Der vollkommene Capellmeister. Hamburg, 1739. Nachdruck Kassel u. Basel, 1954. S. 235.
16. *Dahlhaus*. Satz... S. 22-24.
17. *Mersenne M.* Harmonie universelle. P., 1637. VIII. P. 4.
18. «Музыкальная пьеса немного походит на ораторское выступление (или произведение ораторского искусства — Une Piéce d'Eloquence), или, скорее даже ораторское произведение похоже на музыкальную пьесу, так как гармония, ораторское число (le nombre), метр (la mesure) и другие похожие вещи, которые соблюдает искусный оратор при составлении своей речи, более естественно принадлежат музыке, чем риторике». См.: *Saint-Lambert. M. de.* Les Principes du clavecin. Paris, 1702. P. 14. Цит по.: *Розанов*. Ук. соч. С. 33.

THE RHETORIC OF BAROQUE MUSIC IN THE VIEWS OF CONTEMPORARY FOREIGN MUSICOLOGISTS: ON THE INTERACTION OF FRENCH AND GERMAN TRADITIONS

L. Pylaeva, M. Pylaev

The article deals with the views of German and American musicologists on the problem of the role of rhetoric for music, as well as the question of interaction between French and German traditions in the European musical theory. The authors also specify the meaning and the actual content of some terms adopted by music from rhetoric. Special attention is paid to the views on this range of problems of well-known German musicologist of the 20th century Carl Dahlhaus.

Keywords: art criticism, German and American musicologist.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Г. И. ЛУЗЯНИНА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАНАДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НОВИСТИКИ»

(Магнитогорский государственный университет, 28 апреля 2009 г.)

3 февраля 2009 г. ушел из жизни основатель магнитогорской школы канадоведения, профессор кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, д-р ист. наук Геннадий Иванович Лузянин (1935-2009). В память об этом замечательном человеке и выдающемся ученом сотрудники Центра изучения истории Канады МаГУ 28 апреля провели международный научно-практический семинар «Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистики» и приурочили издание сборника статей с одноименным названием. Данные мероприятия стали возможными благодаря содействию Посольства Канады в РФ и Российского общества изучения Канады.

Семинар был открыт приветственными словами представителей принимающей стороны в лице ректора МаГУ д-ра техн. наук, проф. ***В.П. Семёнова***, первого проректора и проректора по науке д-ра пед. наук, проф. ***З.М. Уметбаева***, декана исторического факультета д-ра ист. наук, проф. ***М.Г. Абрамзона*** и заведующей кафедрой новой и новейшей истории д-ра ист. наук, проф. ***М.Н. Потёмкиной***. С ответными приветствиями выступили исполнительный директор РОИК ***В.И. Соколов*** и почетный гость семинара — второй секретарь Посольства Канады в РФ ***Николя Бруссо***. В своей речи он указал на большой потенциал развития российско-канадских отношений и информировал слушателей о том, какие возможности предлагает Посольство для проведения исследований по канадской проблематике.

Далее мужской хор исторического факультета исполнил государственные гимны Российской Федерации и Канады, после чего организаторы ознакомили присутствующих с тематической книжной выставкой и работой Центра изучения истории Канады при МаГУ. Старший лаборант ***С.А. Десяткова*** рассказала об истории создания Центра, его творческом коллективе, целях, задачах и формах научной деятельности, а также достигнутых за 6-летний период результатах. Для актуализации канадских исследований на Южном Урале руководителем Центра изучения истории Канады, доцентом кафедры новой и новейшей истории, канд. ист. наук ***А.Г. Ивановым*** был представлен доклад об основных направлениях сотрудничества Челябинской области и Канады в 1990-2000-х гг. Используя материалы региональной прессы, электронных информационных

ресурсов и другие источники, автор проанализировал историю совместных экономических проектов, рассмотрел механизмы функционирования канадских неправительственных организаций в Челябинской области, а также межвузовские связи. В рамках открытия семинара состоялись также пресс-конференция и мультимедийная презентация «Канада: путешествие через океан». Последняя знакомила аудиторию со страной кленового листа посредством визуальных образов и впечатлений ученых, побывавших там.

В соответствии с программой семинара была организована работа двух секций. На первой секции обсуждались проблемы канадской истории периода Нового времени. Декан исторического факультета Челябинского государственного университета, д-р ист. наук, проф. ***В.В. Грудзинский*** посвятил свое сообщение анализу взглядов известного канадского деятеля Джорджа Паркина на будущее доминиона и Британской империи. Проект Паркина, по словам докладчика, в полной мере отвечал требованиям модернизации империи и подразумевал ее преобразование в федерацию — союз Великобритании и автономий, основанный на англосаксонском родстве, отношениях равенства и партнерства, заинтересованности в совместной обороне. Темой доклада аспиранта кафедры всеобщей истории ЧелГУ ***И.М. Нохрина*** стали идеология и политическая практика организации «Канада прежде всего» в кон. 60-70-е гг. XIX в. Главную роль этого клуба автор видит в пропаганде идей единства Канады, в борьбе за развитие общеканадского национального самосознания в противовес настроениям регионализма, которые преобладали в обществе в первые десятилетия после образования конфедерации в 1867 г. Преподаватель общественных дисциплин Сибайского педагогического колледжа ***Р.Р. Бабичева*** выступила с сообщением об основных социально-экономических эффектах «золотой лихорадки» на Юконе (1897-1902 гг.). К их числу в частности, были отнесены: приток поселенцев и капиталов в неосвоенные районы, развитие инфраструктуры, транспорта, торговли и бизнеса, связанного с обслуживанием золотоискателей, проведение широкомасштабных геологоразведочных работ, раскрывших ресурсный потенциал Канады.

Во второй секции семинара прозвучали доклады по вопросам новейшей истории Канады. В своем сообщении известный канадовед, заведующий отделом Канады Института США и Канады РАН, исполнительный директор РОИК канд. экон. наук ***В.И. Соколов*** проследил важнейшие вехи эволюции политической системы страны кленового листа. Сквозь призму современных реалий автором были проанализированы этапы становления и развития ведущих партий, изменения их идейной платформы и электоральной базы, процессы регионализации, а также особенности функционирования исторически сложившейся в Канаде мажоритарной избирательной системы относительного большинства. Ассистент кафедры новой и новейшей истории МаГУ ***С.А. Десяткова*** рассказала о влиянии Второй мировой войны на движение канадских женщин за свои права и генезис их социального статуса в обществе. На базе архивных документов докладчица продемонстрировала подвиги канадок на фронте и в тылу, доказав, что их тяжелый труд в военно-медицинских службах, службах технического сопровождения регулярной армии, актуализировал гендерный вопрос в Канаде и стимулировал женщин активизировать свою борьбу за равноправие. С

докладом об общественных настроениях канадцев в связи с окончанием Второй мировой войны выступила заведующая кафедрой новой и новейшей истории МаГУ, д-р ист. наук, проф. ***М.Н. Потёмкина***. По ее словам, в первые послевоенные годы в канадском обществе наиболее обсуждаемыми были темы, связанные с массовым притоком иммигрантов, наказанием военных преступников, отменой ограничений военного времени, ростом безработицы и инфляции, а самыми распространенными ожиданиями — надежды на расширение социальных программ и совершенствование системы социальной помощи населению. Сообщение старшего преподавателя кафедры новой и новейшей истории МаГУ ***С.А. Селезнёвой*** было посвящено музыкальному дуэту канадских аборигенов «Каштин», который приобрел особую популярность в 1980-1990-х гг. Автор подчеркнула, что группе, совмещающей лучшие достижения традиционной и современной музыкальной культуры, через альбомы, саундтреки, клипы, документальные фильмы, удалось познакомить весь мир с духовным наследием индейцев Монтанье, а это в настоящее время стимулирует и другие коренные народы Канады расширить горизонты своего творчества. Студент V курса исторического факультета МаГУ ***А.В. Поляков*** в своем докладе об эволюции иммиграционной политики Канады в 1945-2001 гг. обратил внимание на существенный поворот канадского законодательства от принципов селекции иммигрантов по национальному признаку к практическим подходам, в которых решающим критерием выступают личные качества претендента.

Заочное участие в семинаре приняли ведущие отечественные исследователи канадской истории из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Саратова, Владимира и Уссурийска. Работы, присланные ими для публикации в сборнике статей, несомненно, украсят и обогатят его.

Предваряет это научное издание вступительная статья сына Г.И. Лузянина — известного ученого, заместителя директора Института Дальнего Востока РАН, д-ра ист. наук, проф. ***С.Г. Лузянина***. Вспоминая о жизненном и творческом пути отца, он рассказал о том, как талантливый выходец из иркутской глубинки учился, работал, целеустремленно шел к цели и достиг высокого профессионального уровня в фундаментальной науке.

Проблемы истории Канады раннего Нового времени нашли отражение в работе видного специалиста, профессора кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, д-р ист. наук ***Ю.Г. Акимова***. Автором рассматривается широкий круг вопросов, связанных с подписанием первых договоров о колониальных разделах, дипломатическими спорами европейских держав относительно территорий в Новом свете, их экспансионистскими планами в отношении Канады, а также с начальной историей исследования и освоения Северной Америки.

Тематика прозвучавших на семинаре докладов по истории доминиона в эпоху трансформации Британской империи получила развитие в двух научных сообщениях. Ассистент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Уссурийского государственного педагогического института, канд. ист. наук ***Е.С. Симоненко***, анализируя процесс интеграции Канады в систему коллективной морской обороны империи в кон. XIX — нач. XX вв., выделила три возможные модели взаимодействия метрополии и доминиона в этой сфе-

ре — англоцентрическую, транзитивную и полицентрическую и сделала вывод, что из-за противоречий в правительственных кругах по вопросу о строительстве флота и смены кабинетов Канада в преддверии Первой мировой войны не смогла реализовать ни одну из предложенных Великобританией моделей. Результаты своего исследования проблем самостоятельности канадской внешней политики в 20-е годы XX в. представила старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного гуманитарного университета, канд. ист. наук ***О.В. Захарова***. По ее мнению, в условиях, когда правительство Канады на имперских конференциях постоянно демонстрировало стремление определять внешнеполитический курс, исходя из интересов доминиона, британские парламентарии проявили готовность поддержать его борьбу за расширение суверенитета во внешней политике и перешли к стратегии деволюции.

К числу устойчивых историографических традиций можно отнести сохраняющийся интерес российских ученых к различным аспектам истории Канады периода Второй мировой войны. Это подтверждается и вышеупомянутыми социоментальными измерениями общества, и военно-исторической реконструкцией, предпринятой доцентом кафедры истории нового, новейшего времени и международных отношений Саратовского государственного университета, канд. ист. наук ***А.Н. Учаевым***. В своей работе об участии канадских летчиков-истребителей во Второй мировой войне он охарактеризовал специфику формирования ВВС доминиона, роль и эффективность пилотов на различных театрах военных действий, а также их наиболее важные победы.

Ряд научных трудов составил тематический раздел по политико-конституционной истории Канады. Актуальный вопрос о предпосылках формирования и альтернативах дуализма правовой системы Канады был поставлен в исследовании декана юридического факультета Брянского государственного университета, канд. ист. наук проф. ***С.А. Кокотова***. На пути решения этого вопроса автор проводит анализ дискуссий, имевших место в Квебеке до принятия Квебекского акта 1774 г., а также причин, по которым победила концепция сохранения в этой уже английской колонии французского права. Докторант СПбГУ, канд. ист. наук ***К.В. Минкова*** обратилась к изучению эволюции канадского федерализма и рассмотрела такие важнейшие сюжеты, как предпосылки образования федерации в Канаде, периодизация ее генезиса, концептуальные и конституционные основания, специфика и возможные варианты последующего развития. В сообщении доцента кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, канд. ист. наук ***А.Н. Комарова*** предпринимается компаративный анализ внутренней и внешней политики консервативных правительств Б. Малруни и С. Харпера с целью характеристики особенностей канадского консерватизма. Автор сравнивает участие консерваторов в избирательных кампаниях 1984, 2006 и 2008 гг., их подходы к решению франкоканадского вопроса и реализации внешней политики.

Важное место в отечественной исторической науке продолжает занимать проблематика дипломатических, торгово-экономических и этнокультурных связей России и Канады. Свидетельством тому может служить группа нижеследующих научных работ, в которых с очевидностью проявляется желание спе-

циалистов переосмыслить исторический опыт российско-канадского взаимодействия, что представляется весьма актуальным в связи с необходимостью выстраивать конструктивные двухсторонние отношения, лучше знать и понимать друг друга. Известный исследователь, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН д-р ист. наук ***В.А. Коленеко*** посвятил свой труд вопросам восприятия Канады в дореволюционной России (XIX — нач. XX вв.) и подробно отследил процесс формирования и динамического развития в российской периодике и общественном сознании геокультурных образов этой далекой северной страны. По словам ученого, в результате активного восприятия канадского опыта была выработана наиболее подходящая модель для общественно-политической модернизации России, которую с Канадой сближала не только природа, но и монархическая форма правления. История возвращения части канадских духоборов в Советскую Россию в 1920-е гг. освещается в работе адъюнкт-профессора департамента истории и классических наук Университета Альберты (г. Эдмонтон), доктора философии ***В.Е. Кукушкина***. Ему удалось показать, что переселившиеся в СССР духоборы очень скоро оказались разочарованы советской действительностью и решили вернуться обратно в Канаду, поскольку испытывали давление большевиков, которые, вопреки своим обещаниям, приступили к насильственной реорганизации духоборческих хозяйств и призыву молодежи в армию в 1927 г. Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского банковского института, канд. ист. наук ***Т.А. Щербина*** в своем сообщении проанализировала канадские трактовки методов и характера советской внешнеполитической стратегии 1946-1953 гг., сделав вывод, что политические деятели и дипломаты Канады были едины во мнении о необходимости сдерживания СССР и потому единодушно приняли американскую доктрину Трумэна, план Маршалла и поддержали создание НАТО.

Подводя итоги, можно сказать, что тематический диапазон представленных материалов в полной мере отражает состояние отечественной историографии по канадской проблематике и дает представление о приоритетных направлениях исследований. В заключение хотелось бы выразить благодарность всем авторам научных работ, высокий уровень которых был, пожалуй, лучшей данью памяти Геннадия Ивановича Лузянина.

А.Г. Иванов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Мария Валериевна — ст. преп. кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета, тел. 8 (3519) 41-90-50, e-mail: maria_art@inbox.ru

Борисова Елена Борисовна — к.ф.н., доц. кафедры английской филологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, тел. 8-927-208-64-92, e-mail: elenaborissova @ rambler.ru

Бадмаев Андрей Андреевич — к.и.н., с.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Бауло Аркадий Викторович — д.и.н., зам. директора Института археологии и этнографии СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Булгакова Татьяна Диомидовна — д.и.н., проф. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Бутова Анна Владимировна — ст. преп. кафедры иностранного языка Магнитогорского государственного университета, тел. 8-902-898 -98-57.

Бобий Татьяна Борисовна — асп. кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета, тел. 8-926-501-15-66, e-mail: jagoda@bk.ru

Васева Ольга Харитоновна — асс. кафедры культурологии и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета, тел. 8-904-948-10-00.

Ващева Ирина Юрьевна — к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: vasheva@mail.ru

Волжанина Елена Александровна — к.и.н., с.н.с. Института проблем освоения севера СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Головнёв Андрей Владимирович — д.и.н., чл.-корр. РАН, г.н.с. Института истории и археологии УрО РАН, проф. Уральского государственного университета им А.М. Горького, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Голубкова Ольга Владимировна — к.и.н., с.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Гуцалов Сергей Юрьевич — к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории и специальных исторических дисциплин Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: stepewolf_59@mail.ru

Данилов Евгений Сергеевич — к.и.н., асс. кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, тел. 8-910-826-85-89, e-mail: corax@76.ru

Доэль Рональд — доктор, проф. Национального университета Флориды, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Епимахов Андрей Владимирович — к.и.н., доц., с.н.с. Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, e-mail: eav74@rambler.ru

Жаровская Анна Николаевна — асс. кафедры всеобщей истории Ярославского Государственного университета им. П.Г. Демидова, e-mail: afroloff@ mail.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич — д.ф.н., проф., академик Международной академии наук педагогического образования, зав. кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, чл. Союза писателей России, чл. Союза журналистов России, тел. 8-909-315-63-54, 8-937-402-14-33, e-mail: ivb40@yandex.ru

Зарецкая Анна Николаевна — соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета, тел. 8-351-727-86-51
e-mail: azar9000@mail.ru

Зуев Андрей Сергеевич — д.и.н., проф. Новосибирского государственного университета, с.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Иванов Алексей Геннадьевич — к.и.н., доц. кафедры Новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, тел. 8-906-871-19-63, e-mail: a-ivanov@ mail.ru

Короткова Инна Петровна — ст. преп. кафедры лингвистики Московского государственного университета путей сообщения, 8 (495) 684-24-10, 684-24-12, e-mail: pk_miit@mail.ru

Комарова Екатерина Александровна — к.ф.н., доц. кафедры романской филологии и латинского языка Ивановского государственного университета, тел. 8-493-242-71-72.

Костюков Владимир Петрович — к.и.н., н.с. НИС ЧГПУ — научно-исследовательский сектор ЧГПУ, e-mail: vpk_home@mail.ru

Кузнецова Наталья Николаевна — к.ф.н., доц. кафедры современного русского языка Оренбургского государственного педагогического университета, тел. 8 (3532) 77-86-56, e-mail: Natlog65@mail.ru

Лавенто Мика — доктор, проф. университета Хельсинки, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Лайус Юлия Александровна — к.г.н., н.с. Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Ледовских Анна Юрьевна — к.и.н., доц. Новосибирского государственного педагогического университета, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Литягина Алла Владимировна — к.и.н., доц. Бийского государственного педагогического университета, тел. 8-905-083-72-81, e-mail: alityagina@yandex.ru

Мастыкова Анна Владимировна — к.и.н., с.н.с. отдела охранных раскопок Института Археологии РАН, тел. 8- 903 -781-80-86, e-mail: amastykova@mail.ru

Попов Александр Николаевич — к.и.н., зам. директора учебно-научного музея Дальневосточного государственного университета (ДВГУ), зав. музеем археологии и этнографии, тел. 8 (914) 79-14-679, e-mail: popov@museum.dvgu.ru

Пузанкова Светлана Николаевна — асс. кафедры культурологии Магнитогорского государственного технического университета, тел. 8-904-974-95-00.

Пылаева Лариса Дмитриевна — канд. искусствоведения, доц. кафедры музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, тел. 8-902-803-73-00, e-mail: pylaevm@mail.ru

Пылаев Михаил Евгеньевич — канд. искусствоведения, доц. кафедры методики гуманитарных дисциплин Пермского краевого института повышения квалификации работников образования, тел. 8-912-789-67-79, e-mail: pylaevm@mail.ru

Ремнёв Анатолий Викторович — д.и.н., проф. Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Самушкина Екатерина Викторовна — к.и.н., м.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Семенов Антон Александрович — асп. кафедры культурологии и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета, тел. 8-906-87-19-917.

Смирнов Станислав Викторович — асп. Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), http://www.igh.ru

Севастьянова Валерия Станиславовна — к.ф.н., доц. кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета, тел. 8-906-89-83-160, e-mail: valecele@ mail.ru

Толчев Иван Александрович — асп. Челябинского государственного университета, e-mail: itolchev@chelcom.ru

Трепавлов Вадим Винцерович — проф., д.и.н., г.н.с. Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Хабек Отто — доктор, директор Центра Исследования Сибири Института им. Макса Планка, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Харинский Артур Викторович — д.и.н., проф. Иркутского государственного университета, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

Храпунов Игорь Николаевич — д.и.н., председатель правления историко-археологического благотворительного фонда «Наследие тысячелетий», тел. +38 (0652) 23-03-64, e-mail: heritage@crimeagold.com.ua

Феклин Михаил Борисович — к.ф.н., доц. кафедры теории истории английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета, тел. 8-910-888-48-48, e-mail: feklin@sandy.ru

Чернин Владимир Константинович — к.п.н, доц. кафедры методики начального образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова, тел. 8-927-982-98-62, e-mail: filoloc@yandex.ru

Шауб Игорь Юрьевич — к.и.н., доц. кафедры истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ, e-mail: schaubigor@mail.ru

Шиловский Михаил Викторович — д.и.н, проф., г.н.с., зав. сектором истории второй половины XIX — нач. XX вв. Института истории ОИИФФ СО РАН, тел. 8 (383) 330-16-70, 330-05-37, e-mail: SIEM405@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК. РИМ

Смирнов С.В. (Москва) — Слоновые колесницы Антиоха IV 3
Жаровская А.Н. (Ярославль) — Отражение политических идеалов Марка Юния Брута на монетах его чеканки 9
Данилов Е.С. (Ярославль) — Римская военная разведка: speculatores 16
Ващева И.Ю. (Нижний Новгород) — Образы императоров в «Истории» Филосторгия 24

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Шауб И.Ю. (Санкт-Петербург) — Из истории исследования религиозной жизни Ольвии догетской эпохи 47
Храпунов Н.И. (Симферополь) — Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) . . 55

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Попов А.Н. (Владивосток) — Погребальные комплексы эпохи неолита и палеометалла в Приморье 83
Епимахов А.В. (Челябинск) — От археологии памятника к археологии социума: эпоха бронзы Южного Зауралья 92
Гуцалов С.Ю. (Орск) — О Центрально-азиатских культурных компонентах в погребениях кочевников Южного Приуралья III в. до н.э. 104
Мастыкова А.В. (Москва) — Социальная иерархия женского костюма протоадыгского населения Западного Предкавказья в эпоху Великого переселения народов 115

СРЕДНИЕ ВЕКА

Костюков В.П. (Новосибирск) — «Железные псы» Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) 126

ИСТОРИЯ РОССИИ

Толчев И.А. (Челябинск) — Религиоцентристский аспект в сочинениях Ивана Грозного (на примере первого послания Курбскому) 182
Литягина А.В. (Бийск) — Сословные ценности и нормы горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. 189

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Семенов А.А. (Магнитогорск) — Специфика комического у Лоренса Стерна 204
Васева О.Х. (Магнитогорск) — Культурный типаж «английский рыцарь» и его функции в романе У. Теккерея «История Генри Эсмонда» 211
Чернин В.К. (Ульяновск), *Жаткин Д.Н.* (Пенза) — «Смерть Артура» Альфреда Теннисона в переводческой интерпретации О.Н.Чюминой 218
Феклин М.Б. (Нижний Новгород) — «Пустые годы» переводчицы Констанс Гарнетт. 227
Комарова Е.А. (Иваново) — Функция литургии в хронотопе романа Ж.-К. Гюисманса «В пути» 235
Артамонова М.В. (Магнитогорск) — Особенности художественного мифологизма в романе Мэри Рено «Тесей» 241
Борисова Е.Б. (Самара) — Лингвопоэтически значимые средства создания образа персонажа в портретных описаниях 247
Пузанкова С.Н. (Магнитогорск) — Надписи 1762 года к гравюрному изображению Екатерины II: поэтика экфрасиса 254
Севастьянова В.С. (Магнитогорск) — «Символизм не-бытия» Андрея Белого 259
Бутова А.В. (Магнитогорск) — Н. Заболоцкий и поэты-обэриуты: искусство «фантастическое» или «реальное» 268
Бобий Т.Б. (Москва) — Возвращенное имя: С.Ф. Буданцев 274

ЛИНГВИСТИКА

Кузнецова Н.Н. (Оренбург) — Трансформация фразеологических единиц в поэтическом тексте как средство создания экспрессивности 283
Короткова И.Н. (Москва) — Роль языка в процессе познания 292
Зарецкая А.Н. (Челябинск) — «Mockumentary» как особая форма англоязычного кинодискурса 296

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный круглый стол
«Региональные факторы формирования демографических, этнических и социальных рисков развития человеческого потенциала» в рамках международного семинара
«Север и Юг: диалог культур и цивилизаций»
(14–16 мая 2009 г., Новосибирск)

Шиловский М.В. (Новосибирск) — Исторический опыт хозяйственного освоения Арктики в дореволюционной России и включение в него аборигенных этносов 303
Доэль Р.Э. (Флорида) — Военные интересы США в Арктике: возвращение к истории холодной войны 308
Лайус Ю.А. (Санкт-Петербург) — Льды на Севере и на Юге: Российские исследования Арктических и горных районов в свете международной кооперации 313
Головнёв А.В. (Екатеринбург) — Культуры больших пространств Северной Евразии 317

Лавенто М. (Хельсинки) — Саамская хижина в Ловозеро (Кольский полуостров): антропологический аспект 321
Бауло А.В. (Новосибирск) — Сокровища Востока на святилищах Севера 324
Голубкова О.В. (Новосибирск) — Этнокультурные традиции славянских и финно-угорских народов Урало-сибирского региона: новации и архетип 329
Зуев А.С. (Новосибирск) — Русские на Крайнем Северо-востоке Сибири в XVII — начале XX в.: от адаптации к изоляции и архаизации культуры 332
Трепавлов В.В. (Москва) — Миграции русских на восток в XVI–XVIII вв.: адаптация в инокультурной среде 338
Ремнев А.В. (Омск) — Имперская география азиатской России XIX — начала XX века: колонизация как «обрусение» 343
Ледовских А.Ю. (Новосибирск) — Сибирские «инородцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX — начало XX вв.) 347
Бадмаев А.А. (Новосибирск) — О межэтническом взаимодействии в культуре жизнеобеспечения бурят и русских в XIX в. 351
Волжанина Е.А. (Тюмень) — Современные этносоциальные процессы среди ненцев ямала в условиях промышленного освоения 355
Харинский А.В. (Иркутск) — Оленеводство в жизни северобайкальских эвенков в XX — начале XXI в. 359
Булгакова Т.Д. (Санкт-Петербург) — Международный проект newrel о современных религиях севера, Сибири и Дальнего Востока России 363
Самушкина Е.В. (Новосибирск) — Образ героя в этноисторических концепциях символьной элиты республики Алтай и республики Хакасия 365
Хабек Х.О. (Кэмбридж), *Витебски П., Комарофф Ж., Костопулос А., Наварете Ф.* (Халле) — Этнографические исследования на севере и их вклад в глобальную антропологию: попытка оценить современную ситуацию 371

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Пылаева Л.Д., Пылаев М.Е. (Пермь) — Барочная риторика музыки в оценке современных зарубежных музыковедов: к вопросу о взаимодействии традиций Франции и Германии . . 374

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иванов А.Г. (Магнитогорск) — Международный научно-практический семинар памяти профессора Г. И. Лузянина «Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистики» (Магнитогорский государственный университет, 28.04.09 г.). 381

Сведения об авторах 386

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

ANCIENT ORIENT. ROME

Smirnov S.V. (Moscow) — The Elephant Chariots of Antiochus IV. 3
Zharovskaja A.N. (Yaroslavl) — Reflection of Political Ideals of Marcus Junius Brutus in his Coinage 9
Danilov E.S. (Yaroslavl) — The Roman Military Reconnaissance Unit: Speculatores. 16
Vatshcheva I.Yu. (Nizhnij Novgorod) — Emperors' Images in Philostorgius' History 24

NORTH PRICHERNOMORJE

Shaub I.Yu. (St.-Petersburg) — To the History of the Studies of Olbian Religious Life in the PreGetic Epoch 47
Khrapunov N.I. (Simpheropol) — Coins from the Necropolis of Neyzats (1996–2008) 55

PREHISTORY

Popov A.H. (Vladivostok) — Funeral Complexes of Neolithic and "Paleometall" Age in the Primorsky Territory 83
Epimakhov A.V. (Chelyabinsk) — From Archaeology of a Site to Archaeology of Society: Bronze Age of Southern Zauralie 92
Gutsalov S.J. (Orsk) — On Central-Asian Cultural Components of Nomads' Burials in Southern Pre-ural of the 3rd century BC 104
Mastykova A.V. (Moscow) — Social Hierarchy of a Female Suit of the Pre-Adygei Population of the Western Predkaukazie during the Great Peoples Resettlement Epoch 115

MIDDLE AGES

Kostjukov V.P. (Novosibirsk) — "Iron Dogs" of Batuids (Shiban and his Descendants in Wars of the 13th century) 126

HISTORY OF RUSSIA

Tolchev I.A. (Chelyabinsk) — Religious aspect in Ivan IV Works (on the example of first message to Kurbskii) 182
Litjagina A.V. (Biisk) — Class values and norms of the townspeople of Western Siberia in second half of the 19th — the beginning of the 20th century 189

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

Semyonov A.A. (Magnitogorsk) — Lawrence Stern: Specificity of A Comic Hero 204
Vaseva O.H. (Magnitogorsk) — Cultural type "English knight ": functions in the novel "Henry Esmond's History" by W. Thackeray 211
Chernin V.K. (Ulyanovsk), *Zhatkin D.N.* (Penza) — Alfred Tennyson's "Morte d'Arthur" in O.N.Chumina's interpretation 218
Feklin M.B. (Nizhnij Novgorod) — Italian motifs in the Work of Henry James and I.S. Turgenev. . 227
Komarova E.A. (Ivanovo) — Liturgy's function in spatial and temporal structure of J.-K. Huysmans's novel "En Route" 235
Artamonov M.V. (Magnitogorsk) — Features of Artistic Mythology in the novel "Teseus"by Mary Reno 241
Borisova E.B. (Samara) — On Linguopoetic Means of Creating a Personage Image in Portrait Descriptions 247
Puzankova S.N. (Magnitogorsk) — Inscriptions of 1762 to Ekatherina II Engraving Image: Poetics of Ekphrasis 254
Sevastjanova V.S. (Magnitogorsk) — Andrey Belyi: "Symbolism of Nonexistence" 259
Butova A.V. (Magnitogorsk) — N. Zabolotsky and poets — Oberiutes: "Fantastic" or "Real" Art . . . 268
Bobij T.B. (Moscow) — The Returned Name: S.F. Budantsev. 274

LINGUISTICS

Kuznetsova N.N. (Orenburg) — Transformation of Phraseological units in Poetic Text As Means of Expressiveness 283
Korotkova I.P. (Moscow) — Role of language within process of perception 292
Zaretskaya A.N. (Chelyabinsk) — "Mockumentary" as a special genre of film discourse 296

CULTURE

ETHNOLOGY

DISCUSSIONS

International Round Table
"Region Factors of Forming of Demographic, Ethic and Social Risks of Human Potential Development". Papers of International Seminar "North and South: the Dialog of Cultures and Civilizations" (May, 14–16, 2009, Novosibirsk)

Shilovskiy M.V. (Novosibirsk) — Historical Experience of Economic Development of Arctic Regions in pre-revolutionary Russia and Inclusion of Native Ethnoses in it 303
Doel R.E. (Florida) — Military Interests of the USA in Arctic Regions: Back to the History of Cold War 308
Lajus Yu.A. (St.-Peterburg) — Ice in the North and in the South: the Russian Researches of the Arctic and Mountain Areas in View of the International Cooperation 313
Golovnyov A.V. (Ekaterinburg) — Cultures of the Big Spaces of Northern Eurasia. 317
Lavento M. (Helsinki) — Lappish Hut in Lovozero (the Kola Peninsula): Anthropological Aspect . 321
Baulo A.V. (Novosibirsk) — Treasures of the East on Sanctuaries of the North 324

Golubkova O.V. (Novosibirsk) — Ethnocultural Traditions of Slavic and Finno-Ugres peoples of Ural-Siberian Region: Innovations and the Archetype 329
Zuev A.S. (Novosibirsk) — Russian in Extreme Northeast of Siberia in the 17th — the beginning of the 20th century: From Adaptation to Isolation and Archaism of Cultures 332
Trepavlov V.V. (Moscow) — Migrations of Russian to the East in 17th – 18th centuries: Adaptation to Foreign Culture Environment 338
Remnev A.V. (Omsk) — Imperial Geography of the Asian Russia in the 19th — the beginning of the 20th century: Colonization as "Russifization" 343
Ledovskikh A.Yu. (Novosibirsk) — Siberian "Foreigners" in Historical Publicism (second half of the 19th — the beginning of the 20th century) 347
Badmaev A.A. (Novosibirsk) — About Interethnic Interaction in Culture of Life-support of the Buryat and Russian in the 19th century 351
Volzhanina E.A. (Tyumen) — Modern Ethnosocial Processes among Nenets of Yamal in Conditions of Industrial Development 355
Kharinskiy A.V. (Irkutsk) — Reindeer Breeding in Life of North Baikal Evenks in the 20th — the beginning of the 21st century 359
Bulgakova T.D. (St.-Petersburg) — International Project Newrel about Modern Religions of the North, Siberia and the Far East Russia 363
Samushkina E.V. (Novosibirsk) — Image of the Hero in Ethnohistorical Concepts Symbolical Elite Republics Altais and Republics Khakassias 365
Habek H.O., Vitebski P., Komaroff Z., Kostopulos A., Navarete F. (Halle, Cambridge) — Ethnographic Researches in the North and Their Contribution to Global Anthropology: Attempt to Estimate the Modern Situation 371

ART CRITICISM

Pylaeva L., Pylaev M. (Perm) — The Rhetoric of Baroque Music in the Views of Contemporary Foreign Musicologists: on the Interaction of French and German Traditions 374

SCIENTIFIC EVENTS

Ivanov A.G. (Magnitogorsk) — International Scientific Seminar in Memory of Professor G.I. Luzyanin "Actual Problems of Canadian History: Modern Approach of Russian Novistics". 381

Authors 386

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	—	Античный мир и археология. Саратов.
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВЛ	—	Вопросы литературы
ГИМ	—	Государственный исторический музей (Москва)
ИА РАН	—	Институт Археологии Российской Академии Наук
ИИМК РАН	—	Институт Истории Материальной Культуры Российской Академии Наук. Санкт-Петербург
ИПОС СО РАН	—	Институт проблем освоения Севера РАН (Тюмень)
КарГУ	—	Карагандинский государственный университет
МАИЭТ	—	Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НС	—	Нумизматика и сфрагистика
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
УрГУ	—	Уральский государственный университет (Свердловск, Екатеринбург)
УрО РАН	—	Уральское отделение Российской академии наук
ХСб	—	Херсонесский сборник
ЧГПУ	—	Челябинский государственный педагогический университет
AE	—	Jannée epigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives a santiquité romaine. Paris, 1888-1961.
ANRW	—	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin, New York.
BAR	—	British Archaeological Reports (Oxford)
BRI	—	Britanno-Roman Inscriptions. Toronto, London.
CAH	—	Cambridge ancient history. Cambridge.
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I-XVI. Leipzig, Berlin, 1862-1943.
CIRDR	—	Codex inscriptionum romanarum Danubii et Rheni. Seligenstadt, 1851.
JRS	—	Journal of Roman Studies. London.
RE	—	Pauly's Real-Encyclopдie der classischen Altertumwissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. Von G. Wissowa. Stuttgart, 1893-1980.
TAPA	—	Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Cleveland.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, а также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, ключевых слов, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М. Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. № 3. С. 221–232.

Псковские летописи. М.; Л., 1941. Т.1. С. 341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Пушкин А.С. Стихотворения Баратынского // ПСС. Л., 1948. Т. 11. С. 14.

Пигарев К.В. Баратынский. Предисловие к изд. // *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 7.

Чехов А.П. Драма на охоте // Собр. соч.: в 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 356.

Аннинский Л. Беседа о странностях истории // Родина. 2008. № 2. С. 18.

ЦДОООСО. Ф. 42. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

6. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен!

7. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия давать или в переводе, или с пояснением, а также имена на языке оригинала. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

8. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

9. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

10. Авторов просим сообщать следующие сведения: полное имя и отчество, день и год рождения, домашний и рабочий адрес, телефон и e-mail.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510.
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru.
Тел. (3519) 34-38-49.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (25). 2009

Сдано в набор 20.08.2009. Подписано в печать 16.11.09.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,3. Уч.-изд. л. 31,5.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

На 1 и 4 стр. обложки: Солид. Золото. Юстиниан I (527–565). Константинополь, 538–565 гг. Найден в Фанагории в 2006 г.